9(с)1
И-449

299231

313

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

Д. И.

ИЛОВАЙСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1859—1897.

Изъ русской исторіи и древностей ранняго періода.
Изъ исторіи и культуры Московскаго періода.
Изъ исторіи восемнадцатаго столѣтія.
Изъ девятнадцатаго вѣка и поминка о М. Н. Катковѣ.
Историческая и археологическая смѣсь.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержден. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собствен. домъ.
1897.

256 т.

299231

Пр. 2010

Пр. 1955 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

Д. И.

ИЛОВАЙСКАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1859—1897.

Изъ русской исторіи и древностей ранняго періода.

Изъ исторіи и культуры Московскаго періода.

Изъ исторіи восемнадцатаго столѣтія.

Изъ девятнадцатаго вѣка и поминка о М. Н. Катковѣ.

Историческая и археологическая смѣсь.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержден. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Ко,
Пименовская улица, собствен. домъ.
1897.

Уральский Госуниверситет Научная библиотека г. Свердловск
Библиотека Уральского Коммунистического университета
ПРОВЕРЕНО в 1987 г.

9(с)1
И 448

Настоящимъ сборникомъ историческихъ, критическихъ, библіографическихъ и археологическихъ статей, распредѣленныхъ по эпохамъ Русской исторіи, я полагаю вообще закончить подведеніе итоговъ своей научной и литературной дѣятельности, начатое еще въ 1884 году, по поводу истекшаго тогда ея двадцатипятилѣтія, изданіемъ нѣкоторыхъ моихъ историческихъ „Сочиненій“ (Рязанское княжество, Дашкова, Сиверсъ). Въ настоящее время она обнимаетъ уже свыше сорокалѣтія; тѣмъ естественнѣе является это заключительное подведеніе итоговъ того, что было напечатано мною помимо моего главнаго труда, т.-е. *Исторіи Россіи*, помимо монографіи о Гродненскомъ Сеймѣ, Разысканій о началѣ Руси и Очерковъ изъ Всеобщей исторіи. Этотъ сборникъ есть продолженіе собственно названнаго выше изданія историческихъ „Сочиненій“; потому онъ и обозначенъ „Второю частью“. Другія мои *Мелкія сочиненія*, относящіяся къ инымъ отдѣламъ литературы, преимущественно публицистическаго и полемическаго характера, изданы особо въ двухъ выпускахъ, въ 1888—1896 гг.

Немалыхъ усилій стоило разыскать собранныя въ сей книгѣ статьи, написанныя въ разныя эпохи и разсѣянныя по разнообразнымъ изданіямъ. Въ этомъ случаѣ я долженъ выразить благодарность извѣстному нашему библіографу Д. И. Языкову. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1884 годъ, въ январской книжкѣ, былъ помѣщенъ его обзоръ моей „учено-литературной дѣятельности“, съ приложеніемъ списка моихъ сочиненій. Этотъ списокъ значительно облегчилъ мнѣ ихъ собираніе. Но и затѣмъ пришлось вспоминать и разыскивать довольное количество статей и замѣтокъ, которыя не вошли въ данный списокъ или были написаны послѣ него. Наконецъ, кое-какія мелочи остались или не разысканными, или просто не внесенными въ данный сборникъ.

Я нисколько не обольщаюсь мыслью о существованіи какой-либо потребности въ моемъ сборникѣ, о возбужденіи какого-либо интереса къ нему въ современной печати и въ читающей публикѣ и менѣе всего разсчитываю на книжный рынокъ (о чемъ свидѣтельствуетъ и умѣренное количество выпускаемыхъ экземпляровъ). Нѣтъ, я просто собралъ свои мелкія историческія работы и замѣтки, заканчивая помянутое подведеніе итоговъ и полагая, что, кромѣ меня самого и послѣ меня, едва ли кто взялъ бы на себя эту неблагодарную задачу.

Д. И.

Москва, 1897, апрѣль.

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ
и
ДРЕВНОСТЕЙ
РАННЯГО ПЕРІОДА.

ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ И КАКЪ ОНА ВПЕРВЫЕ СОБРАЛАСЬ [1]).

Уже болѣе тысячелѣтія протекло съ весны 865 года, когда Русь напала на самый Константинополь, и тѣмъ громко заявила въ исторіи о своемъ существованіи, какъ народа сильнаго и воинственнаго, грознаго для сосѣдей, способнаго къ великимъ предпріятіямъ на сушѣ и на морѣ, имѣвшаго храбрыя, многочисленныя дружины, предводимыя ихъ прирожденными князьями. Нападеніе на Константинополь не было простымъ набѣгомъ хищниковъ и пиратовъ. Русь въ тѣ времена является народомъ не только воинственнымъ, но и торговымъ, посылавшимъ своихъ гостей въ сосѣднія страны. Поводомъ къ нападенію послужило неисполненіе Греками торговыхъ договоровъ съ Русью. До насъ дошли и самые образчики таковыхъ договоровъ, относящіеся къ началу X столѣтія (т. е. лѣтъ на сорокъ позднѣе помянутаго событія), заключенные, отъ имени великаго князя кіевскаго Олега и подручныхъ ему князей, боярами и гостями Кіева, Чернигова, Переяславля, Любеча и другихъ русскихъ городовъ.

Слѣдовательно, въ эту эпоху Русь выступаетъ на историческое поприще уже со всѣми главными признаками государственнаго быта, каковы: верховный князь съ подручными ему князьями, бояре, дружина, стольный городъ, торговля съ сосѣдями, опредѣленная письменными договорами, и пр.

Государственный бытъ—это такое сложное явленіе, требующее столькихъ условій для своего происхожденія и развитія, что народы обыкновенно пріобрѣтаютъ его вѣковыми усиліями и многимъ кровопроли-

---

[1]) Живописная Россія. Изд. Вольфа. Т. I. 1881 г.

тіемъ; при чемъ постепенно проходятъ разныя степени состоянія, начиная отъ полудикаго племеннаго быта, пока слагаются въ государство. Русскій народъ и Русское государство въ этомъ отношеніи не составляютъ никакого исключенія изъ общихъ историческихъ законовъ.

Спустя 26 лѣтъ отъ настоящаго момента, т. е. въ 1906 году *исполнится ровно двѣ тысячи лѣтъ* съ той поры, какъ Русское имя появилось на скрижаляхъ всемірной исторіи [1]).

Молодой понтійскій царь Митридатъ VI, впослѣдствіи знаменитый врагъ Римлянъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ царство Боспорское, и для защиты этого царства долженъ былъ вступить въ борьбу съ сосѣднимъ племенемъ Тавроскиѳовъ, которое соединилось тогда подъ властію царя Скилура и сильно тѣснило Боспоритовъ. Не смотря на свою многочисленность, безпорядочнымъ толпамъ варваровъ трудно было стоять противъ хорошо вооруженныхъ и устроенныхъ войскъ Понтійско-Боспорскаго государя. Старшій сынъ Скилура, Палакъ обратился за помощью къ скиѳосарматскому (вѣроятно родственному) племени *Роксоланъ* (или Россо-Аланъ), которое обитало въ степяхъ между Днѣпромъ и Дономъ и по берегамъ Меотійскаго озера (Азовскаго моря). Роксолане двинулись на помощь Тавроскиѳамъ въ числѣ 50,000 всадниковъ (число конечно преувеличенное); предводитель ихъ назывался *Тасій*. Но помощь ихъ не принесла побѣды Тавроскиѳамъ. Полководецъ Митридата, Діафанъ, начальствуя 6000 отборнаго войска, разбилъ Роксолановъ. Это событіе происходило въ 94 году до Р. Х. О немъ сообщаетъ извѣстный греческій писатель Страбонъ.

Младшій современникъ Страбона, знаменитый римскій историкъ Тацитъ повѣствуетъ о Роксоланахъ, что они въ числѣ 9000 конницы вторглись въ римскую подунайскую провинцію Мизію (нынѣ Болгарія), и уничтожили отрядъ римскаго войска; но когда они разсыпались по странѣ для грабежа, римскіе начальники ударили на нихъ съ своими легіонами и нанесли имъ пораженіе. Этому пораженію способствовала наступившая оттепель: кони Роксоланъ спотыкались, всадники падали и нелегко поднимались при своемъ довольно тяжеломъ вооруженіи (69 г. по Р. Х.). На основаніи обоихъ извѣстій, Страбона и Тацита, роксоланское воору-

---

[1]) А теперь (конецъ 1896 года) остается всего девять лѣтъ до истеченія двухтысячелѣтія. Пора бы любезнымъ соотечественникамъ подумать, чѣмъ можно его ознаменовать. Я предложилъ бы поставить памятникъ (хотя бы колонну) въ Керчи на вершинѣ Митридатовой горы, въ виду которой происходила описанная Страбономъ встрѣча Роксоланъ съ войскомъ понтійско-боспорскаго царя.

женіе составляли копье, лукъ, длинный мечъ, щитъ, плетеный изъ тростника, шлемъ и панцырь изъ воловьей кожи, а у знатныхъ людей встрѣчались панцыри изъ желѣзныхъ бляхъ. Какъ народъ, еще невышедшій тогда изъ кочевого быта, Роксолане конечно были попреимуществу конники и въ пѣшемъ бою не могли еще стоять противъ стройныхъ римскихъ легіоновъ, или грекопонтійской фаланги. Подобно другимъ кочевникамъ, они жили въ войлочныхъ кибиткахъ и занимались своими стадами, питаясь ихъ молокомъ, сыромъ и мясомъ, и передвигаясь постоянно на мѣста, богатыя пастбищами. Обыкновенно лѣтомъ они кочевали на степныхъ равнинахъ, а зимой приближались къ болотистымъ берегамъ Меотиды.

Въ такомъ видѣ наши предки впервые заявляютъ о своемъ существованіи приблизительно подъ своимъ собственнымъ именемъ.

Затѣмъ извѣстія о Роксоланахъ повторяются и въ послѣдующіе вѣка, благодаря въ особенности тому обстоятельству, что эти смѣлые наѣздники нерѣдко своими набѣгами тревожили предѣлы двухъ римскихъ придунайскихъ провинцій, Дакіи и Мизіи, чѣмъ заставляли говорить о себѣ латинскихъ и греческихъ писателей. Чтобы удержать варваровъ отъ набѣговъ, нѣкоторые императоры римскіе вступали въ договоры съ роксоланскими *князьями* и обязывались уплачивать имъ ежегодно опредѣленную сумму денегъ, причемъ брали ихъ сыновей къ себѣ въ заложники. Между прочимъ въ одной латинской надписи временъ императора Элія Адріана упоминается роксоланскій князь *Элій Распарасанъ*. Это (послѣ Тасія) и есть первое дошедшее до насъ русское княжеское имя древнѣйшей эпохи. Римское имя *Элій* онъ конечно принялъ въ честь императора Адріана, съ которымъ находился въ дружескихъ или союзныхъ отношеніяхъ. (Примѣры подобной именной прибавки встрѣчаемъ также у царей боспорскихъ Савроматской династіи).

Между тѣмъ въ первые вѣка по Рождествѣ Христовѣ, въ странѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ усиливается восточно-германское племя Готы и распространяетъ свое господство на многіе народы Скиѳіи. Въ IV вѣкѣ мы встрѣчаемъ Роксоланъ въ числѣ народовъ, которые платили дань готскому царю Германриху. Готскій историкъ, епископъ Іорнандъ (жившій въ VI вѣкѣ) изображаетъ Роксоланъ народомъ вѣроломнымъ, погубившимъ Германриха во время его борьбы съ страшными Гуннами. За измѣну одного роксоланскаго вельможи (повидимому передавшагося на сторону Гунновъ) готскій царь велѣлъ жену его *Санелу* привязать къ дикимъ конямъ и размыкать по полю; тогда два ея брата, *Сарусъ* и *Аммiусъ*, мстя за смерть сестры, нанесли тяжелую рану престарѣлому

Германриху; такъ что послѣ того онъ не могъ сражаться съ Гуннами и вскорѣ умеръ. Очень можетъ быть, что и самое движеніе Гунновъ изъ-за Дона произошло въ связи съ возстаніемъ Роксоланъ или славянской Руси противъ владычества нѣмецкихъ Готовъ.

Іорнандъ сообщаетъ извѣстіе о дальнѣйшей враждѣ Готовъ и Роксоланъ; только послѣднихъ, по всѣмъ признакамъ, онъ называетъ въ этомъ случаѣ Антами. Преемникъ Германриха, Винитаръ напалъ на Антовъ и былъ сначала побѣжденъ, но потомъ взялъ въ плѣнъ ихъ князя *Бокса*, и распялъ на крестѣ съ его сыновьями и семидесятью вельможами, которыхъ оставилъ висѣть на висѣлицѣ, чтобы навести страхъ на Антовъ. Очевидно, онъ мстилъ имъ за возстаніе противъ готскаго владычества и за союзъ съ Гуннами. Благодаря этой враждѣ двухъ главныхъ народовъ Понтійской Скиѳіи, царю Гунновъ Валаміру удалось потомъ побѣдить Винитара и подчинить себѣ часть Готовъ (именно Остготовъ); другая часть (Вестготы) поспѣшила уйти за Дунай, въ предѣлы Римской имперіи. (Имя антскаго князя Бокса весьма близко къ русскому имени, которое встрѣчается у насъ въ XI и XIII вв.: *Богша*. А помянутое выше женское роксоланское имя Санелга напоминаетъ позднѣйшее русское имя Ольга или *Елга*, какъ она называется въ византійскихъ извѣстіяхъ).

Господство Готовъ въ Скиѳіи смѣнилось на время господствомъ Гунновъ (племени, по всей вѣроятности, Славяноболгарскаго). Роксолане, безъ сомнѣнія, входили въ число народовъ, составлявшихъ царство Аттилы, а также принимавшихъ участіе въ его походахъ и завоеваніяхъ. Что Роксолане не остались чужды совершавшемуся въ тѣ времена движенію, извѣстному подъ именемъ «Великаго переселенія народовъ», на то указываетъ пропешедшее отъ ихъ имени названіе южнофранцузской провинціи *Руссильонъ;* очевидно, часть Роксоланъ, подобно другимъ германскимъ и славянскимъ народамъ, увлечена была гото-гуннскимъ движеніемъ на дальній западъ Европы.

Послѣ смерти Аттилы, когда держава его была разрушена возстаніями подчиненныхъ народовъ (во второй половинѣ V вѣка), Роксолане не только успѣли освободиться отъ гуннской зависимости, но и снова заняли первенствующее положеніе въ странахъ къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей; по крайней мѣрѣ, таково было ихъ положеніе въ VI вѣкѣ, судя по словамъ помянутаго Іорнанда.

Совокупность греко-латинскихъ извѣстій отъ I до VI вѣка включительно ясно указываетъ намъ на Роксоланъ какъ на сильный, многочисленный народъ, котораго средоточіемъ былъ Днѣпръ и котораго

отдѣльныя вѣтви простирались съ одной стороны до Азовскаго моря, а съ другой приблизительно до Днѣстра. Около эпохи Рождества Христова онъ находился еще на степени кочеваго или полукочеваго быта. Въ тѣ времена не только восточно-славянскія, но и восточно-германскія племена еще не вышли изъ этого быта; чѣмъ и объясняется великое переселеніе народовъ: такъ, напримѣръ, Готы отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря въ довольно короткое время передвинулись до крайнихъ предѣловъ югозападной Европы. Но въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ Роксоланское или Русское племя все болѣе и болѣе пріобрѣтало привычки быта осѣдлаго, сохраняя однако свой подвижный, предпріимчивый характеръ и охоту къ дальнимъ походамъ.

Тѣ же самыя извѣстія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о присутствіи у этого племени княжескаго достоинства и связаннаго съ нимъ знатнаго (боярскаго) сословія, которое отличалось на войнѣ болѣе богатымъ вооруженіемъ. Слѣдовательно *князь* и *дружина* — эти обычныя основы государственнаго строя—у Славянской Руси такъ же древни, какъ и у народовъ Германскаго корня.

Слѣдующіе затѣмъ вѣка VII и VIII суть самыя темныя по отношенію къ исторіи Восточной Европы. Источники за это время сообщаютъ о ней весьма мало свѣдѣній, при чемъ самое имя Роксоланъ скрывается болѣе подъ общими именами Скиѳовъ и Сарматъ. А между тѣмъ эти вѣка, по всѣмъ признакамъ, были обильны разнаго рода событіями и переворотами въ жизни Роксоланскаго или Русскаго народа. Онъ долженъ былъ постоянно вести борьбу за свою самостоятельность или за свое преобладаніе съ народами, какъ родственными Славянскими, такъ чуждыми, иноплеменными; таковы особенно: Славяно-Болгаре, Черкесо-Авары, Турко-Хазары, Угры и пр. Въ VII вѣкѣ въ сѣверныхъ черноморскихъ областяхъ распространилъ свое господство прикавказскій народъ Авары, вытѣсненные изъ своей родины Турко-Хазарами; Авары особенно угнетали племена Болгарскія. А Хазары въ то же время подчинили себѣ ту часть Славянъ, которая тогда еще обитала около Азовскаго моря, Кубани и Нижней Волги. Едва къ началу VIII вѣка разрушено было Аварское господство въ дунайско-черноморскихъ странахъ, какъ изъ прикаспійскихъ степей явились дикіе Угры или Мадьяры, тѣснимые еще болѣе дикими и воинственными кочевниками, Печенѣгами.

Посреди непрерывной борьбы съ враждебными племенами закалилось мужество и терпѣніе Русскаго народа. Постепенно онъ взялъ верхъ надъ туземными и пришлыми сосѣдями. Главная его масса мало-по малу сосредоточилась на среднемъ теченіи Днѣпра, къ сѣверу отъ пороговъ,

въ краю, обильномъ цвѣтущими полями, рощами и текучими водами, въ сторонѣ отъ южныхъ степей, слишкомъ открытыхъ вторженію кочевыхъ народовъ. Въ этомъ краю онъ построилъ себѣ крѣпкіе города и положилъ начало Русскому государству съ помощью своихъ родовыхъ князей, изъ которыхъ возвысился надъ другими родъ Кіевскій. Здѣсь Русь развила свою способность къ политической организаціи. Отсюда, изъ этого средоточія, посредствомъ своихъ дружинъ, она постепенно распространила свою объединительную дѣятельность на родственныя ей племена восточныхъ Славянъ; разумѣется, объединеніе это долгое время совершалось въ первобытной формѣ, то есть въ формѣ дани. Какъ одно изъ наиболѣе даровитыхъ и предпріимчивыхъ арійскихъ племенъ, Русь съ одинаковымъ успѣхомъ предавалась мирнымъ и воинственнымъ занятіямъ, грабежу и торговлѣ, сухопутнымъ и морскимъ предпріятіямъ; дружинники русскіе съ одинаковою отвагою владѣли конемъ и лодкою, мечомъ и парусомъ. Ихъ смѣлые судовые походы по рѣкамъ и морямъ не замедлили сдѣлать громкимъ Русское имя на востокѣ и на западѣ.

Изъ всѣхъ способностей, которыми природа надѣлила Славянорусское племя, вмѣстѣ съ предпріимчивостію и мужествомъ, особенно драгоцѣнною является способность къ организаціи, т. е. способность созидательная, которая необходима для устройства прочнаго общественнаго быта, для его охраненія отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Хотя и другіе Славянскіе народы обладали этою способностью, чему доказательствомъ служитъ цѣлый рядъ основанныхъ ими государствъ; но прочности послѣднихъ много мѣшала излишняя впечатлительность, излишняя подвижность народнаго темперамента, извѣстная наклонность къ взаимнымъ раздорамъ. Къ счастію, Роксоланское или Русское племя въ этомъ отношеніи замѣтно выдвигается изъ своей Славянской семьи, отличаясь большею степенью терпѣнія и большею упругостью своего характера. Такими чертами оно обязано какъ вліянію окружающей, довольно суровой природы, такъ и своей многотрудной исторической школы, кромѣ того и скрещиванію съ другими народностями, именно съ готскими и финскими племенами, которыя издревле обитали рядомъ съ нимъ въ Восточной Европѣ.

Государственная способность Русскаго племени болѣе всего выразилась въ его объединительныхъ стремленіяхъ, въ постепенномъ и неуклонномъ собираніи воедино своихъ широко раскинувшихся вѣтвей. Объединеніе совершилось подъ предводительствомъ того княжескаго рода, который утвердился въ Кіевѣ, на правомъ, нагорномъ берегу Днѣпра. Въ Кіевскомъ краю водворился наиболѣе энергичный, наиболѣе пред-

пріимчивый роксоланскій народъ Поляне или *Русь* въ тѣсномъ смыслѣ. (Названіе рѣки Роси, праваго притока Днѣпра, очевидно находится въ связи съ названіемъ этого народа). Онъ продолжалъ сохранять свою любовь къ судоходству и свои связи съ берегами Азовскаго моря. Тамъ еще оставались значительныя его поселенія. Дружины Руссо-Полянъ ходили почти во всѣ стороны вверхъ и внизъ по теченію рѣкъ, и облагали данью своихъ сосѣдей. На восточной сторонѣ они объединили ближайшую свою вѣтвь, роксоланское племя Сѣверянъ, сидѣвшихъ по Деснѣ и Сулѣ и имѣвшихъ своими средоточіями города Черниговъ, Любечъ и Переяславль. Подвигаясь къ сѣверу Днѣпромъ и его притоками, они подчинили себѣ на одной сторонѣ славянское племя Радимичей, а на другой Древлянъ и Дреговичей. На верхнемъ Днѣпрѣ они утвердились въ Смоленскѣ, городѣ Кривичей. Отсюда, углубляясь далѣе на сѣверъ, Русь перешла волоки; спустившись по Ловати, завладѣла берегами озера Ильменя и водворилась въ главномъ средоточіи ильменскихъ Славянъ, въ знаменитомъ Новгородѣ, при истокѣ рѣки Волхова. А потомъ Волховомъ, Ладожскимъ озеромъ и рѣкою Невою она, сквозь чудскія поселенія, открыла себѣ путь къ сношеніямъ съ народами Скандинавіи. Другой водный путь въ Балтійское море пролегалъ по Западной Двинѣ; ключомъ къ нему служилъ кривскій городъ Полоцкъ, которымъ также завладѣли русскіе князья.

Русь не довольствовалась днѣпровскими Славянами. Она проникла на Оку и верхнюю Волгу, и здѣсь посреди финскихъ или чудскихъ народцевъ основала свои поселенія и свое владычество, укрѣпясь преимущественно въ Муромѣ, на возвышенномъ берегу Оки, и въ Ростовѣ, на низменныхъ берегахъ Ростовскаго озера. Вообще на сѣверѣ русское господство повидимому распространялось легче, нежели на югѣ и югозападѣ. Здѣсь, въ области Днѣстра, Буга и нижняго Днѣпра жили хотя и родственные народы, но уже другой славянской отрасли, не роксоланской и не кривской, а преимущественно болгарской, каковы Угличи, Тиверцы и отчасти Волыняне. Эти народы долго и упорно боролись противъ властолюбивой Руси. Перевѣсъ остался за послѣднею, которая успѣла сосредоточить и развить свои силы въ то время, какъ означенные народы были раздроблены на многія владѣнія и общины. Часть Тиверцевъ, обитавшая на Кубани и въ восточной части Крыма, называлась иначе *Черными Болгарами;* въ концѣ VI вѣка они подпали подъ владычество Хазаръ. Послѣдніе представляли народъ смѣшанный изъ Турокъ завоевателей, пришедшихъ изъ-за Каспійскаго моря, съ туземными Хазарами или Черкесами. Черные Болгаре, угнетаемые Хаза-

рами, по всей вѣроятности, сами призывали противъ нихъ Русь, или по крайней мѣрѣ держали ея сторону въ упорной борьбѣ съ хазарскими каганами. Какъ бы то ни было русскіе князья освободили Черныхъ Болгаръ отъ хазарскаго ига и утвердили собственное владычество на берегахъ Боспора Киммерійскаго, въ городахъ Корчевѣ (древняя Пантикапея) и Тмутракани (древняя Фанагорія), слѣдовательно въ самомъ средоточіи прежняго Боспорскаго царства.

Такимъ образомъ постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, русскіе князья распространили свое господство отъ Ильменя до Тамани. Разумѣется, подобное господство не устанавливалось разъ навсегда; нерѣдко подчиненныя племена, пользуясь обстоятельствами, возставали и отказывали въ дани; потомъ приходилось покорять ихъ вновь и принимать болѣе дѣйствительныя мѣры, чтобы удерживать въ покорности, т. е. строить въ ихъ землѣ укрѣпленные городки или занимать русскими дружинами кремли главныхъ туземныхъ городовъ.

Въ IX вѣкѣ Русскій народъ упоминается въ иноземныхъ источникахъ уже не подъ сложнымъ названіемъ Роксоланъ, а подъ своимъ простымъ народнымъ именемъ «Рось» (Русь). Такъ одинъ нѣмецкій лѣтописецъ (Пруденцій) въ своей латинской хроникѣ разсказываетъ, что въ 839 году византійскій императоръ Ѳеофилъ прислалъ къ Людовику Благочестивому посольство, и при немъ нѣсколько человѣкъ, которые называли себя *Росъ*. Послѣдніе явились въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего князя, именуемаго *хаканомъ*; но такъ какъ враждебные варварскіе народы препятствовали имъ воротиться домой тѣмъ же путемъ, какимъ они пришли, то Ѳеофилъ просилъ Людовика дать имъ средства вернуться другимъ путемъ. По извѣстію того же лѣтописца, при франкскомъ дворѣ подозрительно отнеслись къ неизвѣстнымъ пришельцамъ, и почему-то приняли ихъ за Свеоновъ (Шведовъ); можетъ быть начавшіеся тогда морскіе набѣги Скандинавовъ послужили поводомъ къ такой подозрительности. Дальнѣйшая судьба этого русскаго посольства намъ неизвѣстна. Но помянутое извѣстіе о немъ для насъ чрезвычайно важно, потому что подтверждаетъ существованіе Русскаго княжества на Днѣпрѣ и сношенія его съ Византіей въ первой половинѣ IX вѣка. Подъ именемъ хакана тутъ конечно разумѣется никто иной, какъ кіевскій князь; ибо позднѣе и въ нашихъ отечественныхъ источникахъ этому князю также дается титулъ хакана или *кагана* (заимствованный Русью отъ Аваръ и Хазаръ).

Когда Русь завладѣла берегами Киммерійскаго Боспора, то она получила возможность развивать свое судоходство не только на Азовскомъ,

но и на Черномъ морѣ, посѣщать его прибрежья въ качествѣ торговцевъ, а при случаѣ пиратовъ, и кромѣ того наниматься въ греческую службу, особенно военноморскую; такъ что мы встрѣчаемъ иногда цѣлые отряды русскихъ *кораблей* въ византійскомъ флотѣ. Для сношеній съ Византіей и Дунайскими Болгарами существовалъ и другой путь въ Черное море, именно рѣкою Днѣпромъ до самаго его устья. Этотъ болѣе прямой путь (отъ Кіева) особенно предпочитали торговые караваны, хотя онъ былъ очень затруднителенъ по причинѣ цѣлаго ряда огромныхъ пороговъ. Въ X вѣкѣ византійскій императоръ Константинъ Багрянородный краснорѣчиво описалъ, какъ русскіе торговцы преодолѣвали эти препятствія и проводили свои ладьи сквозь пороги. Русь отвозила въ Царьградъ на продажу невольниковъ, добытыхъ нападеніями на сосѣдей, и разныя сырыя произведенія своей земли, каковы: дорогіе мѣха, кожи, воскъ, медъ и т. п. А изъ греческихъ областей она вывозила различныя ткани, вино, плоды, дорогое оружіе, посуду и другія металлическія издѣлія. Но кромѣ пороговъ Руссы на этомъ Днѣпровскомъ пути встрѣчали еще препятствія отъ степныхъ кочевниковъ, которые нападали на ихъ караваны въ узкихъ мѣстахъ. А иногда бурные перевороты въ Черноморскихъ степяхъ совсѣмъ прекращали сношенія Кіева съ Царьградомъ. Вѣроятно, однимъ изъ такихъ событій и было застигнуто въ Царьградѣ помянутое посольство русскаго хакана къ императору Ѳеофилу.

Черноморская торговля снабжала Русь произведеніями высоко развитой греческой промышленности, и знакомила ее съ обстановкой утонченной гражданственности, съ обстановкой, которая всегда такъ обаятельно дѣйствуетъ на свѣжіе, еще необразованные народы, особенно отличающіеся воспріимчивостію. Такъ Латинскій міръ дѣйствовалъ на Германцевъ, а Греческій на Слазянъ. Торговыя и другія сношенія Русскаго народа съ Греческимъ міромъ, а слѣдовательно и вліяніе послѣдняго, начались съ незапамятныхъ временъ на сѣверныхъ прибрежьяхъ Понта, гдѣ были разсѣяны богатыя греческія колоніи. Тамъ, въ числѣ другихъ скиѳскихъ народовъ, и Роксолане обмѣнивали скотъ и прочія сырыя произведенія на греческія издѣлія; а иногда добывали ихъ разными услугами, или просто грабежемъ. Могильные курганы князей и вообще знатныхъ людей Роксоланскаго племени, разсѣянные въ Придніпровьѣ и Приазовьѣ, обилуютъ греческими издѣліями и служатъ наглядными памятникомъ минувшихъ сношеній нашихъ предковъ съ Эллинскимъ міромъ.

Русскіе князья несомнѣнно дорожили торговлею своего народа съ Греками, и для того охотно вступали въ договоры съ греческимъ правп-

тельствомъ. Самое нападеніе Руси на Царьградъ въ 865 году произошло, какъ видно, вслѣдствіе нарушенія договоровъ съ греческой стороны. Нападеніе это, какъ и вообще морскія предпріятія Руси противъ Византіи, по всей вѣроятности было направлено изъ Тмутраканскаго края; тамъ, въ гаваняхъ Корчева и Тмутракани, собрались военныя ладьи Руссовъ и составили флотъ въ нѣсколько сотъ большихъ и малыхъ кораблей, вмѣщавшихъ свыше 10,000 ратниковъ.

Второе мѣсто послѣ черноморской или греческой торговли занимала у нашихъ предковъ торговля съ Мусульманскимъ востокомъ, которая велась при посредствѣ Хазаръ и Камскихъ Болгаръ. Руссы ходили къ этимъ народамъ изъ Азовскаго моря Дономъ до того мѣста, гдѣ онъ сближался съ Волгою и гдѣ стояла каменная хазарская крѣпость Саркелъ, построенная съ помощью византійскихъ зодчихъ. Тутъ Русь переволакивалась изъ Дона въ Волгу, и затѣмъ отправлялась или внизъ по этой рѣкѣ въ столицу Хазарскаго царства Итиль, или вверхъ до города Великіе Болгары. Изъ мусульманскихъ странъ, кромѣ пестрыхъ тканей и металлическихъ вещей, получались пряныя коренья, бисеръ, жемчугъ и большое количество серебряной монеты.

Какъ византійскіе писатели сообщили потомству драгоцѣнныя извѣстія о Руссахъ, приходившихъ въ Царьградъ или нападавшихъ на греческія владѣнія, такъ и Арабы, посѣщавшіе Итиль и Великіе Болгары, оставили любопытные разсказы о Руссахъ, которыхъ они тамъ встрѣчали. Болѣе прочихъ извѣстны разсказы Ибнъ Фадлана, который находился при посольствѣ, отправленномъ багдадскимъ халифомъ къ Альмасу, царю Камскихъ Болгаръ, въ первой четверти X вѣка. Въ его описаніи Руссы изображаются людьми высокаго роста, статными, свѣтлорусыми, съ острымъ взоромъ; они носили короткій плащъ, наброшенный на одно плечо, сѣкиру, ножъ и мечъ съ широкимъ клинкомъ «франкской» работы; были очень склонны къ крѣпкимъ напиткамъ, и приносили жертвы своимъ деревяннымъ идоламъ, имѣвшимъ видъ столбовъ съ человѣчьими головами. Жены ихъ носили на груди металлическія украшенія съ кольцомъ, на которомъ висѣлъ ножъ, а на шеѣ составленныя изъ монетъ золотыя и серебряныя ожерелья, число которыхъ опредѣлялось состояніемъ мужа; онѣ также любили ожерелья изъ зеленыхъ бусъ. Особенно занимательно Фадлановo описаніе погребальныхъ обычаевъ языческой Руси, при которыхъ ему самому случилось присутствовать; онѣ главнымъ образомъ состояли изъ сожженія покойника съ одною изъ его женъ, а также изъ поминальнаго пиршества или тризны. Загробный рай представлялся воображенію Руссовъ прекраснымъ, зеле-

нымъ садомъ, что вполнѣ согласовалось съ ихъ правомъ, наклоннымъ къ веселымъ пирамъ и пѣснямъ.

Волжская торговля, знакомя съ богатствами и роскошью мусульманскихъ странъ, возбуждала предпріимчивыхъ, жадныхъ къ добычѣ Руссовъ попытать иногда счастья на берегахъ Каспійскаго моря. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ набѣговъ, произведенныхъ еще въ IX вѣкѣ, Русь однажды собралась въ числѣ 50,000, размѣщенныхъ на 500 ладьяхъ (если вѣрны эти цифры, приводимыя арабскимъ писателемъ Масуди). Она пробралась въ Каспійское море, и произвела сильный погромъ на его югозападномъ побережьѣ, въ 913 г. Хотя походъ окончился бѣдственнымъ образомъ, однако онъ оставилъ такое впечатлѣніе на востокѣ, что арабскіе писатели съ того времени стали часто упоминать о Руси. Мы видѣли, что со времени нападенія на Константинополь точно также громче заговорили о ней писатели византійскіе, и чаще стали называть ее простымъ народнымъ ея именемъ (т. е. Русью), вмѣсто Скиѳовъ, Сарматъ, Роксоланъ, Антовъ, Тавроскиѳовъ и т. п.

Конечно, не случайно произошло такое совпаденіе событій; не случайно почти въ одно время Русь своими предпріятіями большихъ размѣровъ заставила говорить о себѣ Византію и міръ мусульманскій, начиная съ IX вѣка. Дѣло въ томъ, что къ этому времени наши предки успѣли въ значительной степени объединить свои силы, собрать свои вѣтви подъ властью одного княжескаго рода, подчинить себѣ ближайшихъ сосѣдей и положить начало государственнаго быта на широкомъ основаніи. Русь успѣла уже такъ укрѣпиться въ собственной странѣ, что могла избытокъ своихъ силъ обратить на внѣшнія предпріятія, и даже снаряжать цѣлые флоты въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ кораблей. Подобныя морскія предпріятія сдѣлались возможными, по всѣмъ признакамъ, именно послѣ того, какъ Русь завладѣла берегами Киммерійскаго Боспора, т. е. утвердилась въ Корчевѣ и Тмутраканѣ.

Достовѣрные источники не сохранили намъ имени того кіевскаго князя, при которомъ совершилось нашествіе Руси на Царьградъ въ 865 году. Хотя, занесенное въ лѣтопись, позднѣйшее сказаніе называетъ русскими предводителями Аскольда и Дира; но оно уже потому недостовѣрно, что выставляетъ ихъ какими-то искателями приключеній, Богъ вѣсть какъ завладѣвшими Кіевомъ и Богъ вѣсть почему очутившимися подъ Царьградомъ. Первымъ историческимъ княземъ кіевскимъ является *Олегъ*, княжившій въ концѣ IX и первой четверти X вѣка. Хотя никакіе иноземные источники о немъ не упоминаютъ, но княженіе его засвидѣтельствовано греко-русскими договорами, отъ которыхъ дошли до насъ сла-

вянскіе переводы. За нимъ слѣдовалъ *Игорь*. Это былъ первый кіевскій князь, котораго имя и нѣкоторыя дѣянія сообщаютъ намъ иноземные писатели.

Византійскія хроники довольно подробно разсказываютъ о войнѣ Игоря съ Греками, т. е. о его морскомъ походѣ къ Константинопольскому проливу и разореніи южныхъ береговъ Чернаго моря. Только съ помощью своихъ зажигательныхъ снарядовъ удалось Грекамъ отбить это нападеніе (941 г.). Заключенный спустя три года и дошедшій до насъ мирный договоръ ясно указываетъ на то, что Русскія владѣнія сосѣдили съ греческими на Таврическомъ полуостровѣ; такъ какъ во власти Византіи оставался еще древній Херсонесъ съ городами южнаго берега. Другое весьма важное свидѣтельство Игорева договора—это прямое указаніе на крещеную Русь. Оно подверждается еще извѣстіемъ о присягѣ. Самъ князь и часть дружины клялись въ исполненіи договора передъ идоломъ Перуна, а другая часть дружины присягала въ кіевскомъ храмѣ св. Иліи. Начало крещенія Русскихъ относится къ эпохѣ ихъ перваго нападенія на Царьградъ, о чемъ засвидѣтельствовалъ византійскій патріархъ Фотія въ своемъ окружномъ посланіи 866 года. Съ того времени прошло около 80 лѣтъ до Игорева договора, и мы видимъ, какіе великіе успѣхи сдѣлало христіанство въ Россіи. Въ стольномъ городѣ уже существуетъ христіанскій храмъ. Многіе жители и часть самой княжей дружины исповѣдуютъ христіанскую вѣру. Она проникла и въ самую семью княжую. Супруга Игоря Ольга, послѣ его смерти, является усердною подвижницею новой религіи.

Смерть энергичнаго, предпріимчиваго Игоря, убитаго при сборѣ дани сосѣднимъ славянскимъ племенемъ Древлянами, обнаруживаетъ суровыя отношенія между господствующимъ народомъ и нѣкоторыми подчиненными племенами. Ясно, въ какомъ бодромъ, напряженномъ состояніи постоянно должна была находиться Кіевская или Полянская Русь, чтобы всегда сдерживать въ подчиненіи народы, объединенные силою ея меча. Извѣстно, съ какою энергіей и даже жестокостью Древлянское возмущеніе было подавлено вдовою Игоря, Ольгою, и его сыномъ Святославомъ. Послѣдній, при жизни отца, въ юности своей, сидѣлъ удѣльнымъ княземъ на сѣверѣ, въ Новгородѣ Великомъ, и, вѣроятно, тамъ воспитался въ преданности древней вѣрѣ отцовъ. Поэтому, хотя онъ и не препятствовалъ матери своей въ ея христіанскихъ подвигахъ, но самъ не склонился на ея убѣжденія и не принялъ крещенія.

Сосѣдство подвластнаго Кіеву Корчево-Тмутраканскаго края на одной сторонѣ съ Хазарской державой, на другой съ Таврическими владѣніями

Византіи довольно долгое время обусловливало внѣшнюю политику кіевскихъ князей и особенно сильно вліяло на ходъ нашей исторіи въ X вѣкѣ. Святославъ не только освободилъ окончательно этотъ край отъ Хазаръ, но и разрушилъ на Дону ихъ твердыню Саркелъ, и вообще нанесъ такой ударъ Хазарскому государству, отъ котораго оно уже не могло оправиться. Тоже сосѣдство съ Греками вовлекло Святослава въ ихъ отношенія къ Болгарамъ Дунайскимъ. Сначала, какъ союзникъ Византіи, онъ овладѣлъ едва не всѣмъ Болгарскимъ царствомъ, но потомъ за это царство долженъ былъ вступить въ упорную войну со всѣми силами Византійской имперіи, во главѣ которыхъ явился доблестный Іоаннъ Цимисхій. Неукротимый русскій князь, слишкомъ увлекшійся дальними завоеваніями, былъ побѣжденъ, и на возвратномъ пути сдѣлался жертвою новой кочевой орды, надвинувшей въ наши южныя степи изъ-за Каспійскаго моря.

Отсюда начинается уже нѣкоторый поворотъ въ общемъ ходѣ русской исторіи. Могущество и отвага Руси, возраставшія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, начали было увлекать ее за предѣлы своей земли, въ слишкомъ рискованныя предпріятія. Ударъ, нанесенный Цимисхіемъ, и усложненія, возникшія съ водвореніемъ Печенѣжской орды въ самыхъ Днѣпровскихъ степяхъ, волей-неволей заставили Русь болѣе сосредоточивать свое вниманіе и свои силы на внутренней жизни и на ближайшихъ сосѣдяхъ. Однако, пока Русь владѣла Азовско-Черноморскимъ краемъ, продолжали еще дѣйствовать вытекавшія отсюда отношенія византійскія, какъ политическія, такъ и религіозныя. Младшій сынъ Святослава, Владиміръ, успѣлъ не только возстановить и укрѣпить въ Восточной Европѣ господство Кіевской Руси, потрясенное гибелью Святослава, но и съ успѣхомъ возобновить наступательное движеніе своихъ предшественниковъ на сосѣднія съ Тмутраканскимъ краемъ византійскія владѣнія. Онъ взялъ самое средоточіе этихъ владѣній, т. е. Корсунь или Таврическій Херсонесъ. Но тутъ же, въ Корсуни, совершился великій религіозный переворотъ въ жизни нашихъ предковъ.

Подобно своему отцу, Владиміръ въ юности своей былъ княземъ Новгорода Великаго, и тамъ воспитался въ преданности старой языческой религіи; такъ что первые годы его княженія въ Кіевѣ даже ознаменовались гоненіемъ на кіевскихъ христіанъ. Но потомъ, чѣмъ долѣе онъ оставался на югѣ, тѣмъ болѣе подчинялся вліянію новой религіи, которая съ неудержимой силой начала охватывать русскую жизнь. Повторилось то же явленіе, какое еще въ болѣе величественныхъ размѣрахъ можно наблюдать въ исторіи римскаго императора Константина Вели-

каго. Силою обстоятельствъ столько же, сколько и путемъ собственнаго убѣжденія Владиміръ пришелъ къ принятію крещенія изъ рукъ греческихъ проповѣдниковъ. Вмѣстѣ съ крещеніемъ онъ заключилъ родственный союзъ съ царствовавшею тогда въ Византіи Македонскою династіей и возвратилъ Грекамъ Херсонесъ Таврическій. А принявъ крещеніе, онъ, конечно, въ свою очередь самъ сдѣлался могущественнымъ орудіемъ для полнаго торжества и распространенія греческаго христіанства на всемъ пространствѣ Русской земли.

Владиміръ Великій, по всѣмъ признакамъ, докончилъ собираніе восточно-славянскихъ земель подъ верховною властію кіевскаго князя. Хотя онъ извѣстенъ также раздачею удѣловъ своимъ многочисленнымъ сыновьямъ, но не онъ былъ родоначальникомъ такъ называемой удѣльной системы въ Россіи. Обычай подобнаго раздѣла земель между братьями, сыновьями и племянниками существовалъ издревле какъ у Руссовъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ. (Исконное существованіе удѣловъ на Руси засвидѣтельствовано уже договоромъ Игоря съ Греками). Мы видимъ даже, что раздѣлъ земель, произведенный Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ, представляетъ дальнѣйшій шагъ въ объединеніи Русскихъ владѣній. Ибо князья русскіе не только нападали на сосѣднія славянскія и неславянскія племена, но старались также вытѣснить мѣстныхъ князей, замѣнивъ ихъ своими намѣстниками изъ собственныхъ родичей и бояръ. Слѣдовательно размѣщеніе кіевскихъ княжичей по всему пространству Русскихъ владѣній было вмѣстѣ и болѣе тѣснымъ объединеніемъ послѣднихъ подъ властью одного княжаго рода, во главѣ котораго стоялъ старшій или великій князь Кіевскій.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ удѣльной системы были, конечно, споры и междоусобія наслѣдниковъ за волости или за удѣлы. Ярославъ Владиміровичъ, подобно отцу, успѣлъ собрать въ своихъ рукахъ почти всѣ Русскія земли, но только для того, чтобы раздать ихъ собственнымъ сыновьямъ. Внукъ его Владиміръ Мономахъ снова сосредоточилъ во владѣніи своей семьи большую часть этихъ земель, и опять для того, чтобъ онѣ раздробились между его потомками. Въ послѣдующую затѣмъ эпоху уже происходитъ постепенное обособленіе различныхъ вѣтвей княжаго дома вмѣстѣ съ обособленіемъ тѣхъ Русскихъ земель, въ которыхъ утвердились эти вѣтви, такъ что послѣднія принимаютъ характеръ мѣстныхъ династій. Только стольный Кіевъ и Великій Новгородъ остались въ общемъ владѣніи всего Ярославова рода, т. е. въ сущности продолжали служить яблокомъ раздора или соперничества между разными вѣтвями этого рода. Благодаря такому соперничеству, Новгородъ

по преимуществу передъ другими русскими городами, успѣлъ развить у себя древнеславянское вѣчевое начало, такъ что народоправство сдѣлалось господствующею чертою его политическаго быта.

Раздробленіе Руси на отдѣльныя, почти самостоятельныя области не мало способствовало распространенію въ ней гражданственности или общественной культуры; но, съ другой стороны, оно послужило источникомъ ея политической несостоятельности, когда пришлось оборонять свои области отъ сосѣдей (Литвы и Нѣмцевъ) и отстаивать собственную независимость отъ новой тучи варваровъ, надвинувшей изъ Средней Азіи. Впослѣдствіи, подъ давленіемъ этого варварскаго ига, начинается новое собираніе русскихъ земель или болѣе прочное, болѣе государственное объединеніе Руси энергіей и трудами великихъ князей Московскихъ.

Движеніе на Русь хищныхъ степныхъ народовъ турецкаго корня было начато Печенѣгами и завершено Монголо-Татарами. Среднюю ступень между ними по времени и по значенію заняли Половцы, нахлынувшіе въ южнорусскія степи при сыновьяхъ Ярослава. Водвореніе Половецкой орды значительно сократило наши южные и юговосточные предѣлы и отрѣзало отъ Днѣпровской Руси край Азовско-Черноморскій или Русь Тмутараканскую. А вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и морскіе походы кіевскихъ князей отъ береговъ Киммерійскаго Боспора въ окрестности Царяграда. Такимъ образомъ предпріятіе новгородскаго князя Владиміра, отправленнаго отцомъ Ярославомъ въ 1043 году воевать Грековъ за обиды русскихъ торговцевъ, является послѣднимъ въ ряду этихъ походовъ, прославившихъ русское имя на югѣ Европы.

По мѣрѣ того, какъ Русь постепенно оттѣснялась отъ Чернаго моря и отъ дѣятельныхъ сношеній съ Византіей, естественно, она болѣе и болѣе сосредоточивала свое вниманіе отчасти на внутренней своей жизни, отчасти на сѣверныхъ и западныхъ сосѣдяхъ. Такимъ образомъ вмѣсто греческой торговли, мало-по-малу выступаютъ на передній планъ торговыя сношенія по Балтійскому морю съ краями Скандинавскими и Сѣверогерманскими; являются тѣсныя связи Новгорода Великаго сначала съ Варягами, потомъ съ Ганзейскимъ Союзомъ.

Эпоха дѣятельныхъ сношеній съ Варягами оставила надолго неизгладимый слѣдъ въ Русской исторіи и въ другомъ отношеніи.

Начало русско-варяжскихъ связей коренится въ отношеніяхъ Новгорода Великаго къ Кіеву, Сѣверной Руси къ Южной. Принужденный платить дань кіевскимъ князьямъ, Новгородъ съ неудовольствіемъ сносилъ эту зависимость, такъ что русскіе князья нѣкоторое время держали его

29923 38012

въ повиновеніи съ помощью наемной варяжской дружины. Такую дружину, по нѣкоторымъ признакамъ, уже имѣлъ здѣсь первый извѣстный намъ кіевскій князь, т. е. Олегъ. Кромѣ того, кіевскіе князья обыкновенно посылали туда намѣстниками собственныхъ сыновей; а послѣдніе въ свою очередь наслѣдовали иногда своимъ отцамъ въ самомъ Кіевѣ. Такъ мы видимъ цѣлый рядъ русско-новогородскихъ князей, которые приходятъ изъ Новгорода и занимаютъ старшій, т. е. кіевскій столъ, или по праву старшинства, или по праву побѣды надъ другими родичами. Уже Олегъ, если вѣрить лѣтописному преданію, сидѣлъ въ Новгородѣ, прежде чѣмъ сдѣлался кіевскимъ княземъ. Потомъ Святославъ, сынъ его Владиміръ Великій и внукъ Ярославъ также перешли изъ Новгорода въ Кіевъ. Мало того, два послѣдніе завладѣли кіевскимъ столомъ съ помощью именно наемныхъ варяжскихъ дружинъ; причемъ Владиміръ самъ ѣздилъ за море набирать Варяговъ, а Ярославъ былъ женатъ на дочери шведскаго короля, Ингигердѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ связей были особый почетъ и вліяніе, которымъ знатные варяжскіе выходцы пользовались при Кіевскомъ дворѣ во времена Владиміра и Ярослава. Скандинавскія саги изображаютъ Ингигерду женщиной умной и гордой. Она конечно имѣла при себѣ многихъ Варяговъ и вообще покровительствовала своимъ единоземцамъ, приходившимъ искать счастья въ службѣ кіевскаго князя.

Отсюда понятно происхожденіе той легенды, которая приписала Варягамъ и самое основаніе Русскаго государства. По всѣмъ соображеніямъ, эта легенда возникла во времена Ингигерды, а вошла въ силу при ея сыновьяхъ и внукахъ. Когда при Владимірѣ Мономахѣ (и вѣроятно по его желанію) игуменъ кіевскаго Выдубецкаго монастыря Сильвестръ приступилъ къ составленію начальной Русской лѣтописи, то онъ и поставилъ во главу своего бытописанія басню о призваніи изъ-за моря трехъ варяжскихъ князей въ Новгородъ для водворенія порядка въ Русской землѣ. Эта басня, по всей вѣроятности, имѣла своею заднею мыслію показать народу необходимость княжеской власти, безъ которой невозможны ни внутренній миръ, ни внѣшняя безопасность. Русскіе книжники того времени (т. е. времени Владиміра Мономаха) конечно не имѣли подъ рукой положительныхъ свѣдѣній о стародавнихъ и туземныхъ русскихъ князьяхъ, «расплодившихъ Русскую землю», и ничего не знали о томъ, что происходило на Руси почти за 250 лѣтъ, т. е. въ эпоху перваго нападенія Руси на Царьградъ. Подобно лѣтописцамъ другихъ народовъ, недостатокъ такихъ свѣдѣній они постарались замѣнить разными домыслами и легендами, избравъ исходнымъ пунктомъ

своего повѣствованія именно это нападеніе, извѣстіе о которомъ читали въ греческой хроникѣ Георгія Амартола, переведенной на славянскій языкъ. Свидѣтельства Страбона, Тацита, Іорнанда и другихъ греко-латинскихъ писателей о Роксоланскомъ народѣ и его князьяхъ, разумѣется, оставались неизвѣстны нашимъ старымъ книжникамъ.

Возникшій въ XI вѣкѣ, домыселъ о призваніи трехъ братьевъ Варяговъ, который ставитъ на видъ необходимость княжеской власти ради земскаго порядка и выводитъ происхожденіе русскихъ князей отъ знаменитыхъ иноземцевъ (норманскіе конунги въ XI вѣкѣ очень славились), самъ по себѣ еще не представляетъ ничего особенно нелѣпаго или невстрѣчающагося въ преданіяхъ другихъ народовъ. Таковымъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, во времена татарскаго владычества — времена упадка древнерусской образованности,—отъ невѣжества переписчиковъ и составителей лѣтописныхъ сводовъ. По начальной лѣтописи Сильвестра Выдубецкаго, за море къ *Варягамъ* послали просить князей разные народы Восточной Европы, а именно: «Русь, Чудь, Словѣне (Новгородскіе), Кривичи и Весь». Но въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сводахъ лѣтописныхъ это мѣсто было искажено; вмѣсто того, чтобы къ Варягамъ, въ числѣ другихъ первою обращалась Русь, выходило теперь, что *къ Варягамъ Руси* послали пословъ Чудь, Словѣне, Кривичи и пр. Такимъ образомъ и самъ многочисленный Славянскій народъ Руссовъ превратился въ какую-то горсть иноплеменныхъ выходцевъ, пришедшихъ изъ-за моря въ нашу землю вмѣстѣ съ призванными князьями. Это, хотя ни съ чѣмъ несообразное, извѣстіе однако долгое время повторялось не только въ старинныхъ лѣтописныхъ сводахъ, но и въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ ученыхъ историковъ. Да не поставимъ того въ укоръ покойникамъ, трудившимся и писавшимъ по своему крайнему разумѣнію. Не всякая историческая истина легко дается отдаленному потомству.

Итакъ многая слава и честь нашимъ предкамъ, вѣковыми трудами, потомъ и кровью стяжавшимъ Русскую землю и создавшимъ великое Русское государство!

Среднее Приднѣпровье обѣихъ сторонъ, между устьями Березины и Роси приблизительно—вотъ тотъ край, который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ служилъ колыбелью русской народности и русской государственной жизни. Главными центрами этой жизни были три города, древность которыхъ восходитъ ко временамъ доисторическимъ, именно: *Кіевъ*, *Черниговъ* и *Переяславль*. Уже изъ самыхъ раннихъ договоровъ съ Гре-

ками мы видимъ, что послы и торговцы (*гости*) этихъ трехъ городовъ часто проживали въ Царьградѣ и пользовались тамъ разными льготами. Послѣ Ярослава I вся Русь раздѣлилась между его сыновьями на три части по тѣмъ же тремъ стольнымъ городамъ, и отдаленныя области русскія долгое время были какъ бы приписаны къ этимъ главнымъ удѣламъ.

Когда съ вершины Кіевскихъ холмовъ вы смотрите на юговостокъ внизъ по теченію Днѣпра, то при ясной погодѣ можете вдали усмотрѣть очертанія Переяславля. Немного въ большемъ разстояніи на сѣверовостокъ отъ Кіева лежитъ Черниговъ (166 верстъ). Но и это разстояніе было таково, что русскіе князья и дружинники верхомъ проѣзжали его въ одинъ день. Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи дѣтямъ» говоритъ, что когда онъ княжилъ въ Черниговѣ, то, выѣхавъ рано поутру, вечеромъ пріѣзжалъ въ Кіевъ къ отцу своему, великому князю Всеволоду Ярославичу. Въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ русская жизнь отхлынула въ другія мѣста, нашла другія средоточія, и въ наше время край, гдѣ когда-то кипѣла дѣятельность политическая, торговая и промышленная, едва сохраняетъ нѣкоторые памятники, говорящіе о его минувшемъ значеніи.

Кіевъ, живописно раскинутый по холмамъ и удольямъ праваго днѣпровскаго берега и нѣсколько возродившійся изъ пепла послѣ цѣлаго ряда татарскихъ погромовъ, напоминаетъ періодъ своего господства надъ всею Русью и вмѣстѣ своихъ дѣятельныхъ сношеній съ Царьградомъ тремя великолѣпными произведеніями византійско-русскаго стиля, каковы: Софійскій соборъ, Печерскій храмъ Успенія и златоверхій Михайловскій монастырь. Изъ нихъ свой первоначальный видъ наиболѣе сохранила св. Софія съ ея *Нерушимой Стѣной* или среднимъ алтарнымъ полукружіемъ, которое покрыто роскошными мозаичными изображеніями, и съ ея мраморною гробницею своего строителя Ярослава I. Еще менѣе говоритъ о своей прежней славѣ настоящій Черниговъ, расположенный по гребню холмовъ праваго берега Десны (такъ называемыя Болдины горы). Хотя въ этомъ бывшемъ гнѣздѣ энергичнаго племени Ольговичей и можно разыскать нѣсколько остатковъ древности, но только соборный храмъ Спаса, современникъ Кіевской Софіи, своимъ изящнымъ стилемъ переноситъ наше воображеніе въ эпоху перваго христіанскаго періода Русской исторіи. А близлежащіе огромные могильные курганы при своемъ вскрытіи представили замѣчательные образцы древняго вооруженія, одежды, домашней утвари, хотя и сильно попорченные огнемъ. Эти образцы переносятъ насъ въ еще болѣе раннюю, т. е. языческую

эпоху, когда русскіе князья и бояре по смерти своей были торжественно сожигаемы на кострѣ со всѣми своими любимыми предметами.

Наконецъ, Переяславль, расположенный въ ровной, низменной мѣстности, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Днѣпра, на его лѣвомъ притокѣ Трубежѣ, при сліяніи съ послѣднимъ небольшой, но исторической рѣчки Альты—теперь не болѣе какъ бѣдный уѣздный городокъ, ничѣмъ ненапоминающій о своей давноминувшей славѣ, по крайней мѣрѣ ничѣмъ на поверхности земли. Исчезли каменныя стѣны его дѣтинца или кремля вмѣстѣ съ соборнымъ храмомъ св. Михаила, построенные епископомъ Ефремомъ, современникомъ Всеволода Ярославича. Нѣтъ слѣдовъ и того *баннаго строенія*, которое, на удивленіе жителямъ, было воздвигнуто тѣмъ же епископомъ Ефремомъ. (Вѣроятно это были термы или публичныя бани, наподобіе греческихъ; Ефремъ долго жилъ въ Греціи и отличался особою страстью къ постройкамъ). Не осталось и слѣдовъ отъ прекраснаго Борисоглѣбскаго храма, воздвигнутаго Владиміромъ Мономахомъ на мѣстѣ убіенія св. Бориса, т. е. на берегу Альты, верстахъ въ трехъ отъ города. Все было сожжено и разрушено кочевыми варварами, какъ саранча налетавшими изъ сосѣднихъ степей. Судьба этого города краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, почему Русская жизнь должна была постепенно отходить далѣе на сѣверъ и созидать себѣ другія средоточія.

НѢСКОЛЬКО СООБРАЖЕНІЙ О ПАМЯТНИКАХЪ ТМУТРАКАНСКОЙ РУСИ И ТМУТРАКАНСКОМЪ БАЛВАНѢ [1]).

Княжество Тмутраканское, какъ извѣстно, находилось по обѣимъ сторонамъ Керченскаго пролива или древняго Боспора Киммерійскаго и, слѣдовательно, занимало именно ту мѣстность, которая въ древности составляла центръ Боспорскаго царства, полугреческаго, полуварварскаго. Послѣднее, т. е. Боспорское царство, оставило намъ безчисленные памятники своего существованія въ видѣ монетъ, надписей, статуй, саркофаговъ и множества всякаго рода вещей изъ драгоцѣнныхъ металловъ, бронзы, стекла и глины. Большая часть этихъ вещей из-

[1]) Труды Моск. Археол. Общества. Т. VI. 1875.

влечена изъ древнихъ гробницъ или могильныхъ кургановъ; особенно много сохранилось въ нихъ всякой утвари, принадлежностей одежды и украшеній. При такомъ огромномъ количествѣ памятниковъ Боспорскаго царства, до сихъ поръ казалось всегда очень страннымъ, почему же позднѣйшая преемница этого царства, Русь Тмутраканская оставила намъ такъ мало вещественныхъ слѣдовъ своего существованія. Собственно говоря, мы имѣемъ отъ нея только одинъ вещественный памятникъ: это—извѣстный камень, съ надписью 1068 года объ измѣреніи княземъ Глѣбомъ пролива отъ Корчева до Тмутракапя. Второй, недавно найденный, вещественный памятникъ составляетъ монета, съ изображеніемъ на одной сторонѣ лица, а на другой съ надписью: „*Господи помози Михаилу*“. Эту монету съ большою вѣроятностію приписываютъ Олегу-Михаилу, княжившему въ Тмутракани въ концѣ XI и началѣ XII вѣка. Вотъ почти все, что до сихъ поръ извѣстно изъ памятниковъ, оставшихся отъ Тмутраканскаго княжества. Наши лѣтописи упоминаютъ объ немъ только съ конца X столѣтія, т. е. со временъ уже христіанскихъ. Слѣдовательно, главными памятниками этихъ временъ могли служить остатки храмовъ и другіе церковные предметы. Но извѣстно, что христіанско-русскій періодъ продолжался здѣсь не долго, такъ какъ эта страна скоро подверглась разнымъ опустошеніямъ отъ варварскихъ народовъ, каковы Половцы, потомъ Татары и Турки; послѣдніе съ особымъ ожесточеніемъ истребляли христіанскіе памятники. Естественно по этому, что не сохранилось не только русскихъ храмовъ, но и греческихъ,—хотя христіанство водворилось между Боспорскимъ населеніемъ еще въ III и IV вѣкахъ. Намъ извѣстенъ собственно одинъ древній храмъ, во имя Іоанна въ Керчи, котораго существованіе восходитъ къ VIII вѣку и который дошелъ до насъ съ большими передѣлками.

Перевѣсъ въ количествѣ памятниковъ языческой эпохи надъ христіанскими обусловился способомъ погребенія. Могилы христіанской эпохи такъ просты, непрочны, и такъ скудны вещами, что обыкновенно они скоро исчезаютъ, между тѣмъ какъ, наоборотъ, языческія могилы, по крайней мѣрѣ знатныхъ и княжескихъ фамилій, представляютъ какъ извѣстно курганы, подъ которыми скрыты цѣлые покои, иногда каменные и вообще болѣе или менѣе прочные. Покойники при погребеніи обставлялись почти всѣми предметами, которые они употребляли при жизни. Итакъ, обиліемъ языческихъ памятниковъ мы обязаны обычаямъ языческаго погребенія.

Извѣстно безчисленное множество могильныхъ кургановъ, которыми усѣяны восточная часть Крыма и полуостровъ Таманскій. Первое мѣсто

между ними, конечно, занимаютъ памятники эллинскіе, т. е. греческихъ колонистовъ, составлявшихъ высшій слой въ населеніи Боспорскаго царства. Въ эллинскихъ гробницахъ находятся вещи превосходной античной работы и принадлежатъ часто времени, восходящему за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. Но кромѣ этихъ гробницъ существуютъ другіе могильные курганы, которые по всѣмъ признакамъ принадлежали народамъ варварскимъ, скиѳскимъ, — какъ туземнымъ, такъ и тѣмъ, которые передвигались сюда съ сосѣдняго востока. Эти собственно варварскія гробницы доселѣ были мало изслѣдованы. Наконецъ, многіе курганы, по вещамъ въ нихъ найденнымъ, были относимы къ Боспоритамъ; между тѣмъ какъ въ нихъ могли быть погребены вожди варваровъ, имѣвшіе въ своемъ употребленіи вещи греческой или византійской работы.

Въ непродолжительномъ времени я надѣюсь предложить вниманію Арх. Общ. изслѣдованіе о Болгарахъ и Тмутраканской Руси[1]). Не входя въ подробности, скажу только главный выводъ, къ которому я пришелъ. Русь Тмутраканская была собственно Русь Болгаро-Славянская, т. е. въ этихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ съ IV или V вѣка, жили Болгаре, упоминаемые у византійскихъ писателей или подъ общимъ названіемъ Гуновъ, или подъ частными—Утургуровъ и Кутургуровъ. Эти-то Гунны-Болгаре впослѣдствіи, приблизительно въ IX вѣкѣ, подчинились родственному имъ славянскому племени Русь, именно въ то время, когда княжескій родъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, объединилъ подъ своею властію племена Восточныхъ Славянъ. Русь освободила Болгаръ отъ Хазарскаго ига и, сама завладѣвъ этою страною, по своему племенному родству, конечно скоро слилась съ туземными Болгарами.

Страна, откуда распространилось Болгарское племя въ вѣка доступные историческимъ наблюденіямъ, лежала къ востоку отъ Азовскаго моря: это—Кубанская низменность или то, что теперь мы называемъ Черноморьемъ. Отсюда Болгаре распространились на западъ, завладѣли полуостровомъ Таманью и потомъ восточною частію Крыма, откуда они вытѣснили Готовъ. Прокопій, византійскій писатель VI вѣка, говоритъ, что они заняли восточную полосу Таврики отъ Боспора (т. е. отъ Керчи) до Херсонеса. Гунны-Болгаре имѣли такіе же языческіе обряды погребенія, какъ и другіе восточные Славяне. Большею частію они сожигали трупъ покойника, а иногда погребали его въ цѣлости; но во вся-

[1]) См. въ моихъ *Розысканіяхъ о началѣ Руси* главу: „Болгаре и Русь на Азовскомъ поморьѣ“.

комъ случаѣ насыпали надъ нимъ курганъ,—по крайней мѣрѣ это можно сказать о людяхъ знатныхъ и богатыхъ. Съ покойникомъ они зарывали его любимыя вещи.

У Ѳеофана, византійскаго историка IX вѣка, есть извѣстіе объ обращеніи въ христіанство одного изъ князей Гунновъ, сосѣднихъ съ городомъ Боспоромъ, который въ тѣ времена (т. е. при Юстиніанѣ I) еще принадлежалъ Византіи. Этотъ князь, по имени Гордасъ (имя очевидно славянское), отправился въ Константинополь и тамъ принялъ крещеніе; при чемъ самъ императоръ былъ его воспріемникомъ. Возвратясь въ свою страну, онъ началъ истреблять идоловъ, которымъ кланялись его соплеменники, и расплавлялъ тѣ изображенія, которыя были сдѣланы изъ серебра и электрона. Впрочемъ, за свою ревность къ христіанству онъ поплатился жизнію: подданные убили его и поставили княземъ его брата. Обращаю особое вниманіе изслѣдователей Таврическихъ и Таманскихъ древностей на это извѣстіе Ѳеофана. При дальнѣйшихъ изысканіяхъ около Керчи и на Таманп необходимо отличать тѣ могильные курганы, въ которыхъ будутъ встрѣчаться серебряныя или электровыя изображенія. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ вѣроятность такимъ образомъ узнавать могилы, принадлежавшія Болгарской или Тмутраканской Руси.

Таврическіе и Таманскіе Болгаре въ X вѣкѣ встрѣчаются подъ именемъ Черныхъ Болгаръ, о которыхъ упоминаютъ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи имперіей» и Русская лѣтопись въ договорѣ Игоря. Къ этимъ-то Чернымъ Болгарамъ я отношу извѣстіе Масуди о способѣ погребенія у Болгарскихъ язычниковъ. Къ Дунайскимъ едва ли можно относить его; такъ какъ Масуди жилъ въ вѣкъ царя Симеона, т. е. въ вѣкъ процвѣтанія христіанства и богословской литературы въ Дунайской Болгаріи. А что касается до Камскихъ Болгаръ, то они были въ то время магометане. Масуди говоритъ слѣдующее: «когда умираетъ Болгаринъ, то его сожигаютъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми слугами,—или, когда кто умираетъ, то его заключаютъ въ большой покой вмѣстѣ съ женой и слугами». Ясно, что у нихъ существовали рядомъ оба способа погребенія.

Кромѣ языческихъ кургановъ на Таманп встрѣчаются могилы временъ христіанскихъ. Такъ, напримѣръ, въ 1865 директоромъ Керченскаго музея г. Люценко при раскопкахъ, произведенныхъ около станціи Сѣнной, открыты двѣ гробницы; въ одной изъ нихъ найдены серебряная пряжка отъ пояса и двѣ серебряныя монеты византійскихъ императоровъ Василія II и Константина IX. Слѣдовательно, эти гробницы отно-

сятся къ XI вѣку и составляютъ несомнѣнный памятникъ Тмутраканской Руси.

Соображая всѣ упомянутыя обстоятельства, я прихожу къ тому заключенію, что мы никакъ не должны терять надежду на открытіе памятниковъ Болгаро Тмутраканской эпохи, гораздо болѣе многочисленныхъ чѣмъ тѣ, которыми располагаемъ въ настоящее время. Только при раскопкахъ надобно научиться умѣнью отличать ихъ отъ памятниковъ другихъ народовъ. Особенно обильную жатву въ отношеніи болгарскихъ памятниковъ обѣщаютъ Кубанскіе курганы, лежащіе на правомъ берегу рѣки и до сихъ поръ почти никѣмъ не изслѣдованные, какъ по физическимъ препятствіямъ, такъ и по причинѣ хищности окрестныхъ туземцевъ.

Отъ памятниковъ вещественныхъ я перейду къ одному темному выраженію въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Описывая начало Игорева похода, поэтъ указываетъ на недобрыя примѣты и, между прочимъ, говоритъ: «Дивъ кличетъ верху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тмутраканскій балванъ». Это значитъ слѣдующее: зловѣщій филинъ кричитъ на верху дерева и даетъ вѣсть (о походѣ Русскихъ князей) чужимъ землямъ, именно Волгѣ, Поморію (Азовскому), Посулію (т. е. надбрежьямъ рѣки Сулы), странѣ Сурожской и Корсунской и тебѣ Тмутраканскій... Тутъ толкователи болѣе или менѣе становились втупикъ, или предавались разнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе неудачнымъ. Обыкновенно переводили «Тмутраканскій балванъ» буквально, т. е: Тмутраканскій идолъ. Но что это за идолъ и откуда онъ взялся? На этотъ счетъ явилась довольно остроумная догадка. Въ 1805 году археологъ Келлеръ на шелъ на берегу Ахтанизовскаго лимана каменный пьедесталъ, съ слѣдующею надписью: «Комозарія, дочь Горгипія и супруга Перисада, воздвигла по обѣту этотъ памятникъ могущественнымъ божествамъ Санергу и Астартѣ, при архонтѣ Боспора и Θеодосіи Перисадѣ, царѣ Синдовъ, всѣхъ Меотовъ и Θатеевъ». На этомъ пьедесталѣ стояли двѣ статуи упомянутыхъ бога и богини. Но волны лимана, подмывая берегъ, обрушили наконецъ этотъ памятникъ, и онъ упалъ въ воду. Теперь сохранился только пьедесталъ (если не ошибаемся, въ Керченскомъ музеѣ); а гдѣ находятся статуи — неизвѣстно. Означенный Перисадъ принадлежалъ къ боспорской династіи Спартокидовъ, и былъ современникомъ Филиппа Македонскаго и Александра Великаго. Нѣкоторые тол-

ковати Слова о Полку Игоревѣ почему-то вообразили, что подъ именемъ Тмутраканскаго балвана надобно разумѣть этотъ памятникъ царицы Комозаріи. Но подобное толкованіе не выдерживаетъ никакой критики. Вопервыхъ, памятникъ находился не гдѣ-либо на берегу Боспорскаго пролива, а внутри Таманскаго полуострова, на Ахтанизовскомъ лиманѣ; вовторыхъ, подобныхъ статуй, воздвигнутыхъ богамъ во времена Боспорскаго царства, было много; о нихъ свидѣтельствуетъ не одна дошедшая до насъ надпись. Слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Русскіе почему-то всю Тмутракань олицетворяли въ видѣ памятника Комозаріи.

Другіе толкователи думали, что здѣсь разумѣется каменная Половецкая баба. Но замѣчательно, что на Таманскомъ полуостровѣ, сколько мнѣ извѣстно, не было найдено каменныхъ бабъ. Да и съ какой стати Русскіе стали бы называть эту страну половецкою бабою, когда они не называли такъ южнорусскія степи, усѣянныя подобными бабами и служившія мѣстомъ жительства половецкихъ ордъ?—Если подъ Тмутраканскимъ балваномъ подразумѣвать непремѣнно идола, то сюда скорѣе можно отнести темное и загадочное извѣстіе Масуди о какомъ-то храмѣ у Славянъ, расположенномъ на очень высокой горѣ; въ этомъ зданіи находился идолъ, въ образѣ старика съ палкою въ рукѣ. Есть еще другое зданіе—говоритъ онъ—на горѣ, окруженной морскимъ рукавомъ: оно построено изъ коралловъ и смарагдовъ, съ большимъ куполомъ въ серединѣ; подъ куполомъ стоитъ идолъ изъ драгоцѣнныхъ камней, а голова его червоннаго золота; противъ него стоитъ идолъ дѣвицы. Но это описаніе имѣетъ сказочный характеръ, и справедливо думаютъ, что Масуди смѣшалъ здѣсь извѣстія о разныхъ народахъ, и преимущественно смѣшалъ Славянъ съ азіатскими буддистами и шаманистами. (*Гаркави* «Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ»). Если бы нѣчто подобное существовало въ Тмутракани, то оно едва ли ускользнуло бы отъ византійскихъ писателей, и особенно отъ Константина Багрянороднаго, Масудіева современника, который сообщаетъ нѣкоторыя подробности о томъ краѣ. Наконецъ, были и такіе наивные толкователи, которые въ Тмутраканскомъ балванѣ думали видѣть извѣстный Тмутраканскій камень съ надписью 1068 года.

И такъ, всѣ попытки разумѣть въ данномъ случаѣ какой-то идолъ или истуканъ оказываются несостоятельными, и мы думаемъ, что надобно искать иного объясненія упомянутому выраженію. Для этого обратимся въ область филологіи и предложимъ вопросъ: должно ли слово «балванъ» толковать здѣсь въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно у

насъ обыкновенно употребляется? Не заключается ли ошибка именно въ этомъ буквально-современномъ толкованіи?

Вообще значеніе идола, истукана, въ словѣ «балванъ» могло быть значеніемъ собственно позднѣйшимъ, переноснымъ. Корень б а л имѣетъ очень обширное примѣненіе въ славянскихъ языкахъ. Въ смыслѣ бревна, обрубка, балванъ и доселѣ употребляется у Сербовъ, т. е. значитъ почти тоже что наша б а л к а—слово происходящее отъ того же корня. Отъ него же происходитъ и наше б а л я с ы, т. е. точеные столбики. Первоначальные славянорусскіе идолы были ничто иное, какъ обтесанные столбики съ обточенными головками: указаніе на это мы можемъ найти въ извѣстіяхъ Ибнъ-Фадлана. Но обтесанное дерево, бревно, чурбанъ—есть не единственное значеніе, съ которымъ подобныя слова доселѣ сохраняются въ славянскихъ языкахъ. Я обращу ваше вниманіе на польское слово balvan, которое означаетъ вмѣстѣ и чурбанъ и волну. Вотъ это-то польское слово, по моему мнѣнію, и есть ключъ къ разгадкѣ темнаго мѣста въ Словѣ о Полку Игоревѣ. По всей вѣроятности, въ древне-славянскомъ языкѣ «балванъ» также имѣлъ значеніе волны. Вѣроятность эта усилится, если обратимъ вниманіе на цѣлую группу словъ, производныхъ отъ корня б а л. Слова этой группы употребляются болѣе или менѣе для обозначенія рѣчи, игры, движенія; таковы: балагурить, болтать (взбалтывать), баламутить, взбалмошный, баловаться и пр. (Напомню еще греческое *βάλλω*— бросаю). Такой смыслъ корня въ словѣ «балванъ» болѣе соотвѣтствуетъ понятію подвижной, игривой волны, нежели понятію дерева, чурбана,—которое представляетъ что-то неподвижное и тяжелое. И такъ, по всѣмъ признакамъ я полагаю, что слово это когда-то у Русп или у Болгаръ употреблялось въ своемъ болѣе древнемъ, первоначальномъ смыслѣ волны, и могло означать преимущественно волну морскую; откуда въ переносномъ смыслѣ означало проливъ. Такимъ образомъ «Тмутраканскій балванъ» Слова о Полку Игоревомъ можно перевести: Тмутраканскій проливъ; причемъ подразумѣвается собственно Тмутраканское побережье. Этотъ смыслъ будетъ совершенно соотвѣтствовать другимъ, рядомъ стоящимъ выраженіямъ, т. е. Поморію и Посулію. А обращеніе къ нему какъ бы къ живому лицу вполнѣ въ духѣ поэтическихъ пріемовъ Слова: напомнимъ обращеніе Ярославны къ Днѣпру Словутичу.

Керченскій проливъ, какъ извѣстно, имѣетъ довольно сильное морское теченіе изъ Азовскаго моря въ Черное и по своему положенію подверженъ вѣтрамъ; почему онъ всегда отличался волнистымъ, бур-

ливымъ характеромъ. Эта черта также могла повліять на его прозваніе. Нѣкоторое подтвержденіе для своей догадки мы находимъ у Константина Багрянороднаго въ 42 главѣ его сочиненія «Объ управленіи имперіей». Въ числѣ рукавовъ Кубани онъ упоминаетъ Бурликъ и Балъ (*Βαλ*); причемъ словомъ Бурликъ, по его извѣстію, назывался и самый проливъ. А когда припомнимъ сказанное мною о томъ, что этотъ край былъ населенъ славяно-болгарскимъ племенемъ и въ то время принадлежалъ Руси, то нисколько не должно казаться страннымъ, если приведенныя Константиномъ названія принадлежали языку славянскому. Слѣдовательно, Бурликъ выходитъ ничто иное, какъ «бурливый» Керченскій проливъ. Но если этотъ проливъ имѣлъ тождественное названіе съ однимъ изъ рукавовъ Кубани, то могъ также имѣть общее названіе и съ другимъ изъ его рукавовъ, т. е. съ Балъ,—или получить производное отъ этого корня названіе «Балванъ». Такимъ образомъ, послѣднее имя по своему смыслу является варіантомъ въ отношеніи къ имени Бурликъ. Но конечно эта моя догадка требуетъ провѣрки и подтвержденія.

О МѢСТОПОЛОЖЕНІИ САРКЕЛА [1]).

Д. Чл. Д. И. Иловайскій, по поводу доклада, сообщеннаго въ предшествующемъ засѣданіи В. И. Сизовымъ, изложилъ свое мнѣніе о мѣстонахожденіи Саркела [2]). Сгруппировавъ относящіяся къ этому вопросу данныя и соображенія, онъ пришелъ къ тому заключенію, что Саркелъ находился на переволокѣ между Дономъ и Волгою, тамъ, гдѣ эти рѣки сближаются другъ съ другомъ. Извѣстіе о построеніи на Дону крѣпости Саркела (въ 835 году) византійскими мастерами, по просьбѣ Хазарскаго кагана, находится у Константина Багрянороднаго въ его сочиненіи: «De administrando imperio»; оно же повторяется у другаго писателя X вѣка, именно Леонтія (одинъ изъ продолжителей хроники Ѳеофана), и затѣмъ вкратцѣ встрѣчается еще у писателя XI вѣка—Кедрина, который прибавляетъ, что Саркелъ былъ построенъ для защиты отъ Печенѣговъ.

[1]) Труды Моск. Арх. Об. Т. X. 1885. Протоколы. Стр. 74—76.

[2]) В. И. Сизовъ производилъ раскопки на мѣстѣ Цимлянскаго городища и предложилъ догадку, что это городище есть остатокъ Саркела.

Изъ этихъ писателей ясно вытекаетъ, что Саркелъ была крѣпость, построенная для обороны Хазарской земли отъ внѣшнихъ непріятелей; слѣдовательно, положеніе ея должно было имѣть стратегическое значеніе. Въ началѣ настоящаго столѣтія Лербергъ въ своемъ изслѣдованіи «О Саркелѣ и Бѣловежѣ» доказалъ только то, что Саркелъ лежалъ на р. Танаисѣ или Донѣ, т. е. то, что почти не требовало доказательствъ; но онъ писалъ въ отпоръ нѣкоторымъ ученымъ, которые отождествляли Саркелъ съ Бѣлгородомъ, лежащимъ на Донцѣ, въ Курской губерніи. Это отождествленіе основывали они на толкованіи слова Саркелъ у Константина Багрянороднаго «*Бѣлымъ домомъ*» и на лѣтописно-русскомъ названіи его «Бѣловѣжа». Уже Константинъ болѣе точно указалъ положеніе Саркела, сказавъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, что «Танаисъ течетъ отъ Саркела». Если взять въ разсчетъ сбивчивыя представленія византійцевъ того времени о верхней части теченія Дона и даже смѣшеніе этой части съ Волгой (такъ Ѳеофанъ, хронистъ IX вѣка, очевидно смѣшивалъ эти двѣ рѣки въ одну), если припомнить, что нижній Донъ, совокупно съ нижнею Волгою, представлялъ издревле судовой путь изъ Чернаго моря въ Каспійское, то будетъ понятна фраза Константина, который, очевидно, начинаетъ теченіе Дона отъ переволоки, т. е. откуда начинается большой судоходный путь по Дону. Съ этимъ указаніемъ вполнѣ совпадаютъ извѣстія арабскихъ писателей, именно Масуди въ его «Золотыхъ Лугахъ». Масуди ясно говоритъ о томъ судовомъ пути изъ Чернаго или Азовскаго моря въ Каспійское, по которому древніе Руссы предпринимали свои судовые походы; при чемъ нижній Донъ представляется ему рукавомъ Нейтаса, т. е. Азовскаго моря, соединяющимся съ хазарской рѣкою т. е. съ Волгою. Описывая походъ Руси 913 года, онъ говоритъ, что, дошедши до устья этого рукава, Руссы послали просить кагана о пропускѣ ихъ въ хазарскую рѣку; ибо въ этомъ мѣстѣ стоитъ большая хазарская стража, которая не пускаетъ далѣе какъ приходящихъ водою, такъ и приходящихъ сухимъ путемъ съ той стороны, гдѣ обѣ водныя полосы соединяются. Съ этой стороны нападаютъ на Хазарскую землю кочевники—Узы. Ясно, что тутъ говорится о переволокѣ между Дономъ и Волгою; а поставленная здѣсь стража конечно не стояла въ открытомъ полѣ, но жила въ крѣпости. А эта крѣпость и есть ничто иное, какъ Саркелъ. Такимъ образомъ вполнѣ подтверждается его стратегическое или оборонительное назначеніе. Константинъ Багрянородный, современникъ Масуди, также говоритъ о нападеніи конныхъ Узовъ съ сѣвера. И они дѣйствительно въ это время обитали въ сосѣднихъ степяхъ между Волгою и Дономъ; тогда

какъ Печенѣги кочевали между Дунаемъ и Дономъ. Но столѣтіемъ ранѣе, Печенѣги занимали мѣста Узовъ, а къ западу отъ нихъ кочевали Угры; слѣдовательно Кедринъ совершенно правъ говоря, что Саркелъ былъ построенъ для защиты отъ Печенѣговъ. Нижній Донъ и нижняя Волга, по словамъ Масуди, только въ зимнее время, когда покрывались толстымъ льдомъ, могли быть проходимы кочевниками. Лѣтомъ же кочевники могли вторгаться въ Хазарію только перешейкомъ между Волгою и Дономъ; по тутъ-то Саркелъ и запиралъ имъ дорогу. А это оборонительное значеніе отъ судовыхъ нашествій Руси, кромѣ приведеннаго извѣстія Масуди, подтверждается и свидѣтельствомъ нашей лѣтописи, которая говоритъ, что Святославъ взялъ Бѣлую-Вежу, и разорилъ ее. Если бы она стояла въ сторонѣ и не мѣшала русскимъ походамъ на востокъ, то ему не зачѣмъ было бы ее брать и разорять. Если бы она стояла не на переволокѣ, а гдѣ нибудь на берегу Дона, въ болѣе нижнемъ теченіи, то она не могла бы мѣшать судовымъ походамъ Руси, ибо артиллеріи тогда еще не существовало, а рѣчнаго флота у Хазаръ не было. Тотъ же Масуди, въ томъ же сочиненіи, говоритъ, что «царь хазарскій не имѣетъ судовъ и его люди не привычны къ нимъ». Слѣдовательно, будь Саркелъ расположенъ не на переволокѣ, а ниже, онъ былъ бы безполезенъ и противъ Русскихъ судовыхъ нашествій, и противъ степныхъ конныхъ набѣговъ. Очевидно, онъ имѣлъ своимъ назначеніемъ преградить прежде всего доступъ по рѣкѣ къ столицѣ государства, т. е. къ Итилю.

Наконецъ, послѣднее и рѣшающее значеніе въ ряду историческихъ извѣстій принадлежитъ «Хожденію» митрополита Пимена относящемуся къ 1389 году и помѣщенному въ Никоновской лѣтописи. «Во вторникъ же Серклію градъ минухомъ. Въ среду же плавуще минухомъ Великую Луку». Это названіе *Серклія* очевидно образовалось изъ *Саркелъ*. Тогда, т. е. 500 лѣтъ назадъ, онъ представлялъ только городище, т. е. развалины, можетъ быть отчасти скрытыя подъ холмами выросшей на нихъ земли. Важно при этомъ и указаніе на перевозъ. Изъ другихъ данныхъ мы знаемъ, что около тѣхъ мѣстъ существовалъ большой перевозъ черезъ Донъ для тѣхъ, которые ѣхали сухимъ путемъ на Волгу или съ Волги, и этотъ перевозъ пріуроченъ былъ къ той Донской пристани, которая лежала у переволоки. Соображая всѣ эти обстоятельства, мы должны искать древняго Саркела около станицы Качалинской, которая именно и служила какъ пристанью для судовъ, такъ и исходнымъ пунктомъ для сухопутнаго перевоза тяжестей изъ Дона въ Волгу, на Дубовку или Царицынъ, и только въ настоящее время утратила отчасти свое торговое значеніе съ постройкою желѣзной дороги отъ Царицына въ станицу Калачевскую.

Перешеекъ между Дономъ и Волгою простирается на нѣсколько десятковъ верстъ, и потому одна крѣпость Саркелъ не могла остановить степную конницу. Но съ Саркеломъ конечно была связана цѣлая укрѣпленная линія или собственно оборонительный валъ; насыпка такихъ валовъ была въ обычаѣ тѣхъ временъ. И дѣйствительно, между Качалинскою станицею и Царицынымъ существуютъ остатки стариннаго вала. И еще въ XVIII в. тутъ была укрѣпленная русская линія съ 4—мя маленькими крѣпостцами, для защиты отъ набѣговъ кочевниковъ. Весьма вѣроятно, что Русскіе, при устройствѣ этой линіи, воспользовались помянутымъ древнимъ валомъ.

Но если Саркелъ лежалъ на переволокѣ, то куда же надобно отнести городище съ остатками стѣнъ и зданій, лежащее на берегу Дона противъ Цимлянской станицы?

По этому поводу референтъ напомнилъ о другихъ городахъ, отчасти Хазарской эпохи, отчасти эпохи Золотой орды. Если положеніе Итиля, Семендера, Тетякова, Бездежа намъ извѣстно приблизительно, а Маджаръ—въ точности, то есть другіе города, положеніе которыхъ составляетъ спорный вопросъ. И именно такой вопросъ представляетъ богатый торговый городъ Орна или Орначъ. О немъ въ XIII в. говоритъ Плано-Карпини, прибавляя, что въ немъ жили Русскіе, Хазары, Аланы, въ томъ числѣ много христіанъ, и кромѣ того Сарацины, т. е. мусульмане. О немъ упоминаютъ и Русскія лѣтописи въ XIV вѣкѣ. Карамзинъ и Соловьевъ относили его къ устью Дона и смѣшивали съ Таною. Леонтьевъ, вслѣдъ за Френомъ и Бруномъ, оспаривалъ это мнѣніе и старался доказать, что Орна не есть Тана, и что Орна есть хивинскій Ургенчъ на Аму-Дарьѣ (Розысканія на устьяхъ Дона». Пропилеи, книга IV). Первое его положеніе можно считать достовѣрнымъ; но второе — сомнительно. Брунъ подъ конецъ жизни отказался отъ этого тождества съ хивинскимъ Ургенчемъ, но въ точности не опредѣляетъ положенія Орны (Записки Ново-Росс. Университета, т. I, Одесса 1867 г.). Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ спискахъ путешествія Плано-Карпини прямо говорится, что Орна лежитъ на Дону. Отсюда самъ собою вытекаетъ вопросъ: нѣтъ ли связи между этимъ городомъ и Цимлянскимъ городищемъ?

Орна была разрушена Тамерланомъ въ концѣ XIV вѣка. А въ XVI вѣкѣ Герберштейнъ упоминаетъ татарскій городъ Азахи, который также можно пріурочить къ мѣстности Цимлянской станицы. Около этой станицы находится не одно, а два городища. Саркелъ нельзя пріурочивать сюда уже потому, что здѣсь открываются остатки христіанскихъ храмовъ и вещи, ука-

зывающія на промышленный торговый характеръ жителей. Саркелъ же былъ не торговый городъ, а небольшая хазарская крѣпость, существовавшая менѣе полутораста лѣтъ и разрушенная Святославомъ Кіевскимъ. Его развалившіяся кирпичныя постройки едва ли могли противустоять дѣйствію вѣковъ. Вотъ почему вѣроятно и не находимъ доселѣ его остатковъ.

ДАНІИЛЪ РОМАНОВИЧЪ ГАЛИЦКІЙ И НАЧАЛО ХОЛМА [1]).

Въ начальный періодъ Русской исторіи предѣлы Волынско-русскаго племени на сѣверо-западѣ обнимали всю южную половину области, лежащей между западнымъ Бугомъ и Вислою, со включеніемъ города Люблина. Еще далѣе простиралось тогда господство восточнаго или грекославянскаго обряда, ибо сосѣдніе привислянскіе Ляхи, такъ же какъ и Чехи, по нѣкоторымъ несомнѣннымъ свидѣтельствамъ исповѣдывали православіе и имѣли церковно-славянскую письменность. Это было въ эпоху славянскихъ апостоловъ—Кирилла и Меѳодія, въ эпоху Великоморавской державы. Но потомъ, съ паденіемъ этой державы, гоненія на восточный обрядъ отъ римскаго духовенства, начавшіяся въ Панноніи и Чехіи, перешли и въ Польшу. Княжескія семьи и высшее духовенство, отступивъ отъ православія въ католичество, помогли—какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ—побѣдѣ латинскаго обряда надъ греческимъ. Особою ревностію въ этомъ гоненіи на православіе отличился чешскій архіепископъ Войтѣхъ во времена польскаго короля Болеслава Храбраго. Однако въ нѣкоторыхъ областяхъ Польши, именно пограничныхъ съ Русью, долго еще сохранялся восточный обрядъ. Въ XII вѣкѣ латинская хроника Мартина Галла раздѣляетъ жителей Польши на послѣдователей двухъ обрядовъ: славянскаго и латинскаго. Въ половинѣ этого вѣка Матвѣй, епископъ Краковскій, приглашая знаменитаго аббата клервальскаго Бернарда для искорененія русскаго обряда на берегахъ Вислы, пишетъ ему: «Этотъ Русскій народъ своимъ безчисленнымъ множествомъ подобенъ звѣздамъ небеснымъ... Русь это какъ бы особый

1) Памятники Русской Старины. Изд. Батюшковымъ. Вып. Седьмой Спб. 1885.

міръ». Любопытно, что, по замѣчанію помянутаго Мартина Галла, и самая Польша въ тѣ времена служила для иноземныхъ купцовъ только дорогою въ Русь.

Въ ту же эпоху, когда православіе вытѣснялось латинствомъ въ Привислянской Польшѣ, сократились съ этой стороны и политическіе предѣлы Галицко-Волынской Руси, благодаря раздробленію ея на удѣлы и внутреннимъ распрямъ. Татарскій погромъ еще болѣе помогъ Ляхамъ; хотя сама Польша была раздѣлена на части, а вся Галицко-волынская земля соединилась тогда подъ властію двухъ братьевъ: Даніила и Василько-Романовичей, всю жизнь отличавшихся взаимною неизмѣнною дружбою и согласіемъ. За Русью осталась часть Забужья, именно полоса между западнымъ Бугомъ и Вепремъ, получившая названіе *Вкрайны* или Украйны. Эта Украйна не имѣла естественныхъ границъ со стороны Поляковъ, и хотя тутъ уже были города Червень, Бельзъ, Ухани, Верещинъ, Угровскъ, Столпье и нѣкоторые другіе, однако Даніилъ Романовичъ рѣшилъ построить еще такой крѣпкій городъ, который могъ бы служить надежною опорою и средоточіемъ сей области,—и онъ построилъ Холмъ.

Волынская лѣтопись сохранила любопытныя подробности объ основаніи и украшеніи Холма.

Это было до нашествія Татаръ, приблизительно въ 1235 г. Даніилъ княжилъ тогда во Владимірѣ Волынскомъ, но часто посѣщалъ свою забужскую Украйну. Однажды князь забавлялся ловами на берегахъ рѣчки Угерки, одного изъ притоковъ западнаго Буга. Понравилось ему тутъ одно красивое возвышеніе, покрытое рощами и окруженное зелёными лугами. Онъ спросилъ у окрестныхъ жителей: «какъ называется сіе мѣсто?» «Холмъ ему имя»,—получилъ онъ въ отвѣтъ. Князь полюбилъ это мѣсто, и вознамѣрился построить здѣсь сначала небольшой городокъ съ церковью во имя Іоанна Златоуста. Исполнивъ это намѣреніе, онъ однако не ограничился тѣмъ, а вокругъ малаго городка или кремля потомъ заложилъ большой городъ, который старательно укрѣпилъ и обстроилъ. Кромѣ русскихъ жителей, онъ поселилъ въ немъ много выходцевъ нѣмецкихъ и польскихъ.

Съ особымъ тщаніемъ князь украсилъ храмъ посвященный Іоанну Златоусту. Главныя арки храма утверждены были на четырехъ основныхъ столпахъ, и каждый столпъ, на всѣхъ своихъ четырехъ сторонахъ, оканчивался вверху изваяніемъ человѣческой головы, какъ бы

подправшей своды. Верхи сводовъ покрыты лазурью и золотыми звѣздами (на подобіе свода небеснаго). Три алтарныхъ окна украшены были стеклами «римскими» (можетъ быть расписанными); два алтарные столба высѣчены изъ цѣльнаго камня; помостъ церкви слитъ изъ мѣди и олова; бока и арки сѣверныхъ и южныхъ дверей выложены бѣлымъ галицкимъ и зеленымъ холмскимъ камнемъ съ узорчатою рѣзьбою какого-то «хитреца« или художника Авдія. Снаружи храмъ былъ испещренъ «прилѣпами» (рѣзными изображеніями), раскрашенными и отчасти позолоченными; между прочимъ надъ южными дверями изваянъ образъ Спасителя, а надъ сѣверными Златоуста. Нѣкоторыя иконы, унизанныя дорогими камнями и бисеромъ, были принесены княземъ изъ Кіева и Овруча, каковы: Спаса, Богородицы, Михаила и Срѣтенія. Первыя двѣ сестрою князя, Ѳеодорою (супругою Михаила Черниговскаго, впослѣдствіи замученнаго въ Ордѣ), взяты изъ кіевскаго Ѳеодорова монастыря; а Срѣтеніе была отцовская икона изъ Овруча. Колокола одни слиты на мѣстѣ, другіе также привезены изъ Кіева. Второй, сооруженный княземъ храмъ въ Холмѣ, былъ освященъ во имя Пресвятой Троицы и третій—во имя Козьмы и Дамьяна.

Посреди города Даніилъ возвелъ на каменномъ основаніи бѣлую, деревянную вежу, съ вершины которой открывался далекій видъ во всѣ стороны. Эта вежа служила сторожевою башнею и вмѣстѣ украшеніемъ для города. Подлѣ нея ископанъ чрезвычайной глубины (въ 35 саж.) студенецъ или колодезь, долженствовавшій снабжать водою жителей, особенно во время осады; а кругомъ былъ разведенъ прекрасный садъ. (Колодезь существуетъ и доселѣ). Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города Даніилъ воздвигъ каменный «столпъ» или четырехгранную башню, наверху которой стоялъ высѣченный изъ камня двуглавый орелъ, изображавшій знамя или гербъ его державы. (Слѣдовательно сей гербъ былъ заимствованъ южно-русскими князьями изъ Византіи гораздо ранѣе Московскихъ государей). Кромѣ этой башни, до нашего времени сохранились остатки другой подобной, стоявшей также внѣ города. Надобно полагать, что онѣ защищали подступы къ городу и входили въ систему обычныхъ въ тѣ времена внѣгородскихъ валовъ и укрѣпленій. Твердыни Холма были таковы, что въ эпоху Батыева нашествія онъ оказался въ числѣ немногихъ городовъ, которые Татары тщетно осаждали и не могли взять. Эта безопасность привлекла къ нему еще болѣе поселенцевъ, которые наполнили и городъ, и окрестныя села. Съ особою охотою Даніилъ принималъ сюда разныхъ ремесленниковъ, бѣжавшихъ передъ Татарами, какъ-то: сѣдельниковъ, лучниковъ, тульниковъ (тулъ—

колчанъ), кузнецовъ, мѣдниковъ, серебряниковъ и т. п. Съ помощью ихъ онъ еще болѣе распространилъ и украсилъ Холмъ, который сдѣлался столицею Червонной Руси на все остальное время Даніилова княженія. Въ этотъ городъ онъ перевелъ изъ Угровска епископскую каѳедру Забужья.

Около трехъ лѣтъ Даніилъ Романовичъ не слѣдовалъ примѣру сѣверо-восточныхъ князей и не ѣхалъ самъ въ Золотую Орду выпрашивать ярлыкъ на свои волости. Но вотъ въ 1245 году пришло отъ Батыя грозное слово. Щадя свою землю, князь рѣшилъ на время подчиниться необходимости, и отправился на берега Волги для изъявленія своей покорности. Ханъ видимо былъ доволенъ покорностію такого знаменитаго, сильнаго князя. 25 дней Батый продержалъ Даніила въ Ордѣ; затѣмъ милостиво отпустилъ, утвердивъ за нимъ отцовскія владѣнія. Но тяжела показалась гордому русскому князю ханская милость, послѣ того, какъ пришлось унижаться передъ варваромъ, становиться передъ нимъ на колѣни и называться его холопомъ. Съ той поры сверженіе ига сдѣлалось его завѣтною мечтою.

Прошло семнадцать лѣтъ послѣ Батыева погрома, и юго-западная Русь успѣла нѣсколько отъ него отдохнуть. Благодаря плодородной почвѣ и довольно развитой промышленности, а главное благодаря хозяйственной дѣятельности Даніила и Василька, стали заживать раны Галицко-Волынской земли. Она снова почувствовала свою силу. Даніилъ Романовичъ вошелъ въ тѣсныя родственныя связи съ угорскимъ королемъ Белою IV, съ князьями польскими, принималъ даже дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ событіяхъ Средней Европы, и вообще занялъ видное мѣсто среди европейскихъ государей. Съ 1254 года онъ уже носилъ титулъ короля; обрядъ королевскаго вѣнчанія былъ совершенъ папскимъ легатомъ въ городѣ Дрогичинѣ. Папа Иннокентій IV хлопоталъ тогда объ уніи, т. е. подчиненіи русской церкви римскому главенству, и обѣщалъ воздвигнуть новый крестовый походъ, чтобы помочь Даніилу для сверженія татарскаго ига. Но когда папскія воззванія къ таковому походу остались безплодны, Даніилъ прервалъ свои сношенія съ римской куріей. Однако онъ не покинулъ своихъ намѣреній относительно Татаръ и поднялъ противъ нихъ открытое возстаніе, пользуясь нѣкоторыми замѣшательствами, наступившими въ Ордѣ по смерти Батыя, и заключилъ союзъ съ прежнимъ своимъ врагомъ литовскимъ княземъ Миндовгомъ. Успѣху этого возстанія въ началѣ помогли слабость и нерѣшительныя дѣйствія ближайшаго татарскаго темника или воеводы Куремсы. Сей послѣдній, между прочимъ, осадилъ было стольный Влади-

міръ-Волынскій. Въ это самое время, мѣстопребываніе Даніила, городъ Холмъ загорѣлся отъ неосторожности одной простой женщины (отъ «окаянныя бабы», какъ выражается лѣтопись). Пожаръ испепелилъ весь городъ. Пламя было такъ сильно, что ночью его видѣли изъ дальнихъ мѣстъ. Жители ихъ подумали, что Холмъ уже взятъ и зажженъ Татарами; повсюду распространился ужасъ; народъ во множествѣ спасался въ лѣса и дебри, такъ что Даніилъ и Василько долго не могли собрать достаточно войска, чтобы идти на Куремсу. Послѣдній однако не съумѣлъ воспользоваться этимъ смятеніемъ и переполохомъ въ Холмщинѣ. Отбитый гражданами отъ Владиміра, онъ осадилъ было Луцкъ. Здѣсь Татары поставили порокъ или камнеметное орудіе, но поднялся такой противный вѣтеръ, что камни падали почти на самихъ осаждающихъ; наконецъ и самое орудіе сломалось. Куремса не сталъ дожидаться, пока подоспѣютъ Даніилъ и Василько, и безъ всякаго успѣха ушелъ въ степь. Это происходило въ 1259 году.

Избавясь отъ Куремсы, Даніилъ дѣятельно принялся возстановлять свой любимый Холмъ. Его храмы были вновь отстроены и вновь освящены холмскимъ епископомъ Иваномъ. Король создалъ (или возобновилъ) и богато украсилъ каѳедральный соборъ во имя Пресвятой Богородицы. Между его украшеніями лѣтописецъ особенно указываетъ на изящную чашу, изваянную изъ багрянаго мрамора и принесенную изъ Угорской земли. Она была поставлена передъ царскими дверьми алтаря, и въ ней святили воду на Богоявленіе. Даніилъ вновь и старательно укрѣпилъ городъ. Только высокой бѣлой вежи онъ не успѣлъ возобновить, потому-что много ему было тогда хлопотъ съ постройкой и укрѣпленіемъ разныхъ городовъ, на случай новаго татарскаго нашествія. Но вмѣсто того, чтобы беречь свои силы для борьбы съ варварами, галицкій король неразсчетливо тратилъ ихъ для чужого дѣла. Онъ отправился на помощь угорскому королю Белѣ противъ Чеховъ, и вмѣстѣ съ нимъ потерпѣлъ пораженіе отъ чешскаго короля Оттокара на берегахъ Моравы, въ іюлѣ 1260 года.

Въ томъ же году совершилось новое татарское нашествіе.

Когда внутреннія замѣшательства въ Ордѣ окончились, ханъ Беркай отозвалъ неспособнаго Куремсу, а на его мѣсто прислалъ съ новыми полчищами стараго Бурундая, сподвижника Батыева при завоеваніи Руси. Хитрый, опытный Бурундай прежде всего постарался перессорить галицкаго короля съ Миндовгомъ, союзъ которыхъ и безъ того не былъ проченъ. Сначала татаринъ обратился на Миндовга, а Даніилу послалъ приказъ идти вмѣстѣ съ нимъ на Литву. Даніилъ на сей разъ не

рѣшился отвѣтить отказомъ. Однако, опасаясь отдать себя въ руки Татаръ, онъ самъ не поѣхалъ, а послалъ съ своей дружиной брата Василька. Король проводилъ его до Берестья. Въ ближнемъ городѣ Мельникѣ была икона Спаса Избавника; Даніилъ усердно молился ей и далъ обѣтъ богато украсить икону, если братъ благополучно вернется. Послѣдній, чтобы угодить Бурундаю, усердно началъ воевать Литву. Татаринъ достигъ своей цѣли: Литва была разгромлена, и между бывшими союзниками возникла жестокая вражда. Въ слѣдующемъ 1261 году онъ явился снова. «Встрѣтьте меня, если вы мирны со мною; а кто не встрѣтитъ, тотъ со мною ратенъ»,—возвѣстили гонцы Бурундая галицко-волынскимъ князьямъ. Смутились эти князья; но помощи ждать было неоткуда, а собственными средствами сопротивляться было бы безполезно. Даніилъ снова уклонился отъ поѣздки къ татарскому воеводѣ, а послалъ съ братомъ вмѣсто себя старшаго сына Льва и епископа холмскаго Ивана. Не смотря на поднесенные ему богатые дары Бурундай принялъ князей весьма гнѣвно за то, что Даніилъ опять не пріѣхалъ. «Если вы мирны со мною, то размечите всѣ свои города» (т. е. городскія стѣны). Дѣлать было нечего; Василько и Левъ, находясь въ рукахъ Татаръ, рѣшили исполнить требованіе, хотя бы и не вполнѣ. Началось дѣло разрушенія. Въ числѣ другихъ разметаны были стѣны Львова, Кременца, Луцка; а стѣны обширнаго Владиміра Волынскаго, для сокращенія времени, преданы пламени. Межъ тѣмъ Даніилъ, извѣщенный владыкою Иваномъ о гнѣвѣ Бурундая, устрашился, покинулъ Холмъ и уѣхалъ въ Польшу, а оттуда въ Угрію.

Татарскій воевода, въ сопровожденіи Василька, отъ Владиміра направлялся къ Холму. Но этотъ, отлично укрѣпленный городъ, снабженный пороками и самострѣлами, былъ охраняемъ вѣрными боярами, Константиномъ и Лукою Иванковичемъ съ храброю дружиною. Бурундай осмотрѣлъ его съ разныхъ сторонъ и убѣдился, что силою было бы трудно его взять.

«Василько,—сказалъ онъ—это городъ твоего брата, поѣзжай и скажи горожанамъ, чтобы передались».

Для присутствія при переговорахъ, съ княземъ посланы трое Татаръ и переводчикъ. Умный Василько нашелся. Онъ взялъ въ руку нѣсколько каменьевъ, и, подъѣхавъ къ стѣнамъ, началъ громко говорить:

«Константине, холопе, и ты, другой холопе, Лука Иванковичъ. Это городъ моего брата и мой. Передайтесь». Сказавъ это, князь бросилъ на землю одинъ за другимъ три камня, давая тѣмъ разумѣть, что надобно обороняться метательными орудіями, а не сдаваться. Константинъ, стоя на заборалѣ, понялъ мысль князя и закричалъ ему въ отвѣтъ:

«Уѣзжай прочь, а то пожалуй угодимъ тебѣ камнемъ въ голову; ты теперь уже не братъ своему брату, а его врагъ».

Татары передали Бурундаю слова Василька и отвѣтъ горожанъ. Старый воевода оставилъ Холмъ въ покоѣ. Отсюда онъ устремился съ своимъ полчищемъ и съ тѣми же волынско-галицкими князьями на Ляховъ. Очевидно, онъ и на этотъ разъ избѣгалъ открытой борьбы съ русскими, а хотѣлъ разрушить ихъ союзъ съ польскими князьями, какъ въ прошломъ году разрушилъ союзъ съ литовскими. Бурундай прошелъ область Люблинскую, у Завихоста переправился за Вислу и осадилъ Судоміръ. Татары по обычаю окружили весь городъ своими телѣгами, тыномъ, валами; поставили пороки и начали день и ночь громить стѣны камнями и метать стрѣлы, такъ что защитники не могли показаться на заборалахъ. Три дня продолжалось дѣйствіе метательныхъ снарядовъ, пока не были сбиты верхнія заборала; а на четвертый варвары приставили лѣстницы, ворвались въ городъ и пошли двумя толпами въ разныя стороны, каждая имѣя впереди себя татарина, несущаго знамя. Послѣдовала обычная картина безпощаднаго избіенія жителей; начался пожаръ; дворы, крытые соломою, распространили его по всему городу. Соборная церковь, построенная изъ бѣлаго тесаннаго камня, имѣвшая верхъ деревянный, также сгорѣла со множествомъ народа, искавшаго въ ней спасенія. Бояре и вообще лучшіе граждане укрылись было въ дѣтинецъ; но, угрожаемые съ одной стороны огнемъ, съ другой — непріятелемъ, приготовились къ смерти. Игумены, священники и дьяконы отпѣли обѣдню, причастились сами, потомъ стали исповѣдывать и причащать бояръ и гражданъ съ ихъ женами и дѣтьми; по множеству людей, исповѣдь ихъ принимали не только священники, но и дьяконы. Всѣ они со крестами, хоругвями, свѣчами и кадилами вышли изъ замка и сдались на милость варваровъ; но были выведены за городъ и тамъ избиты безъ всякой пощады. Отсюда Татары двинулись въ глубь Польши и разорили городокъ на Лысой горѣ съ каменнымъ храмомъ св. Троицы (тамъ, гдѣ теперь Бенедиктинскій монастырь св. Креста). Послѣ того Татары ушли назадъ.

Изъ разсказа русскаго лѣтописца-современника объ этомъ варварскомъ нашествіи мы ясно видимъ, что во второй половинѣ XIII вѣка жители Судоміра и его области еще сохраняли греко-славянскій обрядъ. О храмѣ св. Троицы и св. Креста на Лысой горѣ, самъ польскій лѣтописецъ XV вѣка Длугошъ сообщаетъ, что онъ былъ построенъ и внутри расписанъ иконами въ греческомъ, т. е. византійскомъ стилѣ. Впрочемъ имѣются и другія несомнѣнныя свидѣтельства о существованіи въ

тѣ времена православныхъ храмовъ и славянскаго богослуженія въ привислянской Польшѣ и даже въ самомъ Краковѣ. Нечего и говорить, какъ еще сильно было тогда православіе въ ближайшей люблинской области, хотя попытки Романа Волынскаго и Даніила Галицкаго воротить эту область подъ русское владычество остались безуспѣшны.

Послѣ Бурундаева нашествія король Даніило воротился въ свою землю. Разоренныя укрѣпленія городовъ ясно убѣдили его въ своемъ безсиліи свергнуть ненавистное иго. Пришлось снова признать себя данникомъ. Однако онъ не унизился до новой поѣздки въ Орду. И самъ Бурундай очевидно дѣйствовалъ съ осторожностью по отношенію къ галицкому королю, сильнѣйшему изъ русскихъ государей того времени. Вообще варвары относились къ нему съ уваженіемъ, и тяжесть татарской зависимости для Галицко-волынской Руси была гораздо легче, нежели для другихъ русскихъ земель.

Въ 1264 году окончилась многотрудная жизнь славнаго галицкаго короля Даніила. Онъ былъ погребенъ въ своей любимой резиденціи, т. е. въ Холмѣ, и каменный гробъ его по обычаю поставленъ въ стѣнной нишѣ, въ созданномъ имъ каѳедральномъ соборѣ Богородицы. Тутъ же погребены и два его сына: Романъ и Шварнъ. Надъ гробами князей горѣли свѣчи, повидимому неугасимыя. Объ этихъ обстоятельствахъ узнаемъ изъ Волынской лѣтописи по слѣдующему случаю.

Сынъ и преемникъ Даніила, Левъ, утвердилъ столицу Червонной Руси въ томъ городѣ, который отцомъ его былъ основанъ и названъ въ его честь, т. е. во Львовѣ. Двоюродный братъ его Владиміръ Васильковичъ былъ тяжко болѣнъ и готовился къ смерти. Будучи бездѣтнымъ, онъ завѣщалъ свое Волынское княженіе Мстиславу Даниловичу, младшему брату Льва, къ великому неудовольствію сего послѣдняго. Левъ Даниловичъ и сынъ его Юрій (имѣвшій своимъ удѣломъ Холмскую украйну) только что потерпѣли неудачу въ новой попыткѣ отвоевать у Поляковъ Люблинскую область. Они начали хлопотать о томъ, чтобы Владиміръ отказалъ Берестейскій удѣлъ Юрію Львовичу. Сначала прислалъ къ дядѣ съ этою просьбою Юрій, но получилъ отказъ. Потомъ отъ самаго Льва Даніиловича пріѣхалъ посломъ перемышльскій епископъ Мемнонъ въ городъ Любомль, гдѣ лежалъ умирающій Владиміръ Васильковичъ. Это было въ 1288 году.

Перемышльскій владыко такими словами правилъ свое посольство:

«Господине! вотъ что братъ велѣлъ молвить тебѣ: дядя твой, король

Данило, а мой отецъ, лежитъ въ Холмѣ у святой Богородицѣ, тутъ же лежатъ кости сыновей его, а монхъ братьевъ: Романа и Шварна. А нынѣ я слышалъ про твою великую немочь; не погаси свѣчей надъ гробомъ дяди и братьевъ твоихъ, дай городъ Берестье: это будетъ твоя свѣча».

Владиміръ вновь отказалъ въ этой просьбѣ и съ честью отпустилъ владыку. Хотя Холмъ только короткое время былъ стольнымъ городомъ Даніиловой державы; однако послѣ того онъ навсегда сохранилъ за собою значеніе церковнаго и умственнаго средоточія Забужской Руси.

О ПОСТРОЕНІИ ГОРОДА ХОЛМА [1]).

Д. чл. Д. И. Иловайскій предложилъ вниманію Общества извѣстіе Волынской лѣтописи о построеніи города Холма Даніиломъ Романовичемъ, въ 30-хъ годахъ XIII столѣтія. Извѣстіе это очень важно для русской археологіи по своимъ подробностямъ, но страдаетъ по мѣстамъ темнотою и испорченностью текста. Большая часть его подробностей относится къ постройкѣ и украшенію храма Іоанна Златоустаго; при чемъ особенное затрудненіе представляютъ слова лѣтописи о «стояніи (или комаръ т. е. храмовыхъ сводовъ, или четырехъ основныхъ столбовъ) на 4-хъ человѣческихъ головахъ», такъ какъ въ другихъ нашихъ древнихъ храмахъ референтъ не встрѣтилъ этому аналогіи. Затѣмъ онъ указалъ, между прочимъ, на то, что помостъ этого храма былъ слитъ изъ мѣди и олова, слѣдовательно князь не жалѣлъ для него издержекъ, тогда какъ другіе богатые храмы древней Руси имѣли полъ каменный, хотя бы и украшенный мозаичными фигурами. Любопытно также указаніе лѣтописи на то, что храмъ былъ украшенъ снаружи прилѣпами, т. е. рѣзными изображеніями, раскрашенными и отчасти позолоченными. Въ этомъ отношеніи референтъ видитъ аналогію съ оброннными украшеніями Суздальскихъ храмовъ, указывающими на романское или западное вліяніе. На то же вліяніе, по его мнѣнію, указываютъ три алтарныя окна со стек-

[1]) Труды Моск. Археол. Общ. IX. Протоколы. 3—4. 1881. Обращаю вниманіе читателей на то, что рефераты, сообщенные мною изустно, въ протоколахъ записывались вкратцѣ; т. е. передавалось только ихъ содержаніе.

лами римскими, т. е. росписанными, какъ можно полагать, подобно стекламъ средневѣковыхъ католическихъ храмовъ. Далѣе онъ обратилъ вниманіе на возведеніе столбовъ или башенъ также по средневѣковому образцу; одна изъ нихъ въ срединѣ города, съ каменнымъ основаніемъ, а другая—внѣ города вся каменная. Наверху послѣдней былъ изваянъ изъ камня орелъ съ «головами», отсюда можно думать, что это былъ орелъ двуглавый, и, слѣдовательно, византійскій гербъ появился на Руси гораздо ранѣе Ивана III. По поводу вежъ, возведенныхъ Даніиломъ въ Холмѣ, референтъ напомнилъ, что племянникъ его Владиміръ Васильевичъ Волынскій впослѣдствіи выстроилъ также двѣ каменныя вежи въ 17 саженъ вышины, одну въ Берестьѣ, а другую въ Каменцѣ-Литовскомъ. Послѣдняяя, т. е. Каменецкая башня (Гродненской губ.). сохранилась до нашего времени. Но странно, что такой крупный и рѣдкій памятникъ нашего средневѣковаго государственнаго быта находится въ частномъ владѣніи и можетъ быть всегда уничтоженъ по волѣ владѣльца. При этомъ Д. И. Иловайскій выразилъ желаніе, чтобы на сохраненіе его было обращено надлежащее вниманіе кого слѣдуетъ. Затѣмъ референтъ сообщилъ, что лѣтописное извѣстіе о построеніи Холма оканчивается багряно-мраморною чашею для освященія воды, поставленною передъ царскими дверьми соборнаго храма Богородицы. Чаша украшена была барельефами изъ змѣиныхъ головъ; епископъ устроилъ для нея что-то точеное изъ краснаго дерева, но что именно—не сказано; можно полагать, крышку, подставку и кропило. Въ заключеніе Д. И. Иловайскій просилъ гг. сочленовъ сдѣлать на его сообщеніе свои замѣчанія и дополненія.

Графъ А. С. Уваровъ отозвался на просьбу референта и предложилъ объясненіе на нѣкоторые архитектурные термины, употребленные въ лѣтописи. По мнѣнію его, слова: «комары 4, съ каждаго угла преводъ, и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣцскихъ изваяно» означаютъ: между четырьмя столбами храма перекинуты были четыре свода (комары) для поддержанія барабана средняго купола. Четыре столба составляли углы, у которыхъ соединялись по два эти своды. Это соединеніе начала двухъ сводовъ названо «преводомъ» и соотвѣтствуетъ тому термину, который называется *pendentif;* а самое начало сводовъ, «стоянье», опиралось на кронштейнахъ, изображающихъ человѣческія головы. У Віоле-ле-Дюка въ Архитектурномъ Словарѣ (книга VII, стр. 111) нарисована человѣческая голова, украшающая pendentif, но не служащая кронштейномъ. Выраженіе «стеклы римьскые» означаетъ, можетъ быть, расписанныя стекла, употребляемыя въ римскихъ или латин-

ских церквахъ. Слова «Помость бѣ слитъ отъ мѣди и отъ олова чиста» должны показывать богатство внутренней отдѣлки. Въ XIII вѣкѣ бронза составлялась со свинцомъ, который у насъ въ Россіи и по всей Европѣ былъ довольно нерѣдкимъ металломъ; между тѣмъ какъ *олово* добывалось только въ Англіи и навѣрно было дороже свинца. Камнемъ «зеленымъ Холмъскымъ» назывался, можетъ быть, серпентинъ (змѣевикъ), который изобилуетъ въ Чехіи и въ Саксоніи, или, можетъ быть, діоритъ, который часто попадается на югѣ Россіи. Выраженіе: «прилѣпы отъ всѣхъ шаровъ и злата» означало, вѣроятно, обронныя украшенія, расписанныя шаровыми красками и кое-гдѣ вызолоченныя. Это любопытное указаніе на употребленіе полихроміи. Наконецъ, столбы или башни, воздвигаемые въ «средѣ города», служатъ также доказательствомъ западнаго вліянія и въ особенности итальянскаго. Затѣмъ описаніе «крестильницы» или купѣли, украшенной снаружи символическими изображеніями — «змѣевы главы бѣша округъ ея» — вполнѣ соотвѣтствуетъ каменнымъ купѣлямъ романскаго стиля, которыя встрѣчаются во всѣхъ почти древнихъ церквахъ Запада.

ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ И БѢЛОРУССІЯ [1])

Разсказы изъ Русской Исторіи. Исторія Новгорода Великаго. Сочиненіе Ив. Бѣляева. Книга вторая. Москва. 1864.

Книга, заглавіе которой выписано нами, принадлежитъ одному изъ лучшихъ знатоковъ нашей старины, давно извѣстному въ литературѣ своими трудами по древней русской исторіи и древнерусскому быту. Своему настоящему труду онъ придалъ форму «Разсказовъ изъ Русской Исторіи», и Новгороду посвященъ одинъ томъ изъ этихъ разсказовъ. Собственно историческому отдѣлу или «Жизни Новгорода Великаго» предшествуетъ у него отдѣлъ бытовой или «строй жизни Великаго Новгорода». Послѣдній лучше всего обнаруживаетъ весьма близкое знакомство автора съ лѣтописными источниками нашей древней исторіи. Не имѣя въ виду писать разборъ этой интересной книги, составляющей одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній нашей исторической литературы послѣдняго вре-

[1]) Рус. Вѣстн. 1864. Августъ.

мени, мы остановимся только на одномъ частномъ вопросѣ, именно на мнѣніи автора объ отношеніи Новгорода къ Кривскому племени.

Въ первомъ періодѣ нашей исторіи господствуютъ два города, имена которыхъ связаны съ самыми дорогими воспоминаніями русскаго человѣка. Это Кіевъ и Новгородъ. Оба они лежали на главномъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, оба одновременно появляются въ исторіи, и трудно было бы отдать предпочтеніе тому или другому изъ нихъ въ дѣлѣ первоначальнаго развитія русской національности. Характеръ ихъ быта носитъ на себѣ общія черты, однако имѣетъ и значительныя оттѣнки. Князь и народное вѣче равно присущи тому и другому городу; но въ Новгородѣ выдвигается на первый планъ вѣче, а въ Кіевѣ преобладаетъ княжеское начало (вполнѣ развившееся потомъ въ сѣверо-восточной Руси). Торговая дѣятельность тамъ и здѣсь достигаетъ значительныхъ размѣровъ; при чемъ на сѣверѣ преобладаютъ сношенія съ скандинаво-нѣмецкою цивилизаціей, на югѣ—съ византійскою. Не проводя дальнѣйшей параллели между двумя центрами начальной русской исторіи, перейдемъ прямо къ ихъ племенному значенію. Эта двойственность центра является плодомъ не однихъ географическихъ условій и постороннихъ вліяній; она находится въ тѣсной связи съ раздвоеніемъ этнографическимъ.

Въ IX столѣтіи мы находимъ тѣ же двѣ вѣтви восточныхъ Славянъ, которыя и теперь занимаютъ пространство такъ называемой западной Россіи. Сѣверную половину этого пространства населила вѣтвь Кривская, которая позднѣе сдѣлалась извѣстна подъ именемъ Бѣлоруссовъ; южную заняли Русины или такъ называемые Малороссы. Хотя лѣтописецъ говоритъ не о двухъ только племенахъ, а перечисляетъ ихъ довольно большое количество (на сѣверѣ: Кривичи, Полочане, Дреговичи, Славяне ильменскіе и пр.; на югѣ: Поляне, Древляне, Хорваты, Бужане и др.); но подобное подраздѣленіе встрѣчается и послѣ, и въ наше время, когда никто не сомнѣвается въ распаденіи Западно-Руссовъ на двѣ главныя группы, бѣлорусскую и малорусскую; кромѣ этихъ главныхъ развѣтвленій, какъ извѣстно, существуютъ еще Черноруссы, Червонноруссы, Полѣшуки, Подлясяне и пр. Точныя границы между тою и другою группою довольно трудно найти и теперь, а для древнѣйшей эпохи несравненно труднѣе, по недостатку данныхъ. Нѣкоторое сознаніе о племенномъ единствѣ сѣверной группы впрочемъ можно встрѣтить и во время лѣтописца. Такъ Полочане сначала упоминаются особымъ племенемъ отъ Кривичей; но потомъ полоцкія области иногда называются «Кривичами», а полоцкіе князья «кривскими» (напримѣръ, подъ 1161 г.)

Что касается Ильменскихъ славянъ, то по всѣмъ признакамъ, изъ двухъ западнорусскихъ группъ мы должны отнести ихъ также къ сѣверной, т. е. кривской. Слѣдовательно, Новгородъ является такимъ же племеннымъ представителемъ бѣлорусскаго элемента въ нашей исторіи, какимъ служитъ Кіевъ въ отношеніи къ элементу южнорусскому. Какъ ни просто кажется это положеніе, однако оно не составляетъ общепризнаннаго факта и имѣетъ еще видъ вопроса, который впрочемъ до сихъ поръ не обращалъ на себя особаго вниманія изслѣдователей. [1])

Г. Бѣляевъ не отдѣляетъ въ своей книгѣ Новгородцевъ отъ Кривичей, но онъ ставитъ ихъ въ отношенія обратныя тѣмъ, которыя кажутся наиболѣе естественными. Новгородцы (и Псковичи) съ группою своихъ ближайшихъ колоній, какъ надобно полагать были непосредственною отраслію Кривичей, которая далѣе другихъ выдвинулась въ глубь финскаго сѣвера. Г. Бѣляевъ, наоборотъ, утверждаетъ, что Новгородцы пришли на берега Ильменя прямо съ Дуная, а Полочане, Кривичи и Сѣверяне «были колонистами новгородскими» (216 стр.). Но, вопервыхъ, неудобно предположить, чтобы Славяне съ Дуная сквозь степи и необозримые лѣса и болота перешли прямо на берега Ильменя, построили тутъ городъ, и ужъ отсюда высылали колонистовъ въ ту сторону, черезъ которую прежде прошли не останавливаясь; а вовторыхъ, какимъ образомъ одинъ городъ съ окрестностями могъ выслать столько колоній, что онѣ образовали цѣлыя сплошныя племена? Мы знаемъ, какъ въ историческое время совершалась новгородская колонизація на сѣверовостокѣ Россіи; тамъ эти колоніи долго являются только оазисами на финской почвѣ и нигдѣ сплошными племенами. Самое направленіе новгородской и цѣлой русской колонизаціи есть не что иное, какъ постоянное движеніе съ югозапада на сѣверовостокъ, и это направленіе было конечно самое естественное, самое возможное. Тѣ лѣтописныя свидѣтельства, которыя почтенный авторъ приводитъ въ пользу своей мысли, по нашему мнѣнію, ее не подкрѣпляютъ. [2])

---

[1]) Что касается до Великорусскаго племени, въ образованіи его участвовали обѣ вѣтви, сѣверная и южная, однако при сильномъ преобладаніи сѣверной, на что ясно указываетъ языкъ. Кривичи, при своемъ появленіи въ исторіи, занимаютъ верховья Волги—этого главнаго канала великорусской жизни.

[2]) А именно: „Словѣни держатъ свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане, отъ нихъ же Кривичи.... таже Сѣверъ (Сѣверяне) отъ нихъ“. Эти слова лѣтописца изображаютъ только современный ему географическій порядокъ племенъ, и, пожалуй, намекаютъ на племенное

Г. Бѣляевъ приводитъ эти лѣтописныя свидѣтельства собственно въ опроверженіе Костомарова, который считаетъ Новгородцевъ непосредственно малорусскими колонистами, поселившимися посреди Кривичей (*Съверно-русскія народоправства*). Г. Костомаровъ основывается въ этомъ случаѣ на одномъ сказаніи, встрѣчающемся въ хронографахъ, и потомъ на нѣкоторыхъ филологическихъ соображеніяхъ. Сказаніе «О исторіи еже отъ начала русскія земли и созданіи Новгорода» представляется однимъ изъ самыхъ баснословныхъ, въ которомъ обрывки разныхъ преданій перепутаны съ собственными умствованіями какого-нибудь изъ нашихъ старинныхъ книжниковъ. Разсказы въ такомъ родѣ продолжаютъ сочиняться и въ наше время. Для примѣра укажу на *Путевыя записки* г. Якушкина по Псковской губерніи; обратите вниманіе на записанные имъ разсказы объ Ольгѣ и князѣ Всеволодѣ, о царѣ Грозномъ во Псковѣ и т. п. Что касается до этимологическихъ сближеній г. Костомарова, то они также не выдерживаютъ критики. Возьмемъ, напримѣръ, одно изъ главныхъ его доказательствъ: произношеніе *и* вмѣсто *ъ*. Ходаковскій, извѣстный путешественникъ по Россіи въ первой четверти настоящаго столѣтія, также указалъ на эту черту мѣстнаго говора, сходную съ малороссійскимъ. (*Русскій Историческ. Сборникъ*. Томъ III); но онъ приводитъ и многіе другіе этимологическіе факты, которые ясно говорятъ о кривицкомъ происхожденіи новгородскаго нарѣчія. Въ ряду этихъ фактовъ первое мѣсто занимаетъ дзеканье, т. е. прибавленіе буквы *з* послѣ *д*. По дорогѣ, изъ Ладоги въ Новгородъ, Ходаковскій встрѣчалъ партіи бѣлорусскихъ крестьянъ, возвращавшихся съ работъ на Вытегорскомъ каналѣ, и тутъ имѣлъ случай на практикѣ убѣдиться въ сходствѣ новгородскаго нарѣчія съ полоцкимъ. Кромѣ того, онъ приводитъ многія мѣстныя географическія названія, напоминающія отчасти южную Русь, по большею частію Бѣлоруссію. Относительно измѣненія *ъ* въ *и*, надобно замѣтить, что оно не составляетъ черты исключительно мало-

---

родство сѣверной группы; но можно ли понимать ихъ непремѣнно въ томъ смыслѣ, что Кривичи *произошли* отъ Новгородцевъ? Еще менѣе можно основывать подобные этнографическіе выводы на второмъ, очень отрывочномъ свидѣтельствѣ; „Словѣни же (пришедше съ Дуная) сѣдоша около озера Ильменя, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша Новгородъ“. Въ лѣтописи обыкновенно за этими словами слѣдуетъ: „и посадиша старѣйшину Гостомысла“. Что касается до путешествія апостола Андрея, не слишкомъ ли смѣло выводить изъ этого преданія положительный историческій фактъ, будто Приднѣпровье было необитаемою пустынею, а берега Ильменя едва ли не первое населенное мѣсто, встрѣчаемое тогда на пути изъ Чернаго моря въ Балтійское?

россійскаго говора; та же черта встрѣчается и въ нѣкоторыхъ чистобѣлорусскихъ мѣстностяхъ. (См. *Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію*—Киркора. *Этнографическій сборникъ*. Томъ III). Все это подтверждаетъ, конечно, близкое родство обѣихъ западно-русскихъ вѣтвей, которое, чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ было ближе.

Въ теченіе вѣковъ непремѣнно должны были развиться оттѣнки между говорами, новгородскимъ и собственно бѣлорусскимъ, и кое-какія первобытныя черты могли сохраниться въ первомъ болѣе, чѣмъ во второмъ. Съ XIV и почти до XIX столѣтія между Новгородскою землей и Бѣлорусскою прошли вѣка польско-литовскаго владычества, которые не могли не оставить своихъ слѣдовъ на этнографическомъ складѣ Бѣлоруссовъ. Извѣстно, какими красками изображается бѣлорусскій типъ, сложившійся подъ двойнымъ гнетомъ, политическимъ и религіознымъ. Настоящій бѣлорусскій языкъ также носитъ на себѣ несомнѣнные наплывы польской стихіи. До какой степени въ этихъ наплывахъ участвовало вторженіе католичества, весьма наглядно показываетъ сличеніе говоровъ крестьянъ, сосѣднихъ другъ другу, но принадлежащихъ къ разнымъ исповѣданіямъ. [1])

Наши изслѣдователи старины, писавшіе о Новгородѣ, обыкновенно упускали изъ виду его отношенія къ сосѣднимъ кривскимъ областямъ. Кіевъ, Суздаль, Тверь, Москва, отчасти Литва, Шведы и Нѣмцы—вотъ тѣ внѣшнія новгородскія отношенія, которыми занимались историки; связи со смоленскими и особенно съ полоцкими удѣлами, менѣе всего останавливали ихъ вниманіе. Явленіе, впрочемъ, совершенно естественное. Самое движеніе новгородскаго элемента обращено было преимущественно на сѣверо-востокъ; тамъ сосредоточивались главные интересы; на западѣ вниманіе Новгородцевъ занято было торговлею съ Нѣмцами и защитою своихъ предѣловъ отъ Ливонскихъ рыцарей; на юго-западѣ явилась потомъ необходимость защищаться отъ литовскихъ князей. Отношенія же къ сосѣднимъ кривскимъ областямъ (пока онѣ не вошли въ составъ Литовскаго княжества) были наиболѣе мирныя: съ одной стороны дѣйствовало племенное родство, съ другой то обстоятельство, что ни въ Смоленскѣ, ни въ Полоцкѣ исторія не выработала сильнаго центра, который могъ бы тяготѣть надъ ближайшими сосѣдями. Вотъ, почему лѣтописи заключаютъ очень мало извѣстій, которыя говорили бы намъ

[1]) См. *Быть бѣлорусскихъ крестьянъ (Въстн. Геогр. Общ.* 1853. IV). Тамъ приведена интересная параллель между нарѣчіемъ крестьянъ православныхъ (обращенныхъ изъ уніи) и крестьянъ-католиковъ. У послѣднихъ встрѣчается въ употребленіи гораздо болѣе словъ чистопольскихъ или русскихъ съ польскими оттѣнками.

о связяхъ Новгородскаго края съ собственно Кривскимъ. [1]) Тѣмъ не менѣе связи (торговыя и политическія) были довольно значительны, особенно со Смоленскими удѣлами. Дружба со Смольнянами рѣзко обозначалась въ эпоху двухъ Мстиславовъ—Храбраго и Удалого, то есть въ эпоху общей борьбы съ Суздалемъ. Въ ту же эпоху замѣтна попытка Новгородцевъ и Псковичей заодно съ Полочанами дѣйствовать противъ западныхъ сосѣдей—Чуди и Литвы (въ 1190 году). Но федерація между ними не выработалась; оттого Нѣмцы и Литва взяли потомъ верхъ.

Будущія изслѣдованія по исторіи Кривской земли, безъ всякаго сомнѣнія, откроютъ намъ замѣчательную аналогію въ самомъ бытѣ Новгорода и кривскихъ городовъ. Пока мы можемъ указать только нѣкоторыя разсѣянныя въ лѣтописи извѣстія, которыя наводятъ на мысль, что въ первые вѣка нашей исторіи строй политической жизни былъ общій въ Новгородѣ и Бѣлоруссіи. Таково знаменитое выраженіе: «Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и Полочане какъ на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды стапутъ». Интересны также извѣстія о полоцкихъ событіяхъ подъ 1159 г. Здѣсь мы видимъ, что кривскіе города поступаютъ съ князьями въ духѣ, болѣе другихъ напоминающемъ Новгородъ; они принимаютъ князей на договорѣ, отсылаютъ ихъ, приглашаютъ другихъ, и проч.

Съ началомъ литовскаго владычества въ Бѣлой Руси начали ослабѣвать и прежнія связи ея съ Новгородомъ. Еще разъ онѣ заявили себя въ ту эпоху, когда наступила для Новгорода послѣдняя борьба за свое самобытное существованіе и когда поднятъ былъ вопросъ: куда примкнуть, къ восточной или западной Россіи? Но съ одной стороны интересы землевладѣльческой аристократіи тянули ее къ Москвѣ; а съ другой—нерѣшительная политика великихъ князей литовскихъ, колебавшихся между интересами Польши и своего Литовско-Русскаго государства, неминуемо должна была уступить твердой, національной политикѣ великихъ князей московскихъ.

---

[1]) Крайней бѣдности источниковъ въ этомъ отношеніи много способствовало и систематическое истребленіе въ Бѣлоруссіи русскихъ памятниковъ, принадлежавшихъ временамъ до-литовскаго владычества. Особенно усердно старались о томъ іезуиты. На совершенное истребленіе памятниковъ (въ западной части Бѣлоруссіи) указываетъ г. Бобровскій въ своемъ прекрасномъ трудѣ *Гродненская губернія. (Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба).*

О ВѢЧЕВОЙ СТЕПЕНИ [1].

Обстановка древне-русскаго вѣча до сихъ поръ уяснена вообще очень мало. Источники на этотъ счетъ весьма скупы. Тѣмъ необходимѣе для насъ собирать разсѣянныя въ нихъ черты, чтобы впослѣдствіи могло составиться сколько-нибудь цѣльное представленіе. На первый разъ я беру преимущественно одну принадлежность вѣчевыхъ собраній, именно то мѣсто, съ котораго власти обращались съ своимъ словомъ къ народу. Конечно, гдѣ собирается многочисленное общество на совѣщаніе и притомъ подъ открытымъ небомъ, тамъ необходимо предполагается и возвышенное мѣсто для оратора или трибуна. Не буду говорить о тѣхъ вѣчахъ, которыя собирались иногда не въ обычномъ мѣстѣ, а гдѣ придется, особенно во время народныхъ смутъ; но и тутъ конечно ораторы становились на какое-нибудь возвышеніе, будетъ ли это скамья, бочка или что другое; а чаще всего, вѣроятно, церковная паперть, такъ какъ подобныя собранія происходили преимущественно около церквей. Я останавливаюсь собственно на большомъ или постоянномъ вѣчѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно устроилось въ Новгородѣ и Псковѣ. Здѣсь возвышенное вѣчевое мѣсто называлось *степенью*.

Прежде нежели перейду къ вѣчевой степени, обращу вниманіе на самое слово «степень». Очевидно это то же самое что «ступень». Въ древнихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ вмѣсто послѣдней формы первую. Для примѣра укажу на свидѣтельство Ипатьев. лѣтописи, подъ 1152 г., по поводу извѣстнаго посольства отъ Изяслава кіевскаго къ Владиміру галицкому. Посолъ кіевскій Петръ, требуя возвращенія городовъ, напомнилъ галицкому князю о его крестномъ цѣлованіи. Владимірко посмѣялся надъ нимъ и отослалъ его ни съ чѣмъ. Вскорѣ князь пошолъ къ вечернѣ. Дорогой онъ увидѣлъ Петра, уѣзжавшаго изъ города: «Вотъ поѣхалъ русскій мужъ: всѣ волости захватилъ»! — сказалъ князь съ насмѣшкою и вслѣдъ за тѣмъ взошелъ на полати. Отстоявъ вечерню, Владимірко отправился назадъ въ свой теремъ. Но тутъ, на томъ мѣстѣ, на «степени», гдѣ онъ посмѣялся надъ Петромъ, князя вдругъ ударилъ параличъ, такъ что онъ едва не упалъ; его подхватили подъ руки и

[1] Труды Моск. Археол. Общ. Т. I. 1865.

внесли въ горенку. Здѣсь слова «на томъ мѣстѣ на степени», очевидно означаютъ: на той же ступени. (Въ варіантѣ сказано просто: «на томъ степени»). Выраженіе: «иде на полати» указываютъ, что князь именно поднимался вверхъ, когда посмѣялся надъ Петромъ. [1])

Впослѣдствіи степень пріобрѣла преимущественно понятіе верхней части возвышенія. Слова степень, ступень ближе всего напоминаетъ намъ столъ и позднѣйшую форму — стулъ. Столъ (съ его уменьшительною формою столецъ), какъ извѣстно, прежде означалъ мѣсто для сидѣнія. Но обратимся къ вѣчевой степени.

Прямыхъ упоминаній о степени, находившейся въ Новгородѣ на дворѣ Ярослава, мы почти не встрѣчаемъ въ источникахъ [2]). Однако, на существованіе тамъ степени указываетъ названіе посадника, правящаго должность, *степеннымъ;* тысяцкій, состоящій въ должности, также назывался «степеннымъ». Во Псковѣ мы находимъ болѣе указаній на вѣчевую степень. Тамъ встрѣчаемъ также степеннаго посадника, мало того — даже двухъ степенныхъ посадниковъ. По поводу этого факта сдѣлаю мимоходомъ одно замѣчаніе. Послѣдователи, писавшіе о Новгородѣ и Псковѣ, очевидно недоумѣваютъ, какъ объяснить то обстоятельство, что въ Новгородѣ посадникъ одинъ, а во Псковѣ два, именно въ послѣдній періодъ его независимости. Но въ Новгородѣ рядомъ съ посадникомъ былъ и степенный тысяцкій, а во Псковѣ степенный тысяцкій вовсе не встрѣчается. Но этому одинъ изъ двухъ псковскихъ по-

[1]) При этомъ надо имѣть въ виду, что придворные храмы обыкновенно соединялись съ княжимъ теремомъ переходами. Тутъ очевидно идетъ рѣчь о такихъ переходахъ, и можно подразумѣвать не столько ступень лѣстницы, сколько площадку. Но это не противорѣчитъ тождеству первоначальнаго понятія степени и ступени. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Говоря „почти“, я имѣю въ виду одно мѣсто изъ преданія, найденнаго г. Пекарскимъ въ числѣ бумагъ Екатерины II, „О новгородскомъ войскѣ, пришедшемъ къ Дмитрію Донскому противъ Мамая“. А именно: „Посадницы же новгородскія на степени вшедше, повелѣша въ вѣстный колоколъ звонити и по всѣмъ улицамъ на конѣхъ ѣздити и кликати яко земная дума думати. И сиидеся народъ многъ зѣло къ вѣстному звону. Посадники жъ возвѣстиша святителю, что сиидеся народъ многъ, яко да умолчатъ отъ молвы. Архіепископъ же новгородскій Евѳимій ста на *степени высоцѣ* и рече велегласно“. Зап. Акад. Н. 1864. Кн. I. Это преданіе имѣетъ характеръ легенды; но несомнѣнно однако, что авторъ его имѣлъ ясное представленіе о степени, какъ о возвышенномъ вѣчевомъ мѣстѣ въ Новгородѣ. Въ Сказаніи о Мамаевѣ Побоищѣ (Историч. Сбор. Погодина. III) упоминается о *великовѣчьи*, которое звонили въ Новгородѣ во время Куликовской битвы, и тутъ народъ сошелся не на Ярославовомъ дворѣ, а у св. Софіи.

садниковъ по кругу своей дѣятельности не соотвѣтствовалъ ли новгородскому степенному тысяцкому?

Теперь приведу изъ псковскихъ источниковъ три случая, при которыхъ непосредственно говорится о вѣчевой степени:

Въ 1461 г. великій князь Василій Темный прислалъ во Псковъ намѣстникомъ своимъ князя Владиміра Андреевича, «не по псковскому прошенію» а по собственному выбору. Псковичи не посмѣли ослушаться и приняли его съ честью. Но въ слѣдующемъ году весной Василій умеръ; а осенью того же года граждане выгнали отъ себя Владиміра Андреевича, который оказался не добръ къ народу, да кстати и во Псковъ пріѣхалъ, не будучи позванъ псковичами. При этомъ во 2-й Псковской лѣтописи прибавлено: «А иные люди на вѣчѣ *со степени его сопхнули*, и онъ поѣхалъ на Москву съ безчестіемъ къ в. князю Ивану Васильевичу жаловаться на Псковъ».

Другой случай изъ лѣтописи относится къ 1510 году, къ послѣднимъ днямъ псковской вольности. Послѣ извѣстнаго захвата псковскихъ посадниковъ и лучшихъ людей, изъ Новгорода отъ великаго князя Василія пріѣхалъ во Псковъ дьякъ Третьякъ Долматовъ. Онъ объявилъ на вѣчѣ двѣ воли в. князя: во Псковѣ уничтожить вѣче и принять двухъ намѣстниковъ, въ пригороды также принять московскихъ намѣстниковъ; если же псковитяне этихъ двухъ воль не исполнятъ, то на нихъ падетъ вина кровопролитія. Сказавъ свою рѣчь, Долматовъ *сѣлъ на степени*.

Третье свидѣтельство выставляетъ степень отличительною принадлежностію посадника, состоящаго въ должности, и такимъ образомъ уясняетъ, почему именно онъ названъ степеннымъ. Это свидѣтельство находится въ Псковской судной грамотѣ которую относятъ къ 1467 г. «А который посадникъ *сльзетъ степени своей*, орудіе и судове самому управливати, а иному *насѣдъ* его судове не пересуживати». Т. е. посадникъ, оставлявшій свою степень, долженъ самъ окончить всѣ дѣла, начатыя при немъ; а преемникъ, сѣвъ на его мѣсто, не долженъ пересуждать дѣла, оконченныя предшественникомъ. Здѣсь слово «степень» употребляется и въ прямомъ смыслѣ возвышеннаго мѣста, и въ смыслѣ самой должности или достоинства посадника, связанныхъ неразрывно съ этимъ мѣстомъ. Аналогическое этому явленіе представляетъ понятіе о княжескомъ столѣ. Выраженіе «стольный князь» совершенно соотвѣтствуетъ выраженію «степенный посадникъ» [1]).

[1]) Въ Новгород. I лѣт. (П. С. Р. Л. III.) подъ 1375 г.: „Алексѣй воротился на свой архіепископскій степень“. Интересно, что слово степенный, какъ прилагательное къ самой значительной изъ выборныхъ городскихъ властей,

Упомянутыя свидѣтельства пополню еще однимъ, впрочемъ гораздо позднѣйшимъ, которое относится къ Новгороду и говоритъ о степени, какъ о части церковнаго амбона. Именно: Уставъ архіерейскаго служенія—рукопись XVII вѣка, хранившаяся въ новогородской Софійской библіотекѣ. (По этой рукописи новогородскимъ археологомъ Куприановымъ составлена статья «Крестные ходы, мѣстные праздники и церковные обряды древняго Новгорода», откуда я и заимствую свою ссылку). Тамъ, въ числѣ другихъ обрядовъ, описывается и Хожденіе Святителево на осляти въ Вербное воскресеніе. Между прочими приготовленіями къ этому обряду, звонцы софійскіе брали изъ собора *отъ амбона заднюю степень*, относили ее къ церкви Іерусалиму, ставили передъ церковью и покрывали ковромъ; потомъ ставили другую *степень* передъ Корсунскими вратами и также покрывали ковромъ. Изъ дальнѣйшаго описанія церемоніи видно, что святитель со степени передъ Корсунскими вратами садился на осля и ѣхалъ къ Іерусалиму, гдѣ слѣзалъ на степень, молился тутъ на иконы, благословлялъ боярина и дворецкаго, державшихъ за поводъ его осля и входилъ въ церковь. Потомъ онъ снова садился на осля, и возвращался къ Корсунскимъ вратамъ. Слѣдовательно, степень въ данномъ случаѣ служила подножіемъ для святителя, чтобы ему удобнѣе было садиться на лошадь и слѣзать съ нея.

Соображая всѣ извѣстныя намъ сказанія о вѣчевой степени, приходимъ къ слѣдующимъ вопросамъ и заключеніямъ. Это былъ помостъ, по всей вѣроятности деревянный (иначе отъ него сохранилось бы болѣе слѣдовъ въ источникахъ). Главное затрудненіе заключается въ рѣшеніи вопроса: назначалось ли это возвышенное мѣсто единственно для оратора, или оно было на столько просторно, что тутъ могли помѣщаться важнѣйшія власти республики, т. е. князь, посадникъ и тысяцкій. Въ такомъ случаѣ оно должно быть снабжено лавками и сидѣньями. Мы болѣе готовы принять послѣднее. Вообще на вѣчевую ступень всходили всѣ тѣ, которые имѣли что либо сказать народу; послы, возвратившіеся изъ посольства, отсюда отдавали отчетъ въ исполненномъ порученіи; также послы или знатные люди, приходившіе изъ сосѣднихъ земель — отсюда обращались къ вѣчу. Можно подумать, что послѣдніе иногда садились здѣсь рядомъ съ мѣстными властями, судя по словамъ Псковск.

встрѣчается еще въ XVIII вѣкѣ. Именно, Петерб. Вѣд. 1772 г. № 56. въ отчетѣ объ учрежденіи города въ Боровичахъ между выборными властями первымъ упоминается городской *степенной* голова. А въ учрежденіи для управленій губерній (250 стр.) 1775 года, повелѣвается городскихъ бургомистровъ „отличать названіемъ *степенныхъ*“.

лѣтоп. подъ 1478 г.: «князь Шуйскій вмѣстѣ съ Московскимъ воеводой, *приспѣ на вѣчь*, сказали походъ». Края степени вѣроятно были огорожены рѣшеткой или перилами.

Нѣкоторое наглядное понятіе о возвышеніяхъ подобнаго рода можетъ намъ дать московское Лобное мѣсто, которое прежде было не каменное, а кирпичное, съ деревянными перилами и притомъ имѣло навѣсъ или шатеръ на столбахъ. Извѣстно, что при московскихъ царяхъ отсюда объявлялись царскіе указы. Оно играло важную роль и въ религіозныхъ церемоніяхъ, особенно въ обрядѣ вербнаго хожденія. Первоначальное значеніе Лобнаго мѣста, по всей вѣроятности, было вѣчевое [1]).

Отъ XVI вѣка сохранились новогородскія печати, носящія изображеніе ступеней съ положеннымъ на нихъ посохомъ (архіепископскимъ). Думаютъ, что здѣсь изображаются именно вѣчевыя ступени [2]). Можетъ быть. Однако, при этомъ не надобно упускать изъ виду, что такія изображенія встрѣчаются не ранѣе XVI вѣка; а дошедшія до насъ печати В. Новгорода изъ временъ его самобытности—ихъ не имѣютъ. Кромѣ того, предстоитъ еще разрѣшить вопросъ, на сколько въ этихъ изображеніяхъ участвуетъ элементъ символическій.

Окончивъ со *степенью*, укажу вкратцѣ и на другія принадлежности вѣчевой обстановки, которыя, по крайней скудости источниковъ, остаются для насъ еще не уясненными. Обыкновенно въ Новгородѣ на Ярославовомъ дворѣ предполагаютъ существованіе особой башни или избы, которая представляла родъ вѣчевой канцеляріи, гдѣ дьяки и подьячіе писали вѣчевыя грамоты; но отношенія этой башни къ церкви Николы, стоявшей на томъ же Ярославовомъ дворищѣ—неизвѣстны. Гдѣ именно впослѣдъ вѣчевой колоколъ—не знаемъ. Гдѣ хранился ларь или сундукъ съ вѣчевыми грамотами и ларь съ общественной казной—въ вѣчевой избѣ или у Николы на Полатяхъ, сообразно съ обычаемъ того времени, хранить драгоцѣнное имущество въ церквахъ? Во Псковѣ вѣче, повидимому, созывали звономъ Троицкаго колокола. Въ Троицкомъ соборѣ вѣроятно находился и ларь съ общественною казною. Въ Псковской лѣтописи подъ 1509 г. говорится: «поймали троицкаго попомаря Ивана, а онъ изъ ларевъ деньги имѣлъ, да той гибели доспѣлъ 400 рублевъ». Его на вѣчѣ пытали кнутомъ, онъ повинился и былъ потомъ сожженъ на рѣкѣ Великой. Деньги, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, понимаются обыкновенно въ смыслѣ общественной казны. Это достовѣрно, но не

---

[1]) О чемъ замѣтилъ г. Снегиревъ въ своей статьѣ о Лобномъ мѣстѣ

[2]) *Русская Геральдика* Лакіера. Зап. Археол. Об. Т. VII.

слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ томъ же соборѣ вѣроятно стояли на сохраненіи сундуки съ деньгами разныхъ знатныхъ людей и также собственно съ соборною казною.

О ХАРАКТЕРѢ НОВОГОРОДСКОЙ АРИСТОКРАТІИ [1]).

Въ рецензіи г. Гильфердинга на «Сѣверноруссkія народоправства» Костомарова (День 1863 г., №№ 21, 22 и 22), съ нѣкоторыми замѣчаніями которой можно вполнѣ согласиться, насъ остановило мнѣніе о новогородскомъ боярствѣ, какъ объ аристократіи по преимуществу торговой, и о сильномъ вліяніи Ганзы на обособленіе Новгорода отъ остальной Руси [2]). Въ постоянной борьбѣ старѣйшихъ людей съ чернью, авторъ рецензіи видитъ «противодѣйствіе народной массы, съ ея славянскими понятіями, корпоративному духу разбогатѣвшей торговой аристократіи».

Тутъ затрогивается вопросъ о томъ, что такое собственно была боярская аристократія въ Новгородѣ и въ какой степени она подчинилась вліянію Ганзы? Полное рѣшеніе этого вопроса, конечно, должно опираться на самую тщательную разработку относящихся сюда матеріаловъ, разсѣянныхъ по разнымъ источникамъ. Въ настоящей замѣткѣ я приведу только нѣсколько общихъ соображеній.

Нѣтъ сомнѣнія, что торговля много способствовала въ Новгородѣ выдѣленію нѣкоторыхъ родовъ въ такъ-называемое боярство. Но еще большую долю участія въ этомъ выдѣленіи принимали вотчины или поземельныя владѣнія, пріобрѣтенныя службою, куплею, оружіемъ и другими способами. Да иначе не могло и быть. Взгляните только на обширную новогородскую территорію, охватившую большую часть сѣверной Руси. Территоріальныя условія необходимо должны были на первый планъ выдвинуть интересъ поземельнаго владѣнія (поэтому-то сравненіе

[1]) „С.-Петерб. Вѣд." 1863 г. № 170.

[2]) „Нѣтъ, именно иностранное вліяніе, духъ Ганзы—вотъ то, что, по моему мнѣнію, обособило древній Новгородъ отъ остальной Сѣверовосточной Руси, подобно тому, какъ иностранное же вліяніе, духъ венгерскаго и польскаго магнатства, обособило землю Галицкую отъ Руси юго-западной". День, № 23

Новгорода съ славянскими торговыми городами южнаго Балтійскаго поморья можетъ быть допущено только въ слабой степени).

И дѣйствительно, если посмотримъ въ памятники, то увидимъ, что преобладающій новогородскій интересъ былъ поземельный, особенно въ XIV и XV в., т. е. въ эпоху борьбы съ Москвою.

Характеръ и значеніе сословія легко можно опредѣлить статистикой его имущества. А имущественная сторона вполнѣ отражается въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Что же мы находимъ въ «Духовныхъ грамотахъ Новогородцевъ и Двинянъ» (Акты Юридическіе)? Духовныя эти принадлежатъ боярамъ (тутъ есть и черпецы, но очевидно изъ боярскаго сословія); а въ нихъ постоянно дѣло идетъ о дѣлежѣ вотчинъ и разныхъ угодій, родовыхъ, купленныхъ или пожалованныхъ Новгородомъ; потомъ слѣдуютъ челядь, дома, платье и другія мелочи. Изъ одиннадцати духовныхъ грамотъ только въ одной первой, въ грамотѣ Остафія, между селами и угодьями упоминается *лавка* («а что лавка наша на Хоньскомъ ряду» и пр.). Но замѣчательно, что въ духовной сына этого Остафія о лавкѣ нѣтъ уже помину. Тотъ же самый характеръ владѣнія встрѣчаемъ въ купчихъ, рядныхъ и раздѣльныхъ грамотахъ (ibid). Эти грамоты проливаютъ также свѣтъ на борьбу въ Новгородѣ родоваго землевладѣнія съ личнымъ и на отношенія помѣщиковъ къ сельскому классу.

Возьмемъ теперь договорныя грамоты Новгорода съ великими князьями. И здѣсь на ряду съ гарантіями самоуправленія, главный интересъ представляютъ волости, даваемыя въ кормленіе, а также села и слободы бояръ, владыки и духовенства; особенно новогородцы заботятся, чтобы сосѣдніе князья и бояре ихъ не имѣли собственныхъ помѣстій въ Новогородской землѣ. А купеческое сословіе отдѣляется отъ боярскаго.

Яркій свѣтъ на интересы новогородской аристократіи бросаютъ лѣтописныя подробности о послѣднихъ переговорахъ съ Иваномъ III. Когда уже нельзя было отстоять вѣча, о чемъ хлопочетъ Новгородъ, т. е. его аристократія? Чтобы государь не вступался въ боярскія вотчины, оставилъ судъ по старинѣ и не было выводовъ. И ни слова о торговыхъ льготахъ!

Не очевидно ли, что торговые интересы далеко не играли въ Новогородскомъ государствѣ такой преобладающей роли, какъ у насъ привыкли о томъ думать. Не надобно также забывать, что значительную долю новогородскихъ богатствъ, кромѣ торговли, доставляла и дань, собиравшаяся съ многочисленныхъ зависимыхъ инородцевъ. Такимъ образомъ новогородская община была гораздо болѣе землевладѣльческая, нежели торговая. Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ же вотчины и то же господ-

ствующее сословіе помѣщиковъ, какъ и въ остальной Руси, разумѣется, съ нѣкоторыми оттѣнками. Торговыя сношенія съ Ганзой безспорно имѣли вліяніе на благосостояніе и образованность Новгорода; но они были слишкомъ слабы, чтобы отразиться на всемъ его политическомъ строѣ и внести въ него значительный корпоративный духъ. Мы представляемъ себѣ борьбу черни съ боярствомъ не столько борьбою славянскихъ понятій съ корпоративнымъ духомъ разбогатѣвшихъ купцовъ, сколько какъ простую борьбу пролетаріевъ и мелкихъ собственниковъ съ богатымъ помѣщичьимъ классомъ. Да и самые купцы, по всей вѣроятности, при первой возможности обращали свой капиталъ на землевладѣніе и стремились стать въ ряды бояръ. Послѣдніе, повидимому, не представляли замкнутаго сословія, точно также, какъ и во всѣхъ новогородскихъ отношеніяхъ замѣтно малое развитіе твердыхъ, опредѣленныхъ формъ.

О КАМЕННЫХЪ БАБАХЪ [1]).

Д. чл. Д. И. Иловайскій предложилъ свои соображенія по вопросу о племени, которому принадлежатъ грубыя изваянія нашихъ южныхъ степей, извѣстныя подъ именемъ каменныхъ бабъ. Вопросъ этотъ имѣетъ довольно обширную литературу, и его рѣшали различнымъ образомъ. Нѣкоторые ученые относили каменные истуканы къ эпохѣ скиѳской, такъ какъ они находимы были иногда на курганахъ, заключавшихъ въ себѣ скиѳскія могилы. Но раскопки этихъ кургановъ убѣждаютъ, что между предметами, скрытыми въ могилахъ, и каменными изваяніями нѣтъ ничего общаго. Притомъ нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій о связи такихъ статуй съ обрядами скиѳскаго погребенія. Другіе ученые относили ихъ къ Гуннамъ; но это мнѣніе основывалось на одномъ невѣрно понятомъ выраженіи Амміана Марцеллина, что было указано графомъ А. С. Уваровымъ (въ свѣдѣніяхъ о каменныхъ бабахъ, напечатан. въ трудахъ I Археологическаго Съѣзда). Первое историческое извѣстіе о нихъ принадлежитъ монаху Рубруквису, который въ половинѣ XIII вѣка путешествовалъ въ Татарію. Онъ прямо говоритъ, что По-

[1]) Труды Моск. Археол. Общ. VII. Вып 3. 1878. Протоколы. 53—54.

ловцы имѣли обычай ставить каменные истуканы на курганахъ, которые они насыпали надъ прахомъ своихъ знатныхъ покойниковъ. Несомнѣнно, что при этомъ они пользовались иногда и курганами скиѳскими, почему многія изваянія и найдены на вершинѣ послѣднихъ. Не смотря на разнообразіе въ подробностяхъ, всѣ эти изваянія принадлежатъ къ одному типу и всѣ они имѣютъ руки, сложенныя на лонѣ и держащія какой-то сосудъ. Типъ физіономій, нѣкоторыя подробности костюма и вооруженія, а особенно головной уборъ, болѣе всего напоминаютъ народы татарскаго племени. Географическое ихъ распространеніе отъ Алтая и Киргизской степи до нижняго Дуная и Кавказскаго хребта также совпадаетъ съ мѣстомъ жительства кочевыхъ татарскихъ народовъ. Общій выводъ референта тотъ, что каменныя изваянія южно-русскихъ степей принадлежатъ народамъ турко-татарскаго семейства, каковы Печенѣги, Узы и Торки, Куманы или Половцы и наконецъ Татары, которые конечно имѣли тѣ же языческіе обычаи до принятія въ XIV вѣкѣ ислама. Послѣдній не терпитъ видимыхъ изображеній и конечно былъ главною причиною, почему прекратились эти изваянія. Слѣдовательно, въ южно-русскихъ степяхъ каменныя бабы обнимали эпоху, заключавшую въ себѣ пять или шесть столѣтій, съ IX по XIV в. включительно. А въ степяхъ прикавказскихъ онѣ могли появиться еще съ VI вѣка, когда тамъ появился турко-татарскій народъ, который основалъ царство Хазарское. Въ Кабардинскомъ краѣ найдены любопытные надгробные памятники, принадлежащіе отчасти эпохѣ христіанской. Они имѣютъ видъ или крестообразныхъ столбовъ, или такихъ столбовъ, которыхъ верхняя часть представляетъ статуи, напоминающія каменныя бабы. На этихъ памятникахъ находимъ изображенія разныхъ сценъ; нѣкоторыя изъ нихъ очевидно принадлежатъ къ обрядамъ погребенія или къ поминальной тризнѣ (Вѣсти. Общества Древнерусск. искусства. 1876, №№ 11, 12, статья г. Филимонова). Тутъ встрѣчаемъ и подобіе упомянутаго сосуда, который держатъ въ рукахъ каменныя бабы. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ жертвенное значеніе и употреблялся при возліяніяхъ.[1])

[1]) Нѣсколько подробностей, относящихся къ этому вопросу, см. въ 14-мъ примѣчаніи моей *Исторіи Россіи* I томъ. 2-я часть М. 1880 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О ДРЕВНѢЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗІИ [1]).

«Молодость и незрѣлость историческаго изученія нашей древней поэзіи лучше всего доказывается тѣмъ, что, не смотря на множество разныхъ изслѣдованій и замѣчаній о «Словѣ о полку Игоревѣ», до сихъ поръ исторія литературы не воспользовалась, какъ слѣдуетъ, точными указаніями этого знаменитаго памятника для исторіи русской поэзіи XI и начала XII вѣка». Такими словами начинается разсужденіе Ѳ. И. Буслаева «о Русской поэзіи XI и начала XII вѣка». (Лѣтописи литературы и древности. 1859 года № I). Всякій знакомый съ дѣломъ согласится, что они совершенно справедливы. Самое это разсужденіе лучше всего даетъ намъ понятіе о томъ далеко неисчерпаннмъ богатствѣ историческаго матеріала, которое содержитъ въ себѣ «Слово о полку Игоревѣ».

Въ статьѣ своей авторъ, на основаніи почти одного «Слова», пытается возсоздать характеристику древнѣйшей русской поэзіи, и дѣйствительно проливаетъ на нее замѣчательный свѣтъ. Главные результаты, которые можно вывести изъ его разсужденія, заключаются въ двухъ пунктахъ:

Во-первыхъ, «Слово» не есть произведеніе единственное въ своемъ родѣ или что-то совершенно отдѣльное, чѣмъ оно до сихъ поръ представлялось обыкновенно въ историческихъ обзорахъ нашей литературы. Напротивъ: *это произведеніе составляетъ не болье какъ отрывокъ изъ русскаго историческаго эпоса*. Мысль — впрочемъ не въ первый разъ высказанная печатно. Такъ, напримѣръ, г. Пыпинъ въ своемъ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» между прочимъ замѣтилъ: «Если явленія литературы обыкновенно совершаются въ извѣстной постепенности, имѣютъ свои причины и слѣдствія, то легко придти къ заключенію, что подобный памятникъ (т. е. «Слово») едва-ли могъ образоваться такъ уединенно, какъ представляется намъ теперь. Ему предшествовало извѣстное литературное развитіе и оно сдѣлало возможнымъ появленіе такого факта». Предположеніе, высказанное здѣсь, у г. Буслаева является уже развитымъ до очевидности.

[1]) Русское Слово. 1859. Декабрь.

Второй выводъ относится собственно къ личности Бояна. *На это лицо можно смотрѣть какъ на представителя русскихъ поэтовъ XI и первой половины XII вѣка.* «Какъ мы привыкли приписывать Киршѣ Данилову многія народныя пѣсни, конечно не имъ сложенныя,—замѣчаетъ г. Буслаевъ—такъ и для автора «Слова о полку Игоревѣ» знаменитое имя Бояна покрывало собою цѣлую толпу неизвѣстныхъ пѣвцовъ».

Эти два вывода на столько убѣдительны, что по нашему мнѣнію смѣло могутъ перейти въ научныя положенія. Въ статьѣ г. Буслаева есть много и другихъ замѣчательныхъ догадокъ и сближеній, имѣющихъ большую или мѣньшую степень вѣроятности; особенно интересно раскрываются здѣсь миѳологическіе элементы въ русскомъ историческомъ эпосѣ. Не касаясь другихъ подробностей разсужденія, мы остановимъ вниманіе читателя только на слѣдующемъ мѣстѣ, которое находится въ прямой связи съ двумя означенными пунктами.

«Кто бы ни былъ *пѣснотворцемъ Святославовымъ*, Боянъ или кто-другой, во всякомъ случаѣ вѣрно то, что въ XI вѣкѣ былъ уже на Руси *княжій пѣвецъ*, и безъ сомнѣнія не одинъ. Конечно это не были придворные, княжескіе поэты, сочинявшіе по заказу; это были тѣ же первобытные народные пѣвцы, представители эпической дѣятельности цѣлаго народа: но все же въ ихъ пѣсняхъ древніе интересы, обнимавшіе нѣкогда весь бытъ народа, всѣ его вѣрованія и преданія, должны были такъ сказать сократиться, сосредоточившись къ отдѣльнымъ личностямъ князей» (21 стр.).

Можно ли утвердительно сказать, что вѣщій Боянъ, самъ неизвѣстный авторъ «Слова о полку Игоревѣ» и подобные имъ пѣвцы не были придворные, княжескіе поэты? Можно ли ихъ назвать поэтами собственно народными? Вотъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые заставили насъ задуматься при чтеніи статьи о «Русской поэзіи XI и начала XII вѣка».

Не беремъ на себя полное рѣшеніе этого вопроса. Мы намѣрены только представить по поводу его нѣсколько соображеній.

Обратимся къ самому «Слову».

Въ началѣ поэмы, какъ извѣстно, авторъ вспоминаетъ о Боянѣ, *соловьѣ стараго времени*, и между прочимъ говоритъ:

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія персты на живая струны вскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху».

Изъ этихъ словъ мы видимъ, что Боянъ исключительно воспѣвалъ князей, и пѣсни свои сопровождалъ звуками струннаго инструмента.

Далѣе нѣкоторыя мѣста «Слова» даже указываютъ, какимъ князьямъ онъ слагалъ пѣсни, а именно: Ярославу, храброму Мстиславу, Святославу Ярославичу, красному Роману и Олегу Святославичу [1]). Ясно, что Боянъ прославлялъ по преимуществу Святослава, его отца, дядю и сыновей; а въ одномъ мѣстѣ онъ прямо называется *пѣснотворецъ Святославовъ*, (какъ доказываетъ г. Буслаевъ, отрицая противуположное мнѣніе г. Шевырева). Слѣдовательно, содержаніе его поэзіи ограничивалось извѣстною отраслію княжескаго дома. Авторъ же «Слова» воспѣваетъ внуковъ Олега Святославича (*Ольгово хороброе гнѣздо*), т. е. ту же самую княжескую отрасль, и къ членамъ этой отрасли обнаруживаетъ явное предпочтеніе и даже пристрастіе. Отсюда можетъ быть понятна его связь съ Бояномъ, и отчасти объясняется, почему послѣдній явился у него образцомъ старыхъ поэтовъ.

Теперь возьмемъ слова, которыми заканчивается поэма:

«Нѣвша пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти. Слава Игорю Святославича, буйтуру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави князи и дружина, поборая за христьяны на поганыя полки. Княземъ слава, и дружинѣ. Аминь».

По нашему мнѣнію это не что иное, какъ общее мѣсто: оно сильно отзывается *обычнымъ* припѣвомъ, которымъ заканчивались подобнаго рода пѣсни. Авторъ восклицаетъ: «да здравствуютъ князья (такіе-то)»! и притомъ раздѣляетъ ихъ, говоря: спѣвши пѣснь старшимъ князьямъ, потомъ надобно пѣть и молодымъ, т. е. сыновьямъ. И тѣхъ и другого онъ называетъ по имени. «Да здравствуютъ князья и дружина»! прибавляетъ онъ. «Слава князьямъ и дружинѣ»! Такое окончаніе «Слова» не можетъ ли служить намекомъ, что поэтъ пропѣлъ его именно въ присутствіи тѣхъ князей и дружины, въ честь которыхъ сложена пѣсня?

Далѣе въ пользу того мнѣнія, что авторъ «Слова» и подобные ему пѣвцы были собственно придворно-княжескіе, а не народные поэты, служатъ слѣдующія обстоятельства:

Во-первыхъ, подробное и отчетливое знакомство автора съ современнымъ ему и предыдущимъ политическимъ состояніемъ Руси, со всѣми главными князьями и ихъ взаимными отношеніями. Такое знакомство могло быть доступно только лицу, состоявшему при одномъ изъ княжескихъ дворовъ. Только находясь подлѣ князя, слушая разсказы его дружинниковъ, присутствуя (вѣроятно) при его совѣтахъ съ дружиною

---

[1]) Изъ „Слова“, по нашему мнѣнію едва ли можно заключить, чтобы Боянъ „*воспѣвалъ* особенно – Всеслава Полоцкаго“.

(а можетъ быть побывавъ уже при нѣсколькихъ княжескихъ дворахъ), могъ онъ знать всѣ подробности политическихъ событій. Что авторъ не былъ духовное лицо, подобно лѣтописцамъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; по всей вѣроятности онъ самъ принадлежалъ къ членамъ дружины.

Во-вторыхъ, составныя части поэмы показываютъ, что не только ей предшествовало значительное развитіе героической (собственно княжеской) поэзіи, но что были уже выработаны извѣстные пріемы для пѣсенъ подобныхъ «Слову», т. е. извѣстные обороты и поэтическія выраженія, разумѣется съ различными варіантами. Кромѣ приведеннаго выше *обычнаго* окончанія поэмы, сюда можно отнести слѣдующія мѣста: «Братіе и дружино! лучежъ потяту быти, неже полонену быти» [1]). «Хощу главу свою приложити, а любо *испити шеломомъ Дону*», и «ты бо можеши Волгу веслы раскропити, *а Донъ шеломомъ выльяти*». Далѣе: «скачутъ (воины Буй-Тура Всеволода) аки сѣрыи волци въ полѣ, *ищучи себѣ чти, а князю славѣ*», и въ другомъ мѣстѣ: «Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, *ищучи себѣ чти, а князю славѣ*». И тому подобныя выраженія, которыя скорѣе всего могли быть усвоены поэтомъ дружинникомъ.

Наконецъ, самый личный интересъ автора, то горячее участіе къ князьямъ и дружинѣ, которое разлито по всему «Слову», ясно могутъ указывать намъ на тѣсную связь между поэтомъ и героями его пѣсни. Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, едва ли можно допустить подобную духовную связь между народомъ и князьями, т. е. искать ее внѣ предѣловъ дружины. Были ли князья и дружина ихъ на столько *популярны*, чтобъ какой-нибудь (сравнительно) неважный походъ Игоря Святославича могъ вдохновить поэта, непринадлежавшаго къ княжескому двору — это еще вопросъ. До насъ дошли отголоски народной героической поэзіи того времени въ пѣсняхъ о Владимірѣ Красное Солнышко и его богатыряхъ. Какая огромная разница между ними и «Словомъ о полку Игоревѣ»! Но замѣчательно, что миѳологическая часть и тамъ и здѣсь носитъ на себѣ общія славянскія черты. Разумѣется, если авторъ «Слова» не можетъ быть названъ пѣвцомъ собственно народнымъ (мы здѣсь

[1]) Не напоминаетъ ли это выраженіе извѣстный отрывокъ изъ поэтическаго преданія о битвѣ Святослава съ греками: „Да не посрамимъ землѣ рускіѣ, но ляжемъ костьми“, и пр.? Да и гдѣ могли сохраниться подобныя поэтическія преданія какъ не при княжескихъ дворахъ, откуда они и перешли потомъ въ лѣтопись?

подъ именемъ «народъ» понимаемъ то, что не входило въ составъ «дружины»), тѣмъ не менѣе онъ очевидно былъ южно-русскій славянинъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать сближеніе между Бояномъ, подъ вѣщими перстами котораго живыя струны сами рокотали славу князьямъ, и слѣдующимъ мѣстомъ изъ «Житія Ѳеодосія, игумена Печерскаго»:

Однажды Ѳеодосій пришелъ во дворецъ къ князю (Святославу), и «се видѣ многыя играющи предъ нимъ, овы гусльныя гласы испущающе, другыя же органныя гласы поюще, и инѣмъ замарьныя писки гласящемъ, и тако всѣмъ играющемъ и веселящемься, *якоже обычай есть предъ князьмь*». Игуменъ сѣлъ подлѣ князя и поникъ головою. Потомъ онъ спросилъ: «будетъ ли также и на томъ свѣтѣ»? Князь умилился словамъ блаженнаго, прослезился немного и велѣлъ перестать. Съ тѣхъ поръ онъ каждый разъ, заслышавъ приходъ Ѳеодосія, приказывалъ перестать тѣмъ, которые забавляли его музыкою и пѣніемъ.

Пусть спеціалисты разсудятъ, на сколько основательно наше предположеніе о существованіи на Руси придворно-княжеской поэзіи, этого обычнаго явленія средневѣковой Европы?

Впослѣдствіи это свое мнѣніе о существованіи на Руси придворно-княжескихъ поэтовъ я дополнилъ другими данными и соображеніями. (См. 2-ю часть I тома моей *Исторіи Россіи*. Стр. 343 и примѣчаніе 47-е). Напримѣръ: отрывкомъ изъ пѣсни, сложенной въ честь Мстислава Удалого, сохранившимся у Длугома; отрывкомъ изъ «Слова» въ честь Романа Волынскаго, приведеннымъ Ипатьев. лѣтописью подъ 1201 г. Послѣдній отрывокъ указываетъ, что и у Половецкихъ князей тоже были *гудцы* или пѣвцы, сопровождавшіе свои пѣсни струннымъ инструментомъ. Та же Ипат. лѣтопись, подъ 1251 г. упоминаетъ о пѣсняхъ, сложенныхъ въ честь Даніила и Василька Романовичей.

Кромѣ Бояна и неизвѣстнаго автора «Слова» о полку Игоревѣ знаемъ еще «словутнаго пѣвца» Митусю, о которомъ Ипат. лѣтопись упоминаетъ подъ 1241 годомъ и который по гордости не хотѣлъ служить Даніилу Романовичу. Нѣкоторые считали его церковнымъ пѣвчимъ; напримѣръ, Максимовичъ (Основа. 1861. іюнь). Но такое мнѣніе едва ли вѣроятно.

ПРИЛБИЦА *).

Это слово существовало въ Чешскомъ, Польскомъ и Западнорусскомъ языкахъ (напр. въ Литов. статутѣ) и означало тамъ просто шишакъ или шлемъ. Но такое значеніе не вполнѣ подходитъ къ тѣмъ двумъ мѣстамъ Ипатьевской лѣтописи, въ которыхъ встрѣчается это слово, а именно: подъ 1172 г. говорится о битвѣ русскаго отряда, подъ начальствомъ Михаила Юрьевича, съ Половцами. Половцы убили русскаго стяговника и сорвали со стяги чолку со знаменемъ; тогда Русь замѣшалась. Но воевода Владиславъ схватилъ стягъ, т. е. древко, и надѣлъ на него прилбицу, которая послужила тутъ вмѣсто знамени. Русь собралась около него и выиграла битву. Второе извѣстіе относится къ 1241 году. Даніилъ послалъ своего дворецкаго Андрея на Перемышль, епископъ котораго держалъ сторону его соперника, князя Ростислава Михайловича, изъявившаго притязаніе на Галицкую землю. Епископъ успѣлъ бѣжать и Андрей нагналъ только его «гордыхъ слугъ», при чемъ разграбилъ ихъ и разорвалъ ихъ тулы бобровые и «прилбицы волчьи и барсуковыя». (Тогда же схватилъ бѣжавшаго съ ними словутнаго нѣвца Митусю). Ясно, что это были не простые слуги, а дружинники, имѣвшіе за плечами колчаны, крытые бобровымъ мѣхомъ, а на головахъ какой-то уборъ, тоже мѣховой, который назывался прилбицей. Но это не былъ шлемъ, ибо онъ употреблялся и во время битвы, какъ мы выше видѣли, а одинъ мѣхъ не могъ защитить головы. Надобно полагать, что то было что-то въ родѣ мѣхового чехла, что могло надѣваться на шлемъ, а внѣ битвы, можетъ быть, надѣвалось и безъ шлема. Я позволяю себѣ сблизить эти извѣстія о нихъ лѣтописи съ миніатюрами извѣстной рукописи, заключающей сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (издан. С.-Петерб. Археолог. Общ. въ 1860 году). Тамъ, въ числѣ четырехъ злодѣевъ, которымъ Святополкъ поручаетъ убіеніе Бориса, два передніе мужа (вѣроятно, Путша и Талецъ) изображены съ высокими, мѣховыми шапками на головѣ, а остальные трое просто въ шлемахъ. Можетъ быть, эти мѣховыя шапки или мѣховыя покрышки

*) Труды Моск. Археологич. Общ. VIII. 1880. Матеріалы для археологич. Словаря. 10.

шлемовъ и есть прилбицы. По лѣтописи они употреблялись въ XII и XIII вѣкахъ, а рукопись, съ данными миніатюрами, относится къ XIV-му. Но подобные уборы не мѣнялись въ тѣ времена такъ скоро, какъ въ наши. [1])

ЗОЛОТЫЯ ВОРОТА УСПЕНСКАГО СОБОРА ВО ВЛАДИМІРѢ НА КЛЯЗЬМѢ[2]).

Д. чл. Д. И. Иловайскій сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе:

Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1185 годомъ есть извѣстіе о великомъ пожарѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Въ числѣ другихъ церквей сгорѣлъ и соборный Успенскій храмъ со всею своею дорогою утварью. При этомъ сгорѣли и порты «шитые золотомъ и жемчугомъ, яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицы, а отъ Богородицы до владычныхъ сѣней, въ двѣ же верви чудныхъ».

Естественно было съ перваго взгляда на это извѣстіе заключить, что тутъ говорится объ извѣстныхъ Золотыхъ воротахъ во Владимірѣ, которыя находились въ городской стѣнѣ и также, какъ Успенскій соборъ, были построены Андреемъ Боголюбскимъ. Такъ дѣйствительно доселѣ и понимали это извѣстіе. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи такое пониманіе не выдерживаетъ никакой критики. Золотыя ворота отстоятъ приблизительно версты на полторы отъ Успенскаго храма. Послѣдній находился во внутреннемъ городѣ или Кремлѣ; а эти ворота принадлежали внѣшнему городу. Путь отъ храма къ Золотымъ воротамъ шелъ извилинами, притомъ по тѣснымъ улицамъ, черезъ ворота внутренняго города и прилегающій къ нимъ мостъ. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы по всему этому пути протягивались двѣ веревки и на нихъ развѣшивались княжескія одежды на открытомъ воздухѣ, на морозѣ или въ дурную погоду; а это было бы не избѣжно, такъ какъ большая часть важнѣйшихъ праздниковъ приходится у насъ на зимнее или весеннее время.

---

[1]) Максимовичъ въ помянутой своей замѣткѣ (о пѣвцѣ Митусѣ) объясняетъ названные *прилбицы*, волчьи и барсуковыя, подобнымъ же образомъ, а именно какъ „шапки съ мѣховыми околышами и съ верхами суконными, бархатными“. Но и *тулы бобровые* у него тоже шапки, только „высокія въ видѣ клобуковъ“.

[2]) Труды Моск. Археол. Общ. Т. IX. Вып I. 1881. Протоколы. 22–23.

Да и сколько же тысячъ одеждъ потребовалось бы, чтобы завѣсить двѣ веревки, протянутыя по всему этому пути? Притомъ другое колѣно этихъ двухъ вервей, отъ Богородицы до Владычныхъ сѣней было бы слишкомъ несоразмѣрно съ первымъ: оно заключало бы только нѣсколько шаговъ, если подъ Богородицею разумѣть здѣсь самый храмъ Успенскій.

Ключъ къ выходу изъ такихъ несообразностей даетъ намъ слѣдующее извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи подъ 1231 годомъ. Говоря объ украшеніи соборнаго Ростовскаго храма епископомъ Кирилломъ, лѣтописецъ между прочимъ замѣчаетъ: «причини же двери церковныя прекрасны, иже наричутся златыя, сущая на полуденной странѣ». Если въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ южныя двери назывались златыми, то отсюда заключаемъ, что и во Владимірскомъ тоже одна изъ дверей могла называться этимъ именемъ. А подъ Богородицею въ помянутомъ выше мѣстѣ, вѣроятно, разумѣлась знаменитая икона, принесенная Андреемъ изъ Кіева. Тогда получимъ такой смыслъ этого мѣста: верви въ два ряда протягивали не снаружи, а внутри храма, и притомъ въ верхней его части, отъ извѣстныхъ дверей къ той сторонѣ, гдѣ находилась икона, а отсюда къ той стѣнѣ на хорахъ, гдѣ былъ ходъ во владычные покои, которые стояли подлѣ храма и вѣроятно соединялись съ нимъ переходами или сѣнями.

ИЗЪ ИСТОРІИ
и
КУЛЬТУРЫ
МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ [1]).

I.

Нѣкоторыя сужденія о тиранствѣ Ивана Грознаго.

Изображеніе Грознаго, какимъ онъ является подъ перомъ Карамзина, нашло себѣ противниковъ въ Московскихъ профессорахъ Соловьевѣ и Кавелинѣ, которые тиранствамъ и опричинѣ Ивана IV-го пытались придать разумное государственное значеніе, окрестивъ ихъ именемъ борьбы съ устарѣлыми боярскими притязаніями, вообще со старымъ порядкомъ и выставивъ Грознаго какимъ-то реформаторомъ (Соловьева—*Исторія Россіи*, т. VI, преимущественно послѣднія страницы. Кавелина—*Сочиненія*. I: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи»). Въ защиту Карамзинскихъ воззрѣній противъ Соловьева возсталъ Погодинъ (Архивъ истор. и практич. свѣд. 1859, кн. V). Онъ доказывалъ, что все дѣйствительно-славное извнѣ и полезное внутри было сдѣлано Московскимъ правительствомъ въ періодъ Адашева и Сильвестра, а что послѣ нихъ царь не совершилъ никакихъ славныхъ дѣлъ. Надобно отдать справедливость Погодину: если не всѣ, то нѣкоторыя его возраженія отличаются мѣткостію и историческою правдою.

Любопытный разборъ VI-го тома Исторіи Россіи, Соловьева, заключающаго въ себѣ царствованіе Грознаго, былъ представленъ и К. С. Аксаковымъ, однимъ изъ представителей такъ наз. Славянофильской школы (*Сочиненія*, т. I). Его возраженія гораздо мягче Погодинскихъ и онъ является не защитникомъ собственно Карамзинскихъ воззрѣній на высокое значеніе Сильвестра и Адашева, а пытается проводить воззрѣнія своей школы, напирая на ея излюбленныя мысли о землѣ, ,

[1]) Русскій Архивъ. 1889. № 2.

земскихъ соборахъ, о единеніи Государя прямо съ народомъ помимо бояръ. Но тутъ критикъ иногда и самъ недостаточно критически относится къ источникамъ. Напримѣръ, онъ съ полнымъ довѣріемъ ссылается на разсказъ Одерборна о томъ, какъ, послѣ взятія Полоцка и Сокола Баторіемъ, думный дьякъ Андрей Щелкаловъ, по порученію царя, собралъ въ Москвѣ народъ и произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ ему о нашихъ неудачахъ и старался его успокоить; народъ выслушалъ эту рѣчь въ молчаніи, но женщины подняли жалобы и вопли, такъ что дьяку пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ. Изъ этого единичнаго, иноземнаго и непровѣреннаго извѣстія критикъ выводитъ прямое заключеніе, что тогдашнее правительство (собственно Иванъ IV) «было въ тѣсномъ союзѣ съ народомъ и уважало народъ». Далѣе Аксаковъ характеризуетъ Ивана IV какъ человѣка, одареннаго художественною природою, но безнравственнаго, человѣка безъ воли, руководимаго только произволомъ, и тѣмъ не менѣе, подобно Соловьеву, сравниваетъ его съ Петромъ Великимъ. Къ этому взгляду примыкаетъ отчасти другой представитель Славянофильской школы, Юрій Самаринъ, (*Сочиненія*, V, 205).

Послѣ Погодина Карамзинское изображеніе Ивана IV нашло себѣ краснорѣчиваго защитника особенно въ Костомаровѣ (Вѣстникъ Европы, 1871 г. № 10); а Соловьевскія воззрѣнія поддерживалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ цѣломъ рядѣ статей и въ своей Русской Исторіи (Москов. Вѣд. 1856, №№ 46, 54, 59. Журналъ Заря 1871 г. № 3. Русской Исторіи т. II, выпускъ первый). Историческая оцѣнка Грознаго—это одинъ изъ немногихъ пунктовъ моего разногласія съ многоуважаемымъ К. Н. Свой обзоръ царствованія Грознаго онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Вспомнимъ, что народъ знаетъ не только покорителя Казани, но и царя, который *вывелъ измѣну изъ Новгорода, и не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы*». (Рус. Ист. II, вып. 1, примѣчаніе на стр. 319). Тутъ указаніе на *измѣну* есть только отголосокъ тѣхъ обвиненій, которыми Грозный царь осыпалъ Русскихъ бояръ и Новгородцевъ; это просто эхо, которое встрѣчается иногда и у нашихъ старыхъ книжниковъ. Напримѣръ, Псковскій лѣтописецъ говоритъ: «и Государя на гнѣвъ подвигли, и за великую измѣну государь царь учинилъ опричину, и бысть мятежъ по всей земли и раздѣленіе». (П. С. Р. Л. IV, 343). Но вѣдь мы имѣемъ передъ собою довольно подробную и документальную исторію сего царствованія, и никакой серьёзной измѣны въ Русской землѣ не находимъ. Было бы несправедливо возводить въ общее правило нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, въ

родѣ Курбскаго, когда люди бѣжали отъ тирана, спасая свое существованіе, и потомъ мстили ему. Тутъ слѣдствіе тиранства, а не причина его.

Профессоръ Ключевскій въ своемъ сочиненіи «Боярская дума древней Руси», въ главѣ XVII, по поводу учрежденія опричины разсуждаетъ о враждебныхъ отношеніяхъ Грознаго къ боярству, причемъ является также послѣдователемъ мнѣній Соловьева, также называетъ эти отношенія борьбою царя съ боярствомъ, но настаиваетъ на томъ, что эта борьба «имѣла не политическое, а династическое происхожденіе» (357). Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ, подобно Соловьеву, преувеличиваетъ значеніе извѣстнаго случая съ присягою въ 1553 году, называя его «жгучимъ поводомъ», отъ котораго возгорѣлся пожаръ лютости въ землѣ Русской. Но послѣ этого случая прошли цѣлыя семь лѣтъ почти въ полномъ согласіи царя съ его знаменитыми совѣтниками. Для опричины В. О. Ключевскій даетъ слѣдующее оригинальное объясненіе: «Ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга. Онѣ пытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Попыткой устроить такое политическое сожительство и было раздѣленіе государства на земщину и опричину» (362). Оригинально здѣсь собственно то, что дѣло изображается какою-то обоюдною попыткою съ обѣихъ сторонъ. А между тѣмъ, повидимому, самъ Иванъ Васильевичъ въ глубинѣ души смотрѣлъ на опричину какъ на дѣло своего произвола и самодурства. По крайней мѣрѣ онъ стыдился признаваться въ немъ передъ иностранцами. Такъ въ 1566 году въ наказѣ о встрѣчѣ Литовскаго гонца предписывается на вопросъ объ *опришнинѣ* отвѣчать, что никакой опришнины нѣтъ, а просто «которые дворяне служатъ государю правдою, тѣ живутъ при немъ близко, а которые дѣлали неправды, тѣ живутъ подалѣ, а мужичье, не зная того, называютъ опришниной». (Посольскія книги, № 7, въ Арх. М. Ин. Д.). Подобно покойному С. М. Соловьеву, подчиняясь увѣреніямъ самого Грознаго, высказаннымъ въ его перепискѣ съ Курбскимъ, г. Ключевскій преувеличиваетъ всемогущество Сильвестра и Адашева и дѣлаетъ о нихъ такой выводъ: «Прежде всего на самого себя долженъ царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его надеждъ» (353). Но какихъ это надеждъ они не оправдали, остается непзвѣстно. Если здѣсь разумѣется «идея самодержавія», о которой передъ тѣмъ говорится, то любопытно было бы узнать, въ чемъ Сильвестръ и Адашевъ, какъ вліятельные совѣтники, проступились противъ этой идеи? «Самъ Иванъ, несмотря на высоту, до которой поднялся его взглядъ на значеніе государя», все-таки не отрѣшился отъ удѣльныхъ традицій и на

значилъ удѣлъ младшему сыну (359). О какой это *высотѣ взгляда* тутъ говорится, тоже остается неизвѣстнымъ. Развѣ о той высотѣ, на которую указываетъ извѣстная Эпистолія Ивашки Пересвѣтова: авторъ (этой эпистоліи) считаетъ образцовымъ порядокъ, заведенный царемъ Магметъ-Салтаномъ, который «заведетъ правителя высоко, да и ихнетъ его въ зашею на долъ» и пр. (367) [1]).

Но всѣ указанныя попытки обѣлить Грознаго передъ судомъ исторіи и отыскать глубокій историческій смыслъ въ его казняхъ и опричинѣ блѣднѣютъ передъ апологіей г. Бѣлова, которую мы находимъ въ его монографіи «Объ историческомъ значеніи Русскаго боярства до конца XVII вѣка». Спб. 1886. (первоначально въ Журн. М. Н. Пр. того же года). Онъ старается не только обѣлить Грознаго, но и возвести его въ великіе люди, и для сего не стѣсняется въ толкованіи фактовъ дѣйствительныхъ и въ измышленіи небывалыхъ. У него «Грозный отвратилъ отъ Россіи опасность господства олигархіи» (62). Адашевъ и Сильвестръ, возвышенные изъ незнатныхъ людей, вдругъ являются у него чуть ли не вожаками боярской партіи въ ея борьбѣ съ царемъ, причемъ «властолюбіе Сильвестра и самообожаніе не знало границъ». Виною Іоанновыхъ казней и многихъ золъ для Россіи былъ все тотъ же Сильвестръ, которому будто бы «никто не смѣлъ слова сказать» (83—85). Затѣмъ идутъ всевозможныя натяжки для того, чтобы устранить свидѣтельства иностранцевъ о тиранствахъ Грознаго: одни писали по слухамъ и потому лгутъ; другіе хотя и были очевидцами, но пристрастны; третьи будто бы представляютъ «отголоски боярской партіи», которая «пользовалась легковѣріемъ иностранцевъ» и т. п. Подобные аргументы подкрѣпляются ссылками на нѣкоторые другіе неточно переданные ими факты (88—90). Но если на такомъ основаніи отбросимъ извѣстный процентъ преувеличеннаго или сомнительнаго, все-таки останется страшное количество жестокостей, несомнѣнно совершенныхъ. Далѣе, по словамъ г. Бѣлова, никто иной какъ бояре подвели на Москву Крымскаго хана въ 1571 году; а воеводы будто бы намѣренно заняли неудобныя позиціи въ тѣсныхъ Московскихъ улицахъ (93). (Любопытно, что главный воевода, Бѣльскій, при семъ самъ задохся въ дыму во время пожара, надобно полагать, тоже намѣренно). Митрополитъ Филиппъ Колычевъ будто бы заслужилъ свою гибель; ибо вздумалъ мѣшаться не въ

[1]) Впослѣдствіи профессоръ Ключевскій, кажется, измѣнилъ свой взглядъ на тиранства Грознаго, судя по отзыву тѣхъ, которые читали его литографированныя лекціи. *Позд. примѣч.*

свое дѣло, т. е. въ опричину и вообще въ гражданскія отношенія; а относительно его умерщвленія Малютою Скуратовымъ «это еще вопросъ». (112—113). Погромъ Новгорода Великаго съ «объективной» точки зрѣнія автора оправдывается тѣмъ, что на Сѣверѣ было какое-то «броженіе умовъ» и тамъ «что то затѣвалось». Правда, на это нѣтъ никакихъ данныхъ; но не даромъ же Флетчеръ, бывшій въ Россіи при Ѳедорѣ Ивановичѣ, говоритъ о какомъ-то «немпнуемомъ возстаніи» и о томъ, что «народъ былъ привязанъ къ потомству удѣльныхъ князей» (116). И т. д. въ томъ же родѣ. Однимъ словомъ, во всѣхъ бѣдствіяхъ и тиранствахъ виновата боярская партія, а Иванъ IV является невинень и великъ. Далѣе едва ли можетъ идти отрицаніе всякихъ нравственныхъ принциповъ въ исторіи. Кромѣ того, автору сей апологіи не пришелъ въ голову самый естественный вопросъ: если Иванъ IV сдѣлался великъ только тогда, когда освободился отъ своихъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева и отъ ихъ соумышленниковъ-бояръ, то почему же дѣла государственныя шли, наоборотъ, хорошо и счастливо въ эпоху сихъ совѣтниковъ, и очень бѣдственно въ эпоху опричины?

Защитники Грознаго пытаются смягчить приговоръ исторіи указаніемъ на эпоху, которая отличалась суровыми нравами, и ссылаются на примѣры другихъ странъ въ то время. Но эти ссылки мало помогаютъ. Такіе жестокіе государи, какъ Генрихъ VIII въ Англіи, Христіанъ II въ Даніи, Эрихъ XIV въ Швеціи, нисколько не оправдываются грубыми нравами XVI столѣтія, и въ ихъ жестокостяхъ никакіе серьезные историки не находятъ высокаго государственнаго смысла. Но подобные тираны являются дѣтьми въ сравненіи съ Иваномъ IV. О необычайной его свирѣпости и мучительствахъ единогласно свидѣтельствуютъ и Русскіе и иноземные источники, ему современные; свидѣтельствуетъ и самъ царь въ своихъ синодикахъ и посланіяхъ. Подобныя свидѣтельства, но только отчасти, указаны Карамзинымъ (въ примѣч. 3 къ т. IX), который совершенно основательно приравниваетъ Ивана IV къ языческимъ тиранамъ древности, каковы Калигула, Неронъ и пр. Вотъ какими словами начинаетъ *Жизнеописаніе* царя Ивана протестантскій пасторъ Одерборнъ: Nemo unquam ab ulla hominum memoria, ex his, qui regia dignitate et summi imperii fastigio claruerunt, vel majori crudelitate vel insigniori libidine, Ioanne Basilide, adverjus cives et exteros est usus. Т. е. «на людской памяти никогда никто изъ тѣхъ, которые облечены были царскимъ достоинствомъ и верховною властію, не свирѣпствовалъ противъ своихъ и чужихъ съ большею жестокостію и большимъ произволомъ чѣмъ Иванъ Васильевичъ». И подобные отзывы проходятъ почти по всѣмъ совре-

меннымъ свидѣтельствамъ. Такъ другой иноземецъ, младшій современникъ Грознаго, Георгъ Паэрле, начинаетъ свои записки о путешествіи въ Москву слѣдующими словами: «Въ 1584 году умеръ свирѣпый мучитель Иванъ Васильевичъ, великій князь Московскій, который въ тридцатичетырехлѣтнее правленіе свое превзошелъ Нерона жестокостію и тиранствомъ, Калигулу злодѣяніями, Еліогобала непотребною жизнію». (Сказ. Соврем. о Димитріи Самозв. ч. II. Спб. 1832). Изъ Русскихъ современниковъ, описаніе Іоанновыхъ злодѣйствъ у Курбскаго слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ распространяться. Въ общихъ чертахъ это описаніе подтверждается и другими источниками. А если въ подробностяхъ онъ иногда не точенъ, то подобное обстоятельство въ нашихъ глазахъ нисколько не смягчаетъ цѣлой картины. И тщетными остались усилія покойнаго С. М. Соловьева подорвать довѣріе къ извѣстіямъ Курбскаго о казняхъ указаніемъ на нѣкоторыя его противорѣчія съ извѣстіями Гваньини и другихъ. (Ист. Рос. VI. 204—208). Напримѣръ, Димитрій Овчина Оболенскій по Гваньини казненъ за столкновеніе съ Басмановымъ, котораго онъ упрекнулъ въ содоміи; а Курбскій просто упоминаетъ о его казни. И это называется противорѣчіемъ! Точно также Курбскій просто говоритъ, что Иванъ IV убилъ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича; по другому извѣстію (Ульфельдъ, Таубе и Крузе) онъ былъ отравленъ, по третьему (Одерборнъ) его зарѣзали, по четвертому (Гваньини) отрубили голову. Развѣ на подобныхъ противорѣчіяхъ или на разнорѣчивыхъ показаніяхъ о числѣ погибшихъ Новгородцевъ можно основать недостовѣрность извѣстій о мучительствахъ Ивана Грознаго? Г. Бѣловъ находитъ подрывающее Курбскаго противорѣчіе и въ слѣдующемъ сопоставленіи: «Подробная лѣтопись говоритъ, что Іоаннъ земными поклонами набилъ себѣ кровавый знакъ на лбу, а Курбскій повѣствуетъ о закрытіи слуха къ теологіи скоморошьими пѣснями» (124). Но въ такомъ случаѣ еще большее противорѣчіе съ кровавыми шишками на лбу представляетъ извѣстное посланіе Ивана Васильевича къ Кирилобѣлозерской братіи, гдѣ онъ самъ говоритъ о своемъ пребываніи въ пьянствѣ, блудѣ, убійствѣ, грабленіи и прочихъ тяжкихъ грѣхахъ. И это пребываніе въ свою очередь не мѣшаетъ ему считать себя полу-инокомъ, носящимъ на себѣ что-то въ родѣ ангельскаго образа, о чемъ онъ кощунственно заявляетъ въ томъ же посланіи. (Акты Ист., I, № 204).

Любопытна характеристика Грознаго въ одномъ Русскомъ хронографѣ (извѣстномъ подъ именемъ Кубасова). Онъ хвалитъ царя за его книжность, стоятельность за отечество, любовь къ воинству, но съ особою

силою указываетъ на обратную сторону: «на рабы своя отъ Бога данныя ему жестокосердъ вельми и на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ и неумолимъ, множество народу отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погуби и многія грады своя поплѣни и многія святительскія чины заточи и смертію немилостивою погуби, и иная многая содѣя надъ рабы своими, женъ и дѣвицъ блудомъ осквернн». (Рус. Достоп. I. Изборникъ Андр. Попова, 313). Но были и такіе Русскіе книжники, которые просто «попущеніемъ Божіимъ за грѣхи наши и совѣтами злыхъ людей» объясняли бѣдствія опричины и мучительства Ивана IV (Соловьева Ист. Рос. VI, прим. 84. Ссылка на рукопись Имп. Публич. Библ.: *Сокращенный Временникъ* до 1691 года).

Для насъ тиранства Ивана Грознаго съ одной стороны являются въ числѣ самыхъ крупныхъ послѣдствій двухвѣковаго Татарскаго ига, а съ другой главною причиною наступившаго вскорѣ Смутнаго времени.

Сравниваютъ Ивана IV съ Петромъ Великимъ по поводу ихъ стремленія завоевать Балтійскій берегъ для непосредственныхъ связей съ Западною Европою. Дѣйствительно идея общая, но она не придумана царемъ Иваномъ, а вытекала изъ самой исторіи, была такъ сказать неизбѣжна послѣ присоединенія Новгородской и Псковской земли къ Москвѣ. Но какая огромная разница въ образѣ дѣйствій! Петръ, едва завоевалъ устья Невы, какъ основалъ тамъ городъ и морскую пристань; а Иванъ IV наслѣдовалъ эти устья отъ своихъ предшественниковъ, и во все время своего царствованія не подумалъ о томъ, чтобы воспользоваться ими, а усплнвался только захватить Ливонскія гавани. При семъ, пока у него были главными совѣтниками Сильвестръ и Адашевъ, дѣла съ этой стороны шли довольно успѣшно; а послѣ ихъ удаленія Иванъ вооружилъ противъ себя изъ за Ливоніи коалицію сосѣдей, которая его и доконала; тогда какъ Петръ Великій, чтобы добыть Балтійскій берегъ, самъ составилъ коалицію противъ враждебнаго сосѣда. Сходство еще въ томъ, что Иванъ велъ двадцатпчетырехлѣтнюю войну за Ливонію, а Петръ двадцатиоднолѣтнюю; но этой войной Иванъ привелъ Россію почти на край гибели, а Петръ ее возвеличилъ. Что же касается до изліпествъ Петра въ отношеніи казней, особенно стрѣлецкихъ, то онѣ, вонервыхъ, не могутъ равняться съ тиранствами Ивана IV, а вовторыхъ, выкупаются государственными заслугами великаго Преобразователя.

Говорятъ, что Иванъ IV усилилъ верховную власть и утвердилъ Русское самодержавіе. Но власть эта и до него была уже неограниченная. При семъ не замѣчаютъ, что своимъ тиранствомъ онъ, во пер-

выхъ, задержалъ влеченіе Западной Руси къ воссоединенію съ Восточной и помогъ дѣлу Люблинской уніи, а вовторыхъ, въ самомъ Московскомъ обществѣ произвелъ нѣкоторую реакцію противъ самодержавія. Этою реакціей только и можно объяснить цѣлый рядъ попытокъ къ ограниченію верховной власти, которыми ознаменовался выборъ новыхъ царей по прекращеніи династіи Владиміра Великаго. Только съ Алексѣя Михайловича Русское самодержавіе вновь получило свою неоспоримую силу.

II.

По поводу розыска о смерти царевича Димитрія.

Щербатовъ, Карамзинъ и Соловьевъ считали достовѣрнымъ разсказъ лѣтописей о томъ, что Димитрій былъ зарѣзанъ убійцами, которыхъ подослалъ Борисъ Годуновъ. Достовѣрнымъ принимали его также: Арцыбашевъ (Повѣствв. о Рос.), преосв. Филаретъ (Чт. О. И. и Др. 1858, I. и «Русскіе Святые» подъ 15 Мая), преосв. Макарій (Истор. Рус. Церкви), А. Ѳ. Бычковъ (Чт. О. И. и Др. 1864, IV) и Н. И. Костомаровъ («Жизнеописанія»). Противъ лѣтописей, за Годунова или за достовѣрность слѣдственнаго дѣла о смерти царевича (Собр. Г. Г. и Д. II, № 60) ратовали М. П. Погодинъ («Историко-критич. отрывки». М. 1846), А. А. Краевскій («Царь Борисъ Годуновъ». Спб. 1836), К. С. Аксаковъ (Рус. Бесѣда. 1858, II), Н. М. Павловъ (Рус. Арх. 1886, № 8); туда же склоняется В. С. Иконниковъ (тамъ же № 12). Любопытны примѣры колебаній или перемѣны мнѣній объ этомъ темномъ дѣлѣ. Такъ Карамзинъ первоначально сомнѣвался въ участіи Годунова и готовъ былъ признать его невинно оклеветаннымъ («Сочиненія». М. 1830, IX, 235); но въ своей Исторіи онъ прямо обвиняетъ Годунова. Арцыбашевъ также склонялся къ оправданію сего послѣдняго (Вѣстн. Европы. 1830); но въ «Повѣствованіи» измѣнилъ свое мнѣніе, вслѣдствіе цензурныхъ возраженій Устрялова (см. помянутую выше статью проф. Иконникова со ссылкою на протоколы засѣданій Археогр. Ком. 1841—49 гг. Спб. 1886 г.). А между тѣмъ самъ Устряловъ въ своей «Русской Исторіи» и въ своемъ «Розыскѣ о смерти царевича Димитрія» (Сказанія Соврем. II) колеблется и въ ту, и въ другую сторону.

Самымъ усерднымъ сторонникомъ Годунова въ данномъ вопросѣ явился тотъ же Е. А. Бѣловъ, который оправдываетъ и злодѣянія Ивана Грознаго. Защитѣ Погодина противъ опроверженій Соловьева онъ посвятилъ

цѣлыхъ двѣ статьи (въ Ж. М. Н. Пр. за 1873 г. Іюль и Августъ). Костомаровъ тогда же представилъ нѣсколько вѣскихъ возраженій г. Бѣлову (Вѣст. Евр. 1873, № 9). Вообще, не смотря на всѣ усилія, сему послѣднему не удалось опровергнуть большую часть доводовъ покойнаго Соловьева, приведенныхъ въ 131 примѣчаніи къ VII тому *Исторіи Россіи*. Нельзя отказать г. Бѣлову въ нѣкоторыхъ дѣльныхъ замѣчаніяхъ; но его рѣшительное оправданіе Годунова и защита слѣдственнаго дѣла исполнены многихъ натяжекъ и напоминаютъ пріемы современной намъ адвокатуры, которая часто не останавливается ни передъ какими софизмами съ цѣлью обѣлить своего кліента.

Конечно слова Карамзина о предварительныхъ попыткахъ отравить царевича—«дрожащая рука убійцъ вѣроятно бережно сыпала отраву» —эти слова могутъ быть названы неудачнымъ объясненіемъ сихъ попытокъ; однако общій его взглядъ на все дѣло гораздо основательнѣе чѣмъ взгляды его противниковъ. Въ подробностяхъ своей защиты адвокатъ Годунова иногда представляетъ объясненія еще менѣе удачныя. Напримѣръ: «Вдовый протопопъ Ѳедотъ Офонасьевъ, человѣкъ жалкій, забитый, на что указываетъ и его насмѣшливое прозвище (*Огурецъ*), и то, что онъ *изъ протопоповъ попалъ въ звонари*». Очевидно г. Бѣлову оставалось неизвѣстнымъ, какая судьба постигала священниковъ, имѣвшихъ несчастье потерять жену. Ихъ печальное положеніе было подтверждено Московскимъ соборомъ 1503 года. Что они лишались права священнодѣйствовать, говоритъ и Маржеретъ, современникъ даннаго событія.

Съ своей стороны укажу слѣдующія обстоятельства, бросающія тѣнь на розыскное или слѣдственное дѣло.

Напрасно было бы основывать достовѣрность его между прочимъ на непріязненныхъ отношеніяхъ Шуйскихъ къ Годуновымъ. Князь В. И. Шуйскій, какъ извѣстно, правдивостію не отличавшійся, въ данный моментъ имѣлъ всѣ побужденія угождать Борису Годунову: участь его брата Андрея и князя Ивана Петровича была у него еще въ свѣжей памяти. Притомъ смерть царевича, если была полезна Борису Ѳедоровичу, то не была противна и интересамъ В. И. Шуйскаго, также будущаго претендента на престолъ. Пристрастный, преднамѣренный розыскъ обнаруживается съ первыхъ же словъ слѣдственнаго дѣла. Слѣдователи прямо начинаютъ вопросомъ: «которымъ обычаемъ царевича Дмитрія не стало, и *что его болѣзнь была?* т.-е. прямо сворачиваютъ дѣло на падучую болѣзнь. И это обстоятельство не укрылось отъ современниковъ. Лѣтопись говоритъ: «князь же Василій начатъ распра-

шивати града Углича всѣхъ людей, како *небреженіемъ Нагихъ заклася самъ*» (Никон. VIII, 19). Далѣе, важное, по моему мнѣнію, препятствіе повѣрить розыску представляетъ самый образъ смерти царевича. Если, какъ тутъ сообщается, съ царевичемъ были и прежде припадки падучей болѣзни, причемъ онъ однажды покололъ свою мать, то невѣроятно, чтобы послѣ того мать позволила ему играть ножомъ. А если это позволила мамка помимо матери, то задніи мысли мамки становятся прямо подозрительными: на этой игрѣ ножомъ и на падучей болѣзни какъ бы заранѣе основывался какой-то разсчетъ. Если-бы дѣйствительно мальчикъ самъ покололъ себя въ припадкѣ, то опять странно, что онъ покололъ себя не въ иное какое мѣсто и не въ разныя мѣста, а во время своихъ судорогъ кололъ себя въ одну точку, въ горло. Данныя весьма подозрительныя. Можетъ быть, смерть его совершилась и не совсѣмъ такъ, какъ разсказываютъ лѣтописцы, указывающіе прямо на Битяговскаго, Качалова и Волохова какъ на его убійцъ; однако во всякомъ случаѣ эта внезапная смерть со всѣми ея обстоятельствами заставляетъ сомнѣваться въ правдивости слѣдственнаго дѣла. Главныя свидѣтельницы, кормилица Тучкова и постельница Колобова могли быть подкуплены или просто застращены; а что и какъ онѣ разсказывали первоначально, намъ осталось неизвѣстнымъ. (Весьма возможно, что разсказъ лѣтописцевъ почерпнутъ именно изъ этого первоначальнаго источника, хотя и не изъ первыхъ рукъ). Что говорили четыре сверстника царевича, тоже въ точности никому неизвѣстно; въ слѣдственномъ дѣлѣ они, какъ попуган, буквально повторяютъ разсказъ о самозакланіи. При семъ обратимъ вниманіе на то, что изъ нихъ одинъ Тучковъ, другой Колобовъ, можетъ быть, дѣти помянутыхъ двухъ женщинъ; естественно они повторяли, что имъ приказывали говорить ихъ матери или родственницы. Кромѣ нихъ, по дѣлу обнаруживается еще одинъ только свидѣтель, стряпчій Семейко Юдинъ, который будто бы видѣлъ сцену самозакланія откуда-то изъ дому, когда «стоялъ у поставца». Но кто можетъ поручиться за правдивость этого свидѣтеля? А затѣмъ огульное и какъ бы заученное повтореніе одного и того же разсказа многими лицами, бывшими далеко отъ мѣста событія, наводитъ рѣшительное сомнѣніе въ ихъ показаніяхъ.

Важнымъ свидѣтельствомъ противъ Бориса служатъ и тѣ мѣры, которыя онъ заранѣе предпринималъ противъ кандидатуры царевича Димитрія на царскій престолъ, напримѣръ, запрещеніе помнинать его имя при богослуженіи какъ незаконнорожденнаго. Весьма любопытно, что Флетчеръ, сообщающій о семъ правительственномъ распоряженіи, вмѣстѣ

съ тѣмъ *еще до смерти царевича*, сообщаетъ и слухи о покушеніяхъ на его жизнь со стороны будущихъ претендентовъ на тронъ послѣ бездѣтнаго Ѳеодора. Естественно поэтому, что мать царевича и ея родственники Нагіе, по всѣмъ признакамъ, берегли мальчика и окружали его строгимъ присмотромъ, хотя слѣдственное дѣло потомъ и обвинило ихъ въ небреженіи. Вотъ почему, если и были попытки къ отравленію, то неудачныя. Очевидно, что близкіе люди охраняли царевича отъ яда и стерегли его особенно по ночамъ; но имъ едва ли приходило въ голову, что его можно зарѣзать при дневномъ свѣтѣ, въ присутствіи нянекъ и мамокъ. Въ числѣ же помянутыхъ претендентовъ кромѣ Бориса Годунова, повторяю, былъ и Василій Шуйскій. Несомнѣнно, Годуновъ зналъ, кому поручить слѣдствіе, чтобы добыть желаемый результатъ, при сохраненіи наружнаго безпристрастія. Во всякомъ случаѣ, если какому изъ показаній Шуйскаго и можно повѣрить, то именно тому, которое онъ сдѣлалъ впослѣдствіи, по своемъ воцареніи, при перенесеніи мощей Димитрія въ Москву; т.-е., что царевичъ палъ жертвою злодѣянія, а не самъ покололъ себя до смерти. Въ это время для Шуйскаго не было никакихъ серьезныхъ побужденій кривить душою. Возвращаясь къ извѣстію Флетчера, мы видимъ, что въ Московскомъ обществѣ того времени или какіе-то глухіе толки о козняхъ, направленныхъ противъ маленькаго Димитрія, были какія-то темныя предчувствія, ожиданія чего-то трагическаго. И дѣйствительно, долго ждать не пришлось; слѣдовательно, толки и ожиданія не были безосновательны.

Изъ сличенія всѣхъ данныхъ и всѣхъ мнѣній мы дѣлаемъ слѣдующій общій выводъ. Какъ именно погибъ царевичъ, сказать трудно; но что онъ погибъ не своею смертію, это достовѣрно; а что смерть царевича была весьма желательна Годунову и его клевретамъ, это не подлежитъ сомнѣнію.

МОИМЪ ВОЗРАЖАТЕЛЯМЪ [1]).

Во 2-й кн. «Русскаго Архива» за текущій годъ въ «Историко-критическихъ замѣткахъ», по поводу тиранніи Ивана Грознаго и Розыскнаго дѣла о царевичѣ Димитріи, было указано мною на двѣ статьи Е. А. Бѣ-

[1]) Русскій Архивъ. 1889. № 5.

лова, въ которыхъ онъ всевозможными натяжками пытается обѣлить Ивана Грознаго въ его злодѣяніяхъ и возвести его въ великіе люди, а Бориса Годунова очистить отъ всякаго подозрѣнія въ смерти царевича. На сіи замѣтки Е. А. Бѣловъ, нимало не медля, въ 3-й кн. Журнала Мин. Народнаго Просвѣщенія, далъ отвѣтъ. Разумѣется, онъ почитаетъ себя вполнѣ правымъ, хотя мнѣній своихъ никакими фактами не подтверждаетъ. Еслибы, вмѣсто разнообразныхъ сужденій и сѣтованій на меня, изложенныхъ на семи страницахъ, онъ сосредоточилъ свое вниманіе хотя на двухъ, много на трехъ пунктахъ нашего разногласія и вошелъ бы въ сколько нибудь серьезное обсужденіе дѣла, отвѣтъ его могъ бы получить характеръ научной полемики. Ограничусь приведеніемъ нѣсколькихъ образцовъ изъ сего отвѣта.

Вопервыхъ, что значитъ голая ссылка на мнѣніе Эверса, который очень мягко относится къ жестокостямъ Ивана IV — мнѣніе, никакими фактическими доказательствами не объоснованное и ни для кого необязательное? А затѣмъ, г. Бѣловъ въ своемъ «отвѣтѣ» успѣлъ къ прежнимъ домысламъ прибавить нѣсколько новыхъ, не только не подкрѣпляющихъ его мнѣнія, но прямо свидѣтельствующихъ о томъ, что онъ недостаточно изучилъ эпоху и историческія лица, о которыхъ судитъ такъ рѣшительно. Напримѣръ, онъ упрекаетъ митрополита Филиппа за *публичное обличеніе* Іоанна къ церкви, тогда какъ Петръ Великій «замѣтилъ Стефану Яворскому, что если обличать, то слѣдуетъ обличать наединѣ, а потомъ уже при всѣхъ». Но стало-быть г. Бѣловъ не читалъ внимательно житія митроп. Филиппа? Тамъ онъ нашелъ бы, что святитель такъ именно и поступилъ. Или, онъ вдругъ додумался до такого вопроса: погромъ Новгорода не спутанъ ли «съ страшными мѣрами, которыя Іоаннъ принялъ для прекращенія моровой язвы въ Новгородѣ?» Въ виду разнообразныхъ и современныхъ или близкихъ къ событію извѣстій о Новгородскомъ погромѣ, подобный вопросъ является совершенно праздным. Наконецъ, г. Бѣловъ дѣлаетъ важное открытіе, а именно: «несчастливое окончаніе (Ливонской) войны вызвано было страшнымъ возстаніемъ инородцевъ на Волгѣ». Въ дѣйствительности, возстаніе это разразилось уже послѣ Ливонской войны, причемъ назвать его «страшнымъ» было бы преувеличеніемъ.

Относительно разсказа о смерти царевича Димитрія, г. Бѣловъ ограничивается сожалѣніемъ о какой-то «странной ошибкѣ» покойнаго Костомарова, который будто бы возражалъ противъ «самоубійства» отрока, тогда какъ царевичъ самъ «набрушился на ножъ». Въ заключеніе, мой возражатель какъ будто сѣтуетъ на то, что я теперь *умолчалъ* о его

первомъ «отвѣтѣ» на мою замѣтку, по поводу его изслѣдованія «Объ историческомъ значеніи Русскаго боярства». Но то была замѣтка по другому поводу, именно по вопросу о происхожденіи Русскаго государства. Я указалъ тогда на нѣкоторыя фактическія невѣрности и на ту путаницу историческихъ представленій, которыя нашелъ въ монографіи г. Бѣлова по данному вопросу. Конечно и тогда его «отвѣтъ» не замедлилъ. Въ Майской книгѣ Журнала М. Н. Пр. за 1886 годъ онъ напечаталъ одиннадцать страницъ разныхъ разсужденій, причемъ ту путаницу, на которую я указывалъ, только пріумножилъ. Признаюсь, распутывать ее я не имѣлъ ни времени, ни охоты. А г. Бѣловъ, повидимому, всякое молчаніе принимаетъ за знакъ согласія съ его доводами!

По поводу *умолчанія*, ставлю вновь вопросъ, уже предложенный мною г. Бѣлову и оставленный имъ безъ всякаго отвѣта. Если Иванъ IV сдѣлался мудрымъ правителемъ только тогда, когда освободился отъ своихъ совѣтниковъ, Сильвестра и Адашева, и отъ ихъ соумышленниковъ-бояръ, то почему же дѣла государственныя шли, наоборотъ, хорошо и благополучно въ эпоху сихъ совѣтниковъ и очень бѣдственно въ эпоху опричины.

Во всякомъ случаѣ Е. А. Бѣловъ, хотя бы и недостаточно, все-таки знакомъ съ эпохой, о которой говоритъ, и съ ея историческими источниками. Но что сказать о людяхъ, которые хотятъ поучать спеціалистовъ и даже дѣлать открытія въ Русской исторіи, обладая въ ней только элементарными свѣдѣніями?

Д. Д. Голохвастовъ адресовалъ на мое имя возраженіе, озаглавленное: «Историческое значеніе слова *кормленіе*» («Русскій Архивъ» 1889, кн. 4).

Въ моей статьѣ о Казанскихъ дѣлахъ при Грозномъ («Рус. Архивъ» 1889 г., кн. 1) приведены слова лѣтописца съ краткимъ ихъ объясненіемъ въ скобкахъ. А именно: «Лѣтописецъ обвиняетъ въ этомъ небреженіи тѣхъ бояръ, которымъ Государь поручилъ «о Казанскомъ дѣлѣ промышляти да и о кормленіяхъ сидѣти» (т.-е. о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани). Бояре эти «начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша». Г. Голохвастовъ такой взглядъ на кормленіе называетъ *невѣрнымъ*. По его толкованію, «*кормленіе*, на старинномъ языкѣ, значитъ *правленіе*». «Бояре *начаша о кормленіяхъ сидѣти*—значитъ: бояре стали совѣщаться объ устройствѣ управленія вновь завоеваннымъ царствомъ». Такимъ образомъ г. Голохвастовъ поправляетъ не меня собственно, а самый источникъ. Ока-

зывается, что значеніе слова *кормленіе* ему лучше извѣстно, чѣмъ самому лѣтописцу XVI вѣка. Лѣтописецъ тутъ сидѣніе о кормленіяхъ съ ироніей противуполагаетъ заботамъ о Казанскомъ строеніи. Если же принять толкованіе г. Голохвастова и буквально приложить его къ словамъ лѣтописца, то получимъ слѣдующее: бояре стали совѣщаться объ устройствѣ управленія вновь завоеванным краемъ Казанскимъ, а устройство сего края отложили въ сторону. Получается безсмыслица очевидная. Г. Голохвастовъ слово «кормленіе» приводитъ въ непосредственную связь съ словами *корма, кормило, кормчій*. Отсюда у него выходитъ, что древнерусскій «кормленщикъ» буквально значитъ то же что «кормчій», т.-е. *управляющій*. Еслибы возражатель поближе ознакомился съ древнерусскими уставными грамотами и другими правительственными актами, то онъ тамъ нашелъ бы частое упоминаніе о кормахъ, т.-е. о поборахъ съ жителей въ пользу намѣстниковъ, тіуновъ и доводчиковъ или натурою, или съ переложеніемъ на деньги, причемъ различаются разные кормы: «Рождественскій кормъ», «Петровскій кормъ», «въѣзжій кормъ» и т. д. Ясно, что слово «кормленіе» находилось въ связи съ этими кормами, а никакъ не съ кормиломъ и кормчимъ.

Чтобы подкрѣпить свое мнимое открытіе, г. Голохвастовъ приводитъ четыре жалованныя грамоты, по которымъ одному изъ его предковъ даются «Числяки и Ордынцы съ пятномъ и со всѣми пошлинами въ кормленіе», другому «городокъ Шуя съ правдою и съ пятномъ и съ корчмою въ кормленіе», и т. д. Въ грамотахъ прибавлено: «и вы всѣ люди (такого-то мѣста) его (т.-е. кормленщика) чтите и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ». И вотъ это послѣднее выраженіе (не смотря на ясное упоминаніе прежде всего о доходахъ) даетъ поводъ г. Голохвастову заключать, что кормленіе значитъ управленіе. Тутъ вопіющее недоразумѣніе. Кому же неизвѣстно, что кормленія были связаны съ правительственными мѣстами, съ судомъ и управленіемъ? Но вѣдь возражатель мой толкуетъ о буквальномъ значеніи слова «кормленіе». И въ наше время, если кому-либо за военныя или другія заслуги даютъ хорошее административное мѣсто, т.-е. съ порядочнымъ содержаніемъ, развѣ отсюда можно заключать, что содержаніе значитъ администрація?

Если бы возражатель былъ нѣсколько знакомъ съ литературою предмета, то онъ бы убѣдился, что вопросъ о кормленіяхъ достаточно выясненъ въ Русской исторіи, и никакія открытія, въ родѣ предложенныхъ имъ, тутъ невозможны. Выступая съ возраженіемъ противъ меня, онъ не потрудился справиться съ тѣмъ, что у меня сказано о семъ предметѣ во II-мъ томѣ моей *Исторіи Россіи*. А тамъ, на стр. 363, ска-

зано слѣдующее: «За свою службу князю, придворную, думную и ратную, бояре въ этотъ періодъ стали получать вознагражденіе въ трехъ видахъ: кормленіе, вотчины и помѣстья. Первый видъ былъ связанъ съ должностями намѣстниковъ и волостелей. Назначая намѣстниковъ въ свои города, князь давалъ областямъ правителей и судей; въ то же время онъ давалъ своимъ боярамъ возможность кормиться на счетъ жителей, т.-е. пользоваться какъ судебными пошлинами, такъ и разными поборами натурою» и т. д. Прибавлю, что во избѣжаніе злоупотребленій правительство всегда заботилось поборы эти возможно точно опредѣлить, ввести въ извѣстныя рамки, и даже сборъ ихъ не поручало самимъ кормленщикамъ. Хотя конечно злоупотребленія все-таки были часты: но отсюда еще никакъ не вытекаетъ столь смѣлый выводъ г. возражателя, что при такомъ значеніи кормленій «Московское княжество не доросло бы до размѣровъ Россіи». Чтобы судить о значеніи подобныхъ явленій, надо прежде внимательно ознакомиться съ гражданскими отношеніями и воззрѣніями древней Руси.

Московское государство развивалось и крѣпло, имѣя такое широкое и прочное основаніе какъ могучая Русская народность, сплоченная во едино трудами великихъ князей Московскихъ и глубоко проникшаяся идеей царскаго самодержавія, которое всѣ сословія, всѣ народныя силы заставило тянуть общее государево тягло и всѣ ихъ направило на служеніе чисто-Русскимъ интересамъ, подчиняя имъ всѣ другіе интересы. Московскій царь уже не былъ вождемъ попреимуществу дружиннымъ, какъ древніе князья, а воплотилъ въ себѣ идею, такъ сказать, всенародную; онъ стоялъ выше всѣхъ сословныхъ отношеній и притязаній и, въ качествѣ верховнаго судьи, при случаѣ, не давалъ поощады сильнымъ, которые обижали слабыхъ; при чемъ знатныхъ онъ порицалъ и каралъ также открыто и строго, какъ и простыхъ людей. Для примѣра, укажу на одну любопытную грамоту царя Алексѣя Михайловича, 1665 года. Въ этой грамотѣ царь обличаетъ Енисейскаго воеводу Василія Голохвастова въ разныхъ неправдахъ, грабительствахъ и насиліяхъ, о которыхъ ему «великому государю вѣдомо учинилось». Чтобы дать понятіе о дѣяніяхъ Енисейскаго воеводы и какъ черту нравовъ того времени, приведу слѣдующее мѣсто грамоты: «Да онъ же Василій, для своихъ ожитковъ отдаетъ на откупъ зернь и корчму, и безмужныхъ женъ на блудъ, и отъ того емлетъ себѣ откупу рублевъ по сту и болши, и тѣмъ блуднымъ женкамъ велитъ наговаривать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, и тѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей, безъ оговору, безъ сыску и безъ роспросу, сажаетъ въ тюрьму» и т. д.

(Акты Ист. IV, № 182). Ясно, что и такія злоупотребленія, которыя позволялъ себѣ помянутый воевода, не мѣшали Московскому государству расти и укрѣпляться, слѣдовательно не имѣли большого значенія въ общемъ поступательномъ движеніи Русской жизни [1]).

Извѣстный писатель и дѣятель первой половины XVIII вѣка В. Н. Татищевъ, родившійся въ эпоху, когда система кормленій была еще въ ходу, въ своихъ примѣчаніяхъ къ отысканному имъ Судебнику Ивана IV говоритъ слѣдующее: «Губернаторства и воеводства (Судебникъ) именуетъ жалованьемъ и кормленіемъ; ибо тогда оные жаловались изъ милости для нажитка, и въ челобитныхъ о воеводствахъ писали: *прошу отпустить покормиться*». Это примѣчаніе относится къ 24 статьѣ Судебника, гдѣ дѣйствительно вмѣсто слова *кормленіе* употреблено слово *жалованье*: «А которые инородцы учнутъ бити челомъ на намѣстниковъ или на волостелей въ обидныхъ дѣлахъ, какъ тѣ намѣстники или волостели, на жалованьѣ живучи, или съ жалованья ѣдучи, кого чѣмъ изобидятъ» и т.д. Въ другихъ статьяхъ Судебника нерѣдко упоминается о кормленіяхъ и при томъ въ связи не столько съ управленіемъ, сколько съ судопроизводствомъ, и преимущественно съ пошлинами или съ судебными доходами въ пользу кормленщиковъ. При семъ въ обоихъ Судебникахъ, Ивана III и Ивана IV, упоминаются «кормленіе съ судомъ боярскимъ» и «кормленіе безъ боярскаго суда». О различіи этихъ двухъ видовъ кормленія указано въ моемъ второмъ томѣ на стр. 522, куда и отсылаю возражателя.

Я не привожу сочиненій, въ которыхъ трактуется вопросъ о кормленіяхъ, а ссылаюсь на свою книгу, такъ какъ возражатель обратился именно ко мнѣ. Но если бы онъ пожелалъ ближе и подробнѣе ознакомиться съ симъ вопросомъ, то можетъ обратиться къ трудамъ по исторіи Русскаго права, каковы напр. труды Неволина, Калачова, Чичерина, Дмитріева, Сергѣевича, Градовскаго, Владимірскаго-Буданова и др. Для примѣра, укажу ему на «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ», Б. Н. Чичерина. М. 1856 г. Въ обширномъ введеніи къ этой книгѣ съ

---

1) Этотъ Енисейскій воевода Василій Голохвастовъ по отечеству назывался *Елизарьевичъ*. Слѣдовательно его не должно смѣшивать съ его дальнимъ родственникомъ и современникомъ Василіемъ *Яковлевичемъ* Голохвастовымъ, комнатнымъ стольникомъ царя Алексѣя Михайловича и одно время воеводою Нижегородскимъ. См. *Акты относящіеся до рода дворянъ Голохвастовыхъ*, собранные Д. П. Голохвастовымъ. Москва 1848 года. Изъ этой книги мой возражатель заимствовалъ четыре помянутыя жалованныя грамоты и привелъ ихъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

особою ясностію говорится о системѣ кормленій со ссылками на правительственные акты. Между прочимъ тутъ сказано: «Кормленщику давалась ввозная грамота, въ которой также, какъ при раздачѣ помѣстій, жителямъ предписывалось *чтить его и слушать* (стр. 7). Отсюда Голохвастовъ увидитъ, что приводимыя имъ грамоты не даютъ никакихъ основаній приравнивать кормленія къ *Кормчей книгѣ* или Номоканону. Книга г. Чичерина въ свое время вызвала замѣтное оживленіе въ нашей историко-юридической литературѣ. Наиболѣе обстоятельную критику ея представили покойный Н. В. Калачовъ въ своемъ Архивѣ и И. К....въ въ «Русской Бесѣдѣ». Тутъ они вооружаются противъ мнѣнія г. Чичерина, будто судъ и областное управленіе къ древней Россіи основаны были на началахъ права частнаго, а не государственнаго, но ничего не возражаютъ противъ кормленій, какъ одного изъ видовъ вознагражденія за службу. Да и невозможно возражать противъ очевидныхъ фактовъ и оффиціальныхъ документовъ. Напримѣръ, приведемъ слѣдующія слова изъ жалованной грамоты Ивана III въ 1499 г. Костромскому намѣстнику Судимонту: «Здѣся мнѣ билъ челомъ Яковъ Захарьичъ, что вамъ обѣма на Костромѣ *сытымъ быти не съ чего,* и язъ здѣся князь великій Якова пожаловалъ городомъ Володимеромъ, а тебя есми пожаловалъ придалъ другую половину Костромы съ правдою» (Акты Ист. I, № 110). Но слѣднее выраженіе, т.-е. *съ правдою,* по объясненію Калачова и Ѳ. М. Дмитріева, не значитъ вообще «съ судомъ», а собственно съ судомъ уголовнымъ; ибо были пожалованія кормленій *безъ правды*, но въ то же время съ судомъ вообще. Г. Дмитріевъ приводитъ примѣръ подобной жалованной грамоты «безъ правды», причемъ далѣе говорится: «и в. всѣ люди тое волости чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и *судитъ* по тому, какъ было прежъ сего». Слѣдовательно это выраженіе соотвѣтствуетъ выраженію Судебниковъ о кормленіяхъ съ судомъ боярскимъ и безъ боярскаго суда («Исторія Судеб. инстанцій» Ѳ. Дмитріева. М. 1859 г., стр. 22). Хотя г. Дмитріевъ въ своихъ взглядахъ на судъ и управленіе древней Руси примыкаетъ ко взглядамъ г. Чичерина, но существенная сторона кормленій, разумѣется, остается непререкаемой.

Свое возраженіе г. Голохвастовъ сопровождаетъ толкованіями старыхъ словъ *воръ*, *отказъ*, *годъ* и пр., каковыя совсѣмъ къ дѣлу не относятся. Но его попытки толковать нѣкоторыя слова изъ приведенныхъ имъ грамотъ невсегда удачны. Напримѣръ, *пятно* означаетъ не какой-то «штемпельный сборъ», а просто пошлину съ пятнанія или клейменія лошадей при ихъ продажѣ и куплѣ, о чемъ ясно говорится въ 94 статьѣ царскаго Судебника.

Что же касается до пожалованныхъ въ кормленіе Борису Голохвастову

Числяковъ и Ордынцевъ, то г. возражатель сильно заблуждается, разумѣя подъ ними всѣхъ плательщиковъ Золотоордынской дани, въ то время уже не существовавшей, и распространяя эти двѣ мѣстныя группы на цѣлую Россію. Очевидно историческія данныя объ этихъ людяхъ остались ему совершенно неизвѣстны, и онъ не потрудился обратиться за справками если не къ самимъ источникамъ, то по крайней мѣрѣ къ людямъ свѣдущимъ. Предлагаю ему эти данныя. Числяки и Ордынцы упоминаются въ духовныхъ грамотахъ великихъ князей Московскихъ XIV и XV вв. Наиболѣе ясныя о нихъ упоминанія встрѣчаются въ духовной Ивана III и въ его же межевыхъ грамотахъ, разграничивающихъ удѣлы его сыновей. А именно, въ духовной сказано: «А даю ему (старшему сыну Василію) городъ Москву съ волостьми и съ путми и съ станы и съ селы... и съ бортью и съ Васильцовымъ стомъ, да Числяки и Ордынцы; а мои дѣти Юрьи, Дмитрей, Семенъ, Андрѣй у моего сына у Василья, а у своего брата старѣйшаго, въ Числяки и въ Ордынцы не вступаются ни во что, ни въ земли ихъ, ни въ воды не вступаются и не обидятъ ихъ ничѣмъ» (Собр. Г. Г. и Д. I, № 144). А въ межевыхъ постоянно повторяется, что численныя земли и Ордынскія остаются за старшимъ сыномъ, хотя бы оказались за удѣльнымъ рубежомъ. «Которые будутъ перешли численныя земли и Ордынскія (въ такой-то удѣлъ), и тѣмъ численнымъ людемъ и Ордынцемъ тяжь всякую тяпути по старинѣ съ Числяки и съ Ордынцы къ сыну моему къ Василью; а сыну моему (удѣльному такому-то) въ тѣ численныя земли и въ Ордынскія не вступатися ничѣмъ» (Собр. Г. Г. и Д. I, №№ 138, 140, 141). При Иванѣ IV, въ извѣстномъ указѣ 1550 года объ испомѣщеніи 1000 боярскихъ дѣтей въ Московскомъ уѣздѣ, встрѣчаются «Числяки и Ордынцы» между волостями, въ которыхъ испомѣщаются эти служилые люди. (Акты Арх. Ком. I, № 225). Далѣе, при Иванѣ IV, въ числѣ волостей, отдѣленныхъ имъ въ Опричину, находятся «Числяки и Ордынскія деревни» (Александровск. Лѣтопись). Изъ всѣхъ этихъ данныхъ ясно, что Числяки и Ордынцы были извѣстное тяглое населеніе Московской области, составлявшее особый разрядъ, особую волость, имѣвшее свои земли и угодья. А г. Голохвастовъ по поводу этихъ Числяковъ и Ордынцевъ, данныхъ его предку Борису Голохвастову въ кормленіе, восклицаетъ: «Если же признать, что г. Иловайскій вѣрно толкуетъ слово *кормленіе*, то надо допустить чудовищную мысль, что кормленіе одного Бориса Яковлевича Голохвастова обходилось Россіи дороже, чѣмъ Татарская дань». Вотъ къ какимъ оригинальнымъ выводамъ рискуютъ приходить возражатели, не обладающіе достаточною долею свѣдѣній и осторожности.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ КОРМЛЕНІЙ [1]).

Прелюбопытную полемику подняли противъ меня гг. братья Голохвастовы на страницахъ «Русскаго Архива», по поводу древне-русскаго термина *кормленіе*, въ отношеніи областныхъ правителей и судей. По ихъ толкованію выходитъ, что это слово отнюдь не означало полученія кормовъ или содержанія, а прямо значило управленіе, т. е. непосредственно примыкало къ словамъ *корма*, *кормило*, *кормчій*. Такимъ образомъ *кормленщикъ* у нихъ выходитъ въ буквальномъ смыслѣ (а не въ переносномъ, какъ у меня) gubernator.

Первому изъ братьевъ, г. *Д. Голохвастову*, я указалъ (въ «Русскомъ Архивѣ» 1889, № 5) на нѣкоторые источники и пособія, съ помощью которыхъ онъ могъ-бы ближе ознакомиться съ симъ вопросомъ, такъ какъ дотолѣ, по всѣмъ признакамъ, былъ знакомъ съ нимъ слишкомъ недостаточно. На его защиту, послѣ того, выступилъ г. *П. Голохвастовъ* («Русскій Архивъ» 1890, № 6), и, надобно отдать ему справедливость, выступилъ съ большою развязностью. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы знаніе дѣла, логика и добросовѣстность стояли въ уровень съ сею развязностью.

Прежде всего, мы должны напомнить, что для всякаго лица, претендующаго на научную полемику, обязательна точность въ передачѣ аргументовъ противника. Г. П. Голохвастовъ не только не заботится о такой точности, но иногда прямо и намѣренно искажаетъ ихъ смыслъ въ своей передачѣ. Напримѣръ, очевидно, не взявшему въ толкъ, что такое система кормленій, и притомъ незнакомому съ моими трудами г. Д. Голохвастову я указалъ на 363 стран. второго тома моей „*Исторіи Россіи*“, гдѣ говорится о кормленіяхъ слѣдующее: «За свою службу князю, придворную, думную и ратную, бояре въ этотъ періодъ стали получать вознагражденіе въ трехъ видахъ: кормленіе, вотчины и помѣстья. *Первый видъ былъ связанъ съ должностями намѣстниковъ и волостелей.* Назначая намѣстниковъ въ свои города, князь давалъ областямъ правителей и судей; *въ то-же время онъ давалъ своимъ боярамъ возможность кормиться на счетъ жителей*, т. е. пользоваться какъ судебными пошлинами, такъ и разными поборами натурою, какъ-то: мясомъ,

---

[1]) Русская Старина. 1890. № XI.

хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ и т. п.». Это краткое опредѣленіе кормленія есть не мое личное мнѣніе, а непререкаемый выводъ, установленный исторической наукою, на основаніи всей совокупности фактовъ. Г. П. Голохвастовъ о семъ опредѣленіи умалчиваетъ, а приводитъ мои слова, слѣдующія далѣе: «Такъ какъ бояръ было гораздо больше, чѣмъ намѣстничествъ, то вошло въ обычай давать сіи послѣднія на небольшое количество времени, напримѣръ, на три года, чтобы почти всѣ бояре могли покормиться и нажить себѣ разное имущество». Эти слова, тѣсно связанныя съ предыдущимъ и послѣдующимъ, но вырванныя изъ середины и сопровождаемыя недѣльными восклицаніями г. П. Голохвастова (въ родѣ: «красиво сказано» или «ново и глубокомысленно!», стр. 210), разумѣется, читателю его разсужденій, безъ собственной справки съ книгою, не дадутъ надлежащаго и яснаго понятія о кормленіи. А за этими словами далѣе въ моей книгѣ слѣдуетъ: «Съ тою-же цѣлью въ значительные города иногда назначалось по два намѣстника. Кромѣ должностей намѣстниковъ и волостелей, къ разряду кормленій принадлежали и, такъ называемые, «пути» или (помянутыя выше) разныя отрасли княжескаго хозяйства, съ причисленными къ нимъ селами и деревнями; они раздавались въ завѣдываніе боярамъ съ правомъ пользоваться извѣстною частью доходовъ, которые собирались съ этихъ селъ и деревень въ казну княжескую».

Или вотъ еще примѣръ:

Сближая слово *кормленіе* (по смыслу) съ *кормиломъ*, *кормчею книгою* и т. п., г. Д. Голохвастовъ ссылается на четыре грамоты изъ своего родового архива и приводитъ эти грамоты (умалчивая о томъ, что онѣ давнымъ-давно напечатаны его отцомъ, Д. П. Голохвастовымъ, въ «Чт. О. И. и Др.»). Въ этихъ грамотахъ, между прочимъ, предписывается жителямъ «чтить и слушать» кормленщика, а онъ долженъ «вѣдать и судить жителей». Изъ статьи г. Голохвастова ясно было, что онъ, будучи незнакомъ съ литературою предмета и множествомъ другихъ подобныхъ актовъ, считаетъ данныя выраженія въ числѣ доказательствъ, будто слово *кормленіе* буквально значитъ *управленіе*. Въ своемъ возраженіи г. Голохвастову я указываю на литературу предмета и особенно на книгу *Б. Н. Чичерина* («Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ»), гдѣ во введеніи сжато, но ясно очерчивается система кормленій, со ссылками на правительственные акты. «Кормленщику давалась ввозная грамота, въ которой также, какъ при раздачѣ помѣстій, жителямъ предписывалось чтить его и слушать». (Это слова Чичерина. Далѣе—мои слова). «Отсюда г. Голохвастовъ увидитъ, что приведенныя

имъ грамоты не даютъ никакихъ основаній приравнивать кормленія къ Кормчей книгѣ или Номоканону». Т. е. фамильныя его грамоты, которыми онъ думаетъ что-то доказать, повторяютъ обычныя формулы и вообще не представляютъ ничего новаго по сравненію со многими другими подобными актами (да и грамоты эти, какъ я сказалъ, давно извѣстны ученому люду). Что-же дѣлаетъ изъ этого г. Голохвастовъ? Онъ цитуетъ только вышеприведенныя слова г. Чичерина вмѣстѣ съ помянутымъ моимъ заключеніемъ, и прибавляетъ къ нимъ свое замѣчаніе: «Должно быть Номоканонъ велитъ не чтить никого и не слушать» (стр. 211).

Подобные полемическіе пріемы ясно указываютъ, что оппонентъ къ данному вопросу относится не серьезно, научнаго значенія его не сознаетъ, а споритъ, повидимому, преимущественно ради задѣтаго фамильнаго самолюбія. Или, что это за аргументъ противъ установленнаго наукою опредѣленія системы кормленій: ссылка на какую-то журнальную статью, авторъ которой «обзываетъ бояръ-кормленщиковъ Щедринскимъ прозвищемъ «куроцапы» (Ibid.). Какое дѣло наукѣ русскихъ древностей до подобныхъ статей?

Настаивая на томъ, что *кормъ* и *кормленіе* въ древней Руси по отношенію къ намѣстникамъ и волостелямъ буквально значило *управленіе*, г. П. Голохвастовъ пускается во всѣ возможныя натяжки и домыслы; причемъ неизбѣжно впадаетъ въ явныя ошибки и вопіющія противорѣчія. Напримѣръ, онъ ссылается на Уставныя грамоты, изданныя проф. Загоскинымъ въ Казани, и на основаніи ихъ выводитъ такое заключеніе, что получаемое съ жителей въ пользу намѣстника и тіуна называлось *кормомъ*, а «что получали праветчики и доводчики, то никогда не называлось кормомъ, а всегда *поборомъ*» (стр. 210—220). Но, во-первыхъ, въ тѣхъ-же грамотахъ, хотя и рѣдко, все-таки встрѣчаются и кормы доводчиковъ. А во-вторыхъ, и это главное, данныя грамоты, какъ и всякія другія, ясно говорятъ о намѣстничьемъ кормѣ въ смыслѣ взиманія съѣстныхъ припасовъ или денегъ съ населенія; причемъ точно также различаютъ кормы по извѣстнымъ праздникамъ, т. е. рождественскій и петровскій, которые населеніе *платитъ* намѣстникамъ и тіунамъ такъ-же, какъ *платитъ* поборы праветчикамъ и доводчикамъ. Слѣдовательно, указанныя грамоты прямо утверждаютъ установленное наукою понятіе о кормленіяхъ, и г. Голохвастовъ, приводя ихъ, самъ свидѣтельствуетъ противъ себя. Ибо послѣдующія его разсужденія о томъ, что *кормъ* «означалъ подать за кормильство», т. е. за управленіе—ничего ровно не измѣняютъ въ его буквальномъ значеніи, т. е.

въ значеніи поборовъ съѣстными припасами. Хотя возражатель и пытается вообще выставить эту подать денежною, не должно забывать, что первоначально, т. е. когда явилось самое ея названіе, она взималась натурою, а впослѣдствіи перелагалась, и то, отчасти, на деньги. Точно также вновь указанное имъ различіе между кормомъ намѣстника и поборомъ доводчика (222 стр.) ровно никакого довода не представляетъ. Это различіе означаетъ только, что правительство въ своихъ оффиціальныхъ терминахъ, по возможности, не равняло намѣстника съ доводчикомъ.

Или, отрицая кормленіе въ смыслѣ питанія, г. Голохвастовъ приводитъ слѣдующій оригинальный аргументъ. Въ «Судебникѣ» говорится о намѣстникахъ и волостеляхъ, «которые держатъ кормленіе безъ боярскаго суда». Возражатель предлагаетъ вмѣсто кормленія поставить слово *питаніе* или *содержаніе*, и тогда получимъ: которые держатъ питаніе (или содержаніе) безъ боярскаго суда. Но смыслу, замѣна была-бы возможна если-бы ее допускалъ русскій языкъ того времени. Вообще съ такимъ играніемъ словами можно Богъ знаетъ куда придти. Напримѣръ, мы говоримъ: держите ухо востро, т. е. слушайте внимательно. Тутъ ухо является тождественно со слухомъ. Попробуйте подставить это слово, и получится: держите слухъ вострый — фраза, не лишенная граматическаго смысла, но возможная только въ устахъ иностранца, плохо знакомаго съ русскимъ языкомъ. Можно-ли, однако, вывести то заключеніе, что въ данномъ выраженіи ухо не значитъ слухъ? Приведенные примѣры отнюдь не составляютъ аналогіи съ тою безсмыслицею, на которую я указывалъ въ предыдущемъ своемъ отвѣтѣ г. Д. Голохвастову по поводу словъ лѣтописца, возбудившихъ и самый настоящій споръ: бояре начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша». Если кормленіе, по его толкованію, тутъ означало управленіе Казанскимъ краемъ, то выходило-бы, что бояре въ одно и то-же время и занимались вопросомъ объ управленіи Казанскимъ краемъ, и вопросъ сей отлагали въ сторону. Такая замѣна словъ не была-бы тутъ противна русскому языку, но за то производила-бы полную безсмыслицу; хотя г. Н. Голохвастовъ и пытается придать ей смыслъ, предполагая въ первомъ случаѣ собственно устройство управленія, а во второмъ — устройство края *стратегическое* (213). Но съ такимъ широкимъ словотолковательнымъ произволомъ можно всякому получать какіе угодно выводы при объясненіи историческихъ свидѣтельствъ.

Терминъ *держать кормленіе*, по г. Н. Голохвастову, роднитъ съ державствомъ, а не съ кормежкой дѣло кормленщика, и есть глаголъ *кор-*

мильствовити: ти, корабль Россійскія Церкве правѣ *кормильствовавша*, молимъ, къ покаянію тишинѣ *кормильствуй* души наша». Но тутъ-же самъ сознается, что «глаголъ этотъ встрѣчается обыкновенно про кормильство кораблемъ или церковью, подобно кораблю» (217). Прибавленное затѣмъ объясненіе, что кормильство областью имѣетъ свой *державный* терминъ, есть пустая фраза, ничего ровно не объясняющая. Фактъ тотъ, что слово *кормильствовати* встрѣчается только въ церковномъ значеніи по уподобленію церкви кораблю, направляемому кормиломъ; въ примѣненіи-же къ русскимъ намѣстникамъ и волостелямъ никогда не встрѣчается. А потому длинныя разглагольствія возражателя о томъ, что кормленщикъ этимологически происходитъ отъ глагола «кормить» не въ смыслѣ nutrire, а въ смыслѣ gubernare—всѣ эти разглагольствія не болѣе, какъ плодъ досужей фантазіи, не сдерживаемой ни серьезною мыслью, ни сколько-нибудь обстоятельнымъ знакомствомъ съ русскими древностями, какъ гражданскими, такъ и церковными. Въ сферѣ практическихъ обиходныхъ отношеній церковныя власти въ древней Россіи тоже пользовались кормами. Напримѣръ, когда новгородскій архіепископъ пріѣзжалъ во Псковъ (совершалъ свой *подъѣздъ*), мѣстное духовенство обязано было (имѣло повинность) доставлять *кормъ*, т. е. содержаніе для владыки и его многочисленной свиты.

Попытки г. Голохвастова отвергнуть свидѣтельство В. Н. Татищева о челобитныхъ *(прошу отпустить покормиться)* обнаруживаютъ также малое знакомство съ историческою наукою и ея пріемами. Что это за ссылка на указатель Строева къ исторіи Карамзина, гдѣ обличаются многія *ошибки, противорѣчія и вымыслы* Татищева (217)? Во-первыхъ, далеко не всѣ обличенія Карамзина впослѣдствіи подтвердились, и то, что онъ считалъ вымыслами Татищева, по большей части было взято симъ послѣднимъ изъ источниковъ, оставшихся неизвѣстными исторіографу. Во-вторыхъ, можно-ли ставить въ параллель неудачное объясненіе слова *отищане* съ объясненіемъ *кормленій*. Въ первомъ случаѣ Татищевъ имѣлъ дѣло съ терминомъ, взятымъ изъ очень отдаленнаго времени и утратившимъ всякое значеніе къ его вѣку; о второмъ-же явленіи онъ говоритъ почти какъ современникъ. Въ-третьихъ, г. Голохвастову, очевидно, остались неизвѣстны тѣ статьи покойнаго Соловьева (помнится, «Отеч. Зап.» 1850-хъ гг.), въ которыхъ онъ приводилъ длинный рядъ, большею частью мелкихъ, а иногда до вольно крупныхъ, ошибокъ и промаховъ самого Карамзина. По логикѣ моего возражателя выходитъ, что знаменитый исторіографъ вообще не заслуживаетъ никакого довѣрія. Задача исторической критики въ томъ

и состоитъ, чтобы не отвергать и не принимать огуломъ чьи-либо свидѣтельства, относящіяся къ извѣстному явленію, а провѣрять ихъ всѣми наличными данными. А въ четвертыхъ, изслѣдованія и критическія статьи о самомъ Татищевѣ гг. Попова, Бестужева-Рюмина, Корсакова, Сенигова и др. безъ сомнѣнія остались также неизвѣстны г. П. Голохвастову.

Указаніе Татищева на буквальный смыслъ слова *кормленіе* вполнѣ подтверждается документальными историческими свидѣтельствами. Въ прошлой своей замѣткѣ по сему поводу я привелъ слѣдующее мѣсто изъ грамоты Ивана III въ 1499 году костромскому намѣстнику Судимонту: «Здѣся мнѣ билъ челомъ Яковъ Захарьичъ, что вамъ обѣма на Костромѣ *сытымъ быти не съчего*». (Акты Ист. I № 110). Если намѣстникъ и самъ государь понимали *кормленіе* въ смыслѣ *сытости*, то возможенъ-ли серьезный споръ противъ сего смысла? И это выраженіе конца XV вѣка вполнѣ гармонируетъ съ приводимою Татищевымъ фразою изъ практики XVII вѣка: «прошу отпустить покормиться». Любопытно, что г. Голохвастовъ самъ же подкрѣпляетъ означенное свидѣтельство, приводя другое подобное изъ Важской уставной грамоты 1552 года: «а Важскаго-де имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь *прокормити* немочно». (Акты Арх. Эксп. I № 234). По сему поводу г. Голохвастовъ разсуждаетъ далѣе о какихъ-то забытыхъ терминахъ. «Въ царскія времена, говоритъ онъ,—административные термины отъ кормить—gubernare, очевидно, уже исчезли изъ языка» (247). Тутъ онъ какъ-бы соглашается, что въ XVI вѣкѣ слово *кормленіе* означало питаніе. Но тогда противъ чего-же онъ возражаетъ? Вѣдь гг. Голохвастовы подняли споръ по поводу моего упоминанія о кормленіяхъ именно XVI вѣка. Если-же мой возражатель думаетъ, что слово «кормленіе» пріобрѣло такой смыслъ только въ царскія времена, въ Московской Руси, то онъ ошибается. Съ тѣмъ-же смысломъ это слово встрѣчаемъ гораздо ранѣе и даже не въ Московской единодержавной Руси, а въ Новогородской народоправной. А именно, Новогородская лѣтопись подъ 1383 годомъ говоритъ, что изъ Литвы пріѣхалъ князь Патрикій Наримонтовичъ, и новогородцы «даша ему *кормленіе*, пригороды Орѣховъ и Корѣльскій, и полъ Копорья городка, и Луское село». Какъ въ XIV вѣкѣ новогородская община давала пригороды и села въ кормленіе выѣзжимъ князьямъ литовскимъ, такъ въ XV вѣкѣ великіе князья московскіе давали въ кормленіе города и волости выѣзжимъ изъ Орды и служилымъ царевичамъ татарскимъ. Поступали они такъ не потому, чтобы русское и православное населеніе нуждалось въ правителяхъ и судьяхъ изъ иноро-

цевъ-мусульманъ, а просто, привлекая сихъ инородцевъ въ свою службу изъ политическихъ разсчетовъ, московскіе государи давали этимъ царевичамъ съ ихъ свитою на прокормъ или содержаніе доходы съ назначенныхъ мѣстъ, какъ судебныя пошлины, такъ и поборы съ жителей или кормы натурой. Та-же система продолжалась отчасти и въ XVI вѣкѣ.

Дѣйствительно, много надобно имѣть смѣлости и очень мало научныхъ свѣдѣній, чтобы поднять споръ о значеніи слова кормленіе противъ ученыхъ спеціалистовъ. Не забудемъ, что г. Голохвастовъ споритъ не со мной однимъ, а также съ покойнымъ Соловьевымъ, гг. Ключевскимъ, Чичеринымъ и другими историко-юристами, касавшимися этого предмета. Обычный пріемъ спорщиковъ такого рода: бросаться въ стороны и приводить факты или свидѣтельства, не относящіеся къ дѣлу,—этотъ пріемъ и въ данномъ случаѣ употребленъ въ широкихъ размѣрахъ моимъ возражателемъ. Онъ приводитъ много всякихъ ссылокъ и цитатъ, не представляющихъ логической связи ни съ даннымъ вопросомъ, ни между собою. Тутъ есть Святославовъ кормилецъ Асмудъ и кормильцы изъ «Русской Правды», поваръ изъ «Нибелунговъ», библейская *доилица* и евангельская *область*, судъ и расправа, *путь-дорога и хлѣбъ-соль*, *царь-дѣвица и родитель-матушка*, старинное *изгой* и былинное *гой еси*, и пр., и пр. Попадаются нѣкоторыя стихотворныя цитаты, въ родѣ лягання «Геральдическаго льва Демократическимъ копытомъ», или: «Несовратимый идеалистъ, Впередъ гляжу я безъ боязни». Разобраться въ этой трескотнѣ фразъ и путаницѣ понятій предоставляю досужему человѣку.

Всѣ разглагольствія и аргументы г. Голохвастова остаются втунѣ уже потому, что нѣтъ самаго главнаго: ни одного указанія, изъ котораго было-бы видно, что кормленія намѣстниковъ и волостелей современниками ихъ понимались въ смыслѣ *управленія*, а не *прокормленія* или *содержанія*. Г. Голохвастовъ утверждаетъ, что *кормить* значило тогда *управлять*. Такимъ образомъ, выходило-бы, что намѣстники и волостели кормили населеніе. А между тѣмъ въ семъ смыслѣ не встрѣчаемъ ни одного акта; во всѣхъ актахъ и извѣстіяхъ находимъ наоборотъ: *населеніе кормитъ намѣстниковъ* и волостелей, населеніе даетъ имъ *кормы*. Если-же принять толкованіе г. Голохвастова, то получимъ довольно курьезный выводъ: населеніе управляло своими намѣстниками и волостелями! Г. Голохвастову, повидимому, остался неизвѣстенъ и такой фактъ, что слово «кормить» въ смыслѣ «питать», «содержать» встрѣчается въ тѣ времена не только по отношенію къ намѣстникамъ

и воеводамъ, но и къ самому царю Ивану Васильевичу. «Есть у великаго князя новые вѣрники, дьяки, которые его половиною *кормятъ*, а большую себѣ емлютъ»—говорятъ московскіе бѣглецы Тетеринъ и Сарыгозинъ въ своемъ посланіи къ Юрьевскому намѣстнику Морозову (см. Карамзина, къ т. IX прим. 108).

Очевидно, г. Голохвастову остался непзвѣстенъ и любопытный памятникъ, относящійся къ XVI вѣку, именно «Книга боярская», сообщенная ки. М. А. Оболенскимъ и изданная П. В. Калачовымъ въ его *Архивѣ* историко-юрид. свѣд. III. (Она отнесена издателями къ 1556 году, хотя изъ ея содержанія видно, что написана годами двумя позднѣе). Это списокъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, раздѣленныхъ на разныя статьи сообразно съ ихъ денежнымъ окладомъ. При семъ постоянно обозначается, какое за кѣмъ кормленіе и сколько земли вотчинной и помѣстной. Только изрѣдка встрѣчается замѣтка: «кормленье за нимъ не сыскано». Списокъ этотъ наглядно показываетъ, какъ разнообразны были кормленія. Наибольшую ихъ часть составляютъ намѣстничество, волостельство и тіунство. Сіе послѣднее иногда прямо обозначается. Напр. «Михайло Тимофѣевъ сынъ Шетневъ—съѣхалъ съ *тіунства* съ Московскаго на Спиридоньевъ день 61-го (1553 г.), держалъ 2 году». А намѣстничество и волостельство обыкновенно подразумѣваются Напр.: «Князь Данило княжъ Ивановъ сынъ Семенова Бабичевъ: съѣхалъ съ Изборска на Николинъ день осенній 62-го, держалъ 2 году». Или: «Иванъ Кирѣевъ сынъ Олговъ: съѣхалъ съ Троецкого стану въ Иледомѣ на Троицынъ день 62-го, держалъ годъ». Но кромѣ того, въ числѣ кормленій упоминаются слѣдующія статьи: *мыхъ*, т. е. мѣховая пошлина («мѣхъ Коломенскій», «мѣхъ Тверской» и т. п.), *полавочное* («на Костромѣ»), *ключъ* («Вяземскій», «Рязанскій» и др.), *поворотное* («Дмитровское», «Московское» и пр.), *мыто*, *чашничій путь*, *стольничій путь* («на Костромѣ», «въ Переяславлѣ» и пр.), *пятно* (напр. «Мещерское»), *ясельничее* («Новгородское»), *бражное* («въ Кашинѣ»), *бобровое* («въ Калугѣ»). Вотъ какъ разнообразны были доходныя статьи, поборы и пошлины, обращавшіеся въ кормленіе служилому сословію. Этотъ списокъ весьма наглядно и ясно подтверждаетъ вышеприведенный мною выводъ, сдѣланный историческою наукою (вмѣстѣ съ Татищевымъ), что въ XV—XVI вв. бояре (вообще военно-служилое сословіе) получали вознагражденіе въ трехъ видахъ: кормленіе, вотчины и помѣстья. Всѣ эти три вида въ данномъ спискѣ повторяются почти при каждомъ имени, и всѣ они связаны преимущественно съ военной службой; списокъ, главнымъ образомъ, обозначаетъ, въ какомъ вооруженіи каждый

помѣщикъ явился на военный смотръ и сколько привелъ съ собою во оруженныхъ людей.

Та-же «Боярская книга» представляетъ наглядный переходъ отъ кормленій, непосредственно связанныхъ съ должностями намѣстниковъ, волостелей, тіуновъ и проч., къ кормленію чисто денежному. Напримѣръ. Иванъ Назарьевъ, сынъ Хлопова: по окладу бояръ Ивана Васильевича Шереметева съ товарищи—велѣно давати Ивану *за кормленье* по 15 рублевъ на годъ» (стр. 45). Или: «Русинъ Семеновъ сынъ Батюшковъ: ималъ съ Борку съ Желѣзнаго по 16 рублевъ—а по новому окладу дати ему 12 рублевъ, да на людей (выставленныхъ имъ съ вотчиной и помѣстной земли) 7 рублевъ» (стр. 46). Или: «Чюдинъ Лобановъ сынъ Пелепелицынъ: по списку, къ *кормленному верстанью* данъ былъ ему Кодогорскій станъ, и Кодогорскій станъ данъ въ откупъ, а онъ не наѣзживалъ» (т. е. прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пріѣхать, этотъ станъ изъятъ изъ непосредственнаго вѣдѣнія кормленщика, а слѣдующіе ему кормы и поборы *откуплены*, т. е. переложены на денежный оброкъ). По «памяти» дьяка Степанова, по «окладу» князя Курлятева съ товарищи «въ *помѣстномъ верстаньѣ* велѣно за нимъ учинити помѣстья (столько-то); «а по *кормленному окладу* дати на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди на передаточные 10 рублевъ» (стр. 51). Итакъ, мы видимъ, что рядомъ съ «помѣстнымъ верстаньемъ» служилаго сословія шло его «кормленное верстанье» и вмѣстѣ съ помѣстнымъ окладомъ велся «кормленный окладъ».

Относительно отразившейся здѣсь переходной эпохи надо замѣтить, что именно около того времени московское правительство, вслѣдствіе многихъ жалобъ на неправды и тяжелые поборы, рѣшило отмѣнить намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ, а на мѣсто ихъ поставить выборныхъ, самимъ населеніемъ «излюбленныхъ» головъ, старостъ, сотскихъ и проч., т. е. ввести родъ земскаго самоуправленія. Однако, кормленій оно не уничтожило. Сказавъ о сей перемѣнѣ въ областномъ управленіи, подъ 1556 годомъ, лѣтопись прибавляетъ: «А на грады и на волости (государь повелѣлъ) положити оброки по ихъ промысломъ и по землямъ, и тѣ оброки сбирать въ царскую казну своимъ дьякамъ; бояръ-же и вельможъ и всѣхъ воиновъ устроилъ *кормленіемъ*» изъ сихъ оброковъ (Никон. VII, 259). Полагаю, что не только интеллигентному человѣку, но и самому простому читателю отсюда будетъ ясно различіе *кормленія* отъ *кормила правленія*.

Боярин или дворянинъ, переставъ быть намѣстникомъ, все еще оставался кормленщикомъ, т. е. продолжалъ получать кормленіе или

извѣстное содержаніе. Та-же лѣтопись, нѣсколько выше, говоритъ: «А по сѣ время бояре и князи и дѣти боярскія сидѣли по кормленіямъ, по городамъ и по волостямъ для расправы людемъ и всякаго устроенія землямъ и себѣ отъ службъ для покою и прекормленія». Т. е. дотолѣ кормленія были связаны съ должностями правителей и судей, а симъ послѣднимъ кормленіе давалось для *прокормленія*. Ясно, что въ древней Руси слово «кормленіе» понималось въ смыслѣ «прокормленія». Но г. П. Голохвастовъ это указанное ему г. Ключевскимъ свидѣтельство пытается перетолковать по своему: такъ какъ тутъ говорится о «расправѣ людемъ и устроеньи землямъ», то кормленіе значитъ gubernatio, а прекормленіе ничего не значитъ. Такимъ образомъ, должность и содержаніе, связанное съ нею, являются у него понятіями тождественными. Впрочемъ, все это въ порядкѣ вещей. Разъ мой возражатель съ такимъ апломбомъ предъявилъ губернаторскую теорію, ему не остается ничего иного, какъ отвергать или вкось и вкривь перетолковывать тѣ прямыя историческія свидѣтельства, на которыя указываютъ ему противники.

Напомню то мѣсто лѣтописи, откуда возникъ настоящій споръ. Вскорѣ послѣ взятія Казани, въ 1553 году, Иванъ Васильевичъ, во время своей поѣздки по монастырямъ, поручилъ боярамъ «о казанскомъ дѣлѣ промышляти, да и о кормленіяхъ сидѣти; они-же отъ такого великаго подвига и труда утомишася, и малаго подвига и труда не стерпѣша докончати, и возжелѣша богатества, и начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша» (Царствен. кн., 337). Лѣтопись не объясняетъ, о какихъ кормленіяхъ тутъ говорится. Я мимоходомъ сдѣлалъ догадку, что рѣчь идетъ о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани. Основаніями для сей догадки послужили: во-первыхъ, хронологическая послѣдовательность; во-вторыхъ, прямое свидѣтельство лѣтописи о томъ, что въ Москвѣ во время трехъ-дневнаго торжества по случаю казанскаго взятія государь щедро одарилъ всѣхъ участниковъ этого подвига вещами и деньгами, «опричь вотчинъ, помѣстій и кормленій, а кормленій государь пожаловалъ всю землю» (Царств. кн., 330; Никон. VII, 197). Обратите опять вниманіе на то, что кормленія являются и здѣсь, какъ одинъ изъ трехъ обычныхъ тогда видовъ награды за военную службу. Понятно, что раздача кормленій на сей разъ производилась въ очень широкихъ размѣрахъ; а потому потребовала предварительнаго обсужденія, приготовленія нужныхъ для того списковъ и вообще не малой работы отъ боярской думы и ея канцеляріи. Въ-третьихъ, въ самомъ помянутомъ извѣстіи порученіе Боярской

думѣ заняться устройствомъ вновь завоеваннаго Казанскаго края какъ-бы связывается съ порученіемъ о кормленіяхъ. Въ четвертыхъ, о какомъ-же обогащеніи возмечтали бояре, если-бы дѣло шло не объ умноженіи ихъ кормленій (а объ отмѣнѣ сихъ послѣднихъ, по другой догадкѣ)? Можно прибавить и пятое основаніе: о томъ, что Казань и казанская служба были тогда на первомъ планѣ при награжденіи служилыхъ людей, свидѣтельствуетъ и вышеназванная мною «Боярская книга». Тамъ довольно часто встрѣчаются выраженія: (такому-то) «7064 году (1556) дано на подмогу для Казанскіе службы 11 рублевъ и 22 алтына съ деньгою»; или: «дано ему на подмогу для Казанскіе службы 10 рублевъ», и т. д. И подмога назначается только за казанскую службу.

Проф. *Ключевскій*, въ своей замѣткѣ по поводу статьи г. Д. Голохвастова не согласенъ съ моею догадкою, и думаетъ, «что дѣло шло не о раздачѣ кормленій за покореніе Казани, а объ отмѣнѣ кормленій и замѣнѣ ихъ земскими учрежденіями». «Я имѣю нѣсколько маленькихъ соображеній въ оправданіе этого несогласія,—прибавляетъ онъ,—но для изложенія ихъ потребовалось-бы другое письмо, скучнѣе и пространнѣе настоящаго» («Русск. Арх.», 1889, № 5). Съ своей стороны, я указалъ основаніе своей догадки: но отнюдь не настаиваю на ней, и заранѣе охотно соглашаюсь съ г. Ключевскимъ, если его основанія болѣе вѣски и убѣдительны. Только, что-же это за *маленькія* соображенія, требующія пространнаго изложенія? Хотя-бы краткій ихъ перечень, полагаю, могъ легко найти мѣсто и въ данномъ письмѣ. И тѣмъ болѣе, что авторъ письма высказалъ это мнѣніе уже въ своей книгѣ о Боярской Думѣ (стр. 312 и 330), а основаній пока еще не представилъ. (Если принять во вниманіе указанную выше переходную ступень въ системѣ кормленій, то возможно, что боярамъ поручено было обсудить вопросъ о кормленіяхъ за казанское взятіе въ связи съ вопросомъ о кормленіяхъ вообще). Обращу вниманіе и на нѣкоторую неточность выраженій: дѣло шло собственно не о «замѣнѣ кормленій земскими учрежденіями», а о замѣнѣ сими послѣдними царскихъ намѣстниковъ и волостелей. Кормленія не были «отмѣнены» вообще, а только кормленія непосредственныя были замѣнены денежными оброками, *выкуплены* населеніемъ, о чемъ самъ-же г. Ключевскій говоритъ въ своей книгѣ (Бояр. Д., 331). Во всякомъ случаѣ, для объясненія слова *кормленіе* безразлично о какихъ собственно кормленіяхъ сообщаетъ лѣтопись по поводу казанскаго строенія. Но важно то, что эта оффиціальная лѣтопись XVI вѣка въ данномъ случаѣ прямо высказываетъ матеріальный взглядъ того времени на кормленіе какъ на источникъ наживы.

Для наглядпаго объясненія кормленій проф. Ключевскій въ своемъ письмѣ уподобилъ ихъ профессорскому гонорару, получаемому со студентовъ. Это оригинальное уподобленіе, само собою разумѣется, дало поводъ г. П. Голохвастову поглумиться надъ профессурою, назвать ее кормленіемъ, а русскихъ ученыхъ—кормленщиками. Съ своей стороны, я предложилъ-бы для наглядности другую аналогію съ кормленіемъ, а, пожалуй, и прямой его отголосокъ. Кормленія, не смотря на указанную попытку къ ихъ отмѣнѣ или собственно денежной замѣнѣ въ XVI вѣкѣ, несомнѣнно продолжали существовать долгое врема и послѣ того. Вопросъ объ ихъ постепенномъ уничтоженіи и видоизмѣненіяхъ можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія. Въ позднѣйшее-же время въ суммѣ казеннаго вознагражденія болѣе или менѣе крупныхъ чиновниковъ не маловажную роль стали играть такъ называемыя *столовыя*. Этотъ придатокъ къ жалованью еще не вышелъ изъ практики и въ наше время. По своему дополнительному и, такъ сказать, кормовому смыслу, столовыя деньги, на мой взглядъ, соотвѣтствуютъ старинному кормовому окладу и, можетъ быть, имѣютъ съ нимъ генетическую связь. Но такъ какъ вопросъ о столовыхъ деньгахъ, насколько мнѣ извѣстно, никѣмъ не изслѣдованъ исторически и документально, то пока предлагаю эту аналогію какъ свою догадку.

Возвращаясь къ губернаторской или кормильствующей теоріи г. П. Голохвастова, укажу на его попытку придать древне-русской системѣ кормленій, какъ она понимается наукою, какой-то *циническій*, а потому невозможный, противогосударственный характеръ (стр. 238—239). Подобная попытка опять-таки обличаетъ въ немъ недостатокъ исторической подготовки для того, чтобы разсуждать объ историческихъ вопросахъ. Ничего не можетъ быть анти-историчнѣе, какъ древнимъ бытовымъ формамъ навязывать понятія и отношенія намъ современныя, и давно прошедшія явленія оцѣнивать съ точки зрѣнія новѣйшей культуры. Такъ нѣкоторое время у насъ съ ужасомъ говорили о Домостроѣ, потому что онъ какъ-бы узаконяетъ побои жены, дѣтей и слугъ; а не замѣчали того, что онъ возстаетъ противъ безтолковыхъ и безпощадныхъ побоевъ, совѣтуетъ бить только за дѣло, и притомъ осторожно, чтобы не вредить здоровью; слѣдовательно, для своего времени все-таки проповѣдуетъ нѣкоторый прогрессъ или нѣкоторое смягченіе нравовъ. Точно также и фразы г. П. Голохвастова о невѣроятности боярской кормежки, распространяемой самими государями, не имѣютъ никакого серьезнаго значенія. Ему, очевидно, неизвѣстно, что государственный бытъ вездѣ основывался и распространялся силою оружія, путемъ за-

воеваній и подчиненія завоеваннаго населенія всякимъ данямъ и поборамъ. Наши первые князья сами, вмѣстѣ съ своими дружинами, собирали дани въ видѣ денегъ, рабовъ, шкуръ, съѣстныхъ и другихъ приносовъ съ покоренныхъ племенъ, вооруженною рукою; причемъ покоренные, если могли, сопротивлялись тоже съ оружіемъ въ рукахъ (примѣръ—судьба Игоря). Только мало по малу, постепенно смягчались отношенія завоевателей къ покореннымъ и переходили въ отношенія господствующаго класса къ подчиненнымъ, правителей къ управляемымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивались понятія и формы собственно государственныя. Не стану напоминать при этомъ о всякаго рода осложненіяхъ и разнообразныхъ условіяхъ, при которыхъ развивался и крѣпнулъ государственный порядокъ собственно на Руси. Не буду говорить о томъ, какъ предводители русскихъ дружинъ или князья-дружинники постепенно обратились въ самодержавныхъ земскихъ царей московскихъ. Людямъ, сколько-нибудь знакомымъ съ исторіею, все это должно быть извѣстно. Но такъ какъ рѣчь идетъ собственно о XVI вѣкѣ въ русской исторіи, то любопытно, что г. Голохвастовъ, вооружаясь не изученіемъ предмета и серьезнымъ къ нему отношеніемъ, а однимъ мнимо-патріотическимъ взглядомъ на наше прошедшее, ужасается системы кормленій и считаетъ ее невѣроятною; но въ то-же время не видитъ, что само московское правительство въ половинѣ XVI вѣка сознало неудобства сей системы и сдѣлало попытку, если не совсѣмъ ее отмѣнить, то значительно видоизмѣнить и смягчить. Если-бы кормленіе значило только управленіе, а не прокормленіе, то съ какой-же стати правительство вздумало-бы отказаться отъ сего управленія? Несостоятельность подобнаго взгляда вытекаетъ сама собою.

Что касается до мнѣнія г. Голохвастова о первоначальномъ тождествѣ словъ *кормъ* и *корма* и полногласной ихъ формѣ *коромъ*, съ этимъ не буду спорить. Я тоже предполагаю въ нихъ одинъ общій корень, но отказываюсь слѣдовать за дальнѣйшими этимологическими упражненіями моего возражателя, съ помощью которыхъ онъ приходитъ къ тому выводу, будто-бы въ данный періодъ, т. е. XIV—XVI вв., *кормить* значило *кормительствовать*, или управлять, и *кормленщикъ* въ буквальномъ смыслѣ означалъ губернатора. Объяснить какими путями образовались въ народномъ языкѣ разнообразныя выраженія, пошедшія отъ одного извѣстнаго корня, или разные оттѣнки одного и того-же слова—это такая задача, которая часто не подъ силу и записнымъ филологамъ. А съ пріемами г. Голохвастова и съ его губернаторскою теоріею можно приходить къ удивительнымъ заключеніямъ. Напримѣръ, не только корм-

леніе, но и древне-русскій правежъ, т. е. палочное выколачиваніе денегъ изъ должника, будетъ означать *управленіе*, и занимавшійся сею операціей *приветчикъ* окажется *правителемъ* или губернаторомъ; ибо слова эти происходятъ отъ глагола *править*. Или, усмотрѣвъ присутствіе слова *коромъ* въ древне-русскомъ выраженіи *коромола*, получимъ *коромольника* въ смыслѣ *кормчаго*, т. е. того-же губернатора (хотя въ дѣйствительности эти слова произошли вѣроятно отъ разныхъ корней), *казначей* окажется то-же, что *казнодый* (западно-русское — проповѣдникъ), и оба они могутъ обратиться или въ палача, т. е. исполнителя казни, или въ *прикащика*—губернатора; ибо *казна*, *казнь* или *наказаніе*, *казаніе* (проповѣдь) и *приказъ*—все это пошло отъ одного корня *каз*. Но какъ образовались отъ сего корня слова со столь разнообразными понятіями, полагаю, мой возражатель этого не объяснитъ при всей его этимологической изобрѣтательности и догадливости.

Чтобы не быть голословнымъ относительно сихъ качествъ г. Голохвастова, приведу слѣдующій наглядный образецъ его искусства въ объясненіи народныхъ выраженій.

Есть слово *подноготная*, въ смыслѣ тайнаго, интимнаго и т. п. Доселѣ происхожденіе его удовлетворительно объяснялось подноготной пыткой: чтобы добиться признанія, пытаемому вонзали спицы подъ ногти. Но такое объясненіе слишкомъ просто. Г. Голохвастовъ придумалъ другое, болѣе хитрое и замысловатое: «По народному *поднаготная*, что *подъ наготой*, что въ душѣ человѣка. Гдѣ народъ отчетливо выговариваетъ безъакцентныя *о* и *а*, тамъ, и безъ обычнаго жеста рукой за̀ сердце, понятно, что значитъ: этой подноготной подоплека не учуетъ. Подоплека (под-о-плечье), подкладка подъ верхней половиной рубахи, она всего ближе къ голой груди, къ сердцу; но даже ей не учуять, что тамъ подъ наготой, за дышащей грудью, за душой, на сердцѣ. *Поднаготная*, это весь задушевный міръ, всѣ сердечныя тайны человѣка. Но литература небрезгливо облюбовала каламбуръ, продуктъ палачьяго юмора, *поднаготную*, и не подьячьяго-ли юмора каламбуръ: *кормленіе* боярское?» (248).

Можетъ быть это объясненіе само по себѣ геніально. Но, каюсь, ничего въ немъ не понимаю, и оно представляется мнѣ замѣчательнымъ сумбуромъ. Не даромъ-же мой возражатель такъ неодобрительно относится къ записнымъ историкамъ вообще и къ намъ въ особенности. «Какъ-же могутъ они («Иловайскіе, Ключевскіе»), изучившіе книгу бытія Руси изначала даже и до днесь, не спохватиться, въ чемъ вся raison d'être, вся причинная суть этой, будто-бы «достаточно выяснен-

ной», такъ называемой системы кормленій?»—спрашиваетъ г. Голохвастовъ (218). Увы, каюсь опять въ своей неспохватчивости (если можно такъ выразиться) и прошу извиненія у моего возражателя: всѣ его измышенія и разглагольствія о томъ, что *кормленіе* не есть кормленіе или полученіе кормовъ, а означаетъ кормильствованіе или gubernatio, что не обыватели *кормили* своего намѣстника или волостеля, а онъ ихъ *кормилъ*—мнѣ тоже представляются образцовымъ сумбуромъ.

Впрочемъ, авторъ кормильствующей или губернаторской теоріи недаромъ, въ концѣ своего якобы «критическаго разслѣдованія», обращается къ читателю и (кто бы онъ ни былъ) призываетъ его быть третейскимъ судьею въ этомъ спорѣ. Одинъ «обозрѣватель газетъ и журналовъ» уже плѣнился сей теоріей и объявилъ, что г. Голохвастовъ, такъ сказать, за поясъ заткнулъ нашего брата историка-спеціалиста. А нѣкій поэтъ-ветеранъ по сему удобному случаю не премнулъ напомнить о своемъ существованіи и обнаружить свою малую компетентность въ области русскихъ древностей.

По поводу сей полемики, нашъ извѣстный оріенталистъ, Н. И. Веселовскій, помнится въ «Новомъ Времени» привелъ цитату изъ одного архивнаго документа, гдѣ какому то московскому чиновнику или гонцу притѣснявшему своими поборами мѣстныхъ жителей, съ упрекомъ говорится, что онъ посланъ «на государеву службу, а не на кормленіе» Эти слова имѣютъ рѣшающее значеніе въ данномъ спорѣ.

ОТВѢТНАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА [1]).

По поводу Смутнаго времени и брака съ Софьею Палеологъ.

Компетентная, дѣльная критика историческихъ трудовъ встрѣчается у насъ рѣдко, такъ какъ спеціалисты большею частію отъ нея уклоняются; а мнѣніе серьезныхъ спеціалистовъ именно и дорого для каждаго автора. Въ изданіяхъ Историко-филологическаго Общества при Нѣжинскомъ институтѣ князя Безбородко недавно появилась статья профессора

[1]) Русская Старина. 1896. № XII.

русской исторіи въ этомъ институтѣ, М. Н. Бережкова, посвященная моему «Смутному времени Московскаго государства». Эта небольшая рецензія (всего пять страницъ), отличающаяся любезнымъ, вполнѣ академическимъ тономъ, выдвигаетъ нѣкоторые вопросы и высказываетъ нѣкоторыя «пожеланія», по поводу которыхъ нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ, въ виду ихъ общаго интереса и несомнѣнной важности.

Во-первыхъ, достоуважаемый рецензентъ желалъ бы «видѣть болѣе обстоятельное изображеніе дѣятельности русскаго земства въ Смутное время. Наши историки, говоритъ онъ, оставляютъ нѣсколько въ тѣни жизнь общинъ,—городовъ, волостей и всѣхъ вообще *міровъ* тяглаго сословія». Эти общины «отъ царя Іоанна Грознаго получили широкое самоуправленіе, льготы и вообще средства къ дальнѣйшему своему устройству: Грозный видѣлъ ихъ значеніе, и подготовилъ еще большее ихъ значеніе въ будущемъ». «Въ смуту (онѣ) проявили энергичную дѣятельность и возстановили государственный порядокъ». Признаю вполнѣ законнымъ высказанное сейчасъ пожеланіе. Въ своей книгѣ я старался ему удовлетворить по возможности, т. е. насколько это позволяли мнѣ источники, при явномъ недостаткѣ относящихся сюда предварительныхъ изслѣдованій въ нашей исторической литературѣ. Но, съ другой стороны, полагаю нелишнимъ предостеречь отъ преувеличеннаго взгляда на самостоятельную роль городскихъ и сельскихъ общинъ въ эпоху смуты и указать на ихъ непрерывавшуюся связь съ органами центральнаго правительства. Сущность моего воззрѣнія на этотъ предметъ выражена на стр. 263 «Смутнаго времени». Кромѣ того проф. Бережковъ очевидно преувеличиваетъ размѣры того самоуправленія, которое дано было Грознымъ. Данное въ его малолѣтство и въ эпоху Сильвестра и Адашева, это самоуправленіе потомъ, въ тираническую эпоху, не только не развивалось далѣе, а напротивъ подверглось разнымъ стѣсненіямъ отъ того же Грознаго. По сему вопросу прошу обратить вниманіе на 439—442 стр. третьяго тома моей *Исторіи Россіи*.

Далѣе М. Н. Бережковъ обращается къ вопросу объ ограничительной записи, взятой съ новоизбраннаго царя Михаила Ѳедоровича, и считаетъ извѣстія о ней сомнительными, а я будто бы «не успѣлъ придти къ рѣшительному выводу». Но у меня прямо сказано: «Относительно ограничительныхъ условій, предъявленныхъ боярами, надобно полагать, что они дѣйствительно существовали» (266 – 267). Мнѣ кажется, не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ боярской думѣ противупоставлять земскій соборъ. Въ предыдущихъ случаяхъ, при воцареніи Шуйскаго и избраніи королевича Владислава, ограниченія условлены были не земствомъ, а боярами.

Не слѣдуетъ и вообще преувеличивать значеніе собственно земства на соборѣ 1613 года — руководителями его были все тѣ же бояре. А возраженія, приведенныя противъ достовѣрности извѣстій о записи, на мой взглядъ недостаточно обоснованы. Напомню, что для вѣрной оцѣнки лицъ и событій историкъ по возможности долженъ отрѣшаться отъ современныхъ ему отношеній, симпатій и антипатій (хотя-бы и сложившихся историческимъ путемъ) и трезво смотрѣть въ прошедшее, чтобы не заслужить упрека въ излишне сантиментальной его окраскѣ. Вотъ почему и относительно кандидатуры князя Пожарскаго, вопреки рецензенту, я продолжаю думать, что извѣстіе о ней «не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго». Но скромность и здравый смыслъ князя въ томъ и выразились, что онъ скоро отказался отъ своей кандидатуры и принялъ сторону Романовыхъ.

Въ заключеніе позволю себѣ одно маленькое замѣчаніе. По словамъ рецензіи, относительно перваго самозванца всѣ мои «соображенія были и прежде высказаны въ наукѣ болѣе или менѣе опредѣленно». Но отсюда надобно исключить начало интриги, которая, по моему объясненію, зародилась именно въ средѣ трехъ фамилій, Мнишковъ, Санѣговъ и Виниевицкихъ, съ указаніемъ роли каждой изъ нихъ. Это объясненіе принадлежитъ лично моимъ изысканіямъ и наблюденіямъ и до моей книги никѣмъ не было высказано. Точно также моимъ изысканіямъ принадлежатъ нѣкоторыя разъясненія личности втораго самозванца и указаніе на то, что онъ былъ выставленъ и поддержанъ тѣми же тремя фамиліями, слѣдовательно составляетъ прямое продолженіе перваго самозванца, продолженіе той же интриги.

Вотъ то немногое, что могу отвѣтить на вопросы, затронутые въ рецензіи М. Н. Бережкова.

Кстати, скажу два слова о небольшомъ разногласіи, возникшемъ у меня съ достоуважаемымъ отцомъ Павломъ Пирлингомъ, авторомъ цѣлаго ряда изысканій, произведенныхъ въ Ватиканскомъ и другихъ западно-европейскихъ архивахъ и составившихъ цѣнные вклады въ науку русской исторіи. Въ недавно появившемся второмъ изданіи втораго тома моей *Исторіи Россіи* я воспользовался его прекраснымъ изслѣдованіемъ Le mariage d'un Tsar au Vatican, т. е. вновь открытыми имъ матеріалами по вопросу о бракѣ Ивана III съ Софьей Палеологъ. Разногласіе наше относится къ началу самого дѣла. Въ примѣчаніи 94-мъ я говорю слѣдующее: «По русскимъ источникамъ, починъ въ этомъ вопросѣ о бракѣ

Ивана съ Софьей принадлежалъ Римскому двору, именно кардиналу Виссарьону, который прислалъ для того въ Москву грека Юрія (Прод. Др. Рос. Вивл. III. 49). О. Ипрлингъ въ помянутомъ выше сочиненіи утверждаетъ, что, наоборотъ, грекъ Юрій былъ присланъ изъ Москвы въ Римъ. Я счелъ болѣе вѣрнымъ указаніе русскихъ источниковъ; но о. Ипрлингъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, о чемъ сообщилъ мнѣ въ частномъ письмѣ. У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, чтобы удовлетворительно выяснить начало переговоровъ. Но, принимая въ соображеніе общій ходъ дѣла, отношенія и характеръ обѣихъ сторонъ, я полагаю, что именно кардиналъ Виссарьонъ, выходецъ изъ Византіи, разыскивавшій достойную партію для опекаемой имъ византійской царевны, не могъ упустить изъ виду великаго князя Московскаго; въ особенности онъ руководился, конечно, опытомъ и указаніями другого грека и своего друга, кардинала Исидора, бывшаго Московскимъ митрополитомъ, но изгнаннаго изъ Москвы за свою приверженность къ Флорентійской уніи (въ данный моментъ уже умершаго). Что не удалось Римской куріи сдѣлать посредствомъ Исидора,—т. е. введеніе уніи въ Россію—того задумала она достигнуть посредствомъ брака Ивана съ царевною, воспитанною въ идеяхъ этой уніи и притомъ на иждивеніи папскаго двора. Хотя Римская курія обманулась въ своихъ разсчетахъ, тѣмъ не менѣе она всегда была настойчива въ своихъ попыткахъ. Очевидно, грекъ Юрій (Траханьотъ) въ качествѣ Виссарьонова агента пріѣзжалъ въ Москву именно для того, чтобы завязать переговоры о бракѣ Ивана съ Софьей или Зоей Палеологъ, что ему и удалось исполнить, при посредствѣ извѣстнаго Ивана Фрязина (Джанъ-Батиста Вольне), находившагося въ московской службѣ. Вообще я не вижу никакого основанія отвергнуть русское извѣстіе о римскомъ починѣ въ этомъ дѣлѣ.

БОГАТЫРЬ-КАЗАКЪ ИЛЬЯ-МУРОМЕЦЪ КАКЪ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИЦО [1]).

По поводу изслѣдованія В. О. Миллера „Экскурсы въ область Русскаго народнаго эпоса“. Москва 1892.

Извѣстно, что Русскій былинный эпосъ имѣетъ уже довольно обширную литературу: многіе писатели и ученые посвящали ему свои труды,

[1]) Русскій Архивъ. 1893. № 5.

какъ въ качествѣ собирателей и толкователей, такъ и въ качествѣ изслѣдователей. Укажу въ особенности на труды Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга, В. В. Стасова, Л. Н. Майкова, Н. А. Безсонова, Ѳ. И. Буслаева, Е. В. Барсова, А. Н. Веселовскаго, И. Н. Жданова, гг. Дашкевича, Халанскаго и др.

Изъ героевъ этого эпоса, какъ и слѣдовало ожидать, самое большое вниманіе привлекалъ на себя наиболѣе крупный его представитель, т. е. Илья Муромецъ. Между прочимъ, ему было посвящено покойнымъ Петербургскимъ профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ обширное изслѣдованіе, появившееся въ 1869 году. Тому же богатырю главнымъ образомъ посвятилъ свой трудъ Московскій профессоръ Всеволодъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Этотъ любопытный трудъ, озаглавленный «Экскурсы въ область Русскаго народнаго эпоса», появился въ прошломъ 1892 году.

Авторъ «экскурсовъ» для того, чтобы выяснить характеръ, содержаніе и отчасти самое происхожденіе нашихъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, обратился въ область Иранскаго эпоса и въ параллель съ этими былинами поставилъ Рустеміаду, т.-е. Персидскія сказанія о древнемъ Иранскомъ богатырѣ Рустемѣ. Такимъ сравнительнымъ путемъ ему удается дѣйствительно освѣтить нѣкоторыя стороны нашего эпоса и представить немало данныхъ для того, чтобы опредѣлить его мѣсто въ общей исторіи народныхъ сказаній. Что же касается его конечныхъ выводовъ, то нѣкоторые изъ нихъ представляются спорными, подлежащими провѣркѣ или дальнѣйшимъ разслѣдованіямъ.

Въ настоящей своей замѣткѣ я желаю остановить вниманіе интересующихся предметомъ только на тѣхъ вопросахъ, которые возбуждены авторомъ въ VII «экскурсѣ», разслѣдующемъ о *типѣ* Ильи Муромца, т. е. о его происхожденіи, имени, прозвищѣ и его, такъ сказать, историчности. По поводу этихъ вопросовъ предложу здѣсь кое-какія догадки и соображенія.

По вопросу о томъ, какъ стары на Руси пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, и существовали ли онѣ уже въ Кіевскомъ періодѣ Русской исторіи, мы имѣемъ два иноземныхъ свидѣтельства, относящихся въ началу XIII вѣка и къ его половинѣ, именно Германской поэмы Ортнитъ и Норвежской Тидрекъ-саги. Въ первой, одно изъ дѣйствующихъ лицъ называется Илья *Русскій* или собственно Илья изъ Руси (Hias von Riuzen); а во второй въ числѣ князей Россіи (Ruzciland'a) встрѣчается Илья, какъ незаконный сынъ короля Гертнита; отецъ сдѣлалъ его ярломъ Греціи, почему онъ называется Илья *Греческій* (Hias af Greca). Большинство ученыхъ изслѣдователей, и въ томъ числѣ В. Ѳ. Миллеръ (стр. 176—179), не

сомнѣваются, что въ этихъ иноземныхъ сказаніяхъ отражался Русскій эпосъ съ его главными лицами, богатыремъ Ильей и княземъ Владиміромъ (въ названной сагѣ есть и король Владиміръ или Вальдемаръ, сынъ того же Гертнита, но законный). Названіе Ильи «Греческимъ» не представляетъ никакого противорѣчія, ибо въ средневѣковыхъ западныхъ извѣстіяхъ Русь, принявшая вѣру отъ Грековъ, иногда смѣшивается съ Греціей.

Тутъ мы еще не находимъ названія Ильи *Муромцемъ*. Кромѣ того, В. Ѳ. Миллеръ основательно указываетъ на его знатное происхожденіе, съ которымъ онъ конечно и является въ древнѣйшемъ періодѣ Русскаго эпоса, т. е. ранѣе той эпохи, когда онъ сталъ «крестьянскимъ сыномъ изъ села Карачарова» и (прибавлю отъ себя), когда онъ не получилъ еще названія *стараго козака*.

Итакъ въ этомъ древнѣйшемъ періодѣ главная фигура нашихъ богатырскихъ былинъ, вопервыхъ, именовалась просто Илья безъ прибавленія Муромецъ, а вовторыхъ, ему приписывалось, если не княжеское, то по крайней мѣрѣ боярское происхожденіе.

Затѣмъ рождается вопросъ: существовало ли на Руси какое-либо дѣйствительное историческое лицо, подвиги котораго послужили основою для этого былиннаго типа?

Вопросъ этотъ представляется вполнѣ естественнымъ въ виду того, что съ именами нѣкоторыхъ героевъ двухъ эпическихъ цикловъ, Кіевскаго и Новгородскаго, мы встрѣчаемся въ нашихъ лѣтописяхъ какъ съ историческими лицами. Такъ, самъ былинный князь Владиміръ Кіевскій несомнѣнно пошелъ отъ Владиміра Святого или Великаго съ присоединеніемъ къ нему Владиміра Мономаха, слѣдовательно отъ двухъ Владиміровъ. Добрыня пошелъ отъ извѣстнаго Добрыни, дяди Владиміра; упоминается еще въ XII в. въ Новгородѣ посадникъ Добрыня. Алеша, собственно Александръ Поповичъ, упоминается по нѣкоторымъ лѣтописнымъ сводамъ еще при Владимірѣ Великомъ (Л. Н. Майковъ въ своемъ изслѣдованіи о былинахъ отчасти исправляетъ хронологію этихъ упоминаній); а потомъ, уже въ качествѣ легендарнаго богатыря, онъ встрѣчается въ Липецкой битвѣ 1216 года и въ Калкской 1224 г.; въ послѣдней вмѣстѣ съ Добрынею «Златымъ Поясомъ», который къ эпохѣ лѣтописныхъ сводовъ очевидно уже успѣлъ также сдѣлаться легендарнымъ героемъ. Далѣе Ставръ, какъ историческое лицо, встрѣчается въ Новгородѣ при Владимірѣ Мономахѣ. Въ XII вѣкѣ упоминаются Василій Буслаевичъ и Садко, по Новгородскимъ лѣтописямъ то Сотко Богатый, то Садко Сытинычъ; а Волынскій бояринъ Дунай въ XIII вѣкѣ. Въ были-

нахъ о Вольгѣ Всеславичѣ, какъ полагаютъ, отразился историческій князь Олегъ Святославичъ съ прибавленіемъ и другого Олега, перваго Кіевскаго князя, которому лѣтописное сказаніе приписываетъ баснословный походъ на Византію. Былинному князю Роману могутъ соотвѣтствовать, вопервыхъ, знаменитый Романъ Волынскій, а вовторыхъ, Романъ Брянскій, тоже довольно крупное лицо въ XIII вѣкѣ [1]). Два богатыря Данилы, Игнатьевичъ и Денисьевичъ, своими именами могутъ напоминать двухъ историческихъ князей Даніиловъ: Романовича Галицкаго и Александровича, перваго Московскаго.

Какое же Русское историческое лицо легло въ основу сказаній объ Ильѣ Муромцѣ?

Такого лица изслѣдователями былинъ доселѣ не найдено, и авторъ экскурсовъ» вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе о его не дѣйствительномъ, а *идеальномъ* существованіи, т. е. считаетъ его «продуктомъ народной фантазіи», вонлотившей въ его образѣ свой идеалъ Русскаго богатыря: «онъ носитъ такое же не историческое имя, какъ Святогоръ и Микула *Селяниновичъ*» (193). А въ конечныхъ своихъ выводахъ авторъ выдвигаетъ гипотезу о томъ, будто бы основныя сказанія объ Ильѣ перешли къ намъ съ Востока изъ Иранскаго эпоса, т.е. изъ Персидской Рустеміады, чрезъ посредство сосѣднихъ Тюркскихъ кочевниковъ, а именно Половцевъ (225).

Въ этихъ выводахъ я нахожу близкимъ къ истинѣ только указаніе на такія же не-историческія имена Святогора и Микулы, при чемъ долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Нѣкоторые изслѣдователи (К. Аксаковъ, Безсоновъ, Рыбниковъ, Буслаевъ, О. Ѳ. Миллеръ, Квашнинъ-Самаринъ) причисляютъ этихъ двухъ богатырей къ другому циклу былинъ, болѣе древнему, чѣмъ Владиміровъ, т. е. къ циклу языческой эпохи, и называетъ ихъ «старшими» богатырями, представлявшими собою какихъ-то миѳическихъ титановъ, при чемъ имя Святогора сближаютъ съ Святой горой. Къ такому же мнѣнію, повидимому, склоняется и авторъ «экскурсовъ». Я полагаю, что это мнѣніе ошибочное, и что подобнаго древнѣйшаго цикла, съ Святогоромъ во главѣ, на Руси не существовало. Напротивъ, подобные титаническіе, нечеловѣчные типы богатырей суть плоды позднѣйшаго народнаго творчества, продукты того періода, когда дружинно-княжеская поэзія съ ея человѣчными героями окончательно

[1]) Указываю на этого другого князя Романа, имѣя въ виду прекрасную монографію И. Н. Жданова „Пѣсни о князѣ Романѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1890. Апрѣль и Май); онъ эти пѣсни пріурочиваетъ только къ одному Роману Волынскому.

замолкла, и герои эти, перешедшіе въ среду темной народной массы, подверглись дѣйствію ея ничѣмъ несдерживаемой фантазіи, отличающейся въ особенности преувеличеніемъ внѣшняго объема и матеріальной силы. Названные богатыри самыми своими именами свидѣтельствуютъ не объ языческой, а именно о гораздо позднѣйшей христіанской эпохѣ. Микула очевидно произошелъ тогда, когда изъ всѣхъ святыхъ христіанской церкви на Руси самымъ популярнымъ сдѣлался Николай Угодникъ; а его прозваніе Селяниновичъ прямо указываетъ на извѣстную тенденцію считать его по преимуществу покровителемъ крестьянъ-пахарей. Святогоръ иногда отождествляется съ Самсономъ-богатыремъ; а послѣдній прямо указываетъ на христіанскую эпоху и притомъ довольно позднюю: ибо вліяніе библейскихъ преданій тутъ проявилось не прямо изъ Библіи, а уже въ то время, когда на Руси распространились сборники апокрифическихъ сказаній, извѣстные подъ именемъ Палеи. Имя Святогора напрасно связываютъ со Святой горой: такая связь и въ народныхъ сказаніяхъ явилась уже позднѣйшимъ осмысленіемъ; первоначально же оно означало Святого Георгія или Егорія, Егора, какъ произноситъ это имя нашъ народъ. А это христіанское имя носитъ цѣлый рядъ Русскихъ князей, начиная съ Ярослава Мудраго, въ томъ числѣ и знаменитый Юрій Долгорукій; ибо Георгій, по другому произношенію (Гюргій) обратился въ Юрія. Въ этой формѣ, т.е. Юрій или Юръ, его сближаютъ съ названіемъ языческаго божества *Яръ*, болѣе извѣстнаго у народа въ видѣ *Ярило*. А въ формѣ Егорій или Егоръ оно получало созвучіе съ древнерусскимъ именемъ Игорь, и вѣроятно по этой причинѣ мы находимъ, что нѣсколько князей Игорей также имѣли христіанское имя Георгія, въ томъ числѣ Игорь Святославичъ, герой Слова о полку Игоревѣ [1]). Храмы во имя Св. Георгія являются въ числѣ древнѣйшихъ на Руси. Но самою-то древнѣйшею церковью, во имя св. Иліи, является та, которая, по свидѣтельству лѣтописи, существовала въ Кіевѣ еще при Игорѣ и въ которой христіанская часть его дружины присягала на договорѣ съ Греками, между тѣмъ какъ языческая часть произнесла клятву предъ идоломъ Перуна.

Не буду повторять извѣстныхъ предположеній о томъ, что съ принятіемъ христіанства Русь перенесла на Илью пророка свое представленіе о Перунѣ или богѣ-громовникѣ, и что это представленіе отразилось на былинномъ типѣ Ильи Муромца. Подобныя толкованія искусственны и

---

[1]) О связи Святогора по имени съ Игоремъ и св. Георгіемъ говорится въ моихъ *Розысканіяхъ о началѣ Руси* на стр. 354, со ссылкою на письмо покойнаго проф. Аристова („Былъ на землѣ богатырь *Егоръ*—Святогоръ“.

гадательны. Констатируемъ только факты: вопервыхъ, что главный богатырь Владимірова цикла получилъ имя того святого, почитаніе котораго въ Кіевѣ является наиболѣе древнимъ, а вовторыхъ, что и самъ онъ отнесенъ къ числу угодниковъ, почивающихъ въ Кіевскихъ пещерахъ. Слѣдовательно эпическій образъ его также возникъ не безъ связи съ нашею церковностію.

Въ свое время я имѣлъ уже случай представить мои соображенія о существованіи на Руси дружинно-княжеской поэзіи, которая воспѣвала подвиги князей и отличившихся дружинниковъ, и великолѣпный образецъ которой мы имѣемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ (см. выше, въ первомъ отдѣлѣ, а также мою *Исторію Россіи*, вторую часть I-го тома, гл. XIX и прим. 47).

Весьма возможно, что уже въ XI или XII столѣтіи въ числѣ героевъ этой дружинной поэзіи прославлялись подвиги какого-то знатнаго витязя Ильи; ибо отсюда, изъ этого источника вѣроятно появился отголосокъ ихъ въ названныхъ выше Германской поэмѣ и Норвежской сагѣ. А въ послѣдствіи этимъ героемъ овладѣлъ собственно народный эпосъ и разработалъ его въ своемъ вкусѣ. Это моя догадка, основанная на очень вѣроятной связи народнаго эпоса съ древнимъ эпосомъ историческимъ или дружиннымъ.

Во всякомъ случаѣ, судя по иностраннымъ свидѣтельствамъ, нѣсни объ Ильѣ несомнѣнно возникли не позднѣе XII вѣка. Но, по тѣмъ же свидѣтельствамъ, Муромцемъ онъ еще не назывался и крестьянскимъ сыномъ еще не былъ, а тѣмъ менѣе казакомъ. Когда же онъ получилъ свое прозваніе и, такъ сказать, демократизовался или опростонародился въ эпическихъ сказаніяхъ?

Мы имѣемъ нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ, которыя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на подобные вопросы. Но свидѣтельства эти оставляютъ большой промежутокъ: изъ XIII вѣка переходимъ прямо во вторую половину XVI-го. Въ 1574 году одинъ изъ Литовскихъ воеводъ Кмита Чернобыльскій называетъ Илью *Муровленинъ*. Затѣмъ Нѣмецкій путешественникъ Лясота (впрочемъ родомъ Славянинъ), посѣтившій Кіевъ въ 1594 году, описываетъ его святыни и между прочимъ тутъ упоминаетъ о «капеллѣ», въ которой погребенъ Илья *Моровлинъ*, «знаменитый герой или богатырь, какъ его называютъ, о которомъ разсказываютъ много басенъ» (Ор. Миллеръ «Илья Муромецъ», 799). Это первыя хронологическія указанія на прозвище Ильи. Но что̀ такое значитъ «Муровленинъ» или «Моровлинъ?» Есть ли это то же что Муромецъ или нѣчто̀ другое? В. Ѳ. Миллеръ останавливается надъ этимъ прозвищемъ

и вслѣдъ за нѣкоторыми другими изслѣдователями (А. Н. Веселовскій, Каллашъ) пытается производить его отъ названія древняго города Моровійска (теперь села Моровска), лежавшаго на берегу Десны, между Черниговомъ и Кіевомъ, и принадлежавшаго къ Черниговскому княжеству. По сему поводу онъ хочетъ пріурочить Илью вообще къ Черниговскому или Сѣверскому краю, а пріуроченіе его къ Муромской области считаетъ позднѣйшимъ переносомъ, основаннымъ на созвучіи. На мѣсто же села Карачарова онъ предлагаетъ подставить древній городъ Карачевъ (182 стр. и слѣд.). Любопытно, что слѣдующее затѣмъ хронологическое извѣстіе принадлежитъ Кіево-Печерскому монаху Кальнофойскому въ первой половинѣ XVII вѣка: говоря объ Ильѣ, почивающемъ въ пещерахъ, онъ прибавляетъ, что «народъ напрасно назвалъ его *Чеботокъ*» и что по росту онъ представляетъ большого, но не огромнаго человѣка (Ор. Миллеръ, 799). Тутъ указывается на смѣшеніе Ильи съ другимъ богатыремъ, который прозывался Чеботкомъ. Дальнѣйшее извѣстіе относится къ 1701 году и принадлежитъ одному Русскому паломнику, который, пишетъ, что онъ видѣлъ въ Кіевскихъ пещерахъ мощи Ильи *Муромца*, и повторяетъ, что росту онъ былъ только крупнаго, не болѣе (ibid.).

Рождается вопросъ: въ промежутокъ времени отъ конца XVI вѣка до начала XVIII успѣло ли прозваніе Ильи «Муравленинъ» или «Моровлинъ» измѣниться въ «Муромецъ», какъ то выходитъ изъ соображеній В. Ѳ. Миллера и нѣкоторыхъ другихъ, или онъ и въ XVI вѣкѣ уже слылъ Муромцемъ?

Тѣ, которые стоятъ за первое прозваніе, пытаются поддержать свое мнѣніе цѣлымъ рядомъ другихъ сеылокъ, гдѣ Илья называется *Муровинъ* или *Муровецъ*, напримѣръ у Испанца Луиса-де-Кастильо и въ Финскихъ переводахъ Русскихъ былинъ (см. А. Н. Веселовскаго, Ж. М. Н. Пр. 1883. Апрѣль и 1890. Мартъ). Но все это для меня недостаточно убѣдительно. Я полагаю, что тутъ есть недоразумѣніе и что подобные варіанты объясняются отчасти искаженіями, а отчасти вліяніемъ различныхъ говоровъ. Тотъ самый городъ Моровійскъ, который стоялъ на рѣкѣ Десиѣ, по извѣстіямъ о Смутномъ времени, въ Сѣверныхъ или Московскихъ лѣтописныхъ сводахъ иногда называется *Муромскъ*, а Путивль пишется *Путимль*, т. е. *в* переходитъ въ *м* (Иное Сказаніе., Лѣт. о Мят., Никонов. лѣт. и др.). Но также и обратно, названія Сѣверо-восточной Руси въ юго западныхъ говорахъ могли являться съ переходомъ *м* въ *в*. Но такой замѣнѣ прозваніе Ильи Муровленинъ или Моровлинъ, пріуроченное къ Юго-Западной Руси, на Сѣверѣ должно было произноситься «Муромлинъ. И дѣйствительно Илья въ былинахъ иногда

называется «Муромлянъ-богатырь». (Напр. у Гильфердинга «Онеж. былины», 904). Слѣдовательно прозваніе Муромецъ имѣло своимъ варіантомъ Муромлянинъ или Муромлянъ. Въ Финскихъ пересказахъ встрѣчаются формы и Муровицъ, и Муромицъ, какъ это видно изъ примѣровъ, приведенныхъ академикомъ Весловскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1890. Мартъ). Но Лунсъ-де-Кастильо, бывшій въ Петербургѣ въ послѣднемъ десятилѣтіи XVIII вѣка и въ своихъ запискахъ употребляющій форму *Муровецъ*, только можетъ подтвердить существованіе нѣкоторыхъ варіантовъ или искаженій; ибо нѣтъ вѣроятія, чтобы въ это время Илья все еще назывался не Муромцемъ, а какъ-либо иначе, особенно въ нашей Сѣверной столицѣ. (То же можно повторить и относительно ссылки на Григорія Пашкѣева, Корсунскаго единовѣрческаго монаха, который жилъ въ первой половинѣ XIX вѣка и писалъ Илья *Муровецъ* вмѣсто *Муромецъ*, но прямо разсказывалъ о поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ *изъ Мурома*. Ор. Миллеръ. 261.) Прибавлю еще, что городъ Моровійскъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ и незначителенъ, чтобы главный герой нашего эпоса получилъ отъ него свое прозваніе.

Мы видѣли, что въ концѣ Кіевскаго періода Илья повидимому еще не имѣлъ прозваніе Муромецъ, считался знатнымъ человѣкомъ и пріурочивался къ Южной или Кіевской Руси. Когда же онъ сдѣлался Муромцемъ и крестьянскимъ сыномъ?

По всѣмъ соображеніямъ этотъ переносъ произошелъ послѣ Татарскаго разгрома Южной Руси, когда Русская народная жизнь сосредоточилась въ болѣе Сѣверныхъ областяхъ, т. е. въ эпоху Владиміро-Суздальскую, приблизительно во второй половинѣ XIII или въ первой XIV столѣтія. Кромѣ естественнаго хода вещей, въ этомъ случаѣ я имѣю и слѣдующую аналогію. Друзьями или наиболѣе близкими къ Ильѣ товарищами по былинному циклу Владиміра являются для богатыря: Добрыня и Алеша Поповичъ. Вмѣстѣ они представляютъ родъ тріумвирата. Первоначально Добрыня и Алеша тоже по всѣмъ признакамъ были южанами, а потомъ въ былинахъ они уже пріурочиваются къ Сѣверо-Восточной Руси: Добрыня называется Рязанцемъ, а Алеша (Александръ) Поповичъ выводится изъ Ростова. Очевидно въ ту же эпоху Илья сталъ пріурочиваться къ Мурому. Ростовъ, Рязань и Муромъ — это были политическіе и культурные центры Сѣверовосточной Руси. Муромъ и въ Суздальскую, и въ Московскую эпоху даже особенно выдвинулся своими легендами и книжными сказаніями (о Петрѣ и Февроніи, Юліаніи Лазаревской и другихъ); во всякомъ случаѣ онъ не чета какому-нибудь Моровійску. Наконецъ, позднѣйшее и болѣе точное пріуроченіе Ильи къ

селу Карачарову еще болѣе подтверждаетъ, что прозваніе его не произошло вслѣдствіе смѣшенія Мурома съ Моровійскимъ, такъ какъ Карачарово или Карачаево лежитъ подъ самымъ Муромомъ, есть его подгородное селеніе. И тутъ сложились разныя мѣстныя преданія, связанныя съ именемъ Ильи; напримѣръ, указываютъ колодезь, выбитый копытомъ богатырскаго коня во время его ускоковъ, и т. п. А что подобныя преданія въ Муромѣ и окрестностяхъ уже существовали въ XVI вѣкѣ, на то имѣемъ намеки въ Сотной (выписи) Муромскаго посада 1574 года (Акты Юрид., № 229): тутъ, кромѣ храма св. Ильи и Большой Ильинской улицы, упоминаются *Богатырева гора* «противъ Оки рѣки» и еще *Скокова гора*, очевидно намекающая на скоки или ускоки богатырскаго коня все того же Ильи Муромца. Съ переносомъ въ Муромскій край началась конечно и демократизація Ильи, а послѣдующее закрѣпленіе его за селомъ Карачаровымъ уже прямо упрочило за нимъ крестьянское происхожденіе.

Итакъ мы имѣемъ нѣкоторыя историческія указанія, благодаря которымъ можно дать хотя приблизительные отвѣты на вопросы: какъ и когда Илья сдѣлался Муромцемъ и крестьянскимъ сыномъ въ Русскомъ эпосѣ?

Теперь обратимся къ другому его прозванію или эпитету.

Въ большинствѣ записанныхъ на Сѣверѣ былинъ онъ именуется «старый казакъ» или «матерой казакъ», иногда «атаманъ». Авторъ «экскурсовъ» потрудился сосчитать, во скольких былинахъ Ильѣ придается эпитетъ *казака*, и нашелъ, что изъ 201 былины это названіе встрѣчается въ 132, слѣдовательно почти въ двухъ третяхъ всего числа. Откуда взялось это его казачество, тѣмъ болѣе бросающееся въ глаза, что казакомъ, сколько мнѣ извѣстно, не называется въ былинахъ никакой другой богатырь Владимірова цикла, за исключеніемъ конечно Ермака, иногда насильственно привлекаемаго къ этому циклу, и притомъ не ранѣе XVII вѣка?

В. Ѳ. Миллеръ отодвигаетъ казачество Ильи къ болѣе древнему времени чѣмъ прикрѣпленіе Ильи къ Мурому и крестьянской средѣ, считаетъ слово *казакъ* заимствованнымъ у Половцевъ съ значеніемъ *стражъ*, и пытается объяснить это второе обычное прозванье Ильи тѣмъ, что онъ въ народномъ представленіи олицетворилъ собою борьбу Руси со степью, т. е. съ Тюркскими кочевниками, Половцами и Татарами, при чемъ и начало казачества онъ вслѣдъ за нѣкоторыми историками отодвигаетъ въ дотатарскую эпоху (226—229).

Въ этихъ послѣднихъ вопросахъ я уже совсѣмъ расхожусь съ досто-

уважаемымъ изслѣдователемъ. Начать съ того, что слово казакъ перешло къ намъ отъ Татаръ, а ранѣе ихъ оно на Руси не встрѣчается. Въ Золотой Ордѣ имъ называли простыхъ людей, чернь и вообще низшій ратный слой. У насъ это слово получило широкое распространеніе и довольно разнообразное значеніе. Кромѣ собственно легковооруженныхъ служилыхъ людей и военной вольницы, оно означало и простаго рабочаго. Такъ, судя по актамъ XVI вѣка, по всему Поволжью *казаками* назывался рабочій людъ, нанимавшійся на торговыхъ судахъ, родъ батраковъ, бурлаковъ и т. п. (Напр. см. Слѣдственное дѣло о смерти царевича Дмитрія). Но широкое распространеніе вольнаго казачества начинается въ XVI вѣкѣ; а ихъ громкая извѣстность идетъ только съ конца этого столѣтія и съ начала XVII (Запорожскія возстанія, подвигъ Ермака, казачество въ Смутное время). Что же касается борьбы со степью или съ Тюркскими кочевниками, то эту борьбу олицетворяютъ собою и другіе богатыри Владимірова цикла; однако, повторяю, никто изъ нихъ не называется казакомъ, а только одинъ Илья.

Чтобы выяснить казачество Ильи Муромца, я долженъ прежде всего напомнить о тѣхъ главныхъ наслоеніяхъ, которымъ постепенно подвергался эпическій Владиміровъ циклъ. На Кіевскую его основу налегли сначала Татарщина и Владиміро-Суздальскій періодъ, потомъ Московскій періодъ, съ его подраздѣленіями, каковы эпоха Ивановъ, Смутное время и эпоха первыхъ царей изъ дома Романовыхъ. Само центральное лицо эпоса, князь Владиміръ отразилъ на себѣ почти всѣ эти наслоенія. Такъ, рядомъ съ ласковымъ княземъ и Краснымъ Солнышкомъ мы находимъ нерѣдко черты не симпатичныя; а иногда онъ просто грубъ, коваренъ и жестокъ. Но дѣло въ томъ, что на немъ несомнѣнно отразились такія противоположныя впечатлѣнія, которыя получились въ народѣ, напримѣръ, и отъ Ивана Грознаго, и отъ тишайшаго Алексѣя Михайловича. Вообще ошибаются тѣ, которые въ нашемъ былинномъ эпосѣ ищутъ прежде всего отраженія удѣльнаго склада. Нѣтъ: въ томъ видѣ, въ какомъ мы его теперь имѣемъ, онъ болѣе всего отражаетъ складъ Московской Руси; ибо объ удѣльныхъ князьяхъ въ немъ почти нѣтъ и помину (развѣ остались кое-какіе намеки). Земля Русская представляется въ немъ цѣльною и единою, а богатырская дружина иируетъ и служитъ только единому ея представителю.

Въ этихъ историческихъ наслоеніяхъ доселѣ слишкомъ мало придавали значенія Смутной эпохѣ; а между тѣмъ она выдается очень замѣтно. Да иначе не могло и быть. Столь великое потрясеніе, испытанное всѣмъ Русскимъ народомъ, не могло не оставить рѣзкихъ чертъ и на его нѣ-

сеніомъ творчествѣ. Напримѣръ, съ этого времени въ числѣ враговъ, съ которыми сражаются Владиміровы богатыри, появляются *Лютеры*, т. е. Лютеране; такъ какъ въ Польшѣ и Западной Руси тогда процвѣтала реформація, и многіе Польско-литовскіе паны и шляхта, разорявшіе Московское государство, были реформатами. Съ того же времени появляется въ былинахъ Маринка въ качествѣ коварной жены-чародѣйки, напримѣръ въ былинахъ о Добрынѣ; подъ нею разумѣется извѣстная Марина Мнишекъ, и т. д. Съ того же времени преобразился въ казака и нашъ Илья Муромецъ.

Въ первое десятилѣтіе XVII вѣка, т. е. въ Смутную эпоху, у насъ на Руси подвизался дѣйствительный, историческій казакъ Илья Муромецъ. И любопытно, что изслѣдователи нашего былиннаго эпоса, столь много потрудившіеся ради его объясненія, усердно рывшіеся въ Русскихъ и частію иностранныхъ источникахъ, доселѣ какъ-то не примѣтили этого, не скажу, слона, а все таки довольно видную историческую личность.

Я говорю объ одномъ изъ самозванцевъ, именно о Лженетрѣ.

Въ Октябрѣ 1609 года, вмѣстѣ съ другими мятежниками или ворами (какъ ихъ тогда называли) изъ осажденной Тулы вышли казаки Донскіе, Волжскіе, Терскіе и Запорожскіе и сдались царю Василію Шуйскому, вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ Илейкой Муромцемъ. Послѣдній былъ подвергнутъ боярскому допросу, конечно сопровождавшемуся пыткой, и вотъ что онъ самъ разсказалъ о своемъ родѣ и о своихъ любопытныхъ похожденіяхъ.

Родина Ильи городъ Муромъ. Мать его звали Ульяной; она была вдовою торговаго человѣка Тихона Юрьева. Илья родился внѣ брака. Отца его звали Иванъ Коровинъ. Послѣ смерти Ивана Коровина и по его завѣту Ульяна постриглась въ Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ старицы Улиты. Когда и она умерла, для молодого Илейки настали годы бездомовной, скитальческой жизни. Сначала какой-то Нижегородецъ Тарасъ Грозильщиковъ взялъ его къ себѣ въ Нижній, гдѣ Илейка около трехъ лѣтъ сидѣлъ въ его лавкѣ и торговалъ яблоками и орѣхами. Отсюда онъ ушелъ на Низъ въ Астрахань на суднѣ торговаго Ярославца Козмы Огнева, у котораго нанялся кормовымъ *казакомъ* для стряпни, т. е. служившимъ при кухнѣ. Въ Астрахани онъ зимовалъ и въ это время ходилъ на Татарскій базаръ торговать кожами и сапогами. Изъ Астрахани Илейка ходилъ вверхъ до Казани, нанявшись казакомъ на стругу къ одному Ярославскому гостю. Проживъ недѣль десять въ Казани у одного посадскаго человѣка (опускаю имена), нанялся онъ опять въ казаки на судно нѣкоего

Вятскаго торговаго человѣка и жилъ у него въ Хлыновѣ года полтора. Съ Вятки онъ опять пошелъ на судахъ съ хозяйскимъ товаромъ на Низъ въ Астрахань. Тутъ онъ годовалъ, живя у одного Астраханскаго стрѣльца и торгуя на Татарскомъ базарѣ холстами и кожами, которые забиралъ у торговыхъ людей, и тѣмъ кормился. Изъ Астрахани онъ опять ходилъ въ судовыхъ казакахъ вверхъ, то до Нижняго, то до Царицына. Но собственно военныя его похожденія начинаются съ того времени, какъ онъ изъ Астрахани попалъ въ городокъ Терки, т. е. въ главное поселеніе Терскихъ казаковъ. Здѣсь онъ нанялся уже въ служилые или ратные люди къ одному стрѣлецкому пятидесятнику по имени Пятого *Моромцу* (вѣроятно тоже родомъ изъ Мурома); нанялся для того, чтобы вмѣсто его заболѣвшаго племянника идти съ царскими воеводами въ походъ на Тарковскаго шамхала. Но возвращеніи изъ похода Илейка зимовалъ въ Теркахъ, служа во дворѣ у какого-то Григорья Елагина. На лѣто онъ снова поплылъ въ Астрахань. Онъ присталъ къ Волжскимъ казакамъ, и тутъ начинаются его похожденія уже не какъ рабочаго, а какъ ратнаго служилаго казака. Въ концѣ царствованія Бориса Годунова Илейка находился подъ начальствомъ воеводы князя Ивана Хворостинина; а когда этотъ воевода послалъ казачій отрядъ изъ Астрахани въ Терки, Илейка пошелъ съ симъ отрядомъ.

Волжскіе и Терскіе казаки, какъ извѣстно, въ то время нерѣдко изъ служилыхъ людей обращались въ вольныхъ и составляли грабительскія шайки. Терскіе казаки забунтовали, начали говорить, что царь хотѣлъ ихъ пожаловать великимъ жалованьемъ, да «лихіе бояре» этого жалованья имъ не дали и себѣ присвоили. Они замышляли идти къ устью рѣки Куры, чтобы «громить Турскихъ людей», а если тамъ насчетъ добычи не посчастливится, то поступить на службу къ Кизыльбашскому (Персидскому) шаху Аббасу. Но тутъ человѣкъ съ триста Терскихъ и Волжскихъ казаковъ отдѣлились и задумали другое дѣло. Въ то время на Терекъ дошла вѣсть о сверженіи Годуновыхъ и воцареніи перваго Лжедимитрія; помогавшіе ему Донскіе казаки, по слухамъ, получили щедрыя награды; это обстоятельство возбудило зависть у Терскихъ. Отдѣлившіеся 300 человѣкъ хотѣли тоже попытать счастья и придумали выставить изъ своей среды тоже самозваннаго претендента на Московскій престолъ, подъ знаменемъ котораго можно было бы прежде всего идти на Волгу «громить торговыя суда». Они изобрѣли царевича Петра Ѳедоровича. Извѣстно, что у послѣдняго Рюриковича Ѳедора Ивановича была только дочь, умершая въ младенчествѣ; казаки сочинили басню о томъ, что родился собственно сынъ, но что вѣрные люди, опасаясь козней

Годунова, подмѣнили его дочерью, а сына укрыли и воспитали тайно. Очевидно повторялась басня подобная той, которую разсказывалъ о себѣ Лжедимитрій.

Возникъ вопросъ, на кого возложить роль мнимаго царевича Петра. Между «молодыми товарищами» казаки намѣтили выбрать одного изъ двухъ: или Илейку Муромца, или Митьку Астраханца, который былъ сыномъ одного Астраханскаго стрѣльца. Митька самъ отказался отъ этой чести, говоря, что онъ въ Москвѣ не бывалъ и никого не знаетъ, а родился въ Астрахани и тамъ всегда жилъ. А Илейка Муромецъ, какъ оказалось, въ Москвѣ былъ: онъ пріѣзжалъ сюда изъ Нижняго и жилъ тутъ отъ Святокъ до Петрова дня у подъячаго Тимоѳеева, который служилъ у дьяка Василія Петровича; а этотъ дьякъ находился въ томъ приказѣ, въ вѣдѣніи котораго были Устюгъ и Вятка. Итакъ роль царевича Петра возложили на Илейку Муромца.

Эта воровская шайка съ Илейкой, тайкомъ отъ Терскаго воеводы Петра Головина, ушла изъ города Тѣрокъ на стругахъ въ Каспійское море и остановилась на островѣ, противъ устья Терека. Тутъ пристали къ ней еще многіе казаки изъ сосѣднихъ мѣстъ. Отсюда они поплыли къ Астрахани, но въ Астрахань не были впущены и двинулись вверхъ по Волгѣ; при чемъ Илейка Муромецъ послалъ гонца съ грамотой къ Лжедимитрію, называя его своимъ дядей. Хитрый Лжедимитрій отвѣчалъ ему ласково и звалъ его къ себѣ въ Москву, гдѣ вѣроятно готовилъ ему западню. Эту отвѣтную грамоту Илейка получилъ подъ Самарой. Но едва онъ миновалъ Свіяжскъ и въ десяти верстахъ отъ него достигъ Вязовыхъ горъ, какъ пришла вѣсть о трагической судьбѣ перваго Лжедимитрія. Тогда Лжепетръ и его шайка повернули назадъ и занялись разбоемъ и грабежами. Изъ Волги потомъ они переволоклись на Донъ, изъ Дона поднялись вверхъ по Дону. Тутъ пришла къ нимъ грамота изъ Путивля отъ извѣстнаго дѣятеля Смутнаго времени князя Григорія Шаховскаго, съ извѣстіемъ, будто Димитрій вновь спасся отъ смерти, и съ приглашеніемъ спѣшить на помощь.

Доскажу въ немногихъ словахъ дальнѣйшую роль и судьбу Лжепетра или Илейки Муромца.

Онъ очутился во главѣ полчища, состоявшаго изъ казаковъ Терскихъ, Волжскихъ и Донскихъ; потомъ къ нему пришли еще Запорожцы, такъ что у него оказалось болѣе 10.000 войска. По дорогѣ къ Путивлю этотъ казацкій самозванецъ взялъ и разграбилъ нѣсколько городовъ. Вообще онъ отличался хищнымъ разбойничьимъ характеромъ и, какъ истый представитель чернаго народа, особенно свирѣпствовалъ противъ бояръ и

дворянъ. Многихъ попавшихъ въ его руки онъ замучилъ; между прочимъ князя Андрея Бахтеярова, бывшаго прежде Путивльскимъ воеводой, Илейка не только убилъ, но и опозорилъ его боярскую честь, въ лицѣ его дочери. По всѣмъ признакамъ онъ оказался и недюжиннымъ атаманомъ въ военномъ дѣлѣ. Онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ царскими воеводами, захватилъ Тулу, и соединясь съ другимъ предводителемъ крестьянскихъ и казацкихъ шаекъ, извѣстнымъ Болотниковымъ, готовился идти на Москву. Царь Шуйскій напрягъ всѣ усилія, собралъ стотысячную рать и во главѣ ея лично осадилъ Тулу. Осажденные защищались очень мужественно; осада такъ затянулась, что уже приходилось думать объ отступленіи, когда неожиданное обстоятельство помогло царю Василію: боярскій сынъ Ѳома Сумнн Кровковъ, родомъ изъ Мурома, слѣдовательно землякъ Илейки Муромца, предложилъ царю запрудить рѣку Упу и затопить городъ Тулу; просилъ только дать ему сколько нужно народу. Дѣйствительно онъ затопилъ городъ, и осажденные сдались. Илейку въ числѣ другихъ отправили въ Москву. Тамъ его повѣсили, предварительно снявъ съ него показанія, о которыхъ была рѣчь выше.

Таковъ былъ дѣйствительный историческій казакъ Илья Муромецъ. По моему крайнему разумѣнію, его имя и званіе несомнѣнно смѣшались, слились въ народномъ представленіи съ главнымъ богатыремъ Русскаго былиннаго эпоса. Совпаденіе имени Илья и прозванія Муромецъ было повидимому совершенно случайное; но оно повело къ тому, что богатырь въ народныхъ пѣсняхъ съ того времени получилъ эпитетъ «казака», перешедшій къ нему прямо отъ казацкаго самозванца. Надобно замѣтить, что по всѣмъ признакамъ молва объ этомъ самозванцѣ тогда довольно широко распространилась на Руси, и въ народѣ онъ сдѣлался извѣстенъ прямо подъ своимъ именемъ Ильи, Илейки Муромца. Этой извѣстности способствовало само Московское правительство, которое, получивъ въ свои руки самозванца и допросивъ его, немедля разослало по городамъ грамоту съ изложеніемъ его повѣсти о самомъ себѣ. Въ Актахъ Археогр. Экспедиціи, во II-мъ томѣ подъ № 81, напечатана сія грамота, найденная въ Соль-Вычегодскомъ соборномъ архивѣ. На оборотѣ ея помѣчено мѣстнымъ подъячимъ: «116 (1608) Декабря въ 11 день пришла (въ Соль-Вычегодскъ) съ казакомъ съ Евтихейкомъ Хлѣбникомъ». Впрочемъ это не единственный экземпляръ грамоты, который до насъ дошелъ; вообще Московское правительство въ тѣ времена имѣло обыкновеніе подобными, такъ сказать, окружными, грамотами оповѣщать всѣ области о важныхъ событіяхъ, въ особенности когда требовалось предостеречь населеніе въ виду распространенія ложныхъ и вредныхъ слуховъ или тол-

ковъ. Василій Шуйскій при своемъ воцареніи усердно разсылалъ такія окружныя грамоты о похожденіяхъ и смерти Лжедимитрія. Эти грамоты, упорно называя его Гришкой Отрепьевымъ и Разстригой, упрочили за нимъ такое названіе въ народѣ и въ лѣтописяхъ, хотя первый Лжедимитрій, не будучи истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, не былъ, какъ оказывается, и Гришкой Отрепьевымъ.

Въ данномъ случаѣ не произошло подобной ошибки, и Московская окружная грамота точно установила настоящее имя и происхожденіе Лжепетра. Любопытно однако, что, не смотря на этотъ документъ, лѣтописцы XVII вѣка замѣтно путаются въ его именованіи и происхожденіи: въ нихъ онъ называется, то «воръ Петрушка», то «воръ Илюшка», или Илейко; въ одномъ хронографѣ онъ даже именуется «родомъ Звенигородецъ, художествомъ гончаръ»; поэтому въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ ему дается фамилія Гончарова, или Гончаровскаго, а въ другихъ эта фамилія переиначивается въ Горчакова, въ третьихъ онъ считается холопомъ Свіяжскаго стрѣлецкаго головы Елагина. (Никонов., Лѣт. о мят., Палицынъ, Нов. Лѣт., Ин. Сказ., Псковская, три хронографа у Андр. Попова. Рукоп. Филарета). Понятно, что значеніе Лжепетра было не такъ велико какъ Лжедимитрія; лѣтописцы сравнительно мало имъ занимались и повидимому не справлялись непосредственно съ означенною правительственною грамотою. Тѣмъ не менѣе въ народѣ все таки распространились слухи и толки о настоящемъ званіи и происхожденіи казацкаго самозванца. Особенно память его нѣкоторое время жила среди казацкихъ шаекъ разсѣявшихся по всей Руси. Несомнѣнно дѣянія его нашли себѣ сочувственный отголосокъ и въ казачествѣ, и въ крестьянствѣ, какъ впослѣдствіи дѣянія подобнаго ему атамана Стеньки Разина. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что личность историческаго казачьяго атамана Ильи Муромца слилась съ легендарнымъ его, такъ сказать, тезкой и однофамильцемъ. Съ тѣхъ поръ богатырь Илья представляется не только казакомъ, но и окончательно закрѣпляется за Муромомъ. По всей вѣроятности дальнѣйшимъ фазисомъ этого закрѣпленія и вмѣстѣ демократизаціи богатыря было пріуроченіе его къ подгородному селу Карачарову и къ крестьянскому роду. Подъ такимъ историческимъ наслоеніемъ воспѣваютъ его до нынѣ крестьяне—сказители Олонецкіе и Архангельскіе.

Только что приведенныя замѣтки о былинномъ эпосѣ вообще и о происхожденіи обычнаго эпитета Ильи Муромца «старый казакъ» были со-

общены мною на засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 17 Февраля 1893 года, и встрѣтили нѣкоторыя возраженія. Остановлюсь на возраженіяхъ профессора В. Ѳ. Миллера и привать-доцента г. Каллаша, какъ спеціалистовъ, извѣстныхъ своими печатными работами по Русскому эпосу.

В. Ѳ. Миллеръ, авторъ труда, вызвавшаго мои замѣтки, заявилъ, что указанная мною грамота и сопровождающія ее обстоятельства, разъясняющія личность Лжепетра или Илейки Муромца, дѣйствительно не были имъ приняты во вниманіе; ибо это собственно дѣло Русскихъ историковъ, а они доселѣ на эту личность не указывали, т. е. не приводили ее въ связь съ главнымъ героемъ нашихъ былинъ. Но при этомъ онъ выразилъ сомнѣніе въ сей связи по нѣсколькимъ причинамъ: во первыхъ, едва ли такое лицо какъ самозванецъ, выдававшійся только своимъ обманомъ и злодѣяніями, могъ быть отождествленъ съ богатыремъ, къ которому былины относятся съ особымъ уваженіемъ и любовью; во вторыхъ, изъ исторіи видно, что Илейка былъ еще молодой человѣкъ, а Илья называется «старый казакъ»; въ третьихъ, трудно предположить, чтобы извѣстія объ Илейкѣ проникли далеко на Сѣверъ, гдѣ и казаковъ никакихъ не было; въ четвертыхъ, похожденія этого лица ничѣмъ не отразились на содержаніи былинъ объ Ильѣ.

На сіи возраженія съ своей стороны я отвѣчалъ и повторяю слѣдующее.

Народныя (собственно простонародныя) симпатіи и представленія нельзя разсматривать съ точки зрѣнія настоящаго образованнаго класса. Напротивъ, демократическія тенденціи этого самозванца, его свирѣпствованіе противъ бояръ и дворянъ и вообще роль недюжиннаго казацкаго атамана могли вполнѣ возбудить симпатіи простонародья, такъ же какъ ихъ возбудили разбойничьи дѣянія Стеньки Разина, который сдѣлался популярнымъ героемъ народныхъ пѣсенъ не только по причинѣ своей удали, но и потому, что съ его лицомъ какъ бы связывался протестъ чернаго люда противъ боярскаго и дворянскаго гнета или вообще противъ высшихъ классовъ. Относительно прозванія «старый» казакъ, надобно имѣть въ виду, что въ былинахъ Илья Муромецъ постоянно изображается человѣкомъ пожилымъ; онъ и на подвиги выступилъ изъ родительскаго дома уже не въ молодыхъ лѣтахъ; а про возрастъ историческаго Илейки народъ могъ не знать, да онъ и не былъ особенно молодъ, когда явился въ роли казачьяго атамана: по всѣмъ соображеніямъ ему было уже за 30 лѣтъ. Илья Муромецъ называется не только «старый», но и «матерой», т. е. истый, коренной казакъ; съ этимъ же

оттѣнкомъ конечно соединяется и прозваніе «старый (т. е. бывалый) казакъ»; оно совсѣмъ не означаетъ собственно старца. Относительно распространенія сего прозванія на сѣверные края, гдѣ и казаковъ будто бы никогда не было, это невѣрно: въ Смутное время казачьи шайки свирѣпствовали до самыхъ сѣверныхъ областей; особенно много страдали отъ этихъ шаекъ мѣста верхневолжскія и даже заволжскія. Что же касается до содержанія былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, то оно уже успѣло вполнѣ сложиться и опредѣлиться къ тому времени, когда историческій Илья смѣшался съ былиннымъ, передавъ ему только эпитетъ «казака».

Возраженія г. Каллаша главнымъ образомъ относились къ защитѣ того мнѣнія, по которому богатырь Илья въ древнѣйшую пору будто бы имѣлъ прозваніе не Муромца, а Моровца или Моравленина, которое-де получилъ отъ города Моровска. Но въ защиту этой догадки онъ не привелъ никакихъ другихъ фактическихъ данныхъ кромѣ тѣхъ, на которыя я указываю въ своемъ сообщеніи и на которыхъ г. Каллашъ основывается въ своихъ печатныхъ замѣткахъ (Этнографич. Обозрѣніе, №№ III и V). Но уже въ этихъ замѣткахъ онъ тщетно оспариваетъ возраженія своего рецензента, появившіяся въ Русскомъ Филологич. Вѣстникѣ (за 1890 г. I); а другому своему возражателю, проф. Соболевскому, онъ доселѣ ничего не отвѣчалъ. Г. Соболевскій, подобно мнѣ, считаетъ «Муровецъ» искаженіемъ прозвища «Муромецъ», и подкрѣпляетъ свое мнѣніе ссылкою на два примѣра: Синопсисъ Кіевскаго изданія 1674 года и Сербскій Синксарь 1340 года, гдѣ вмѣсто «Муромъ» стоитъ «Муровъ» (Этнограф. Обозр. № VI).

Я остановлюсь собственно на другомъ замѣчаніи г. Каллаша, замѣчаніи, относящемся къ главному выводу моего сообщенія, т. е. къ вопросу, съ какого времени и почему былины стали называть Илью «казакомъ».

Г. Каллашъ заявилъ, что объ Илейкѣ-Лжепетрѣ по отношенію къ нашему богатырю уже было говорено въ печати, именно въ одной изъ статей г. Квашнина-Самарина, и что слѣдовательно мой упрекъ въ игнорированіи этого историческаго лица долженъ быть снятъ съ изслѣдователей эпическаго Владимірова цикла.

Я имѣлъ въ виду собственно изслѣдователей послѣдняго времени, которые весьма оживили вопросъ объ этомъ циклѣ и болѣе или менѣе освѣтили его съ разныхъ сторонъ, и въ особенности тѣхъ изслѣдователей, которые попытались разъяснить происхожденіе главныхъ эпитетовъ Ильи, т. е. «Муромца» и «казака». Но разъ мнѣ указали на давнія и забытыя мною статьи г. Квашнина-Самарина, пришлось

вновь ихъ пересмотрѣть и затѣмъ вкратцѣ высказать свое о нихъ мнѣніе.

Рѣчь идетъ о четырехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ двухъ №№ «Бесѣды» 1871 года, IV и V («Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи») и въ двухъ №№ Русскаго Вѣстника 1874 г., 9 и 10 («Новые источники для изученія Русскаго эпоса»). Объ Илейкѣ-Лжепетрѣ г. Квашнинъ-Самаринъ говоритъ въ Октябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1874 годъ. Но что такое онъ говоритъ? Онъ слегка, мимоходомъ упоминаетъ о немъ по поводу двухъ былинъ: одна изъ нихъ находится въ сборникѣ Гильфердинга и озаглавлена «Князь Карамышевскій» (стр. 91), а другая, въ сборникѣ Кирѣевскаго, безъ заглавія (вып. I, стр. 90). Въ первой является какой-то «Илья-кумъ, темный разбойникъ», который убиваетъ князя Ивана Карамышевскаго съ женой и маленькимъ сыномъ и въ свою очередь гибнетъ отъ руки старшаго княжескаго сына Василія, находившагося на службѣ у Владиміра Кіевскаго. Вторая былина, или собственно отрывокъ изъ былины, живописно рисуетъ, какъ по Волгѣ «коло Муромскихъ лѣсовъ» плывутъ лодки; гребцы поютъ пѣсни и величаютъ своего «эсаула молодца, Илью Муромца». Г. Квашнинъ-Самаринъ безъ всякихъ разсужденій рѣшаетъ, что обѣ эти былины имѣютъ отношеніе не къ богатырю Ильѣ-Муромцу, а именно къ Илейкѣ-Лжепетру, и болѣе ничего. Такимъ образомъ онъ прямо отрицаетъ какую-либо связь богатыря съ историческимъ Муромцемъ, и вообще совсѣмъ не задается вопросомъ, откуда пошло въ былинахъ казачество Ильи. Слѣдовательно онъ не только не навелъ слѣдующихъ изслѣдователей на объясненіе этого вопроса, а прямо отклонилъ ихъ отъ настоящаго пути, и дѣйствительно никто изъ нихъ потомъ этой связи не коснулся.

Между тѣмъ, если первая былина въ самомъ дѣлѣ имѣетъ отношеніе не къ богатырю, а только къ Илейкѣ-Лжепетру, то она показываетъ, что это лицо оставило замѣтный слѣдъ въ народныхъ пѣсняхъ и что были пѣсни, гдѣ оно изображалось злымъ атаманомъ разбойниковъ. Вторая же былина, уже прямо называющая его Ильей Муромцемъ и изображающая его въ симпатичномъ видѣ эсаула-молодца, плывущаго со своей дружиной по Волгѣ, составляетъ явный переходъ къ смѣшенію историческаго Муромца съ былиннымъ богатыремъ. Этотъ переходъ можно уследить и въ нѣкоторыхъ другихъ былинахъ.

Въ томъ же сборникѣ Кирѣевскаго есть еще два отрывка (стр. 22 и 40), въ которыхъ говорится, какъ Илья Муромецъ плавалъ *тридцать льтъ* (въ другомъ *тринадцать*) по Хвалынскому морю на кораблѣ Со-

колѣ и наводилъ страхъ на «горскихъ Татаръ съ Калмыками» — опять явное указаніе на историческаго Муромца, дѣйствительно плававшаго по Каспійскому морю и участвовавшаго въ походахъ противъ горскихъ племенъ. Но кромѣ Илейки Муромца тутъ къ представленію о нашемъ богатырѣ очевидно примѣшивался и Стенька Разинъ, какъ извѣстно, имѣвшій корабль съ прозваніемъ «Сокола». Второй изъ этихъ отрывковъ заканчивается тѣмъ, что Илья Муромецъ покидаетъ корабль и ѣдетъ на конѣ черезъ лѣса Брынскіе и горы Сарачинскія мимо Соловья Разбойника къ царю Владиміру. Г. Квашнинъ-Самаринъ упоминаетъ объ этихъ отрывкахъ въ другой своей статьѣ («Бесѣда», 1871, № IV), и не сомнѣвается, что тутъ воспѣтъ былинный богатырь, но не подозрѣваетъ никакой связи съ Волжскимъ казачествомъ и Илейкой-Лжепетромъ, а объясняетъ его морское плаваніе мнимыми воспоминаніями о Русскихъ набѣгахъ на Каспійскіе берега въ IX и X столѣтіяхъ, о которыхъ и лѣтописцы-то Русскіе ничего не знали, и только Арабскіе источники сохранили память о нихъ для исторіи. Такъ далеки объясненія г. Квашнина-Самарина отъ исторической истины, и не въ одномъ только этомъ случаѣ. А потому его статьи не имѣли почти никакого научнаго значенія и прошли, можно сказать, безслѣдно. Относительно Илейки-Лжепетра онъ повидимому пользовался только краткими извѣстіями о немъ лѣтописей; по крайней мѣрѣ онъ не обнаружилъ знакомства съ тою грамотою, гдѣ Илейка самъ разсказалъ свои похожденія.

Чтобы не быть голословнымъ и на фактахъ показать, какъ авторъ названныхъ статей, взявшій на себя раскрыть связь Русскихъ былинъ съ исторіей, весьма поверхностно и произвольно относился къ своей задачѣ, приведу нѣсколько примѣровъ изъ той же статьи, гдѣ онъ коснулся Лжепетра. При семъ имѣю въ виду сообщить нѣкоторыя собственныя мысли и объясненія для этихъ примѣровъ.

Возьмемъ изъ цикла Владимірова былину о князѣ Карамышевскомъ, который встрѣчается и въ другой былинѣ, именно объ осадѣ Пскова, гдѣ онъ замѣняетъ князя Шуйскаго. Г. Квашнинъ-Самаринъ вѣрно указываетъ на воеводу Ивана Карамышева, провожавшаго Турецкое посольство и убитаго на Дону казаками въ 1630 году. Но онъ теряется въ догадкахъ, почему это, по его словамъ «малоизвѣстное», имя введено въ циклъ Владиміра, причемъ объясняетъ его смѣшеніемъ съ Васильемъ-пьяницей, котораго по отечеству называетъ Казимировичъ, а сіе отечество, по его толкованію, перешло въ «Карамышевичъ», откуда и явился князь Карамышевскій, и уже отъ созвучія съ сими словами

пѣсни величаютъ его по отчеству «Константиновичъ». Выходитъ ужасная путаница, главная причина которой заключается въ томъ, что историческія свѣдѣнія автора слишкомъ неполны. Какъ историческое лицо, воевода Иванъ *Константиновичъ* Карамышевъ довольно извѣстенъ и притомъ не безславною гибелью на Дону, а славною обороною Волока Ламскаго въ 1612 году, въ концѣ Смутнаго времени. Когда Москва была очищена отъ Поляковъ ополченіемъ Пожарскаго, король Сигизмундъ III, еще не зная объ этомъ событіи, двинулся на помощь своимъ и дошелъ до Волока Ламскаго, гдѣ воеводою былъ Карамышевъ. Гарнизонъ этого города, состоявшій преимущественно изъ казаковъ, отбилъ всѣ приступы непріятелей, и король со стыдомъ отступилъ. Понятно отсюда, почему народная пѣсня потомъ, смѣшавъ два сходныя событія, на мѣсто князя Шуйскаго поставила князя Карамышева при оборонѣ Пскова отъ Стефана Баторія. Имя этого воеводы, вплетенное въ былины Владимірова цикла, только подтверждаетъ мое положеніе о томъ наслоеніи, какое къ сему циклу прибавила Смутная эпоха. Если и такой (во всякомъ случаѣ второстепенный) дѣятель, какъ воевода Карамышевъ, нашелъ себѣ мѣсто въ означенномъ циклѣ, то еще болѣе естественнымъ является привлеченіе къ нему одной изъ крупныхъ личностей той эпохи, т. е. Илейки-Лжепетра.

Увлеченный своей догадкой о томъ, что вмѣсто «Карамышевичъ» прежде стояло «Казимировичъ», г. Квашнинъ-Самаринъ прямо ставитъ его въ связь съ Польскимъ королемъ Казимиромъ I, а рѣку Ветлу, на берегу которой, по словамъ былины, жилъ князь Карамышевскій, обращаетъ въ Вислу; тогда какъ она и по имени, и по мѣсту дѣйствія гораздо ближе подходитъ къ нашей сѣверной Ветлугѣ. Очевидно онъ не додумался до позднѣйшихъ наслоеній, а все пытался объяснять изъ древнѣйшаго или перваго періода Русской исторіи [1]).

[1]) Такъ, волшебница Маринка у него существуетъ съ самаго начала эпоса, соотвѣтствуетъ Брингильдѣ Нибелунговъ и только впослѣдствіи отождествляется съ Мариной Мнишекъ; Алеша Поповичъ, по его фантастичному толкованію, произошелъ изъ Лешка или Ляшка, одного изъ убійцъ св. Бориса: а другой изъ убійцъ, Путша, будто бы обратился въ былиннаго Путяту, отца Запавы Путятичны; былинный Ермакъ будто бы является варіантомъ или просто „перевираніемъ“ болѣе древняго былиннаго лица, боярина Бермяты! Между прочимъ царь Калинъ толкуется глаголомъ калить, закалять. Таракашка или Тараканчикъ Корабликовъ, по былинѣ зять Батыя, объясняется Угорскимъ (?) достоинствомъ *тархана*; а прозвище Корабликовъ будто бы „взято изъ былины о Соломонѣ, гдѣ этотъ же Таракашка подъ видомъ торговаго гостя увозитъ на кораблѣ жену у Соломона“. Г

Далѣе г. Квашнинъ-Самаринъ, вслѣдъ за Ѳ. И. Буслаевымъ, отечество Добрыни «Никитичъ», перепначиваетъ въ «Пизкпничъ», т. е. производитъ его отъ слова «Пизкпня», которое является варіантомъ имени извѣстнаго Древлянскаго князя Мала. Но вмѣсто того, чтобы ходить такъ далеко въ древность, надобно было задать себѣ вопросъ: съ какой эпохи Добрыня въ былинахъ именуется Никитичемъ?. Возможно, что не ранѣе XVI вѣка, т. е. Московскаго же періода, и что сѣверныя былины дали ему въ отцы не иного кого, а именно боярина Никиту Романовича, популярное лицо въ эпосѣ собственно Московскомъ. Есть былина, которая прямо называетъ отца Добрыни Никитой Романовичемъ (Рыбник. II, 5); а другая былина считаетъ его отца Никиту богатымъ гостемъ Рязанскимъ, разумѣется, подъ вліяніемъ помянутаго выше извѣстія о Рязанцѣ Добрынѣ «Златомъ Поясѣ». Напомнимъ, что въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка пять сыновей Московскаго боярина Никиты Романовича слыли въ народѣ просто подъ именемъ «Никитичи», а особенно старшій изъ нихъ Ѳеодоръ, отецъ царя Михаила Ѳеодоровича, впослѣдствіи патріархъ Московскій. Возможно также, что имя жены Добрыни, былинной Настасьи Никуличны, явилось отраженіемъ сестры Никиты Романовича, знаменитой Анастасіи, первой супруги Грознаго: недаромъ же по представленію былинъ она является въ образѣ болѣе или менѣе свѣтломъ. А г. Квашнинъ-Самаринъ на основаніи отчества считаетъ ее дочерью Микулы Селяниновича, котораго въ свою очередь отождествляетъ со Стрибогомъ Славянской миѳологіи.

По моему крайнему разумѣнію, изслѣдователь былинныхъ именъ и типовъ никакъ не долженъ упускать изъ виду приведенныхъ историческихъ фактовъ; я указываю на нихъ, но конечно не настаиваю на окончательномъ рѣшеніи вопросовъ, отсюда возникающихъ и подлежащихъ затѣмъ тщательному пересмотру.

Квашнинъ-Самаринъ упустилъ изъ виду существованіе фамиліи Таракановыхъ. Въ Москвѣ при Иванѣ III былъ купецъ Тараканъ; онъ сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что выстроилъ себѣ каменныя палаты, въ тѣ времена составлявшія рѣдкость. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ имѣемъ Московскаго богатаго купчину или гостя Тараканова, у котораго весьма могли быть и собственные корабли или торговыя суда. А романическое похищеніе женщинъ изъ чужихъ краевъ отнюдь не было чуждо знатнымъ или богатымъ Русскимъ людямъ того времени: такъ современникъ гостя Тараканова князь Тюфякинъ, бывшій Московскимъ посломъ въ Персіи у шаха Аббаса, въ Кумыкской землѣ выкралъ одну дѣвицу и провезъ ее, спрятавъ въ сундукѣ, на что потомъ шахъ жаловался царю Михаилу.

Точно также г. Квашнинъ-Самаринъ, вслѣдъ за своими предшественниками-толкователями, былиннаго богатыря Суровца-Суздальца, имѣющаго по нѣкоторымъ варіантамъ эпитетъ «Сурожанина», считаетъ «купцомъ съ Сурожскаго или Азовскаго моря», причемъ отождествляетъ его съ былиннымъ царевичемъ Сауровичемъ или Константиномъ Сауловичемъ. Можетъ быть эпитетъ «Суровецъ» или «Суровенъ», переходившій въ «Сурожанинъ» (Рыбник. вып. 3), дѣйствительно въ народномъ представленіи смѣшался съ понятіемъ о гостяхъ Сурожскихъ, которыми назывались однако не уроженцы Таврическаго города Сурожа (Судака), а Московскіе купцы, ѣздившіе для торговли на Югъ къ берегамъ Сурожскаго (Азовскаго) моря. Но мѣстомъ дѣйствія этого богатыря прямо указанъ Сѣверный или Суздальскій край, именно города Угличъ и сказочный Китежъ; да и самъ онъ недаромъ же назывался Суздалецъ и родомъ выводился изъ города Суздаля. Въ Суздальской области встрѣчается, по грамотамъ XIV—XV вв., и село Суровцово, и волость Сурожекъ. А главное, если бы г. Квашнинъ-Самаринъ былъ знакомъ съ тою грамотой, въ которой Лжепетръ разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ, то онъ нашелъ бы тамъ упоминаніе о «Суровскихъ послужильцахъ» или «Суровскихъ казакахъ». Ясно, что эти служилые казаки жили на рѣкѣ Сурѣ, т. е. на восточной окраинѣ Суздальской области. Очень возможно, что былинный богатырь Суровецъ-Суздалецъ имѣетъ къ этимъ казакамъ непосредственное отношеніе.

Не буду останавливаться надъ тѣми домыслами и гаданіями, которые г. Квашнинъ-Самаринъ проявилъ въ своихъ объясненіяхъ такъ называемыхъ старшихъ богатырей, т. е. Святогора, Самсона, Вольги, Колывана и Микулы. Они, конечно, выставляются у него остатками древнѣйшаго Русскаго эпоса, непосредственно связанными съ языческой миѳологіей, однимъ словомъ титанами-полубогами. Въ былинахъ объ нихъ онъ вездѣ видитъ архаизмы, дошедшіе до насъ изъ глубокой древности. Между тѣмъ изслѣдователю, сколько нибудь знакомому съ Русской исторіей и народнымъ языкомъ, наоборотъ, въ этихъ былинахъ бросаются въ глаза именно черты позднѣйшей, Московской Руси. Напримѣръ, г. Квашнинъ-Самаринъ приводитъ отвѣтъ Микулы Вольгѣ: «А я ржи напашу, да во скирды сложу; во скирды складу, домой выволочу; домой выволочу, дома вымолочу. Драни надеру, да и пива наварю; пива наварю, мужичковъ напою» и пр. Это постоянное упоминаніе о «мужикахъ», «мужичкахъ» и даже «мужичонкахъ», а равно картина быта очень близкая къ нашему времени и къ сѣверной полосѣ Россіи отнюдь не заключаютъ въ себѣ глубокихъ архаизмовъ. Или приводится мѣсто

о Вольгѣ, какъ онъ, ставъ на Волховскомъ мосту, «казнилъ народъ безпощадно, безпошлинно, рылъ народъ въ матушку Волхову и всѣхъ купцовъ Новгородскихъ». Какой же это архаическій сюжетъ, когда тутъ прямо отражается Новгородскій погромъ Ивана Грознаго? Изъ всѣхъ Русскихъ богатырей «древнѣйшимъ и славнѣйшимъ» г. Квашнину-Самарину представляется Колыванъ, котораго «и самое имя, находитъ онъ, очень архаичнымъ». Неужели авторъ не слыхивалъ объ Эстонскомъ городѣ Колывани (Ревель) и о Корельско-эстонскомъ эпосѣ, воспѣвающемъ Калеву и его сына Калеви-поегъ? Въ противномъ случаѣ онъ бы догадался, что этотъ богатырь зашелъ въ Русскій эпосъ отъ сосѣднихъ Финновъ, точно такъ же какъ въ Финскій эпосъ зашелъ нашъ Илья Муромецъ.

Вообще г. Квашнинъ-Самаринъ не различаетъ ни позднѣйшихъ наслоеній, ни Византійскихъ вліяній. Такъ у него имя короля Еммануйла или Етмануйла «образовалось изъ Польскаго титула гетманъ», при чемъ «кончаніе *уйло* напоминаетъ Литовскихъ Ягайла и Свидригайла» (Бесѣда 1871, IV); между тѣмъ въ этомъ именп заключается несомнѣнное указаніе на Византійскаго императора Мануила Комнена. Дюка Степановича онъ считаетъ не только чисто-Галицкимъ аристократомъ, но и представителемъ Западной или Латинской цивилизаціи, т. е. не подозрѣваетъ его Византійскаго происхожденія. Да оно и понятно: чтобы раскрыть сіе послѣднее, требовались не малая эрудиція и дѣйствительно научные пріемы. Съ помощію сихъ качествъ г. Ждановъ, какъ извѣстно, удачно сблизилъ Русскую былину о Дюкѣ Степановичѣ съ Греческими сказаніями о Дигенисѣ Акритѣ и самое его имя объяснилъ родствомъ Дигениса съ знатною Византійскою фамиліей Дуковъ (о «Рус. былевой поэзіи». Кіевъ, 1881). Но уже въ изслѣдованіи Ор. Миллера была указана одна черта, родящая нашу былину съ Византійскою словесностію, именно «Посланіе царя Ивана Индѣйскаго къ царю Мануплу Греческому» (594).

Я также и потому остановился нѣсколько на объясненіяхъ г. Квашнина-Самарина, что въ значительной части онъ повторяетъ мнѣнія, существующія и доселѣ въ литературѣ о былинахъ [1]). Но многое приба-

[1]) Напримѣръ, выше указанныя мною мнѣнія о Святогорѣ и такъ называемыхъ старшихъ богатыряхъ. Еще примѣръ: почти то же, что и г. Квашнинъ-Самаринъ, говоритъ о богатырѣ Суровцѣ-Суздальцѣ А. Н. Веселовскій въ своемъ превосходномъ трудѣ „Южнорусскія былины“ (Сборн. Отд. Рус. яз. и слов. Акад. Н. XXXVI). Также замѣтна у него наклонность обращаться за объясненіями болѣе ко временамъ древнѣйшимъ, чѣмъ къ позд-

вилъ онъ и отъ себя; при чемъ превзошелъ всѣхъ своею смѣлостію и свободнымъ отношеніемъ къ принятой на себя задачѣ. Не владѣя достаточными историческими свѣдѣніями и научными пріемами, онъ отважно объясняетъ почти все и ни передъ чѣмъ не останавливается. Естественно поэтому, что его статьи о былинахъ прошли почти безслѣдно для науки или если имѣли какое значеніе, то болѣе отрицательное. Такъ въ настоящемъ случаѣ, то есть, въ вопросѣ, откуда пошло казачество Ильи Муромца, онъ хотя вскользь упомянулъ объ историческомъ Ильѣ Муромцѣ-Лжепетрѣ; но упомянулъ въ смыслѣ отрицательномъ, въ смыслѣ неимѣнія между ними ничего общаго; да и самаго вопроса о казачествѣ богатыря совсѣмъ не коснулся. Поэтому заявленіе г. Каллаша, что, благодаря г. Квашнину-Самарину съ изслѣдователей былинъ долженъ быть снятъ мой упрекъ въ опущеніи историческаго Ильи при объясненія даннаго предмета—это заявленіе я оставляю открытымъ вопросомъ.

Возвращаясь къ возраженіямъ В. Ѳ. Миллера, я снова и ближе коснусь двухъ его пунктовъ, а именно: 1) невѣроятнаго распространенія извѣстій о казачьемъ атаманѣ Илейкѣ-Лжепетрѣ на Сѣверѣ, гдѣ будто бы казаковъ никогда не было, и 2) отсутствія какихъ-либо указаній на него въ содержаніи былинъ.

По поводу перваго пункта, приведу одну подробность изъ той же грамоты, въ которой Илейка разсказываетъ свои похожденія, подробность, которую я прежде не счелъ нужнымъ привести. Когда Илейка пристадъ къ Волжскимъ служилымъ или ратнымъ казакамъ, то онъ сначала поступилъ въ товарищи къ казачьему мелкому атаману Нагибѣ; послѣ Нагиба передалъ его казаку Наметкѣ, а отъ Наметки онъ перешелъ въ ватагу казака Неустройка, прозвищемъ «Четыре здоровья». (Прозвище очевидно указывающее на его богатырскую мощь). Впослѣдствіи первые два казака, т. е. Нагиба и Наметка, вмѣстѣ съ Илейкой и Болотниковымъ, выдерживали Тульскую осаду и также были взяты въ плѣнъ. Нагиба вмѣстѣ съ Болотниковымъ былъ сосланъ въ поморскіе города, и тамъ царь Василій велѣлъ ихъ казнить. Объ этомъ повелѣніи говоритъ Никонов. лѣтопись (91); но оно не было исполнено по отношенію къ Нагибѣ: очевидно онъ успѣлъ бѣжать. Спустя четыре

нѣйшимъ наслоеніямъ. Поддерживая гипотезу о первоначальномъ прозваніи Ильи *Муровецъ* или *Моровлинъ*, А. Н. Веселовскій идетъ дальше и предполагаетъ варіантъ *Бравлинъ*, т. е. сближаетъ его съ тѣмъ Бравлиномъ, о которомъ повѣствуетъ житіе св. Стефана Сурожскаго (Ж. М. Н. Просв. 1890, Мартъ).

года, именно въ Декабрѣ 1612 г., слѣдовательно уже послѣ очищенія Москвы отъ Поляковъ, Бѣлозерскій воевода Григорій Образцовъ увѣдомляетъ временное правительство (т. е. князей Трубецкаго и Пожарскаго), что Нагиба съ воровской казацкой шайкой около того времени свирѣпствовалъ въ Пошехоньѣ по сосѣдству съ Бѣлозерскимъ уѣздомъ (Акты Эксп. II, № 218). Въ то же время изъ Вологды также идутъ жалобы на грабежи Литовскихъ и воровскихъ шаекъ, которыя, какъ извѣстно, главнымъ образомъ составлялись изъ казаковъ (тоже № 220). Ясно, что въ такихъ шайкахъ участвовали многіе сподвижники Илейки, которые разносили его память и вѣроятно складывали о немъ пѣсни. Вообще въ Сѣверной Россіи потомъ долго, дольше чѣмъ въ другихъ краяхъ, жили воспоминанія о Литовскомъ и казацкомъ разореніи Смутной эпохи; а слѣдовательно имена выдававшихся казацкихъ атамановъ той эпохи могли хорошо сохраниться въ мѣстномъ населеніи.

Относительно втораго пункта возраженія, т. е. содержанія, былинъ, я могу прямо указать, что исторія Илейки-Лжепетра не прошла для нихъ безслѣдно. О томъ свидѣтельствуютъ вышеприведенные отрывки, въ которыхъ Илья Муромецъ разгуливаетъ на кораблѣ Соколѣ по Волгѣ и Каспійскому морю, во главѣ казацкой дружины. А затѣмъ укажу на одно мѣстное Муромское преданіе, приведенное Ор. Миллеромъ въ его изслѣдованіи (285) и повторенное В. Ѳ. Миллеромъ въ его «экскурсахъ» (189). Это преданіе разсказываетъ о томъ, какъ Карачаровцы задумали приблизить русло Оки къ своему селу, чтобы поставить преграду нападавшимъ на нихъ разбойничьимъ шайкамъ. Для того они порѣшили очистить берегъ отъ дубняка, побросать деревья въ рѣку, запрудить ее съ одной стороны и такимъ образомъ измѣнить русло. Каждой семьѣ назначенъ былъ свой пай для работы. Илья Муромецъ, исцѣленный страшниками и получившій необыкновенную силу, явился на мѣсто работъ, гдѣ его родители безплодно трудились надъ своимъ паемъ. Онъ въ короткое время очистилъ ихъ долю отъ дубовъ, которые вырывалъ съ корнемъ и бросалъ въ рѣку. Это преданіе, по моему крайнему разумѣнію, есть несомнѣнный отголосокъ того историческаго факта, который былъ мною приведенъ изъ исторіи Илейки-Лжепетра. Подобными работами Ѳома Кровковъ запрудилъ рѣку Упу подъ Тулою, вслѣдствіе чего Лжепетръ и Болотниковъ были принуждены къ сдачѣ. Только въ народномъ преданіи, какъ это часто бываетъ, факты и лица спутаны: то что было слѣлано противъ Ильи, отнесено къ его подвигамъ.

Въ заключеніе моего небольшаго «экскурса» въ область Русскаго эпоса напомню, что возражатели мои держатся старыхъ взглядовъ на болѣе древнее образованіе казачества; а потому для нихъ не совсѣмъ было понятно мое положеніе, что ранѣе XVII вѣка, т. е. ранѣе Смутной эпохи, не могъ и появиться эпитетъ «казака», какъ чего-то славнаго и общеизвѣстнаго. Но вопросъ о началѣ казачества былъ подвергнутъ мною довольно тщательному пересмотру въ моей *Исторіи Россіи:* тамъ они найдутъ, что названіе «казакъ» на Руси появилось только съ XV вѣка, а служилое казацкое сословіе развилось только въ XVI вѣкѣ. (Между прочимъ этому предмету посвящено у меня примѣчаніе 98-е III тома, гдѣ я указываю на прежнюю неправильную постановку вопроса о началѣ казачества Малороссійскаго; о казачествѣ Великорусскомъ говорится на стр. 380 и далѣе). А затѣмъ Смутное время было именно тою эпохою, когда казачество явилось едва ли не главною дѣйствующею силою въ событіяхъ: всѣ самозванцы, начиная съ перваго, опирались болѣе всего на казачество; свои кровавыя дѣянія оно распространили по всему лицу Русской земли, а потому естественно поразило народное воображеніе и оставило глубокіе слѣды въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ. Замѣтимъ при семъ, что не всегда казачество въ эту эпоху являлось противуобщественной стихіей; иногда оно совершало и добрые подвиги на пользу государства. Если Ермакъ закончилъ свои разбои покореніемъ цѣлаго царства, то и воровскіе казаки, служившіе Тушинскому и Калужскому вору, потомъ усердно сражались противъ Поляковъ и помогли Нижегородскому ополченію освободить отъ нихъ Москву.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII СТОЛѢТІЯ [1]).

Рукопись времен царя Алексѣя Михайловича. Открылъ и издалъ П. Безсоновъ *(Приложеніе къ 1 № Русской Бесѣды за 1859 годъ).*

Всякому, интересующемуся русскою исторіею, нельзя не выразить живого удовольствія при видѣ этой драгоцѣнной рукописи и не поблагодарить отъ души П. А. Безсонова за ея изданіе. Это изданіе сопровождается

[1]) Отечеств. Записки 1859. Апрѣль.

довольно-длиннымъ предисловіемъ. «Рукопись, съ которой печатается предлежащій текстъ историческаго памятника (такъ начинается предисловіе), къ сожалѣнію, укрывалась доселѣ отъ вниманія ученыхъ, быть можетъ, не одинъ разъ пробѣгавшихъ страницы ея бѣглымъ взоромъ; укрывалась, вѣроятно, потому, что писана латинскими буквами и въ началѣ ея помѣщенъ на латинскомъ языкѣ малозначущій отрывокъ, по которому судили обо всемъ сочиненіи. Особеннымъ счастіемъ пользовался тотъ, кто открылъ рукопись свѣту и сдѣлался нынѣ ея издателемъ, остановился съ филологическою точностью на мелькнувшихъ передъ его глазами разнородныхъ статьяхъ, говорившихъ полатыни о русскомъ народѣ, на латинскихъ письмахъ, подъ коими скрывалась русская рѣчь. Не мало потребовалось труда, чтобъ разобрать уродливыя строки и вникнуть въ ихъ содержаніе: плодомъ труда было открытіе драгоцѣннѣйшаго памятника русской старины XVII вѣка». Этими словами ограничивается извѣстіе издателя объ открытіи рукописи. Гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ она была открыта—г. Безсоновъ о томъ умалчиваетъ. Вѣроятно, онъ имѣетъ на это свои причины. Далѣе, въ предисловіи слѣдуетъ довольно-туманное разсужденіе издателя о до-петровской Руси вообще и объ авторѣ найденной рукописи въ особенности. Нелегко понять, что именно хочетъ сказать здѣсь г. Безсоновъ; видимъ только, что онъ находится подъ сильнымъ впечатлѣніемъ изданной имъ рукописи, съ прискорбіемъ смотритъ на XVII (и XVIII) столѣтіе и груститъ о нашихъ «основахъ древняго самобытнаго образованія». Мы не останавливаемся на его разсужденіи: «рукопись» очень-краснорѣчиво говоритъ сама за себя. Изданіе же ея отличается добросовѣстною и тщательною обработкою. Времени на ней не обозначено, но, очевидно, она принадлежитъ ко второй половинѣ XVII вѣка; мы даже, по нѣкоторымъ причинамъ, отнесемъ ее къ послѣднимъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича. Авторъ ея также неизвѣстенъ. Г. Безсоновъ справедливо замѣтилъ, что языкъ обличаетъ въ немъ бѣлорусса. Содержаніе рукописи обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка, по тому времени, очень—образованнаго и начитаннаго, который довольно—хорошо знакомъ съ Западною Европою и очень—пристально изучалъ Россію: вѣроятно, онъ занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ, въ русской администраціи. По описанію нашего внутренняго быта, по важности свѣдѣній, которыя она сообщаетъ, «рукопись» эту можно поставить рядомъ съ извѣстнымъ сочиненіемъ Котошихина, но въ характерѣ ихъ значительная разница. У Котошихина болѣе—живое, искусное изложеніе проникнуто юморомъ; вообще у него болѣе таланта. Неизвѣстный авторъ «рукописи» зато

превосходитъ Котошихина своимъ образованіемъ; настроеніе его печальное, изложеніе довольно растянутое и скучное. Онъ крайне недоволенъ современнымъ состояніемъ Россіи, и въ своемъ сочиненіи высказываетъ сильную потребность реформъ. Онъ охваченъ западными идеями и сознаетъ необходимость перенести западное образованіе на русскую почву, а между тѣмъ очень не любитъ иностранцевъ и терпитъ ихъ въ Россіи только какъ неизбѣжное зло.

Но обратимся къ самой рукописи. Передъ нами пока одна первая ея часть, которая трактуетъ о народномъ богатствѣ (*объ благу*). Она раздѣлена на четыре главы. Первая глава, заключающая въ себѣ разсужніе о торговлѣ, открывается слѣдующими положеніями:

Вопросъ.—Какое королевство, считается богатымъ? [1]).

Отвѣтъ:

1) Богатымъ считается королевство, въ которомъ родится золото, серебро и другія руды, каковы, напримѣръ, земли Арабская и Венгерская.

2) Богаче его то, которое изобилуетъ предметами для одежды и для украшенія тѣла, и именно: дорогими камнями, бисеромъ, кораллами, шелкомъ, бумагою, шерстью, льномъ, коноплею, мѣхами и всякими другими матеріалами для платья.

3) Еще богаче, кажется, то королевство, которое изобилуетъ съѣстными припасами: масломъ, виномъ, медомъ, солью, сарачинскимъ пшеномъ, пшеницею, перцемъ, гвоздикою, сахаромъ, всякимъ сочивомъ, овощами; съѣдобными, врачебными и красильными растеніями; скотомъ, рыбою, птицами и дикими животными, годными для пищи.

4) Самымъ же богатымъ и сильнымъ признается то королевство, въ которомъ производятся искусные и честные обороты (то-есть промышленные и торговые); хорошо устроены и пристани и рынки, и гдѣ, поэтому процвѣтаетъ всякое рукодѣліе (мануфактура), земледѣліе, и обширная морская торговля, какъ, напримѣръ, въ Англіи и Голландіи.

А еще счастливѣе бываетъ королевство, которое, при всемъ томъ, имѣетъ и хорошіе законы, чему примѣръ видимъ во Франціи.

Народы же военные обыкновенно не бываютъ богаты, то-есть тѣ, которые живутъ грабежомъ и которые, оставивъ всякій другой промыселъ, лучшія свои способности и разумъ свой обращаютъ на одну войну и на грабежъ, и объ одномъ только этомъ заботятся: такъ поступаютъ крымцы, турки и калмыки».

---

1) Цитаты изъ рукописи мы представляемъ въ переводѣ, по возможности, близкомъ къ подлиннику.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію собственно русской торговли, къ разсмотрѣнію причинъ, препятствующихъ ея развитію, и къ бѣдности ея произведеній.

Это славное государство, будучи чрезвычайно обширно, со всѣхъ сторонъ, однако, заперто для торговли. Съ сѣвера насъ опоясываютъ (въ подлинникѣ здѣсь любопытная форма: *пашетъ*) студеное море и пустыни. Съ востока и юга окружаютъ дикіе народы, съ которыми не можетъ быть никакой торговли. На западѣ, Литва и Бѣлая Россія ничего не производятъ изъ тѣхъ предметовъ, которые намъ потребны; заслуживаетъ вниманія развѣ только мѣдь, получаемая отъ шведовъ. Азовская и черноморская торговля была бы самая выгодная для этой земли, но она находится во власти крымцевъ; астраханскій путь заслоняютъ ногайцы, а сообщеніе съ Бухарою въ Сибири затрудняютъ калмыки. Итакъ намъ остаются только три торговые пункта (*торговища*), которые можно считать безопасными: на сухомъ пути Новгородъ и Псковъ, а на морѣ Архангельская пристань; но къ послѣдней путь чрезвычайно далекъ и труденъ.

«Далѣе мы видимъ, что въ нашей землѣ слишкомъ мало рынковъ, что число ихъ надобно умножить, а этого никто не можетъ сдѣлать безъ царской воли. Нѣтъ въ ней золота, серебра, мѣди, олова, свинца, ртути и хорошаго желѣза; нѣтъ дорогихъ каменьевъ, бисера, коралловъ, красокъ, а между тѣмъ и самые простые, самые *негодные* (люди) стараются употреблять эти вещи (для своего украшенія). Не производитъ она сахару, шафрану, перцу, гвоздики, орѣховъ, корицы, имбирю, мирры, ладану, мускату и другихъ благовоній; нѣтъ у насъ елея, вина, изюму, миндалю, смоквъ, лимоновъ, большихъ орѣховъ, каштановъ, сливъ, персиковъ, дынь и многихъ другихъ овощей; кромѣ того, нѣтъ и самыхъ нужныхъ продуктовъ, именно: суконъ или другихъ матеріаловъ для одежды, шерсти, или бумаги. Наша земля лишена камня и хорошаго лѣсу для построекъ и хорошей глины для посуды. У народа нашего умственныя способности тупы и недѣятельны; онъ вообще неискусенъ ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ. Русскіе, ляхи и всѣ славяне вообще не ведутъ торговли въ отдаленныхъ странахъ ни моремъ, ни сухимъ путемъ. Торговцы наши не учатся ни ариѳметикѣ, ни счету; зато иногородные купцы легко перехитряютъ насъ и безпощадно всегда обманываютъ, тѣмъ болѣе, что они живутъ по всей Россіи и товары наши скупаютъ по самой дешевой цѣнѣ. Еще можно было бы терпѣть иноземцевъ, когда бы и наши бывали у нихъ и такъ же дешево закупали. Но русскіе купцы у нихъ не живутъ и совсѣмъ не могутъ

жить, отчасти по причинѣ своей неспособности и несмышленности, а главнымъ образомъ по причинѣ нѣмецкой зависти и злобы, которую уже многіе изъ нашихъ отвѣдали. Пути въ русской обширной державѣ длинны и трудны по причинѣ болотъ и лѣсовъ, а кромѣ того подвержены опасности со стороны крымцевъ, ногаевъ, калмыковъ и другихъ разбойничьихъ народовъ. Земля наша обилуетъ одними войлочными матеріями, мѣхами и пенькою, а съ нѣкотораго времени и золою (которую выжигаютъ для удобренія полей). А медъ, воскъ, икра, пшеница, рожь, ленъ, кожи и другіе товары вывозятся отсюда не вслѣдствіе нашего изобилія, а по причинѣ иноземныхъ хитростей и обмановъ; мы же при этомъ лишаемся плодовъ собственной земли и терпимъ большой недостатокъ».

Набросавъ такую мрачную картину русской торговли, авторъ предлагаетъ, какъ единственный способъ для ея улучшенія, сосредоточить внѣшніе торговые обороты въ рукахъ царя.

«Одно только средство пособить столь многимъ народнымъ нуждамъ: пусть государь всю торговлю съ иноземцами приметъ подъ свою руку, какъ онъ уже и принялъ, и пусть владѣетъ сею на будущія времена. Этимъ только способомъ можно узнать количество товаровъ (находящихся въ оборотѣ) и устроить такъ, чтобъ не вывозилось слишкомъ много тѣхъ произведеній, въ которыхъ у насъ нѣтъ избытка, и не привозились иноземные товары, безъ которыхъ мы можемъ обойтись. Такимъ образомъ государь будетъ въ состояніи умножать рынки и усиливать по государству стражу для обереганія товаровъ. Иноземнымъ же торговцамъ нечего будетъ у насъ дѣлать. Сукна и всякіе нѣмецкіе товары будутъ идти черезъ наши руки на Сибирь къ бухарцамъ и индійцамъ; на Астрахань къ персіянамъ, на Азовъ къ туркамъ, на Путивль къ черкасамъ и валахамъ. И наоборотъ: товары этихъ народовъ будутъ идти черезъ наши руки къ нѣмцамъ, ляхамъ и въ Литву. Такимъ способомъ все государство обогатится и всѣ жители будутъ довольны. Однимъ только богатымъ (то-есть оптовымъ) купцамъ не понравится эта перемѣна, потому что ихъ прибытки по нѣкоторымъ частямъ уменьшатся; но ненужно обращать вниманія на такое обстоятельство тамъ, гдѣ имѣется въ виду общая польза».

Тутъ, однако, автору естественно представляется вопросъ: прилично ли государямъ заниматься торговлею? Встрѣчаются люди, которые говорятъ, будто государямъ и племенитымъ (любопытная форма; это варіантъ слова «родовитый») мужамъ торговать непристойно». Авторъ опровергаетъ такое мнѣніе и замѣчаетъ, что торговля, если она служитъ не личному корыстолюбію, а обращена на общую пользу, по-

четна и прямо составляетъ королевское дѣло. Мысль свою онъ подкрѣпляетъ примѣрами царя Соломона, который посылалъ корабли съ товарами въ Индію, королей португальскаго, датскаго и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ князей. Главнымъ же основаніемъ своей мысли онъ выставляетъ то обстоятельство, что отдѣльныя, частныя лица не могутъ брать на себя такихъ предпріятій, гдѣ требуются огромныя издержки, цѣлый флотъ кораблей на морскомъ пути и большое количество подводъ на сухомъ, подъ прикрытіемъ сильной стражи. Все сказанное, повторяемъ, относится къ одной внѣшней торговлѣ, и притомъ не иначе, какъ оптовой; участіе же государя во внутренней авторъ считаетъ излишнимъ и даже вреднымъ, потому что тогда пришлось бы наживать барыши на счетъ своихъ подданныхъ, а не чужеземныхъ народовъ. При этомъ онъ совѣтуетъ царскимъ комиссарамъ продавать иностранные товары русскимъ людямъ какъ можно дешевле, съ наименьшею прибылью, а иностранцамъ русскіе товары сбывать какъ можно дороже.

Далѣе авторъ входитъ въ подробности своего проекта о внѣшней торговлѣ. Между его совѣтами на каждомъ шагу встрѣчаются интересныя замѣтки о состояніи торговаго сословія въ Россіи и взглядахъ правительства на этотъ предметъ.

«Люди наши (говоритъ онъ) не понимаютъ еще, какая польза происходитъ отъ торговли въ большихъ размѣрахъ. Причиною тому невѣжество и тупоуміе, которымъ нуженъ оселокъ для заостренія, то-есть для поученія. Къ тому же присоединяется и лѣность: люди наши не учатся ариѳметикѣ и потому не умѣютъ сдѣлать расцѣнку товарамъ въ тѣхъ оборотахъ, которые ведутся на нѣсколько сотъ тысячъ.

«Многіе не знаютъ, гдѣ надобно искать надлежащей прибыли и заботятся, напримѣръ, объ ясакѣ (дань). Они думаютъ, что, если мы не покоримъ себѣ калмыковъ, персовъ и турокъ и не будемъ получать съ нихъ ясакъ, то и не можемъ имѣть отъ нихъ никакой прибыли; а не берутъ въ разсчетъ того, что нѣмцы хотя и не покорили русской земли подъ свою власть, однакоже разными способами получаютъ съ нея ясакъ, въ особенности тѣмъ, что держатъ въ ней своихъ повѣренныхъ; эти повѣренные ежегодно доставляютъ имъ извѣстный доходъ и похищаютъ все лучшее изъ нашей земли. Которые же не торгуютъ, а получаютъ доходъ отъ царскихъ пошлинъ, хвалятся и говорятъ обыкновенно: кто хочетъ даромъ ѣсть хлѣбъ, пусть идетъ въ Россію.

«Существуютъ у насъ такіе люди, которые никакъ не могутъ понять пользу оптовой торговли; имъ все представляются огромные убытки,

груды, опасности; а того не разумѣютъ, что большіе прибытки получаются послѣ большихъ трудовъ».

За внѣшнею торговлею слѣдуютъ разсужденія о внутренней. Авторъ, по обыкновенію своему, не упускаетъ случая привести въ примѣръ иноземные учрежденія и обычаи, а иногда приводитъ на память и древніе народы. Посмотримъ, какіе совѣты, между прочимъ, и какіе факты сообщаетъ онъ по этому поводу:

«Ярмарки вообще распространены у нѣмцевъ и поляковъ. Одинъ, два и болѣе разъ въ году торговцы могутъ съѣзжаться и выставлять свои товары за день, или за два и болѣе до назначеннаго срока. Въ Итальянской землѣ ярмарки не существуютъ, и этотъ обычай, кажется, хорошъ, потому что онѣ отвлекаютъ людей отъ земледѣлія; товары безъ нужды иногда перевозятся съ мѣста на мѣсто и отъ такой перевозки дорожаютъ. Нѣмцы учредили множество ярмарокъ ради частныхъ прибытковъ, во вредъ цѣлому обществу. Впрочемъ, я думаю, недурно установить такіе съѣзды въ большихъ городахъ одинъ разъ въ годъ, и то въ зимнюю пору.

«(У насъ) еженедѣльные торги производятся вездѣ по городамъ, и для обыденныхъ нуждъ они, конечно, полезны. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ начальники боятся какой измѣны, или нападенія, тамъ они не допускаютъ внутри города ни ярмарокъ, ни базаровъ: торги въ такомъ случаѣ производятся подлѣ города на какомъ-нибудь удобномъ мѣстѣ. Напримѣръ, въ Тобольскѣ татары и остяки могутъ приходить только на подгородный торгъ, который охраняется сильною стражею; а внутрь крѣпости въ тотъ день пускаютъ только русскихъ».

Далѣе: «Необходимо очищать пути отъ разбойниковъ, исправлять мосты, перевозы, гати и горные проходы. Древніе римляне въ этомъ отношеніи были достойны удивленія. Они тесанымъ камнемъ мостили длинныя дороги, воздвигали каменные мосты черезъ великія рѣки; сверлили цѣлыя горы для того, чтобъ сдѣлать проходы, и засыпали озера. Турки въ наше время постоянно поправляютъ мосты, и по дорогамъ для путешественниковъ строютъ каменныя зданія, которыя покрываютъ оловомъ».

Потомъ авторъ совѣтуетъ завести почты по образцу западныхъ европейскихъ государствъ, установить общія и постоянныя деньги, вѣсы и мѣры; запретить иностранцамъ торговлю внутри Россіи, побудить торговцевъ къ изученію письма и ариѳметики, выдавать изъ царской казны займы безъ роста, завести мѣняльныя лавки на подобіе европейскихъ и проч.

О монополіяхъ онъ выражается такимъ образомъ:

«Монополіи (въ подлинникѣ: *самоторжство*) отнюдь не должно допускать, то-есть, еслибъ какой торговецъ откупилъ въ городѣ, или во всемъ государствѣ право одному торговать виномъ, пивомъ, квасомъ, хлѣбомъ, медомъ, солью, икрою, кожами, коноплею, льномъ, сукномъ, желѣзомъ, или чѣмъ другимъ, такое право совершенно несправедливо и безбожно. Развѣ только придетъ время крайней нужды, или откупщикъ обяжется продавать товаръ по указной цѣнѣ и дешевле, нежели продаютъ вольные торговцы».

Перейдемъ теперь ко второму отдѣлу проекта, въ которомъ идетъ разсужденіе о ремеслахъ или мануфактурной промышленности.

«Ремесла (очень умно замѣчаетъ авторъ) приносятъ болѣе прибыли государству, нежели рудники и цѣлыя золотыя горы». Для примѣра онъ сравниваетъ Венгрію и Аравію съ Голландіею: первыя страны изобилуютъ драгоцѣнными металлами; а между тѣмъ, Голландія, которая совсѣмъ не имѣетъ рудниковъ, во стократъ богаче ихъ, потому что въ ней процвѣтаютъ ремесла и торговля. Для успѣховъ промышленности онъ совѣтуетъ, вопервыхъ, правительству имѣть подробныя статистическія свѣдѣнія, выписывать изъ-за границы и переводить на русскій языкъ лучшія сочиненія по части промышленности; вызывать также изъ европейскихъ государствъ мастеровъ и ремесленниковъ съ тѣмъ, чтобъ они научили своему мастерству русскую молодежь и потомъ опять возвращались домой. Авторъ, какъ мы замѣтили, не любитъ иностранцевъ; онъ допускаетъ ихъ въ Россію только ради необходимости перенять у нихъ западную науку, а не для того, чтобъ они здѣсь *расположились*. Потомъ онъ описываетъ цеховое устройство ремесленниковъ въ Германіи и на привилегіи этихъ цеховъ указываетъ, какъ на главную причину ихъ процвѣтанія. «Въ нашемъ царствѣ (продолжаетъ онъ) полезно было бы сдѣлать слѣдующее постановленіе. Если чей-нибудь холопъ имѣетъ два сына, или болѣе, то пусть ему будетъ позволено, объявившись въ приказѣ, отдать одного изъ нихъ на изученіе какого-либо хитраго ремесла: то-есть, не для того, чтобъ дѣлать шапки, платье или сапоги, а работать, напримѣръ, замки, сукна, косы, стекло, бумагу и другія *мудреныя* вещи. Когда же онъ достигаетъ совершенства въ своемъ ремеслѣ, то должно освободить его отъ холопства; а если не выучится хорошо, пусть останется въ рабствѣ, или откупится отъ господина».

Особенно возстаетъ авторъ противъ вывоза за границу сырыхъ матеріаловъ, какъ-то: кожи, конопли и льна, а совѣтуетъ стараться, напротивъ, о томъ, чтобъ изъ иныхъ земель привозили къ намъ су-

ровье, какъ, напротивъ, желѣзо, мѣдь, олово, шерсть, краски, бумагу и пр., и все это пусть обработывается русскими ремесленниками для нашего собственнаго обихода и для продажи сосѣднимъ народамъ. «Не одну сотню (замѣчаетъ онъ) и не одну тысячу рублей каждый годъ вывезутъ нѣмцы изъ Россіи за писчую бумагу, тогда какъ русскіе могли бы сами продавать ее шведамъ, литвѣ, ляхамъ, туркамъ и персамъ. Не знаю, какою хитростью нѣмцы ослѣпили нашихъ людей до того, что выдѣлка бумаги оставлена на Руси. Конечно, иностранная бумага стоитъ у насъ дешевле, чѣмъ стопла бы русская; но тутъ явный обманъ. Какимъ образомъ нѣмцы могутъ продавать бумагу, привезенную изъ-за моря дешевле, нежели продавалась бы домашняя, сдѣланная изъ собственнаго холстиннаго тряпья? Наша бумага непремѣнно будетъ бѣла, хороша и дешева, если дешево и легко можно будетъ добывать для нея матеріалы; а для этого нуженъ особый промыселъ. У другихъ народовъ бѣдные люди ходятъ по городамъ, носятъ съ собою иглы, сѣру, ложки, деньги, мѣняютъ ихъ на лоскутья у женщинъ, и послѣднія сбываютъ ремесленникамъ. У насъ на первое время, пока народъ привыкнетъ къ такимъ промысламъ, можно было бы обязать посадскихъ людей въ большихъ городахъ, чтобъ они ежегодно собирали съ десятокъ, или болѣе, пудовъ тряпья и продавали его царскимъ комиссарамъ по сходной цѣнѣ. А привозъ иностранной бумаги надобно строго запретить, хотя домашняя будетъ дорога и не такъ хороша. Но при такомъ запрещеніи, навѣрно, люди наши займутся полезнымъ промысломъ, и тогда бумага наша сдѣлается хороша и дешева». Поборники охранительной и покровительственной системы въ наше время, вѣроятно, съ удовольствіемъ узнаютъ въ этихъ словахъ одного изъ своихъ предшественниковъ XVII вѣка.

Вотъ еще любопытный совѣтъ въ томъ же родѣ. Дѣло идетъ объ уничтоженіи праздношатающихся. «Бездѣльничество и праздность мѣшаютъ успѣхамъ промышленности. Поэтому въ древнія времена у римлянъ были надзиратели (цензоры), которые развѣдывали объ образѣ жизни и занятіяхъ каждаго человѣка. У нѣмцевъ по городамъ также существуютъ надзиратели; они никому не позволяютъ просить милостыни за исключеніемъ тѣхъ, которые имѣютъ свидѣтельство отъ городского начальства. У голландцевъ есть исправительный домъ, куда запираютъ непокорную и своевольную молодежь; попавшихъ туда они заставляютъ работать разныя издѣлія, и не даютъ имъ хлѣба до тѣхъ поръ, пока тѣ не окончатъ заданной работы. Хорошо было бы и у насъ учредить подобный надзоръ; а гдѣ найдутся какіе скитальцы-ка-

лѣки (костыри), *голыши*, пребывающіе въ кабакахъ и по квашнимъ (гдѣ дѣлаютъ квасъ), или здоровые попрошайки, таковыхъ людей пусть раздаютъ въ холопство боярамъ по деревнямъ, или ссылаютъ въ Сибирь, или наказываютъ другимъ какимъ образомъ».

Упомянувъ потомъ о приготовленіи посуды, полотна, оружія и вообще металлическихъ издѣлій, авторъ заключаетъ вторую главу такими словами: «Когда бы всѣ эти товары, которые мы покупаемъ у нѣмцевъ, работались у насъ дома, тогда бы казнѣ была большая прибыль, въ городахъ умножилось населеніе и все царство сдѣлалось сильнѣе».

Третью главу, о *тяжачествѣ* (то-есть о земледѣліи или собственно несеніи тягла), авторъ начинаетъ слѣдующимъ любопытнымъ введеніемъ:

«Считаю необходимымъ опять напомнить извѣстную истину: бѣдно королевство—бѣденъ и король; богато королевство—богатъ и король. Мы знаемъ, что не изъ другого чего, а изъ имѣнія подданныхъ наполняется королевская казна. Земледѣліе же есть корень и основаніе всему богатству; земледѣлецъ кормитъ и обогащаетъ какъ себя, такъ и ремесленника, торговца, боярина и короля; поэтому царская дума (правительство) не должна почитать за излишнее попеченіе объ одномъ изъ лучшихъ и необходимѣйшихъ промысловъ.

«Въ другихъ земляхъ это попеченіе о земледѣліи могло бы почитаться излишнимъ, именно тамъ, гдѣ народонаселеніе само—по—себѣ отъ природы смышлено и трудолюбиво, гдѣ съ давнихъ временъ написаны многія книги о земледѣльческомъ и о другихъ промыслахъ и гдѣ въ совершенствѣ находятся всякія ремесла. Но въ нашемъ знаменитомъ государствѣ, какъ и у всѣхъ славянскихъ народовъ, такое попеченіе нисколько не лишнее; напротивъ, оно полезно и даже необходимо, потому что:

«Вопервыхъ, люди наши не имѣютъ быстраго соображенія и не легко придумываютъ что-нибудь сами, если имъ другіе не покажутъ.

«Вовторыхъ, у насъ ни о земледѣліи, ни объ иныхъ промыслахъ нѣтъ такихъ книгъ, какія существуютъ у другихъ народовъ.

«Втретьихъ, народъ нашъ лѣнивъ и непромышленъ, и самъ себѣ дотѣхъ поръ не сдѣлаетъ добра, пока его силою къ тому не принудятъ.

«Вчетвертыхъ, у насъ господствуетъ полное самодержавіе, и по царскому повелѣнію по всей землѣ можно привести въ исполненіе все, что будетъ сочтено полезнымъ и потребнымъ. А въ другихъ земляхъ это было бы невозможно».

Затѣмъ авторъ трактуетъ о разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства

и дастъ весьма точные, основательные совѣты, постоянно подкрѣпляя свои доводы ссылками на хозяйство и обычаи чужихъ земель. Такъ онъ совѣтуетъ завести статистическія книги для записыванія, гдѣ и въ какомъ количествѣ родятся, или могутъ родиться разные виды растительнаго царства, а для собиранія подобныхъ свѣдѣній разсылать повсюду особыхъ чиновниковъ. Далѣе говорится о добываніи золы, о пчеловодствѣ и скотоводствѣ, о разведеніи табаку и краспльныхъ матеріаловъ, о постройкѣ домовъ, домашней и земледѣльческой утвари и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ доходитъ до большихъ подробностей и обнаруживаетъ очень близкое знакомство съ разными сторонами народнаго быта. Посмотрите, напримѣръ, какъ онъ распространяется о топорахъ:

Топоры на Руси всѣ одного вида и одной мѣры; а въ другихъ земляхъ они различны: есть и малые и большіе, широкіе и узкіе, легкіе и тяжелые; такая разность помогаетъ работать скоро и выигрывать время. Русскіе не знаютъ плотничьей пилы *(зубачъ)*, и отсюда происходитъ огромная потеря времени. Въ другихъ земляхъ люди рѣжутъ доски пилами, а у насъ ихъ тешутъ неуклюжими топорами. Въ Россіи ежегодно выдѣлывается несчетное множество досокъ, и на это тратится чрезвычайно много труда и времени. Я думаю, что двадцать хлопцевъ въ теченіе мѣсяца нарѣжутъ пилами столько же досокъ, сколько сто хлопцевъ натешутъ ихъ топорами въ то же самое время, и притомъ у первыхъ доски выйдутъ гораздо глаже. Тутъ важно еще и другое обстоятельство: изъ одного большого бревна едва можно натесать топорами одну, или двѣ доски, остальное дерево пропадаетъ на щепки; а пилою можно напилить сколько угодно досокъ тонкихъ, или толстыхъ, смотря по объему бревна, и ничего не теряется на щепки. Такимъ образомъ при топорной работѣ половина дерева, то-есть изъ сотни бревенъ пятьдесятъ тратится понапрасну; а при пилахъ все обращается на пользу. Я не видалъ на Руси исправной скобели и долота, между тѣмъ, какъ эти орудія крайне необходимы плотникамъ для того, чтобъ работать скоро и чисто; разумѣется, они поэтому очень много теряютъ времени. Напримѣръ, иногда цѣлые полгода строится домъ, который, при тѣхъ же работникахъ, можно было бы окончить въ два мѣсяца, еслибъ у нихъ были удобные топоры, пилы, долото и другія орудія».

Подобныя замѣтки особенно любопытны въ томъ отношеніи, что по нимъ можно сравнивать русскій сельскій бытъ XVII вѣка съ XIX-мъ, и заключать отсюда, на сколько ушли мы впередъ въ теченіе двухъ

столѣтій. Къ сожалѣнію, авторъ, пускаясь въ длинныя разсужденія о домашней утвари и чужеземныхъ растеніяхъ, которыя можно было бы развести на русской почвѣ, очень мало говоритъ собственно о хлѣбопашествѣ, о движеніи хлѣбной торговли, и ничего не сообщаетъ объ отношеніи крестьянскаго населенія къ землевладѣльцамъ.

Въ четвертой главѣ идетъ дѣло о рудахъ. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, которыя сообщаетъ авторъ, довольно незначительны. Разработка рудъ въ Россіи еще не начиналась серьезно. До автора доходили только неясные слухи о богатыхъ сибирскихъ рудникахъ, изъ которыхъ добывали мѣдь и желѣзо разныя татарскія племена, тамъ обитавшія. Нѣкоторые изъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, предлагали правительству устроить рудокопни въ разныхъ мѣстахъ и ручались за успѣхъ дѣла; но правительство не соглашалось на условія, которыя они предлагали, или, просто, не обратило на нихъ надлежащаго вниманія. Авторъ проекта, съ своей стороны, не вѣритъ иностранцамъ, и если несовсѣмъ отрицаетъ существованіе рудниковъ въ Россіи, то считаетъ ихъ довольно ничтожными и почти нестоющими серьезной разработки.

«Наши страны (говоритъ онъ), сѣверныя, холодныя и песчаныя, безъ горъ и безъ камня, а потому мало подаютъ надежды на отъисканіе хорошихъ рудъ, за исключеніемъ развѣ желѣза, да и то не изъ лучшихъ сортовъ. Въ прикамскихъ горахъ, я думаю, можно найдти и мѣдь».

Вслѣдствіе такихъ соображеній и явнаго нежеланія, чтобъ разработка рудъ была поручена иностранцамъ, авторъ совѣтуетъ доставать металлы изъ чужихъ земель. Во-первыхъ, по его мнѣнію, надобно обратиться въ тѣ гористыя земли, куда еще не успѣли проникнуть нѣмцы, напримѣръ, въ Грузію и на Кавказъ. «Полезно было бы (замѣчаетъ онъ) устроить съ тамошними народами дружескія сношенія для того, чтобъ царскимъ повѣреннымъ и русскимъ торговцамъ было дозволено отыскивать руды въ горахъ и заводить рудокопни; князьямъ же тѣхъ народовъ можно платить приличную пошлину сукнами и другими товарами».

«Другой, болѣе надежный способъ для добыванія металловъ представляетъ торговля. Царскимъ торговымъ приставамъ и начальникамъ въ порубежныхъ городахъ (въ Архангельскѣ, Астрахани, Новгородѣ, Псковѣ, Путивлѣ, Тобольскѣ и въ Сибири) надобно дать слѣдующій указъ: пусть они устроиваютъ торгъ съ инородцами на томъ условіи, чтобъ во всякомъ возу, во всякой лодкѣ, вмѣстѣ съ другими товарами всегда привозилось хотя небольшое количество какого нибудь металла:

серебра, мѣди, олова, свинцу, или хорошаго желѣза; а безъ этого товара не допускать ихъ къ торговлѣ». «Со шведами можно условиться такимъ образомъ: пусть за всю пшеницу или рожь (смотря по тому, сколько отъ насъ потребуютъ ея и сколько позволитъ имъ отпустить государь) они заплатятъ намъ опредѣленную часть цѣны серебромъ, другую часть мѣдью, третью товарами».

Этимъ наивнымъ совѣтомъ непзвѣстный авторъ заканчиваетъ первую часть своего въ высшей степени любопытнаго сочиненія [1]).

КОРОННЫЙ МЕЧНИКЪ ЯБЛОНОВСКІЙ [2]).

Изъ исторіи польскихъ сеймовъ XVII вѣка.

Предлагаемый очеркъ посвящается воспоминанію о человѣкѣ, который не занималъ никакого виднаго поста между дѣятелями современной ему эпохи, и самое имя его едва ли извѣстно многимъ изъ нашихъ читателей. По своему общественному положенію, онъ принадлежалъ къ числу провинціальныхъ, земскихъ чиновъ, которыми изобиловала Польша XVII и XVIII вѣковъ, и которые не имѣли особенно важнаго значенія для страны; таковы: подчашій, подстолій, чашникъ, конюшій, мечникъ и пр. А вся заслуга этого человѣка заключается въ нѣсколькихъ громкосказанныхъ словахъ; но его слова подымали самый жизненный вопросъ для Рѣчи Посполитой. Отсюда его неотъемлемое право на страницу въ исторіи.

Когда на Западѣ еще въ полной силѣ господствовалъ феодализмъ, Польша не оставалась позади другихъ европейскихъ государствъ, и даже была сильнѣе многихъ изъ нихъ. Но съ теченіемъ времени отношенія измѣнились. На Западѣ утвердилось монархическое начало, выработались дипломатическое искусство, постоянные государственные доходы и постоянная армія. На югѣ выросла могущественная имперія Оттоман-

[1]) Авторомъ этой рукописи, какъ потомъ выяснилось, былъ Юрій Крижаничъ, пріѣзжій Сербъ и католикъ. Впослѣдствіи о немъ написана у насъ цѣлая литература и были изданы разныя его сочиненія.

[2]) Русскій Вѣст. 1862. № 3.

ская, на востокѣ постепенно усиливалось Московское царство. А Польша оставалась все при тѣхъ же устарѣлыхъ порядкахъ, все болѣе и болѣе приближалась къ политическому безсилію. Напрасны были попытки нѣкоторыхъ дальновидныхъ государственныхъ людей пропзвести благодѣтельныя реформы въ политическомъ устройствѣ Рѣчи Посполитой. Попытки эти постоянно разбивались о безпорядочную организацію шляхетскаго сейма, забравшаго въ свои руки всю законодательную власть. Польскіе сеймы, не смотря на свое долгое существованіе, какъ извѣстно, не выработались въ опредѣленныя, строго-законченныя формы, образецъ которыхъ представляютъ намъ республиканскія учрежденія древняго Рима и англійскій парламентъ. На сеймовыхъ совѣщаніяхъ, подъ предлогомъ своихъ старинныхъ вольностей, меньшинство все смѣлѣе и смѣлѣе выказываетъ презрѣніе къ мнѣнію большинства. Около половины XVII вѣка общественное дѣло доходитъ наконецъ до той аномаліи, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ liberum veto. Оппозиція—а этою оппозиціей руководили обыкновенно личные интересы магнатовъ—уже не нуждалась и въ протестаціи меньшинства, для того чтобъ уничтожить сеймовое рѣшеніе; достаточно было голоса одного шляхтича (*nie pozwalam!*), чтобы по выраженію того времени, *сорвать сеймъ*. При такомъ условіи, свободное, прочное развитіе государственной жизни невозможно; возможна одна анархія. Дальнѣйшія судьбы даровитой, храброй польской націи представляютъ разительный примѣръ той массы зла, которую ведетъ за собой неуваженіе къ мнѣнію большинства, недостатокъ истинной свободы слова и слѣпая привязанность къ узкимъ, сословнымъ привилегіямъ.

Къ чести той же націи исторія показываетъ, что переходъ къ liberum veto совершился не безъ сопротивленія (впрочемъ, слабаго) со стороны нѣкоторыхъ благородныхъ личностей. Были патріоты, которые стремились придать сеймовымъ совѣщаніямъ болѣе правильныя и твердыя формы. Были и люди, сдѣлавшіеся въ этомъ отношеніи жертвою своихъ патріотическихъ стремленій. Примѣръ подобной жертвы представляетъ намъ коронный мечникъ Янъ Станиславъ Яблоновскій.

Коронный мечникъ былъ одинъ изъ зажиточныхъ обывателей юго-восточныхъ или русскихъ провинцій; находился въ родствѣ съ нѣкоторыми знатными фамиліями и въ дружескихъ связяхъ съ образованнѣйшими изъ своихъ соотечественниковъ, каковы русскій воевода Яковъ Собѣсскій и коронный подчашій Николай Остророгъ. Онъ владѣлъ многими личными качествами, которыми пріобрѣталось тогда уваженіе въ шляхетскомъ кругу; отличался, между прочимъ, пылкимъ великодушнымъ

характеромъ и постоянною готовностію жертвовать жизнію за собственную или чужую обиду. Такъ однажды Яблоновскій горячо вступился за своего родственника, обиженнаго княземъ Еремією Вишневецкимъ (извѣстнымъ героемъ казацкихъ войнъ); дѣло едва не дошло до сабель: къ счастію, пріятели поспѣшили помирить противниковъ. Пользуясь популярностію между товарищами и будучи въ душѣ истиннымъ республиканцемъ, мечникъ однако показывалъ всегда должное уваженіе королевскому трону; а соединеніе этихъ двухъ качествъ въ Польшѣ XVII вѣка было рѣдкимъ явленіемъ. Доказательствомъ довѣрія со стороны шляхты можетъ служить избраніе мечника сеймовымъ маршаломъ или президентомъ посольской избы на сеймахъ 1637 и 1640 годовъ. Еще большимъ доказательствомъ этого довѣрія служитъ то обстоятельство, что подъ его руководствомъ оба сейма окончились благополучно— событіе въ тѣ времена очень рѣдкое. Такъ, напримѣръ, другой сеймъ 1637 года, руководимый Казиміромъ Санѣгой, былъ сорванъ; а послѣдующіе сеймы, начиная съ 1642 года, ознаменованы чрезвычайными замѣшательствами. Мы войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности, чтобы показать, какого рода были эти замѣшательства [1]).

Въ послѣдній день сейма 1642 года, около 5 часовъ пополудни члены посольской избы отправились въ сенатъ, чтобы, по обычаю, общимъ засѣданіемъ съ сенаторами закончить сеймъ. При открытіи этого засѣданія, краковскіе послы объявили, что они останутся только до того

---

[1]) Не лишнимъ считаю, при этомъ, въ короткихъ словахъ указать на внѣшній процессъ сеймованія въ Польшѣ XVII вѣка. Государственный или *вальный* сеймъ слагался изъ трехъ элементовъ: короля, сенаторовъ и пословъ (депутатовъ). *Сенаторская изба* соотвѣтствуетъ верхней палатѣ западно-европейскихъ представительныхъ собраній. Званіе сенатора было пожизненное; но оно не стояло отдѣльно, а связывалось съ должностями: епископа, воеводы, каштеляна и 10 главныхъ государственныхъ сановниковъ. (Пять отъ польской короны и равное число такихъ же сановниковъ отъ великаго княжества Литовскаго, именно: великій маршалъ, надворный маршалъ, великій канцлеръ, подканцлеръ и подскарбій; эти лица могутъ назваться государственными министрами). Число всѣхъ сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ въ XVII вѣкѣ простиралось до 142. Сенаторы, также какъ *послы*, имѣли на сеймѣ право liberum veto; но они не пользовались этимъ правомъ, а обыкновенно подкупали для своихъ цѣлей кого-либо изъ членовъ посольской избы.

Посольская изба соотвѣтствуетъ нижней палатѣ; она составлялась изъ депутатовъ отъ каждой провинціи королевства и великаго княжества Литовскаго, числомъ до 175. Въ продолженіе трехъ лѣтъ король обязанъ былъ собирать одинъ сеймъ; два раза сряду онъ собирался въ Польшѣ (въ Вар-

времени, пока подадутъ свѣчи. А пора была зимняя, конецъ января. Начали читать о земледѣльческихъ податяхъ; вскорѣ принесли и свѣчи. Краковяне встали и направились къ дверямъ; но сенаторы удержали ихъ, обѣщая не продолжать засѣданія долѣе полуночи. Послѣ земледѣльческихъ податей перешли къ вопросу объ уплатѣ жалованья войску; Краковяне тотчасъ протестовали и вышли изъ залы. Если бы не удалось ихъ воротить, то рѣшенія сейма обратились бы въ ничто. Поэтому за ними поспѣшили нѣсколько сановниковъ, именно: краковскій каштелянъ, оба канцлера (коронный и литовскій) и староста сандомірскій. Сановники догнали протестантовъ, и, взявъ ихъ за руки, привели назадъ въ палату. Засѣданіе окончилось въ шестомъ часу утра.

Сеймъ 1643 года замѣчателенъ рѣшеніемъ вопроса объ уплатѣ королевскихъ долговъ. Долги эти Владиславъ IV сдѣлалъ преимущественно на военные расходы, и потому естественно правительство домогалось изъ королевскихъ обратить ихъ въ государственные. Но вопросъ тянулся восемь лѣтъ, и по причинѣ сильной оппозиціи, постоянно откладывался до слѣдующаго сейма. Когда такая же участь постигла его въ посольской избѣ и на этотъ разъ, семь сенаторовъ въ общемъ засѣданіи вызвались заплатить долги изъ собственныхъ доходовъ. Ихъ вызовъ возбудилъ еще болѣе горячую оппозицію между послами, на томъ основаніи, что подобная уплата обязывала короля признательностію къ сенаторамъ, и слѣдовательно была опасна шляхетской вольности и шляхетскому регентству. Рѣшено было вотпровать предложеніе о дол-

шавъ) и одинъ разъ въ Литвѣ (въ Гродно). Кромѣ этихъ „ординарныхъ“, часты были сеймы чрезвычайные, созываемые по мѣрѣ надобности. За шесть недѣль король давалъ знать по провинціямъ о созваніи сейма, съ обозначеніемъ пунктовъ подлежащихъ обсужденію. Тогда въ извѣстныхъ городахъ каждой провинціи собирались дворяне на сеймики и выбирали пословъ, или депутатовъ для главнаго сейма. Выборы происходили подъ вліяніемъ мѣстныхъ магнатовъ и большею частію падали на зажиточныхъ шляхтичей, которые въ состояніи были тратить деньги на поѣздку. Сенаторъ не могъ быть посломъ. На сеймѣ депутаты раздѣлялись на три группы: Великополянъ, Малополянъ и Литвиновъ. Изъ этихъ группъ по очереди избирался президентъ посольской избы, называвшійся сеймовымъ маршаломъ. Знакомъ его достоинства служилъ маршальскій жезлъ, стукомъ котораго онъ напоминалъ о тишинѣ и порядкѣ. Вообще его назначеніемъ было руководить совѣщанія пословъ, и умный, краснорѣчивый президентъ могъ имѣть благодѣтельное вліяніе на исходъ сейма. Король засѣдалъ въ сенатѣ; послы же совѣщались отдѣльно отъ сенаторовъ; но время отъ времени, съ согласія короля или по его приглашенію, сеймовой маршалъ отводилъ пословъ въ сенатъ, и тогда происходило общее засѣданіе.

гахъ каждому воеводству и повѣту особо. Когда дошла очередь до лидзскихъ депутатовъ, одинъ изъ нихъ подалъ голосъ за предложеніе, другой противъ. Послѣдній немедленно съ протестаціей оставилъ палату. Къ счастію, товарищъ его обязался уговорить протестанта, и поспѣшилъ за нимъ вмѣстѣ съ однимъ литовскимъ паномъ, посланнымъ отъ короля. Ихъ общимъ просьбамъ дѣйствительно удалось воротить посла; но между тѣмъ ушло много времени, и потому согласились продолжить сеймъ еще на одинъ день. Тогда сенаторы рѣшились прибѣгнуть къ хитрости, чтобы выиграть дѣло о долгахъ.

Слѣдующій день пришелся въ Вербное воскресенье, и засѣданіе началось послѣ полудня. Послы съѣхались не въ полномъ числѣ; притомъ многіе изъ нихъ, прибывшіе прямо съ праздничнаго обѣда, находились подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Они немедленно завязали съ епископами споръ о томъ, можетъ ли въ праздничный день происходить сеймовое засѣданіе. Послы находили такое дѣло неблагочестивымъ; епископы отвѣчали, что свѣтскимъ людямъ въ этомъ случаѣ неприлично быть разборчивѣе духовныхъ, и что они хотятъ настоящій праздникъ ознаменовать разрѣшеніемъ вопросовъ общественнаго блага. Разсерженные послы съ протестаціей направились къ дверямъ. Но сенаторы забѣжали впередъ и старались остановить ихъ просьбами. Маршалъ сейма кричалъ, чтобы заперли двери. Замѣшательство продолжалось цѣлый часъ. Наконецъ одинъ изъ сенаторовъ сталъ увѣрять, что они намѣрены въ тотъ день окончить только нѣкоторые вопросы, а остальные будутъ отложены до завтра; что хотя сеймъ продолженъ только на одинъ день, но по старому обычаю оканчивать его нельзя въ воскресенье, слѣдовательно необходимо продолжить еще на одинъ день. Ссылка на *старый обычай* произвела впечатлѣніе. Послы, правда никакъ не могли припомнить подобнаго обычая; однако, чувствуя себя въ нетрезвомъ состояніи, никто изъ нихъ не рѣшался открыто высказать сомнѣніе. Они остались. Сеймъ занялся незначительными вопросами, и, спустя немного времени, большая часть пословъ мало-по-малу оставила палату: одни чувствовали нужду проспаться, другіе были отозваны на банкеты. Сенаторы только того и желали. Такъ какъ послы уходили теперь безъ протестаціи, то отсутствіе ихъ не причиняло сейму никакого ущерба. Въ палатѣ остались только сенаторы, высшіе сановники и небольшое число пословъ, расположенныхъ къ правительству. Въ нѣсколько часовъ рѣшены были самые важные вопросы, и сеймъ законченъ. Король по болѣзни не присутствовалъ при этомъ засѣданіи, и на слѣдующій день рано утромъ сенаторы воз-

дравили его съ счастливымъ окончаніемъ дѣла о долгахъ. Можно ли однако читать безъ сожалѣнія исторію сеймовъ, въ которыхъ требовалась подобная хитрость, чтобы добиться существенныхъ результатовъ? Къ тому же рѣшеніе сейма о долгахъ не помѣшало нѣкоторымъ панамъ, враждебнымъ правительству, при сборѣ денегъ въ провинціяхъ производить разнаго рода препятствія.

На одномъ изъ послѣдующихъ сеймовъ, въ 1645 году, шляхта не упустила случая отомстить сенаторамъ за ихъ обманъ. Срокъ, назначенный для сейма, по обыкновенію истраченъ былъ на пренія о предметахъ незначительныхъ; а когда сдѣланъ былъ запросъ о продолженіи срока, послы отказали въ своемъ согласіи. Маршалъ отвелъ пословъ въ сенатъ, гдѣ они вмѣстѣ съ сенаторами заканчивали сеймъ и откланивались королю. Сенаторы обратились къ посламъ съ просьбою о продолженіи сейма; тѣ не отвѣчали ни слова. Ни убѣдительная рѣчь русскаго воеводы Якова Собѣсскаго, ни увѣщанія познанскаго епископа и гнѣзненскаго архіепископа не могли добиться отъ нихъ ни одного отвѣтнаго слова. На этотъ разъ сеймъ срывался не шумною протестаціей, а мертвымъ молчаніемъ цѣлаго посольскаго кола. Его молчаніе нарушено было только прощальною рѣчью маршала, въ которой онъ жаловался на бѣдствія отечества и на «упрямыхъ дѣтей своеволія, утучненныхъ покоемъ и роскошью, и отвергающихъ всякое убѣжденіе старшихъ».

Такое равнодушіе шляхты къ общественному благу возбуждало сильную скорбь въ душѣ нѣкоторыхъ патріотовъ. Особенно чувствительна была для государства небрежность сейма относительно обороны границъ и уплаты жалованья войску. Обыкновенно депутаты сѣверозападныхъ областей, съ давняго времени безопасныхъ отъ непріятельскаго нашествія, слишкомъ мало показывали участія къ судьбѣ областей юговосточныхъ, постоянно терпѣвшихъ разореніе отъ татарскихъ наѣздовъ, и отвергали всѣ денежныя требованія правительства на поддержку крѣпостей въ той сторонѣ и содержаніе гарнизоновъ. А между тѣмъ жолнеры, не получая жалованья, грабили собственныя провинціи. Русскіе дворяне горько жаловались на такое равнодушіе къ ихъ безопасности, и между ними болѣе всѣхъ скорбѣлъ о томъ коронный мечникъ Яблоновскій. На одномъ изъ слѣдующихъ сеймовъ, въ 1647 году, онъ далъ наконецъ полную волю своимъ чувствамъ.

Это былъ сеймъ экстраординарный, и имѣлъ сроку три недѣли, со 2 по 23 мая. Случившіеся въ то время праздники, публичныя церемоніи, торжественные въѣзды архіепископа и двухъ гетмановъ, отняли у

сейма болѣе недѣли. Въ теченіе оставшихся тринадцати дней по сеймовой программѣ, составленной канцлеромъ, предстояло совѣщаться объ опасности, грозившей со стороны Турціи, о возобновленіи запущенныхъ пограничныхъ крѣпостей, объ уплатѣ войску жалованья, и наконецъ о внутреннемъ непріятелѣ, который по общему мнѣнію производилъ въ государствѣ опустошенія хуже татарскихъ заговоровъ, то-есть о порчѣ монеты; къ ней прибѣгало правительство, чтобы облегчить для себя уплату жалованья войску, и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой мѣры была сильная дороговизна. 9 мая, когда открылись совѣщанія, маршалъ посольской избы Сарбѣвскій предложилъ начать ихъ божьимъ дѣломъ, а именно дѣломъ о полевыхъ крестахъ, которые неизвѣстно кѣмъ были поломаны во владѣніяхъ польнаго литовскаго гетмана Януша Радзивилла, исповѣдывавшаго кальвинизмъ. Немедленно начались горячіе и долгіе споры о томъ, судить ли гетмана обыкновеннымъ процессомъ или назначить для него особую комиссію; въ то же время разсуждали и вообще о правахъ диссидентовъ, нужно ли ихъ расширить или стѣснить. Въ посольскую избу приведенъ былъ наконецъ одинъ католическій священникъ, изъ литовскихъ имѣній князя Радзивилла, въ качествѣ свидѣтеля. Изъ его словъ оказалось, что гетманъ ласково обходится съ католическими священниками и часто приглашаетъ ихъ къ своему столу; что нѣкоторые изъ поломанныхъ крестовъ упали сами отъ ветхости и вѣтра, а иные служили просто пограничными знаками и выпуты по приказанію князя. Послѣ такого свидѣтельства раздраженіеословъ быстро исчезло, и, вслѣдствіе общаго молчанія, дѣло о крестахъ отложено до слѣдующаго сейма. А между тѣмъ оно отняло уже цѣлую недѣлю.

Въ тотъ день, когда кончился вопросъ о крестахъ, явилось въ посольскую избу нѣсколько сенаторовъ, и отъ имени короля просили депутатовъ заняться жалованьемъ войску. Но этотъ вопросъ потребовалъ еще болѣе времени чѣмъ первый, потому что обсужденіе его часто прерывалось разговорами о предметахъ совершенно посторонихъ. Обыкновенно на каждомъ повѣтовомъ сеймикѣ, когда выбирались послы на генеральный сеймъ, составлялась для нихъ и особая инструкція, въ которой излагалось нѣсколько требованій совершенно мѣстныхъ. Всѣ эти требованія имѣли право на вниманіе сейма, и нерѣдко задерживала дѣла болѣе важныя. При такомъ устройствѣ совѣщаній и при возможности во всякое время поднимать вопросъ о самомъ пустомъ дѣлѣ, на обсужденіе важнѣйшихъ государственныхъ нуждъ конечно не доставало времени; отсюда постоянныя волненія подъ конецъ сейма. Благопамѣрен-

ные люди уже давно понимали настоятельную потребность реформы въ способѣ совѣщанія и необходимость ограничить безконечное многословіе ораторовъ, готовыхъ разсуждать о чемъ и когда угодно. Но опасеніе навлечь на себя гнѣвъ цѣлаго сословія останавливало порывы благонамѣренныхъ людей. На сеймѣ 1646 года, вопросъ о реформѣ поднять былъ коронным мечникомъ Яблоновскимъ. 18 мая онъ внесъ въ посольскую избу предложеніе, чтобы всѣ предметы, подлежащіе обсужденію сейма, заранѣе подавались маршалу въ формѣ готовыхъ проектовъ. Такимъ способомъ выигрывалось много времени и была бы возможность, безъ всякой остановки, переходить отъ одного предмета къ другому. Но шляхта ни за что не хотѣла разстаться съ своими необузданными вольностями, и объявила подобное условіе посягательствомъ на одну изъ самыхъ дорогихъ привилегій рыцарскаго сословія. Предложеніе коронаго мечника было отвергнуто съ негодованіемъ.

Нѣсколько слѣдующихъ дней протекло въ разсужденіяхъ, какимъ образомъ совѣщаться о вопросахъ, предложенныхъ королемъ. Воротились и къ дѣлу о крестахъ, при чемъ мазовецкіе депутаты внесли предложеніе противъ свободнаго отправленія религіозныхъ обрядовъ въ Варшавѣ для сеймовыхъ пословъ не-католиковъ. Наступилъ предпослѣдній день сейма; пришли сенаторы, и опять именемъ короля просили депутатовъ заняться главными потребностями государства. Но и въ этотъ день ничего не рѣшили. Оставался еще только одинъ день.

По утру 23 мая, послы трактовали о нѣкоторыхъ сеймовыхъ формальностяхъ. Послѣ долгихъ преній, маршалъ обратился къ собранію съ просьбою употребить оставшееся короткое время на чтеніе правительственныхъ предложеній, въ особенности на вопросъ о защитѣ границъ и уплатѣ жалованья войску. Но чтенію этому болѣе всѣхъ воспротивились познанскіе послы, настроенные своимъ воеводою Опалинскимъ. Напрасно коронный мечникъ и другіе патріоты усиливались обратить вниманіе посольской избы на королевскіе вопросы. Наконецъ пришли три сенатора съ извѣстіемъ, что король и сенатъ ждутъ прибытія пословъ на общее засѣданіе; они выразили при этомъ надежду, что присутствіе короля устранитъ несогласія и приведетъ сеймъ къ благополучному разрѣшенію. Но патріоты удержали пословъ просьбою попытаться на рѣшеніе вопросовъ еще въ посольской избѣ, и начать чтеніе королевскихъ предложеній. Въ эту минуту явился гетманъ польный Радзивиллъ, незадолго утвержденный жмудскимъ старостою, и отнялъ не мало времени своею прощальною рѣчью къ посламъ и отвѣ-

томъ съ ихъ стороны [1]). Послѣ его ухода оставалось времени только на вопросъ о продолженіи сейма. «Я посолъ отъ Рѣчи Посполитой, сказалъ коронный мечникъ,—и, если мы разойдемся, ничего не сдѣлавъ, то въ присутствіи короля никто не заставитъ меня отказаться отъ протестаціи противъ тѣхъ, которые оставляютъ отечество безъ всякой защиты». Но ни угрозы, ни просьбы не могли сломить упорства оппозиціи. Рѣчью, исполненною грусти, президентъ избы простился съ послами, и посреди всеобщаго волненія проводилъ ихъ въ сенатъ. Здѣсь больной король принялъ ихъ уже не на тронѣ, а въ постели. Печальнымъ голосомъ объявилъ ему маршалъ, что совѣщанія посольской избы окончились безъ всякихъ результатовъ. Единственнымъ средствомъ спасенія въ такомъ случаѣ была просьба о продолженіи сейма. Съ этою просьбой обратились къ посламъ архіепископъ гнѣзненскій и другіе сенаторы; обратился отъ имени короля и коронный канцлеръ. Но познанскіе послы, помѣшавшіе прежде чтенію королевскихъ предложеній, теперь рѣшительно воспротивились продолженію сейма.

Тогда возвысилъ свой голосъ мечникъ коронный Яблоновскій, и обратился къ королю съ торжественною протестаціей противъ пословъ срывающихъ сеймъ, и вообще противъ всего процесса сеймованія. Онъ не ограничился пустою жалобою; но прямо указалъ на вопіющую потребность положить конецъ срыванію сейма и на способы, какими можно поправить зло. «Надобно, говорилъ онъ, ввести болѣе тщательный выборъ пословъ, уничтожить возможность рвать сеймы голосомъ нѣсколькихъ протестующихъ депутатовъ, опредѣлить порядокъ совѣщанія»... Далѣе ораторъ не могъ продолжать свою рѣчь. Въ посольскомъ колѣ поднялось страшное волненіе. Несмотря на присутствіе больного короля, со всѣхъ сторонъ раздались грозныя восклицанія и звонъ сабель. Мечникъ умолкъ; но эта смѣлая протестація противъ давнихъ обычаевъ и предложеніе ненавистныхъ новостей навсегда сгубили его во мнѣніи шляхты. Напрасно умный пріятель его и родственникъ, подчашій Остророгъ, старался потомъ искусною рѣчью оправдать мечника. Ничто не могло успокоить возбужденнаго имъ волненія. Тысячи бранныхъ словъ, ядовитыхъ упрековъ и обвиненій посыпались на смѣлаго патріота; еще недавно любимый и чтимый всѣми, онъ сдѣлался предметомъ общаго негодованія. Однако слова его не остались совершенно безъ послѣдствій, и повидимому произвели впечатлѣніе на цѣлое собраніе; по крайней

[1]) Онъ былъ членомъ посольской избы; но, получивъ Жмудское староство, становился уже сенаторомъ.

мѣрѣ просьба о продолженіи сейма послѣ того не встрѣтила такой горячей оппозиціи, какъ прежде. Сеймъ былъ продолженъ сначала на одинъ день, потомъ на другой, на третій и на четвертый. Въ теченіе этого короткаго срока, совѣщанія производились съ такою ревностію и добросовѣстностію, что разсмотрѣно было нѣсколько важныхъ государственныхъ вопросовъ, между прочимъ рѣшена уплата жалованья войску и приняты нѣкоторыя мѣры для защиты границъ.

Съ окончаніемъ сейма не окончилось негодованіе шляхты противъ товарища, поднявшаго руку на одну изъ самыхъ дорогихъ привилегій шляхетства. Знакомые и земляки показывали ему явное презрѣніе и избѣгали его общества. Мечникъ вдругъ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ своемъ отечествѣ. Передъ нимъ замкнулся шляхетскій кругъ, въ которомъ онъ выросъ, интересами котораго онъ жилъ и безъ котораго свѣтъ казался ему пустынею. Яблоновскій былъ подавленъ бременемъ своей непопулярности и совершенно упалъ духомъ. Тщетно нѣкоторые близкіе люди старались внушить ему бодрость и надежду на примиреніе съ товарищами. Чувствительная душа его не выдержала такого безотраднаго состоянія, и онъ прожилъ еще только три или четыре недѣли. До какой степени современники холодно отнеслись къ подвигу великодушнаго мечника, отчасти можетъ свидѣтельствовать тонъ, съ которымъ литовскій канцлеръ Альбрехтъ Радзивиллъ заноситъ извѣстіе о его смерти въ свой дневникъ. Подъ 13 іюня того же 1647 г. Радзивиллъ упоминаетъ о самоубійствѣ молодого пана Тарновскаго, и потомъ прибавляетъ: «Нѣсколько дней спустя, коронный мечникъ Яблоновскій умеръ безъ болѣзни, съ горя, послѣ своей рѣчи на сеймѣ, о которой я говорилъ выше. Мечниковство отдано старостѣ Ланцкоронскому» [1]).

Печальная судьба Яблоновскаго устрашила тѣхъ, которые сознавали справедливость его требованій. Она объясняетъ намъ, какъ крѣпка была связь между членами шляхетскаго сословія, и до какой степени эта общественная среда поглощала отдѣльныя личности. Нужно было имѣть много нравственныхъ силъ и энергіи, чтобъ устоять противъ ея подавляющаго вліянія. Съ той поры не видно, чтобы кто-либо изъ пословъ рѣшился открыто потребовать сеймовой реформы, и польскіе сеймы пошли еще болѣе быстрымъ шагомъ, чѣмъ прежде, къ полной анархіи.

Не прошло еще году послѣ описанной нами сцены, какъ сошелъ въ

---

[1]) Pamiętniki Albrychta Radziwilla. II. 274.

могилу Владиславъ IV. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, происходило избраніе брата его Яна Казиміра. Когда избраніе кончилось и архіепископъ хотѣлъ провозгласить имя новаго короля, изъ толпы вдругъ выступилъ одинъ бельзскій шляхтичъ; онъ лишился своего помѣстья, отнятаго казаками, и потребовалъ теперь матеріальнаго вознагражденія отъ Рѣчи Посполитой; а иначе не позволялъ оглашать новаго короля. Цѣлое собраніе, за часъ единогласно избравшее Казиміра, не осмѣлилось дать протестанту никакого рѣшительнаго отвѣта, и только постаралось успокоить его обѣщаніями.

Спустя три года послѣ того, произошло и знаменитое разорваніе сейма однимъ литовскимъ посломъ изъ Упиты. Въ запискахъ Альбрехта Радзивилла онъ просто названъ Сицинскимъ. По другимъ извѣстіямъ онъ былъ подкупленъ польнымъ литовскимъ гетманомъ Янушемъ Радзивилломъ [1]). Современники не придали почти никакого особеннаго значенія этому факту: они уже были подготовлены къ нему. Единственная новая черта въ этомъ случаѣ была та, что посолъ тайкомъ оставилъ залу засѣданія, и потомъ прислалъ свою протестацію. На слѣдующее утро хотѣли склонить посла взять ее назадъ; но его уже не было въ столицѣ. До 1652 года каждый депутатъ, рвавшій сеймъ, по крайней мѣрѣ дѣлалъ протестацію лично и до конца оставался въ городѣ, слѣдовательно долженъ былъ имѣть нѣкоторый запасъ отваги. Упитскій посолъ уничтожилъ и эту послѣднюю формальность. Протестація вызвала только разсужденіе о томъ, можетъ ли одинъ голосъ рвать сеймъ. Нѣкоторые говорили въ пользу, другіе противъ. Многіе сенаторы горячо жаловались на поступокъ Сицинскаго; но послы разъѣхались ничего не рѣшивши. На этотъ разъ между ними не нашлось ни одного патріота, который бы послѣдовалъ благородному примѣру мечника Яблоновскаго. Впрочемъ не одни современники были къ нему несправедливы. Новѣйшіе польскіе историки относятся болѣе или менѣе холодно къ попыткѣ мечника, не признаютъ за ней никакой особенной заслуги, и на самое liberum veto смотрятъ иногда довольно снисходительно (напримѣръ Морачевскій и особенно Короновичъ). Только симпатичный талантъ Шайнохи посвятилъ Яблоновскому нѣсколько теплыхъ страницъ въ своихъ историческихъ очеркахъ, и оцѣнилъ всю важность затронутаго имъ вопроса [2]).

---

[1]) Вотъ что говоритъ современный той эпохѣ польскій историкъ Рудавскій. „Въ то время Янъ Радзивилъ, мстя публично за частную обиду, какъ это обыкновенно дѣлаютъ большіе паны, или по навѣту познанскаго воеводы, сорвалъ сеймъ при помощи одного Литвина“ *Historya polska.* 183.

[2]) *Szkice historyczne.* Томъ III. 1861.

ВОПРОСЪ О ХАНСКОЙ БАСМѢ [1]).

Лѣтописи наши не даютъ намъ почти никакихъ свѣдѣній относительно унизительныхъ обрядовъ, съ которыми золотоордынскіе послы принимались вообще русскими князьями-данниками хана и Московскими великими князьями въ частности. О томъ мы имѣемъ только свидѣтельства иноземныя и притомъ относящіяся ко времени паденія или послѣ паденія Татарскаго ига. Самое старшее свидѣтельство принадлежитъ Длугошу, т. е. второй половинѣ XV вѣка. Онъ пишетъ слѣдующее: «Князь пѣшій встрѣчаетъ пріѣзжающихъ въ его резиденцію пословъ татарскаго хана, даже незнакомыхъ, приходящихъ за данью или по другой надобности; подаетъ имъ сосудъ съ кобыльимъ молокомъ и капли его, падающія на гриву коня, слизываетъ губами. Татарину, читающему ханское письмо въ русскомъ переводѣ, онъ подстилаетъ подъ ноги наилучшую шубу, подбитую соболями, и самъ со всѣми молодыми князьями, боярами и ближними своими долженъ на колѣняхъ слушать чтеніе» (Lib. XIII). Писавшій по слуху и непріязненный Москвѣ, Длугошъ очевидно преувеличилъ унизительность этихъ обрядовъ, которые, если даже и существовали въ такомъ видѣ, то вѣроятно въ первыя, самыя тяжкія времена ига. Нѣсколько позднѣйшее сравнительно съ Длугошемъ, но идущее изъ такого же источника, свидѣтельство Литвина Михалона повторяетъ почти то же, только съ нѣкоторыми варіантами: «Прежде—говоритъ онъ—Москвитяне были въ такомъ рабствѣ у Татаръ Заволжскихъ, что между прочимъ ихъ князь выходилъ за городъ навстрѣчу всякому ханскому послу и ежегодно пріѣзжавшему сборщику податей, и пѣшій велъ его лошадь подъ уздцы до дворца. Посолъ садился на княжескомъ престолѣ, а князь, преклонивъ колѣна, выслушивалъ посольство». (Архивъ Истор.-Юридич. Свѣдд. Калачова. II. Полов. 2-я, М. 1854. стр. 33). Герберштейнъ говоритъ только, что Иванъ III выходилъ навстрѣчу посламъ за городъ, и выслушивалъ ихъ стоя, когда они сидѣли; но что потомъ, по убѣжденію своей супруги Софьи, онъ сказывался больнымъ, чтобы не встрѣчать самому пословъ.

Въ этихъ свидѣтельствахъ, какъ видимъ, ничего не говорится о ханской басмѣ. Откуда же взялся извѣстный разсказъ объ этой басмѣ, по-

[1]) Рефератъ, читанный въ Москов. Археол. Обществѣ, 21 января 1897 г. *Рус. Архивъ* того же года № 3.

стоянно повторяемый историками, повѣствующими о сверженіи Татарскаго ига? Онъ заимствованъ изъ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ», которая издана была въ Петербургѣ въ 1791 году; но написана она еще въ XVI вѣкѣ. Вотъ что тамъ говорится: «Царь Ахматъ воспріимъ царство Златыя Орды по отцѣ своемъ Зеледи Салтане царе, и посла къ нему, къ великому князю Ивану, къ Москвѣ послы своя по старому обычаю отецъ своихъ съ басмою, просити дани и оброковъ и за прошлая лѣта. Великій же князь ни мало убояся страха Царева, но пріимъ Басму лица его, и поплевавъ на ню, и излама ея, и на землю поверже, и потопташа ногами своима, и гордыхъословъ его всѣхъ избити повелѣ, единого отпусти жива» и пр. (стр. 36). «Скиѳская исторія» Лызлова, составленная въ концѣ XVII вѣка, тоже упоминаетъ о басмѣ; но Лызловъ очевидно пользовался существовавшей во многихъ спискахъ рукописью «Исторіи о Казанскомъ царствѣ». Изъ того же источника брали этотъ эпизодъ авторъ «Ядра Россійской исторіи», Татищевъ въ своей «Исторіи Россійской» и нѣкоторые другіе писатели XVIII вѣка. Щербатовъ, разсказывая о прибытіи пословъ Ахмата съ дерзкимъ требованіемъ даней, неуплаченныхъ за прежніе годы, о басмѣ при этомъ совсѣмъ не упоминаетъ, а говоритъ только о разорваніи ханской грамоты Иваномъ III; хотя, напримѣръ, Лызловымъ онъ несомнѣнно пользовался; но очевидно подъ басмою онъ тутъ разумѣлъ именно ханскую грамоту.

Собственно за Русской исторіей закрѣпилъ весь этотъ эпизодъ нашъ знаменитый исторіографъ. Карамзинъ неприминулъ соединить вышеприведенное свидѣтельство Длугоша съ извѣстіемъ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ», и начерталъ картину пріема татарскихъ пословъ, присоединивъ къ ней еще домыселъ автора «Ядра Россійской исторіи» о томъ, что на мѣстѣ встрѣчи пословъ построили потомъ церковь Спаса на Болвановкѣ; такъ какъ басма истолковывалась этимъ авторомъ въ смыслѣ деревяннаго ханскаго изображенія или болвана (Карамзина Т. VI. 58 и 89. Прим. 131 и 208). Въ примѣчаніи (208) онъ даетъ еще слѣдующее объясненіе: «У насъ не справедливо толковали, что *басма* есть ханская грамота съ печатью: грамоты хановъ назывались *ярлыками*, а печать *пишономъ*. *Басма* собственно значитъ *тисненіе*, *изображеніе*, *снимокъ* отъ глагола *басмакъ*, такъ изъясняемаго въ латин. словарѣ. «Basmak calcare, premere, impressionem facere». Возраженіе исторіографа противъ толкованія басмы ханскою грамотою, вѣроятно имѣло въ виду Исторію Россійскую Щербатова, и «Словарь Академіи Россійской». гдѣ мы находимъ прямо такое толкованіе.

Приблизительно въ такомъ же видѣ затѣмъ повторяли этотъ эпизодъ послѣдующіе русскіе историки или писавшіе Русскую исторію, за исключеніемъ Арцыбашева, т. е. Полевой, Штраль (Geschichte des Russischen Staates), Соловьевъ, Бестужевъ Рюминъ и Костомаровъ. Полевой по сему случаю въ примѣчаніи дѣлаетъ вопросъ: что такое басма? И отвѣчаетъ вышеприведеннымъ объясненіемъ Карамзина; но онъ сомнѣвается относительно связи басмы съ церковью Спаса на Болвановкѣ (V. 499). А. Соловьевъ передаетъ вообще извѣстія объ унизительныхъ обрядахъ посольскаго пріема, сопровождая ихъ словами «будто», т. е. подвергаетъ ихъ нѣкоторому сомнѣнію (V. Втор. Изд. 107). Костомаровъ («Русская исторія въ жизнеописаніяхъ»), приводя въ примѣчаніи извѣстіе о басмѣ, растоптанной Иваномъ III, и убіеніи пословъ, просто считаетъ это извѣстіе недостовѣрнымъ. Одинъ Арцыбашевъ въ своемъ «Повѣствованіи о Россіи» совсѣмъ пропустилъ эпизодъ съ басмою и встрѣчею пословъ, вѣроятно потому, что о нихъ нѣтъ ничего въ русскихъ лѣтописяхъ; а онъ близко держался лѣтописей и неособенно уважалъ твореніе знаменитаго исторіографа.

Эпизода о басмѣ касались и нѣкоторые русскіе археологи или описатели старины; но въ объясненіи ея они болѣе или менѣе слѣдовали за Карамзинымъ.

Такъ Иванчинъ Писаревъ, въ описаніи Андроникова монастыря, ханскою басмою или болваномъ объясняетъ названіе «Болванской» дороги, которая шла съ юга черезъ Коломну на Москву; ибо по ней проѣзжали ордынскіе послы (стр. 65). Самый большой путеводитель по Москвѣ, изданный въ 1827—1831 гг. въ четырехъ томахъ, Замоскворѣцкую церковь Спаса на Болвановкѣ объясняетъ встрѣчею на томъ мѣстѣ ханской басмы, которую въ народѣ называли просто «болваномъ» (III. 295). Но Басманная часть города или бывшая Басманная слобода, по его толкованію, будто бы получила свое названіе отъ принадлежности Басманову, извѣстному любимцу Ивана Грознаго (IV. 28).

Послѣднее толкованіе очевидно невѣрно, потому что, напримѣръ, Старая Басманная улица называлась прежде «Старые Басманники»; что прямо указываетъ на обитавшихъ здѣсь дворцовыхъ басманниковъ. Этотъ фактъ приведенъ въ Историко-археологическомъ описаніи Москвы извѣстнаго археолога А. А. Мартынова. Текстъ его принадлежитъ не менѣе извѣстному московскому археологу Снѣгиреву, который повторяетъ, что *басма* въ турецко-татарскихъ языкахъ означаетъ оттискъ, отпечатокъ; отъ нея произошло уже русское *басмить* дѣлать оттискъ; оттуда на старинныхъ нашихъ образахъ извѣстенъ *басменный* окладъ изъ сере-

бра, золота и мѣди. Оттуда же и названіе *басманомъ* круглаго хлѣба, на верхней коркѣ котораго басмились разныя фигуры. Дворцовые пекари такого хлѣба назывались *басманники*; вотъ отъ этихъ-то басманниковъ, по его объясненію, и получила названіе Басманная дворцовая слобода («Москва». I. Втор. изд. 78 и 170). Относительно Болвановки это изданіе Мартынова повторяетъ тѣ же объясненія, основанныя на ханской басмѣ. Но кромѣ Замоскворѣцкаго урочища *Болвановья* оно указываетъ еще *Болваново* Заяузское, входящее въ предѣлы Таганки, и говоритъ, что Таганскія ворота прежде назывались *Болвайскими*. Оно указываетъ при семъ на Годуновскій чертежъ Москвы, гдѣ въ этой мѣстности обозначено Bolbanische vorod; что можно толковать словами и городъ, и ворота (168). Во всякомъ случаѣ для даннаго вопроса важно тутъ указаніе на двѣ Болвановки: уже это раздвоеніе подрываетъ легенду о связи басмы съ одною только мѣстностію. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ домысломъ; въ дѣйствительности народъ связывалъ эти мѣстности съ какими либо иными болванами, а не съ басмою.

Покойный предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества графъ А. С. Уваровъ въ своихъ работахъ коснулся и вопроса о басмѣ, которой даетъ подобное же толкованіе. Его замѣтка о ней помѣщена въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества во 2-мъ томѣ (1869 г.) въ «Матеріалахъ для Археологическаго Словаря».

Какъ мы видимъ, за весьма немногими исключеніями, наши историки и археологи повторяли Карамзинское толкованіе, т. е. принимали басму въ смыслѣ ханскаго изображенія, въ родѣ портрета, бюста и т. п., вообще въ смыслѣ какого-то болвана по народному выраженію; по крайней мѣрѣ никакого другого толкованія и не пытались представить. Какъ исключеніе изъ этого положенія, мнѣ извѣстна пока только одна попытка другого толкованія, принадлежащая покойному Троицкому архимандриту Леониду. Въ томѣ X Извѣстій Петербургскаго Археологическаго Общества (1884 г.) онъ помѣстилъ ярлыкъ Ахмата Ивану III, 1476 г. Тутъ ханъ приказываетъ себѣ заплатить дань «60.000 алтынъ вешнею, да 60.000 алтынъ осенницею». «А на себѣ бы еси послалъ *Батыево знаменіе*, у колпака верхъ вогнувъ ходилъ»—прибавляетъ ярлыкъ. Вотъ это то «Батыево знаменіе», по мнѣнію отца архимандрита будто бы и была пресловутая ханская басма. Но такое толкованіе несовсѣмъ удобопонятно, и трудно его принять.

Теперь обращусь къ другому толкованію, которое по моему разумѣнію заслуживаетъ особаго вниманія.

Повидимому, всѣмъ нашимъ историкамъ и археологамъ, за послѣднее

пятидесятилѣтіе касавшимся вопроса о басмѣ, осталось неизвѣстно то, что сообщаетъ о ней Нарбутъ въ VIII томѣ своихъ Dzieje narodu Litewskiego, вышедшемъ въ 1840 году [1]). Тамъ у него въ приложеніяхъ есть Dodatek XI, спеціально посвященный данному вопросу. Нарбутъ сообщаетъ, что какой то любитель старины, знакомый съ письменностію Литовскихъ Татаръ, нашелъ въ одной ихъ рукописи, написанной арабскими буквами на татарскомъ языкѣ съ примѣсью литовско-русскаго нарѣчія, слѣдующее объясненіе интересующаго насъ предмета:

«Ханская басма была ничто иное какъ деревянный ларчикъ, двѣнадцати дюймовъ въ длину и пяти въ ширину, наполненный растопленнымъ воскомъ, который окрашивался въ тотъ или другой цвѣтъ, смотря по желанію хана. На этой восковой массѣ, пока несовсѣмъ застывшей, оттисковалась ханская стопа прямо давленіемъ босой ноги. На такой оттискъ клалась подушечка, сшитая изъ дорогой матеріи и набитая, пропитанною запахомъ мускуса, хлопчатою бумагою. Ларчикъ закрывался высокою крышкою, и завертывался въ шелковую матерію, заткапную золотомъ и серебромъ. Для пути его вкладывали въ кожаный мѣшокъ, который вьючился на богато убранаго и покрытаго пурпуровою попоною верблюда. Этого верблюда велъ особо для того назначенный чиновникъ, а для стражи и почета его окружали двѣнадцать ханскихъ знаменоносцевъ или улановъ».

Далѣе Нарбутъ въ подтвержденіе этого объясненія указываетъ на нѣсколько камней, о которыхъ онъ слышалъ, что на нихъ виденъ отпечатокъ человѣческой стопы. Эти камни встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Бѣлоруссіи. Отсюда онъ заключаетъ, что они тоже представляютъ собою родъ басмы и означали предѣлы Монгольскихъ владѣній. Послѣднее его соображеніе для насъ уже не имѣетъ значенія. Но приведенное сейчасъ объясненіе басмы заслуживаетъ нашего вниманія; хотя Нарбутъ по своему обыкновенію не указываетъ въ точности своего источника. Ссылка его на то, что слово *башмакъ*, какъ названіе извѣстной обуви, заимствовано у Татаръ и происходитъ конечно отъ басмы—эта ссылка, на нашъ взглядъ, дѣйствительно подкрѣпляетъ объясненіе басмы какъ оттиска ханской стопы.

Въ дополненіе къ этому объясненію, съ своей стороны напомню обычай восточныхъ т. е. азіатскихъ деспотовъ повергать на землю побѣж-

---

[1]) Въ своей „Исторіи Россіи“ я при первомъ изданіи второго тома также упустилъ изъ виду сообщеніе Нарбута, и вкратцѣ воспользовался имъ только при второмъ изданіи.

денпаго и плѣпнаго государя или предводителя и наступать на него ногою въ знакъ своей полной надъ нимъ власти. Откуда и у насъ сохраняется выраженіе «быть подъ пятою», т. е. быть подъ игомъ. Мало того, употребляется еще выраженіе «быть подъ башмакомъ», когда говорится о подчиненіи мужа своей женѣ; такъ какъ башмакъ у насъ сдѣлался принадлежностію собственно женской обуви. Восковой оттискъ ханской стопы, по этимъ соображеніямъ, дѣйствительно могъ служить символомъ ханскаго господства, и, слѣдовательно, требовалъ особыхъ себѣ почестей со стороны подвластныхъ хану владѣтелей.

Итакъ, если мы примемъ вообще извѣстіе о ханской басмѣ, привозимой въ Москву, за достовѣрное,—то, конечно, объясненіе, сообщенное Нарбутомъ представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ объясненіе ея какимъ то ханскимъ изображеніемъ или болваномъ. И тѣмъ болѣе, что татарскіе ханы того времени какъ мусульмане уже въ силу корана не могли допускать своихъ портретовъ или изваяній. На это обстоятельство также указываетъ Нарбутъ.

Но главный вопросъ заключается въ томъ: можно ли самое извѣстіе о ханской басмѣ считать достовѣрнымъ? Мы уже видѣли, что нѣкоторые отрицали или только сомнѣвались въ этой достовѣрности. Но одно дѣло отвергнуть голословно какое либо свидѣтельство, другое дѣло научнымъ образомъ доказать его недостовѣрность. Если о басмѣ ничего не упоминаютъ наши лѣтописи, этого аргумента еще недостаточно. Онѣ не упоминаютъ о многихъ фактахъ, о которыхъ мы узнаемъ отъ другихъ источниковъ; при томъ ненадобно забывать ихъ оффиціознаго характера, вслѣдствіе котораго факты, непріятныя княжескому или народному самолюбію, пропускались. Такъ онѣ совсѣмъ не упоминаютъ и вообще о тѣхъ унизительныхъ обрядахъ при пріемѣ татарскихъ пословъ въ Москвѣ, о которыхъ свидѣтельствуютъ иноземцы. Въ данномъ случаѣ для насъ кажется важнымъ обстоятельствомъ, что иноземцы, свидѣтельствующіе объ унизительныхъ обрядахъ, точно также какъ и лѣтописи, совсѣмъ не упоминаютъ при этомъ о басмѣ. Именно: Длугошъ, Михалонъ и Герберштейнъ. Особенно важно умолчаніе Герберштейна, который лично былъ въ Москвѣ при сынѣ Ивана III и получалъ свѣдѣнія о его времени отъ стариковъ, еще помнившихъ это время. Возможно конечно, что Русскіе не все ему охотно разсказывали, и самое его свидѣтельство, какъ мы видѣли, отличается отъ Длугоша и Михалона, т. е. неповторяетъ тѣхъ же унизительныхъ подробностей о встрѣчѣ пословъ.

Такимъ образомъ извѣстіе о басмѣ, столь распространенное въ нашей исторіографіи и археологіи, восходитъ только къ одному источнику, т. е.

къ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ»; другого подтвержденія ему пока не имѣемъ. Неизвѣстный авторъ этой исторіи говоритъ о себѣ, что онъ 20 лѣтъ пробылъ въ Казанскомъ плѣну; онъ описываетъ паденіе Казани какъ современникъ и почти очевидецъ. (Вопросъ о томъ, кто именно былъ этотъ авторъ, доселѣ невполнѣ разъясненъ; хотя, основываясь на Татищевѣ, его считали священникомъ Іоанномъ Глазатымъ). Если его показаніе о себѣ вѣрно, то онъ былъ современникомъ Герберштейна, и слѣдовательно какъ туземецъ могъ еще лучше его узнать подробности о времени Ивана III. Во всякомъ случаѣ авторъ жилъ въ XVI вѣкѣ: ибо имѣются списки его Исторіи уже конца XVI вѣка [1]). Но, къ сожалѣнію, вообще его разсказы не отличаются полною достовѣрностію, обилуютъ разными домыслами и прикрасами. Если разберемъ его извѣстіе о басмѣ, то убѣдимся, что самъ онъ имѣлъ о ней какое то смутное представленіе. «Пріимъ басму лица его» говоритъ онъ. Если басма по татарски значитъ оттискъ, отпечатокъ, то получимъ «оттискъ его, т. е. ханскаго, лица»; въ такомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, и было истолковано это выраженіе. Но что такое оттискъ или отпечатокъ лица? Портретъ сюда могъ бы подходить, если бы тогда у Татаръ извѣстно было граверное искусство. Сюда скорѣе всего подходило бы понятіе о маскѣ, напримѣръ, восковой. Но опять, сколько извѣстно, мы не имѣемъ никакихъ подтвержденій, что бы ханы позволяли снимать восковыя маски съ своего лица? Притомъ же слово *башмакъ* въ качествѣ обуви связываетъ басму какъ отпечатокъ не съ лицомъ, а со стопою. Очевидно, авторъ Казанской исторіи самъ получилъ свое свѣдѣніе о басмѣ въ видѣ какого то смутнаго преданія, а яснаго представленія о ней не имѣлъ. Притомъ и его показаніе объ избіеніи татарскихъ пословъ уже совсѣмъ не согласуется съ осторожнымъ характеромъ Ивана III, и едва ли можетъ быть принято.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ и соображеній, мы можемъ только тогда принять его извѣстіе о ханской басмѣ за достовѣрное, когда получимъ подтвержденіе тому изъ какого либо другого самостоятельнаго источника; а до того времени не можемъ считать его достовѣрнымъ. Конечно помянутая ссылка Нарбута на какую то арабско-татарскую рукопись могла бы послужить такимъ подтвержденіемъ, если бы самая эта ссылка была обставлена болѣе точными указаніями съ

---

[1]) См. С. М. Шпилевскаго „Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“. Казань. 1877. Здѣсь цѣлое второе приложеніе посвящено разбору этой „Исторіи“ на ея составныя части.

возможностію ихъ провѣрки. Поэтому я позволю себѣ обратиться преимущественно къ знатокамъ татарскихъ языковъ, исторіи и татарско-мусульманскихъ обычаевъ съ вопросомъ: неизвѣстны ли имъ такіе факты, которые могли бы или подтвердить, или отвергнуть пресловутое извѣстіе о ханской басмѣ? Не существовало ли въ татарскихъ и вообще азіатскихъ государствахъ какого либо если не тождественнаго, то аналогичнаго явленія сравнительно съ нашимъ сказаніемъ о басмѣ или съ ея объясненіемъ у Нарбута? Послѣднее слово въ данномъ вопросѣ, по моему мнѣнію, принадлежитъ именно таковымъ знатокамъ. А я не рѣшаюсь отвергнуть извѣстіе неизвѣстнаго автора XVI вѣка о басмѣ и ссылку Нарбута, пока не истощены всѣ средства исторической науки, чтобы рѣшить вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ.

На мое обращеніе отозвались двое изъ присутствующихъ ученыхъ.

Достоуважаемый профессоръ Турецкой литературы въ Лазаревскомъ Институтѣ, Саковъ въ дополненіе къ моему реферату привелъ одну аналогію изъ быта Османскихъ Турокъ, гдѣ нѣчто подобное представляетъ отпечатокъ руки, какъ символъ власти. Вообще онъ склонялся къ тому, что бы признать объясненіе басмы, предложенное въ ссылкѣ Нарбута, заслуживающимъ вѣроятія.

Д. Ф. Кобеко, выдающійся членъ Петербургскаго Археологическаго Общества, заявилъ, что, по случайному совпаденію, онъ самъ занимался тѣмъ же вопросомъ спеціально, и его изслѣдованіе должно скоро появиться въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія названнаго Общества. По его мнѣнію многочисленные списки «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» представляютъ варіанты даннаго извѣстія, которые указываютъ на испорченность его текста. Такимъ образомъ онъ совсѣмъ отвергаетъ фразу «басму лица его»; а вмѣсто нея ставитъ другое слово, которое сближаетъ это извѣстіе съ помянутымъ выше ярлыкомъ Ахмата и толкованіемъ архимандрита Леонида. О степени достовѣрности какъ такого толкованія, такъ и другого чтенія въ текстѣ «Исторіи о Казан. цар.» можемъ судить конечно только тогда, когда будемъ имѣть передъ собою полное изслѣдованіе.

ИЗЪ ИСТОРІИ

ВОСЕМНАДЦАТАГО

СТОЛѢТІЯ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ [1]).

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1858-й годъ.

Книги 1-я, 2-я, 3-я и 4-я.

Въ Русской литературѣ за истекшій 1858 годъ, послѣ отдѣла современныхъ вопросовъ, безспорно первое мѣсто по объему занимаетъ отдѣлъ историческій. Изданіе многихъ монографій, изслѣдованій и документовъ значительно увеличило массу историческаго матеріала вообще. Обзоръ этого отдѣла мы начинаемъ съ одного важнаго (и едва ли не самаго важнаго) изданія по этой части,—именно, съ *Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ*. Образованной публикѣ уже извѣстно, что въ 1857 г. въ московскомъ Обществѣ исторіи и древностей произошли нѣкоторыя перемѣны: предсѣдателемъ общества избранъ графъ С. Г. Строгановъ, а редакторомъ изданія и секретаремъ общества — профессоръ Бодянскій; вмѣстѣ съ тѣмъ положено: *Временникъ*, издававшійся съ 1849 года, прекратить, и возобновить *Чтенія*, которыя съ 1858 года должны выходить періодически четырьмя книгами въ годъ, не менѣе 30 печатныхъ листовъ въ каждой. Возвратившись къ прежнему названію и прежней редакціи, изданіе общества возвращается и къ прежнему направленію. Кто слѣдилъ за журналами 1858 года, тотъ не могъ незамѣтить, что возвратъ къ старому на этотъ разъ встрѣтилъ въ публикѣ самый радушный пріемъ. Дѣйствительно, интересъ вышедшихъ нумеровъ изданія вполнѣ оправдываетъ этотъ пріемъ. Въ настоящемъ обзорѣ мы остановимъ вниманіе читателей на самыхъ капитальныхъ статьяхъ, заключающихся въ первыхъ двухъ книгахъ «Чтеній» за 1858 годъ. Начнемъ съ изслѣдованій.

Изслѣдованіе о смерти царевича Димитрія—Д. члена Филарета, архіепископа Харьковскаго. Въ Русской исторіи есть вопросы, которые до сихъ поръ не теряютъ своей свѣжести, не смотря на то, что о нихъ

[1]) Московское Обозрѣніе. 1859. №№ I и II. Этотъ библіографическій обзоръ, за немногими исключеніями, относится къ XVIII вѣку.

много писали и говорили; интересъ этихъ вопросовъ основывается на томъ, что они все еще ожидаютъ положительныхъ рѣшеній. Къ такимъ вопросамъ безспорно относится и смерть царевича Димитрія. Извѣстно трогательное повѣствованіе Карамзина объ этой смерти, основанное на лѣтописныхъ разсказахъ. Противъ Карамзина возсталъ преимущественно г. Погодинъ (Историко-Критич. Отрывки) и усиливался доказать, что не Борисъ Годуновъ былъ убійцею царевича. Доказательства его главнымъ образомъ вращаются около слѣдующихъ положеній: вопервыхъ, Борисъ Годуновъ и при жизни Димитрія могъ бы взойти на престолъ, потому что царевичъ былъ сынъ отъ седьмого брака, слѣдовательно незаконный; вовторыхъ, Годуновъ не могъ вести себя въ этомъ дѣлѣ такъ неосторожно, какъ показываютъ лѣтописныя извѣстія; наконецъ, почти всеобщее предубѣжденіе противъ Бориса есть главный источникъ его обвиненія. Доказательства эти очень основательно отвергнуты г. Соловьевымъ въ его «Исторіи Россіи» (Т. VII. прим. 131); онъ на самыхъ фактахъ показалъ: что Димитрія все государство считало наслѣдникомъ Ѳедору; что смерть царевича была нужна Годунову и его партіи не вслѣдствіе одного только соперничества въ достиженіи престола, но прежде всего по чувству самосохраненія, и что подробности преступленія нисколько не говорятъ противъ обвинителей Годунова. Изслѣдованіе архіепископа Филарета подтверждаетъ мнѣніе большинства.

Авторъ прежде всего обращается къ самимъ источникамъ: «Въ изслѣдованіи о смерти царевича, говоритъ онъ, должны мы обратить вниманіе: 1) на достовѣрныя древнія *повѣсти и лѣтописи* и 2) *на свидѣтелей* смерти царевича». (1 стр.). Изъ отечественныхъ источниковъ онъ приводитъ извѣстія Авраамія Палицина, Германа Тулупова (монаха троицкой Лавры), Углицкихъ лѣтописей, келаря Симона и другихъ. Всѣ эти извѣстія согласны между собою въ томъ, что Димитрій умеръ насильственною смертію, и что Годуновъ былъ участникомъ преступленія. Изъ иностранцевъ авторъ ссылается на Бера, Петрея, Маржерета, Паэрле, Жолкѣвскаго, Замойскаго, Де-ту и т. д. Ихъ свидѣтельства подтверждаютъ то же самое. «А потому, соображая русскія и иностранныя извѣстія, видимъ, что напрасно говорили, будто извѣстія о насильственной смерти царевича составлены изъ угожденія Романовымъ. О убіеніи Димитрія говорятъ и русскіе и иностранцы, и говорятъ гораздо прежде воцаренія Михайла Ѳедоровича» (11). Далѣе авторъ вооружается противъ сомнѣній г. Погодина и повторяетъ почти тѣ же доказательства, которыя приведены у г. Соловьева. Потомъ онъ разбираетъ государственную грамоту, въ которой изложено слѣдственное дѣло о смерти

царевича такъ, какъ доносили о немъ главные слѣдователи князь Василій Шуйскій, окольничій Андрей Клешнинъ и дьякъ Елизаръ Вылузгинъ. Разборъ этого памятника приводитъ автора къ тому же заключенію, къ которому пришелъ и г. Соловьевъ, разсматривая тотъ же документъ, т. е. что слѣдствіе было произведено поспѣшно и недобросовѣстно: не разъяснить дѣло старались слѣдователи, а напротивъ запутать его и всѣми неправдами доказать, что царевичъ не былъ убитъ, а самъ себя покололъ ножомъ. Кромѣ того архіепископъ Филаретъ приводитъ еще три важныя свидѣтельства: признаніе матери Димитрія Маріи Нагой, пять государственныхъ грамотъ царя Василія Ивановича Шуйскаго и прощальную грамоту патріарха Іова. «Итакъ, въ заключеніе сего изслѣдованія прибавляетъ авторъ, остается сказать, что *князь Шуйскій съ товарищи сказа Царю неприведно, что самъ себя закла Димитрій,* напротивъ царевичъ умерщвленъ и умеръ, какъ непорочный страдалецъ».

Мы видимъ, что изслѣдованіе архіепископа Филарета не сообщаетъ намъ ничего новаго и неизвѣстнаго: оно подтверждаетъ только мнѣніе, за которое всегда стояло большинство писателей. Заслуга автора заключается въ томъ, что онъ подробнѣе и тщательнѣе своихъ предшественниковъ перепзслѣдовалъ это темное дѣло и представилъ самую большую сумму доказательствъ. Теперь не можетъ быть сомнѣнія, что Димитрій дѣйствительно погибъ отъ руки убійцъ, и болѣе нежели вѣроятно, что Борисъ не былъ чуждъ этому преступленію. Въ пользу послѣдняго мнѣнія, мы приводимъ еще одно соображеніе. Если бы Годуновъ не участвовалъ въ убіеніи царевича, то слѣдственное дѣло навѣрное ведено было бы гораздо добросовѣстнѣе, и правитель употребилъ бы всѣ усилія открыть настоящихъ виновниковъ преступленія для того, чтобы освободить собственную личность отъ нареканій. Борисъ могъ предвидѣть, что подозрѣнія непремѣнно падутъ на него самаго, и не употребилъ никакихъ энергическихъ мѣръ, чтобы раскрыть дѣло; напротивъ, его стараются запутать, замять; хотятъ, чтобъ о немъ позабыли. А потому потомство имѣетъ полное право обвинить Годунова въ убіеніи царевича (прямымъ или косвеннымъ образомъ—это все равно). Такимъ образомъ великое произведеніе нашего поэта находитъ себѣ оправданія, и трагическое лицо Бориса, котораго преслѣдуетъ тѣнь убитаго царевича, подобно неумолимому року греческихъ трагедій— это лицо остается вѣрнымъ дѣйствительности, вѣрнымъ исторіи. Итакъ, по нашему мнѣнію, историческіе судьи могутъ наконецъ съ покойною совѣстью сдать въ архивъ уголовное дѣло о царевичѣ Димитріи.

Во второй книгѣ мѣсто изслѣдованій занимаетъ *Лѣтопись и Описаніе города Кіева, сост. Николаемъ Закревскимъ*. Это сочиненіе, какъ самое заглавіе показываетъ, распадается на двѣ части: на лѣтопись Кіева и на описаніе города въ настоящемъ его видѣ. Первая половина труда посвящена историческому обозрѣнію Кіева, отъ самыхъ первыхъ извѣстій о немъ до позднѣйшихъ временъ; она представляетъ довольно пеструю смѣсь фактовъ, почерпнутыхъ изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ, съ собственными толкованіями автора. По нашему мнѣнію, авторъ, при составленіи своей лѣтописи, оказалъ бы гораздо большую услугу наукѣ, если бы просто выписалъ изъ источниковъ, въ хронологическомъ порядкѣ, по возможности всѣ извѣстія о городѣ Кіевѣ; тогда его трудъ ближе подходилъ бы къ своей цѣли. Но перемѣшивая извѣстія съ своими замѣтками, г. Закревскій часто впадаетъ въ ошибки и обнаруживаетъ незнакомство со многими изслѣдованіями по древней русской исторіи. Такъ онъ повторяетъ вслѣдъ за нашими старыми учебниками, будто бы Владиміръ св. отправился къ Херсонесу для того, чтобы вооруженною рукою завоевать себѣ христіанскую религію (8); удѣльную систему вмѣняетъ въ вину Ярославу I (56) и пр. Встрѣчаются также довольно-оригинальныя выраженія и сравненія, напримѣръ, Кіевъ по поводу пребыванія въ немъ Болеслава Храбраго уподобляется Капуѣ (11); къ слову тіуны прибавленъ эпитетъ *могучіе* и пр. Есть также и невѣрности въ извѣстіяхъ: такъ на стр. 7-й говорится, что Игорь 945 г. съ языческою дружиною для подтвержденія договора съ Греками клялся *во храмѣ Перуна* оружіемъ и золотомъ», между тѣмъ какъ въ лѣтописи сказано: «заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ» (23); слѣдовательно о храмѣ лѣтопись совсѣмъ не упоминаетъ. Это извѣстіе для насъ очень важно: оно доказываетъ отсутствіе храмовъ у Восточныхъ славянъ, а потому бросаетъ свѣтъ на степень ихъ религіознаго развитія и вообще на ихъ бытовую сторону. Впрочемъ подобные промахи не должны уменьшать въ читателяхъ уваженія къ труду автора, который писалъ, какъ самъ выразился въ предисловіи, по *крайнему* своему *разумѣнію*. Мы тѣмъ болѣе не можемъ быть строги при оцѣнкѣ этого сочиненія, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, оно было написано прежде 50-хъ годовъ. Притомъ же въ «Лѣтописи» встрѣчаются любопытныя страницы, которыя обнаруживаютъ въ авторѣ довольно подробное знакомство съ матеріалами. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто. «Подлѣ Хіовіи (Кіева) есть гора, чрезъ которую купцамъ должно проѣзжать съ трудомъ; ежели повозка, перебираясь черезъ нее, изломается какимъ-нибудь случаемъ, то вещи, на ней на-

ходящіяся, берутся въ казну». Это странное извѣстіе взято изъ книги: Descriptio Sarmatiarum, доктора медицины и краковскаго каноника Матѳея Мѣховскаго (умер. 1523 г.); г. Закревскій очень правдоподобно сближаетъ его съ другимъ свидѣтельствомъ. «Обстоятельство о новозкахъ иногородныхъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ по торговлѣ, объясняется уставною грамотою вел. кн. литовскаго Александра Казиміровича, отъ 14 мая 1499 г., въ которой, между прочимъ сказано: «Тежъ повѣдалъ намъ панъ Юрей Пацевичъ, штожъ которыи купцы, коли ѣдутъ съ Кіева, и возы свои товаромъ тяжко накладываютъ (*для того, чтобы какъ можно меньше платить таможенную пошлину, которая собиралась по числу возовъ*), для мыта, ижъ бы возовъ меньшей было; и въ которого купца возъ поломится съ товаромъ, на одну сторону по Золотыи ворота, а на другую сторону по Почайну рѣку, що тотъ возъ съ товаромъ бпривали на Воеводу Кіевскаго (*дабы тымъ отвадить купцовъ отъ уменьшенія пошлины и отъ охоты дѣлать возы огромными*); и мы и тое врядили по старому, какъ и передъ тымъ бывало» (Акты З. Р. I. № 170). (25—26 стр.). Болѣе вниманія заслуживаетъ вторая половина труда — *описаніе города Кіева*. Хотя оно не даетъ яснаго понятія о настоящемъ состояніи Кіева, и представляетъ сухой перечень многочисленныхъ извѣстій, связанныхъ съ кіевскими мѣстностями; зато здѣсь заключаются богатые матеріалы для топографіи, статистики и археологіи Матери русскихъ городовъ. Укажемъ для примѣра на изслѣдованія объ Аскольдовой могилѣ, о Печерскомъ монастырѣ, Софійскомъ соборѣ и пр.

Но не изслѣдованія составляютъ главную заслугу «Чтеній». Значеніе этого изданія для русской исторіи основывается на богатыхъ историческихъ матеріалахъ. Между ними первое мѣсто по объему занимаютъ *источники малороссійской исторіи*, собранные Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ. Вотъ что замѣтилъ объ этихъ источникахъ, въ предисловіи, издатель ихъ О. М. Бодянскій: я думаю, что они составятъ ему (Бантышъ-Каменскому) прочный надгробный памятникъ, быть можетъ, прочнѣе самой его «Исторіи Малой Россіи». Эти документы занимаютъ большую половину первой книги (339 страницъ); они заключаются въ 85 актахъ и обнимаютъ время отъ 1649 по 1687 годъ, т. е. самую интересную и драматическую эпоху изъ малороссійской исторіи.

Затѣмъ укажемъ на одинъ важный матеріалъ для исторіи русской церкви и вообще русской образованности въ XVI в., на *Розыскъ о сомнѣніи святыхъ иконъ дьяка Ивана Михайлова Висковатаго* (во второй книгѣ). Этотъ любопытный актъ, впрочемъ, не есть что-либо

совершенно новое для русской публики; онъ уже былъ извѣстенъ: во-первыхъ, изъ Чтеній 1847 г. («Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка»), во-вторыхъ, изъ актовъ Археор. Экспедиціи (№ 238, стр. 241—249); но въ прежнихъ изданіяхъ не доставало начала; новое изданіе пополняетъ этотъ недостатокъ (по рукописи Волоколамскаго Іосифова монастыря). Дѣло Висковатаго возникло почти одновременно съ извѣстнымъ Стоглавнымъ соборомъ; оно находится въ связи съ другимъ соборомъ, который былъ созванъ по поводу ереси Матвѣя Башкина. Мы приводимъ вкратцѣ содержаніе этого дѣла.

Послѣ большого московскаго пожара (1547 г.), когда погорѣли кремлевскія церкви, Иванъ IV послалъ за иконами въ Новгородъ, Смоленскъ, Дмитровъ и Звенигородъ. Изъ этихъ городовъ и изъ другихъ свезли въ Москву иконы и ставили ихъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, гдѣ иконописцы, пріѣхавшіе изъ Новгорода, Пскова и другихъ городовъ, списывали съ нихъ новые образа. Знаменитый Сильвестръ, доложивъ государю, велѣлъ написать слѣдующія иконы: Троицу Живоначальную въ дѣяніяхъ, Вѣрую во Единаго Бога Отца, Хвалите Господа съ Небесъ, Софію-Премудрость Божію, Достойно есть и другія. Извѣстный дьякъ Иванъ Висковатый, увидавши эти новыя иконы, соблазнился и началъ громко говорить при народѣ, что такъ писать иконы не годится; что не слѣдуетъ изображать невидимое Божество и безплотныхъ; что Вѣрую во Единаго Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, надобно писать словами; а потомъ изображать *по плотскому смотрѣнію:* «и въ Господа нашего Іисуса Христа» до конца. Висковатый написалъ и къ митрополиту, что Сильвестръ изъ Благовѣщенскаго собора образа старинные вынесъ, а новые своего мудрованія поставилъ. Сильвестръ оправдывался предъ митрополитомъ, и говорилъ, что иконники писали все со старыхъ образцевъ своихъ, отъ древняго преданія, идущаго отъ временъ св. Владиміра; а онъ, Сильвестръ, ни одной черты тутъ не приложилъ изъ своего разума. Сильвестръ требовалъ, чтобъ дѣло было обсуждено на соборѣ; въ началѣ 1554 года, соборъ былъ созванъ, и дѣло рѣшено въ пользу Сильвестра: на Висковатаго наложена епитимья, за то что о святыхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и возмущалъ православныхъ христіанъ; за то, что нарушилъ правило шестого Вселенскаго собора, запрещающее простымъ людямъ принимать на себя учительскій санъ. Митрополитъ, между прочимъ, говорилъ Висковатому: «Ты возсталъ на еретиковъ, а теперь говоришь и мудрствуешь не гораздо о святыхъ иконахъ, не попадись и самъ въ еретики;

зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебя положены—не разроняй списковъ».

А что касается до *ереси* Башкина, то сущность ея изложена въ любопытномъ письмѣ (*жалобница*) къ митрополиту Семена, который былъ священникомъ Благовѣщенскаго собора и духовнымъ отцомъ *еретику*. (Висковатый обвинилъ Сильвестра и Семена въ общеніи съ еретиками Башкинымъ и Артеміемъ). «Матвѣй Башкинъ въ Великій постъ былъ у меня на исповѣди и говорилъ: я христіанинъ, вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа и поклоняюся образу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистой Богородицы, и великимъ Чудотворцамъ и всѣмъ Святымъ, на иконѣ написанымъ. Потомъ онъ сказалъ: великое ваше дѣло! написано: «ничтоже сія любви больше, еже положити душу свою за други своя», и вы за насъ души свои полагаете и вдите о душахъ нашихъ, яко слово воздати вамъ въ день судный. Послѣ чего пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ: Бога ради пользуй меня душевно: надобно, что написано въ Бесѣдахъ Евангельскихъ читать, да на слово не надѣяться, а дѣло дѣлать; все начало отъ васъ: прежде вы, священники, должны начало показать, да и насъ научить. Потомъ прислалъ за мною человѣка, и когда я къ нему пріѣхалъ, сталъ мнѣ говорить: въ Апостолѣ написано: «весь законъ заключается въ словахъ: возлюбиши искренняго своего яко самъ себе; аще себе угрызаете и снѣдаете, блюдите, да не другъ отъ друга снѣдени будите». *«А мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братьею называетъ, а у насъ на иныхъ кабалы, на иныхъ бѣлыя; на иныхъ нарядныя, на иныхъ полныя грамоты; я благодарю Бога: у меня, что было кабалъ полныхъ, всѣ изодралъ и держу людей своихъ добровольно: хорошо ему—и онъ живетъ, а не хорошо—идетъ куда хочетъ; вамъ, отцамъ, приложе посѣщать насъ часто, научать, какъ намъ самимъ жить и людей держать, не томить»*. Я видѣлъ это въ правилахъ-прибавляетъ Семенъ-и мнѣ показалось это хорошо».

Мы замѣтили, что Розыскъ, кромѣ исторіи церкви, представляется еще важнымъ матеріаломъ и для исторіи русской образованности вообще. Въ этомъ отношеніи новое изданіе Розыска уже успѣло вызвать прекрасное изслѣдованіе г. Буслаева «Изъ исторіи русской живописи XVI вѣка». (Атеней 1858 г. №№ 36 и 37). Приведемъ результаты этого изслѣдованія: «Основываясь на Розыскѣ, говоритъ г. Буслаевъ, довольно ясно можно видѣть, въ чемъ состояло благотворное вліяніе, внесенное въ нашу живопись въ XVI в. Во первыхъ, древняя наша живопись была слишкомъ стѣснена не многими, издавна шедшими образцами или *пере-*

водами. Слѣдуя старинѣ, Висковатый хотѣлъ, чтобъ каждый сюжетъ въ религіозной живописи былъ писанъ на одинъ образецъ, и смущался, видя въ двухъ или нѣсколькихъ иконахъ *тоже писано, а не тѣмъ видомъ*. Во-вторыхъ, подписи на иконахъ, помѣщавшіяся не только по сторонамъ лика, но и особенно на свиткахъ, составляли существенную часть византійскаго иконописнаго подлинника. Въ нашихъ подлинникахъ также. Въ древнѣйшую эпоху и западное искусство держалось этого иконописнаго преданія. Но впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія художественныхъ началъ и усовершенствованія техники, мастера стали болѣе и болѣе стремиться къ тому, чтобъ живописное изображеніе, освободившись отъ внѣшняго, наивнаго пособія подписи, говорило само за себя. Новые мастера, прибывшіе въ Москву, на многихъ иконахъ не ставили подробныхъ подписей, то-есть текста на свиткахъ: *толкованія тому не написано, которыя-то притчи*, какъ выражается Висковатый: *а кого ни спрошу, ни кто не вѣдаетъ*. Новгородскіе мастера ограничивались только краткими подписями: Іисусъ Христосъ, Саваоѳъ и пр. Въ третьихъ, въ половинѣ XVI в. наша живопись, не довольствуясь опредѣленнымъ кругомъ иконописи, обнаружила стремленіе къ изображенію свѣтскихъ сюжетовъ. Мастера стали писать разныя притчи *по своему разуму, а не по Божественному писанію*. Висковатый обратилъ вниманіе въ палатахъ царскихъ на жонку, которая спустя рукава пляшетъ. Въ-четвертыхъ, нѣкоторыя изображенія, дѣйствительно, могли быть писаны съ переводовъ западныхъ: на что указываетъ Висковатый, ссылаясь на свои бесѣды съ латинами и именно съ Матисомъ Ляхомъ. Дѣйствительно, къ этой эпохѣ относится первая попытка снимать изображенія *съ переводовъ* западныхъ, то-есть, съ иностранныхъ гравюръ: въ чемъ вполнѣ убѣждаетъ насъ любопытнѣйшее и въ высокой степени важное для исторіи нашего искусства замѣчаніе, сдѣланное г. Равинскимъ о томъ, что нѣкоторыя изъ произведеній, писанныхъ, по заказу Сильвестра, псковскими живописцами (Останею и Якушкою), не что иное какъ копіи съ извѣстныхъ итальянскихъ картинъ (именно Чимабуэ и Перуджино), снятыя по гравюрамъ. «(№ 37, 87—89 стр.). Г. Буслаевъ по этому поводу указалъ въ своей статьѣ на важное значеніе Новгорода въ XVI в., какъ проводника многихъ западныхъ идей и вообще западнаго вліянія въ средоточіе московскаго государства. «Въ эту эпоху, говоритъ онъ, Новгородъ, вмѣстѣ съ Псковомъ, для Москвы былъ тѣмъ же, чѣмъ Кіевъ въ XVII вѣкѣ. Этими древнѣйшими средоточіями русскаго просвѣщенія Москва сообщалась съ западомъ. Къ вліянію западному присоединялось вліяніе православнаго востока.

«Такимъ образомъ въ половинѣ XVI вѣка даны были нашей живописи всѣ необходимыя средства для того, чтобъ стать на твердую ногу и опредѣлиться въ иконописныхъ подлинникахъ, начало которыхъ безъ сомнѣнія не могло быть раньше этой эпохи». (Стр. 89 и 91). О личности Висковатаго г. Буслаевъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе, съ которымъ также нельзя не согласиться. «Можетъ быть, онъ нѣсколько увлекся своей ревностью къ старинѣ и несовсѣмъ осторожно смущалъ своими рѣчами толпившихся около него слушателей; все же въ глазахъ историка заслуживаетъ онъ въ этомъ дѣлѣ полнаго уваженія, какъ русскій человѣкъ XVI вѣка, безкорыстно интересовавшійся вопросами изъ области религіозно-художественныхъ идей. Въ старину дьяка Висковатаго обнесли-бы именемъ иконоборца. Изъ Розыска явствуетъ, что онъ, напротивъ того, свято чтилъ иконы, но придерживался восточной старины противъ нововведеній. Онъ былъ, своего рода, старовѣръ. Потому, сочувствуя его стремленіямъ къ истинѣ, историкъ едва ли одобритъ самое направленіе этихъ стремленій, и едва ли отдастъ предпочтеніе его противникамъ, которыхъ воззрѣнія, болѣе просвѣщенныя, открывали болѣе широкое поприще успѣхамъ древне-русскаго искусства» (85—86).

Мы съ своей стороны обратимъ вниманіе читателей на одно мѣсто «Розыска». Оно наглядымъ образомъ раскрываетъ намъ способъ, посредствомъ котораго распространялась книжная начитанность въ древней Россіи при отсутствіи книгопечатанія. Отсюда мы узнаемъ, что рукописныя книги составляютъ владѣніе немногихъ лицъ, и экземпляры нѣкоторыхъ сочиненій извѣстны всѣ на перечетъ; ихъ берегутъ, какъ драгоцѣнность, и съ большими предосторожностями ссужаютъ ими на время своихъ короткихъ пріятелей и, при томъ непаче какъ людей почтенныхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ ссылки не на книгу вообще, а на какіе-нибудь извѣстные экземпляры книги, и тутъ прямо указывается на разногласіе рукописей, которое породило впослѣдствіи многочисленные расколы. Вотъ это мѣсто изъ отвѣтовъ Висковатаго: «что еси, государь, вспрашивалъ, что я писалъ въ своей исповѣди, отъ правилъ святаго седьмого вселенскаго собора. Также и Честному Кресту поклапятися, на немъ же животворивое распростерто бысть Слово, и на очищеніе міровн кровь источи, и я, Государь, писалъ изъ правилъ, изъ *Васильевой книги Михайловой сына Юрьева*, а я то и самъ знаю, что господь нашъ Іисусъ Христосъ пострадалъ плотію, а не Божествомъ. А что если писалъ о Христѣ чудотворіа пріа, и то есми писалъ изъ *Михайловой книги Морозова*, изъ Дамаскина, а та книга у меня въ

избѣ, а я вѣрю несумнѣнно, Господь нашъ Іисусъ Христосъ своею силою чудеса творилъ, и то писалъ по тому на свой разумъ, того есми не ималъ. И тѣ книги Правила и Дамаскинъ Иванъ на соборѣ положилъ, и въ Правилѣхъ такъ и написано. Также Честному Кресту покланятися, на немъ животворивое простерто бысть Слово, и то написано не гораздо. И о томъ митрополитъ Василья Михайловича Юрьева вспрашивалъ. Твоя-ли то книга, святыхъ отецъ правила, у Ивана у Михайлова была; и Василей митрополиту сказалъ. Та де книга, Правила святыхъ отецъ, моя, въ полдесть, *а мнѣ де далъ ее благовѣщенской священникъ Василей молодой*, а пыпѣ онъ въ Кирилловѣ монастырѣ постригся, *и Сильвестръ ту книгу знаетъ что та книга Василѣева, попова*, и какова та книга ко мнѣ пришла, такова то и есть; а я, государь, во истину всее не читалъ, а будетъ, государь, опись, и я того не... Ивана въ Михайловѣ книгѣ Яковлевича Морозова, въ Дамаскинѣ, писано: по существомъ по истинѣ человѣкъ бысть, ходи же по земли и съ человѣки поживе, чудотворіа прія, распяся. И Иванъ ту строку написалъ не потому, какъ въ той книгѣ написано, а написалъ: Чудотворіа прія, распяся, воскресе, взыде и все по истинѣ бысть. *И о той строкѣ смотрѣли въ другой книгѣ Дамаскина Симоновскаго монастыря*, и тамо написано: *Но сущіемъ* по истинѣ былъ человѣкъ, ходити по землѣ, и съ человѣки поживе, чудотвори прія, страсти распяся, воскресъ, взыде и все по истинѣ бысть. И въ Михайловой книгѣ въ той строкѣ: Чудотвори прія, распяся, *а страсти не написано*. И о той книгѣ Ивана Дамаскина, Михайла Яковлевича спрашивали, его ли та книга у Ивана была, и Михайло сказалъ, что та книга его. И о томъ Ивана Михайлова спросити еще: почему онъ писалъ не потому, какъ въ той книгѣ Михайловѣ написано. И Иванъ сказалъ... то, государь, *я осмотрѣлся, приписалъ я*, и ты государь, меня въ томъ Бога ради прости, я въ томъ виноватъ». (15—16 стр.).

Далѣе, первыя двѣ книги Чтеній заключаютъ въ себѣ очень любопытные матеріалы для исторіи XVIII столѣтія. Слѣдуя хронологическому порядку, укажемъ сначала на *Діаріушъ или журналъ генеральнаго хорунжаго Николая Даниловича Ханенка*, съ историческимъ свѣдѣніемъ о сочинителѣ Д. Чл. О. М. Бодянскаго. (Кн. I, смѣсь, 1—74 стр.). Беремъ изъ этого свѣдѣнія то мѣсто, которое относится къ составленію «Журнала». «Послѣ того (т. е. войны съ Турками въ 1711 г.) онъ опредѣлился въ генеральную войсковую канцелярію, и служилъ той войсковой генеральной канцеляріи канцеляристомъ, съ 1717 г. былъ при гетманѣ Скоропадскомъ, съ 1721 старшимъ канцеляристомъ»; гет-

манъ посылалъ его съ важными порученіями не только «внутрь малой Россіи, но и внѣ, и въ самую Москву взялъ». Отъѣзжая въ послѣднюю съ гетманомъ, отправлявшимся для поздравленія Петра I, съ знаменитымъ Ништадтскимъ миромъ и принятіемъ императорскаго имени, онъ сознавалъ важность времени, и рѣшился вести *діаріушъ* или *журналъ* съ самаго выѣзда изъ Малороссіи. Важность сообщаемаго въ немъ, надѣюсь, каждый, занимающійся судьбами своего народа, оцѣнитъ вполнѣ. Въ немъ слышимъ мы разсказъ непосредственнаго очевидца многому, въ то время совершавшемуся въ Бѣлокаменной, и притомъ очевидца, вовсе не думавшаго о гласности, но записывавшаго для себя «памяти ради» и удовлетворенія собственной любознательности. Потребность эта проявилась въ немъ еще до поѣздки въ Великую Россію, какъ показываетъ то другой журналъ его, начатый имъ за два года съ небольшимъ до того и оставленный только не за-долго до смерти. Невольно переноишься въ то время, читая эти простыя замѣтки о ежедневныхъ посѣщеніяхъ казацкимъ гетманомъ тогдашнихъ сильныхъ земли, и взаимно ими его; при всей слабости своей всякаго рода, онъ имѣлъ еще большое значеніе для нихъ, равно какъ и для самаго государя. Чѣмъ далѣе вчитываешься въ этотъ простодушный разсказъ, тѣмъ болѣе не хочется оторваться отъ него». (VIII стр.). Журналъ обнимаетъ время отъ 1-го января по 5 іюля 1822 года. Несмотря на сухость изложенія и множество, повидимому, неинтересныхъ потребностей, журналъ этотъ очень важенъ для историка петровой эпохи. Бытовая сторона вообще, а столичная жизнь и торжественные церемоніалы въ особенности, отражаются здѣсь довольно рельефно. Тутъ мы встрѣчаемся почти со всѣми замѣчательными лицами того времени. Что бы дать читателю болѣе ясное понятіе о характерѣ и формѣ этого журнала, выписываемъ изъ него нѣсколько строкъ. «8 (Апрѣля). Ясный въ Богу преосвященный, Его Милость, отецъ Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ Великоновгородскій и Святѣйшаго Правительствующаго Духовнаго Синода вице-президентъ, визитовалъ ясновельможнаго бытностью своею на квартирѣ, и довольно позабавившись разными дискурсами, о годинѣ уже въ ночь, чили и болшь, отъѣхалъ». Или вотъ одно мѣсто изъ описанія празднествъ, происходившихъ въ Москвѣ, по случаю Ништадскаго мира. «(28 генваря). По отправленной же той въ церквѣ церемоніи вышолъ Всепресвѣтлѣйшій Императоръ на правіежъ боковіе двери, передъ которыми между устроенною Лейбъ-Гвардіею по срединѣ стоялъ ботикъ, судно зъ флагомъ бѣлымъ и корочвою нестрою, а на суднѣ томъ былъ зъ одной стороны намаліованъ корабль съ надписомъ: *Симъ томко*, съ другой стороны, отъ *Бога полученъ*, id est,

миръ. На носѣ судна написано: *Дѣтское игралище*, а на кораблѣ намаліована дитина въ човнику зъ весломъ, при надписѣ: *Принесе намъ мужеское торжество*. На томъ же суднѣ былъ и матросъ въ червоной либеріи. (Слѣдуетъ пальба изъ пушекъ и бѣлый огонь гвардейскихъ полковъ). Потомъ Ея Величество Государыня Императрица въ одной каретѣ, въ другой Государыни Цесаревны, въ третой царыца Параскевія Ѳеодоровна съ своею Царевною, а за ихъ Величества и въ прочіихъ каретахъ рожніе сенаторскіе и министровскіе дамы поѣхали на болото чили лугъ, прозываемый Царицынъ, где построены были избы для того, чтобы тамъ покушавши, веселитись и смотрѣть на фейверокъ, тамъ же здѣланный. Тута жъ и полки, имешно Преображенскій, Семеновскій и Ингермоланскій, зъ Кремля строемъ пошли; а на остатокъ и самъ Его Императорское Величество зъ всѣми сенаторами, министрами и прочими господами на тотъ лугъ къ избамъ отъѣхалъ. Князь и Герцогъ Голштинскій, тако жъ и Ясновельможный, Его Милость, Панъ Гетманъ зъ панею на тую жъ одъѣхали утѣху; гдѣ за зъіздомъ всѣхъ, сѣли заразъ у столовъ, мужескъ полъ свѣтскихъ господъ въ одной, духовныхъ лицъ Синодальныхъ въ другой, и женскъ полъ въ третой избахъ, и начали обѣдъ кушати, при которомъ грали до столу трембачи и въ лѣтавры бито у той избы, где Императоръ зъ сенаторами и иными господами кушать изволилъ, а тымъ часомъ що еще у фейверка не достроено было, достроивали. По обѣдъ зась и самъ Его Императорское Величество и господа всѣ по томъ спаціумъ, гдѣ потѣха готовилась, прохаживалися. Передъ окнами противъ избъ, въ якихъ было гуляне, выставлены были три не великіе театра, на которіе зъ всѣхъ чтирохъ сторонъ по градусахъ сходити устроено, а наверсѣ лежали печеные цѣлые быки, бараны, гуси, зайцы, куры и иная звѣриная для жолнѣровъ и посполства, на туюжъ потѣху смотрѣвшихъ, пріуготованная; а мяса тые покрыты червоною блаватною матеріею, якую два на каждомъ театрумъ сидячи, жолнѣре, жебы вѣтеръ нескинулъ, держали, и такъ до вечера гуляне въ хатахъ, а мясо тее на театрахъ, не отъ кого нерушеное, тривяло. Кагдажъ уже приближалось къ вечеру, теды зійшедши самъ Всепресвѣтлѣйшій Императоръ зъ избы, пошолъ на едно театрумъ: и взявши ножъ у солдата, врѣзалъ шматъ мяса у печенного быка, и сказалъ всѣмъ опое кушать, и потому кипулось множество на всѣ театра всякого народа людей и жолнѣровъ, и въ малѣ, всѣ тіе мяса позвамовавши зъ театръ быковъ, пожили, а матеріи салдаты себѣ побрали. Надто велѣно выставить въ цебрахъ пива и горѣлки, жебы кто хотѣлъ, пилъ, одъ чого попившись Преображенскіи многихъ зъ людей

Московскихъ изъ шляхты Смоленской были, и побили значне», и т. д. Собственно для малороссійской исторіи здѣсь наиболѣе важны челобитныя отъ Скоропадскаго Петру о разныхъ нуждахъ Малороссіи, преимущественно объ освобожденіи отъ военныхъ постоевъ; а также отвѣты и приказы Петра Гетману. Добросовѣстность автора при составленіи его записокъ видна изъ того, что онъ подъ нѣкоторыми числами откровенно сознается: «Не случилось ничего, до записки угодного». Журналъ оканчивается возвращеніемъ изъ Москвы въ Малороссію и смертію Гетмана въ Глуховѣ. Описаніе смерти и погребенія дышетъ неподдѣльною грустью: видно, что авторъ уважалъ добродушнаго старика Скоропадскаго и былъ къ нему очень приверженъ. «И тако—заключаетъ Ханенко—съ окончаніемъ жизни покойнаго гетмана и сей журналъ оконченъ».

Второй еще болѣе замѣчательный актъ, относящійся къ исторіи XVIII столѣтія, представляетъ *записка объ Артеміи Волынскомъ*. Потомокъ одной знатной фамиліи, вышедшей въ Москву изъ Волыни, Артемій Петровичъ Волынскій началъ свою служебную карьеру при Петрѣ Великомъ; государь отправлялъ его посланникомъ въ Персію, потомъ назначилъ губернаторомъ въ Астрахань; а послѣ смерти императора Волынскій былъ переведенъ въ Казань. При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны онъ былъ на сторонѣ самодержавнаго правленія; отчасти это обстоятельство, а отчасти связи съ фамиліею Салтыковыхъ (родственниковъ императрицы по ея матери) и съ к. А. М. Черкасскимъ помогли Волынскому стать въ ряду людей, окружавшихъ тронъ Анны Іоанновны. Въ 1738 году онъ былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ на мѣсто, оставшееся праздными послѣ графа Ягужинскаго. Достигши высокаго положенія въ оффиціальномъ мірѣ, но будучи отъ природы очень гордъ, жестокъ и вспыльчивъ до бѣшенства, Волынскій вскорѣ нажилъ себѣ большое число враговъ. Тщетно близкіе люди пытались его увѣщевать и совѣтовали вести себя по-смиренѣе. Я вѣдаю (писалъ къ нему графъ Салтыковъ), что друзей вамъ почти нѣтъ и никто съ добродѣтелью о имени вашемъ и помянуть не хочетъ... На кого осердишься, велишь бить при себѣ, и самъ изъ своихъ рукъ бьешь. Что въ томъ хорошаго? Всѣхъ на себя озлобилъ». Вотъ нѣкоторые примѣры его жестокости: полицейскихъ служителей, проходившихъ мимо его двора, за несниманіе шапки, подвергалъ тяжкому наказанію кошками; одного изъ конюшенныхъ служителей заставилъ нѣсколько часовъ ходить вокругъ столба по деревяннымъ спицамъ; мичмана князя Мещерскаго посадилъ на деревянную кобылу, помаравъ ему лицо сажею, и привязалъ къ ногамъ его гири и живыхъ собакъ, и т. п. Волынскій не отличался так-

же и безкорыстіемъ; такъ, между прочимъ, онъ былъ обвиненъ въ самовольномъ сборѣ денегъ съ инородцевъ Казанской губерніи во время его губернаторства. Подобные поступки однако сходили ему съ рукъ до тѣхъ поръ, пока онъ не затронулъ самолюбія людей, поставленныхъ выше его. Волынскій не могъ равнодушно сносить вліянія нѣмцевъ на государственныя дѣла; особенно онъ не терпѣлъ Остермана, и велъ съ нимъ придворную борьбу; въ ней перевѣсъ конечно оставался на сторонѣ осторожнаго и хитраго вицеканцлера, который притомъ опирался на авторитетъ герцога Бирона. Волынскій думалъ съ своей стороны найти поддержку въ представителѣ русской придворной партіи, въ князѣ Черкасскомъ; но послѣдній, не отличавшійся рѣшительнымъ характеромъ, уклонялся отъ ссоры съ нѣмецкою партіею и мало-по-малу совсѣмъ покинулъ Волынскаго. Наконецъ, вооруживъ противъ себя всемогущаго герцога, Волынскій, неминуемо долженъ былъ сдѣлаться жертвою своего страстнаго, необузданнаго характера.

Лѣтомъ 1739 года три нѣмца, бывшіе подчиненные Волынскаго, подали на него Императрицѣ жалобу за неправильное отрѣшеніе ихъ отъ должности и при этомъ самаго его обвиняли въ безпорядкахъ по управленію конюшенными заводами. Императрица потребовала объясненій. Волынскій представилъ ей письмо, въ которомъ изложилъ свои оправданія. Но онъ не ограничился увѣреніями въ своей невинности; а къ письму присоединилъ примѣчанія, въ которыхъ, говоря вообще и никого не называя, выставлялъ проэкты и недобросовѣстное поведеніе своихъ враговъ, преимущественно Остермана и Головкина. Письмо это Волынскій предварительно показалъ въ нѣмецкомъ переводѣ Бирону. Императрица осталась несовсѣмъ довольна его письмомъ; Бironъ, по наговорамъ Остермана, началъ смотрѣть на него подозрительно; недоброжелатели кабинетъ-министра стали тщательнѣе наблюдать за его дѣйствіями и съ радостію видѣли, что Волынскій не перемѣняетъ своего неблагоразумнаго поведенія. Впрочемъ онъ все еще продолжалъ пользоваться довѣренностію и милостями Императрицы. Такъ при заключеніи мира съ турками, онъ былъ въ числѣ награжденныхъ вельможъ и получилъ 20,000 рублей. Послѣ того ему вмѣстѣ съ кн. Черкасскимъ поручено было устроить празднованіе извѣстной шутовской свадьбы кн. Голицына въ ледяномъ домикѣ на Невѣ. Это порученіе подало ему поводъ къ жестокому поступку съ несчастнымъ профессоромъ эллоквенціи. Приводимъ вполнѣ печальный фактъ: въ немъ очень рельефно выступаетъ взбалмошный характеръ Волынскаго. 14 февраля Волынскій послалъ за Тредьяковскимъ, желая ему заказать стихи для свадь-

бы: посланный кадетъ объявилъ сему послѣднему приказаніе немедленно ѣхать съ нимъ въ кабинетъ; Тредьяковскій спѣшилъ одѣться и отправиться съ нимъ на извощикѣ, но замѣтивъ, что онъ везетъ его на слоновый дворъ и узнавъ о настоящемъ приказаніи Волынскаго, сталъ дорогою упрекать кадета, для чего напрасно напугалъ его. Поссорясь за сіе, они оба намѣрены были другъ друга обвинять предъ Волынскимъ; но кадетъ успѣлъ сіе сдѣлать прежде. Волынскій въ гнѣвѣ билъ Тредьяковскаго по щекамъ и бранилъ его за ослушаніе. Тредьяковскій явился на другой день во дворецъ, въ покои герцога Бирона, просить у него защиты: къ несчастію пріѣхалъ туда и Волынскій, и лишь увидѣлъ Тредьяковскаго, вывелъ его изъ передней, давъ ему еще нѣсколько ударовъ, приказалъ отвести въ маскарадную комиссію, и тамъ снялъ съ него шпагу, велѣлъ еще бить палкою и самъ билъ (такъ что всѣхъ ударовъ, по словамъ Тредьяковскаго, дано ему около ста); отпуская его изъ подъ караула не прежде, какъ на третій день, далъ ему на прощенье съ 10-ть ударовъ. Тредьяковскій тогда же письменно рапортовалъ о семъ академіи наукъ. Свидѣтельство профессора медицины Дювернуа доказываетъ, что у него была избита вся спина отъ самыхъ плечъ далѣе поясницы и подбитъ лѣвый глазъ. Волынскій говорилъ: «Пусть за то на меня хотя и сердятся, до я себя натѣшилъ и свое взялъ»! Впрочемъ, не забылъ извиниться предъ герцогомъ; но герцогъ и Остерманъ уже готовили ему нападеніе.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1740 г. Биронъ подалъ Императрицѣ челобитную, въ которой жаловался на Волынскаго за то, что послѣдній старался навести на него подозрѣніе (упомянутымъ прежде) письмомъ. Замѣтивъ, что императрица не рѣшается приступить къ строгимъ мѣрамъ противъ Волынскаго, герцогъ сталъ настаивать и даже на колѣнахъ просилъ у нея какъ милости, предать Волынскаго суду, говоря: «либо ему быть, либо мнѣ». Въ пятницу на страстной недѣлѣ генералъ-адъютантъ Ушаковъ объявилъ Волынскому запрещеніе ѣздить ко двору. Опальный кабинетъ-министръ въ тотъ же день отправился къ герцогу и думалъ его умилостивить; но не былъ къ нему допущенъ. Пріятели мало-по-малу начали его покидать. Вся святая недѣля проведена имъ и его семействомъ въ глубокомъ унынін и мучительномъ безпокойствѣ. Между тѣмъ въ тайной канцеляріи пріискали дѣло 1737 года о 500 р. казенныхъ денегъ, взятыхъ изъ конюшенной канцеляріи, по приказу Волынскаго, слугою его Васильемъ Кубанцемъ, и доложили о томъ ея величеству. 12 апрѣля послѣдовало высочайшее повелѣніе приставить къ Волынскому въ его домѣ караулъ; а на слѣдующій день именнымъ указомъ соста-

влена комиссія изъ полныхъ генераловъ для слѣдствія надъ Волынскимъ. Вмѣстѣ съ указомъ послано было въ комиссію письмо, представленное Волынскимъ императрицѣ, и допросные пункты, составленные, вѣроятно, Остерманомъ. 15 числа начались ежедневныя собранія комиссіи и допросы подсудимаго. На требованіе объяснить причины и цѣль письма, Волынскій отвѣчалъ, что хотѣлъ только обнаружить безсовѣстные поступки его недоброжелателей; что ему и на мысль не приходило писать наставленіе для императрицы (въ чемъ его обвиняли); теперь же, постигая важность своего письма, онъ винится и проситъ прощенія. На вопросъ, почему онъ, забывъ святость государевой палаты, смѣлъ вытащить изъ герцогскихъ комнатъ Тредьяковскаго и билъ его? Волынскій приписывалъ этотъ поступокъ своей вспыльчивости, и также винился. Вообще при допросахъ подсудимый сначала не терялъ бодрости духа, часто вмѣшивалъ въ отвѣты неотносящееся къ дѣлу, и заставлялъ иногда членовъ собранія замѣчать ему, чтобы онъ не уклонялся отъ пунктовъ и не говорилъ лишняго. На третій день, когда отъ него потребовали, чтобы онъ доказалъ тѣ поступки, которые приписывалъ Остерману и другимъ, Волынскій уже показалъ слабость: признавался въ своей злобѣ на нихъ, извинялся недостаткомъ памяти, кланялся и становился на колѣни.

Между тѣмъ призвали къ допросу Василія Кубанца (родомъ изъ кубанскихъ татаръ) и потребовали отъ него обстоятельныхъ свѣдѣній о Волынскомъ, съ обѣщаніемъ помилованія, если все разскажетъ безъ утайки. Кубанецъ объявилъ, что господинъ его, бывши губернаторомъ въ Казани и потомъ министромъ, бралъ взятки съ разныхъ лицъ, и часто бралъ казенныя деньги на свои расходы; что онъ превозносился знатностію своего рода, производя его отъ того Димитрія Волынца, который участвовалъ въ пораженіи Мамая и потомъ женился на сестрѣ Димитрія Донского; что въ память этого событія хранилъ у себя саблю, найденную на Куликовомъ полѣ, къ которой сдѣлалъ приличную надпись, и сверхъ того заказалъ картину своего родословія съ гербомъ московскимъ, и пр. Въ то же время поступило вдругъ нѣсколько челобитенъ на Волынскаго. Начались допросы прикосновенныхъ къ нему лицъ. Арестовали совѣтника Хрущова и архитектора Еропкина, оговоренныхъ Кубанцемъ въ томъ, что они читали и поправляли проекты, сочиняемые Волынскимъ. Главное вниманіе обратили на показанія Кубанца и принялись настойчиво его допрашивать. Кубанецъ объявилъ о словахъ, сказанныхъ Волынскимъ про Бирона: «Онъ потерялъ, чего искалъ. Ея высочество, государыня принцесса, не подумала въ сочетаніе за сына его,

и сіе слава Богу; понеже фамилія милостивая его свѣтлости принца Брауншвейгскаго». (Извѣстно, что Бирон хотѣлъ женить своего сына на принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ). Наконецъ признался, что имѣетъ сказать нѣчто важное, но неиначе, какъ лично самой Императрицѣ, и тотчасъ получилъ именной указъ написать свое показаніе и запечатать для доставленія ея величеству. Самымъ важнымъ въ этомъ показаніи найдено то, что Волынскій имѣлъ у себя рукописную книгу Юста Липсія, которую хотѣлъ сжечь, но не успѣлъ; что описанія въ ней Клеопатры и Мессалины примѣнялъ ко всему женскому полу, и, смѣясь, сказалъ: «Эта книга не нынѣшняго времени читать»; и о герцогѣ Биронѣ говаривалъ: «вотъ бы сдѣлалъ онъ Годуновскій примѣръ, какъ бы женилъ сына». Послѣ того Волынскій и прочіе арестанты были перевезены, по высочайшему повелѣнію, въ крѣпость; генералъ-адъютанту Ушакову и тайному совѣтнику Неплюеву поручено слѣдовать отдѣльно это важное обстоятельство, а также разсмотрѣть письма и бумаги подсудимыхъ. Домъ и все имущество Волынскаго были описаны.

Слѣдствіе продолжалось до 6 іюня. Мало-по-малу были арестованы и подвергнуты допросамъ и пыткѣ вмѣстѣ съ Волынскимъ и другія лица близкія къ нему или имѣвшія съ нимъ подозрительныя сношенія, а именно: генералъ-кригсъ-комиссаръ Соймоновъ, графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ, секретарь Гладковъ, секретарь иностранной коллегіи Суда, и кабинетъ-секретарь Эйхлеръ. Волынскій, повидимому, старался оговорить: князя Черкасскаго, графа Остермана, графа Головкина, князя Никиту Трубецкаго и тайнаго совѣтника Новосильцова; но они послѣ легкихъ допросовъ оставлены въ покоѣ. Однимъ изъ важныхъ пунктовъ обвиненія были проекты Волынскаго. Хотя при дѣлѣ они не находятся; однако изъ сличенія разныхъ показаній и собственныхъ его признаній видно, что онъ сочинялъ два проекта: одинъ самовольно объ улучшеніи государственнаго правленія, другой съ вѣдома и соизволенія императрицы, подъ названіемъ «Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ». Первый не былъ конченъ и остался вчернѣ; но многія мѣста изъ него вошли въ послѣдній, который уже переписывался на бѣло, когда Волынскаго арестовали. Особенное вниманіе слѣдователей и самой Императрицы обратилъ на себя извѣтъ Еропкина и Хрущова въ томъ, будто бы Волынскій думалъ произвести переворотъ въ государствѣ и потомъ взойти на престолъ, основываясь на происхожденіи своемъ, по женской линіи, отъ великихъ князей московскихъ, и на какомъ-то свойствѣ съ императорскою фамиліею. Волынскій безъ затрудненія винился во взяткахъ, въ казнокрадствѣ, въ неосторожныхъ

словахъ противъ ея величества, въ чтеніи и примѣненіи Юста Липсія, въ сочиненіи вредныхъ проектовъ и пр., иное объяснялъ своею простотою, другое продерзостію и запальчивостію, на иное не могъ привести никакой причины; но въ намѣреніи сдѣлаться государемъ онъ упорно заперся. Его подняли на дыбу, пытали полчаса, дали 8 ударовъ, и до того повредили руку, что онъ съ тѣхъ поръ уже не могъ подписывать своихъ показаній. Въ другой разъ онъ получилъ еще 18 ударовъ, и остался при томъ же показаніи.

Наконецъ, высочайше утвержденное для суда надъ Волынскимъ, генеральное собраніе составило приговоръ. Ея величество смягчила немного этотъ приговоръ. Въ имяномъ указѣ отъ 23 іюня предписано: Волынскому, вырѣзавъ языкъ, отсѣчь правую руку и голову, а дѣтей его сослать въ Сибирь въ дальнія мѣста; дочерей постричь въ разныхъ монастыряхъ, а сына по достиженіи 15 лѣтняго возраста написать въ солдаты вѣчно въ Камчатку, все же движимое и недвижимое имѣніе отписать: Хрущову и Еропкину отсѣчь головы; Соймонова и Эйхлера, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь въ вѣчную работу, а у Мусина-Пушкина, урѣзавъ языкъ, послать въ Соловецкій монастырь; наконецъ, Суду, бивъ плетьми нещадно, сослать на вѣчное житье въ Камчатку.

О расположеніи духа Волынскаго съ тѣхъ поръ, какъ ему объявлена была казнь, можно нѣсколько заключать по немногимъ записаннымъ въ дѣлѣ словамъ его. Послѣ перваго посѣщенія духовника (Θеодора) Волынскій говорилъ караульному офицеру: «До объявленія мнѣ смерти, какъ я давича спалъ, и только того прошло 6 часовъ, видѣлъ я во снѣ, будто бы я пришелъ въ церковь, и въ той церкви свѣчъ нѣтъ; я пошелъ въ алтарь и сказалъ: «Для чего нѣтъ огня»? И священникъ Θеодоръ, котораго я до сего времени отъ роду нигдѣ не видалъ, вышелъ ко мнѣ и отвѣчалъ: «Ужо, де засвѣтятъ»; и онаго священника во снѣ я видѣлъ въ такомъ платье и примѣтами, какъ теперь его видѣлъ». Потомъ продолжалъ: «По винамъ моимъ я напредъ сего смерти себѣ просилъ, а какъ смерть объявлена, такъ не хочется умирать». 24 іюня онъ при священникѣ сталъ толковать молитвы «Отче нашъ» и говорилъ: «Вотъ въ сей молитвѣ написано: «Остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ»; а я не оставляю должникамъ своимъ: такъ, стало быть, я на себя того прошу, что я не оставляю и мнѣ не оставь»; а послѣ присовокупилъ: «Я такъ грѣшенъ, что говаривалъ: «И даждь мнѣ, Господи, оставлять должникамъ моимъ». По выходѣ же священника говорилъ офицеру: «Ежели бы я зналъ, что такъ со мною сдѣлается, то будучи въ домѣ своемъ, много случаевъ нашелъ

бы умертвить себя, покуда еще вы ко мнѣ не были приставлены. Также, какъ привели меня въ крѣпость, то первые дни весьма душа моя мутилась, и все думалъ я, чѣмъ бы себя умертвить, и, усмотря на полу деревянный гвоздь, поднималъ его, но вы его къ себѣ взяли». Послѣ исповѣди Волынскій разсказывалъ соблазнительный анекдотъ объ одномъ духовникѣ, исповѣдывавшемъ дѣвушку, которая принуждена была отъ него бѣжать. 25 числа Волынскій пъявилъ по одному дѣлу негодованіе свое противъ графа Гавріла Ивановича Головкина, говоря: «Будемъ мы въ томъ судиться съ нимъ на томъ свѣтѣ». Въ тотъ же день онъ просилъ къ себѣ Ушакова и Неплюева и говорилъ: «Виноватъ я предъ Богомъ и ея императорскимъ величествомъ, что много въ мерзкихъ словахъ и въ продерзостяхъ, и непорядочныхъ и противныхъ поступкахъ и сочиненіяхъ, какъ о томъ прежде въ отвѣтахъ и съ розысковъ показалъ, погрѣшеніе учинилъ; токмо прошу у Ея Императорскаго Величества, чтобы за такія мои тяжкія вины не четвертовать». Потомъ просилъ о неоставленіи и награжденіи дѣтей его. «26 числа строили на Петербургской сторонѣ, на Сытномъ дворѣ, мѣсто для экзекуціи, и чрезъ полицію объявлено жителямъ Петербурга о времени, для оной назначенномъ, дабы всѣ могли видѣть, но въ сей публикаціи имена преступниковъ не были означены. На другой день повершилась судьба несчастныхъ, въ 8 часу утра».

Этою *запискою* окончательно рѣшается для историка вопросъ о личности Волынскаго. Его проекты обнаруживаютъ въ немъ умнаго, государственнаго человѣка; [1]) но характеръ и поведеніе его не могутъ возбудить къ себѣ сочувствія. Такимъ образомъ оправдывается упрекъ, сдѣланный Пушкинымъ нашему извѣстному романисту, въ томъ, что онъ слишкомъ идеализировалъ лицо своего героя. На отношеніе дѣйствитель-

---

[1]) Напримѣръ: „Званіе генералъ-прокурора, какъ соединенное съ весьма обширною властію, отмѣнить, ибо онъ можетъ препятствовать сенаторамъ въ свободномъ дѣйствіи, но быть при сенатѣ оберъ-прокурору“. „Сенаторамъ ежегодно обозрѣвать всѣ губерніи для усмотрѣнія тамошнихъ непорядковъ“. „Для укрѣпленія границъ не только приводить въ хорошее состояніе крѣпости, но и поселить армію на границахъ же, въ слободахъ“. Распространять просвѣщеніе, особливо между духовенствомъ и шляхетствомъ; и съ сею цѣлію для духовенства завести Академію, и не ученыхъ въ священники не ставить, а знатное шляхетство посылать обучать въ чужія земли разнымъ наукамъ и гражданскимъ правамъ, чтобы у насъ были свои придворные министры“. „Въ должность воеводъ и гражданскихъ чиновниковъ опредѣлять людей ученыхъ“. „Ограничить расходы, чтобы не превосходили доходовъ“ и пр.

пости къ изображенію г. Лажечникова указалъ г. Аѳанасьевъ, по поводу той же «Записки», въ своей статьѣ: «Объ исторической вѣрности въ романахъ И. И. Лажечникова» (въ Атенеѣ 1858). Кромѣ того, приведенный документъ очень важенъ для изученія эпохи и во многихъ другихъ отношеніяхъ, особенно для характеристики администраціи и придворныхъ партій въ концѣ правленія Анны Іоанновны.

Третій важный документъ для исторіи XVIII столѣтія представляютъ *допросы Пугачеву*: одинъ въ отдѣльной секретной комиссіи въ Яицкомъ городкѣ 16 сентября 1774 года, отобранный капитанъ-поручикомъ Мавриновымъ; другіе произведены были графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, со 2 по 5 число октября того же года, въ присутствіи П. С. Потемкина. Эти допросы заключаютъ въ себѣ интересный разсказъ Пугачева о своей жизни. Особенно обращаемъ вниманіе читателей на его странствованія послѣ бѣгства изъ Зимовейской станицы по Малой и восточной Россіи до появленія на Уралѣ, его сношенія съ раскольниками и недовольными уральскими казаками. Пугачевъ пускается часто въ большія подробности, прикидывается человѣкомъ откровеннымъ и кающимся; но разсказы его во многихъ мѣстахъ подозрительны; очевидно онъ выставляетъ иногда факты въ ложномъ свѣтѣ и старается показать себя жертвою несчастнаго стеченія обстоятельствъ, лицомъ болѣе страдательнымъ, нежели главнымъ виновникомъ и руководителемъ мятежа. Выписываемъ для примѣра обстоятельства, заставившія Пугачева, по его словамъ, покинуть свое семейство и родину. «Изъ села Каменки отпущенъ я былъ, за болѣзнію, въ домъ свой (во время первой Турецкой кампаніи), и при мнѣ въ отпускѣ сто человѣкъ казаковъ, на мѣсяцъ; а по прошествіи срока велѣно было явиться опять къ командѣ, гдѣ обрѣтаться будетъ армія. Чтожъ? Когда я, будучи въ арміи, назывался Государя Петра Перваго крестнымъ сыномъ, о томъ никогда и въ разумъ не приходило назваться мнѣ самымъ государемъ.... А я, будучи весьма болѣнъ, и пріѣхалъ въ домъ свой, и лежалъ съ мѣсяцъ. Когда же увидѣли тутъ станичные командиры, что къ выздоровленію безнадеженъ, ибо на ногахъ и на рукахъ были величайшія раны, то сказали мнѣ, чтобъ взялъ я станичный аттестатъ и билетъ для свободнаго проѣзда, и ѣхалъ въ городъ Черкасскъ, и я поѣхалъ. А по пріѣздѣ явился къ войсковому атаману, Степану Данилову сыну Ефремову. Оный сказалъ мнѣ, чтобъ шелъ я для излеченія ранъ, въ лазаретъ, «а какъ же непзлѣчишься, то тогда отставка, де, тебѣ дастся, ибо я, де, вижу, что ты, можетъ быть современемъ, и вылечишься»; однакожъ я не пошелъ въ лазаретъ, боясь того, чтобъ больше болѣзнь моя не умножи-

лась, а разсудилъ пользоваться на своемъ коштѣ, о чемъ Ефремову доносилъ, сказывая притомъ, что между тѣмъ поѣду въ Таганрогъ, къ сестрѣ своей для свиданія. На то Ефремовъ говорилъ: «Очень хорошо, пожалуй де поѣзжай, вѣдь ты и билетъ имѣешь для проѣзда, куда хочешь»; почему я и пріѣхалъ въ Таганрогъ. Зятя своего дома не улучилъ, а сестра внезапному моему пріѣзду весьма обрадовалась, а черезъ нѣсколько дней и зять мой въ домъ пріѣхалъ. Между многихъ разговоровъ зять сказывалъ: «Насъ, де, хотятъ обучать по гусарски и всякимъ регулярнымъ военнымъ подвигамъ». А на то я отвѣчалъ: «Какъ, де, это, кажется, негодится, чтобъ перемѣнять уставъ казачьей службы, и надобно, де, о семъ просить, чтобы оставить казаковъ на такомъ основаніи, какъ дѣды и отцы войска Донскаго служили». На то зять мой, Симонъ Павловъ, говорилъ: «У насъ де много уже и перемѣнили; старшинъ де у насъ уже нѣтъ, а названы вмѣсто оныхъ ротмистры; а когда де насъ начнутъ обучать не по обыкновенію казацкому, то мы, сколько насъ ни есть, намѣрены бѣжать туда, куда наши глаза глядѣть будутъ». На сіе я ничего не сказалъ. Жилъ тутъ три недѣли; когда сталъ собираться домой, то сестра моя стала проситься для свиданія съ матерью, которую я, съ позволенія зятя своего, съ собою и взялъ. Пріѣхавъ на рѣку Тузловъ, разстояніемъ отъ города Черкасска верстъ сорокъ, сталъ кормить лошадей, въ которое время и зять мой меня нагналъ въ числѣ трехъ казаковъ, и сказывалъ, что они бѣжали для того, что не хотятъ служить по новымъ обрядамъ службы». (Чтеній книга 2-я, стр. 3—4). Пугачевъ, если вѣрить его разсказу, сначала старался образумить бѣглецовъ и воротить ихъ назадъ; но убѣдившись въ ихъ упорствѣ, посовѣтовалъ имъ отправиться на Терекъ. Бѣглецы послушали его совѣта. Но они не знали дороги, и разъ въ полночь зять Пугачева пріѣхалъ въ Зимовейскую станицу на дворъ къ нему, и просилъ его показать имъ дорогу. Пугачевъ растолковалъ, куда ѣхать, и перевезъ ихъ черезъ Донъ. Бѣглые казаки недѣли три блуждали по степи, и опять воротились въ Зимовейскую станицу; здѣсь на распросѣ признались станичному атаману въ своемъ предпріятіи, и оговорили между прочимъ Пугачева. Послѣдній, услыхавъ о томъ, бѣжалъ тайкомъ отъ своей жены и отъ матери, прожилъ недѣли двѣ въ степи, и опять пріѣхалъ домой. Тутъ его схватили и подъ карауломъ отправили въ Чирскую станицу въ розыскную команду; а отсюда послали въ Черкасскъ. Дорогою, именно въ Цимлянской станицѣ, казакъ Лукьянъ Худаковъ упросилъ товарищей, чтобы Пугачева отдали ему на поруки для доставленія въ Черкасскъ; потомъ спялъ съ послѣдняго колодку и отправилъ

съ своимъ 20-ти лѣтнимъ сыномъ, который, отъѣхавъ съ Пугачевымъ въ степь, далъ ему свободу. Съ этихъ поръ начинаются странствованія Пугачева. Онъ направился въ Малороссію, оттуда пробрался въ Польшу, находя вездѣ пріютъ у раскольниковъ. Въ Польшѣ онъ оставался недолго; отсюда направился въ Россію, и въ 1772 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ явился на Яикѣ, и все при помощи раскольниковъ.

Изъ признаній Пугачева неяснымъ для читателя остается главный вопросъ, какимъ образомъ запало ему въ голову намѣреніе назваться императоромъ Петромъ III; самъ ли онъ пришелъ къ тому, или другіе подали ему эту мысль, и по какому поводу? Вопросъ этотъ сильно интересовалъ и Екатерину II. Вотъ что говоритъ она въ письмѣ къ графу П. И. Панину отъ 20 ноября 1774 г. (въ отвѣтъ на донесеніе о поимкѣ Пугачева): «№ 20 извѣщаетъ мнѣ *распросные пункты*, сдѣланные злодѣю вами обще съ Г. М. Потемкинымъ; но сколь оные ни подробны и ни дополняютъ первый допросъ, ему учиненной въ Яицкомъ городкѣ капитаномъ-поручикомъ Мавриновымъ; *все еще начало выдумки сей остается закрыто*, развѣ объяснится по привозѣ изъ Добрянки тѣхъ раскольниковъ, по которыхъ посланы отъ васъ гвардіи офицеры, а съ Иргиза старцовъ, которыхъ генеръ-маіоръ Потемкинъ взялся сыскать». (54 стр.). Императрица, какъ мы видимъ, ожидаетъ, что загадка объяснится по привозѣ иргизскихъ и добрянскихъ старцевъ. И дѣйствительно, судя по отвѣтамъ Пугачева, отобраннымъ графомъ Панинымъ, самозванецъ едва ли не явился прежде всего орудіемъ въ рукахъ раскольниковъ.

Кромѣ интересныхъ подробностей Пугачевскаго дѣла въ «Чтеніяхъ» напечатаны еще два документа, относящіеся къ тому же царствованію: *Секретнѣйшее наставленіе князю Александру Вяземскому, императрицы Екатерины Второй* (въ 1-й книжкѣ въ смѣси) и *Государыня Императрица Екатерина II въ сенатъ, по дѣлу Иркутскаго сльдователя Крылова*. (во 2 кн. смѣсь). Особенно заслуживаетъ вниманія первый документъ. Назначая князя Вяземскаго на мѣсто генералъ-прокурора въ сенатъ, Императрица въ наставленіи своемъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «въ сенатѣ найдете вы двѣ партіи; но здравая политика съ моей стороны требуетъ оныя отнюдь не уважать, дабы имъ чрезъ то не подать твердости, и они бы тѣмъ скорѣе исчезли... а только смотрѣла я за ними не дреманнымъ окомъ, людей же употребляла по ихъ способности къ тому или другому дѣлу. Обѣ партіи стараться будутъ васъ уловить въ свою сторону; вы въ одной найдете людей честныхъ нравовъ, хотя иногда и недальновидныхъ разумовъ; въ другой,

думаю, что виды далѣе простираются, но неясно, всегда ли оные полезны», и нѣсколько ниже: «Россійская имперія есть столь обширная что кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма, правленія вредна ей; ибо всѣ протчія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда, и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ; а другіе всѣ, по слову Евангельскому, наемники суть».

Къ концу XVIII вѣка относятся *Письма императора Павла I къ Екатеринославскому военному губернатору Бердяеву* (книги 1-й смѣсь). Въ нихъ заключаются разныя, нелишенныя интереса, административныя распоряженія.

Въ Смѣси, въ первыхъ двухъ нумерахъ «Чтеній» встрѣчаются очень любопытные историческіе матеріалы и для нашего XIX вѣка. А именно: *Мысли по случаю учрежденія вольныхъ хлѣбопашцевъ въ Россіи 1803 г. М. В. Храповицкаго; Письмо генерала отъ кавалеріи графа Буксгевдена къ военному министру графу Аракчееву*, отъ 13 сентября 1809 года; *Письмо къ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому о сочиненіяхъ Карамзина*. Отъ 10 августа 1810 года (отъ попечителя учебнаго округа). Слѣдующія слова даютъ ясное понятіе о содержаніи и характерѣ этого письма: «ревнуя о единомъ благѣ, стремясь къ единой цѣли, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина; вы знаете, что оныя *исполнены вольнодумческаго и якобинческаго яда*». (Книга вторая). Потомъ: *Мнѣніе вице-адмирала Шишкова, о представленномъ въ комитетъ господъ министровъ проектѣ и уставѣ общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія*, и приказъ 2-й арміи, *графа Витгенштейна*, отъ 7 іюля 1822 года. Къ царствованію Императора Александра I, также надобно отнести, по нѣкоторымъ признакамъ, два безымянные проекта или двѣ записки: одна *о взяткахъ судей*, другая *объ указныхъ процентахъ* (книга вторая). Эти записки составлены умно, съ яснымъ пониманіемъ дѣла и имѣютъ для насъ современный интересъ. Первый проектъ предлагаетъ гласность, какъ самую дѣйствительную мѣру противъ злоупотребленій судопроизводства. «Но какъ печатать выписки всѣхъ рѣшенныхъ спорныхъ дѣлъ (говорится здѣсь), за множествомъ оныхъ неудобно, или даже невозможно, то, кажется довольно было бы предавать тиснѣнію выписки дѣлъ такихъ только людей, которые, почитая себя крайне-обиженными приговоромъ судейскимъ, просили объ этомъ».—Второй проектъ вооружается противъ принужденныхъ

процентовъ и доказываетъ вредныя слѣдствія этой мѣры. «Предоставляя проценты свободными, когда всякій можетъ отдавать свои деньги заимообразно, безъ опасенія слѣдствій отъ нарушенія закона, должно ожидать, что масса ссудныхъ капиталовъ непремѣнно умножится; проценты чрезъ то мало-по-малу приходить будутъ въ большую умѣренность, и наконецъ сами собою уравняются они съ прибылями, которыя всѣ другіе къ прирощенію способы несомнительно приносятъ». (176 стр.).

Изъ остальныхъ матеріаловъ, заключающихся въ означенныхъ двухъ книгахъ, укажемъ на *Описаніе Новгородскаго первокласснаго Юрьева монастыря*, архимандрита Макарія; на драму: *Милость Божія Украину отъ неудобъ носимыхъ обидъ Лядскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмѣльницкаго свободившая и дарованными ему надъ Ляхами побѣдами возвеличившая, на незабвенную память репрезентованная въ школахъ кіевскихъ 1728 лѣта* (эта драма приписывается Ѳеофану Прокоповичу), и на *Правую грамоту царя Алексѣя Михайловича Троицкому Сергіеву монастырю на владѣнія деревнею Ильинскою.* (1675 года). Изъ послѣдняго документа приведемъ слѣдующую характеристическую подробность: «И въ прошлыхъ де годехъ билъ челомъ Великому Государю Боярипъ Князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій, и вмѣсто той порожжей пустоши Ильинской *мочью своею* тое ихъ манастырскую деревцю Ильинку, со многою вотчинною землею и со крестьяны и съ бобыли у монастыря *отнялъ*, и владѣлъ тою деревнею и крестьяны многіе годы, а послѣ ево, Боярина Князя, Семена Васильевича, владѣлъ тою деревнею сынъ ево, князь Петръ меньшой, а Тройцкіе де прежнія власти, и они о той манастырской вотчинной деревнѣ Великому Государю били челомъ безпрестанно, и крѣпости на тое деревню въ Помѣстномъ приказѣ клали, и съ тѣхъ де мѣстъ, то вотчинное дѣло и по се время было не вершено, за тѣмъ, что по Указу Великаго Государя онъ, князь Петръ, посланъ былъ на Государскую службу на Терекъ» (кн. 2-я смѣсь 119—120 стр.).

Третья и четвертая книга Чтеній, относительно важности матеріаловъ, въ нихъ помѣщенныхъ, уступаютъ первымъ двумъ. Тѣмъ не менѣе для занимающихся Русскою Исторіею, онѣ представляютъ значительный запасъ новыхъ данныхъ и вполнѣ заслуживаютъ вниманіе нашей публики. Въ прошломъ обозрѣніи мы уже замѣтили, что главная заслуга этого изданія заключается не въ изслѣдованіяхъ, а въ матеріалахъ; то же самое повторяемъ и теперь. Во главѣ изслѣдованій на этотъ разъ стоятъ два сочиненія, относящіяся, одно собственно къ исторіи византійской іерар-

хіи, другое къ исторіи западныхъ славянъ. Именно: *Очеркъ жизни Константинопольскаго патріарха Фотія. А. П. Зернина.* (Кн. 3) и *Гусъ и Лютеръ* (*Отдѣлъ II-й. Отношенія Гуса и Лютера къ соплеменникамъ*). *Е. П. Новикова.* (Кн. 4). Имѣя въ виду Русскую исторію, мы не останавливаемся на этихъ сочиненіяхъ; впрочемъ отдаемъ полную справедливость труду и добросовѣстности ихъ авторовъ.

Въ третьей книгѣ между изслѣдованіями помѣщена статья: *О пребываніи патріарха Никона въ заточеніи въ Ѳерапонтовѣ и Кирилловѣ Бѣлозерскихъ монастыряхъ.* Архим. Варлаама. Она составлена по актамъ Кириллова монастыря и даетъ нѣсколько интересныхъ фактовъ для біографіи знаменитаго патріарха послѣ его низложенія. Конечно, здѣсь главный интересъ заключается не въ томъ, какое количество рыбы ловили для изгнанника или какую онъ требовалъ для себя кухонную и и столовую посуду. Для насъ болѣе важно то, что по монастырскимъ грамотамъ мы можемъ уловить состояніе его духа, его мысли и любимыя занятія, и такимъ образомъ еще болѣе уяснить себѣ этотъ цѣльный, непреклонный характеръ. И въ заточеніи Никонъ остается вполнѣ вѣренъ своимъ привычкамъ и убѣжденіямъ. Онъ очень дѣятеленъ, и за недостаткомъ болѣе обширнаго поприща, выказываетъ свою дѣятельность въ тѣсныхъ предѣлахъ монастырской общины: онъ каждый день присутствуетъ при богослуженіи, читаетъ книги, занимается рыболовствомъ, земледѣліемъ, скотоводствомъ, гуляетъ верхомъ по окрестностямъ, лѣчитъ больныхъ изъ жителей ближнихъ селъ, соблюдая въ своемъ хозяйствѣ (отдѣльномъ отъ монастырскаго) строгую экономію и порядокъ, и въ этомъ случаѣ доходитъ до удивительныхъ молочей. Далѣе, Никонъ въ отношеніи къ другимъ сохраняетъ свою обычную гордость, пылкость и суровость своего обращенія. Незамѣтно, чтобы изгнанникъ сколько нибудь смирился духомъ; напротивъ, онъ по прежнему не признаетъ справедливости своего осужденія и продолжаетъ называть себя патріархомъ. Такъ въ февралѣ 1668 г. въ спискѣ потребныхъ для него вещей, который былъ посланъ имъ къ приставу, съ тѣмъ, чтобы тотъ препроводилъ оный въ Кирилловъ монастырь, мы читаемъ слѣдующую надпись: *Роспись сѣдящему во тмѣ и сѣни смертныя, окованному нищетою и желѣзомъ, смиренному Никону, милостію Божіею патріарху*». (145). Выпишемъ еще одинъ, подобный фактъ. «Въ 1675 году, въ генварѣ мѣсяцѣ, когда Кирилловскій архимандритъ Никита, по указу патріарха Іоакима, послалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь къ игумену и старцамъ съ отпискою служку своего для вызова ихъ къ допросамъ, почему они называютъ Никона святѣйшимъ патріархомъ (они

это дѣлали «по приказу» послѣдняго), и когда игуменъ показалъ эту отписку патріарху Никону, то Никонъ посылалъ къ своему приставу сказать, чтобы игумена и старцевъ къ допросу въ Кирилловскій монастырь не отпускалъ, и, предавшись гнѣву, бранилъ всячески посланнаго служку при большомъ собраніи тутошнихъ и посторонніхъ людей и велѣлъ стрѣльцамъ, которые къ нему для береженія приставлены съ дубьемъ, бить его, а грамоту патріарха Іоакима называлъ воровскою и лично о патріархѣ произносилъ *неистовыя слова*». (148).

Въ той-же третьей книгѣ подъ рубрикою «славянскіе матеріалы» напечатано: *Житіе Ѳеодосія, игумена Печерскаго, списаніе Нестора, по харатейному списку XII вѣка Московскаго Успенскаго Собора, съ разнословіями по многимъ другимъ, 3-мя снимками и предисловіемъ О. Бодянскаго.* Содержаніе этого интереснаго житія давно уже извѣстно русской публикѣ; тѣмъ не менѣе нельзя не благодарить г. Бодянскаго за возможность еще разъ прочесть его по древнѣйшему и полнѣйшему списку. Въ четвертой книгѣ Чтеній въ Смѣси находится сочиненіе Н. А. Маркевича *о Казакахъ,* которое можно отнести въ рядъ изслѣдованій. Оно трактуетъ о времени происхожденія козаковъ, объ ихъ національности и объ имени. Сочиненіе это имѣетъ какой-то полемическій характеръ и направлено противъ тѣхъ историковъ, которые производятъ козаковъ не отъ малороссіянъ. Въ большей части своихъ выводовъ авторъ сходится съ мнѣніемъ Карамзина. Вотъ его главныя положенія: 1. Козаки были не народъ, не племя, а малороссійское войско; 2. Время его происхожденія совпадаетъ съ началомъ монгольскаго ига, когда «малороссійскіе бѣглецы отъ татаръ назвали себя вольницею и собрали небольшую дружину подъ именемъ Козаковъ». 3. Козаки заняли свое имя (которое означаетъ вольницу) отъ торковъ и берендѣевъ, называвшихся черкасами, словомъ однозначащимъ съ словомъ козакъ. 4. Запорожцы тѣ же казаки, составлявшіе безсмѣнную стражу Малороссіи и называвшіе гетманцевъ старшею братіею, а гетмана батькомъ, и пр. Не смотря на это сочиненіе, вопросъ о козакахъ остается въ прежнемъ положеніи. Одно только несомнѣнно, что они — славяне. Время же ихъ происхожденія и значеніе ихъ имени, пока еще положительно не объяснены; доказательства г. Маркевича въ этомъ отношеніи неубѣдительны и болѣе имѣютъ характеръ догадокъ. Вообще статья составлена довольно поспѣшно и встрѣчаются очевидныя невѣрности. (См. отвѣтъ г. Погодина въ № 43 Моск. Вѣд.). Теперь мы перейдемъ къ историческимъ документамъ, которые заключаются въ третьей и четвер-

той книгѣ «Чтеній», и преимущественно остановимся на матеріалахъ для XVIII столѣтія. Приводимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Грамота императора Петра I-го къ Антонію, архіепископу Черниговскому 1716 года, отъ 5 марта. По распоряженію государя въ епархіи посылаются копіи съ тѣхъ обѣщаній, которыя должны давать архіереи при своемъ поставленіи. Это одна изъ мѣръ, направленныхъ противъ злоупотребленій духовенства. Копія, посланная вмѣстѣ съ грамотою къ черниговскому архіепископу, представляетъ очень важный документъ для нашей внутренней исторіи. Русскимъ архіереямъ между прочимъ предписываются слѣдующіе обѣты: «обѣщеваюся, еже кого-либо, по моей страстной волѣ или какихъ ради ссоръ со мною, или съ моими подчиными, вседомовно и единолично, не проклинать и отъ таинствъ церковныхъ не отлучать, развѣ кто покажется явнымъ преступникомъ и разорителемъ заповѣдей Божіихъ, или противно церкви еретикомъ, и по Христову словеси, по тріехъ увѣщаніяхъ не покоршагося и неисправившагося, токмо единолично, а не вседомовно, проклинать и отлучать». Далѣе: «Со противными церкви святой» поступать вообще съ кротостію; монаховъ содержать по уставамъ и не позволять имъ скитаться по монастырямъ; церквей, священниковъ и причетниковъ свыше потребы *сквернаго ради прибытка* не умножать; въ мірскія дѣла и обряды не входить; паству свою посѣщать, по крайней мѣрѣ, разъ въ два или три года, и при томъ *не ради лихоиманія и чести;* а для назиданія вѣрныхъ, болѣе же всего для смотрѣнія и поученія священниковъ, «дабы расколовъ, суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было, *дабы невѣдомыхъ и отъ церкви не свидѣтельствованныхъ гробовъ за святыню не почитали*, притворныхъ бѣснующихъ, въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ, не точію наказывать, но и къ градскому суду отсылать, и прочихъ, подъ образомъ благочестія, притворныхъ и прелестныхъ дѣлъ отъ духовнаго и мірскаго чина не принимали, *дабы святыхъ иконъ не боготворили и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли*», и пр. (Чт. кн. 3-я).

Протоколы верховнаго тайнаго совѣта, съ 1726 года 10 февраля по 4 марта 1730 года. Тѣ, которые слѣдили за «Библіографическими Записками» 1858 года, знаютъ, что документъ, выписанный нами, ошибочно названъ Протоколами. Въ Библіографическихъ Запискахъ (№ 23) представлены тому несомнѣнныя доказательства: во 1-хъ, по самому изложенію своему *протоколы* слишкомъ далеки отъ формы, усвоенной этому роду бумагъ, составляемыхъ въ засѣданіяхъ присутственныхъ мѣстъ; во 2-хъ, они вовсе не представляютъ обстоятельнаго хода дѣлъ въ

совѣтѣ, а говорятъ о нихъ сжато, въ нѣсколькихъ словахъ. Наконецъ въ 3-хъ, въ этихъ матеріалахъ попадаются и такія указанія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли имѣть мѣста въ оффиціальной бумагѣ, а скорѣе составляютъ чье-либо личное соображеніе или догадку. Въ примѣръ такихъ указаній представляются: разсказъ о безуспѣшномъ стараніи Меньшикова отстранить герцога Голштинскаго отъ засѣданія въ совѣтѣ; извѣстіе о завѣщаніи Екатерины I (подъ 1727 годомъ), которое (подлинное) *впослѣдствіи было сожжено императрицею Анною*, и пр. Далѣе, «Библіограф. Записки» рѣшаютъ вопросъ: какого рода статьи напечатаны въ «Чтеніяхъ» подъ именемъ протоколовъ верховнаго совѣта и на сколько онѣ заслуживаютъ довѣрія ученыхъ? Оказывается, что это есть не что иное, какъ сокращенное извлеченіе изъ рукописнаго сочиненія А. Ѳ. Малиновскаго, бывшаго управляющаго московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателя Императорскаго Общества Исторіи и Древностей. Почтенный ученый пользовался для своего труда не одними только протоколами верховнаго тайнаго совѣта, но извлекалъ свѣдѣнія и изъ другихъ документовъ и дѣлъ, хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ. Потомъ «Библіогр. Записки» дѣлаютъ слѣдующую догадку: не принадлежитъ ли извлеченіе, помѣщенное въ «Чтеніяхъ» Языкову, который изъ сочиненія Малиновскаго заимствовалъ (впрочемъ безъ указанія на источникъ) всѣ поясненія, присоединенныя имъ въ видѣ примѣчаній къ «Запискамъ дюка Лирійскаго»?

Протоколы (оставимъ за ними это названіе) заключаютъ въ себѣ обильный источникъ двухъ царствованій: Екатерины I и Петра II. Почти половина этихъ матеріаловъ относится ко внѣшнимъ, дипломатическимъ дѣламъ того времени; другая половина сообщаетъ извѣстія о разныхъ административныхъ распоряженіяхъ, о придворныхъ событіяхъ и перемѣнахъ въ судьбѣ высшихъ правительственныхъ лицъ. Между послѣдними встрѣчаются иногда такія извѣстія, въ которыхъ сквозь сухой, отрывочный характеръ документовъ ясно проглядываетъ борьба партій, волнуемыхъ вопросами о престолонаслѣдіи и ненавистію къ всесильному Меньшикову. Остановимъ наше вниманіе на дѣлѣ извѣстнаго графа Девьера, генералъ-полицмейстера петровскихъ временъ.

26 апрѣля 1727 года присланъ указъ Совѣту произвести слѣдствіе по дѣлу Девьера, оказавшагося виновнымъ въ *великихъ продерзостяхъ*, злыхъ совѣтахъ и намѣреніяхъ. Императрица велѣла въ этомъ указѣ прибавить: «и кромѣ того, во время нашей, по волѣ Божіей, прежестокой болѣзни, многимъ грозилъ Девьеръ и напоминалъ съ жестоко-

стію, чтобъ всѣ его боялись». На слѣдующій день канцлеру графу Головкину дано было отъ князя Меньшикова порученіе произвести строгій и тайный допросъ Антону Девьеру. Канцлеръ вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ записку отъ имени и за подписью Ея Величества. Записка эта очень интересна; она заключала обвиненія, и вмѣстѣ допросные пункты для подсудимаго. Вотъ ея содержаніе. 16 апрѣля 1727 года, когда императрица подверглась жестокому пароксизму и всѣ добрые подданные находились въ большой печали, Антонъ Девьеръ, (по объявленію Ихъ Высочествъ Анны и Елисаветы Петровны), присутствуя тогда во дворцѣ, не только не былъ печаленъ, но даже веселился, и учинилъ слѣдующіе поступки: во 1-хъ, плачущую Софью Карловну началъ вертѣть какъ въ танцахъ и говорилъ ей: «*не надобно плакать*»! Во 2-хъ, сѣлъ на кровать, посадилъ съ собою Его Высочество Великаго Князя (впослѣдствіи Петра II) и сталъ ему что-то шептать на ухо; между тѣмъ великая княжна Анна Петровна стояла въ той комнатѣ у стола и плакала отъ сильной горести; Девьеръ не только не всталъ и не отдалъ Ея Высочеству должнаго почтенія; но, сидя на кровати, смѣялся и говорилъ ей: «*о чемъ печалишься? Выпей рюмку вина*»! Въ 3-хъ, когда вошла въ ту же комнату цесаревна Елисавета Петровна въ слезахъ и въ печали, онъ и передъ ней не всталъ; а продолжалъ смѣяться надъ нѣкоторыми особами. Въ 4-хъ, по объявленію Его Высочества Великаго князя, Девьеръ, посадивъ его съ собою на кровать, говорилъ ему такія слова: «*Поѣдемъ со мною въ коляскѣ, будетъ тебѣ лучше и воля, а матери твоей уже не быть живой*», и притомъ напоминалъ, «что Его Высочество сговорилъ жениться, а они за нею будутъ волочиться, а Его Высочество будетъ ревновать». Въ 5-хъ, по объявленію великой княжны, генералъ-фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь (Меньшиковъ), видя такіе злые поступки Девьера, говорилъ Ея Высочеству, что бы она никого не слушала, но была бы съ нимъ, свѣтлѣйшимъ княземъ, всегда при матушкѣ. О прочихъ Девьеровыхъ поступкахъ Ихъ Высочества, по причинѣ своей сильной печали въ то время, припомнить не могутъ; а были при этомъ многія особы, и онѣ подъ присягою должны засвидѣтельствовать о дерзкихъ словахъ и поступкахъ Девьера, кто что видѣлъ и слышалъ. При допросѣ и при розыскѣ пусть Девьеръ объявитъ, куда и для чего хотѣлъ онъ увезти Его Высочество, что означаютъ сказанныя имъ слова, гдѣ, съ кѣмъ и когда онъ былъ въ совѣтѣ, и какое злое имѣлъ намѣреніе.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла, къ сожалѣнію, въ протоколахъ не раскрывается. Видно было, что оно подвигалось быстро и приняло зна-

чительные размѣры. Смерть императрицы (6 мая) не измѣнила развязки; всесильный Меньшиковъ спѣшилъ покончить съ своими врагами. 26 мая составленъ манифестъ такого содержанія: Явились мятежники, нехотѣвшіе допустить до престола царствующаго императора (Петра II), умышлявшіе его удалить въ чужіе края. Въ наказаніе за сіе повелено было: Антона Девьера и (графа) Петра Толстаго, лишивъ чиновъ и деревень, перваго бить кнутомъ и сослать въ Сибирь, Толстаго съ сыномъ Иваномъ, въ Соловецкій монастырь; (генерала) Бутурлина, лишивъ чиновъ, удалить въ дальнія деревни; (оберъ-прокурора) Григорія Скорнякова-Писарева лишить чиновъ, наказать кнутомъ и сослать въ Сибирь; (генерала) Андрея Ушакова за то, что зналъ и не донесъ, опредѣлить къ другой командѣ; князя Ивана Долгорукаго и Александра Нарышкина за то, что хотѣли препятствовать браку Петра съ дочерью князя Меньшикова, перваго удалить отъ двора и записать въ полевые полки, второму жить въ деревняхъ» [1]). — Протоколы оканчиваются манифестомъ императрицы Анны объ уничтоженіи Совѣта и возстановленіи прежнихъ правъ Сената. (Чт. кн. 3-я).

Донесеніе Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ, Аннѣ Іоанновнѣ, о Московскомъ большомъ пожарѣ въ 1737 г. (29 мая) отъ графа С. А. Салтыкова.

При этомъ донесеніи прилагается краткое извѣстіе о направленіяхъ, которыя принимало пламя, и опустошеніяхъ, которыя оно производило. Причина пожара еще неизвѣстна графу. «Во первыхъ, загорѣлось—пишетъ онъ—за Боровицкимъ мостомъ, на Знаменкѣ, въ приходѣ церкви

[1]) Замѣтимъ при этомъ мимоходомъ, что относительно упомянутаго дѣла источники отличаются темнотою и разногласятъ между собою. Одни разсказываютъ, что Девьеръ и его соумышленники, замѣшанные въ процессъ царевича Алексѣя Петровича, боялись мести его сына Петра, и потому хотѣли, устранивъ его отъ престола, возвести царевну Анну Петровну. Упомянутая записка Екатерины къ Головкину противорѣчитъ такому намѣренію; манифестъ о наказаніи виновныхъ напротивъ подтверждаетъ его. По другимъ извѣстіямъ, заговорщики хотѣли во время болѣзни императрицы провозгласить Великаго Князя Петра императоромъ, а вмѣсто Меньшикова объявить регентомъ Нарышкина. Такимъ образомъ, дѣйствительныя намѣренія заговорщиковъ все еще остаются темными; одно только ясно для насъ, что они болѣе всего хлопотали о низверженіи ненавистнаго временщика. Разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ: Когда гвардейскій капитанъ объявилъ Девьеру во дворцѣ объ арестѣ и потребовалъ шпагу, тотъ быстро обнажилъ ее, и бросился на стоявшаго подлѣ князя Меньшикова; но ударъ успѣли отклонить. (Gesch. der europeisch. St. IV).

Антонія чудотворца, что слыветъ у Колымажныхъ воротъ, на дворѣ князя Ѳедора Голицына или у Александра Милославскаго, а подлинно нынѣ узнать еще до слѣдствія неможно», и пр. Почти тоже извѣстіе о томъ же самомъ пожарѣ находимъ мы въ «Запискахъ Майора Данилова», гдѣ упоминается и самая причина пожара (вѣроятно найденная по слѣдствію). «Въ томъ же 737 году,—пишетъ Даниловъ—въ небытность Милославскаго въ Москвѣ, на самый Троицынъ день, поварова жена, на дворѣ имѣвши чуланъ, зажгла въ немъ передъ образъ денежную свѣчу въ угодность праздника и сама пошла подъ палаты (тамъ была кухня) для себя готовить ѣсть: свѣча отъ образа отпала и зажгла чуланъ вмигъ, а бывшіе во дворѣ люди, на такой несчастный случай, всѣ были у обѣдни, въ самое второе колѣнопреклоненіе, услышали о пожарѣ, выбѣжали поспѣшно всѣ вонъ, но уже было поздно; огонь занялъ половину двора, къ несчастію, тогда былъ вѣтеръ сильный, а время сухое, то отъ сей денежной свѣчки распространился въ скорости гибельный и страшный пожаръ, отъ коего ни четвертой, ниже доли Москвы цѣлой не осталось. Въ Кремлѣ дворцы, соборы, коллегіи, ряды, Устрѣтинка, Мясницкая, Покровка, Басманная старая и новая, слободы всѣ, въ пепелъ обращены, и наплу, всѣ силы соединя, могли отстоять Головинскій за Яузою дворецъ; въ семъ же свирѣпомъ пожарѣ народа не мало, а имѣнія и товаровъ несчетное множество погорѣло». «Донесеніе» графа Салтыкова императрицѣ состоитъ въ исчисленіи погорѣвшихъ церквей, монастырей, и разнаго рода зданій, преимущественно казенныхъ, и не только цѣлыхъ зданій, но и различныхъ вещей, въ нихъ находившихся; въ этомъ отношеніи донесеніе доходитъ иногда до удивительныхъ подробностей. Интересно между прочимъ извѣстіе о такъ называемомъ царь-колоколѣ. «Да надъ большимъ колоколомъ, который вновь вылитъ, какъ горѣлъ сдѣланный надъ нимъ верхъ и упали на него брусья, и отъ того у колокола у нижняго края вышибло вонъ вверхъ и въ ширину аршина на два». При одномъ этомъ колоколѣ строенья и разныхъ припасовъ сгорѣло на 21,788 р. 51¾ к. Вообще «донесеніе» можетъ доставить значительный археологическій и статистическій матеріалъ для исторіи собственно города Москвы.

Въ правительствующій Сенатъ Императорскаго Московскаго Университета отъ куратора Шувалова доношеніе отъ 1 ноября 1760 года и *разрѣшеніе Сената на доношеніе куратора Московскаго университета Шувалова*. Просвѣщенный вельможа XVIII столѣтія, основатель Московскаго Университета, Ив. Ив. Шуваловъ возвышаетъ свой тихій, но твердый голосъ на пользу русскаго образованія. «Странно и удиви-

тельно,—говоритъ онъ къ своемъ доношеніи—что отъ время установленія здѣсь ученій, Россія желаннаго плода не имѣетъ; способность, острота и склонность извѣстная нашего народа, частыми видимыми примѣрами въ разныхъ частяхъ насъ утверждающая, справедливо уповали видѣть лучшіе успѣхи. Итакъ, должно искать, какія препятствія не допускаютъ сему желанному и полезному государственному плоду? «За тѣмъ, описавъ пользу государству, происходящую отъ образованія, Шуваловъ переходитъ къ тѣмъ причинамъ, по которымъ учрежденіе университета не достигаетъ своей цѣли. Онъ указываетъ на вредный обычай записывать дворянскихъ дѣтей въ гвардію лѣтъ съ десяти и менѣе; мальчики получаютъ унтеръ-офицерскіе чины и живутъ дома. Достигши совершеннаго возраста, они поступаютъ на дѣйствительную службу, неполучивъ почти никакого образованія, и потомъ вся дѣятельность ихъ состоитъ въ исполненіи внѣшнихъ служебныхъ обрядовъ; они могутъ быть только исправными унтеръ-офицерами, и больше ничего. Что бы побудить дворянъ заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, Шуваловъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: дворянскія дѣти до 18 лѣтъ должны учиться въ Кадетскомъ корпусѣ, въ Московскомъ университетѣ, или въ другой какой школѣ; потомъ подвергаться экзамену и опредѣляться на службу, смотря по склонности своей и по достоинству. При этомъ кураторъ старается обратить вниманіе правительства не на одну военную часть, но и на штатскую службу, и совѣтуетъ предоставить молодымъ людямъ свободу избирать себѣ дорогу сообразно съ своими склонностями, потому что «польза какъ отъ одной, такъ и отъ другой (службы) государству равно нужная». Потомъ онъ предлагаетъ: учредить въ большихъ городахъ гимназіи, а въ маленькихъ школы; гимназіи стараться наполнить учителями изъ воспитанниковъ Московскаго университета, кромѣ учителей иностранныхъ языковъ; изъ маленькихъ школъ молодые люди пусть поступаютъ въ гимназіи, изъ гимназій въ Кадетскій корпусъ, въ академію или университетъ; а изъ этихъ трехъ заведеній на дѣйствительную службу. На этотъ проектъ сенатъ отвѣчалъ слѣдующимъ рѣшеніемъ: «За стараніе его (Шувалова) къ возстановленію столь нужнаго и полезнаго для государства дѣла написать ему въ указъ похвалу; а чтобы со всѣми уже обстоятельствами къ рѣшенію по тому представленію правительствующій сенатъ приступить могъ, то ему, куратору, сочинить и штатъ, въ которыхъ именно городахъ, на какомъ основаніи, и сколь велики гимназій учредить, и на содержаніе ихъ какая сумма потребна, и подать оныя штаты въ правительствующій сенатъ. Дѣло это однако прекратилось, вѣроятно, за смертію импе-

ратрицы Елисаветы Петровны. Но спустя 25 лѣтъ, какъ извѣстно, по волѣ Екатерины II, открыты были въ губернскихъ городахъ главныя народныя училища, малыя въ уѣздныхъ. Очень можетъ быть, что проектъ Ив. Ив. Шувалова въ этомъ событіи игралъ немаловажную роль. Вполнѣ же (относительно школъ) осуществился онъ въ царствованіе Александра I, когда главныя народныя школы были преобразованы въ наши гимназіи; а малыя въ теперешнія уѣздныя училища.

Завѣщаніе императрицы Екатерины Второй по дѣлу Артемія Волынскаго, 1765 года. Очень любопытный документъ, характеризующій личный взглядъ Екатерины, какъ на дѣло Волынскаго въ частности, такъ и вообще на показанія съ пытки и на отношенія подданныхъ къ царствующей особѣ. Императрица совѣтуетъ своему сыну и всѣмъ своимъ потомкамъ читать упомянутое дѣло отъ начала до конца, «дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ». По поводу пытокъ Волынскаго она замѣчаетъ. «Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ, лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодною кровью. Всякій испытанный въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. И такъ отдаю на разсужденіе всякому, имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброй совѣсти полагаться». При этомъ мы должны однако упомянуть, что сама Екатерина II, хотя ограничила употребленіе пытки при судопроизводствѣ, однако не уничтожила ее окончательно. (Шишковскій). Сужденіе ея о личности Волынскаго отличается мѣткостію и безпристрастіемъ. «Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ, но напротивъ того добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ направленіямъ своего отечества. И такъ смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ». Особенно замѣчательны слѣдующія слова «завѣщанія»: «Если бы Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ; я бы старалась всякими для него неогорчительными способами его привести на путь истинный, а есть ли бы я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я бъ ему сказала, или дала разумѣть, не огорчая его: Будь щастливъ и доволенъ, а мнѣ ты непадобенъ.

Наставленіе выборному отъ малороссійской коллегіи въ комиссію о сочиненіи проекта новаго Уложенія, г. коллежскому совѣтнику и члену той коллегіи Дм. Наталину. И возраженіе депутата Григорія Политика на «Наставленіе Малороссійской Коллегіи господину жъ депутату, Димитрію Наталину». Эти два документа, въ особен-

ности второй, представляютъ значительную важность для исторіи малороссійскихъ учрежденій. Военная коллегія, отправляя Наталина своимъ депутатомъ въ извѣстную коммисію для составленія законовъ, учрежденную Екатериной II (1767—1769 г.), даетъ ему наставленіе или инструкцію, состоящую изъ 20 пунктовъ. По характеру своему это наставленіе совершенно сходно съ видами русскаго правительства въ XVIII вѣкѣ, которое, какъ извѣстно, почти постоянно стремилось къ тому, чтобы равнять права малороссійскаго населенія съ великорусскимъ, отмѣнить его отличія и привилегіи, и мало-по-малу ввести въ Малороссіи административное устройство, одинаковое съ остальными частями имперіи. Противъ такой инструкціи горячо возстаетъ одинъ изъ малороссійскихъ депутатовъ Григорій Политика, повидимому, человѣкъ очень образованный по тому времени и даже ученый. Онъ пишетъ замѣчанія на всѣ пункты наставленія, опровергаетъ ихъ, за исключеніемъ немногихъ, и такимъ образомъ является защитникомъ старинныхъ малороссійскихъ правъ и вольностей. Политика по большей части разбираетъ малороссійскія учрежденія съ исторической точки зрѣнія, и старается оградить ихъ постановленіями Литовскаго статута, жалованными грамотами королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ и торжественными обѣщаніями русскихъ государей сохранять эти учрежденія; главнымъ же образомъ онъ опирается на то, что присоединеніе Малой Россіи къ Великой было непринужденное, а добровольное, *ради единовѣрія* совершившееся, и притомъ на взаимныхъ условіяхъ. Политика высчитываетъ при этомъ пользы Россійской имперіи, которыя произошли *отъ сего добровольнаго соединенія*, и на первомъ мѣстѣ ставитъ «приращеніе государственнаго титула». Какое еще наивное понятіе о государственной пользѣ! Чтобы познакомить читателей съ характеромъ возраженій и съ ихъ достоинствами въ историческомъ отношеніи, приведемъ нѣсколько словъ изъ замѣчаній на четвертый пунктъ наставленія «о государственныхъ доходахъ». Коллегія считаетъ за удобнѣйшее до генеральнаго обмежеванія земель разложить подати по душамъ. Политика говоритъ, что онъ никакимъ образомъ не можетъ на это согласиться. «Ибо сіе не только правамъ, привилегіямъ и многимъ вѣками утвержденнымъ обыкновеніямъ Малыя Россіи противно, но слѣдуетъ по крайнему разоренію и опустошенію, а вообще государству къ невозвратному вреду. Опыты сего очевидны уже и чувствительны; ибо когда въ 1764 году бывшій гетманъ графъ Кирило Григорьевичъ Разумовскій велѣлъ учинить перепись по душамъ, неналагая никакого сбору, то невѣроятно, въ какой страхъ и уныніе пришелъ отъ того Малорос-

сійскій народъ и чрезвычайно началъ бѣжать въ Польшу и въ Татарскую землю, и селиться въ тамошнихъ земляхъ, что можно доказать обширными и многолюдными слободами, населенными на Крымскихъ степяхъ, а въ Польшу сколько ихъ бѣжало, то докажутъ пограничныя комиссіи, не упоминая о безвѣстно-бѣжавшихъ. Когда же въ 1765 году та перепись и отъ Его Сіятельства графа Петра Александровича (Румянцева) возобновлена съ прибавленіемъ того, чтобъ не только переписать души, дворы и хаты, но обмѣрять земли, лѣсы и всякія угодія, описать скотъ, въ прудахъ рыбу и прочее, то народъ въ большій еще пришелъ страхъ, и умножалъ побѣги: ибо изъ того простой малороссійскій народъ заключилъ, что имъ больше ничего отъ того не слѣдуетъ, какъ только записанымъ быть въ крѣпости, по примѣру великороссійскихъ крестьянъ, а для малороссійскаго народа и *одно сіе воображеніе ужасно и несносно*». (Чтен. кн. 3). Впрочемъ Политика вооружается на защиту правъ и вольностей, преимущественно дворянскаго или *шляхетскаго* сословія и отчасти городского или мѣщанскаго; а на крестьянъ онъ смотритъ съ помѣщичьей точки зрѣнія. Такой взглядъ его яснѣе всего выступаетъ въ замѣчаніи на 18 пунктъ. («о простомъ народѣ»): «Страннѣе же всего показалось мнѣ, да и всему, уповаю, благородному дворянству покажется то, что коллегія представляетъ, что хотя бы иногда владѣльцы, выгоды своей ради, поддашныхъ своихъ каковые либо грунты въ свое собственное обратили, то должны дань отдавать ту, въ какомъ окладѣ положены будутъ. Во всей Россіи до сихъ поръ не слышно было (въ этомъ случаѣ онъ уже ссылается на всю Россію!), чтобъ мужичая земля отличалась когда либо отъ владѣльческой, или чтобъ за собственную мужичью почиталась; *ибо въ такомъ случаѣ мужики уже не подданны своему господину, но равные ему владѣльцы были бы*». Нѣсколько ниже, на проектъ коллегіи постановить государственное поселянское право, онъ замѣчаетъ: «а есть ли для нихъ сдѣлать особливое право, то должны быть суды и судьи, и на нихъ къ верхнимъ судамъ апелляціи, *и сіе сколь для мужика вредно, столь предосудительно для помѣщика*, всякъ благоразумный видитъ». На 16 пунктъ (чтобы не позволять никому изъ мужиковъ записываться въ казачье званіе) Политика изъявляетъ свое полное согласіе. По всему видно, что онъ былъ депутатомъ отъ дворянскаго сословія.

3-я и 4-я книга Чтеній заключаютъ въ себѣ нѣкоторые интересные матеріалы для исторіи войнъ Императора Александра I съ Наполеономъ. Первое мѣсто между ними по своей важности занимаетъ «*изображеніе военныхъ дѣйствій первой арміи въ 1812 году главнокомандующаго*

и военнаго министра, Барклая де Толли» (донесеніе государю императору). Знаменитый фельдмаршалъ старается защитить свой образъ дѣйствій отъ тѣхъ нападковъ, которымъ онъ тогда подвергался. Этотъ документъ проливаетъ новый свѣтъ на состояніе русской арміи въ 1812 году и на многія личности, стоявшія въ ея главѣ. Извѣстные разсказы Михайловскаго Данилевскаго оказываются сильно пристрастными и далеко невѣрными дѣйствительности. Донесеніе Барклая де Толли набрасываетъ значительную тѣнь и на самого прославленнаго героя отечественной войны—князя Кутузова. Чтобы познакомить читателей съ тономъ этого донесенія, приведемъ изъ него слѣдующій отрывокъ. «17-го августа князь Кутузовъ прибылъ въ армію; онъ позицію (при Царевѣ Займищѣ) нашелъ выгодною и приказалъ ускорить работы укрѣпленій. Все приготовлялось къ рѣшительному сраженію, какъ вдругъ обѣ арміи получили повеленіе итти въ Гжатскъ, 18-го числа пополудни. Тогда оказались первые признаки духа пристрастія, безпорядковъ и пронырствъ, ежедневно умножавшихся въ послѣдствіи времени и приближавшихъ армію къ погибели.

Вскорѣ по прибытіи князя окружила его толпа праздныхъ людей: въ томъ числѣ находились многіе изъ высланныхъ мною изъ арміи. Полковникъ князь Кудашевъ отличался съ самаго начала отъ прочихъ, какъ всѣдѣлающій и намѣревающійся командовать арміею отъ имени князя Кутузова и компаніи. Прежде всего видѣлъ я его единственно, когда присылалъ его ко мнѣ великій князь съ какимъ либо порученіемъ. За нимъ слѣдовалъ полковникъ Кайсаровъ, думающій, что въ качествѣ наперсника и... имѣетъ неменѣе права на командованіе арміею. Съ перваго дня каждый изъ нихъ имѣлъ уже своихъ приверженцевъ; но оба условились замѣтить престарѣлому князю, что, по разбитіи непріятеля въ позиціи при Царевѣ Займищѣ, слава сего подвига припишется не ему, но избравшему позицію: причина, достаточная для самолюбца, каковъ былъ князь, чтобы снять армію съ сильной позиціи!» На слѣдующій день армія остановилась за Гжатскомъ; князь опять нашелъ позицію выгодною и велѣлъ приступать къ работамъ. Но вдругъ является генералъ Беннигсенъ, «гордящійся похищенною имъ славою и почитающій себя первымъ генераломъ въ свѣтѣ». Онъ охуждаетъ Гжатскую позицію и споритъ съ Барклаемъ; Кутузовъ согласился съ мнѣніемъ послѣдняго и рѣшился сражаться на этомъ мѣстѣ; однако въ ту же ночь велѣлъ отступить. За тѣмъ въ донесеніи опять слѣдуютъ жалобы на разстроенное состояніе арміи. «Войска часто получали повелѣнія отъ Беннигсена, Кайсарова, Толя и Кудашева, не только безъ свѣдѣнія о

томъ главнокомандующаго арміею, но и корпусныхъ командировъ. Тогда сдѣлались главнокомандующіе арміями совершенно излишними. Въ самой арміи трудно было изслѣдовать, кто въ точности начальствовалъ, ибо очевидно было, что князь носилъ только имя, подъ коимъ дѣйствовали его сообщники. Сіе устройство дѣлъ возбудило партіи, а отъ оныхъ произошли проски. Сильнѣйшая изъ партій, имѣющая при томъ обширнѣйшее вліяніе, принадлежала князю Кудашеву, и хотя армія не имѣла главнаго свѣдѣнія о присоединеніи его къ обществу начальствующихъ, но въ качествѣ зятя князя Кутузова сохранялъ онъ первенство надъ прочими». Вообще наши арміи—по словамъ донесенія—«скитались, какъ сыны Израиля въ степяхъ Аравіи, отъ мѣста до мѣста безъ малѣйшаго устройства, доколѣ судьба не привела ихъ въ позицію при Бородинѣ». Но при оцѣнкѣ этого описанія ненадобно забывать, что оно принадлежитъ генералу, который почти наканунѣ рѣшительной битвы долженъ былъ уступить свое мѣсто другому, и сдѣлаться не только свидѣтелемъ но и исполнителемъ распоряженій, по большой части несогласныхъ съ его личнымъ мнѣніемъ. Оно написано подъ вліяніемъ сильныхъ огорченій. Послѣ Бородинской битвы (которою онъ также очень недоволенъ) Барклай де Толли заболѣлъ лихорадкою; «сіе было слѣдствіемъ—говоритъ онъ—не только всего похода и усилій, исполненныхъ мною въ Бородинскомъ дѣлѣ, но еще болѣе досады и обидъ, коимъ подвергался я ежечастно». Поэтому факты, сообщенные Барклаемъ, требуютъ строгой повѣрки; необходимо сличить ихъ съ другими извѣстіями для того, чтобы судить, на сколько вѣрны показанія въ родѣ слѣдующихъ: «извѣстно также, что непріятель при нападеніи нашей арміи на него 6 октября, имѣлъ только 15,000 ч., для избѣжанія стыда предположена была его сила въ 50,000 ч.»

Кромѣ того изъ документовъ, относящихся къ XIX столѣтію, напечатаны въ 3-й и 4-й кн. Чтеній нѣсколько замѣчательныхъ мнѣній и проектовъ. Между ними наиболѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

Мнѣніе адмирала Чичагова о продовольствіи столицы. Отъ 2-го іюня, 1809 года. Это мнѣніе отличается нетолько вполнѣ практическимъ, но и чисто научнымъ взглядомъ на вещи; оно рекомендуетъ адмирала, какъ отлично образованнаго и умнаго государственнаго человѣка. «Не однократно предписуемо было Высочайшими повелѣніями, какъ частнымъ Комитетамъ, такъ и Министерскому, изслѣдовать причины неумѣреннаго возвышенія цѣнъ на жизненные припасы и войти въ изысканіе способовъ къ отвращенію сей общественной тягости». Комитеты собирали всевозможныя свѣдѣнія о числѣ жителей въ столицѣ, о потребномъ для

него количествѣ припасовъ, способахъ ихъ заготовленія; принимая въ расчетъ эти свѣдѣнія, правительство издавало указы и дѣлало распоряженія. Слѣдствіемъ этихъ указовъ и распоряженій было новое возвышеніе цѣнъ. Запрещено было подрядчикамъ, продовольствующимъ казенныя мѣста, закупать провизію въ столицѣ; цѣны на хлѣбъ и на мясо послѣ этого достигли ужасающихъ размѣровъ. Однимъ словомъ, дороговизна возрастала въ той же прогрессіи, въ какой увеличивались заботы о ея уничтоженіи. Такимъ образомъ главную причину дороговизны адмиралъ видитъ во множествѣ стѣснительныхъ мѣръ, которыми правительство совершенно опутало народную промышленность и торговлю. Чтобы уничтожить зло, онъ проповѣдуетъ систему невмѣшательства, и совѣтуетъ, отмѣнивъ сдѣланныя распоряженія, предоставить полную свободу движенію торговли. Между прочимъ замѣчательна слѣдующая его мысль: «Уменьшить, или, лучше сказать, преобразовать полицію, которая бо́льшею частію на содержаніи у купцовъ и промышленниковъ состоитъ, и слѣдственно падаетъ на всѣхъ жителей города». «Часть сія требуетъ у насъ постановленія, съ существомъ ея болѣе сообразнаго и коего главное начало должно состоять въ томъ, чтобъ полиція, сколько можно *менѣе была явная* (?) и сколько можно *болѣе свѣдуща*. Теперь она въ обратномъ положеніи. Отъ нея общество болѣе терпитъ тягости, нежели получаетъ пользы». Поручиться можно, что *улучшеніе полиціи послужитъ весьма много къ пониженію цѣнъ на жизненные припасы*». (Чт. кн. 4).

Объ отвѣтственности судей, мнѣнія т. с. графа Потоцкаго (къ сожалѣнію безъ означенія времени). Это голосъ противъ излишняго числа инстанцій, за упрощеніе судебнаго механизма и за гласность судопроизводства (поднятый по поводу какого-то дѣла Барша и Муханова, неправильно рѣшеннаго въ Сенатѣ). Авторъ сначала приводитъ примѣры нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ, въ которыхъ судьи пользуются независимостію въ своемъ дѣлѣ, и приговоры ихъ не могутъ подлежать измѣненію, хотя имъ, (а особенно присяжнымъ) и случается иногда дѣлать ошибочныя заключенія. Эта независимость судей почитается тамъ залогомъ личной свободы и безопасности гражданъ. «Обратимся къ Россіи,—продолжаетъ Потоцкій—гдѣ приняты другія основанія. Опытъ доказываетъ ли, чтобы она чрезъ то выиграла? Мнѣ сказывали о нѣкоторой палатѣ, оштрафованной, не знаю, по какому дѣлу, за сдѣланное ею рѣшеніе, что она, имѣя потомъ другое такого рода дѣло, вершила уже оное совершенно иначе, и была опять оштрафована; при третьемъ подобномъ дѣлѣ палата сія сдѣлала представленіе, испрашивая предписа-

нія, какимъ образомъ должно означенное дѣло рѣшить, и получила строжайшій выговоръ за то, что осмѣлилась требовать указа на указъ». Впрочемъ авторъ мнѣнія не настаиваетъ на томъ, чтобы судебная власть въ Россіи была совершенно независима, «по причинамъ, кои здѣсь излагать неумѣстно»: онъ только желаетъ избавить ее отъ безконечной отвѣтственности. «Если есть средство сдѣлать судебную часть лучшею, или по крайней мѣрѣ, сколько можно менѣе худшею, то оно конечно, состоитъ въ изданіи Уложенія краткаго и яснаго, въ сословіи людей, уважаемыхъ и получающихъ оклады, достаточные для безбѣднаго содержанія; можетъ быть нужда настоитъ и въ гласности судопроизводства, которая поставила бы оное болѣе въ виду *общественнаго мнѣнія*, *единственнаго судіи*, который по времени не ошибается ни въ людяхъ ни въ вещахъ, и коего приговора самый развратный человѣкъ страшится». (Чт. кн. 3). По поводу гласности судопроизводства укажемъ въ той же 3-й книгѣ «Чтеній» *на Мнѣніе сенатора Державина о правахъ, преимуществахъ и существенной должности сената*. Здѣсь опять встрѣчаемъ такое мѣсто: «А впрочемъ, единогласные приговоры общаго собранія для чего бы не позволить печатать для народнаго свѣдѣнія? Съ одной стороны для того, чтобъ пріобрѣсти имъ въ государствѣ болѣе довѣренности, а съ другой, чтобъ они были средствомъ ученія юриспруденціи молодыхъ людей, когда теперь гніютъ въ архивахъ, не принося никакой обществу пользы». Въ 1-мъ номерѣ Московскаго Обозрѣнія, мы указали на одинъ, безъимянный проэктъ о взяткахъ судей (Чт. кн. 2), гдѣ гласность выставляется какъ самая дѣйствительная мѣра противъ неправильныхъ рѣшеній. Отсюда мы видимъ, какъ давно уже сознавалась и высказывалась въ нашемъ обществѣ потребность гласности въ отношеніи къ судопроизводству. И только въ наше время, если не ошибаемся, полагается ей начало—Журналомъ Министерства Юстиціи.

Въ заключеніе, обратимъ вниманіе читателей на *выписку изъ проэкта д. с. с. Аверина о винномъ откупѣ*. (Чт. кн. 3. также безъ означенія года). Подобно предыдущимъ мнѣніямъ проэктъ Аверина имѣетъ современный интересъ. Онъ вооружается противъ откупной системы, и подаетъ голосъ за свободное винокуреніе и свободную продажу вина. Онъ совѣтуетъ позволить всѣмъ желающимъ курить вино, но непначе какъ въ кубахъ опредѣленной мѣры и съ казенными клеймами; съ каждаго куба взимается извѣстная пошлина. Намъ кажется однако, что въ проэктъ Аверина вкрадываются нѣсколько излишнихъ формальностей; онъ дастъ слишкомъ много вмѣшательства казенной палатѣ.

О НАРОДНЫХЪ ДВИЖЕНІЯХЪ ВЪ ПОДОЛІИ И НА ВОЛЫНИ [1]).

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 5) г. Щебальскій помѣстилъ интересную статью: «Народныя движенія въ Подоліи и на Волыни». Послѣ колівщины 1768 года авторъ переходитъ къ движенію 1789 года. На основаніи современнаго свидѣтельства уніатскаго священника Бродовича, онъ старается разъяснить это движеніе, и склоняется болѣе къ тому мнѣнію, что со стороны крестьянства готовилось что-то страшное, долженствовавшее напомнить рѣзню 1769 года, и только энергическія мѣры шляхетскаго правительства предупредили грозное возстаніе.

А между тѣмъ, изъ разсказа Бродовича—по словамъ автора статьи—должно вывесть заключеніе, что какая-то непостижимая, ни на чемъ не основавшая паника овладѣла шляхтой; что отчаянныя донесенія, посылаемыя съ Волыни въ Варшаву съ нарочными, съ эстафетами, вскружили голову и сейму, между тѣмъ какъ никто не думаетъ ни о какомъ возстаніи и сами же паны подкупали, угрозами и пытками вымогали у своихъ крестьянъ и слугъ доносы на священниковъ». Влѣдъ затѣмъ приводятся случаи: какъ паны подсылали своихъ слугъ въ крестьянскомъ платьѣ каяться сельскому священнику, что ихъ возбуждаютъ принять участіе въ возстаніи противъ дворянъ, или какъ одинъ шляхтичъ угрозами заставилъ полуграмотнаго священника сказать передъ слѣдственной коммиссіей, что русскіе филиппоны подговаривали его возмущать крестьянъ, показывали при этомъ указъ императрицы и давали деньги. «Обвиненіе священниковъ въ возбужденіи крестьянъ къ рѣзнѣ и возстанію сдѣлалось, наконецъ, промысломъ, и, по словамъ Бродовича, не безвыгоднымъ, потому что эти несчастные отдавали свои послѣдніе гроши и послѣднихъ коровъ, чтобы спасти свои головы».

Представленные примѣры суда и казни тоже не открыли ничего положительнаго. Итакъ, существовало ли въ дѣйствительности народное движеніе 1789 года?

Не принимая на себя окончательное рѣшеніе вопроса, я только заявляю предположеніе, что все это дѣло о народномъ движеніи не было ли просто интригою польской патріотической партіи, и что тутъ дѣйствовали другія цѣли.

---

[1]) С.-Петерб. Вѣд. 1863. № 170.

Въ это время, какъ извѣстно, въ Варшавѣ засѣдалъ четырехлѣтній сеймъ, произведшій на свѣтъ конституцію 3 мая. Русскій авторитетъ въ Польшѣ тогда значительно ослабѣлъ: у Россіи на рукахъ была война съ Турціей и Швеціей. Патріотическая партія спѣшила воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы вытѣснить совсѣмъ вліяніе Россіи и противупоставить ей тѣсный союзъ съ Пруссіей. Въ концѣ 1788 г. сеймъ настоятельно потребовалъ, чтобы восточныя польскія провинціи были очищены отъ русскихъ войскъ, которыя направлялись черезъ нихъ въ Молдавію, располагались здѣсь на зимнія квартиры или охраняли въ Подоліи свои провіантскіе магазины. Сеймъ протестовалъ противъ нарушенія польскаго нейтралитета. Прусскій кабинетъ поддерживалъ его, но слегка. Протесты эти сопровождались, основанными на донесеніяхъ пограничныхъ начальствъ, жалобами на разные насильственные поступки русскихъ войскъ. Графъ Румянцевъ отвѣчалъ, что русскія войска, напротивъ, оказываютъ значительныя услуги краю, потому что охраняютъ его отъ татарскихъ и турецкихъ грабежей и пускаютъ въ обращеніе большія суммы денегъ, и что, если случаются маленькіе безпорядки, неизбѣжные въ военное время, то онъ строго и немедленно за нихъ наказываетъ.

Сеймъ, конечно, не успокоился на этихъ объясненіяхъ. Но надобно было побудить другія державы, особенно Пруссію, порѣшительнѣе вступиться за интересы Польши, и вотъ являются слухи о крестьянскомъ движеніи и притомъ о движеніи, возбуждаемомъ русскимъ правительствомъ. Указываютъ прямо на русскаго главнокомандующаго Потемкина, который будто бы разсылаетъ по Волыни и Подоліи агентовъ, чтобы подговорить крестьянъ-*схизматиковъ* къ общему возстанію противъ пановъ, и дѣйствуетъ съ помощію не только православныхъ, но и уніатскихъ священниковъ. На основаніи такъ называемыхъ донесеній передаютъ польскому послу въ Берлинѣ (Іосифу Чарторижскому) до 80 зловѣщихъ случаевъ въ разныхъ частяхъ королевства, обнаруживающихъ будто бы злодѣйскіе замыслы Русскихъ. Разумѣется, эти случаи сообщаются берлинскому кабинету; подобныя же сообщенія отправляются въ Англію и къ другимъ дворамъ.

Донесенія провинціальныхъ властей, повидимому, были такъ убѣдительны, что заставили повѣрить и иностранныхъ резидентовъ въ Варшавѣ. Саксонскій резидентъ Эссенъ, въ другихъ случаяхъ столь проницательный, теперь посылаетъ своему двору депеши, наполненныя извѣстіями о предполагаемомъ возстаніи крестьянъ, и не изъявляетъ даже

сомнѣнія въ ихъ достовѣрности. Мы имѣемъ цѣлый рядъ такихъ депешъ; для образца приведемъ изъ нихъ [1]).

Засѣданіе сейма 18 декабря 1788 г. «Сеймовые маршалы сообщили донесенія начальника польской дивизіи въ Украйнѣ о томъ, что крестьяне греческаго исповѣданія, возбуждаемые своими священниками, собираются въ толпы; замѣчено при этомъ, что приходящіе изъ Россіи греческіе (т. е. православные) священники употребляются какъ эмиссары, чтобы зажечь въ Польшѣ огонь мятежа противъ католическихъ дворянъ посредствомъ живущихъ здѣсь схизматическихъ монаховъ. Поэтому принято рѣшеніе вручить графу Штакельбергу (русскому послу) вторую ноту съ требованіемъ вывода русскихъ войскъ».

19-го февраля 1789 г. «Въ собраніи чиновъ читали письма изъ Украйны, доказывающія, что Петербургскій дворъ намѣренъ поднять крестьянъ-схизматиковъ противъ (католическаго) дворянства и духовенства, и поэтому послать въ Украйну не только русскихъ поповъ, но также и многія шайки казаковъ, чтобы поддержать возстаніе»..

16-го апрѣля 1789 г. «Засѣданіе открыто чтеніемъ донесеній военныхъ начальниковъ изъ Малой Польши объ обстоятельствахъ крестьянскаго возстанія и о слѣдствіи, наряженномъ надъ русскими маркитантами и греческими священниками; ихъ показанія и признанія повидимому подтверждаютъ то, что находится въ судебныхъ протоколахъ. Многіе изъ этихъ священниковъ и русскихъ маркитантовъ арестованы, а нѣкоторые уже повѣшены. Потомъ читали ноту русскаго посланника, который требуетъ прохода русскаго корпуса черезъ Польшу. Хотя эта нота въ выраженіяхъ своихъ мягче, однако чинамъ показалась все еще слишкомъ повелительнаго тона; а такъ какъ послѣ событій на Украйнѣ и въ Волыни они не вѣрятъ въ дружбу и добрыя намѣренія Россіи, то неудовольствіе выразилось въ такихъ многочисленныхъ жалобахъ, что не могли придти ни къ какому отвѣту на ноту посла».

Въ слѣдующихъ депешахъ сообщаются еще болѣе грозныя и положительныя извѣстія. Будто уже нѣтъ сомнѣнія, что сѣмя мятежа распространилось по всѣмъ провинціямъ королевства, гдѣ только есть схизматики, что многія помѣщичьи семьи бѣжали, куда глаза глядятъ, и что безъ энергическихъ мѣръ правительства возстаніе давно бы ужъ вспыхнуло; что возстаніе должны поддерживать 4,000 московскихъ крестьянъ, которые блуждаютъ въ Польшѣ подъ именами разной прислуги при рус-

[1]) См Приложенія къ Geschichte des Russ. Staat., von Hermann. VI. 1860 г., начиная съ 529 стр.

скомъ войскѣ или подъ видомъ торговцевъ. Далѣе говорится, что исполненіе мятежнаго плана было назначено на 20 апрѣля, т. е. на самую Пасху, и что эти новыя сицилійскія вечерни должны быть произведены съ помощію 5 или 6 тысячъ русскихъ крестьянъ, называемыхъ филиппонами, которые снабжаютъ мятежниковъ кинжалами. (Это, очевидно, тѣ кухонные ножи, которые филиппионы-разносчики имѣли въ числѣ своихъ мелочныхъ товаровъ).

Еще далѣе Эссенъ говоритъ, что, по общему мнѣнію, это возстаніе есть дѣло Потемкина, который соединился съ партіей Браницкаго (т. е. съ противниками партіи реформы); будто ужъ схватили многихъ русскихъ эмиссаровъ, снабженныхъ рублями для подкупа крестьянъ; что Потемкинъ втайнѣ собираетъ 10,000 запорожцевъ и другихъ людей, которые подъ начальствомъ одного татарскаго офицера должны сдѣлать вторженіе въ Украйну, когда откроется возстаніе (а между тѣмъ ужъ 14 лѣтъ тому назадъ Запорожское войско было уничтожено); но что подобный планъ предупрежденъ какимъ-то быстрымъ движеніемъ польской кавалеріи. Есть тутъ между прочимъ извѣстіе и о мнимыхъ сыновьяхъ Гонты, которые будто скрываются въ Херсонѣ, гдѣ сосредоточены главныя приготовленія къ возстанію; а подкупленный греческій архимандритъ въ Литвѣ уже склонилъ завѣсящихъ отъ него священниковъ приводить народъ къ присягѣ на подданство императрицѣ Екатеринѣ.

Кажется, довольно данныхъ, чтобы заподозрить во всемъ ловкую польскую интригу. Что православное крестьянство ненавидѣло пановъ и готово было возстать при удобномъ случаѣ и что могли происходить отдѣльныя столкновенія, какъ и всегда, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Но что именно въ 1789 году готовилось страшное возстаніе и притомъ съ прямымъ участіемъ русскаго правительства—тутъ очевидная нелѣпость. Ни предыдущее, ни послѣдующее поведеніе русскаго правительства относительно своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ рѣшительно не даютъ мѣста предположенію, будто въ 1789 г. съ его вѣдома приготовлялись сицилійскія вечерни въ Подоліи и на Волыни.

Хотя этой интриги мы не приписываемъ большихъ послѣдствій; однако замѣчательно, что вслѣдъ затѣмъ Пруссія тѣснѣе сблизилась съ Польшей, а русскія войска вышли изъ польскихъ провинцій, и наши провіантскіе магазины были перевезены на границы подъ конвоемъ польскихъ отрядовъ.

Итакъ, по нашему мнѣнію, извѣстія Эссена изъ Варшавы, основанныя не на фактахъ, а на слухахъ и письмахъ, и постоянно вращаю-

щіяся въ области предполагаемыхъ замысловъ, какъ нельзя лучше дополняютъ свидѣтельство Бродовича. Послѣдній, жившій на мѣстѣ предполагаемыхъ событій, прямо указываетъ на самый источникъ извѣстій и на то, что никакого возстанія не приготовлялось.

Мы думаемъ, что патріотическая партія употребила въ этомъ случаѣ тотъ же способъ, къ которому она съ успѣхомъ прибѣгала нѣсколько времени спустя, именно въ 1791 г., для проведенія конституціи 3-го мая: тогда сеймъ очень ловко былъ устрашенъ массою фальшивыхъ депешъ, и утвердилъ конституцію. При помощи такихъ-то средствъ польскіе патріоты думали совершить возрожденіе паніи.

ТРЕТЬЕ МАЯ 1791 ГОДА [1]).

Geschichte des russischen Staates, von Dr. Hermann. Sechster Band. 1860.

Послѣдній томъ исторіи Германа, если не ошибаюсь, едва извѣстенъ въ нашей литературѣ. Небрежно написанный по содержанію своему онъ представляетъ для насъ значительный интересъ. Весь этотъ томъ (около 600 страницъ) исключительно посвященъ международнымъ отношеніямъ. Онъ обнимаетъ собою семнадцать лѣтъ изъ исторіи русской внѣшней политики (1775—1792), и самая видная заслуга его, безспорно, заключается въ разсмотрѣніи польскаго вопроса, на долю котораго приходится едва не половина книги.

Лѣтъ двадцать тому назадъ Германъ получилъ доступъ въ дрезденскій государственный архивъ, и главнымъ матеріаломъ для обзора польскихъ событій послужила ему дипломатическая корреспонденція Эссена, который долгое время занималъ должность саксонскаго резидента въ Варшавѣ. Донесеніемъ этого резидента, по его таланту и свѣдѣніямъ, Германъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе передъ донесеніями всѣхъ другихъ дипломатовъ, депеши которыхъ ему приходилось имѣть въ своихъ рукахъ. Кромѣ того, онъ пользовался запасомъ дипломатическихъ документовъ въ Лондонѣ, а также тайнымъ архивомъ и архивомъ генераль-

[1]) Рус. Вѣст. 1864. Январь.

наго штаба въ Берлинѣ. Эти источники мѣстами пополняются у него извѣстіями изъ нѣмецкой журналистики, современной событіямъ.

Эпоха польской исторіи, наступившая за первымъ раздѣломъ, до сихъ поръ была весьма мало разработана, и потому сильно затемнялась поверхностными и пристрастными взглядами [1]). Въ предисловіи къ шестому тому Германъ сознается, что ближайшее изученіе фактовъ привело его къ заключеніямъ, очень невыгоднымъ для Поляковъ. Вообще онъ относится къ польскому вопросу съ достаточнымъ безпристрастіемъ, свойственнымъ его нейтральному положенію нѣмецкаго ученаго. Онъ нисколько не льститъ политикѣ сосѣднихъ державъ, но отдаетъ имъ должную справедливость; онъ также не увлекается и сожалѣніемъ о погибающей націи на столько, чтобы натягивать факты въ ея пользу и изображать ее жертвою чужого эгоизма. Еще прежде, по поводу перваго раздѣла Польши, онъ замѣтилъ, что естественное стремленіе сосѣднихъ государствъ къ пріобрѣтеніямъ ни на комъ не отразилось съ такою силой, какъ на Полякахъ; «но надобно признаться также, что ни одна христіанская нація, считающая себя въ числѣ цивилизованныхъ, не виновна въ своемъ собственномъ несчастіи въ такой мѣрѣ, какъ польская ни одна нація болѣе ее не твердила на словахъ о свободѣ и любви къ отечеству, и ни одна не согрѣшила столько противъ самыхъ первыхъ основъ гражданской добродѣтели, ради интересовъ личныхъ и интересовъ партій» (V т. 357 стр.).

Что касается до характера изложенія, то его можно упрекнуть въ явномъ недостаткѣ литературной обработки. Притомъ, по самому свойству своихъ матеріаловъ, Германъ мало проникаетъ въ тѣ соціальныя отношенія польскаго народа, которыя обусловливали то или другое направленіе событій. За то надобно отдать справедливость кропотливости, съ которою онъ подвигается впередъ въ этомъ лабиринтѣ разнородныхъ политическихъ стремленій, дипломатическихъ переговоровъ, депешъ, нотъ и т. п. Книгу свою Германъ снабдилъ и приложеніемъ многихъ изъ тѣхъ документовъ, которыми онъ пользовался.

На основаніи изысканій и матеріаловъ Германа, мы предлагаемъ здѣсь небольшой очеркъ того революціоннаго движенія, которое началось съ цѣлію обновить въ Польшѣ государственный порядокъ, и произвело на свѣтъ конституцію 3 мая, а окончилось, какъ извѣстно, совершеннымъ

[1]) Въ этомъ отношеніи очень мало помогаетъ дѣлу вышедшая въ 1882 г. въ Парижѣ книга *Recueil des traités et conventions, concernant la Pologne*, 1762—1862; такъ какъ выборъ документовъ, собранныхъ здѣсь, крайне односторонній.

паденіемъ государства. Самый исходъ этого движенія, то-есть второй и третій раздѣлъ, Германъ отложилъ до слѣдующаго тома.

6 октября 1788 года собрался въ Варшавѣ обычный сеймъ, который потомъ сдѣлался извѣстенъ въ исторіи подъ именами: «четырехлѣтняго», «великаго» и «конституціоннаго». Эссенъ въ своихъ депешахъ представляетъ весьма неутѣшительную картину Польскаго государства около этого времени. Внѣшняя и внутренняя политика находится въ рукахъ сосѣднихъ державъ. Поляки иногда пытаются возражать, но подъ-конецъ все-таки покоряются. Когда магистратъ одного города отказался выдать австрійскихъ дезертировъ, императоръ Іосифъ II потребовалъ, чтобы весь этотъ магистратъ былъ наказанъ палками. Прусскій король вопреки трактатамъ не позволяетъ Полякамъ вывозить хлѣбъ черезъ Силезію; а Русскіе въ сосѣднихъ съ ними областяхъ хозяйничаютъ какъ дома. Въ постоянномъ совѣтѣ (высшее правительственное мѣсто, учрежденное послѣ перваго раздѣла) время отъ времени раздаются жалобы на бѣдственное состояніе республики, но безъ всякихъ результатовъ. Русскій посланникъ знаетъ хорошо этихъ господъ, и знаетъ, какъ съ ними управляться: часть сенаторовъ получаютъ отъ него значительныя пенсіи, да и остальные почти всѣ «готовы всякую минуту продать Польшу». А что дѣлаетъ польскій король? Слѣдующій случай прекрасно характеризуетъ легкомысленный характеръ этого государя. 20 апрѣля Станиславъ Понятовскій ужиналъ въ кругу своихъ родныхъ и довѣренныхъ лицъ. Онъ говорилъ о печальномъ положеніи государства, проливалъ слезы и былъ, казазалось, совершенно убитъ горемъ. Вдругъ на улицѣ послышался голосъ странствующаго комедіанта съ волшебнымъ фонаремъ. Король тотчасъ велѣлъ позвать его въ комнату, занимался съ нимъ цѣлые два часа и вполнѣ развеселился. «Чѣмъ болѣе король старѣетъ, замѣчаетъ Эссенъ, тѣмъ болѣе слабѣютъ и его умственныя силы. Онъ чувствителенъ, любитъ дѣлать добро, но чрезвычайно уступчивъ и становится игрушкой въ рукахъ женщинъ, родственниковъ и любимцевъ. Онъ сознаетъ собственную и государственную несостоятельность; предвидитъ, что умретъ банкротомъ, и, если ждетъ новаго сейма, то единственно для того, чтобы республика заплатила его долги. До какой степени простираются польскіе безпорядки, всевозможныя интриги, отрицаніе всѣхъ правилъ справедливости и морали—этого никто не въ состояніи описать, и за границей невозможно ихъ себѣ представить». Саксонскій резидентъ думаетъ, что такое положеніе дѣлъ едва ли можетъ продолжаться, и что внутренняя революція неизбѣжна; но онъ опасается, чтобы сосѣднія державы не повернули ея въ свою пользу.

На сеймѣ съ самаго начала ясно обозначались всѣ партіи: одна состояла изъ приверженцевъ Россіи, на ея сторонѣ находился и король; другая партія называлась патріотическою или національною; послѣдняя искала у Пруссіи опоры противъ Россіи и Австріи. Въ то время вниманіе и военныя силы этихъ обѣихъ державъ были отвлечены на югъ войною съ Турками. Появленіе Русскихъ войскъ въ Подоліи и на Волыни вызвало явное неудовольствіе въ польскомъ обществѣ; а слухи о томъ, что во время каневскаго свиданія Екатерина предложила Станиславу Понятовскому союзъ противъ Турокъ, еще болѣе усиливали это неудовольствіе. Берлинскій кабинетъ находился тогда въ разладѣ съ обоими императорскими дворами. Онъ былъ встревоженъ завоевательными видами Россіи и Австріи; кромѣ того, Екатерина только что отклонила возобновленіе союза съ Пруссіей, истекшаго въ мартѣ 1788 г., и тѣсно сблизилась съ Австріей; она отклонила также посредничество прусскаго короля въ дѣлѣ съ Турціей. Поэтому король, придвинувъ войска къ польской границѣ, отправилъ своему послу въ Варшавѣ, Бухгольцу, 100.000 дукатовъ для противодѣйствія русской партіи, и велѣлъ внушить польскому дворянству надежду на его покровительство въ борьбѣ съ русскимъ вліяніемъ. Англія, не менѣе Пруссіи недовольная русскою политикой на Востокѣ, также выразила намѣреніе поддерживать польское движеніе противъ Россіи, а Швеція не замедлила открыть противъ насъ военныя дѣйствія. Итакъ, обстоятельства внѣшней политики сложились самымъ благопріятнымъ образомъ для возрожденія Польши. Представлялся вопросъ: сумѣютъ ли Поляки ими воспользоваться, чтобы произвести необходимыя внутреннія реформы и возвратить себѣ политическую независимость?

Выборы на сеймъ совершились въ духѣ враждебномъ для Россіи. Это было первое пораженіе русской партіи; за нимъ тотчасъ послѣдовало и второе. Для устраненія liberum veto заранѣе рѣшено было производить сеймованіе въ формѣ конфедераціи (вопросы въ такомъ случаѣ рѣшались большинствомъ голосовъ). Постоянный совѣтъ написалъ для нея программу, и, такъ какъ бо́льшая часть его членовъ получали русскія пенсіи, то и программа конечно была написана подъ вліяніемъ русскаго посланника графа Штакельберга. Но соединенныя палаты сейма (сенаторская и посольская) 7 октября составили свою собственную программу, и во главѣ ея положили условіе, чтобы существующій порядокъ сохраненъ былъ на столько, на сколько онъ не препятствуетъ улучшенію законодательства. Такимъ образомъ открывался широкій путь преобразованіямъ. Маршалами сейма были выбраны: со стороны Польши графъ

Станиславъ Малаховскій, коронный референдарій, а отъ Литвы князь Казиміръ Сапѣга, генералъ артиллеріи, — оба рѣшительные противники русскаго вліянія.

13 октября, сейму сообщена была нота прусскаго посланника. Она была направлена противъ союза Россіи съ Польшей, и предлагала республикѣ союзъ съ Пруссіей, который долженъ былъ послужить для Польши щитомъ противъ всякаго внѣшняго притѣсненія. Эта нота встрѣчена была съ энтузіазмомъ; нѣкоторыя аристократическія фамиліи, какъ Радзивилы и Огинскіе, открыто начали проповѣдывать сближеніе съ Пруссіей, и вступили въ непосредственныя сношенія съ берлинскимъ министерствомъ. Сеймъ съ своей стороны отвѣчалъ Бухгольцу увѣреніемъ, что цѣль настоящей конфедераціи совсѣмъ не союзъ съ Россіей, а единственно возстановленіе конституціонной свободы и принятіе необходимыхъ мѣръ для защиты страны. Вслѣдъ затѣмъ рѣшено было довести численность польской арміи до 100.000 и для лучшаго контроля надъ ней назначить особую военную комиссію. «Еслибъ этотъ энтузіазмъ былъ устойчивъ, замѣчаетъ Эссенъ, онъ непремѣнно произвелъ бы эпоху въ исторіи восточной Европы». Но дальнѣйшій ходъ дѣла показалъ, что «Поляки сильны только на словахъ, а тамъ, гдѣ требуются дѣйствительныя жертвы, они скоро впадаютъ въ апатію». Приговоръ о стотысячной арміи остался только на бумагѣ. Съ такимъ же недовѣріемъ отнесся къ этому рѣшенію и Гэльсъ, англійскій уполномоченный при варшавскомъ дворѣ. Донося о томъ маркизу Кэрмартену, онъ предупреждаетъ маркиза не принимать за наличную монету легкомысленный приговоръ сейма. По его замѣчанію, стоило только видѣть эту несчастную страну, не имѣвшую ни торговли, ни промышленности, страну въ которой народонаселеніе не возрастаетъ, а уменьшается, чтобы понять невозможность содержать и половину предполагавшейся арміи.

5 ноября, сдѣлано было предложеніе объявить сеймъ постояннымъ, чтобы дать ему законную силу для проведенія задуманныхъ реформъ. Штакельбергъ подалъ ноту съ возраженіями на эту мѣру, которая нарушала гарантированную Россіей конституцію 1775 года. Король въ длинной рѣчи поддержалъ ноту Штакельберга; но, видя что рѣчь его произвела дурное впечатлѣніе, отсрочилъ засѣданія сейма до 10 ноября. Это обстоятельство еще болѣе усилило неудовольствіе; а маршалы не преминули замѣтить, что король собственно не въ правѣ отсрочивать или распускать конфедераціонный сеймъ.

Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, сеймъ занялся преимущественно отношеніями Польши къ Россіи. Штакельбергу были сообщены двѣ ноты:

одна изъ нихъ отрицала русскія гарантіи, а другая требовала очищенія польскихъ провинцій отъ русскихъ войскъ. Прусская дипломатія поддерживала это движеніе офиціальными нотами; она заявила, что трактаты скорѣе гарантировали республикѣ политическую независимость, нежели вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла. Въ Варшаву былъ отправленъ изъ Берлина маркизъ Луккезини съ спеціальнымъ порученіемъ поддерживать антирусскую оппозицію. Въ виду такого горячаго участія Пруссіи, русская дипломатія сообщила Фридриху Вильгельму, что въ Петербургѣ уже оставлена мысль о присоединеніи Польши къ союзу противъ Турокъ. Но прусскій король не удовольствовался этимъ сообщеніемъ и далъ понять, что нужны дѣйствительныя доказательства такой перемѣны, то-есть надобно немедленно очистить польскія области отъ русскихъ войскъ.

Эссенъ, какъ видно изъ его депешъ, не довѣряетъ даже и тому патріотическому одушевленію, съ которымъ сеймъ предъявилъ Штакельбергу требованіе о выводѣ войскъ. По его словамъ, въ карманѣ у русскаго посланника находится точная оцѣнка патріотизма многихъ изъ этихъ законодателей; «только, къ несчастію, казна императрицы (въ это время) страдала истощеніемъ, и не было въ запасѣ старостъ для раздачи». Между самими Поляками онъ встрѣчалъ людей, которые сознавали, что ихъ законодатели вышли не изъ школы Солона и Ликурга, и сильно опасались, чтобы вмѣсто обезпеченія внѣшней независимости и внутренняго спокойствія, не разыгрался духъ партій съ его неизбѣжнымъ слѣдствіемъ—междоусобною войной. Они не вѣрили также и въ безкорыстныя побужденія Пруссіи въ пользу польской независимости.

Между тѣмъ, требованія относительно вывода русскихъ войскъ продолжались. На подкрѣпленіе имъ явились донесенія изъ восточныхъ провинцій о замышляемомъ будто бы возстаніи крестьянъ православнаго исповѣданія и о тайномъ участіи въ этомъ замыслѣ со стороны русскаго правительства. Сеймъ обращается съ просьбою о заступничествѣ не къ одной Пруссіи; онъ пользуется случаемъ послать уполномоченныхъ къ другимъ дворамъ: въ Версаль, Вѣну, Константинополь и пр. Въ январѣ 1789 года большинствомъ 120 голосовъ противъ 13 былъ отмѣненъ ненавистный постоянный совѣтъ. Завѣдываніе иностранными сношеніями, вопреки правамъ короны, поручено особой, избранной сеймомъ, депутаціи, члены которой, подобно членамъ военной комиссіи, должны были дать присягу въ томъ, что они не получаютъ и не будутъ получать русскихъ пенсій. При такомъ оборотѣ дѣлъ въ Польшѣ, имѣя уже на рукахъ двѣ войны, съ Турціей и съ Швеціей, Екатерина

благоразумно уступила, чтобъ избѣжать разрыва съ Пруссіей. Русскія войска получили приказъ выйдти изъ польскихъ предѣловъ. Сеймъ торжествовалъ это событіе какъ великую побѣду. Но успѣхъ, повидимому, значительно ослабилъ его дальнѣйшую энергію. Въ ноябрѣ прошлаго года сеймъ рѣшилъ продолжить свои засѣданія на неопредѣленное время, до устройства дѣлъ: однако миновалъ еще почти годъ, пока члены сейма пришли къ заключенію, что надобно назначить депутацію, которая бы выработала проектъ новой конституціи.

Самые существенные и необходимые вопросы: улучшеніе финансовъ и увеличеніе военныхъ силъ, встрѣчали камни преткновенія на каждомъ шагу.

Въ началѣ 1789 года снова былъ поднятъ вопросъ о постоянныхъ податяхъ на содержаніе арміи; но одно засѣданіе слѣдовало за другимъ, а дѣло не подвигалось впередъ, потому что дворянство и духовенство показывало весьма мало охоты пожертвовать своею свободой отъ податей. Вообще споры велись безтолково и часто отвлекались въ сторону. Такъ напримѣръ, въ то время какъ коммиссія еще не имѣла точныхъ свѣдѣній о состояніи арміи, и количество податей еще не было на столько опредѣлено, чтобы разчитать, сколько войска можетъ содержать республика—уже возникали пренія, изъ скольких человѣкъ должна состоять кавалерійская рота: изъ 100, 120 или 150. Но, вотъ, членами сейма вдругъ овладѣла героическая рѣшимость. 27 февраля постановлено было, чтобы владѣльцы староствъ пожертвовали половиною доходовъ въ пользу государства; 24 марта духовенство согласилось платить 20 процентовъ изъ своихъ доходовъ, и обязалось еще вносить добавочную сумму подъ названіемъ «добровольной подати». Король не захотѣлъ оставаться назади въ дѣлѣ патріотизма, и предложилъ изъ своихъ доходовъ 80.000 талеровъ ежегодно на потребности арміи. 27 марта это патріотическое одушевленіе достигло своего апогея: сеймъ постановилъ собирать 10 процентовъ съ доходовъ каждаго дворянина, чтобы доставить отечеству возможность возвратить свою внѣшнюю независимость. Эссенъ, извѣщая свой дворъ объ этомъ рѣшеніи, говоритъ: «если оно будетъ приведено въ исполненіе — необходимая оговорка ко всему что происходитъ въ этой странѣ,—то Польша снова займетъ свое мѣсто въ ареопагѣ народовъ».

Послѣдствія не замедлили доказать справедливость этой оговорки. Едва принято было рѣшеніе о всеобщихъ жертвахъ, какъ обнаружилось и общее стремленіе избавиться отъ этихъ жертвъ. Когда начали подводить итоги дворянскихъ доходовъ, то, благодаря такому стремленію, въ

большей части случаевъ доходы эти показывались вчетверо или впятеро менѣе дѣйствительныхъ. И скоро дѣло свелось къ тому, что финансы и армія остались въ прежнемъ положеніи, и всѣ патріотическія рѣчи и декламаціи въ этомъ отношеніи пропали даромъ. Такимъ образомъ разсчетъ на собственныя силы въ борьбѣ за независимость явно оказывался несостоятельнымъ. Поэтому всѣ надежды и стремленія обратились на внѣшнюю помощь, на политическіе союзы, отъ которыхъ стали ожидать спасенія республики.

Патріотическая партія начала хлопотать о тѣсномъ, оборонительномъ и наступательномъ союзѣ съ Пруссіей, вмѣстѣ съ которой Польша могла бы примкнуть и къ союзу съ морскими державами, Англіей и Голландіей. Но прусская дипломатія выставила требованіе, чтобы политическому союзу предшествовалъ торговый трактатъ и чтобы прежде всего выяснились прочныя основы предпринятыхъ реформъ въ польской конституціи. Англійскій посланникъ поддерживалъ это требованіе. А сеймъ, напротивъ, хотѣлъ прежде оградить себя прусскимъ союзомъ, и уже подъ его щитомъ приводить въ дѣйствіе свои реформы. Между тѣмъ нѣкоторыя начала, принятыя въ основу преобразованій, успѣли возбудить опасенія въ Пруссіи, въ особенности намѣреніе патріотовъ утвердить наслѣдственный престолъ въ Саксонскомъ домѣ. Фридрихъ Вильгельмъ заявилъ, что собственно противъ Саксонскаго дома онъ ничего не имѣетъ, но на принципѣ наслѣдственности согласиться не можетъ. Въ этомъ взглядѣ поддерживали его старый министръ Герцбергъ (на поприщѣ дипломатіи ученикъ и послѣдователь Фридриха II) и маркизъ Луккезини, преемникъ Бухгольца въ Варшавѣ. Послѣдній писалъ къ Герцбергу, что введеніе наслѣдственнаго трона могло бы легко обратить Польшу въ сильную державу; тогда стоило бы явиться въ ней искусному полководцу, и армія возвратила бы Польшѣ ея прежнее величіе. Когда же представители патріотической партіи настоятельно обратились къ Пруссіи съ этимъ пунктомъ, Луккезини уполномоченъ былъ отвѣчать, что прусскій король согласится на наслѣдственность трона, если того пожелаетъ вся польская нація и если Россія и Австрія также дадутъ согласіе.

Въ то время Полякамъ представлялось, повидимому, довольно легкое средство добиться тѣснаго союза съ Пруссіей. Это такъ-называемый галиційскій проектъ Герцберга. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы Польша уступила Пруссіи два важные торговые пункта на Вислѣ: Данцигъ и Торнъ. За нихъ предполагалось возвратить Полякамъ отъ Австріи часть Галиціи; а Австрія, въ обмѣнъ на Галицію, могла бы удержать часть

турецкихъ земель, занятыхъ ея войсками. (Такимъ образомъ планъ вознагражденія за Галицію въ придунайскихъ земляхъ, встрѣчающійся у современныхъ европейскихъ публицистовъ, далеко не новость). Прусскій дворъ уже изыскивалъ средства принудить Австрію къ этому обмѣну и, повидимому, даже готовился къ войнѣ въ союзѣ съ Польшей; уже были завязаны сношенія съ галиційскими Поляками, которые обѣщали полное возстаніе. Но въ то же время прусскіе дипломаты настоятельно убѣждали польскихъ патріотовъ не подавать вѣнскому двору никакого повода къ неудовольствію и внушить Галиційцамъ, чтобъ они сохранили спокойствіе, пока предпріятіе не созрѣетъ. Сенъ-Джемскій кабинетъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній согласился также приступить къ галиційскому проекту, и обѣщалъ, въ случаѣ войны съ Россіей и Австріей прикрыть своимъ флотомъ Пруссію на Балтійскомъ морѣ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, Витвортъ, получилъ даже приказаніе подать угрожающую ноту, съ объявленіемъ, что Англія и Пруссія возьмутся за оружіе, если до апрѣля мѣсяца при ихъ посредничествѣ не будетъ заключенъ миръ съ Турками. Однако втайнѣ Англичане сильно надѣялись на мирный исходъ дѣла, такъ какъ предвидѣлась близкая перемѣна царствующаго лица въ Австріи, обѣщавшая и перемѣну въ ея политикѣ. А между тѣмъ англійская дипломатія разсчитывала посмотрѣть, какъ Поляки воспользуются этимъ срокомъ, чтобы подвинуть впередъ вопросы о реформахъ въ конституціи и о прусскомъ союзѣ. Прусская дипломатія, съ своей стороны, также держалась выжидательной системы. На домогательства Поляковъ о союзѣ она отвѣчала, что переговоры о томъ начнутся не прежде, какъ республика устроитъ у себя надежную конституцію, доведетъ свою армію по крайней мѣрѣ до 60.000 человѣкъ и изыщетъ средства для ея содержанія. Это обстоятельство заставило усилить дѣятельность варшавской конституціонной комиссіи.

Коммиссія для составленія проекта новой конституціи была назначена 7-го сентября 1789 г. Кромѣ президента Красинскаго, епископа каменецкаго, она состояла изъ 10 членовъ: четыре принадлежали сенату, а остальные шесть рыцарскому или шляхетскому сословію. По мѣрѣ того какъ вырабатывались комиссіей статьи конституціи, онѣ поступали на обсужденіе сейма. Каждая статья подвергалась тщательному разсмотрѣнію, и вызывала жаркія пренія со стороны противной партіи. Однажды патріоты пригрозили гетману Бранницкому и нѣкоторымъ его друзьямъ выбросить ихъ изъ окна, если они не перестанутъ дѣлать помѣхи при обсужденіи конституціи. Угроза подѣйствовала, и слѣдующія засѣданія были спокойнѣе. 23-го декабря, проектъ комиссіи въ общихъ чертахъ

былъ утвержденъ сеймомъ, и притомъ безъ большой оппозиціи. Этому много способствовало то обстоятельство, что король, почти предоставленный петербургскимъ дворомъ самому себѣ, оставилъ съ преданными ему сенаторами и послами русскую партію, и примкнулъ къ патріотамъ.

Впрочемъ проэктъ новой конституціи не отличался большими нововведеніями. По первому пункту престолъ оставался избирательнымъ, и королевская власть уменьшилась еще болѣе, потому что сейму предоставлялось право назначать высшихъ сановниковъ и членовъ совѣта министровъ. Но liberum veto отмѣнялось, и на избирательныхъ сеймикахъ право голоса получали только дворяне собственники, а голодная толпа неимущей шляхты, торговавшей своими голосами, устранялась. Послѣднее слово вызвало наиболѣе сильное волненіе въ отдаленныхъ провинціяхъ, и доставило многочисленныхъ приверженцевъ оппозиціи; но въ областяхъ, ближайшихъ къ столицѣ, сеймики заявили къ ней свое сочувствіе.

Послѣ того завязались оживленные переговоры о прусскомъ союзѣ. Берлинскій дворъ предложилъ соединить политическій союзъ съ торговымъ трактатомъ, при чемъ соглашался понизить пошлину на Вислѣ съ 12 процентовъ на 6, на 4 и даже на 2 процента; но требовалъ за это уступки Данцига и Торна. Напрасно нѣкоторые наиболѣе дальновидные члены сейма уговаривали товарищей согласиться на требованіе Пруссіи. Партія, противная прусскому союзу, воспользовалась удобнымъ случаемъ, и подняла крикъ, какъ-будто дѣло шло о новомъ раздѣлѣ Польши. Сеймъ выразилъ желаніе перейдти къ торговому трактату послѣ политическаго союза, и обратился къ великодушію прусскаго короля, вмѣсто того чтобы связать съ собой Пруссію общими интересами. Фридрихъ Вильгельмъ показалъ уступчивость и согласился на отдѣльные переговоры относительно обоихъ трактатовъ.

27 марта 1790 г. союзный трактатъ представленъ былъ на утвержденіе сейма. Но и тутъ надобно было опасаться вліянія оппозиціи. Многіе члены едва понимали, что дѣло идетъ о послѣднемъ средствѣ спасенія для республики — о дружбѣ съ сильною сосѣднею державой. Потому главы патріотической партіи сочли необходимымъ употребить нѣкоторую уловку, чтобы добиться единодушія. Они прибѣгли къ тому же способу, который съ успѣхомъ былъ приведенъ въ дѣйствіе нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, для большаго возбужденія умовъ противъ Россіи и удаленія русскихъ войскъ, т.-е. къ призраку крестьянскаго возстанія на Украйнѣ. Засѣданіе 27 марта неожиданно началось сообщеніемъ слѣдствія, наряженнаго надъ православнымъ Слуцкимъ архимандритомъ. Въ

прошломъ году онъ былъ арестованъ, какъ одинъ изъ главныхъ двигателей предполагавшагося украинскаго мятежа. Чтеніе слѣдственныхъ актовъ возобновило въ памяти слушателей прошлогоднюю панику и привело все собраніе въ самое тревожное состояніе духа. Посреди этого чтенія раздалось нѣсколько голосовъ о немедленномъ заключеніи Прусскаго союза, безъ котораго невозможно отвратить опасности, угрожающія республикѣ. Дѣйствительно, трактатъ былъ одобренъ безъ возраженій.

Надежды возбужденныя союзомъ съ Пруссіей, усилились еще болѣе, когда въ слѣдующемъ мѣсяцѣ сейму сообщено было извѣстіе о заключеніи союза между Пруссіей и Турціей. Такимъ образомъ Россіи, кромѣ двухъ войнъ, которыя она уже вела, стала грозить еще война съ Польшей, Пруссіей и, пожалуй, съ Англіей. Польскіе патріоты были вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ и приняли очень смѣлый тонъ съ Петербургскимъ дворомъ. При извѣстіи, что императрица хочетъ замѣнить Штакельберга уполномоченнымъ низшаго ранга, они погрозили отнять Брюлевскій дворецъ, и даже сдѣлали на сеймѣ предложеніе подвергнуть наказанію тѣ лица, которыя въ 1775 г. присовѣтовали очистить для русскаго посла этотъ великолѣпный дворецъ (покупка его и меблировка стоили республикѣ болѣе милліона польскихъ гульденовъ). Штакельбергъ вскорѣ дѣйствительно былъ отозванъ, и хотя онъ не отличался большою мягкостію, однако Полякамъ пришлось пожалѣть объ этой перемѣнѣ лица. На мѣсто Штакельберга пріѣхалъ Булгаковъ.

Еще за нѣсколько недѣль до заключенія прусскаго союза въ Австріи совершилась перемѣна, на которую разсчитывали Англичане для мирнаго исхода польскаго вопроса. 20 февраля скончался Іосифъ II. Братъ и наслѣдникъ его, Леопольдъ II, былъ извѣстенъ какъ ловкій дипломатъ и государь не любившій войны. Дѣйствительно, въ политикѣ Австріи скоро обнаружились существенныя перемѣны; завоевательные планы Іосифа II были оставлены. Въ то же время и въ Пруссіи направленіе политики значительно измѣнилось: Герцбергъ началъ терять свой вѣсъ въ берлинской дипломатіи; другая партія (Бишофсвердера и Луккезини) овладѣла королемъ и галиційскій проектъ Герцберга отошелъ на задній планъ. Поэтому между Австріей и Пруссіей послѣдовало нѣкоторое сближеніе, и 27 мая 1790 г. они заключили такъ-называемую Рейхенбахскую конвенцію: Австрія отказывалась отъ завоеваній въ Турціи (удерживая, конечно, за собою Галицію), а Пруссія обязалась не препятствовать ей подавить возстаніе въ Бельгіи. Слѣдовательно, результатомъ этой конвенціи было statu quo; а потому польскіе патріоты

уже не могли разсчитывать на дѣятельную поддержку со стороны Пруссіи. Виноватъ былъ самъ сеймъ, который съ удивительнымъ упорствомъ отвергалъ всѣ предложенія и совѣты объ уступкѣ Данцига и Торна. Послѣ Рейхенбахскаго конгресса Луккезини уѣхалъ изъ Варшавы, и мѣсто его занялъ менѣе значительный графъ Гольцъ, что явно показывало нѣкоторое охлажденіе со стороны прусскаго короля. Герцбергъ продолжалъ еще требовать уступки упомянутыхъ городовъ; но Луккезини, познакомившійся съ положеніемъ польскихъ дѣлъ на мѣстѣ, утверждалъ, что для Пруссіи, вмѣсто ненадежнаго союза съ безсильною Польскою республикой, гораздо выгоднѣе опять сблизиться съ Петербургомъ и Вѣной, чтобы расширить свои предѣлы на счетъ Польши.

Между тѣмъ партія движенія въ Польшѣ обнаруживалась весьма мало такта въ своихъ дѣйствіяхъ. Графъ Ржевускій совсѣмъ не вовремя принялся изъ Львова возбуждать Галицію къ возстанію. А военныя средства республики оставались при прежнемъ ничтожествѣ. Прусскій генералъ Калькрейтъ, который былъ командированъ въ Польшу, чтобы служить республикѣ своими совѣтами по устройству войска, уѣхалъ изъ Варшавы, и иронически замѣтилъ о польской арміи, что «ей надобно римскаго полководца». Устройство финансовъ не подвигалось впередъ, несмотря на многочисленные проекты и пренія, и вновь придуманныя подати главною своею тяжестію попрежнему падали на крестьянское сословіе. Обработка конституціоннаго проекта подвигалась впередъ весьма медленно. На первый планъ выступилъ вопросъ о наслѣдствѣ престола и вызвалъ самыя жаркія пренія, которыя отражались и въ цѣлой странѣ.

Но дальнѣйшія разсужденія о конституціи должны были на время прекратиться. Сеймъ засѣдалъ уже около двухъ лѣтъ: приближался срокъ для созванія слѣдующаго обыкновеннаго сейма, возникъ вопросъ, нужно ли для этого предварительно распустить настоящій. По предложенію маршала Малаховскаго рѣшено было, съ цѣлію не повредить начатымъ реформамъ, не распускать настоящаго сейма до тѣхъ поръ, пока онъ не окончитъ трудовъ по составленію конституціи. Нельзя не замѣтить, что подобное рѣшеніе вынуждалось самою необходимостью. Конституціонный сеймъ до сихъ поръ занимался только разрушеніемъ стараго порядка, но не создалъ еще ни одной новой отрасли управленія и такъ какъ онъ теперь былъ единственный обязательный авторитетъ въ странѣ, то съ распущеніемъ его ей угрожала полнѣйшая анархія. Въ то же время сеймъ пригласилъ воеводства выслать въ Варшаву обычное число пословъ. Такимъ образомъ, сохраняя прежній составъ,

онъ подкрѣплялъ себя новыми членами, почему получалъ еще большій вѣсъ въ общественномъ мнѣніи страны. Это подкрѣпленіе оказывалось эѣмъ нужнѣе для авторитета господствовавшей партіи, что засѣданія эѣйма были чрезвычайно неполны: изъ 334 пословъ въ засѣданіяхъ участвовало обыкновенно не болѣе 200, а иногда не болѣе 130.

Подкрѣпленный сеймъ собрался въ декабрѣ 1790 г. Маршалъ Сапѣга, отъ имени литовскаго дворянства, предложилъ взять со всѣхъ членовъ присягу въ томъ, что они не будутъ получать никакихъ пенсій отъ иностранныхъ дворовъ и останутся вѣрны отечеству. Поводомъ къ этой присягѣ послужило сообщеніе польскаго агента изъ Петербурга о томъ, что Булгакову въ нѣсколько пріемовъ отправлено болѣе 100.000 дукатовъ. Предложеніе Сапѣги повело къ сильнымъ спорамъ, и успѣхъ иностраннаго вліянія ясно виденъ изъ слѣдующихъ словъ Эссена, которыя онъ написалъ послѣ одного изъ самыхъ шумныхъ засѣданій. «Я замѣчаю здѣсь дѣйствіе систематической и рѣшительной воли. Я вижу, что эта чуждая воля между самими Поляками находитъ болѣе послѣдователей, нежели можно было бы ожидать, но только тому, кто мало знаетъ характеръ республиканскихъ націй».

Въ началѣ 1791 года снова поднятъ былъ вопросъ о торговомъ трактатѣ съ Пруссіей и объ уступкѣ Данцига и Торна. Послы голландскій и англійскій поддерживали требованіе Пруссіи. Но недальновидность Поляковъ въ дѣлѣ, отъ котораго могла зависѣть участь всего ихъ движенія, приводитъ въ удивленіе Гельса. Въ депешахъ своихъ онъ отзывается о большинствѣ сеймовыхъ пословъ, какъ о людяхъ, не имѣющихъ никакого понятія ни о положеніи собственной страны, ни объ интересахъ другихъ націй. «Многіе изъ членовъ сейма, говоритъ онъ, проводили жизнь въ сельскихъ занятіяхъ, и вдругъ очутились на политической сценѣ, гдѣ интересы переплетаются между собою самымъ запутаннымъ образомъ. Недовѣріе и подозрительность, слѣдствіе крайняго невѣдѣнія дѣлъ, господствуютъ почти во всѣхъ умахъ; а примѣръ наиболѣе свѣдущихъ людей далекъ отъ того, чтобъ ободрить остальныхъ». Въ то же время графъ Гольцъ доноситъ Герцбергу, что теперь было бы самое удобное врѣмя для уступки Данцига и Торна, и если Пруссія не добьется этой уступки, то надобно перемѣнить систему дѣйствія въ Польшѣ, потому что въ будущемъ на Поляковъ разсчитывать нечего: по характеру, языку, воспитанію и интересамъ самой религіи они наклонны болѣе къ Русскимъ чѣмъ къ Пруссакамъ, которые «ненавистны имъ въ качествѣ Нѣмцевъ».

Дѣло отъ уступкѣ двухъ городовъ попрежнему не подвигалось впе-

редъ, несмотря на обѣщанія, данныя Англіи и Пруссіи патріотическою партіей. Пруссія требовала наконецъ одного Данцига вмѣстѣ съ торговымъ трактатомъ. Но въ это время австрійская (собственно Леопольдова) дипломатія пустила въ ходъ весьма ловкую интригу. Изъ Вѣны вдругъ сообщено было извѣстіе, что прусскій дворъ завязываетъ съ австрійскимъ переговоры о новомъ раздѣлѣ Польши. Слухъ былъ совершенно неосновательный, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ сильное впечатлѣніе и когда депутація иностранныхъ дѣлъ выступила съ торговымъ трактатомъ, на сеймѣ поднялась противъ него цѣлая буря. Напрасно генералъ Война, польскій посолъ въ Вѣнѣ, бралъ уже назадъ свое ложное извѣстіе о переговорахъ Пруссіи съ Австріей; напрасно была прочитана нота графа Гольца съ объявленіемъ отъ прусскаго короля, что единственною цѣлью упомянутаго слуха было возбудить къ нему недовѣріе въ польской націи. Мысль объ уступкѣ Данцига была рѣшительно отвергнута.

Несмотря на такой исходъ данцигскаго вопроса, патріотическая партія была настолько наивна, что продолжала надѣяться на вооруженную помощь Пруссіи и желала немедленно начать войну съ Россіей, хотя финансы и армія оставались въ прежнемъ состояніи. Послѣднему обстоятельству нисколько не помогали великодушные порывы и патріотическія рѣшенія, которымъ время отъ времени предавался сеймъ. Около того же времени обращено было вниманіе на положеніе городскаго сословія, и неожиданно утвержденъ проектъ такъ-называемой «гражданской конституціи», состоявшій изъ 18 пунктовъ: въ силу этихъ пунктовъ горожане освобождались отъ дворянскихъ судовъ и получали родъ представительства. Подобныя права сначала произвели было опасенія между сосѣдями; явилась мысль, не будутъ ли, напримѣръ, изъ Пруссіи многіе жители эмигрировать, чтобы наслаждаться правами польскаго городскаго сословія? Но спустя нѣсколько дней, иностранная дипломатія успокоилась на томъ предположеніи, что принятая сеймомъ реформа не помѣшаетъ ему въ одно прекрасное утро найдти исполненіе ея неудобнымъ и отложить до слѣдующаго сейма, какъ это часто случалось. Что же касается до улучшенія быта несчастныхъ крестьянъ, въ этомъ отношеніи мы не встрѣчаемъ никакихъ попытокъ со стороны сейма [1]).

[1]) Вопреки увѣреніямъ Огинскаго, который въ своихъ мемуарахъ утверждаетъ, что были приняты „самыя мудрыя“ мѣры, чтобы произвести эту перемѣну *нечувствительнымъ* образомъ, „не покушаясь на права дворянъ собственниковъ“, и что если-бы великій сеймъ не былъ прерванъ, то крѣпостное право навѣрное было бы уничтожено (I, 59).

Вслѣдъ за утвержденіемъ гражданской конституціи, сеймъ отсрочилъ свои засѣданія на двѣ недѣли, предполагая послѣ Свѣтлаго праздника заняться нѣкоторыми экономическими вопросами. Но въ этотъ промежутокъ времени случилось событіе, которое должно было нанести рѣшительный ударъ надеждамъ патріотической партіи. Изъ Берлина пришло извѣстіе, что Англія отказывается поддерживать Пруссію въ случаѣ ея войны съ Россіей; а вслѣдствіе того Пруссія также покидаетъ свои воинственные замыслы. Сюда присоединился страхъ передъ усиленною дѣятельностію русской партіи, которая старалась разорвать конфедераціонный сеймъ или образовать контраконфедерацію, и уже многіе послы оказались несостоятельными противъ иностраннаго золота. При такихъ обстоятельствахъ патріотическая партія не видѣла другого средства самосохраненія, какъ внезапный государственный переворотъ (coup d'etat). Мы говоримъ о конституціи 3 мая 1791 года. Спасенія республики искали, повидимому, въ театральныхъ эффектахъ.

Чтобъ обмануть сторонниковъ Россіи, патріоты выбрали для исполненія своего плана день, который официально назначенъ былъ для обсужденія другихъ вопросовъ. На разсвѣтѣ 3 мая, члены сейма, посвященные въ замыселъ, собрались въ королевскомъ дворцѣ. Послѣ предварительныхъ совѣщаній они вмѣстѣ съ королемъ перешли въ залу сеймовыхъ засѣданій. Тутъ депутація иностранныхъ дѣлъ объявила, что она должна немедленно сообщить сейму послѣднія депеши польскихъ повѣренныхъ за границей и частныя письма, которыя извѣщаютъ республику о великомъ грозящемъ ей бѣдствіи. Послѣдовало чтеніе депешъ и писемъ изъ Вѣны, Петербурга, Берлина, Парижа, Гаги и другихъ мѣстъ: содержаніе ихъ клонилось къ тому, что Польшѣ угрожаетъ *новый раздѣлъ!* Между прочимъ Россіи приписывался планъ раздѣлить Польшу на шесть частей, изъ которыхъ одна назначилась для Потемкина!

Это чтеніе произвело потрясающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Король всталъ съ трона, и пригласилъ сеймъ, для отвращенія грозящей отечеству опастности, немедленно принять проектъ новой конституціи. За тѣмъ началось чтеніе этого проекта. Первыми пунктами его постановлялись: сохраненіе католической религіи господствующею и терпимость прочихъ религій, сохраненіе дворянскихъ привилегій и обезпеченіе за городскимъ сословіемъ вновь дарованныхъ ему правъ. Законодательная власть попрежнему вручалась сейму, раздѣленному на двѣ палаты (избы), сенаторскую и посольскую; а исполнительная власть оставалась за королемъ и совѣтомъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ націей.

Обычай конфедерацій и liberum veto отмѣнялись. Но самая важная и коренная реформа заключалась въ томъ, что польскій престолъ объявлялся наслѣдственнымъ. Престолъ переходилъ къ саксонскому курфирсту а послѣ къ его дочери; король и нація изберутъ ей супруга, и потомство этой четы должно было образовать новую польскую династію.

Во время чтенія сеймовая зала наполнилась слушателями. Многіе послы съ трудомъ сдерживали свое негодованіе на такой неожиданный оборотъ дѣла. Едва чтеніе окончилось, какъ поднялись энергическіе протесты противъ новой конституціи. Одни отрицали ее безусловно, другіе требовали по крайней мѣрѣ отсрочки. Нѣкто Сухоржевскій, калишскій посолъ, незадолго отличавшійся ревностною защитой правъ городского сословія, теперь пришелъ въ совершенное изступленіе, и кричалъ, что отмѣна избирательнаго трона будетъ гробомъ польской свободы. Но всѣ эти протесты заглушены были голосами патріотовъ, которые имѣли на своей сторонѣ большинство. [1]). Чтобы прекратить дальнѣйшіе споры и волненіе, Станиславъ Августъ, по просьбѣ патріотовъ, немедленно присягнулъ новой конституціи; за нимъ присягнуло все собраніе. Король пригласилъ присутствовавшихъ отправиться въ соборъ, присягнуть тамъ еще разъ и возблагодарить Бога за счастливое окончаніе дѣла.

Было уже около семи часовъ вечера, когда сеймовая процессія двинулась изъ дворца въ соборъ. Она была встрѣчена и сопровождаема десятитысячною толпой народа, во главѣ которой находились магистратъ и цехи. Присяга и *Te Deum* совершились при громѣ пушекъ. Потомъ опять воротились въ залу засѣданій, и постановили, чтобы въ память счастливой революціи третье мая ежегодно праздновалось въ цѣломъ королевствѣ и въ честь его была бы выстроена особая церковь. Военная коммиссія и члены магистрата въ тотъ день дали присягу новой конституціи. На слѣдующій день присягнули всѣ находившіеся въ столицѣ генералы и офицеры. Отданъ былъ приказъ послать 10.000 войска въ южныя провинціи, такъ какъ недовольные послы большею частію принадлежали этимъ провинціямъ, и тамъ скорѣе всего можно было ожидать конфедерацій, враждебныхъ новому порядку. Кромѣ того, рѣшено учредить особый сеймовый судъ, который всякаго противящагося перевороту судилъ бы какъ государственнаго преступника.

---

[1]) Воротясь домой послѣ неудачнаго протеста, фанатикъ Сухоржевскій схватилъ саблю и хотѣлъ отрубить голову своему маленькому сыну, чтобъ ему не пришлось жить въ неволѣ. подъ тиранскимъ правленіемъ. Его едва удержали отъ преступленія. (*Pamiętniki Kitowicza*)

Столица и вся страна, казалось, были въ восторгѣ отъ третьяго мая. Особенно прославлялось то обстоятельство, что такая великая революція совершилась безъ всякихъ безпорядковъ и безъ пролитія капли крови.

Англійскій посолъ въ депешѣ своей отъ 8 мая главнымъ дѣятелемъ революціи называетъ графа Игнатія Потоцкаго, человѣка съ сангвиническимъ темпераментомъ и весьма славолюбиваго. По замѣчанію Гэльса, Потоцкаго отчасти одушевляла фамильная вражда съ гетманомъ Браницкимъ, приверженцемъ старой системы, а отчасти дѣйствительное желаніе оказать услугу отечеству. Онъ былъ членомъ комиссіи для составленія проекта преобразованной конституціи; съ помощію своей твердости и довѣрія, которое къ нему питали, онъ увлекалъ за собою многихъ нерѣшительныхъ людей, въ томъ числѣ и самого короля.

Даже рѣшительные противники реформы на первое время должны были склониться передъ успѣхомъ патріотовъ. Изъ всѣхъ министровъ только коронный канцлеръ Малаховскій (братъ сеймоваго маршала) сложилъ свое достоинство, какъ несогласный съ переворотомъ; но вскорѣ уступилъ просьбамъ короля и своихъ родственниковъ. Даже гетманъ Браницкій счелъ за лучшее на время признать себя побѣжденнымъ. Онъ ожидалъ, что вопросъ о конституціи будетъ обсуждаться 5 мая, какъ о томъ было объявлено. 4 числа онъ прискакалъ въ Варшаву въ сопровожденіи 200 дворянъ, и хотѣлъ протестовать противъ совершившихся перемѣнъ въ городскомъ судѣ; но нашелъ его уже запертымъ; а спустя два дня, и самъ подписался подъ новою конституціей. Его примѣру послѣдовали и остальные ея противники.

7 мая къ націи выданъ универсалъ, наполненный восхваленіями новаго порядка. Не только въ Польшѣ, но и за границей многіе увлеклись блестящимъ успѣхомъ революціи. Журналы усердно прославляли ее. Новый духъ и новый свѣтъ, говорили панегиристы, распространился между Сарматами, и они совершили самый замѣчательный изъ всѣхъ государственныхъ переворотовъ текущаго столѣтія.

Но возьмемъ оборотную сторону медали и посмотримъ, на сколько въ этомъ переворотѣ было искусственнаго, только кажущагося блеска. Изъ иностранныхъ резидентовъ, находившихся тогда въ Варшавѣ, почти никто не увлекся театральнымъ эффектомъ революціи. Наиболѣе проницательный взглядъ на ея дѣйствительное значеніе мы находимъ у того же Эссена. Въ донесеніяхъ своему двору (отъ 7 и 14 мая) онъ выражаетъ рѣшительное сомнѣніе, чтобы большинство провинціальныхъ сеймиковъ одобрило принципъ наслѣдственнаго трона, и потому полагаетъ, что съ

этой стороны надобно ожидать сильнѣйшихъ протестацій. Далѣе, онъ не видитъ никакихъ ручательствъ, чтобы Поляки, извѣстные своимъ непостоянствомъ, легко увлекающимся характеромъ, сумѣли осуществить рѣшеніе, принятое въ минуту энтузіазма. Не должно, кромѣ того, забывать слабохарактерность короля, неспособность его министровъ и полный недостатокъ въ искусныхъ государственныхъ людяхъ. Поэтому Эссенъ предостерегаетъ своего государя отъ непріятныхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою принятіе предлагаемой польской короны, тѣмъ болѣе, что выборъ саксонской династіи обусловливается не какою-либо особою приверженностію къ ней, а просто страхомъ новаго раздѣла. Сюда присоединяются и нѣкоторые эгоистическіе разсчеты: король Станиславъ питаетъ надежду женить своего племянника, князя Понятовскаго, на саксонской принцессѣ и тѣмъ упрочить корону за своею фамиліей; а князь и княгиня Чарторыйскіе разсчитываютъ получить руку принцессы для своего старшаго сына.

Самый энтузіазмъ, съ которымъ встрѣчена была въ Варшавѣ конституція 3 мая, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается не совсѣмъ безкорыстнымъ, и патріотическая партія далеко не имѣющею глубокихъ нравственныхъ корней въ народѣ. Толпа, окружавшая въ тотъ день королевскій замокъ, состояла большею частію изъ подкупленной черни. Въ подкупахъ участвовалъ и самъ король. Другая часть толпы явилась вслѣдствіе разныхъ обѣщаній и возбужденныхъ надеждъ. Между прочимъ, предварительно распущенъ былъ слухъ, что въ засѣданіи 3 мая будетъ идти дѣло о подтвержденіи правъ, дарованныхъ городскому сословію, и что сенатъ противится этимъ правамъ; отъ трехъ до четырехъ тысячъ горожанъ собралось передъ замкомъ, чтобы присутствіемъ своимъ внушить страхъ сенаторамъ.

Наконецъ, впечатлѣніе, произведенное извѣстіями о грозящемъ новомъ раздѣлѣ и послужившее главнымъ поводомъ къ революціи, было основано на чтеніи ложныхъ или искаженныхъ донесеній. Объ этомъ прямо говорятъ повѣренные англійскій и саксонскій. Гельсъ въ депешѣ, отъ 31 мая, обращаетъ вниманіе на то, что патріотическая партія, для сильнѣйшаго эффекта, не посовѣстилась обвинить въ замыслахъ о раздѣлѣ и своихъ союзниковъ Пруссаковъ. «Нѣтъ никакого сомнѣнія, прибавляетъ онъ, что донесенія, прочитанныя 3 мая съ единственною цѣлію показать необходимость настоящей революціи, были или искажены, или совершенно выдуманы». Еще болѣе точныя свѣдѣнія о томъ сообщаетъ Эссенъ въ депешѣ, отъ 28 мая, къ саксонскому кабинетъ-министру графу Лоссъ. Основою для всей этой комедіи, по его словамъ,

послужило письмо русской императрицы къ прусскому королю, написанное еще въ 1782 г., гдѣ заключались нѣкоторыя соображенія о раздѣлѣ. Самое существованіе письма не было доказано, хотя Деболи, польскій повѣренный въ Петербургѣ, и увѣрялъ, что это письмо находится у него въ рукахъ. Все же остальное было произведено разными искусственными способами, каковы: умолчаніе хронологическихъ данныхъ и сообщеніе за новость незначительныхъ слуховъ, ходившихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; преувеличеніе фактовъ и умолчаніе всего что могло ослабить впечатлѣніе, и т. п. Передавая все это, честный Нѣмецъ приходитъ въ изумленіе передъ наглостію патріотовъ, и опасается, что курфирсту, пожалуй, его донесеніе покажется невѣроятнымъ.

Несмотря на успѣхъ театральныхъ эффектовъ и значительное число отсутствовавшихъ членовъ сейма, патріотамъ удалось провести конституцію 3 мая только слабымъ большинствомъ голосовъ. Изъ 157 присутствовавшихъ членовъ 88 вотировали за конституцію и 69 противъ. [1]) Послѣ того господствующая партія всѣми силами старалась заглушить голосъ оппозиціи. Чтобы не узнали за границей о настоящемъ настроеніи нѣкоторыхъ областей, запрещена была всякая корреспонденція провинціальныхъ жителей съ иностранными резидентами въ Варшавѣ. Однако, вскорѣ не замедлили явиться печатные и письменные протесты противъ переворота даже со стороны многихъ сеймовыхъ пословъ.

Декаше (австрійскій посолъ) и Булгаковъ, представители тѣхъ именно державъ, противъ которыхъ была направлена конституція 3 мая, офиціально продолжали держать себя весьма осторожно и показывали равнодушный видъ. Кауницъ сначала нѣсколько встревожился: у него явилось подозрѣніе, не произошло ли все это по тайному соглашенію съ Пруссіей и Саксоніей, при чемъ Пруссіи, безъ сомнѣнія, было бы обѣщано территоріальное вознагражденіе. Но когда обнаружилось, что ни прусскій король, ни саксонскій курфирстъ не принимали тутъ никакого непосредственнаго участія, то опытный австрійскій дипломатъ успокоился и принялся работать противъ польской революціи: съ одной стороны обольщать саксонскаго курфирста отдаленною надеждой на согласіе великихъ державъ относительно польскаго наслѣдства, а съ другой—втайнѣ поддерживать сосѣдній кабинетъ во враждебномъ настроеніи къ этой революціи.

---

[1]) Впрочемъ, числа эти только приблизительныя. Ихъ приводитъ Эссенъ въ депешѣ 16 іюня; а въ послѣдующихъ его депешахъ они встрѣчаются нѣсколько измѣненными.

Что касается до Пруссіи, то патріотическая партія, конечно, прежде всего спѣшила обезпечить за новою конституціей согласіе своей главной союзницы. Король Понятовскій немедленно написалъ къ Фридриху Вильгельму письмо съ извѣстіемъ о совершившемся фактѣ, какъ о единственномъ средствѣ для республики выйдти изъ ея бѣдственнаго положенія. Польскій уполномоченный въ Берлинѣ, князь Яблоновскій, долженъ былъ вручить письмо прямо въ руки Фридриха, помимо министровъ. Онъ поступилъ очень ловко. Король находился на разводѣ одного кавалерійскаго полка, когда Яблоновскій попросилъ у него аудіенціи по весьма важному дѣлу. Тотчасъ послѣ развода Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ уполномоченнаго, прочелъ письмо, и прежде, нежели могъ опомниться отъ неожиданнаго извѣстія, Яблоновскій сумѣлъ получить отъ него благосклонный письменный отвѣтъ. Въ Варшавѣ этотъ отвѣтъ поспѣшили объявить дипломатическимъ актомъ и, на основаніи его, обратились къ прусскому послу, графу Гольцу, съ просьбою представить сейму ноту, которая бы заключала со стороны Пруссіи официальное одобреніе конституціи 3 мая. Гольцъ очутился въ большомъ затрудненіи и отказался отъ подачи ноты до полученія инструкцій отъ своего двора. Дѣйствительно, прусское министерство, между тѣмъ, успѣло внушить королю недовѣріе къ польскому перевороту. Гольцъ получилъ приказъ давать въ Варшавѣ уклончивые отвѣты. Пруссія хотѣла прежде посмотрѣть, какъ пойдетъ дѣло конституціи въ самой Польшѣ, и уже разъ покинутая Англіей, не имѣла никакого желанія начать за Польшу войну съ Австріей и Россіей. Саксонскій курфирстъ съ своей стороны также медлилъ дать какой-нибудь прямой отвѣтъ на предложеніе польской короны; онъ выжидалъ, пока выяснится, въ какое отношеніе станутъ другія державы къ польской революціи.

Но что предпринимала между тѣмъ преобразованная республика, чтобы внушить къ себѣ довѣріе внутри и уваженіе извнѣ?

Первый неловкій шагъ послѣдовалъ со стороны короля: онъ составилъ новое министерство, но наполнилъ его почти исключительно явными приверженцами Россіи, каковы были, напримѣръ, коронный канцлеръ Малаховскій, литовскій подканцлеръ Хребтовичъ и коронный гетманъ Браницкій. Это обстоятельство тотчасъ возбудило въ патріотической партіи и въ иностранныхъ резидентахъ подозрѣніе, что король смотритъ на революцію не серіозно и при удобномъ случаѣ легко можетъ перейдти опять на сторону Россіи. На замѣчанія графа Гольца Станиславъ-Августъ оправдывалъ свой выборъ тѣмъ, что хотѣлъ такимъ образомъ парализовать противодѣйствіе людей наиболѣе преданныхъ русской пар-

тіи. Но эта уловка, конечно, не разсѣяла опасенія патріотовъ. Они съ своей стороны тоже не замедлили сдѣлать значительное отступленіе отъ конституціи 3 мая, въ ущербъ королевской власти относительно права помилованія и права замѣщенія должностей.

На сеймѣ оппозиція Майскому перевороту мало-по-малу усиливалась; одни члены ея старались возбуждать неудовольствіе въ провинціяхъ, другіе искали поддержки за границей. Нѣкоторые вельможи удалились въ Вѣну, и хлопотали тамъ около правительства Леопольда II. Предводители недовольныхъ, генералъ артиллеріи Феликсъ Потоцкій и польный гетманъ Ржевускій, изъ Вѣны переѣхали потомъ въ Яссы, чтобъ оттуда подъ покровительствомъ Потемкина подготовить контраконфедерацію. На Волыни и въ Подоліи началось замѣтное движеніе между шляхтою и производились уже попытки осуществить эту контраконфедерацію, но были подавлены военными мѣрами королевскаго племянника, Іосифа Понятовскаго. Движеніе въ самой Польшѣ особенно возбуждаемо было упомянутымъ посломъ Сухоржевскимъ. Число членовъ присутствующихъ на сеймѣ постоянно убавлялось: одни совсѣмъ уѣзжали изъ Варшавы; другіе, хотя и оставались, но избѣгали присутствовать именно на тѣхъ засѣданіяхъ, которыя посвящались дальнѣйшей обработкѣ конституціи. Даже члены патріотической партіи, которые усердно являлись на засѣданія, часто были движимы не столько патріотизмомъ, сколько другими побужденіями. Такъ, въ засѣданіи 15 сентября произошла неприличная сцена, когда посолъ Мельчинскій прямо въ лицо королю говорилъ объ его отношеніяхъ къ членамъ сейма и упоминалъ, какъ король одному обѣщалъ должность, другому орденъ, третьему мѣсто въ дипломатическомъ корпусѣ, четвертому покровительство въ процессѣ, пятому выгодную невѣсту и т. п. Эссенъ въ одной изъ депешъ прямо говоритъ, что королю дорого стоило снабжать квартирою, столомъ и экипажемъ отъ 50 до 60 пословъ, каждому платить по 20 или 30 дукатовъ въ мѣсяцъ и еще покровительствовать ихъ родственникамъ и друзьямъ. Князь Чарторыйскій подобнымъ же образомъ содержалъ 15 пословъ; не меньшее число находилось на попеченіи Потоцкихъ; также поступали и другіе вожди партій, смотря по своему состоянію.

Интересно рѣзкое мнѣніе о революціи и ея представителяхъ, высказанное нѣкоторыми изъ людей противной партіи. Витебскій каштелянъ графъ Ржевускій открыто говорилъ, что онъ собственно не противъ конституціи 3 мая, а противъ ничтожества національнаго характера: онъ не вѣритъ, чтобы съ такимъ характеромъ можно было привести ее въ исполненіе. Другой вельможа, и притомъ изъ наиболѣе уважаемыхъ,

подканцлеръ Хребтовичъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ къ Эссену, откровенно высказывалъ ему свое мнѣніе. Конституція 3 мая, по его словамъ, есть не что иное какъ романъ, затѣянный преимущественно двумя лицами (Игнатіемъ Потоцкимъ и сеймовымъ маршаломъ Малаховскимъ) при помощи нѣкоторыхъ молодыхъ людей, недоученыхъ политико-экономовъ и несчастныхъ мечтателей, съ цѣлью пріобрѣсти себѣ славу и высокое положеніе; но эти дѣятели совсѣмъ не знаютъ своего народа и ничего не понимаютъ въ политикѣ. Хребтовичъ изъявилъ сожалѣніе, что взялъ на себя участіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Однако это сожалѣніе не мѣшало ему разыгрывать передъ сеймомъ комедію по поводу переговоровъ съ саксонскимъ курфирстомъ, то-есть скрывать то что они заключали въ себѣ непріятнаго и передавать ихъ въ искаженномъ видѣ. Когда же со многихъ сторонъ поднялись протесты противъ наслѣдственнаго трона, господствующая партія прибѣгла къ слѣдующей уловкѣ. Король вмѣстѣ съ значительною частью сенаторовъ и пословъ подписалъ свидѣтельство въ томъ, что сеймъ *единогласно* уполномочиваетъ Малаховскаго разсѣять сомнѣнія курфирста и ускорить его согласіе на принятіе короны.

Съ такимъ же легкомысліемъ король Станиславъ Августъ, въ одномъ изъ сентябрьскихъ засѣданій, завѣрилъ сеймъ, что оба сосѣдніе кабинеты, австрійскій и прусскій, согласились не только поддерживать независимость Польши, но даже гарантировать конституцію 3 мая и престолонаслѣдіе. Это неожиданное заявленіе смутило посланниковъ обѣихъ державъ. По приказанію своего кабинета, Гольцъ не замедлилъ внушить варшавскому двору, что австрійско-прусская конвенція 25 іюля, подавшая поводъ къ неосновательному объявленію о гарантіяхъ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ обязательствъ защищать конституцію 3 мая; а прусско-польскій союзъ 1790 года точно также не могъ поручиться за тѣ перемѣны, которыя совершились въ республикѣ послѣ него. Вообще Пруссія все болѣе и болѣе теряла расположеніе жертвовать чѣмъ-нибудь для націи, которая была не способна помочь сама себѣ. Послѣднее обстоятельство ясно обнаружилось изъ дальнѣйшаго хода дѣлъ.

Вмѣсто того чтобы немедленно принять самыя существенныя и необходимыя мѣры для укрѣпленія разрушающагося государственнаго зданія, сеймъ занимался обработкою подробностей конституціи, которая явилась 3-го мая только въ общихъ чертахъ, а именно: формою сеймовъ и сеймиковъ, проектомъ сеймоваго суда, устройствомъ министерства и великаго совѣта, правомъ помилованія, вопросами о полиціи, объ организаціи городовъ и сочиненіи уголовнаго и гражданскаго свода. Безспорно,

статьи, обработанныя сеймомъ, заключали въ себѣ много хорошаго, сравнительно съ прежними порядками; но въ томъ-то и дѣло, что нигдѣ въ мірѣ не было такого разъединенія между законами и ихъ исполненіемъ какъ въ Польшѣ. И сеймъ первый показывалъ примѣръ ихъ неисполненія. 18-го апрѣля, какъ извѣстно, городскому сословію, между прочимъ, даровано и право нѣкотораго представительства на сеймѣ; конституція 3-го мая подтвердила за нимъ это право. Тѣмъ не менѣе, когда весьма немногочисленные послы отъ городовъ (не болѣе 20) явились на сеймъ, шляхта не допустила ихъ принять участіе въ отдѣльныхъ коммиссіяхъ. А между тѣмъ сами шляхетскіе послы безсовѣстнымъ образомъ прогуливали засѣданія этихъ коммиссій. Такъ, военная коммиссія была составлена изъ 18 членовъ; а число присутвовавшихъ почти никогда не доходило до 7 голосовъ, назначенныхъ minimum для постановленія рѣшеній, и сеймъ не нашелъ другого способа помочь горю какъ понизить законный minimum съ 7 на 5 голосовъ.

Какъ мало въ самомъ обществѣ было уваженія къ верховному и единственному тогда авторитету въ странѣ—къ сейму, показываетъ слѣдующій случай. Рѣшено было учредить такъ-называемые асессоріальные суды. Во время засѣданія 6-го октября жена одного польскаго шляхтича вошла въ залу собранія, пробралась къ тому мѣсту гдѣ сидѣлъ секретарь, составлявшій сеймовые протоколы, и выдрала его за уши, за то что онъ не внесъ имени ея мужа въ списокъ кандидатовъ на судейскія мѣста проектированныхъ асессоріальныхъ судовъ. Эта оригинальная месть возбудила въ собраніи большой шумъ, и пришлось отложить засѣданіе на нѣсколько часовъ.

Такъ какъ никто не хотѣлъ слышать о новыхъ налогахъ для поправленія финансовъ, то господствующая партія обратилась къ отчаянной мѣрѣ, о которой возникалъ вопросъ и прежде,—къ продажѣ національныхъ имуществъ; вмѣстѣ съ тѣмъ предложено было совершить продажу и всѣхъ староствъ, которыя находились во временномъ владѣніи разныхъ лицъ и также относились къ національнымъ имуществамъ. Это предложеніе возбудило весьма бурную оппозицію, потому что поражало самые существенные интересы очень многихъ лицъ. Но напрасно вопіяли они, указывая на этотъ пунктъ конституціи 3-го мая, который обезпечивалъ за всѣми спокойное пользованіе имуществомъ, напрасно говорили они, что подобная форма разоритъ не менѣе 4.000 семействъ, и что надобно оставить настоящимъ владѣльцамъ по крайней мѣрѣ пользованіе по смерть. 18-го декабря большинствомъ 105 голосовъ противъ 93 рѣшено было немедленно приступить къ продажѣ староствъ. Это рѣшеніе про-

извело окончательное разъединеніе сейма на два непримиримые лагеря. Нѣкоторыя и изъ тѣхъ знатныхъ фамилій, которыя были участниками въ переворотѣ 3-го мая, перешли теперь на сторону оппозиціи, и отчасти покинули столицу. Такъ, двое изъ Потоцкихъ отправились за границу; тетка Игнатія каштеляншa Каменецкая, державшая въ Варшавѣ открытый домъ, посѣщаемый почти всѣми членами сейма, съ неудовольствіемъ уѣхала въ Галицію; родственница Потоцкихъ, княгиня Любомирская, только что пріѣхавшая на зиму въ Варшаву, послѣ 18-го декабря не захотѣла здѣсь долѣе оставаться, и, несмотря на просьбы самого короля, отправилась въ Вѣну.

Главными дѣятелями контрареволюціонныхъ интригъ были Феликсъ Потоцкій и Ржевускій, проживавшіе въ Яссахъ. Напрасно сеймъ лишилъ ихъ занимаемыхъ ими должностей; это укрѣпило только ихъ вражду противъ патріотовъ. Къ нимъ отправился и извѣстный представитель русской партіи графъ Браницкій, который получилъ отъ короля отпускъ подъ предлогомъ хлопотъ о наслѣдствѣ своей жены послѣ смерти ея дяди Потемкина. Въ самой Варшавѣ началась оживленная дѣятельность русской партіи; прошелъ слухъ, будто Булгакову прислана невѣроятная сумма (700.000 дукатовъ) на образованіе контраконфедераціи. Въ виду угрожавшей со всѣхъ сторонъ опасности, сеймъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ отложить свои засѣданія почти на шесть недѣль (отъ 4-го февраля до 15 марта 1792 г.).

Между тѣмъ Ясскій миръ освободилъ Екатерину отъ заботъ со стороны Турціи, и теперь она могла обратить все свое вниманіе на разрѣшеніе польскаго вопроса. Браницкій, Потоцкій и Ржевускій переѣхали въ Петербургъ, и здѣсь при помощи графа Платона Зубова были допущены на частную аудіенцію. Но судьба Польши находилась въ рукахъ трехъ державъ. Представлялся вопросъ, какъ отнесутся къ ней два другіе сосѣдніе двора?

Этимъ вопросомъ заканчивается обозрѣніе польскихъ дѣлъ въ VI томѣ Германа. Исходъ польскаго вопроса извѣстенъ. Но, благодаря фактамъ, собраннымъ нѣмецкимъ историкомъ, читателю еще болѣе уясняется непрочность майскаго переворота въ Варшавѣ. Конституціи 3-го мая не суждено было перейдти въ жизнь, и притомъ не вслѣдствіе однихъ препятствій извнѣ, а главнымъ образомъ по недостатку зиждительныхъ матеріаловъ внутри. Еще прежде нежели произошло открытое столкновеніе съ сосѣдями, конституція эта уже достаточно показала свою несостоятельность, и самые приверженцы ея успѣли потерять всякую надежду

на ее осуществленіе. Въ исторіи рѣдко можно встрѣтить примѣры болѣе поучительные.

АВСТРІЯ И ВТОРОЙ РАЗДѢЛЪ [1]).

Дополнительный томъ *Русской исторіи* Германа. (*Geschichte des Russischen Staates*, von Dr. Hermann. Ergänzungs-Band. 1866).

Нѣсколько лѣтъ назадъ мы представили краткій очеркъ польской революціи 3-го мая 1791 года, на основаніи шестого тома исторіи Германа. Этотъ томъ останавливается на первыхъ мѣсяцахъ 1792 года. Слѣдующій, седьмой томъ еще не вышелъ въ свѣтъ; но въ прошломъ 1866 году изданъ къ нему обширный дополнительный томъ (почти въ 700 страницъ), который посвященъ исключительно дипломатической корреспонденціи 1791—1797 гг. Напечатавъ предварительно самую существенную часть своихъ матеріаловъ, авторъ надѣется тѣмъ съ большимъ удобствомъ изложить въ седьмой книгѣ конецъ Екатерининскаго царствованія [2]). Къ предварительному изданію дополнительнаго тома побудилъ Германа и споръ его съ Зибелемъ, извѣстнымъ авторомъ *Исторіи Французской революціи* и издателемъ *Историческаго журнала*. Предметомъ спора послужила политика Леопольда II. Германъ утверждаетъ, что Леопольдъ крѣпко держался союза съ Россіей, который онъ наслѣдовалъ отъ брата своего Іосифа II; а Зибель въ своемъ журналѣ пытается доказать, что, напротивъ, Леопольдъ стремился отдѣлаться отъ этого союза. Запутанныя обстоятельства, посреди которыхъ пришлось дѣйствовать Леопольду, и извороты его политики, не успѣвшей достаточно выясниться по причинѣ слишкомъ короткаго царствованія, пожалуй, могутъ представить факты въ пользу того и другого мнѣнія. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ предметомъ спора нельзя не отдать предпочтенія мнѣнію Германа, на сторонѣ котораго очевидный перевѣсъ въ изученіи источниковъ и преимущественно въ разработкѣ Лондонскаго государственнаго архива. Притомъ Германъ, хотя и не глубокій политикъ, относится къ своему дѣлу съ достаточнымъ безпристрастіемъ, а Зибель обнаруживаетъ враждебное чувство къ Россіи. Кромѣ того, и въ другихъ случаяхъ мы впдимъ, что

[1]) Рус. Вѣст. 1867. Ноябрь.

[2]) Этотъ VII томъ такъ и не появился въ печати.

мнѣнія обоихъ историковъ о многихъ лицахъ и фактахъ совершенно различны.

Изъ всей массы дипломатическихъ актовъ, помѣщенныхъ въ дополнительномъ томѣ, обратимъ вниманіе читателей на тѣ, которые обнимаютъ время между вступленіемъ на престолъ Франца II (20-го апрѣля и 2-го марта 1792 г.) и вторымъ польскимъ раздѣломъ. Главный интересъ этихъ актовъ составляетъ тѣсная связь между вопросами польскимъ и французскимъ по отношенію къ политикѣ трехъ сѣверныхъ державъ. Эта связь, между прочимъ, вполнѣ объясняетъ намъ, какимъ образомъ Австрія допустила второй раздѣлъ Польши, сама не принимая въ немъ участія. Приведемъ нѣсколько чертъ сюда относящихся.

Францъ II вначалѣ показалъ видъ, что намѣренъ относительно Поляковъ держаться политики своего отца, т.-е. вопреки представленіямъ Россіи и Пруссіи, покровительствовать соединенію Польши съ Саксоніей подъ одною наслѣдственною короной. Но 20-го апрѣля Франція объявила войну Австріи, и Францъ II принужденъ былъ искать союза съ Пруссіей и Россіей. Англія, около того же времени, въ виду приближавшейся борьбы съ Французами, оставила свое враждебное настроеніе противъ Россіи (по поводу Турецкаго вопроса), и также стала искать общаго союза съ тремя сѣверными державами. Тогда Екатерина II поняла, что насталъ моментъ рѣшительнѣе выступить противъ обѣихъ революцій, французской и польской. Булгаковъ, русскій посолъ въ Варшавѣ, 7-го и 18-го мая подалъ польскому правительству декларацію о составленіи новой конфедераціи (Тарговицкой) и вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, для защиты старинныхъ правъ и вольностей польскихъ. Посреди тревоги и волненія, произведенныхъ этою декларацією, въ Варшавѣ, между прочими мѣрами, рѣшено было отправить въ Берлинъ Игнатія Потоцкаго, чтобъ умолять прусскаго короля о помощи, на основаніи союзнаго договора 29-го марта 1790 года. Король на эти мольбы далъ слѣдующій остроумный отвѣтъ: онъ заключалъ договоръ съ Польскою республикой, а съ того времени республика, безъ его согласія, обратилась въ монархическое государство; слѣдовательно, договоръ для него болѣе не обязателенъ; при томъ же въ Польшѣ начали распространяться французскіе демократическіе принципы, къ которымъ онъ, заодно съ остальными сосѣдями, не можетъ относиться равнодушно. Поляки, не знавшіе теперь, какъ называть свое государство, республикой или королевствомъ, не болѣе имѣли удачи и въ Вѣнѣ, куда отправился хлопотать о поддержкѣ Майской конституціи Адамъ Чарторыйскій. Австрійскій кабинетъ отвѣчалъ, что молчаніе, до сихъ поръ наблюдаемое имъ относительно польскихъ дѣлъ, напрасно

было истолковано въ пользу республики, и что его величество, король Венгріи, во взглядѣ на Майскую конституцію согласенъ съ кабинетами Петербургскимъ и Берлинскимъ. 3-го и 14-го іюля состоялся трактатъ между Россіей и Австріей, а 27-го іюля и 7 августа между Россіей и Пруссіей. Въ этихъ трактатахъ Австрія и Пруссія относительно Польши возвращались къ конституціи 1773 года и отвергали перемѣны, произведенныя въ ней переворотомъ 3-го мая.

Въ числѣ отчаянныхъ средствъ, которыя проектируетъ польская патріотическая партія, не забыто и обращеніе къ Англіи. Напрасный трудъ. Англія не имѣетъ близкихъ интересовъ въ Польшѣ, и съ тѣхъ поръ какъ Пруссія занята мыслію о пріобрѣтеніяхъ, посылка флота въ Балтійское море повела бы за собою только лишніе расходы. Поэтому все, что Сентъ-Джемскій кабинетъ можетъ сдѣлать—это сохранить дружескій тонъ въ отношеніи къ польскому королю и польской націи (283 стр.).

Отправляясь въ крестовый походъ противъ Французской революціи, обѣ союзницы, Австрія и Пруссія, хлопочутъ заранѣе условиться о вознагражденіи за издержки войны. Но тутъ въ характерѣ ихъ политики обнаруживается рѣзкое различіе: Пруссія прямо и положительно требуетъ земель въ Польшѣ; между тѣмъ Австрія еще не знаетъ къ чему стремиться: то она мечтаетъ о завоеваніяхъ во Франціи, то возвращается къ плану Іосифа II о промѣнѣ Бельгіи на Баварію. Русская дипломатія, съ своей стороны, поощряетъ тѣ и другіе виды: пусть обѣ сосѣднія державы займутся борьбой съ Франціей; а въ это время мы хозяева въ Польшѣ. Екатерина II показываетъ большое участіе королевскому семейству Франціи; эмигранты французскіе находятъ при ея дворѣ самый ласковый пріемъ и щедрую денежную помощь; она старается образовать противъ революціи могучую коалицію изъ Россіи, Австріи, Пруссіи, Англіи, Испаніи и Швеціи. Но надобно отдать ей справедливость: она очевидно уклоняется отъ непосредственнаго вмѣшательства Россіи въ войну съ отдаленною Франціей, и на первомъ планѣ у нея русскіе интересы въ Польшѣ.

Послѣ отступленія Пруссаковъ изъ Франціи, нотой отъ 25-го октября (поданной въ Люксембургѣ австрійскому уполномоченному барону Шпильману) Фридрихъ Вильгельмъ объявляетъ, что онъ тогда только будетъ продолжать войну съ Франціей, если немедленно получитъ вознагражденіе за ея издержки въ Польшѣ. Это вознагражденіе прусскій король ставитъ какъ conditio sine qua non для его «дѣйствительнаго соучастія въ дѣлѣ цѣлаго человѣчества» (307 стр.). Вѣнскій дворъ отвѣчаетъ, что онъ былъ бы согласенъ на требованіе Пруссіи, если бы могъ немедленно

промѣнять Бельгію на Баварію; но послѣ Джемапскаго пораженія Австрійцевъ и послѣ занятія Бельгіи Французами, Вѣнскій дворъ можетъ согласиться только на условное (eventuel) вознагражденіе Пруссіи въ Польшѣ, т.-е. на такое, которое не исключало бы и участія въ немъ Австріи. Пруссія настаиваетъ на своемъ требованіи и старается отклонить виды Австріи на совмѣстное вознагражденіе въ Польшѣ. Вѣнскій дворъ наконецъ замѣнилъ слово *eventuel* словомъ *actuel* (т.-е. дѣйствительное) относительно прусскаго занятія польскихъ земель, но съ условіемъ, чтобы Пруссія и Россія содѣйствовали Бельгійско-Баварскому обмѣну. Пруссія обѣщаетъ гарантировать *согласіе* обѣихъ державъ на этотъ обмѣнъ, но не самое исполненіе обмѣна (316).

Вѣнскій дворъ не только изъявилъ свое согласіе на вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу, но и совмѣстно съ Берлинскимъ ходатайствуетъ о томъ же передъ Петербургскимъ дворомъ. Екатерина наконецъ уступила настойчивости прусскаго короля: она объявила, что не препятствуетъ болѣе вступленію Пруссаковъ въ Польшу. А 23-го января 1793 г. между Россіей и Пруссіей состоялся трактатъ о раздѣлѣ Польши. Въ этотъ трактатъ включено обязательство Пруссіи не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнута цѣль Французской войны (т.-е. возстановленіе абсолютизма). Прусскій посолъ въ Петербургѣ, Гольцъ, донося своему королю о трактатѣ, прибавляетъ, что несмотря на разныя уловки, онъ никакъ не могъ исключить обязательство относительно войны съ Франціей (321). Содержаніе трактата 23-го января сочли нужнымъ держать пока въ секретѣ отъ Австріи, которая все еще формально не отказывалась отъ участія въ новомъ польскомъ раздѣлѣ.

Опасность, грозившая Нидерландамъ со стороны Французовъ, побудила Англію также приступить къ коалиціи. Екатерина воспользовалась случаемъ отвлечь вниманіе и этой державы отъ польскихъ дѣлъ. 25-го марта 1793 года состоялся англо-русскій договоръ, по которому съ обѣихъ сторонъ условились не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока Франція не возвратитъ всѣхъ своихъ завоеваній. Когда англійское министерство узнало о январскомъ русско-прусскомъ трактатѣ относительно раздѣла Польши, то не замедлило предъявить свои протесты Петербургскому двору. Но русская императрица дала понять, что заранѣе соглашается на будущія завоеванія Англичанъ во французскихъ колоніяхъ. Англія немедленно понижаетъ тонъ, и дипломатія ея послѣ того ограничивалась незначительными жалобами противъ польскаго раздѣла.

Когда Англія изъявила готовность приступить къ коалиціи, австрійское министерство вообразило, что настала удобная минута склонить

Сенъ-Джемскій кабинетъ къ согласію на бельгійско-баварскій обмѣнъ. Въ Лондонъ сообщаются изъ Вѣны ноты, которыя усердно стараются доказать пользу обмѣна и для Бельгіи, и для Пфальцскаго дома, и для Австріи. Но тщетныя старанія. Англія рѣшительно противится этому обмѣну и скорѣе допускаетъ мысль о томъ, чтобъ Австрія искала вознагражденія во Франціи. Между тѣмъ Россія и Пруссія только въ началѣ марта 1793 года сочли нужнымъ сообщить Вѣнскому кабинету содержаніе январскаго трактата о Польшѣ. Австрійское министерство показало большое удивленіе, какъ будто все это дѣло было для него совершенною новостью. Оно дѣятельно пишетъ ноты и въ Берлинъ, и въ Петербургъ съ жалобами на исключеніе Австріи изъ совѣщаній по вопросу о вознагражденіи и изъ самого вознагражденія; оно наивно возражаетъ, что до сихъ поръ будто бы рѣчь была не о пріобрѣтеніяхъ въ Польшѣ, а только объ оккупаціи или военномъ занятіи. Австрія грозитъ, что ея войска вступятъ въ Польшу. Но вся эта буря окончилась перемѣной въ составѣ австрійскаго министерства: вице-канцлеръ Кобенцель и тайный референдарій Шпильманъ получили отставку за то, что допустили сосѣднія державы перехитрить австрійскую дипломатію. Во главѣ государственной канцеляріи поставленъ баронъ Тугутъ, съ титуломъ директора бюро иностранныхъ дѣлъ.

Но что же дѣлалъ Францъ II въ то время, когда вокругъ совершались великія событія и готовились еще большія? Онъ предавался своимъ любимымъ занятіямъ. Вотъ что сообщаетъ о немъ прусскій посолъ своему королю, отъ 20-го іюня 1793 года: «Этотъ молодой государь, который нѣкогда составлялъ надежду австрійской арміи, кажется, обманулъ всѣ ожиданія. Уединившись въ замкѣ Лаксенбургъ, онъ, повидимому, оставилъ всякое стремленіе къ славѣ. Онъ удалился отъ удовольствій, свойственныхъ роскошному двору, и, затворясь съ императрицей, проводилъ свои дни въ любимыхъ имъ мелочныхъ занятіяхъ; разрисовываетъ всякаго рода мебель, приготовляетъ сургучъ и раскрашиваетъ эстампы. Министры часто говорятъ съ нимъ о дѣлахъ; но, какъ увѣряютъ, у этого государя замѣтно ослабленіе умственныхъ способностей, уменьшеніе памяти, соображенія и живости. Аудіенціи его становятся все короче. Его организмъ слабъ и непадеженъ. Императрица имѣетъ на него почти неограниченное вліяніе. Даже въ самыхъ ничтожныхъ подробностяхъ частной жизни онъ подчиняется ея волѣ. Къ политикѣ эта государыня, кажется, не получила еще никакого расположенія». Рядомъ съ вліяніемъ императрицы встрѣчаемъ еще вліяніе кабинетъ-совѣтника Шлейзинга, который занималъ должность секретаря въ канцеляріи Франца

еще въ бытность его эрцгерцогомъ. Шлейзингъ вмѣшивался и во внутреннюю, и во внѣшнюю политику, но безъ всякаго опредѣленнаго направленія. Самымъ видимымъ дѣятелемъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ началѣ этого царствованія является баронъ Шпильманъ, возвысившійся изъ простыхъ канцелярскихъ писцовъ, благодаря покровительству князя Кауница, до званія референдарія или главнаго кабинетъ-секретаря. Это былъ малообразованный, но дѣловой человѣкъ, бойко владѣвшій перомъ, искусно составлявшій ноты и декреты. Онъ успѣлъ пріобрѣсти значительное вліяніе на внѣшнюю политику, играя роль посредника между государемъ и его устарѣвшимъ канцлеромъ и своимъ благодѣтелемъ Кауницемъ, который, лежа дома на диванѣ, продолжалъ считать себя политическимъ оракуломъ. Вице-канцлеръ графъ Кобенцель, по отзыву Роберта Муррея Кейта (218 стр.), былъ человѣкъ ограниченный и малосвѣдущій; а потому въ дѣлахъ болѣе важныхъ къ его помощи почти не обращались. Шпильманъ явился поборникомъ рѣшительнаго вмѣшательства въ дѣла Франціи, а также и поборникомъ бельгійско-баварскаго обмѣна. Но пока онъ хлопоталъ о согласіи державъ на этотъ обмѣнъ, Россія и Пруссія приступили къ новому раздѣлу Польши безъ участія Австріи. Кобенцель и Шпильманъ, какъ мы видѣли, послужили жертвами отпущенія за неудачи австрійской политики.

Баронъ Тугутъ, ставшій во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, по словамъ прусскаго уполномоченнаго, былъ единственный дѣятель, способный преслѣдовать опредѣленную политическую задачу. Но положеніе его среди другихъ министровъ было шаткое. На постоянную поддержку со стороны Франца II, всегда подчиненнаго ближайшимъ вліяніямъ, нельзя было разсчитывать. Какъ человѣкъ, выслужившійся, подобно Шпильману, изъ мелкихъ чиновниковъ, Тугутъ не имѣлъ за собою сильной партіи въ кругу австрійской знати и долженъ былъ запискивать ея расположенія, лавируя между ея разнообразными личными интересами и употребляя бо́льшую часть своего времени на посѣщеніе знатнѣйшихъ фамилій и на придворныя интриги. Прежде всего онъ постарался расположить въ свою пользу самыя вліятельныя лица, именно, императрицу и вице-канцлера князя Колоредо. Съ ихъ помощью ему удалось вскорѣ низвергнуть Шлейзинга, который слишкомъ увлекся расположеніемъ къ нему императора и вообразилъ, что онъ можетъ мѣшаться въ политическія дѣла, не справляясь предварительно съ мнѣніемъ другихъ сильныхъ лицъ.

Относительно внѣшней политики, Тугутъ вначалѣ высказалъ порицаніе польскому раздѣлу и попытался поддержать планъ баварско-бель-

гійскаго обмѣна. Но первое обстоятельство только произвело охлажденіе между Вѣной и двумя сосѣдними кабинетами, что угрожало разстроить коалицію державъ противъ Франціи. Въ виду этого охлажденія, Тугутъ началъ хлопотать о тѣснѣйшемъ союзѣ съ Англіей; но Сентъ-Джемскій кабинетъ оставался рѣшительно враждебенъ упомянутому обмѣну. Притомъ въ придворныхъ кружкахъ Вѣны по этому вопросу господствуетъ замѣчательное разногласіе. Князь Штарембергъ, мѣтившій на мѣсто канцлера, настаиваетъ на занятіи Баваріи австрійскими войсками; но вице-канцлеръ князь Колоредо предлагаетъ этотъ шагъ только въ случаѣ свободнаго согласія на то Пфальцскаго дома; а его дядя графъ Колоредо, кабинетъ-министръ, въ политическихъ вопросахъ держитъ себя индифферентомъ и думаетъ только о томъ, какъ бы сдѣлаться оберъ-каммергеромъ на мѣсто князя Розенберга. Князь Кауницъ и фельдмаршалъ Ласси показываютъ видъ, что довольны своею ссорою съ такимъ слабымъ правительствомъ. Послы испанскій и неаполитанскій интригуютъ противъ союза съ Англіей и совѣтуютъ занять Баварію, а Бельгію предоставить своей участи. Но Францъ не способенъ на столь энергическую мѣру. Посреди такого разногласія Тугутъ очевидно не знаетъ на что рѣшиться и какую цѣль преслѣдовать. Онъ еще не успѣлъ упрочить свое собственное положеніе, а могущественные Колореды уже прочатъ на его мѣсто своего родственника графа Траутмансдорфа.

Въ апрѣлѣ 1793 года встрѣчаемъ извѣстіе, что Австрія, въ виду оппозиціи со стороны Англіи, готова отказаться отъ Баваріи и не хочетъ участвовать въ раздѣлѣ Польши, къ которому будто бы приглашаетъ ее русская императрица; но Вѣнскій дворъ намѣренъ по крайней мѣрѣ препятствовать Россіи и Пруссіи въ слишкомъ большомъ захватѣ польскихъ земель; впрочемъ, если это не удастся, и если Австрія не получитъ вознагражденія во Франціи, то императоръ принужденъ будетъ искать его въ Польшѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ маѣ Тугутъ подтверждаетъ англійскому послу, что Австрія жертвуетъ своими видами на Баварію, чтобы сохранить единеніе съ Англіей, которое одно только можетъ противодѣйствовать завоевательнымъ планамъ Россіи. Но въ іюнѣ англійскій посолъ вдругъ узнаетъ, что Вѣнскій дворъ опять занимается планомъ баваро-бельгійскаго обмѣна, потому что Россія и Пруссія изъявили будто бы готовность гарантировать этотъ обмѣнъ, лишь бы отвлечь Австрію отъ вмѣшательства въ польскій раздѣлъ. Обмѣнъ Бельгіи на Баварію все еще имѣетъ многихъ вліятельныхъ сторонниковъ при Вѣнскомъ дворѣ. Но чѣмъ болѣе Австрія заискиваетъ передъ Англіей, тѣмъ послѣдняя становится несговорчивѣй. Лондонское

министерство объявляетъ, что Великобританія скорѣе истратитъ свою послѣднюю гинею, нежели дастъ согласіе на обмѣнъ Баваріи (392 стр.). Тогда русская императрица, чтобъ успокоить Австрію, предлагаетъ ей добиваться пріобрѣтенія Эльзаса, Лотарингіи и Фландріи. Австрія заключаетъ съ Англіей тайную конвенцію, въ силу которой Вѣнскій дворъ формально отказывается отъ обмѣна на Баварію, а Англія гарантируетъ ему Бельгію. Въ августѣ и сентябрѣ мы видимъ, что Вѣнская дипломатія остановилась преимущественно на мысли искать вознагражденія во Франціи, и это казалось тѣмъ удобнѣе, что перевѣсъ въ войнѣ около того времени склонился на сторону союзниковъ. Австрія хлопочетъ, чтобы Пруссія гарантировала ей Эльзасъ, Лотарингію и французскую Фландрію, то-есть, чтобы Пруссаки, совмѣстно съ Австрійцами, продолжали войну противъ Франціи до тѣхъ поръ, пока не будутъ завоеваны эти провинціи. Король прусскій, конечно, нисколько не расположенъ содѣйствовать усиленію Австріи на счетъ Франціи. Сначала онъ уклоняется отъ положительнаго отвѣта и замедляетъ военныя дѣйствія на Рейнѣ; а потомъ, когда Поляки, поощряемые австрійскою дипломатіей, обнаружили большое упорство на Гродненскомъ сеймѣ, и отказывались отъ формальной уступки провинцій, занятыхъ Пруссаками, Фридрихъ Вильгельмъ показываетъ желаніе выйдти изъ коалиціи, чтобы сосредоточить свои силы въ Польшѣ. Такою неудачей сопровождались всѣ хлопоты Вѣнскаго двора о вознагражденіяхъ, пока польское возстаніе 1794 года и происшедшій отсюда окончательный раздѣлъ не доставили и Австріи нѣкоторую долю въ этомъ раздѣлѣ.

О КРИТИКѢ ГЕРМАНА [1]).

Въ началѣ 1871 года я получилъ отъ Академіи Наукъ приглашеніе сдѣлать критическій разборъ сочиненія г. Костомарова: «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», представленнаго имъ на Уваровскую премію. Занявшись въ то время работами, относящимися совершенно къ иному

[1]) Русская Старина 1874 г. № 4.

періоду Русской исторіи, и не желая отвлекаться отъ нихъ, я, признаться, этимъ приглашеніемъ поставленъ былъ въ нѣкоторое затрудненіе. Ученый разборъ сочиненія, обнимающаго цѣлую эпоху, равную почти всей второй половинѣ XVIII вѣка—дѣло нелегкое. Подъ такимъ разборомъ я понималъ не только критику взглядовъ автора, но и по возможности фактическую провѣрку его сочиненія по источникамъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе доступнымъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній я уклонился отъ разбора. Но чтобы не оставить безъ отвѣта обращеніе Академіи, сдѣлавшей мнѣ честь своимъ приглашеніемъ, я написалъ краткую рецензію или собственно отзывъ о сочиненіи г. Костомарова, гдѣ указалъ нѣкоторыя его достоинства и нѣкоторые фактическіе недостатки; чѣмъ и мотивировалъ мое мнѣніе о томъ, что означенный трудъ вполнѣ заслуживаетъ малой Уваровской преміи. Составляя этотъ отзывъ, я имѣлъ также въ виду сообщить Академіи хотя что нибудь на случай, если она не найдетъ человѣка, который взялъ бы на себя подробную рецензію. Отзывъ свой я не снабдилъ никакимъ особымъ предисловіемъ или послѣсловіемъ на тему о значеніи исторіи вообще и историческихъ трудовъ по XVIII вѣку въ частности. Хотя подобныя разсужденія и не особенно затруднительны, но я предполагалъ ихъ излишними для гг. академиковъ, и поспѣшилъ отослать свое мнѣніе ранѣе срока, чтобы Академія имѣла время поискать другого рецензента,—такъ какъ въ письмѣ своемъ я извѣщалъ, что болѣе подробной рецензіи принять на себя не могу.

Академія, какъ и слѣдовало ожидать, не удовлетворилась моимъ отзывомъ; вскорѣ она нашла искомаго рецензента въ лицѣ профессора Марбургскаго университета Германа (авторъ извѣстнаго обширнаго сочиненія: «Geschichte des Russischen Staates»). Я могъ радоваться этому, такъ какъ уничтожался поводъ сѣтовать на меня за недостатокъ полнаго разбора. Потомъ, признаюсь, я совсѣмъ позабылъ о своемъ отзывѣ; но недавно пришлось мнѣ прочесть рецензію Германа на сочиненіе г. Костомарова въ отчетѣ Академіи: «О пятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова». Эта статья показалась мнѣ настолько замѣчательною, что я рѣшаюсь сказать о ней нѣсколько словъ.

Начало статьи занято длинными и довольно запутанными разсужденіями о важности даннаго событія (т. е., паденія Польши), о пользѣ гласности, которая наступила въ отношеніи къ этому вопросу съ открытіемъ европейскихъ государственныхъ архивовъ для историческихъ изслѣдованій, и о томъ, съ какихъ точекъ зрѣнія надобно разсматривать трудъ г. Костомарова. Далѣе идетъ разсмотрѣніе вопроса: «какъ

отличить истиннаго пророка отъ ложнаго,—писателя, дѣйствительно понявшаго духъ времени, отъ писателя, сбивающаго съ пути общественное мнѣніе?» Разсмотрѣніе это, впрочемъ, не отличается логикой или ясностью, и довольно неожиданнымъ образомъ сводится къ слѣдующей формулѣ: ars historica in arctissima ideae factique conjunctione sita est, т. е., историческое искусство заключается въ тѣснѣйшемъ сліяніи идеи съ фактомъ.

Поучивъ такимъ образомъ нашу ученую публику искусству отличать истиннаго историка отъ ложнаго, въ серединѣ своей статьи рецензентъ дѣлаетъ попытку перейти къ разбору труда г. Костомарова; но предварительно считаетъ нужнымъ «еще разъ вернуться къ общимъ основнымъ правиламъ исторіографіи». Тутъ, между прочимъ, мы узнаемъ, что историкъ, по отношенію къ своимъ источникамъ, долженъ «въ высшей степени обладать искусствомъ изъ многаго сдѣлать малое»; онъ долженъ имѣть «даръ субъективной интуиціи, съ помощью которой могъ бы въ каждомъ данномъ положеніи вещей проникнуть въ ихъ внутреннюю связь до самаго корня». Затѣмъ высказываются такія оригинальныя сужденія: что для оцѣнки историческаго труда приведеніе цитатъ изъ него не особенно нужно, провѣрка по источникамъ также есть роскошь; но что критикъ главнымъ образомъ долженъ опредѣлить воззрѣнія автора «на основаніи субъективныхъ свойствъ его ума и характера, его національныхъ, политическихъ и религіозныхъ особенностей». Послѣ того объясняются и такія непреложныя истины, что напримѣръ, существуетъ различіе во взглядахъ протестанта, католика и православнаго.

«Если мы изложенныя изображенія», говоритъ рецензентъ, «примѣнимъ въ книгѣ г. Костомарова, то мнѣ кажется, что я нисколько не ошибусь, когда скажу, что она смѣло можетъ выдержать довольно строгій разборъ». Наконецъ то, думаетъ читатель, г. Германъ приступаетъ къ разбору сочиненія, и пора: вотъ ужъ мы прочли середину, и статья близится къ концу. Но подождите: г. Костомаровъ держится общепринятаго взгляда, что Польша пала жертвою своей анархіи; поэтому надобно поговорить о liberum veto и придти къ слѣдующему выводу: если бы не помѣшали сосѣди, то Польша существовала бы теперь въ возрожденномъ видѣ [1]). (Это «если бы» могло скорѣе идти къ писателю мо-

---

[1]) Тутъ явное противорѣчіе съ тѣмъ, что тотъ-же Германъ говоритъ ранѣе. См. выше мою статью „Третье мая 1791 года“.

лодому и еще неопытному). Затѣмъ рецензентъ посвящаетъ страницы двѣ (изъ двадцати) собственно самой книгѣ, т. е., перечню нѣкоторыхъ ея отдѣловъ, которые ему наиболѣе понравились. Но такъ какъ, по соображенію рецензента, на русскомъ языкѣ существуетъ достаточное количество извлеченій изъ книги, ибо она вышла уже вторымъ изданіемъ, «то», говоритъ онъ, «въ настоящемъ рефератѣ я не буду входить въ разсмотрѣніе матеріальнаго ея содержанія. Что же касается до лежащей на рецензентѣ обязанности—прослѣдить, въ какой степени авторъ воспользовался своими источниками согласно правиламъ исторической критики, то я долженъ съ прискорбіемъ сказать, что мнѣ лично такая задача не по силамъ, по незнанію польскаго языка». Признаніе это получаетъ нѣкоторое значеніе въ виду того обстоятельства, что изъ 125 нумеровъ разнаго рода источниковъ, приведенныхъ г. Костомаровымъ на первыхъ страницахъ своей книги, до 80 нумеровъ, т. е. гораздо болѣе половины всего количества, приходится на долю источниковъ польскихъ. При томъ же г. Костомаровъ, по словамъ рецензента, вообще сильно затруднилъ провѣрку монографіи «своимъ неудовлетворительнымъ способомъ указанія источниковъ»; впрочемъ, онъ «можетъ въ этомъ отношеніи сослаться на примѣръ довольно многихъ знаменитыхъ историковъ англійскихъ, французскихъ и даже нѣмецкихъ».

Вотъ и вся суть критики Германа, который оканчиваетъ свою статью присужденіемъ высшей Уваровской преміи. (Академія, судя по отчету, опредѣлила малую премію). Въ академическомъ отчетѣ статья эта названа «подробной рецензіей», а ея авторъ «опытнымъ критикомъ», который «сталъ на точку зрѣнія современной науки». Ему заявлена наравнѣ съ другими рецензентами признательность Академіи и присуждена золотая медаль. Относительно послѣдней мы ничего не говоримъ; но, по нашему крайнему разумѣнію, эта такъ называемая подробная (точнѣе многословная) рецензія не можетъ идти ни въ какое сравненіе, напримѣръ, съ критическими разборами гг. Пыпина, Ключевскаго, Калачова и Срезневскаго, напечатанными въ той же книгѣ отчета.

Автора настоящей замѣтки побудила взяться за перо, однако, не самая рецензія г. Германа, а то вниманіе, которое въ концѣ ея онъ посвящаетъ нашей монографіи о Гродненскомъ сеймѣ 1793 года. Вмѣсто упомянутой выше провѣрки по источникамъ, рецензентъ, какъ онъ самъ сознается, взялъ мою книгу, свѣрилъ ее (по крайней мѣрѣ онъ говоритъ, что свѣрилъ) съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ у г. Костомарова и нашелъ, что у послѣдняго сказано все то же, что у меня, только короче и лучше. Отсюда рецензентъ заключаетъ, что авторъ «Послѣднихъ Годовъ

Рѣчи Посполитой» «вообще относится вѣрно и безпристрастно къ своимъ источникамъ». Вотъ единственное приложеніе моего труда; а затѣмъ, по мнѣнію рецензента, онъ *совершенно безполезенъ*. Такой рѣзкій и голословный отзывъ, заявленный въ академическомъ изданіи извѣстнымъ, хотя бы и не особенно знаменитымъ, нѣмецкимъ ученымъ, я не счелъ удобнымъ пройти молчаніемъ. Въ упомянутомъ своемъ трудѣ я представилъ опытъ возможно-полной разработки одного изъ эпизодовъ Польской исторіи,—разработки, основанной преимущественно на матеріалѣ, почерпнутомъ въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Удачно-ли я выполнилъ свою задачу, конечно, должны судить другіе; по во всякомъ случаѣ едва-ли можно признать мой трудъ совершенно безполезнымъ. Въ свою очередь мы позволимъ себѣ спросить: какія права имѣетъ г. Германъ изрекать голословные приговоры и считать себя великимъ авторитетомъ въ дѣлѣ исторической критики?

Четыре нѣмецкіе тома его «Исторіи Русскаго государства», безспорно, составляютъ очень почтенный трудъ. Но главное ея значеніе основывалось на исторіи XVIII вѣка, такъ какъ этотъ вѣкъ, при извѣстныхъ условіяхъ, не разработывался нашею собственною литературою. Въ настоящее время, когда началось дѣятельное изданіе богатыхъ отечественныхъ источниковъ и когда исторія профессора Соловьева уже достигла второй половины XVIII вѣка, сочиненіе Германа все болѣе и болѣе теряетъ свой интересъ, и сохраняетъ цѣну только по матеріалу, извлеченному изъ нѣкоторыхъ заграничныхъ архивовъ. Но какъ историкъ, онъ именно отличается недостаткомъ талантовъ—литературнаго и критическаго. Написанная тяжелымъ, небрежнымъ слогомъ, исторія его не обнаруживаетъ ни глубины воззрѣній, ни умѣнья оцѣнивать по достоинству свои источники, нерѣдко весьма мутные. Недостатокъ своихъ критическихъ пріемовъ Германъ обнаружилъ и въ недавно-изданной имъ запискѣ Фокеродта о временахъ Петра Великаго (см. статью о ней г. Брикнера въ Жур. М. Н. П. 1874. Январь). Наконецъ рецензія его на книгу г. Костомарова, какъ мы видѣли, наглядно подтверждаетъ наше мнѣніе о его критическихъ способностяхъ.

Г. Германъ, повидимому, не подозрѣваетъ, что своимъ голословіемъ онъ даетъ право и другимъ относиться къ нему голословно, а также дѣлать различныя предположенія, напримѣръ, въ родѣ слѣдующаго: сей почтенный писатель не принадлежитъ-ли къ тѣмъ ученымъ ветеранамъ, которымъ мое мнѣніе о Варягахъ не дастъ умереть спокойно? *)

*) Это былъ мой намекъ на М. П. Погодина, который именно такъ выразился о себѣ, когда появился мой пересмотръ Варяго-Русскаго вопроса.

Что касается до упомянутой выше моей краткой рецензіи на книгу г. Костомарова, то я считаю не лишнимъ напечатать ее, дабы читающая публика могла видѣть, насколько «подробная» рецензія г. Германа богаче ея своимъ содержаніемъ. А потому я покорнѣйше прошу Конференцію Академіи сообщить мою рецензію (въ подлинникѣ или въ копіи) г. редактору «Русской Старины» [1]).

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ *).

(Спб., 1870 г. Историческая монографія *Костомарова*).

Во-первыхъ, скажемъ нѣсколько словъ объ источникахъ, которыми пользовался авторъ. Въ началѣ своей книги онъ приводитъ реестръ сочиненій, и источниковъ, числомъ до 125 названій. Цифра весьма значительная. Хотя она и не исчерпываетъ всего печатнаго матеріала, который имѣетъ непосредственное отношеніе къ данной эпохѣ, тѣмъ не менѣе, она болѣе чѣмъ достаточна для выполненія задачи, предложенной авторомъ. А задача эта, какъ надобно понимать изъ самаго сочиненія, состояла въ томъ, чтобы дать русской читающей публикѣ возможно полное и популярное изложеніе важнѣйшихъ событій, приведшихъ Польшу къ потерѣ самобытности. Наиболѣе цѣнный и обильный матеріалъ для изученія послѣдняго періода Рѣчи Посполитой, безспорно, заключается въ европейскихъ государственныхъ архивахъ и преимущественно въ нашемъ Архивѣ Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Но проникнуть во всѣ эти архивы и овладѣть ихъ матеріаломъ — такой трудъ почти превышаетъ силы и средства одного человѣка. Г. Костомаровъ имѣлъ подъ рукою тѣ извлеченія, которыя были сдѣланы его предшественниками по историческимъ трудамъ о данномъ времени, именно: Германомъ — изъ архивовъ Дрезденскаго, Берлинскаго и Лондонскаго, Смитомъ и Соловьевымъ — изъ архива Московскаго. Принятая авторомъ система ссылокъ, весьма сокращенная и глухая, затрудняетъ провѣрку его труда и его отношеній къ своимъ источникамъ. Насколько можемъ судить по разнымъ даннымъ,

[1]) Согласно постановленію Конференціи Академіи, состоявшемуся въ засѣданіи 19-го марта 1874 г., редакція получила копію съ моей рецензіи и напечатала ее въ слѣдующей книгѣ „Русской Старины“.

*) Русская Старина. 1874. № 5

онъ не всегда съ надлежащею критикою пользовался разными извѣстіями; особенно это можно сказать объ отдѣлѣ польскихъ мемуаровъ. Впрочемъ, такой недостатокъ относится по большей части къ подробностямъ несущественнымъ.

Во введеніи къ своей монографіи г. Костомаровъ дѣлаетъ обзоръ исконной борьбы между Россіей и Польшей за обладаніе западно-русскими областями, и бросаетъ взглядъ на причины паденія Польши. Нельзя не отдать справедливости нѣкоторымъ мѣткимъ замѣчаніямъ его; въ особенности укажемъ на то, что онъ говоритъ о неуклонной, традиціонной политикѣ Москвы, — политикѣ, неизмѣнявшейся съ перемѣною лицъ (стр. 19); а также на его попытку — свести причины паденія къ главному источнику, т. е., къ народному польскому характеру. Но перѣшительный отзывъ о явленіи, извѣстномъ подъ именемъ liberum veto, напоминаетъ снисходительныя сужденія о немъ нѣкоторыхъ польскихъ историковъ (стр. 26). Все сказанное авторомъ объ іезуитскомъ воспитаніи, конечно, вполнѣ справедливо и принадлежитъ въ литературѣ къ числу общихъ мѣстъ. Но жаль, что онъ не попытался сколько-нибудь очертить вообще вліяніе католицизма на судьбы польскаго народа. Впрочемъ, мы не знаемъ ни одного сочиненія, въ которомъ эта сторона была бы удовлетворительно разработана и которымъ г. Костомаровъ могъ бы, слѣдовательно, воспользоваться для своего введенія.

Связный, непрерывный разсказъ о послѣдней эпохѣ Рѣчи Посполитой начинается собственно съ избранія на престолъ Станислава Понятовскаго. Время этого короля ознаменовано рядомъ попытокъ въ возрожденію Польши; но эти попытки пришли слишкомъ поздно, и, какъ извѣстно, повлекли за собою окончательную развязку. Обозрѣвъ въ довольно сжатой формѣ событія до 1787 года, авторъ затѣмъ останавливаетъ вниманіе читателя преимущественно на трехъ послѣднихъ актахъ той драмы, которая называется раздѣлами Польши. Это суть: во-первыхъ, Четырехлѣтній сеймъ съ его Конституціей 3-го мая; во-вторыхъ, Тарговицкая конфедерація и непосредственно связанный съ нею Гродненскій сеймъ 1793 года; въ-третьихъ, возстаніе 1794 года.

Дѣятельность Четырехлѣтняго сейма изображена съ возможною отчетливостію и полнотою, при надлежащемъ освѣщеніи дѣйствовавшихъ лицъ и побужденій. Противорѣчивые интересы партій, недальновидность вождей, несостоятельность шляхетскаго общества и его неспособность къ серьезнымъ реформамъ—все это выставлено довольно рельефно. При обработкѣ этого отдѣла авторъ имѣлъ передъ собою многочисленныхъ предшественниковъ, такъ какъ знаменитый сеймъ служилъ однимъ изъ

любимѣйшихъ предметовъ для польскихъ писателей; но никто изъ нихъ не представилъ законченной и сколько-нибудь безпристрастной его картины. Рядомъ съ политическими событіями, г. Костомаровъ даетъ мастерскіе очерки польско-шляхетскаго быта въ данную эпоху. Какъ на заслугу его, укажемъ также на дѣло архіерея Садковскаго и преслѣдованіе православныхъ въ 1789 году. Авторъ довольно подробно и наглядно раскрываетъ передъ нами этотъ мнимый бунтъ, въ существованіе котораго (собственно въ приготовленія къ нему) доселѣ многіе вѣрили. Но говоря о реформахъ, предпринятыхъ сеймомъ, и особенно о реформѣ военной, слѣдовало, по нашему мнѣнію, остановить болѣе вниманія на финансовомъ и экономическомъ положеніи страны; такимъ образомъ можно было бы судить, одно-ли только нежеланіе жертвовать со стороны шляхетства и духовенства мѣшало осуществленію этихъ реформъ. По поводу вопроса о допущеніи на сеймъ городскихъ представителей было бы далеко не лишнею попыткою очертить состояніе польскихъ городовъ и указать на то значеніе, которое имѣлъ въ нихъ (а слѣдовательно и въ судьбахъ цѣлой Польши) Еврейскій элементъ.

Тарговицкая конфедерація и Гродненскій сеймъ 1793 года очерчены не менѣе удачно. Если внутренняя связь фактовъ и дѣйствующія пружины не вездѣ обнаружены съ достаточною ясностію, то причина этого заключается главнымъ образомъ въ качествѣ тѣхъ матеріаловъ, которые авторъ имѣлъ подъ руками. Объяснюсь примѣромъ. Возобновленіе Постояннаго Совѣта передъ открытіемъ Гродненскаго сейма въ книгѣ г. Костомарова является какъ бы безъ всякаго видимаго повода (стр. 576); а между тѣмъ оно занимало немаловажное мѣсто въ цѣпи событій. Тарговицкая конфедерація, связавшая торжественною присягою — недопускать никакого ущерба въ границахъ республики, упорно отказывалась издать универсалы о созваніи сейма, который долженъ былъ подписать уступку земель по Второму раздѣлу. Чтобы обойти это затрудненіе, епископъ Коссаковскій предложилъ Сиверсу возстановить Постоянный Совѣтъ, который вмѣстѣ съ королемъ издастъ требуемые универсалы. Сиверсъ подумалъ, и принялъ его предложеніе. Вообще вліятельная роль епископа Коссаковскаго на этомъ сеймѣ какъ бы ускользаетъ отъ вниманія автора; но дѣло въ томъ, что Коссаковскій является болѣе закулиснымъ дѣятелемъ, чѣмъ публичнымъ, и намъ удалось ближе ознакомиться съ нимъ, только благодаря отчетамъ Сиверса, хранящимся въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ (куда мы обращались для монографіи о томъ же Гродненскомъ сеймѣ). Слѣдуя внушеніямъ Коссаковскаго, Сиверсъ рѣшился — на свой страхъ — сохранить Тарговицкую

конфедерацію рядомъ съ сеймомъ, хотя имѣлъ порученіе отъ императрицы распустить ее. Г. Костомаровъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, замѣчаетъ, что, наоборотъ, императрица препятствовала ея распущенію (стр. 660); чему противорѣчатъ и собственныя слова Сиверса, приведенныя у Блума (стр. 434).

Что касается до послѣдняго отдѣла, то есть, до возстанія 1794 г., то онъ представляетъ наиболѣе живыя главы въ сочиненіи г. Костомарова, какъ и слѣдовало ожидать по интересу самихъ событій. Но есть, конечно, нѣкоторыя слабыя стороны и въ этомъ отдѣлѣ; напримѣръ: личность и дѣятельность Костюшки должны быть, по нашему мнѣнію, выяснены и очерчены съ бо́льшимъ тщаніемъ; знаменитая битва при Маціовицахъ также недостаточно оттѣнена.

Что касается до мелочныхъ недосмотровъ, то, конечно, они найдутся въ книгѣ г. Костомарова, напримѣръ, по отношенію къ нѣкоторымъ числамъ и другимъ подробностямъ [1]). Но подобные недосмотры естественны въ трудѣ, обнимающемъ эпоху, столь обильную разнообразными событіями.

Въ заключеніе отдадимъ справедливость и собственно внѣшней сторонѣ книги, то есть, живому, литературному изложенію, которымъ обыкновенно отличаются произведенія г. Костомарова. Хотя въ данномъ сочиненіи внѣшняя обработка не вездѣ проведена съ одинаковымъ тщаніемъ, тѣмъ не менѣе она обращаетъ на себя вниманіе посреди господствующей въ этомъ отношеніи небрежности въ нашей исторической литературѣ.

Москва. Мартъ 1871 г.

---

[1]) Для образца укажу нѣкоторыя неточности. На страницѣ 586 сказано: „Избраны были, по желанію Сиверса, единогласно маршаломъ сейма Бѣлинскій и литовскимъ — Тышкевичъ“. Маршаломъ сейма былъ выбранъ только Бѣлинскій, а Тышкевичъ имѣлъ полицейскую власть на Гродненскомъ сеймѣ, въ качествѣ великаго маршала Литовскаго. На слѣдующей страницѣ: „именно Коссаковскій, его братъ Виленскій воевода и Суходольскій“. У епископа Коссаковскаго не было брата, который бы носилъ титулъ Виленскаго воеводы. Слова Сиверса, обращенныя къ Коссаковскому (на стр. 607), были сказаны не 5-го (16) іюня, а на слѣдующій день, и притомъ не въ присутствіи депутаціи, а въ кругу польскихъ совѣтниковъ русскаго посла. Мы указываемъ на эти два обстоятельства, потому что они находились въ тѣсной связи съ тѣмъ, что происходило тогда на сеймѣ. Обнародованный Кречетниковымъ манифестъ 27-го марта 1793 г., изложенъ авторомъ въ переводѣ съ польскаго текста (стр. 562). Хотя для книги отъ этого нѣтъ ущерба, но все-таки переводъ былъ лишнимъ трудомъ, такъ какъ русскій текстъ означеннаго манифеста есть въ „Полн. Соб. Законовъ“ (№№ 17,108), которое упомянуто г. Костомаровымъ въ числѣ его источниковъ.

ПОЛЬСКІЕ СЕЙМИКИ И НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ НРАВОВЪ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА *).

Pamiętniki Kajetana Kożmiana obejmujące wspomnienia od roku 1780 do roku 1815. Познань. 1858 г., 2 тома.

Мемуары Кожмяна, несмотря на довольно-значительный объемъ, заключаютъ въ себѣ мало данныхъ для разъясненія главныхъ политическихъ событій; за то они представляютъ много яркихъ подробностей для характеристики современнаго ему поколѣнія и государственнаго быта Польши. Въ этомъ отношеніи они напоминаютъ извѣстные мемуары Паська, уступая послѣднимъ однако въ интересѣ и простотѣ изложенія.

Авторъ между прочимъ описываетъ два современныя ему поколѣнія шляхты. Старшее изъ нихъ воспиталось подъ вліяніемъ очень тяжелой среды. Въ дѣтствѣ своемъ отъ грозной отцовской власти оно обыкновенно переходило къ власти педагоговъ, еще болѣе грозной, то-есть въ іезуитскія школы. Здѣсь господствовала схоластика, безсознательное зубреніе и безпощадные батоги. Между тѣмъ какъ умственныя силы развивались очень туго и односторонне, физическое развитіе совершалось съ гораздо-большимъ успѣхомъ. Во время рекреацій юноши учились драться на палкахъ; слѣдствіемъ этихъ упражненій часто были разбитыя и окровавленныя физіономіи; но за то шляхтичи умѣли хорошо владѣть саблею и привыкали не обращать большого вниманія на раны. При такихъ условіяхъ воспитанія не трудно догадаться, какіе элементы вносило въ общественную жизнь это поколѣніе, когда достигало самостоятельности. Суровое обхожденіе, испытанное имъ въ молодости, оно въ свою очередь переносило на дѣтей, слугъ и вообще людей зависимыхъ, беззащитныхъ. Въ прежнія времена, врожденное Полякамъ мужество и искусство владѣть палашемъ имѣли прямое приложеніе къ дѣлу, когда приходилось отбивать казацкія копья, турецкіе и татарскіе булаты. Но теперь война требовала другого оружія; притомъ и Польша во времена саксонскихъ Августовъ по большей части наслаждалась глубокимъ миромъ съ сосѣдями. Отсюда въ странѣ сильно размножилось число праздныхъ, безполезныхъ рубакъ и буйныхъ молодцовъ. Свою отвагу и энергію они растрачивали на *запъзды* и на разные подвиги во время сеймиковъ, ярмарокъ, праздниковъ и проч. Рѣдко происходило собраніе, на которомъ бы не ссорились, не вызывали и не рубились. Вообще

*) Русскій Вѣстникъ. 1862. № 5.

шляхетское поколѣніе, воспитавшееся во время двухъ саксонскихъ Августовъ, поражаетъ насъ сильнымъ упадкомъ общественной нравственности. При своихъ буйныхъ наклонностяхъ оно отличалось странными понятіями о чести, пьянствомъ, разнаго рода фанатизмомъ и склонностію къ подкупамъ. Авторъ мемуаровъ называетъ нѣсколько шляхетскихъ фамилій въ Люблинскомъ воеводствѣ, которыя болѣе другихъ славились упомянутыми качествами.

Совершенно противоположными красками описываетъ Кожмянъ другое поколѣніе (къ которому онъ относитъ и себя), образовавшееся во времена Станислава-Августа Понятовскаго. Это поколѣніе воспиталось въ школахъ, открытыхъ «учебною коммиссіей», которая была учреждена при Понятовскомъ. Ясность и простота преподаванія, вмѣстѣ съ мягкимъ обхожденіемъ учителей, сообщали воспитанникамъ новыхъ школъ гуманное направленіе и вѣжливость, составлявшія разительный контрастъ съ суровымъ обхожденіемъ шляхтичей стараго покроя. Эти послѣдніе однако долго не хотѣли сознаться въ превосходствѣ новаго метода, и говорили, будто старый вырабатывалъ болѣе твердости и энергіи въ характерахъ; упрекали между прочимъ новыя школы и въ томъ, что онѣ пренебрегаютъ физическими упражненіями. Воспитанники новыхъ школъ отвѣчали, что они не пренебрегаютъ физическими упражненіями, а только упражняются другимъ, лучшимъ способомъ, чѣмъ прежде. Вмѣсто драки на палкахъ, они учились владѣть карабинами, и въ рекреаціонные дни ходили для этого за городъ подъ предводительствомъ профессоровъ, напѣвая стихи Красицкаго: «Swięta miłości kochanej ojczyzny», или маршъ Нарушевича:

Królu, który naród oświecił,
Męztwo, cnotę, honor w nim wzniecił.

Въ 1792 году, когда пришлось оружіемъ отстаивать независимость отечества, на дѣлѣ выказалось превосходство болѣе образованнаго поколѣнія, и его горячій патріотизмъ. Немногіе питомцы іезуитскихъ школъ стали въ ряды воиновъ; да и эти немногіе далеко не обнаружили своей обычной неукротимой отваги. Между тѣмъ какъ воспитанники школъ учебной коммиссіи, піаристовъ и театиновъ (Костюшко Понятовскій, Мокрановскій, Потоцкій и др.) мужественно проливали свою кровь на полѣ битвы, бригада Бѣрнацкаго, составленная по большей части изъ усатыхъ буяновъ (и названная „капотовою“ отъ своихъ бѣлыхъ плащей), подъ Дубенкой обратила тылъ, и произвела безпорядокъ въ войскѣ. Во время возстанія Костюшки, первые люблинскіе

рубаки и удальцы вели себя довольно оригинально [1]). Одинъ изъ нихъ, нарядившись въ какую-то звѣриную шкуру, чтобъ походить на Ахиллеса, все время возстанія разъѣзжалъ по улицамъ Люблина, и вербовалъ подобныхъ себѣ удальцовъ. Онъ формировалъ легіонъ, отличительнымъ знакомъ котораго должна была служить мертвая голова, а девизомъ слова: „смерть или побѣда“; но ни вождь, ни легіонъ его не явились на поле сраженія. Другой представитель молодечества легъ въ постель и оказался боленъ подагрой, хотя во время только что оконченнаго сеймика очень успѣшно рубился на улицахъ съ своею братіей-шляхтою. Но лучшее поколѣніе было еще очень малочисленно и не могло имѣть рѣшительнаго вліянія на послѣдующія судьбы польской націи.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, между аристократами Люблинскаго воеводства, выдался особенно Казимиръ Сапѣга, который женился на богатой вдовѣ князя Сангушко, и сдѣлался паномъ обширныхъ Сангушковыхъ владѣній, приносившихъ 300.000 злотыхъ ежегоднаго дохода. Мать его, сестра гетмана Ксаверія Браницкаго, нѣкогда фаворитка короля, была извѣстна своимъ бойкимъ характеромъ и опытностію въ дѣлѣ интригъ. Руководимый ея совѣтами, молодой Сапѣга скоро захватилъ въ свои руки большое вліяніе на мѣстную шляхту, и по обычаю польскихъ аристократовъ началъ господствовать на сеймикахъ, то-есть по произволу выбирать земскіе чины, депутатовъ люблинскаго трибунала и сеймовыхъ пословъ [2]). Вліянію Сапѣги много способствовала близость къ Люблину его резиденціи, Любартова, въ которомъ часто и щедро угощалась окрестная шляхта. Однако неискусное и неумѣренное пользованіе этимъ вліяніемъ на мѣстныя дѣла вызвало наконецъ сильный отпоръ со стороны большинства.

Въ числѣ своихъ кліентовъ Сапѣга считалъ Андрея Кожмяна (отецъ автора мемуаровъ), одного изъ зажиточныхъ и уважаемыхъ обывателей (помѣщиковъ) той провинціи. Послѣдній въ качествѣ адвоката оказалъ многія услуги гетману Браницкому, и потому пользовался расположеніемъ его сестры и племянника. Однажды Казимиръ, находясь въ обществѣ многихъ обывателей, былъ особенно ласковъ съ Кожмяномъ.

---

[1]) Кожмянъ былъ уроженецъ Люблинскаго воеводства, и преимущественно имѣетъ въ виду свою провинцію.

[2]) „Депутатами“ собственно назывались выборные члены трибунала (высшаго суда); а представители шляхетства на сеймѣ назывались „послами“. Соотвѣтственно этому различались сеймики депутатскіе и предсеймовые. Кромѣ того, были сеймики: „элекційные“, на которыхъ выбирались нѣкоторые земскіе чины (каковы: подкоморій, судья, подсудекъ и писарь), „экономичные“, на которыхъ обсуждались мѣстныя нужды (дороги, мосты и т. п.), и др.

— Пора тебѣ, панъ ловчій, оставить адвокатуру, сказалъ Сапѣга:—Богъ далъ тебѣ достатокъ; пора начать службу намъ, твоимъ землякамъ. Попросимъ его быть депутатомъ на слѣдующій трибуналъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ.

— Ваша княжеская милость забываешь, отозвался Кожмянъ — что очередь выбирать приходится за Луковскою землей; а я не имѣю тамъ большихъ связей, и слѣдовательно не могу питать надежду.

— Положись, панъ, на меня, отвѣчалъ князь:—Луковская земля въ моихъ рукахъ. Выпьемъ за здоровье будущаго депутата!

Чокнулись бокалами. Кожмянъ принялъ предложеніе князя и обывателей.

Но случилось такъ, что его милость, князь Сапѣга, встрѣтилъ на балу хорошенькую жену Ястшембскаго, дочь люблинскаго подстаросты Суходольскаго; она только что вышла замужъ и жила также не далеко отъ города. Князь началъ учащать свои визиты къ молодой четѣ. Кокетливая, жаждущая свѣтскихъ удовольствій, Ястшембская замѣтила князю, что она охотно поселилась бы въ Люблинѣ, еслибъ ея мужъ былъ выбранъ депутатомъ. Сапѣга съ большимъ удовольствіемъ взялся исполнить ея желаніе, и немедленно, въ присутствіи ея отца, выпилъ за здоровье будущей пани депутатовой. Суходольскій былъ свидѣтелемъ торжественнаго предложенія депутатства Кожмяну, и напомнилъ о немъ Сапѣгѣ.

— Кожмянъ можетъ подождать до слѣдующаго года, отвѣчалъ князь.

Между тѣмъ Луковская земля, не зная ничего о перемѣнѣ княжескихъ мыслей, заявила Кожмяну, что она охотно отдаетъ свои голоса въ его пользу. Вскорѣ послѣдній съ большимъ удивленіемъ узналъ, что въ луковскихъ и люблинскихъ селахъ агенты князя вербуютъ голоса въ пользу Ястшембскаго. Онъ рѣшился ждать объясненій, и пока не дѣлалъ никакихъ попытокъ противодѣйствія. Но наболѣе значительные обыватели Луковской и Люблинской провинцій, задѣтые заживое слишкомъ безцеремоннымъ произволомъ, говорили, что они не желаютъ быть игрушкою молодого князя и унижать почтеннаго, заслуженнаго человѣка, котораго сами же упросили быть кандидатомъ. Предупрежденный объ общемъ неудовольствіи, Сапѣга за четыре недѣли до сеймика пріѣхалъ къ Кожмяну, и притомъ въ довольно-нетрезвомъ видѣ.

— На этотъ годъ пану уже нельзя быть депутатомъ, сказалъ онъ:—я обѣщалъ Ястшембскому, а пана выберемъ на будущій годъ.

— Благодарю покорно пана князя, отвѣчалъ старикъ.—Я готовъ

хоть навсегда отказаться отъ кандидатуры; но пусть князь попроситъ обывателей уволить меня отъ даннаго мною согласія; а до тѣхъ поръ я не могу располагать своимъ словомъ. Надѣюсь, что князь не забылъ своихъ рѣчей; если же измѣнилъ свои мысли, то по крайней мѣрѣ не будетъ того же требовать и отъ меня.

— Панъ хочетъ со мной тягаться? закричалъ Сапѣга:—слишкомъ малъ для этого.

— Князь, отвѣчалъ съ достоинствомъ ловчій, — хотя у меня и было намѣреніе отступиться, но знай, что съ этой минуты я не отступлю; пусть обыватели разсудятъ между нами.

Разсерженный магнатъ тотчасъ оставилъ Кожмяна. Теперь обѣ стороны ревностно принялись дѣйствовать и разсылать пріятелей по селамъ между мелкою шляхтой. Въ распоряженіи Кожмяна оказалось много молодыхъ людей, которые готовились подъ его руководствомъ къ поприщу адвокатовъ; притомъ въ Люблинскомъ воеводствѣ не было шляхетскаго селенія, въ которомъ бы у него не нашлось дальнихъ родственниковъ или сватовъ. Въ Луковской землѣ у него были пріятели: Ласкій — земскій судья, Ястшембскій—подсудокъ (однофамилецъ вышеупомянутаго) и Домашевскій – городской судья; они собирали голоса въ его пользу. Съ своей стороны Сапѣга набралъ до пяти сотъ люблинской и луковской шляхты; но, видя, что сторона противника многочисленнѣе, прибѣгнулъ къ подкупу. Съ этою цѣлью онъ обратился къ тремъ люблинскимъ банкирамъ; но тѣ, будучи старыми пріятелями Кожмяна, отвѣчали князю, что до сеймика денегъ въ займы не дадутъ, а послѣ сеймика сколько угодно. Сапѣга не остановился передъ подобнымъ препятствіемъ. Онъ поспѣшилъ въ Варшаву и занялъ у столичныхъ банкировъ нѣсколько тысячъ червонныхъ золотыхъ. Между варшавскою молодежью онъ такъ усердно трубилъ о своей близкой побѣдѣ и возбудилъ такой интересъ къ предстоявшей борьбѣ, что нѣсколько праздношатавшихся магнатовъ отправились съ нимъ въ Люблинъ, чтобы быть свидѣтелями этой борьбы.

Насталъ день сеймиковъ. Толпы сельской шляхты наполнили городскія улицы. Гарнизонъ вышелъ изъ города, а трибуналъ закрылъ свои засѣданія на 24 часа. Сеймикъ начался обѣднею въ костелѣ доминикановъ. На одной сторонѣ сталъ Сапѣга съ своими пріятелями, окруженный группою отборныхъ гетманскихъ рубакъ; на другой сторонѣ былъ Кожмянъ съ толпою благопріятствовавшихъ ему обывателей и почти со всею молодежью *палестры* (училища адвокатовъ). Въ срединѣ находились воеводскіе чины, лавки костела были заняты публикой, въ

рядахъ которой помѣстились варшавскіе пріятели Сапѣги, одѣтые по французской модѣ, то есть напудренные и при шпагахъ. Провинціальная шляхта подсмѣивалась и передразнивала этихъ столичныхъ франтовъ, отступниковъ національной старины. Когда обѣдня кончилась, старшій чиновникъ открылъ совѣщанія сеймика и предложилъ кандидатовъ въ маршалы (президентъ сеймика). Тотчасъ поднялся шумный споръ. „Прочь Ястшембскаго, луковскаго подсудка, онъ извѣстный пріятель Кожмяна!“— кричала партія Сапѣги. „Прочь Суходольскаго!“ еще громче провозглашала болѣе многочисленная сторона его противниковъ. Посреди этого шума вдругъ Кожмянова партія узнаетъ, что Суходольскій уже присягаетъ на маршальство въ каплицѣ. Тогда одинъ изъ горячихъ сторонниковъ этой партіи, молодой адвокатъ, Янъ Дмуховскій, кричитъ „или я не буду живъ, или Кожмянъ будетъ депутатомъ“, и съ толпой своихъ товарищей бросается въ каплицу. Въ одну минуту они опрокинули столикъ, разорвали актъ присяги, выгнали палашами противниковъ, и пригласили присягнуть подсудка Ястшембскаго. Тщетно Сапѣга, ставъ на лавку, хотѣлъ говорить, а партія его вопила: *nie pozwalamy*!—Ястшембскій присягнулъ на маршальство, и спросилъ имена кандидатовъ въ трибуналъ. Земскій судья Ласкій назвалъ Кожмяна; а Сапѣга — Казиміра Ястшембскаго. Повторилась прежняя сцена. Сапѣга, видя, что его протестація остается безъ вниманія, схватился за саблю съ словами: „когда такъ, то пусть она разсудитъ!“ Но его тотчасъ столкнули съ лавки; не защитили и гетманскіе рубаки. На этотъ гвалтъ вышелъ изъ сакристіи доминиканскій пріоръ съ дарами въ рукѣ. Онъ заклинаетъ собраніе успокоиться; но его никто не слушаетъ. Разгоряченная партія Кожмяна бьетъ и рубитъ своихъ противниковъ. Сапѣга бросился подъ лавку; но, угрожаемый однимъ полупьянымъ шляхтичемъ, онъ бѣжитъ отсюда и прячется подъ мантію пріора. Шляхтичъ и тутъ хочетъ его рубить; пріоръ пытается остановить ударъ и получаетъ рану въ палецъ. Кровь брызнула на ступени алтаря. Но толпа не обращаетъ на это вниманія, и принимается за варшавскихъ франтовъ, бьетъ ихъ, рветъ съ нихъ букли и выгоняетъ изъ костела. Сапѣга потихоньку ускользнулъ черезъ сакристію; партія его была уже вся изгнана. Тогда побѣдители запираютъ двери костела, и единогласно выбираютъ Кожмяна. Затѣмъ изъ предосторожности, чтобъ озлобленные противники не собрались въ другомъ мѣстѣ и не раздвоили вѣча, шляхта цѣлую ночь стерегла всѣ костелы, и разошлась тогда только, когда узнала, что Сапѣга въ ту же ночь уѣхалъ въ Любартовъ.

Въ 1788 г. авторъ мемуаровъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ (въ то

время уже земскимъ судьей) поѣхалъ въ Люблинъ, дня за два до сеймика. Подъѣзжая къ городу, увидѣли они густыя облака дыму, разстилавшіяся на лугахъ около рѣки Быстрицы. Вскорѣ передъ ними открылся большой лагерь, похожій на кочевья татарской орды. Между разнообразными шатрами и шалашами пылали очаги, на которыхъ жарились цѣлыя четверти быковъ, тутъ же зарѣзанныхъ. Посреди табора на столахъ, скамейкахъ и просто на землѣ обѣдали группы людей; другіе засѣдали вокругъ чановъ съ горѣлкою и бочекъ съ пивомъ или медомъ, и провозглашали виваты. Были и такія группы, которыя упражнялись въ искусствѣ владѣть палашами. Тутъ же подлѣ паслось нѣсколько сотъ лошадей. Столько же однокопныхъ подлясскихъ повозокъ, съ поднятыми вверхъ оглоблями, съ двухъ сторонъ замыкали таборъ. „Что это такое?“ спросилъ Кожмянъ у встрѣчныхъ шляхтичей. Оказалось, что то была *партія* избирателей, которую призвалъ изъ Подляхіи князь Адамъ Чарторижскій для выбора себя и шести своихъ товарищей въ сеймовые послы.

Между тѣмъ и въ городѣ улицы были наполнены толпами той же подлясской шляхты. Едва Кожмянъ пріѣхалъ въ свою квартиру, какъ явилось къ нему нѣсколько обывателей съ жалобами: кругомъ не было никакой безопасности; на улицу нельзя показаться, не рискуя подвергнуться оскорбленію или побоямъ; въ городѣ и въ жидовскомъ предмѣстьѣ принуждены были запереть лавки; но шляхта сбивала запоры и производила грабежи. Обыватели просили Кожмяна ходатайствовать у князя, чтобъ онъ удалилъ эту полудикую орду, запретилъ бы ее поить и пускать въ городъ. Кожмянъ вошелъ въ объясненія съ приближенными Чарторижскаго; оказалось, что князь уже поручилъ предводителямъ каждой подлясской деревни держать въ порядкѣ своихъ буйныхъ „пановъ братью“, и что это порученіе обошлось довольно дорого: каждый предводитель тогда только брался соблюдать порядокъ, когда получалъ въ руки не менѣе десяти дукатовъ. Самъ Чарторижскій сознавался, что его пріятели, вербовавшіе партію, показали болѣе усердія, нежели сколько было нужно.

Въ день сеймика шляхта не могла помѣститься въ костелѣ; одна часть ея наполнила монастырскіе дворы и сосѣднія улицы; а другая осталась на берегу Быстрицы около бочекъ и чановъ. Благодаря огромной партіи и популярности князя, сеймикъ окончился благополучно, и единогласно утверждены имена кандидатовъ прочтенныхъ маршаломъ Выбрановскимъ, котораго люблинская шляхта на рукахъ принесла къ маршальскому столику. Чарторижскій въ короткой рѣчи поблагодарилъ

шляхту за выборъ. Изъ костела всѣ обыватели отправились къ нему на обѣдъ. Для пословъ сочинили инструкцію; паны начали разъѣжаться; а мелкую шляхту принялись развозить по деревнямъ. Подлясскій таборъ снялся съ своего кочевья и отправился на родину. Но еще цѣлый день толпы праздношатающихся бродили по улицамъ. Когда трибуналъ возобновилъ засѣданія и гарнизонъ воротился на свои мѣста, въ городѣ водворились спокойствіе и безопасность. Однакоже, „какъ и на всякомъ сеймикѣ“, въ этотъ разъ погибло пять-шесть шляхтичей отъ пьянства и другихъ подобныхъ причинъ.

Вообще панамъ очень недешево обходились голоса своихъ избирателей.

Въ старой Польшѣ каждый шляхтичъ, хотя бы не имѣлъ никакой осѣдлости, уже по самому званію своему былъ избиратель. Въ деревняхъ мелкая шляхта часто жила рядомъ съ хлопами, не отличаясь отъ нихъ ни внѣшностію своихъ домовъ, ни обычаями. Однако шляхтича можно было всегда узнать по покрою и цвѣту его платья и по саблѣ, безъ которой онъ никуда не являлся. Лазоревымъ цвѣтомъ кунтушей и капотомъ или эпанчою изъ сѣраго сукна, шляхта подходила ближе къ мѣщанамъ, занимавшимся земледѣліемъ, но за то, такъ же какъ хлопы, не брила бороды и не заботилась объ изяществѣ своихъ усовъ. Сапоги шляхетскіе были на каблукахъ для отличія отъ хлопскихъ подковокъ, но были такъ же грязны и распространяли вокругъ себя такой же крѣпкій запахъ дегтя. На ярмарку, на богомолье или на сеймикъ, самый бѣдный шляхтичъ ѣхалъ обыкновенно верхомъ на жалкой клячѣ или съ женою въ бричкѣ; если не было своей брички, то онъ присаживался къ сосѣду; а ѣхать въ простой телѣгѣ считалъ униженіемъ шляхетскаго достоинства. Заслышавъ дребезжанье брички, хлопы спѣшили сворачивать съ дороги и снимать шапки, а запуганный Еврей погонялъ лошадь и скакалъ безъ оглядки; когда же случайно обгоняла его бричка, то счастливъ онъ былъ, если шляхетскій возница, зацѣпивъ осью, не вываливалъ его на землю, или не вытягивалъ кнутомъ по затылку. Шляхта этого разряда обыкновенно выбирала себѣ патрона изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, котораго поддерживала на сеймикахъ. Въ праздники она изъ костела гурьбой отправлялась къ нему, не для того, конечно, чтобъ узнать политическія новости, а просто чтобы хорошо пообѣдать, выпить, попросить покровительства въ тяжбѣ, получить какой-нибудь подарокъ или позволеніе нарубить лѣсу, накосить сѣна и т. п. Сохрани Богъ отказать въ просьбѣ или гордо обойтись со шляхтичемъ: въ такомъ случаѣ ожидала неизбѣжная месть. Нѣкто панъ Пражмовскій, мщипов-

скій староста, послѣдователь парижскихъ модъ, обидѣлъ однажды шляхтича изъ села Собѣщанъ; шляхтичъ былъ при саблѣ; но отъ его кожуха и сапогъ такъ несло дегтемъ, что староста не вынесъ и попросилъ гостя снять кожухъ въ передней. Послѣ того онъ не смѣлъ и показаться на сеймикахъ, и дѣлалъ большой объѣздъ, когда ему случалось ѣхать мимо Собѣщанъ.

Помѣстье Кожмяна граничило съ тремя шляхетскими селеніями, Собѣщанами, Тарановкою и Старою Весью, заключавшими въ себѣ до двухсотъ семей мелкой, земледѣльческой шляхты, въ томъ числѣ много дальнихъ родственниковъ и свойственниковъ Кожмяна. Какъ скоро приближалось время сеймиковъ, домъ его наполнялся посѣтителями. Но недостаточно было кормить и поить безпрерывно смѣнявшихся гостей; надобно было еще на четырехъ станціяхъ по дорогѣ въ Люблинъ заготовлять для нихъ ночлеги, сѣно, солому, съѣстные припасы и поваровъ съ прислугою; равно какъ и въ Люблинѣ готовить помѣщеніе, столъ и разные напитки. Такъ какъ сеймы происходили обыкновенно лѣтомъ или осенью, то для партіи Кожмяна нанимался всегда пустой неотдѣланный домъ, подъ горой за іезуитскимъ костеломъ; здѣсь настилали сѣно и солому для ночлега; а напротивъ нанимали домикъ для кухни. Если партія набиралась очень многочисленная, то часть ея размѣщалась въ предмѣстьяхъ; а нѣкоторые находили пріютъ по разнымъ кляшторамъ, въ конюшняхъ и другихъ монастырскихъ строеніяхъ. При упомянутомъ пустомъ домѣ была крытая галлерея, гдѣ могло помѣститься вокругъ обѣденнаго стола не болѣе 80 человѣкъ. Поэтому обѣдающіе поочереди смѣняли другъ друга, при чемъ дѣло часто доходило до драки и тому подобныхъ сценъ. Столы накрывались скатертями изъ самой грубой холстины; тарелки и ложки были оловянныя и даже жестяныя; ножи и вилки оправленныя въ простое дерево. И все-таки безпрерывно пропадали со стола не только ложки и вилки, но и скатерти. Кожмянъ-сынъ приводитъ изъ своихъ воспоминаній нѣсколько случаевъ, чтобы показать, какого рода сцены происходили иногда за шляхетскимъ обѣдомъ.

Однажды пришелъ какой-то шляхтичъ въ сѣрой епанчѣ съ капомъ назади, и началъ протѣсняться къ столу, уже плотно обсаженному обѣдающими, говоря: „паны братья, вы кушаете, а я голоденъ; со вчерашняго дня ничего не ѣлъ“. „Отчего же панъ не поспѣшилъ?—отвѣчали ему:—да потише не толкайся“. Но такъ какъ шляхтичъ продолжалъ насильно расчищать себѣ мѣсто, и вырывалъ у кого ложку, у кого вилку, повторяя, что онъ еще ничего не ѣлъ, то его съ позоромъ отогнали отъ стола. Въ это время гайдукъ принесъ огромную миску съ го-

рячимъ супомъ изъ потроховъ. Шляхтичъ бросается къ нему, хватаетъ потроха и обжигается. Тогда нѣкоторые изъ обѣдающихъ вскакиваютъ съ лавокъ, вырываютъ у него мису, и все что въ ней было выливаютъ ему за шею въ капъ. Обваренный шляхтичъ воетъ и прыгаетъ какъ бѣшеный. Другіе атакуютъ его съ вилками въ рукахъ, и, стараясь захватить потроха, попадаютъ въ шею и въ плечи несчастнаго. Крики и суматоха страшная. Наконецъ оторвали капъ, вылили опять въ мису потроха, и принялись за ѣду.

Во время другого сеймика, повару какъ-то вздумалось угостить шляхту послѣ ужина компотомъ изъ вишенъ. Сначала паны-братья кушали мирно; потомъ отъ скуки начали мазать другъ друга сокомъ, и бросать косточками. Скоро цѣлое собраніе приняло видъ самый кровавый, такъ что вновь прибывавшіе гости принимали это обстоятельство за послѣдствіе драки, и невольно хватались за сабли. По просьбѣ стараго Кожмяна, за этимъ столомъ предсѣдательствовалъ одинъ собѣщанскій шляхтичъ, по имени Ходковскій, лихой рубака. А такъ какъ между упомянутыми тремя селами бывало нѣкоторое соперничество по вопросу о первенствѣ, то это предсѣдательство не нравилось обитателямъ Тарновки и Старой Веси. Смотря на перепалку вишнями, Ходковскій не выдержалъ и закричалъ: „Паны-братья, перестаньте шалить, а то подумаютъ, что мы рубили другъ друга“. „Не тебѣ насъ учить, отозвались Тарновка и Старая Весь, а вотъ мы вашу милость поучимъ!“ и, погасивъ свѣчи, бросились съ саблями на президента. Прислонясь спиной къ окну, Ходковскій началъ отмахиваться отъ нападающихъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ поспѣшили къ нему на помощь, другіе побѣжали за Кожмяномъ. „Братья шляхта, не проливайте крови!“ закричалъ Кожмянъ. Принесли свѣчи, и насилу могли развести сражавшихся. У противниковъ Ходковскаго оказались на физіономіяхъ различные слѣды его палаша, и Кожмянъ поспѣшилъ запереть предсѣдателя въ свою квартиру, потому что шляхта грозила изрубить его въ куски.

„По счастію, замѣчаетъ авторъ мемуаровъ, не присутствовалъ при этой сценѣ Домарадскій изъ Старой Веси, извѣстный буянъ и страшный рубака; при немъ не такъ легко было бы успокоить бурю“. Это былъ шляхтичъ, не умѣвшій ни читать, ни писать, но за то по силѣ и по виду совершенный Геркулесъ, саблей и чаркой составившій себѣ грозное имя на ярмаркахъ и сеймикахъ. Кожмянъ сдѣлалъ его своимъ лѣсничимъ, содержалъ его и бралъ съ собою на сеймики. На одномъ изъ нихъ лѣсничій задѣлъ за живое луковскую шляхту, и та запылала жаждою мести. По окончаніи сеймика, она подстерегла его у порога кос-

тела, и произвела нападеніе. Домарадскій обнажилъ саблю, и уже успѣлъ нѣкоторымъ сдѣлать отмѣтки, какъ вдругъ клинокъ его отскочилъ отъ рукоятки. Шляхта рубитъ безоружнаго; шапка ослабляетъ удары, однако кровь уже льетъ съ его головы. Находчивый Домарадскій схватилъ въ руки ближайшаго шляхтича, и началъ дѣйствовать имъ какъ щитомъ. Несчастный, получая раны отъ своихъ товарищей, кричитъ: „Стойте, стойте!“ и отмахивается саблею отъ ихъ ударовъ. Замѣтивъ по близости столъ, Домарадскій пустилъ шляхтича, поднялъ столъ на голову, и протѣснился на улицу, между тѣмъ какъ сабельные удары сыпались на доски стола. Но, тутъ, изнемогши, онъ упалъ на землю. Непріятели наносятъ ему еще нѣсколько ранъ въ голову, и только подоспѣвшая люблинская шляхта принуждаетъ ихъ оставить свою жертву.

Кожмянъ въ то время присутствовалъ на званомъ обѣдѣ. Когда его извѣстили, что Домарадскій безъ чувствъ лежитъ на улицѣ, онъ тотчасъ отрядилъ двухъ пріятелей; далъ имъ пару дукатовъ на лѣченіе, и поручилъ отвести раненаго въ больницу сестеръ милосердія. Каково же было его удивленіе, когда, воротившись домой, онъ встрѣтилъ Домарадскаго, правда, обагреннаго кровью, но уже не совсѣмъ трезваго; голова его была испещрена лоскутами писчей бумаги, налѣпленными на раны.

— Ты уже здѣсь, сказалъ Кожмянъ,—а я послалъ пару дукатовъ на доктора и на лѣкарства.

— Благодарю пана, я славно покутилъ на нихъ съ братьями шляхтой; завтра хочу опять сразиться, прошу только пана о саблѣ.

— Да ты весь израненъ!

— Это пустыя царапины.

— Однако упалъ безъ чувствъ.

— Далъ бы мнѣ кто саблю, научилъ бы я ихъ разуму! впрочемъ „co się odwlekło, to nie uciekło“.

Но Кожмянъ, опасаясь новой свалки, немедленно отправилъ своего кліента въ деревню.

ОБРАЗЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ ВЪ ПОЛЬШѢ ВЪ ЭПОХУ ПАДЕНІЯ *).

Въ рукописномъ отдѣлѣ Виленской Публичной Библіотеки, столь богатомъ матеріалами для исторіи Западнаго края, намъ встрѣтилось, въ одномъ польскомъ литературномъ сборникѣ, нѣсколько сатирическихъ произведеній, относящихся къ концу прошлаго столѣтія, именно ко времени Тарговицкой Конфедераціи (1792—1793). Конфедерація эта, какъ извѣстно, была составлена подъ покровительствомъ русскихъ войскъ, и имѣла своею задачею отмѣнить всѣ реформы, произведенныя въ Польшѣ Конституціей 3 мая 1791 года. Слѣдующая сатира, облеченная въ форму отвѣтовъ на три загадки, направлена противъ короля Станислава Понятовскаго и трехъ главныхъ вождей Тарговицкой Конфедераціи: Щенснаго (Феликса) Потоцкаго, Браницкаго и Ржевускаго.

1. Co iest zgubą Polskiey?
Ze Stanislaw na tronie, Szczęsny możnym Panem,
Branicki wielkim, a Rzewuski polnym hetmanem.
2, Coby moglo poprawic los Polskiey?
Malachowski na tronie, Kosciuszko z bulawą
Umieliby utrzymac rząd wolny ze slawą.
3, A pierwszych gdzie podziec?
Stanislswa dać na teatr Boguslawskiemu,
W domie szalonych dać mieyscie Szczęsnemu,
Branickiego osadzic w porządney piwnicy,
Rzewuskiego tam poslac, gdzie są alchimicy.

То есть:

1. Что губитъ Польшу?
То, что Станиславъ на тронѣ, Щенсный мощнымъ паномъ,
Браницкій великимъ, а Ржевускій польнымъ гетманомъ.
2. Что могло бы поправить дѣло Польши?
Малаховскій на тронѣ, Костюшко съ булавой
Съумѣли бы поддержать республику со славой.
3. А куда дѣвать первыхъ?
Станислава отдать въ театръ Богуславскаго,
Щенснаго пристроить въ домѣ умалишенныхъ,
Браницкаго посадить въ хорошій погребокъ,
А Ржевускаго отослать къ алхимикамъ.

Далѣе находимъ сатиры, направленныя уже прямо противъ Русской императрицы. Онѣ изложены въ формѣ пародій на Молитву Господню, Символъ Вѣры и Десять Заповѣдей. Насъ, Русскихъ, въ настоящее вре-

*) Русскій Архивъ 1869. № 3.

мя, не могутъ смутить ядовитые укоры, заключенные въ подобнаго рода произведеніяхъ. Эти постоянныя попытки сложить на сосѣдей отвѣтственность за собственные грѣхи могутъ вызвать съ нашей стороны только улыбку сожалѣнія. Приводимъ эти памятники тогдашней летучей словесности, чтобы показать, къ какимъ жалкимъ средствамъ прибѣгала Польская, такъ называемая, патріотическая партія. Но какъ кощунство упомянутыхъ пародій дѣлаетъ ихъ неудобными для русской печати, то мы ограничиваемся сообщеніемъ ихъ въ подлинникѣ.

Pacierz.

Carowa, któraś iest w Peterburgu, swięć sie Imię, przydź stotysięczne woysko twoie, bądz wola twoia, iak w Moskwie, tak i w Polszcze, assygnacye y ruble powszednie day nam dzisiay i pozwol się wzbogacic y ponoszyc, iako y my pozwalamy, y nie wodz nas do Rządu regularnego, ale nas zbaw od Konstytucyi 3-go Maia y od wszystkich iey dobrych ustaw. Amen.

Sklad konssyliarski.

Wierze w Carową wszechmogącą, stworzycielką dawnych intryk w Polszcze, związku Targowickiego, protektorkę w wierzę; y w Szczęsnego Marszalka, przez się obranego, który się poczol z Ducha Moskiewskiego, narodzil się z pysznych aniolow, wszystko zamieszal, obywatelow wycięczyl, siebie uszczęsliwil, y nic dobrego nie zrobil; wierze w Ducha, dla generalnosci z Peterburga przydanego, y generalów Moskiewskich,—a to werze przez gwalty, uciski y obcowania, Rządu, spokoynosci wywrocenia, ludu wyprowadzenie, obywatelów spodlenie, glodu naprowadzenie y zatracenie wzięlosci w Europie. Amen.

Dziesiec przykazań.

Iam iest Carowa, która was z porządku y Rządu wywiodla. 1 Nie będziesz mial cudze potencye przede mną. 2. Nie będziesz bral nikogo w alians, ani odrzucisz gwarancyi nade mną. 3. Pamiętay, abys Konstytucya 1768 y 1775 roku zachowal. 4. Czci brata Moskiewskiego. 5. Nie zabiiay, nie sądz zdrayców narodu. 6. Kradni skarb w zdradzonych Magistraturach. 8. Nie mów nic przeciwko Moskalom na seymie. 9. Pożąday żony obywatelskiey inne. 10. Ani wolu, ani koni nie zoszczędzay, ani żadney rzeczy, które są polskie; będsiesz milowal Carową Panią swoią ze wszystkiego serca twoiego, ze wszystkiey duszy twoiey, a żolnierza Moskiewskiego iako siebie samego. Amen.

Къ тому же разряду политическихъ сатиръ относится слѣдующее заявленіе:

Afisz komedyi nowey za beneficium Szczęsnego Potockiego na teatrze kraiowym za pozwoleniem Nayiasnieyszey konfederacyi Targowickiey oboyga narodów anterprysa.

Pruska, Moskiewska y Cesarska będą mieli honor w przyszłą wstępną strzodę dac reprezentacyą komedyi we trzech aktach oryginalney, przez Nayiasnieyszego Fryderyka II-go ułozoney, a w Polszcze od roku 1775 nie widzianey, pod tytułem: Rozbior kraiu. Akt pierwszy poprzedzać będzie tryo prsez I. WW. Konssyliarzow spiewane: Wolnosć, rownosć y niepodleglosć. Przed aktem drugim będzie duett spiewane przez tychze: Niezgoda y zdrada. Przed 3-cim zaś aktem będzie balet wielki pod tytułem „Szkoła waryatow“, w którym J. M. P. Sucharzewski solo tancować będzie. Teatr illuminowany będzie, przy biciu z armat, miasta y wioski palić się będą. Antré gratis,—gdyz fundusz na tę komedyą iest z maiątkow obywatelskich.

То есть:

„Афиша новой комедіи, имѣющей быть представленною въ бенефисъ Щенснаго Потоцкаго на мѣстномъ театрѣ, съ дозволенія наияснѣйшей Тарговицкой конфедераціи обоихъ народовъ (т. е. Польши и Литвы).

Пруссія, Москва и Цезарь (Австрійскій) будутъ имѣть честь въ будущую первую среду великаго поста давать представленіе оригинальной комедіи въ трехъ актахъ, сочиненной наияснѣйшимъ Фридрихомъ II и невиданной въ Польшѣ съ 1775 года, подъ заглавіемъ: «Раздѣлъ края». Передъ первымъ актомъ будетъ пропѣто ясновельможными совѣтниками (Конфедераціи) тріо: „Свобода, равенство и независимость“. Передъ вторымъ актомъ они же споютъ дуэтъ: „Раздоръ и измѣна“. Передъ третьимъ актомъ будетъ большой балетъ подъ названіемъ „Школа сумасшедшихъ“, въ которомъ его милость панъ Сухаржевскій будетъ танцовать соло. Театръ будетъ иллюминованъ, при громѣ пушекъ, горящими городами и селами. Входъ даровой, потому что комедія дается на счетъ обывателей“.

Эта афиша подтверждаетъ еще разъ, что въ XVIII вѣкѣ Поляки очень хорошо знали, кто изъ сосѣдей былъ главнымъ авторомъ Польскихъ раздѣловъ.

ИЗЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ XVIII ВѢКА *).

Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit (Gesch. des Rus. Staates. Von Dr. Hermann. Ergänzungs-Band).

Мы уже имѣли случай указать, какой значительный запасъ матеріаловъ по Польскому вопросу и вообще по внѣшней политикѣ Россіи заключаетъ въ себѣ дополнительный томъ къ Исторіи Германа (Русс. Вѣст. 1867 г. № II. См. выше). Разумѣется, для насъ также важны были бы сообщенія, касающіяся Россіи и съ другой стороны, т. е. извѣстія о внутренней политикѣ.

Къ сожалѣнію, въ семъ отношеніи документы, собранные Германомъ, представляютъ запасъ довольно скудный, что весьма естественно объясняется назначеніемъ и положеніемъ иностранныхъ дипломатовъ при Русскомъ дворѣ. Ихъ наблюденіямъ доступны были только дворъ и столица; притомъ, по незнанію русскаго языка и многихъ условій русскаго быта, наблюденія эти оказывались конечно весьма поверхностны и односторонни. Источниками ихъ свѣдѣній часто были ничто иное какъ слухи. Но замѣчательно, что иностранные дипломаты нерѣдко съ особымъ усердіемъ сообщаютъ своимъ правительствамъ слухи и характеристики, неблагопріятные для лицъ, игравшихъ главныя роли при дворѣ; другими словами, дипломатія европейская въ тѣ времена еще любитъ заниматься сплетнями. Разумѣется, любовь эта проявляется не въ одинаковой степени. Въ означенномъ томѣ собраны депеши изъ Петербурга собственно въ трехъ архивахъ, Дрезденскомъ, Берлинскомъ и Лондонскомъ. Въ отношеніи къ сплетнямъ, они представляютъ слѣдующую градацію: наибольшую наклонность къ нимъ обнаруживаютъ дипломаты саксонскіе, наименьшую прусскіе, а средину занимаютъ англійскіе. Разумѣется, подобная градація образовалась не безъ связи со взаимными отношеніями дворовъ: дѣло идетъ объ эпохѣ второго и третьяго польскихъ раздѣловъ, когда Пруссія находилась съ нами въ союзѣ, а саксонскій домъ былъ отстраняемъ отъ польской короны, которую предлагали ему Поляки.

Итакъ, самыми злыми языками въ данномъ случаѣ являются саксонскіе дипломаты въ Петербургѣ: Фолькерзамъ и особенно Гельбигъ (авторъ извѣстной книги „Russische Günstlinge“, преисполненной не-

*) Русскій Архивъ 1868. № 4.

вѣрностей и пристрастія). Для образца приведемъ нѣкоторыя изъ ихъ дипломатическихъ сообщеній; опуская конечно то, что выходитъ за предѣлы приличій. Лицо, которое они стараются чернить предпочтительно передъ другими, это Потемкинъ. Зимой 1791 года Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ театра Турецкой войны, и Гельбигъ (въ депешѣ отъ $^{5}/_{16}$ іюня) распространяется о его необыкновенной расточительности, недѣятельности и легкомысліи. Онъ даетъ часто праздники, изъ которыхъ каждый стоитъ болѣе 20000 рублей. На одномъ изъ нихъ подана была въ серебряной лахани стерляжья уха въ 1300 рублей; въ другой разъ подали устрицъ на 300 рублей, а въ третій фруктовъ на 1000 дукатовъ. Изъ имущества герцогини Кингстонъ онъ купилъ двѣ люстры за 40000 рублей, и въ той комнатѣ, гдѣ онѣ были повѣшены, велѣлъ устроить два дивана въ 42,000 руб. Дворянскому банку онъ долженъ 800,000 рублей, а банкиру Сутерланду 600,000; кромѣ того со времени своего пріѣзда сюда онъ сдѣлалъ еще до 1000000 долгу, хотя отъ императрицы въ это время получилъ 500,000 рублей. За праздники, которые онъ даетъ, должна расплачиваться заемная контора (опекунскій совѣтъ?). Онъ устроиваетъ празднества даже во время великаго поста, и не обращаетъ при этомъ вниманія на ропотъ народа. Съ женщинами онъ ведетъ себя весьма непристойно, а ихъ мужья не смѣютъ ему препятствовать. При публичныхъ выѣздахъ онъ является весь покрытый брильянтами *).

Когда въ Петербургѣ было получено извѣстіе о смерти Потемкина, саксонскій посолъ Фёлькерзамъ посвящаетъ ему свою депешу отъ $^{16}/_{27}$ октября, и говоритъ, что тѣло князя отвезутъ для погребенія въ его бѣлорусское имѣнье Васильково. Въ этомъ имѣніи будто бы Потемкинъ сложилъ всѣ свои сокровища, которыя должны быть громадны, потому что все попадавшее ему въ руки золото и серебро онъ копилъ, а долговъ никому не платилъ; напримѣръ, извощикамъ онъ остался долженъ 19,000 руб., цвѣтнымъ торговцамъ 38,000 и т. д. Свой заемъ въ 700,000 руб. у Сутерланда онъ большею частію истратилъ на подкупы

*) По поводу приведенной депеши припомнимъ краткую біографію Потемкина, составленную тѣмъ же Гельбигомъ въ упомянутой книгѣ „Russische Günstlinge“. Въ заключеніи біографіи говорится, что вообще Потемкинъ, какъ полагаютъ, стоилъ государству до 50,000,000 рублей; но что и эта сумма едва-ли равняется дѣйствительной. Къ сожалѣнію, расточительность и роскошь—это самая слабая сторона нашей исторіи XVIII вѣка, и тутъ мы менѣе всего можемъ защищаться отъ обвиненій иностранцевъ.

въ Польшѣ, гдѣ добивался короны уже съ 1775 года. Онъ главнымъ образомъ старался ссорить Польшу съ Россіей; подъ рукой поддерживалъ волненія 1789 года въ югозападной Руси, и пр. Фёлькерзамъ, приведя извѣстія объ отношеніяхъ Потемкина къ Польшѣ, настолько добросовѣстенъ, что указываетъ и на мутный источникъ своихъ извѣстій, именно на личныя сообщенія Деболи, польскаго повѣреннаго при Петербургскомъ дворѣ.

Въ запискахъ И. В. Лопухина (Чтенія О. И. и Д. 1860. № 2) разсказывается, что весною 1791 года графъ Безбородко пріѣзжалъ въ Москву съ Архаровымъ, подъ видомъ прогулки, но въ дѣйствительности для того, чтобы произвести слѣдствіе надъ мартинистами, о чемъ онъ имѣлъ указъ къ князю Прозоровскому, московскому главнокомандующему. „Но по мягкосердію своему“, Безбородко не далъ хода этому указу; погулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, онъ уѣхалъ назадъ и такимъ образомъ ничего не предпринялъ противъ Новикова и его друзей, къ великому неудовольствію князя Прозоровскаго, усерднаго гонителя мартинистовъ. Этотъ разсказъ въ томъ же видѣ вошелъ и въ книгу М. Н. Лонгинова о Новиковѣ. Уже съ перваго взгляда видно, что здѣсь что то недосказано: не таковы были времена, не такова государыня, чтобы мягкосердіе Безбородка могло не давать ходу имяннымъ указамъ и чтобы посылка подобнаго сановника могла окончиться простою прогулкою. Благодаря злому языку Гельбига и его усердію собирать сплетни, читаемъ слѣдующее. Проживавшій въ Москвѣ графъ Алексѣй Орловъ поссорился съ княземъ Прозоровскимъ; ссора дошла до того, что графъ едва не прибилъ князя палкой. Извѣщенная о томъ княземъ Прозоровскимъ, Екатерина послала Орлову выговоръ; но въ отвѣтъ отъ него получила странное письмо. Онъ будто бы напомнилъ государынѣ о событіяхъ 1762 года, о томъ, что именно онъ провозгласилъ ее императрицею передъ Казанскимъ соборомъ, тогда какъ народъ думалъ найти въ ней только опекуншу ея сына и т. д. Такой тонъ встревожилъ императрицу: Московскіе вельможи извѣстны были своимъ оппозиціоннымъ направленіемъ, и подобный примѣръ могъ вызвать дурныя послѣдствія. Екатерина отправила въ Москву Безбородка, чтобы успокоить Орлова, и кромѣ того поручила Потемкину, на обратномъ пути въ южную Россію, обойтись съ Орловымъ самымъ дружескимъ образомъ. Оба они успѣшно исполнили порученіе, и графъ Орловъ по прежнему сталъ показывать преданность императрицѣ. На сколько тутъ правды въ словахъ Гельбига, мы рѣшить не беремся; во всякомъ слу-

чаѣ нѣтъ сомнѣнія, что мартинисты были не единственною и даже не главною цѣлью посылки Безбородка въ Москву *).

Въ той же депешѣ ($^{9}/_{20}$ іюля 1791 г.) Гельбигъ сообщаетъ слѣдующій слухъ. Пріѣзжая нѣмецкая труппа давала въ Петербургѣ театральныя представленія. Между прочими піесами она хотѣла поставить и Гамлета. Директоръ театровъ князь Юсуповъ сначала нисколько тому не противился; но когда онъ узналъ содержаніе этой трагедіи, то рѣшительно запретилъ ея представленіе. Вслѣдствіе того нѣмецкая публика, незнакомая съ Шекспиромъ, съ жадностію бросилась читать піесу.

Гельбигъ между прочимъ тщательно собираетъ слухи о прискорбныхъ недоразумѣніяхъ между старымъ и молодымъ дворомъ, т. е. между императрицею и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Для примѣра возьмемъ слѣдующій фактъ (изъ депеши отъ 4 октября 1793 г.). Римскій императоръ прислалъ Русскому двору извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени великой герцогини Тосканской. По обычаю Вѣнскаго двора извѣстіе было написано на латинскомъ языкѣ. Отвѣтъ на него былъ составленъ также на латинскомъ языкѣ какимъ-то молодымъ канцелярскимъ чиновникомъ, исправленъ однимъ нѣмецкимъ ученымъ, и представленъ для подписи императорской фамиліи вицеканцлеромъ графомъ Остерманомъ. Государыня подписала свое имя съ обычными serva, soror et amica; но великій князь не хотѣлъ подписаться servus, frater et affinis, говоря, что онъ не слуга императору. Остерманъ донесъ о томъ государынѣ и, кажется, не въ такомъ тонѣ, чтобы предупредить безпокойство. Она позвала Павла Петровича къ себѣ въ кабинетъ и сдѣлала ему чувствительное внушеніе. Великій князь подписался; но послѣ того онъ уединился въ своемъ дворцѣ, и послалъ Остерману письмо въ сильныхъ укорительныхъ выраженіяхъ.

Болѣе достоинства и благовоспитанности, чѣмъ у саксонскихъ дипломатовъ, находимъ мы въ депешахъ Англичанъ. Впрочемъ и отношенія были иныя: у Саксонцевъ очевидно играютъ не малую роль и личное самолюбіе, оскорбляемое ихъ второстепеннымъ положеніемъ въ дипломатическомъ корпусѣ, и накопившаяся горечь отъ постоянно неудачныхъ представленій въ пользу своего курфирста, вздыхавшаго о поль-

*) Графъ Орловъ находился въ пріязни и свойствѣ съ И. В. Лопухинымъ: онъ былъ женатъ на его внучатной сестрѣ Евдокіи Николаевнѣ Лопухиной. Отсюда, пожалуй, можно заключить, что онъ поссорился съ Прозоровскимъ изъ-за мартинистовъ. Но, во-первыхъ Лопухинъ въ своихъ запискахъ самъ говоритъ, что Орловъ былъ противникъ ихъ общества; а во-вторыхъ, подобное заступничество не въ его характерѣ.

ской коронѣ; государыня не удостоиваетъ ихъ своимъ обществомъ; министры ея также не считаютъ нужнымъ входить съ ними въ большія объясненія; для сообщеній своихъ они не могутъ пользоваться извѣстіями изъ первыхъ рукъ и поневолѣ должны часто довольствоваться слухами. Между тѣмъ англійскіе дипломаты, это люди высокопоставленные, прекрасно образованные, постоянно обращающіеся между русскими министрами и часто пользующіеся обществомъ императрицы. Для образца ихъ корреспонденціи приведемъ разговоръ съ Екатериною Фокнера (изъ его депеши отъ 2 іюня 1791 года). Императрица много распрашивала его объ англійской королевской фамиліи, а также о нѣкоторыхъ лицахъ правительства и оппозиціи. Потомъ она перешла къ Французской революціи, и сказала, что не можетъ понять, какимъ образомъ эта революція находитъ защитниковъ въ Англіи, между которыми, къ ея великому удивленію, встрѣчается и такой человѣкъ какъ Фоксъ. Поэтому поводу она съ большимъ чувствомъ заговорила о своихъ подданныхъ, объ ихъ преданности и о своей обязанности сдѣлать для нихъ все, что можетъ. За тѣмъ она распространилась въ похвалахъ своему старшему внуку Александру, и называла его ангеломъ въ человѣческомъ образѣ. Но собесѣдникъ ея ясно видѣлъ, что Екатерина избѣгала разговора о Турецкой войнѣ, а равно и о щекотливыхъ отношеніяхъ Англіи и Россіи (по поводу той же войны, т. е. Восточнаго вопроса). Она только позволила себѣ маленькій намекъ на Англичанъ; по крайней мѣрѣ такъ понялъ Фокнеръ. А именно, ея собачка залаяла на какого-то ребенка, игравшаго въ саду; ребенокъ испугался; императрица постаралась его успокоить, и, оборотясь къ Фокнеру, сказала: „Собаки, которыя лаютъ, не всегда кусаются“.

Англійская дипломатія не чуждается также критики главныхъ дѣятелей и разныхъ придворныхъ отношеній; но дѣлаетъ это съ большимъ тактомъ и съ большею основательностію, нежели дипломатія саксонская. Для примѣра можно было бы указать на декабрьскія депеши 1796 года Вильяма Этона, гдѣ заключаются общія характеристики Екатерининскаго царствованія и нѣкоторыхъ ея министровъ. Укажу также на депешу Витворта $^{20}/_{31}$ генваря 1794 г. Изображая плохое состояніе нашихъ финансовъ, Витвортъ высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Россія начала новую войну съ Турціей; но при завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи нельзя за это поручиться. „Впрочемъ — прибавляетъ онъ — можетъ быть, къ счастію для остальной Европы, здѣсь все еще пріобрѣтеніе земель считаютъ за пріобрѣтеніе силы“.

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ГОДОВЪ XVIII СТОЛѢТІЯ. *)

Во второй половинѣ 1796 года физическія силы императрицы Екатерины быстро начали упадать. Въ августѣ и сентябрѣ этого года гостилъ въ Петербургѣ молодой шведскій король Густавъ VI, шли переговоры о его бракѣ съ великою княжною Александрою Павловной, внучкою императрицы. Цѣлыя шесть недѣль продолжался непрерывный рядъ увеселеній. Постоянно присутствуя на празднествахъ, которыя давались во дворцѣ или въ домахъ петербургскихъ вельможъ, императрица подвергала себя сильному утомленію. Парадные выходы въ то время стоили ей значительнаго напряженія, тѣмъ болѣе, что она хотѣла являться обществу такою же бодрою, величественною, какъ и прежде, и никогда не соглашалась прибѣгать къ носилкамъ для того, чтобы подниматься на лѣстницу. Нѣкоторые вельможи, зная какъ трудно было Екатеринѣ всходить по ступенямъ, съ утонченною предупредительностью старались устранить это неудобство; на тѣ дни, когда имъ приходилось давать у себя праздникъ для шведскаго короля, они съ большими издержками превращали свои лѣстницы въ едва замѣтную отлогость, которую покрывали мягкими коврами. Въ послѣдніе годы своей жизни Екатерина очень пополнѣла; ноги у нея часто опухали. Знаменитый корсаръ Ламбро Каццони, который служилъ Русскимъ во время ихъ экспедиціи въ Архипелагъ, а теперь занималъ мѣсто придворнаго шута, увѣрялъ императрицу, что знаетъ отличное средство лѣчить ноги. Онъ уговорилъ ее ежедневно брать холодныя ванны изъ морской воды, за которою самъ ѣздилъ на Финскій заливъ. Сначала это средство помогло, и Екатерина благосклонно улыбалась шуткамъ Ламбро, который не пропускалъ случая подтрунить надъ лейбъ-медиками ея величества. Но вскорѣ болѣзнь въ ногахъ опять усилилась, тому много способствовало утомленіе во время упомянутыхъ празднествъ. Къ физическимъ недугамъ присоединилось и сильное душевное огорченіе, которое причинилъ императрицѣ неожиданный разрывъ съ королемъ шведскимъ. Вотъ какъ это случилось.

Вечеромъ 10 сентября должно было совершиться торжественное обрученіе Густава IV съ великою княжною. Въ назначенное время весь дворъ собрался въ тронную залу. Около 7 часовъ явилась молоденькая

*) Атеней. 1859. № 7. Масонъ, авторъ французскихъ записокъ (Mémoires Secr. sur la Russie), изъ которыхъ заимствовали этотъ отрывокъ, состоялъ нѣкоторое время при вел. кн. Александрѣ Павловичѣ, и былъ Павломъ I изгнанъ изъ Россіи.

княжна (ей было только 14 лѣтъ), одѣтая какъ невѣста, окруженная младшими сестрами, братьями, множествомъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ. Тутъ же находился и родитель невѣсты, его высочество Павелъ Петровичъ, который для этого торжества, вмѣстѣ съ своею супругою, прибылъ изъ Гатчины. Сама императрица присутствовала здѣсь во всемъ блескѣ и величіи своего сана. Недоставало только юнаго жениха. Отсутствіе его было тотчасъ замѣчено; князь Зубовъ вышелъ изъ залы; пять минутъ спустя онъ воротился, потомъ опять ушелъ и опять воротился. Началось всеобщее безпокойство; въ особенности любопытство дамъ возросло до крайней степени. „Что такое случилось? шептали онѣ другъ другу: „Ужь не заболѣлъ ли король“? Любопытство вскорѣ уступило мѣсто негодованію. „Однако это съ его стороны очень нелюбезно, восклицали потихоньку дамы.—Онъ очень дерзокъ, заставляя ждать себя въ тронной залѣ при полномъ собраніи двора!“ Но ожидаемый король не являлся.

Причина его отсутствія была слѣдующая: въ 6 часовъ пріѣхалъ къ королю графъ Марковъ, извѣстный дипломатъ того времени, и привезъ свадебный контрактъ, статьи котораго были составлены имъ по соглашенію съ княземъ Зубовымъ. Въ силу этого контракта, будущая шведская королева сохраняла свое вѣроисповѣданіе; ей предоставлялось право имѣть при шведскомъ дворѣ для себя особую церковь и грекороссійское духовенство. Послѣднее условіе разстроило все дѣло. Густавъ не посягалъ на убѣжденія своей невѣсты, но онъ хотѣлъ, чтобы его супруга выполняла всѣ внѣшніе обряды протестантской религіи. Марковъ, видя рѣшительное упорство короля, поспѣшилъ съ этимъ непріятнымъ извѣстіемъ къ Зубову; спустя нѣсколько минутъ, онъ снова воротился и объявилъ Густаву, что весь русскій дворъ уже собрался и ожидаетъ его прибытія. Вслѣдъ за Марковымъ явился Безбородко, потомъ другіе дипломаты, которые общими силами убѣждали короля отложить свое упрямство и прекратить замѣшательство; къ нимъ присоединила свои просьбы и собственная свита Густава. Его дядя, герцогъ-регентъ, взялъ короля подъ руку, и, ходя по комнатѣ, началъ что-то говорить ему очень тихо; казалось, онъ убѣждалъ племянника уступить. Но послѣдній громко отвѣчалъ ему: „Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу! я не могу подписать!“ (При этомъ надо замѣтить, что впослѣдствіи именно коварнаго дядю и считали главнымъ виновникомъ разстройства.) Наконецъ утомленный жаркими спорами и увѣщаніями министровъ, король на отрѣзъ отказался подписать что-либо несогласное съ законами его государства, затѣмъ онъ ушелъ и заперся въ своемъ кабинетѣ.

Такимъ образомъ, благодаря неловкости Маркова и Зубова, которымъ императрица поручила вести переговоры о свадебныхъ условіяхъ, она принуждена была выдержать очень тягостную сцену. Цѣлые три часа Екатерина и весь ея дворъ оставались въ безпокойномъ ожиданіи. Наконецъ князь Зубовъ съ таинственнымъ видомъ приблизился къ императрицѣ и тихо объявилъ ей, что все уже кончено. Тогда, въ первый разъ, почувствовала она легкій припадокъ апоплексіи. Энергія и присутствіе духа однако не покидали Екатерину въ подобныхъ случаяхъ: на другой день, занимаясь текущими дѣлами, она сохраняла на своемъ лицѣ обычное выраженіе величія и спокойствія. Но усилія, которыхъ стоило это кажущееся спокойствіе, еще болѣе подрывали ея здоровье. Спустя восемь дней, уѣхалъ изъ Петербурга *маленькій король* (какъ его здѣсь называли), такъ дурно заплатившій русскому двору за всѣ его пиры и праздники.

Не лишнимъ считаю упомянуть здѣсь объ одномъ явленіи, которое случилось около того же времени и которое было принято за предзнаменованіе какого-то важнаго событія. Достовѣрность этого явленія не подлежитъ сомнѣнію, потому что его многіе замѣтили и весь городъ говорилъ объ немъ. Въ тотъ вечеръ, когда императрица вмѣстѣ съ королемъ ѣхали на балъ къ графу Самойлову, яркая падучая звѣзда пролетѣла надъ нею и опустилась въ Неву. Нѣкоторые изъ придворныхъ кавалеровъ, болѣе находчивые, тотчасъ открыли въ падучей звѣздѣ намекъ на скорый отъѣздъ въ Швецію молодой королевы; но другіе, болѣе мнительные люди, придавали этому метеору зловѣщій характеръ и съ таинственнымъ видомъ качали головою.

4 ноября Екатерина провела вечеръ въ *маломъ собраніи* и была въ этотъ разъ необыкновенно весела. За нѣсколько часовъ она получила извѣстіе изъ Любека, что республиканскій генералъ Моро принужденъ обратно перейти за Рейнъ. Самое извѣстіе сообщено было ей австрійскимъ посланникомъ графомъ Кобенцелемъ въ довольно оригинальной запискѣ *. Ея величество много забавлялась надъ своимъ оберъ-шталмейстеромъ (Л. А. Нарышкинымъ), покупая у него различныя бездѣлки, которыми онъ обыкновенно наполнялъ свои карманы и торговалъ въ видѣ разнощика. Оберъ-шталмейстеръ всегда обнаруживалъ сильный страхъ, когда ему случалось узнать о чьей-либо смерти; въ этотъ ве-

*) Эта записка показалась всѣмъ очень забавною, и въ то время копіи съ нея ходили по рукамъ. Вотъ ея содержаніе: „Je m'empresse d'annoncer à l'excellente Excellence que les excellentes troupes de l'excellente cour ont complétement battu les François". Кобенцель былъ извѣстный оригиналъ.

черъ императрица объявила ему о кончинѣ сардинскаго короля и много смѣялась надъ его испугомъ. Однако Екатерина ранѣе обыкновеннаго удалилась изъ общества, замѣтивъ, что отъ усерднаго смѣху у ней сдѣлался легкій припадокъ колотья.

На слѣдующее утро императрица встала въ обычное время, велѣла позвать князя Зубова и разговаривала съ нимъ нѣсколько минутъ. Потомъ началось представленіе секретарей по порядку и работа надъ бумагами. Когда послѣдній изъ нихъ хотѣлъ читать свой докладъ, императрица отослала его и приказала подождать во дворцѣ до тѣхъ поръ, пока не позоветъ его опять. Проходитъ часъ, другой; секретарь тщетно ожидаетъ доклада. Наконецъ камердинеръ императрицы, которому это ожиданіе показалось слишкомъ долгимъ, а тишина въ ея кабинетѣ подозрительною, отворилъ дверь и съ ужасомъ увидѣлъ Екатерину распростертою на полу.

Она была безъ чувствъ и движенія. Во дворцѣ произошло необыкновенное смятеніе. Тотчасъ послали за княземъ Зубовымъ и докторами; отворили кровь; испытали всѣ средства, которыя употребляются въ случаѣ апоплексіи; ничто не помогло. Екатерина еще была жива и пульсъ продолжалъ биться; но она не двигалась ни однимъ членомъ. Зубовъ созвалъ графа Салтыкова, Безбородко и нѣкоторыхъ другихъ приближенныхъ людей. Каждый изъ нихъ не придумалъ ничего иного, какъ немедленно отправить отъ себя курьера въ Гатчину, гдѣ въ то время жилъ его высочество великій князь Павелъ Петровичъ. Зубовъ послалъ своего брата. До шести курьеровъ почти въ одно время прискакали въ Гатчину; но не нашли тамъ великаго князя. Онъ со всѣмъ своимъ дворомъ поѣхалъ за нѣсколько верстъ на одну мельницу, которая строилась по его приказанію. Получивъ неожиданное извѣстіе, Павелъ тотчасъ распорядился своимъ отъѣздомъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вмѣстѣ съ своею супругою отправился въ Петербургъ съ такою быстротой, что разстояніе въ 12 часовъ обыкновенной ѣзды проѣхалъ въ 3 часа, и къ вечеру прибылъ въ столицу, которую нашелъ въ чрезвычайномъ замѣшательствѣ и недоумѣніи.

Съ пріѣздомъ новаго императора порядокъ началъ быстро возстановляться. Павелъ, со всѣмъ царскимъ семействомъ, вошелъ въ комнату своей матери. Екатерина продолжала оставаться въ томъ же неподвижномъ состояніи. Великій князь Александръ Павловичъ, его супруга и сестры заливались слезами и составляли очень трогательную группу возлѣ постели умирающей. Великія княжны, придворныя дамы и кавалеры цѣлую ночь не покидали этой комнаты, ожидая рѣшительной

минуты. Время отъ времени входилъ сюда императоръ съ великими князьями. Въ томъ же томительномъ ожиданіи прошелъ и слѣдующій день.

Между тѣмъ дворецъ мало-по-малу наполнялся офицерами, которые прибыли изъ Гатчины и которые, какъ покроемъ своихъ мундировъ, такъ и манерами своими, рѣзко отличались отъ придворныхъ Екатерины II. Сильная печаль и уныніе изображались на лицахъ старыхъ вельможъ; блѣдные, съ поникшими головами, они бродили по заламъ дворца и тихо разъѣзжались по домамъ, уступая свое мѣсто новымъ людямъ. Фрейлины и молодые кавалеры оплакивали тѣ счастливые вечера, которые они проводили въ такъ-называемыхъ малыхъ собраніяхъ. На этихъ вечерахъ господствовала полная свобода въ обращеніи; императрица всегда была душою общества; здѣсь ея любезность и блестящее остроуміе разливали вокругъ дружеское веселое настроеніе. Молодежь сравнивала минувшее время съ тѣмъ строгимъ этикетомъ, который долженъ былъ наступить теперь при дворѣ, и потихоньку испускала глубокіе вздохи. Между тѣмъ безчисленное множество каретъ тѣснилось около дворца и запрудило всѣ улицы, ведущія къ нему. Всякій, кто только имѣлъ знакомыхъ между придворными, проводилъ тутъ цѣлый день въ ожиданіи новыхъ извѣстій. На городскихъ заставахъ была усилена стража, выѣздъ изъ столицы запрещенъ.

Около 10 часовъ вечера, Екатерина II скончалась послѣ тридцатисемичасовой тихой агоніи. Супруга Павла Петровича и его дѣти первыя поверглись къ стопамъ новаго императора и присягнули ему какъ вѣрноподданные. Онъ поднялъ ихъ и поцѣловалъ съ родительскою нѣжностью. Затѣмъ подходили присутствовавшіе при этомъ генералы и начальники разныхъ отраслей управленія; они становились на колѣна и произносили обычную клятву въ вѣрности. Присягнулъ отрядъ гвардіи, выстроенной передъ дворцомъ, а также тѣ офицеры и солдаты, которые поспѣшно прибыли изъ Павловска и Гатчины. Потомъ гражданскіе начальники разъѣхались по присутственнымъ мѣстамъ для того, чтобы выслушать присягу отъ своихъ подчиненныхъ. Самъ императоръ явился въ сенатъ и лично присутствовалъ при этомъ торжественномъ обрядѣ. Въ такой дѣятельности прошла достопамятная ночь съ 6 на 7-е ноября; все совершалось въ строгомъ порядкѣ и безъ малѣйшаго замѣшательства.

Первыя распоряженія императора показали, что онъ въ своемъ уединеніи зорко слѣдилъ за теченіемъ событій и въ продолженіи тридцати лѣтъ обдумывалъ свои будущія мѣры. Множество указовъ и учрежденій оказалось у него въ запасѣ, и онъ съ удивительною быстротой

началъ приводить ихъ въ дѣйствіе. До сихъ поръ Павелъ былъ разлученъ съ своими сыновьями, которые воспитывались подъ непосредственнымъ надзоромъ Екатерины. Теперь онъ не хотѣлъ разставаться съ ними, и каждому поручилъ начальство надъ гвардейскимъ полкомъ, а старшаго, Александра Павловича, назначилъ генералъ-губернаторомъ Петербурга,— должность весьма важная; она заставляла великаго князя всегда находиться подлѣ своего отца.

Поступокъ императора съ княземъ Зубовымъ былъ примѣромъ истиннаго великодушія. Казалось, Павелъ былъ тронутъ его отчаяніемъ, его преданностью Екатеринѣ; въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ онъ утвердилъ Зубова во всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ. „Ступайте и исполняйте свои обязанности при гробѣ моей матери, заключилъ императоръ,—я надѣюсь, что вы будете мнѣ служить такъ же вѣрно, какъ служили ей“.

Министры и начальники департаментовъ были также оставлены при своихъ должностяхъ; болѣе видные изъ нихъ позваны во дворецъ и осыпаны новыми знаками высочайшаго вниманія. Впрочемъ, административныя распоряженія и личныя перемѣны почти ежечасно слѣдовали другъ за другомъ; того постигало справедливое наказаніе, другой получалъ заслуженную награду.

Въ особенности замѣчательны двѣ политическія мѣры новаго императора, которыя заставляли думать о его миролюбивыхъ намѣреніяхъ и его уваженіи къ защитникамъ національной независимости *.

Въ послѣднее время своей жизни Екатерина рѣшилась наконецъ энергически дѣйствовать противъ Французской революціи, поддержать Австрію и заставить Пруссію присоединиться къ коаліціи. Съ этою цѣлью объявленъ былъ новый наборъ войска во 100,000 человѣкъ. Но такъ какъ государственная казна была истощена, а количество ассигнацій возросло до огромныхъ размѣровъ, то Екатерина приказала возвысить на 100 процентовъ цѣнность звонкой монеты, чтобы разомъ удвоить сумму наличныхъ денегъ. Павелъ тотчасъ отмѣнилъ оба распоряженія, которыя уже начали приводиться въ исполненіе. Въ тоже время онъ отказался отъ субсидій, которыя Англія обязалась платить русскому правительству по недавно заключенному трактату; будучи главою великой имперіи, Павелъ считалъ несовмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ

---

*) Впрочемъ, авторъ Записокъ склоняется болѣе на сторону того мнѣнія, которое видитъ во всемъ этомъ одно отрицаніе предыдущаго царствованія.

продавать лорду Питту русскую кровь, какъ продавали кровь своихъ подданныхъ мелкіе нѣмецкіе государи.

Второю мѣрою было освобожденіе Поляковъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войны 1794 года и заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Въ числѣ ихъ находился и знаменитый Костюшко, котораго называли послѣднимъ сыномъ Польши подобно тому, какъ Филопоменъ былъ названъ послѣднимъ Грекомъ. Павелъ въ этомъ случаѣ выказалъ вполнѣ рыцарское великодушіе: онъ самъ объявилъ Костюшко о дарованной ему свободѣ. Интересна была сцена ихъ свиданія, когда герой, еще неоправившійся отъ ранъ и отъ своихъ моральныхъ страданій, появился во дворцѣ и приблизился къ августѣйшей четѣ для того, чтобы высказать ей признательность за свое освобожденіе. Онъ былъ небольшого роста, очень худъ и блѣденъ; повязка на головѣ совершенно закрывала его лобъ; но его лицо и особенно глаза были необыкновенно выразительны. Отказавшись отъ крестьянъ, которыхъ ему предложили, Костюшко получилъ значительную сумму денегъ и отправился за границу мирно доживать свой вѣкъ.

Эти двѣ мѣры новаго императора произвели на всѣхъ очень пріятное впечатлѣніе.

ИЗЪ XIX СТОЛѢТІЯ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОМИНКА

О М. Н. КАТКОВѢ.

ПОСЛѢ РАЗДѢЛА *).

Żywot Tomasza Ostrowskiego. Paryż, 1836.
Pamiętniki Józefa Wybickiego. Poznań, 1840.

Въ 1795 году, какъ извѣстно, прекратилось самобытное существованіе Рѣчи Посполитой; земли ея окончательно раздѣлены между тремя сосѣдними державами. Безъ сомнѣнія, вслѣдъ затѣмъ возникаетъ интересный вопросъ: въ какомъ относительномъ положеніи очутились эти части раздѣленной территоріи, и каковы были сравнительно системы трехъ новыхъ правительствъ? Польская историческая литература конца прошлаго столѣтія и начала настоящаго довольно богата мемуарами и біографическими очерками; взятые всѣ вмѣстѣ, они представляютъ значительный запасъ матеріаловъ для характеристики эпохи. Между такими матеріалами видное мѣсто занимаетъ *Жизнь Томаша Островскаго.* Этотъ Островскій былъ одинъ изъ уважаемыхъ вельможъ въ эпоху паденія и нѣкоторое время занималъ должность короннаго подскарбія (т.-е. министра финансовъ); впослѣдствіи онъ сдѣланъ сенаторомъ вновь учрежденнаго Царства Польскаго, и умеръ въ 1817 году. Сынъ его составилъ довольно пространную біографію отца, въ которой много мѣста посвятилъ общепольскимъ событіямъ и интересамъ. Надобно отдать справедливость автору: по оцѣнкѣ лицъ и событій онъ принадлежитъ къ числу наименѣе пристрастныхъ писателей между своими соотечественниками этой эпохи. Въ книгѣ есть между прочимъ небольшая глава (*Epoka porozbiorowa od 1795 do 1806*), гдѣ авторъ бросаетъ сравнительный взглядъ на правительственную систему, которая водворилась въ разныхъ частяхъ бывшаго Польскаго королевства непосредственно за его раздѣломъ. Приведемъ наиболѣе существенныя черты изъ этого сравненія.

Двѣ нѣмецкія державы постарались немедленно ввести въ пріобрѣ-

*) „Русскій Вѣстникъ“, 1864, мартъ.

тенныя провинціи свою администрацію, свое законодательство и употребляли всѣ способы уничтожить слѣды прежней самобытности. Пруссаки навязали свой *ландрехтъ*, Австрійцы свои *кодексы*; послѣдніе наслали *капитанъ-исправниковъ* (starostów cyrcularnych), а первые *ландратовъ*, *криґсратовъ* и *регирунґсратовъ*. Все это по большей части были люди неимущіе и жаждущіе управлять. Чиновники-пролетаріи съ чемоданчиками на плечахъ, тощіе и жалкіе, толпами прибывали изъ старыхъ нѣмецкихъ провинцій; но вскорѣ тучнѣли на польскомъ хлѣбѣ, обзаводились экипажами, домами, имѣніями. Одна только Россія въ своихъ новыхъ провинціяхъ оставила не малую долю изъ прежнихъ формъ администраціи, Литовскій статутъ и даже до нѣкоторой степени выборныхъ судей и земскихъ чиновниковъ; оставила неприкосновенными языкъ и старые обычаи. Такая система, конечно, смягчала горькое воспоминаніе о потерянной самобытности *). Но патріоты польскіе, особенно молодежь, нисколько не думали помириться съ судьбою Польши. Всѣ ихъ вздохи и надежды обратились къ западу, къ республиканской Франціи; каждый думалъ, что оттуда только и можетъ притти къ нимъ помощь и освобожденіе. Трудно сказать, гдѣ французскія побѣды и Бонапартовы тріумфы возбуждали болѣе энтузіазма—во Франціи или въ Польшѣ. Такая симпатія къ Французамъ, разумѣется, вызывала новыя мѣры строгости со стороны нѣмецкихъ правительствъ и новыя старанія подавить польскую національность. Поляки платили имъ за это глубокою ненавистью; Нѣмцы, однако, не смущались ею, и при помощи своей фискальной системы искусно стремились къ цѣли. Самымъ умѣреннымъ и въ этомъ отношеніи показало себя правительство русское: оно даже умѣло привязать къ себѣ часть шляхты. Вообще шляхетскому сословію выгоднѣе всего было находиться подъ «московскимъ» абсолютнымъ правленіемъ; шляхта не платила здѣсь никакихъ податей, и могла попрежнему свободно распоряжаться своими крѣпостными крестьянами. Такою свободой подъ прусскимъ и австрійскимъ правленіемъ она уже не пользовалась.

Самымъ экономнымъ и самымъ попечительнымъ о сельскомъ хозяйствѣ правительствомъ было прусское. Земли въ пріобрѣтенныхъ имъ провинціяхъ быстро поднялись въ цѣнѣ. Пруссаки принялись онѣмечивать эти провинціи самымъ радикальнымъ образомъ: на казенныя земли они

*) Не забудемъ, что екатерининскія пріобрѣтенія почти не коснулись чисто польскихъ провинцій; большая часть настоящаго Царства Польскаго съ городомъ Варшавой отошла въ то время къ Пруссіи, а меньшая часть его къ Австріи. Слѣдовательно упомянутая система прилагалась собственно къ Бѣлой и Малой Руси.

высылали многочисленныхъ нѣмецкихъ колонистовъ; поощряли шляхетскую эмиграцію, скупая у помѣщиковъ имѣнія за весьма сходную цѣну, и, конечно, эти имѣнія навсегда уже переходили въ нѣмецкія руки. Съ вырученными за нихъ деньгами шляхта легкомысленно переселялась на житье за границу или стремилась въ ряды французскихъ войскъ. Еще болѣе важныхъ результатовъ надобно было ожидать отъ прусской ипотечной системы. Она была введена въ такомъ видѣ, что землевладѣльцамъ представилась возможность закладывать имѣнія на очень выгодныхъ условіяхъ, т.-е. они получали ссуду по высокой земельной оцѣнкѣ, а проценты платили очень небольшіе. Недальновидные Поляки конечно не замедлили воспользоваться этими выгодами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Ссуда, какъ и слѣдовало ожидать, пошла у нихъ не на улучшеніе земледѣлія, а на поѣздки въ столичные города, на дорогія помѣщичьи постройки, красивыя аллеи и т. п. Конечно, край не мало выигралъ отъ этихъ украшеній и, главное, отъ прилива большихъ денежныхъ суммъ, оживившихъ промышленность; но польскому помѣщичьему элементу грозила страшная *экспропріація*, когда приблизилось время уплаты. Къ счастію для него, въ 1806 году Пруссія подвергалась сильнымъ ударамъ со стороны Наполеона, и, происшедшее вслѣдъ затѣмъ отдѣленіе отъ нея Варшавскаго герцогства спасло очень многихъ Поляковъ отъ этой экспропріаціи. Въ австрійскихъ же владѣніяхъ польскіе землевладѣльцы потерпѣли сильные убытки отъ колебаній въ курсѣ бумажныхъ денегъ; въ Галиціи также не мало земель перешло къ Нѣмцамъ.

Что касается до свободы личности и свободы умственной, — въ этомъ отношеніи лучше другихъ было положеніе Поляковъ прусскихъ. Въ Пруссіи свобода эта наименѣе подвергалась преслѣдованіямъ: за проступки противъ общественнаго спокойствія Пруссаки наказывали преимущественно денежнымъ штрафомъ. Строже наказывались политическіе проступки въ Россіи, еще строже въ Австріи, гдѣ аресты были очень часты и гдѣ политическія мечты обыкновенно хоронились въ стѣнахъ мрачнаго Шпильберга. Поэтому либеральная часть молодежи,—особенно поэты и литераторы, изъ всѣхъ частей Польши стремилась въ Варшаву. У Пруссаковъ не было такой строгой цензуры какъ въ сосѣднихъ державахъ, и Варшава, потерявъ значеніе государственнаго центра, продолжала служить средоточіемъ польской умственной жизни. Въ 1801 г. здѣсь даже образовалось особое патріотическое «Общество любителей наукъ» съ цѣлью распространять просвѣщеніе и охранять чистоту польскаго языка. Нерѣдко и отцы семействъ съ большими убытками пере-

селялись изъ русскихъ и австрійскихъ провинцій въ Варшаву, чтобы воспитывать своихъ дѣтей въ національномъ духѣ. Отсутствіемъ польскихъ высшихъ учебныхъ заведеній страдала особенно Галиція. Недостатокъ элементарнаго образованія, какъ и прежде, былъ ощутителенъ во всѣхъ польскихъ земляхъ и по преимуществу въ провинціяхъ, отошедшихъ къ Россіи; но здѣсь нѣсколько позднѣе начали свою дѣятельность Ѳадей Чацкій и Адамъ Чарторыйскій, которые ловко сумѣли воспользоваться личнымъ расположеніемъ императора Александра для поддержанія и размноженія польско-католическихъ школъ въ западной Руси.

По увѣренію автора *Жизни Островскаго*, въ польской цивилизаціи было такъ много упругости и симпатіи, что въ Варшавѣ и другихъ большихъ городахъ прусскіе чиновники мало-по-малу теряли свою природную грубоватость, становились мягче, живѣе и чуть-чуть не обращались въ чистыхъ поляковъ.

Богатымъ панамъ, которымъ было на что подкупать губернаторовъ, засѣдателей и т. п., которые могли предпринимать поѣздки въ Петербургъ, доходить тамъ до высшихъ инстанцій и проигрывать въ карты вліятельнымъ особамъ, такимъ панамъ лучше всѣхъ было въ русскомъ подданствѣ. Наиболѣе значительные магнаты-землевладѣльцы преимущественно достались на долю Россіи (потому что самыя обширныя помѣстья находились въ Малой и Бѣлой Руси, которыя авторъ, конечно, считаетъ такою же Польшей какъ и прочія части). Многіе изъ нихъ вступили въ число русскихъ сенаторовъ, получили доступъ ко двору, были осыпаны чинами и орденами. Но положеніе дробной или чиншевой шляхты было здѣсь самое худшее; поэтому въ ней болѣе сохранилось воспоминаній о самобытности и слѣдовательно болѣе элементовъ для возстанія; впрочемъ и въ средѣ помѣщиковъ никогда не было недостатка въ патріотахъ (т.-е. въ недовольныхъ). Въ австрійскомъ отдѣлѣ богатому пану также было не дурно, потому что администрація и судопроизводство и тамъ не отличались неподкупностью. Магнаты пользовались ласкою при дворѣ; имъ щедро раздавали графскіе и баронскіе титулы (впрочемъ за деньги); а веселая столичная жизнь многихъ изъ нихъ заставляла проживать въ Вѣнѣ доходы своихъ имѣній. Зато надобно отдать справедливость австрійскому правительству за его старанія облегчить крестьянское сословіе отъ помѣщичьяго произвола, за опредѣленіе и уравненіе крестьянскихъ повинностей и контроль надъ мѣстнымъ управленіемъ; здѣсь и простой хлопъ могъ дойти съ своею жалобой до трона. Въ Галиціи, гдѣ помѣщики сохраняли еще право суда надъ крестьянами, часто возникали между ними ссоры. Случалось

даже, что само правительство иногда тайно поощряло мѣстные бунты крестьянъ противъ помѣщиковъ; а потомъ, когда паны получали достаточную острастку, администрація мѣрами строгости водворяла спокойствіе между крестьянами. Мелкія полицейскія придирки и бремя многочисленныхъ податей, падавшихъ на всѣ сословія, составляли неизбѣжныя черты австрійской администраціи.

Что же сказать вообще о положеніи польскихъ земель въ двѣнадцатилѣтнюю эпоху отъ послѣдняго раздѣла до образованія Варшавскаго герцогства? Въ общей сложности эти земли сдѣлали значительный шагъ впередъ относительно своего благосостоянія, потому что мѣсто анархіи, которою отличались послѣднія времена Рѣчи Посполитой, заступили твердыя правительства, а съ ними порядокъ и спокойствіе. Сбытъ сельско-хозяйственныхъ произведеній усилился во всѣ стороны; владѣющая шляхта успѣла скопить кое-какіе капиталы; подросло новое поколѣніе, воспитавшееся подъ вліяніемъ французскихъ революціонныхъ идей и горячихъ надеждъ на Бонапарта.

Извѣстно, въ какой степени оправдались эти надежды. Во время войны Наполеона съ Пруссіей и Россіей въ 1806—1807 гг. прусская часть Польши, увлеченная обѣщаніями возвратить независимость, выставила значительныя силы на помощь Французамъ и принесла огромныя пожертвованія различными припасами для французской арміи. Довѣрчивая шляхта ожидала отъ побѣдителя ни болѣе ни менѣе какъ возстановленія Польскаго королевства въ границахъ 1772 года, и, разумѣется, была очень недовольна, когда дѣло окончилось только учрежденіемъ Варшавскаго герцогства, поставленнаго подъ верховную власть Саксонскаго короля. Наполеонъ самъ импровизовалъ конституцію для этого герцогства. Интересный разсказъ о томъ находимъ мы въ мемуарахъ Выбицкаго, одного изъ современниковъ Томаша Островскаго. Выбицкій былъ тогда членомъ правительственной коммиссіи, которую учредилъ Наполеонъ для польскихъ провинцій, отнятыхъ у Пруссіи. Услугами по администраціи этихъ провинцій, по изданію польскихъ прокламацій и доставкѣ провіанта, Выбицкій заслужилъ особое расположеніе французскаго императора.

Послѣ Тильзитскаго міра Наполеонъ отправился въ Дрезденъ. Проѣзжая черезъ Польшу, онъ нигдѣ не останавливался, потому что хорошо зналъ о неудовольствіи Поляковъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ вызвалъ къ себѣ правительственную коммиссію, чтобы вручить ей новую польскую конституцію. Два члена коммиссіи, Выбицкій и Станиславъ Потоцкій, получили неофиціальное приглашеніе прибыть въ Дрезденъ прежде другихъ. Узнавъ о такомъ предпочтеніи, остальные члены приняли обиженный

видъ. Это предпочтеніе объясняется отчасти ихъ различнымъ отношеніемъ къ вопросу о конституціи. Президентъ коммиссіи, Малаховскій, настаивалъ на томъ, чтобы просить Наполеона о возстановленіи конституціи третьяго мая. (Это тотъ же Малаховскій, который былъ маршаломъ четырехлѣтняго сейма.) Большинство коммиссіи съ нимъ соглашалось. Но Выбицкій возражалъ, что теперь уже другія времена, что надобно ввести не шляхетское только, а народное представительство и отмѣнить крѣпостное право. Того же мнѣнія держался и Станиславъ Потоцкій.

Болѣзнь Потоцкаго помѣшала ему и Выбицкому пріѣхать въ Дрезденъ прежде своихъ товарищей. Когда коммиссія въ полномъ составѣ явилась во дворецъ, Наполеонъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ только двухъ упомянутыхъ членовъ, и встрѣтилъ ихъ выговоромъ за позднее прибытіе. Представивъ свои извиненія, Потоцкій и Выбицкій начали благодарить императора за его намѣреніе дать Полякамъ конституцію.

— Знаю,—сказалъ Бонапартъ,—Поляки недовольны тѣмъ, что получили только Варшавское герцогство; но я не могу жертвовать для васъ интересами Франціи.

Сановники повторили выраженіе признательности отъ имени цѣлаго народа. Наполеонъ взялъ шляпу и началъ мять ее въ своихъ рукахъ, приговаривая: «И все сломаю точно такъ же». (Вѣроятно, намекъ на тѣ державы, за которыми оставались другія польскія земли.)

— А что,—спросилъ онъ вдругъ,—есть у васъ какой-нибудь проектъ конституціи?

Потоцкій началъ читать проектъ, составленный правительственною коммиссіей послѣ многихъ споровъ и соглашеній. Но императоръ не дослушалъ до конца; объявилъ, что онъ дастъ Полякамъ иное представительство, и велѣлъ позвать герцога Бассано (Маре), чтобы продиктовать ему свою конституцію. Выбицкій и Потоцкій доложили, что въ сосѣднемъ покоѣ дожидается президентъ коммиссіи съ другими ея членами. Императоръ велѣлъ тотчасъ же ихъ позвать, и очень нелюбезно началъ журить Поляковъ за ихъ внутреннія несогласія и наклонность къ анархіи.

— Прежде всего отмѣню у васъ крѣпостное право,—закончилъ онъ,—и дамъ вамъ представительное правленіе подъ скипетромъ Саксонской династіи.

Вслѣдъ за этими словами Наполеонъ принялся диктовать конституцію Варшавскаго герцогства (отъ 22-го іюля 1807 г.). Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и диктовалъ такъ скоро, что герцогъ Бассано

едва успѣвалъ сокращенно записывать его слова. Изрѣдка онъ обращался къ членамъ коммиссіи и спрашивалъ, довольны ли они; разумѣется, всѣ оказывались чрезвычайно довольны, и низко кланялись. Во шелъ Талейранъ; Наполеонъ съ большимъ удовольствіемъ сообщилъ ему, что онъ навѣки уничтожилъ въ Польшѣ рабство и что этотъ подвигъ пріятнѣе ему всѣхъ его побѣдъ. Когда же одинъ изъ камергеровъ доложилъ о прибытіи короля вестфальскаго (Жерома): «пусть подождетъ!» крикнулъ на него Бонапартъ.

Диктованіе конституціи продолжалось менѣе часа, и пункты ея были набросаны въ безпорядкѣ. Приведеніе ихъ въ порядокъ поручено тому же герцогу Бассано. Потомъ Наполеонъ вышелъ въ залу, гдѣ давалъ аудіенціи. Здѣсь онъ представилъ членовъ правительственной коммиссіи саксонскому королю, какъ ихъ новому государю, при чемъ, снова пожуривъ Поляковъ за ихъ безпорядки, погрозилъ имъ неизбѣжною анархіей и потерей конституціи, если они возвратятся къ старымъ привычкамъ.

Когда члены коммиссіи откланивались императору, онъ подозвалъ къ себѣ Потоцкаго и Выбицкаго и сказалъ имъ: «Знаю, что этотъ король не по васъ: не воинъ; но его пожелали сосѣди, и вы сами выбрали его на послѣднемъ сеймѣ» (въ 1791 году).

ИЗЪ ПОЛЬСКАГО БЫТА *).

Wincenty Wilczek i pięciu jego synów. Wspomnienia z drugiej połowy ośmnastego i początku dziewiętnastego stolecia, przez Bonawenturę z Kochanowa. Poznań, 1859. Винценты Вильчекъ и пять его сыновей. Воспоминанія изъ второй половины XVIII и начала XIX вѣка. Соч. Бонавентуры изъ Коханова.

«Воспоминанія» Бонавентуры не представляютъ мемуаровъ въ строгомъ смыслѣ слова. Авторъ самъ говоритъ въ предисловіи, что онъ имѣлъ въ виду составить очерки изъ близкаго прошедшаго Польши. Для этого онъ пользовался всѣмъ, чѣмъ могъ, а именно: собственными воспоминаніями и наблюденіями, разсказами старыхъ людей и изданными историческими матеріалами. Винценты Вильчекъ далеко не играетъ тутъ исключительной роли; его имя стоитъ въ заглавіи книги, потому что его разсказы послужили для нея однимъ изъ главныхъ источ-

*) „С.-Петерб. Вѣдомости“. 1863. № 84.

никовъ, и около его личности авторъ часто группируетъ свои историческіе и бытовые очерки. Судьба Вильчка сама по себѣ оригинальна и подернута какимъ-то мистическимъ элементомъ. Онъ воспитался въ домѣ богатой, знатной пани Урсулы Велепольской, бѣжалъ изъ школы при началѣ Барской конфедераціи и сражался въ ея рядахъ до конца. Около этого времени одна цыганка предсказала молодому человѣку, что у него будетъ пять сыновей и всѣ они погибнутъ отъ пуль. Такъ впослѣдствіи и случилось. Четыре сына одинъ за другимъ пали въ войнахъ французской революціи и имперіи. Оставался пятый младшій сынъ. Онъ служилъ офицеромъ въ арміи Царства Польскаго, послѣ 1815 г., и подавалъ большія надежды; но застрѣлился однажды послѣ оскорбленія, полученнаго передъ фронтомъ (того оскорбленія, для котораго существуетъ извѣстный терминъ: *распекать*). Такимъ образомъ старый Вильчекъ пережилъ всѣхъ пять сыновей и умеръ на рукахъ дочери въ Краковѣ, въ 1836 г.

Политическая сторона «Воспоминаній» вообще слаба: авторъ очевидно не можетъ возвыситься надъ узкимъ, польско-шляхетскимъ воззрѣніемъ. Но у него можно найти характеристику многихъ дѣятелей, игравшихъ роль въ послѣднюю эпоху польской самобытности. Для насъ главный интересъ составляютъ его бытовые очерки, которые по преимуществу имѣлъ въ виду и самъ авторъ. Тутъ онъ даетъ полную волю своему краснорѣчивому перу, и часто рисуетъ передъ нами оживленныя картины. Эти картины проникнуты горячею симпатіей къ старо-польскому быту, и потому получаютъ сильный идиллическій оттѣнокъ. Подобный оттѣнокъ, надобно замѣтить, господствуетъ въ большей части польскихъ мемуаровъ (въ XVIII вѣкѣ менѣе, нежели въ XIX). Онъ даже господствуетъ и въ сочиненіяхъ лучшихъ польскихъ историковъ (напримѣръ Шайнохи). Явленіе очень понятное: утрата политической самобытности и недовольство настоящимъ усиливаютъ и безъ того естественную наклонность идеализовать прошедшее. Надобно имѣть значительный запасъ историческаго образованія и безпристрастія, чтобы не впасть въ эту идеализацію. Бонавентура, напримѣръ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» старается изобразить Урсулу Велепольскую идеальнымъ типомъ старинныхъ польскихъ матронъ, и съ любовью описываетъ ея домашнюю обстановку до мельчайшихъ подробностей, т. е.: онъ съ одинаковымъ умиленіемъ относится къ ея позолоченной мебели, къ толпѣ приживалокъ, къ гайдукамъ, украшеннымъ позументами, и къ прочей раболѣпной дворнѣ. Кліэнтизмъ бѣдной шляхты въ отношеніи къ богатой также въ его глазахъ совершенно нормальное явленіе. А что происходило

внѣ шляхетскаго круга, какъ жили низшіе классы общества, о томъ нѣтъ и помину или встрѣчаются кое-какія отрывочныя извѣстія, отзывающіяся полнымъ равнодушіемъ. Но все сказанное не помѣшаетъ намъ замѣтить, что общая наклонность польскихъ мемуаровъ къ идиллическимъ представленіямъ обнаруживаетъ, въ то же время, сильно развитую сторону чувства и дѣйствительную наклонность польскаго характера къ задушевнымъ патріархально-семейнымъ отношеніямъ. Эта черта почти всеславянская, которая въ будущемъ, при лучшихъ обстоятельствахъ цивилизаціи, безъ сомнѣнія, явится и въ болѣе облагороженныхъ, болѣе привлекательныхъ формахъ.

Чтобы познакомить ближе читателей съ содержаніемъ и характеромъ «Воспоминаній», я заимствую изъ нихъ два эпизода. Первый касается мѣстности, которая недавно играла значительную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ*); а второй передаетъ нѣкоторыя подробности о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи послѣ Березинской катастрофы.

I.

Пескова-Скала.

Замокъ Пескова-Скала встрѣчается въ актахъ еще въ 1315 году, и принадлежалъ тогда къ королевскимъ имѣніямъ. Король Людовикъ подарилъ его Петру Шафранцу; а когда родъ Шафранцевъ прекратился, замокъ перешелъ къ родственной имъ фамиліи Велепольскихъ. Въ 1761 году, т.-е. въ эпоху, о которой будетъ рѣчь, наслѣдственнымъ владѣльцемъ Песковской-Скалы былъ Гіеронимъ Велепольскій, великій коронный конюшій.

Была осенняя пора. Въ замкѣ происходили дѣятельныя приготовленія къ пиршеству; надъ кухней подымались густые клубы дыма; по двору суетилась прислуга, изъ погребовъ выносили вино; въ залѣ накрывали столы: панъ конюшій устроилъ въ этотъ день охоту для герцога курляндскаго Карла, сына Августа III.

Уже съ ранняго утра въ лѣсахъ, примыкающихъ къ Гродзискову, слышны были лай псовъ, охотничьи трубы и частые выстрѣлы. Отъ Песковой-Скалы до Ойцова тянется длинная, узкая долина, прорѣзанная русломъ Продника; по обѣимъ сторонамъ ея разбросаны обнаженныя скалы, между которыми темнѣютъ столѣтнія пихты съ своими внизъ опущенными вѣтвями. Часу во второмъ пополудни, въ этой долинѣ,

*) Напомню, что эта статья была написана въ 1863 г., во время польскаго мятежа.

по дорогѣ, извивающейся надъ самымъ берегомъ рѣки, къ Песковой-Скалѣ подвигалась маленькой рысью простая бричка. Въ ней, на связкѣ сѣна, прикрытаго ковромъ, сидѣлъ старикъ въ холстинной сермягѣ, подпоясанной ремнемъ; а обокъ съ нимъ — двѣнадцатилѣтній мальчикъ въ сѣромъ кафтанѣ и бѣлой конфедераткѣ съ чернымъ барашкомъ. Возница въ смуромъ зипунѣ, съ павлиньимъ перомъ, въ своей кармазинной рогатой шапкѣ, усердно погонялъ кнутомъ двухъ сивыхъ клячъ. Вдругъ собачій лай послышался недалеко отъ скалистаго берега. «Стой Бартекъ!» закричалъ старикъ; прежде нежели бричка остановилась, онъ уже выскочилъ изъ нея съ ружьемъ въ рукахъ, и, отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, притаился въ кустахъ. Въ эту минуту на крутомъ обрывѣ, выступавшемъ надъ самою дорогой, появился огромный олень и на мгновенье остановился въ раздумьѣ—броситься ли ему внизъ или повернуть назадъ, но раздался выстрѣлъ. Олень, пораженный прямо въ лобъ, скатился по каменистому обрыву и упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стрѣлка. Старикъ уложилъ оленя въ свою бричку и продолжалъ путь.

Пани конюшина Велепольская только что вошла въ столовую посмотрѣть, все ли въ порядкѣ, какъ слуга доложилъ ей о пріѣздѣ шляхтича съ письмами отъ старосты Трембовельскаго. Этотъ староста Трембовельскій былъ Михаилъ Потоцкій, родной отецъ пани Урсулы Велепольской. «Пусть войдетъ», отвѣчала она, и поспѣшила въ сосѣднюю комнату. Въ дверяхъ появился знакомый намъ старикъ; онъ низко поклонился и подалъ ясновельможной пани два запечатанныя письма. Между тѣмъ, какъ она со вниманіемъ читала письма, старикъ съ видомъ глубокаго почтенія ожидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Лицо его было изрыто морщинами и оттѣнено рубцами отъ сабельныхъ ударовъ, голова едва прикрыта остаткомъ сѣдыхъ волосъ, глаза имѣли грустное выраженіе. Подлѣ него стоялъ красивый голубоглазый, свѣтловолосый мальчикъ.

— Панъ Вильчекъ,—сказала хозяйка,—староста Трембовельскій, родитель мой и мой близкій родственникъ, воевода Бельзскій, пишутъ ко мнѣ о васъ и о вашемъ сынѣ. Отецъ вашей милости, какъ видно, потерпѣлъ обиды отъ пана гетмана Потоцкаго, человѣка очень благороднаго, но вспыльчиваго и слишкомъ довѣрчиваго къ своимъ приближеннымъ. Будь спокоенъ; я съ мужемъ постараюсь помочь вамъ сколько могу; только разскажи мнѣ въ короткихъ словахъ, чего отъ меня желаешь».

— Ясновельможная пани, началъ Вильчекъ, поглаживая свой сѣдой усъ, отецъ мой, по приказу пана гетмана, былъ выгнанъ изъ деревни, которою владѣлъ по залогу; цѣлую жизнь велъ съ нимъ процессъ, но

не только ничего не выигралъ, а напротивъ истратилъ и послѣднее имущество.—Затѣмъ Вильчекъ передалъ собственную исторію. Онъ вѣрой и правдой служилъ Станиславу Лещинскому и раздѣлялъ его изгнаніе; а послѣ вторичнаго избранія сражался за него подъ Данцигомъ. Отсюда воротился на родину, но не засталъ уже въ живыхъ отца и не нашелъ наслѣдственнаго имущества. Излѣчившись отъ ранъ, онъ женился, взялъ въ аренду деревеньку, а дѣла пошли было хорошо; но троекратный пожаръ его разорилъ.—При моихъ старыхъ лѣтахъ, добавилъ онъ, при моемъ здоровьѣ я проживу уже не долго; но не могу умереть спокойно, пока не устрою судьбу вотъ этого хлопца, который остался у меня одинъ изъ одиннадцати. Прошу ясновельможную пани, чтобъ она по милостивому ходатайству уважаемаго родителя, пана старосты Трембовельскаго, соблаговолила принять моего Вицусю (Винценты) къ своему двору—и взяла бы его подъ свое покровительство.

— Панъ Вильчекъ, отвѣчала конюшина, мужъ мой скоро воротится домой съ охоты, тогда я ему обо всемъ разскажу; а между тѣмъ за него и за себя обѣщаю вамъ взять вашего сына подъ свою опеку; я дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что считаю себя обязанною вознаградить васъ за неправду, причиненную моимъ родственникомъ.

Вильчекъ, растроганный до слезъ, обнялъ колѣни пани, а хлопецъ, по его приказанію, упалъ ей въ ноги. Велепольская подняла его, поцѣловала въ лобъ и пригласила пріѣзжихъ отдохнуть, пока воротятся охотники. Она хлопнула въ ладоши; вошелъ слуга.—«Проводите пана Вильчека съ сыномъ,—сказала она,—къ маршалку нашего двора; пусть онъ отведетъ имъ особый покой и дастъ все, что нужно».—«Приношу благодарность ясновельможной пани за всѣ ея милости,—отозвался Вильчекъ;—я попросилъ бы еще отпустить мнѣ одно прегрѣшеніе». Тутъ онъ разсказалъ свой случай съ оленемъ и поднесъ его въ даръ хозяйкѣ дома. Велепольская улыбнулась и протянула Вильчку руку, которую тотъ поцѣловалъ съ должнымъ почтеніемъ.

Солнце уже стало заходить, когда охота приблизилась къ замку. Наконецъ подъемный мостъ застучалъ подъ копытами коней, и веселая толпа охотниковъ въѣхала во дворъ. Панъ конюшій опередилъ ее, чтобы встрѣтить королевича у порога своего дома. Герцогъ курляндскій ѣхалъ въ обществѣ молодой Урсулы Дембинской, старостины Вольбромской, извѣстной своимъ умомъ, живостью и страстью къ охотѣ*). Ихъ

*) Урсула Дембинская, одна изъ богатѣйшихъ панъ въ Польшѣ, впослѣдствіи заправляла политикой цѣлаго краковскаго воеводства. Около 1794 г. выборы чиновниковъ и пословъ на Сеймъ происходили не иначе, какъ подъ ея вліяніемъ.

окружала свита изъ польскихъ пановъ. Хозяинъ подержалъ стремя королевичу; потомъ оба они поспѣшили на помощь къ пани Дембинской; но ловкая амазонка сама соскочила съ коня и быстро взбѣжала на сѣни. Гости разошлись по покоямъ, для нихъ приготовленнымъ; а спустя часъ, они начали собираться въ обширныхъ залахъ замка. Своими нюренбергскими шкапами, украшенными богатою рѣзьбой, массивными столами чернаго дерева, креслами, обитыми позолоченною испанскою кожей, и всѣмъ своимъ убранствомъ эти залы напоминали времена Сигизмундовъ.

Пани конюшина принимала гостей съ обычною привѣтливостью, окруженная степенными матронами и молоденькими женщинами. Герцогъ вошелъ въ изысканномъ придворномъ костюмѣ; за нимъ слуги внесли охотничью добычу: четырехъ кабановъ, шесть оленей и нѣсколько сернъ. Онъ поцѣловалъ руку хозяйки и просилъ позволенія положить къ ея ногамъ свои трофеи. Велепольская благодарила его герцогскую милость и, съ своей стороны, также просила его передать ея собственную добычу герцогинѣ курляндской Францискѣ. Въ эту минуту, по данному знаку, два гайдука внесли огромнаго оленя. Разумѣется, олень тотчасъ сдѣлался предметомъ удивленія и вопросовъ. Королевичъ непреминулъ замѣтить, что пани старостина Вольбромская нашла себѣ превосходную соперницу по части охоты въ пани конюшинѣ. Бойкая старостина объяснила причину своихъ неудачныхъ выстрѣловъ въ этотъ день тѣмъ, что герцогъ не отступалъ отъ нея ни на шагъ. «Было время,—отозвался Карлъ,—когда выстрѣлы твои, пущенные изъ черныхъ глазъ, не пролетали мимо цѣли».—Совѣтую вашей герцогской милости быть болѣе осторожнымъ,—вмѣшалась строгая хозяйка,—чтобы герцогиня Франциска о томъ не узнала». Между тѣмъ случай съ олепемъ объяснился. Хозяинъ, предупрежденный обо всемъ женою, представилъ герцогу стараго Вильчка. Герцогъ обошелся ласково съ бывшимъ сторонникомъ Станислава Лещинскаго, а слѣдовательно врагомъ своей фамиліи, и снисходительно обѣщалъ ему свое покровительство.

Королевичъ Карлъ, надо замѣтить, около этого времени вступилъ въ тайный бракъ съ Франциской Красинской. Отецъ его Августъ III или, скорѣе, любимецъ послѣдняго, графъ Брюль, ни за что не хотѣлъ

На Прошовицкихъ Сеймикахъ она обыкновенно роскошно угощала шляхту, и тогда говорилось: „пойдемъ обѣдать къ старостинѣ Вольбромской“, какъ теперь говорятъ: „пойдемъ обѣдать въ такой-то отель“. Небольшого роста, съ довольно суровыми чертами лица, она внушала къ себѣ невольное почтеніе и даже страхъ (Pamiętniki Sabiny).

признать такой неравный бракъ. И потому разговоръ о Франциске, который завязала хозяйка, навѣялъ нѣкоторую тѣнь на лицо Карла. Замѣтивъ это, Велепольская поспѣшила ввести герцога въ гостиную, гдѣ видъ хорошенькихъ женщинъ скоро прояснилъ его чело и пробудилъ его обычное влеченіе къ прекрасному полу. Онъ былъ достойный внукъ Августа II.

Растворились двери столовой и послышались звуки домашняго оркестра; герцогъ курляндскій повелъ хозяйку дома, а за ними потянулось все общество. Столовая представляла продолговатый покой съ высокимъ закругленнымъ сводомъ и освѣщалась только тремя окнами. Между ними помѣщались два огромныхъ шкапа чернаго дерева съ стеклянными дверцами, блиставшими грудами старинаго серебра съ фамильными гербами Велепольскихъ, Шафранцевъ, Зебжидовскихъ и Потоцкихъ: тутъ собраны были разнообразные мисы, лохани, кружки, кубки и т. п. Надъ дверями красовался бѣлый конь на красномъ полѣ — гербъ Велепольскихъ. По стѣнамъ развѣшаны были большіе рога зубровъ, лосей и оленей, внутри оправленные серебромъ; такіе рога носили нѣмецкое названіе «вилькоменовъ»; изъ нихъ пили тосты за здоровье почетныхъ гостей. Кромѣ того, на стѣнахъ висѣли портреты трехъ королей во весь ростъ: Яна Собѣсскаго, Августа II и Августа III. Пиръ былъ очень оживленъ; тосты слѣдовали быстро одинъ за другимъ, и безпрерывно раздавались виваты за здоровье короля, Рѣчи Посполитой, королевича Карла, дамъ, хозяевъ дома и пр. Эти виваты сопровождались звуками трубъ и литавръ. Въ числѣ другихъ винъ тутъ маленькими кубками разносили и славное на цѣлую Польшу венгерское вино, полученное Велепольскими по наслѣдству отъ Шафранцевъ и извѣстное подъ названіемъ «попелевой мышки» *).

Послѣ стола общество воротилось въ гостинную. Хозяинъ пригласилъ его подойти къ окнамъ, изъ которыхъ открывался живописный видъ. На другой сторонѣ Продника рисовался охотничій таборъ, освѣщенный ярко горѣвшими кострами; стрѣлки, доѣзжачіе, копейщики,— одни хлопотали около ужина, другіе чистили свою сбрую. Невдалекѣ расположились кочевьемъ (бѣдные охотники по неволѣ) крестьяне, согнанные изъ ближнихъ деревень для облавы. Вдали загорѣлся фейерверкъ и освѣтилъ всю долину до Ойцова съ рѣкою и двумя цѣпями скалъ. Между ними вырѣзывалась и оригинальная фигура «Геркулесо-

*) Попелъ, одинъ изъ миѳическихъ польскихъ князей по преданію, какъ извѣстно, былъ съѣденъ мышами.

вой палицы»: такъ называлась отдѣлившаяся отъ другихъ скала, которая при вершинѣ своей была вдвое шире, чѣмъ при основаніи.

Гости находились въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Неутомимая пани Дембинская воспользовалась этимъ настроеніемъ и подала мысль предпринять прогулку на знаменитую Доротку. Это была глубокая нора или пещера, высѣченная въ скалѣ; думаютъ, что когда-то она служила темницею, и существовало преданіе, что одинъ изъ Шафранцевъ, прежнихъ владѣтелей замка, заключилъ въ нее за какой-то проступокъ собственную дочь (отъ чего, повидимому, пещера и получила свое названіе). Несмотря на поздній часъ ночи, мысль о прогулки принята охотно, и все общество при свѣтѣ факеловъ отправилось къ Дороткѣ. Тутъ зашелъ споръ о томъ, кому спуститься въ пещеру и разсказать, что тамъ увидитъ. По мысли Дембинской, бросили жребій, и, вѣроятно также не безъ ея участія, жребій достался князю Мартину Любомирскому, къ большому удовольствію дамъ: Любомирскій былъ извѣстенъ своими донжуанскими наклонностями. Принесли лѣстницу, и спустили его княжескую милость съ фонаремъ въ рукѣ. Все та же неугомонная Дембинская нагнулась къ отверстію и спросила, какъ поживаетъ Доротка. Любомирскій громовымъ голосомъ отвѣчалъ, что онъ кругомъ ничего не видитъ, кромѣ камня и песка подъ ногами.

— Тѣмъ хуже: если бы она была здѣсь, то очаровала бы тебя и ты остался бы съ нею.

— Нѣтъ. Скорѣе она бы пошла за мною.

— А знаешь ли что это за Доротка, которая была здѣсь заключена?

— Слыхалъ.

— Не виноватъ ли и ты въ такомъ же грѣхѣ?

— Пока нѣтъ.

— Признайся.

— Признаюсь.

— Обѣщаешь исправиться?

— Не обѣщаюсь.

— А много ли загубилъ женщинъ на своемъ вѣку?

— Порядочное количество.

— Много ли увезъ?

— Да трудно счесть.

— А сколько еще увезешь?

— Сколько смогу.

— Когда такъ,—закричала съ притворнымъ гнѣвомъ пани, то я отъ имени всего нашего пола произношу надъ тобой заклятье.

Это заклятье состояло въ томъ, чтобы неисправимый донъ-Жуанъ отнынѣ нашелъ недоступнымъ для себя сердца всѣхъ женщинъ, и съ отчаянія заключился бы на остальную жизнь въ Доротку. Находчивый Любомирскій съ своей стороны произнесъ заклятіе на Дембинскую: пусть за прежнее пролитіе невинной крови съ этихъ поръ она не сдѣлаетъ ни одного удачнаго выстрѣла, и пусть съ горя запрется съ нимъ въ той же Дороткѣ, чтобы вмѣстѣ предаваться раскаянію. Велепольская, видя, что объясненіе принимаетъ слишкомъ эротическій характеръ, поспѣшила освободить князя Мартина изъ пещеры, и когда онъ показался на поверхности земли съ растрепанною прической, весь покрытый пылью, то былъ встрѣченъ единодушнымъ смѣхомъ.

На слѣдующее утро королевичъ Карлъ отправился въ Сулгуслово, гдѣ жена его находилась у своей сестры Варвары Свидзинской. Гости разъѣхались; а великій конюшій Велепольскій съ супругой своей поспѣшилъ въ Варшаву на предстоявшій Сеймъ.

II.

Шляхтичъ Фальковскій.

За милю отъ мѣстечка Сморгоны, въ сторонѣ отъ большой вилепской дороги, жилъ шляхтичъ Шимонъ Фальковскій. Небольшой домикъ, уже покосившійся набокъ и державшійся только помощью подпорокъ, такое же надворное строеніе, низменное поле, болотный лугъ и нѣсколько десятинъ лѣса составляли все его имущество. Отецъ Фальковскаго служилъ въ польскомъ войскѣ, былъ капитаномъ, участвовалъ въ возстаніи 1794 года и погибъ при штурмѣ Праги. Сынъ его въ это время тоже находился въ войскѣ и подъ Маціовицами попался въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ году онъ воротился домой; но тутъ его встрѣтила крайняя бѣдность: у матери осталось на рукахъ еще нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей, а средствъ едва хватало на пропитаніе. Шимонъ не хотѣлъ быть ей въ тягость, и рѣшился попытать счастіе въ русской военной службѣ. Императоръ Павелъ формировалъ тогда дивизію польскихъ уланъ; Фальковскій поступилъ въ такъ-называемый татарскій полкъ, въ чинѣ подпоручика. Онъ участвовалъ въ итальянскомъ походѣ Суворова, сражался подъ Аустерлицемъ; но, тяжело раненный подъ Фридландомъ, взялъ отставку и отправился на родину, въ Литву. Матери уже не было въ живыхъ. Фальковскій женился, приданымъ жены уплатилъ наслѣдственные долги, и поселился на отцовской землѣ. Здѣсь застала его тревожная эпоха 1812 года; онъ не принялъ участія въ польскомъ движеніи и спокойно оставался дома.

Однажды яснымъ декабрьскимъ утромъ на дворъ нашего шляхтича въѣхали крестьянскія сани въ одну лошадь; изъ нихъ вышелъ какой-то военный и, встрѣтивъ на крыльцѣ хозяина, спросилъ его, дома ли панъ Фальковскій?

— Я самый,—отвѣчалъ тотъ;—прошу пана въ комнату; сегодня чертовски холодно. Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Съ Вонсовичемъ, офицеръ изъ свиты императора Наполеона,—отвѣчалъ незнакомецъ,—снимая шубу. Слава Богу, что засталъ пана дома.

— Не засталъ бы меня дома, если бы старыя раны не мѣшали сѣсть на коня,—отозвался Фальковскій.—Но прошу располагать всѣмъ, чѣмъ могу служить пану.

— Приступимъ прямо къ дѣлу,—прервалъ Вонсовичъ.—Хотя въ первый разъ имѣю честь видѣть пана, но знаю, кто ты; знаю, что твой отецъ погибъ на Прагѣ; а какимъ былъ отецъ, такимъ долженъ быть и сынъ. Буду говорить безъ околичностей. Остатки нашего войска отступаютъ; императоръ сегодня же хочетъ выѣхать изъ Сморгонь въ Вильно; но большая дорога наполнена нашими мародерами и, пожалуй, не безопасна отъ казаковъ. Обращаюсь къ пану, какъ къ здѣшнему жителю, съ просьбой дать намъ вѣрнаго проводника, который могъ бы провести его величество окольными путями. Только надобно поспѣшить, потому что дни коротки, а передъ вечеромъ мы должны пуститься въ дорогу.

Фальковскій съ минуту подумалъ; потомъ отворилъ дверь въ другую комнату и велѣлъ своей Касѣ подать закуску; потомъ вышелъ на крыльцо и крикнулъ во все горло: «Юрекъ, приготовь скорѣй повозку и заложи двухъ сивыхъ съ гнѣдымъ!» Вошла пани Катерина; а за ней служанка принесла подносъ съ водкой, ветчиной, хлѣбомъ, сыромъ, масломъ и сливами. Пока хозяйка бесѣдовала съ Вонсовичемъ, а дѣти ея въ полуотворенную дверь съ любопытствомъ разсматривали польскаго офицера, сани подъѣхали къ крыльцу. Шимонъ Фальковскій явился въ простомъ кожухѣ, въ бараньей шапкѣ, съ кожаною сумкой черезъ плечо, и сказалъ удивленному Вонсовичу, что въ такомъ важномъ дѣлѣ онъ ни на кого не можетъ положиться, а ѣдетъ самъ вмѣстѣ и кучеромъ, и проводникомъ. Вонсовичъ крѣпко пожалъ его руку, и поспѣшилъ надѣть шубу. Катерина бросилась на шею мужа и залилась слезами; прибѣжали дѣти, уцѣпились за отца и, смотря на мать, также принялись плакать. Шимонъ сколько могъ, утѣшалъ жену, обѣщалъ вернуться черезъ три дня; потомъ благословилъ дѣтей и выбѣжалъ на крыльцо. Вонсовичъ дожидался его уже въ повозкѣ. Фальковскій сѣлъ на козлы, свиснулъ на коней и крупной рысью погналъ въ Сморгоны.

Ночь была темная, безлунная; только изрѣдка просвѣчивали звѣзды сквозь снѣжные облака. Трое саней, отъѣхавъ съ полчетверти мили отъ Сморгонь, свернули съ большой виленской дороги вправо, и углубились въ лѣсъ. Въ переднихъ саняхъ подъ рогожною будкой сидѣлъ императоръ Наполеонъ рядомъ съ Дюрокомъ; на козлахъ подлѣ Фальковскаго помѣстился мамелюкъ Рустанъ. Въ другихъ, открытыхъ саняхъ, ѣхалъ Коленкуръ съ графомъ Лобау; въ третьихъ—генералъ Лефебръ съ Вонсовичемъ. Фальковскій, отлично знавшій мѣстность, ловко миновалъ всѣ сколько-нибудь значительныя поселенія, останавливался на отдыхъ только въ маленькихъ деревушкахъ и не разъ, доставши изъ своей сумки бутылку съ водкой и кусокъ ветчины, угощалъ ими императора и его дворъ. На слѣдующій день около полудня поѣздъ, безъ всякой непріятной встрѣчи, пріѣхалъ въ Вильно и остановился передъ домомъ Фроланда; здѣсь уже ожидали императора герцогъ Бассано и генералъ Гогендорпъ.

Между тѣмъ какъ Наполеонъ дѣлалъ послѣднія распоряженія относительно своей несчастной арміи и приготовлялись экипажи для его дальнѣйшаго пути, Фальковскій стоялъ на морозѣ подлѣ своихъ лошадей и не зналъ, что ему теперь дѣлать. Наконецъ онъ увидалъ проходившаго мимо Вонсовича, позвалъ его и сказалъ, что ждетъ приказаній. Вонсовичъ побѣжалъ къ императору и вслѣдъ затѣмъ ввелъ къ нему Фальковскаго. Наполеонъ сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ бумагами. Онъ приказалъ Вонсовичу поблагодарить Фальковскаго и спросить, есть ли у него сыновья. Тотъ отвѣчалъ, что имѣетъ двоихъ. Наполеонъ записалъ его имя, пригласилъ его по окончаніи войны пріѣхать съ сыновьями въ Парижъ и обѣщалъ обезпечить судьбу всего семейства; потомъ приказалъ выдать ему двѣсти наполеондоровъ. Фальковскій сначала не хотѣлъ брать; но Вонсовичъ убѣдилъ его, что нехорошо отказываться отъ монаршей милости. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему выдали охранный листъ для дороги. «Онъ пригодится мнѣ отъ Французовъ, замѣтилъ Фальковскій. А что касается москалей, есть у меня охранный листъ получше этого». Онъ распахнулъ свой кожухъ, и подъ нимъ оказался мундиръ русскаго офицера съ двумя крестами на груди. При прощаньѣ Наполеонъ протянулъ ему руку, которую Фальковскій поцѣловалъ и окропилъ слезами умиленія. Цезарь потрепалъ его по плечу и примолвилъ: brave Polonais! *).

*) Въ примѣчаніяхъ къ своимъ мемуарамъ Бонавентура говоритъ: „Всѣ эти подробности Фальковскій разсказывалъ самъ въ 1822 г. въ Вильнѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ особъ, отъ которыхъ потомъ слышалъ и я. Фальковскій ужъ давно умеръ; а что сталось съ его дѣтьми, неизвѣстно.

ИЗЪ ПРОШЛАГО *).

I. Статистическія свѣдѣнія **).

Въ 1802 г. московскій генералъ-губернаторъ, графъ Салтыковъ, получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

Графъ Иванъ Петровичъ!

Санктпетербургское Вольное Экономическое Общество представило мнѣ предположеніе его о сочиненіи общаго Россіи описанія по части земледѣлія и сельскаго хозяйства. Къ составленію сего полезнаго сочиненія, ему нужно будетъ собрать съ самыхъ мѣстъ разныя свѣдѣнія, почему и расположилося общество, сообщивъ всѣмъ начальникамъ губерній начертаніе тѣхъ предметовъ, кои въ планъ сего творенія входятъ, просить содѣйствія ихъ въ скоромъ и подробнѣйшемъ доставленіи сихъ свѣдѣній, назначивъ при томъ и пристойныя награды лицамъ, кои будутъ въ составленіи ихъ трудиться. Принявъ съ удовольствіемъ столь полезное Общества Экономическаго предположеніе, я нахожу нужнымъ поручить вашему попечительному благоразумію содѣйствовать всѣми возможными мѣрами наилучшему и совершеннѣйшему успѣху сего предпріятія по ввѣренной вамъ губерніи. Все участіе, какое въ дѣлѣ семъ руководствомъ, ободреніемъ и побужденіями вашими принять вы можете, будетъ для меня весьма примѣтнымъ доказательствомъ истиннаго просвѣщенія и любви къ отечественнымъ пользамъ. Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Санктпетербургъ, апрѣля 10, 1802 г.

Копію съ этого рескрипта и до тридцати экземпляровъ присланной Экономическимъ Обществомъ программы требуемыхъ свѣдѣній генералъ-губернаторъ препроводилъ къ гражданскому губернатору Аршеневскому, съ порученіемъ разослать программу въ подвѣдомственныя ему присутственныя мѣста и требовать отъ нихъ удовлетворенія ея «со всевозможною подробностію и поспѣшностію». Одинъ экземпляръ съ такимъ же требованіемъ отправленъ былъ въ управу благочинія.

Въ Петербургъ Салтыковъ немедленно отписалъ, что онъ «усугубитъ все свое стараніе исполнить сію высочайшую волю во всей точности».

Въ сентябрѣ гражданскій губернаторъ получилъ предписаніе графа

---

*) „Русскій Вѣстникъ“, 1863, ноябрь.

**) Москов. генералъ-губернатор. архивъ, № 181,385.

Салтыкова увѣдомить, съ какимъ успѣхомъ подвигается впередъ собираніе требуемыхъ свѣдѣній. «Буде же оный въ сравненіи времени малозначащъ, то побудите въ томъ, кого слѣдуетъ. Употребите особливое ваше наблюденіе, дабы медленность въ семъ дѣлѣ отнюдь мѣста не имѣла». Такое же предписаніе послано было и управѣ благочинія.

Въ октябрѣ гражданскій губернаторъ доноситъ, что безпрестанно заботится «скорѣйшимъ окончаніемъ сего дѣла, и сколь оно ни обширно, но теперь приводится уже къ окончанію». Управа благочинія въ то же время «почтеннѣйше рапортуетъ», что она и прежде приказала частнымъ приставамъ доставить ей требуемыя свѣдѣнія, а теперь вновь подтвердила о немедленномъ ихъ доставленіи.

Въ декабрѣ гражданскій губернаторъ вновь получилъ напоминаніе о скорѣйшемъ доставленіи свѣдѣній, которыя предписывалось передать предварительно директору училищъ для систематическаго расположенія.

Въ іюнѣ слѣдующаго 1803 года гражданскій губернаторъ донесъ, что онъ поручилъ расположеніе собранныхъ матеріаловъ директору училищъ Пельскому; но тотъ умеръ, не успѣвъ ихъ разсмотрѣть, и теперь они поручены учителю главнаго народнаго училища Назарову. А въ іюлѣ управа благочинія представила результаты полицейскихъ изысканій, донося при этомъ, что «съ 1760 по 1790 годъ о торговыхъ цѣнахъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ свѣдѣній по дѣламъ бывшей полиціи не оказалось».

Доставленныя управою благочинія свѣдѣнія состояли въ вѣдомостяхъ церковныхъ и казенныхъ зданій и разнаго рода заведеній, въ показаніяхъ о числѣ жителей и цѣнахъ на жизненные припасы съ 1790 по 1803 годъ. Всѣхъ жителей въ Москвѣ по этимъ таблицамъ насчитывалось 84.233 мужчинъ и 56.520 женщинъ. Управа благочинія не ограничилась однѣми голыми цифрами. Къ вѣдомости о населеніи она присоединила и характеристику торговаго сословія въ видѣ «краткаго замѣчанія о городскихъ жителяхъ».

Вотъ это «краткое замѣчаніе» *).

«Купцы какъ московскіе, такъ и иногородные есть многіе въ обхожденіи, одеждѣ, пищѣ, въ жилищахъ и скарбѣ на нынѣшній вкусъ, а иные по обычаю предковъ носятъ платье русское и не брѣютъ бородъ, кои по большой части старообрядцы.

«Изъ оныхъ купцовъ многіе товаръ выписываютъ изъ другихъ го-

*) Правописаніе, отличающееся особенно употребленіемъ буквы *е* вмѣсто *ѣ*, мною не сохраняется.

сударствъ, сами и продаютъ оный оптомъ для распродажи въ лавкахъ. Сверхъ того, имѣютъ нѣкоторые фабрики и мануфактуры, равно и заводы.

«Покупающіе у выписывающихъ товары купцы отъ прилежанія и досужества къ торговлѣ пропитываютъ себя, и отъ времени составляютъ капиталъ до немалой суммы; нерадивые же въ промыслѣ и отъ роскошной жизни претерпѣваютъ бѣдность.

«Мѣщане-жъ занимаются у купцовъ при лавкахъ въ услугѣ и продажею разныхъ мелочныхъ товаровъ».

Вообще вѣдомости управы благочинія составлены были, повидимому, со всѣми признаками добросовѣстности. Тамъ, гдѣ недоставало точныхъ свѣдѣній, она прямо сознавалась, что ихъ нѣтъ, и не прибѣгала къ произвольнымъ цифрамъ. Напримѣръ, о бараньемъ мясѣ говорится, что оно не всегда продавалось на вѣсъ, а потому и нельзя сказать, сколько оно стоило за фунтъ; битый же баранъ «не продавался болѣе какъ отъ 1 руб. 50 коп. и до 3 рублей». Точность простиралась до того, что тетерева были раздѣлены на двѣ графы: глухіе и полевые. Цѣна послѣднихъ, сказано, неизвѣстна, такъ какъ «оныхъ привозятъ въ Москву изъ деревень временно»; а примѣрно можно положить ихъ въ продажѣ по 35 коп. за пару; въ графѣ же глухихъ тетеревей замѣчено: «оныхъ въ продажѣ не было».

Но,—увы!—отъ генералъ-губернатора послѣдовало замѣчаніе управѣ благочинія о томъ, что вѣдомости ея онъ нашелъ «крайне неисправными и потому ни малѣйшаго вѣроятія недостойными». Во-первыхъ, въ роспись жителей Москвы не вошли воспитанники Воспитательнаго Дома и другихъ училищъ, а также ремесленники, иностранцы, отставные солдаты и прочіе разночинцы, вслѣдствіе чего количество всѣхъ жителей вышло слишкомъ малое въ сравненіи съ обширностію столицы. Число домовъ показано также невѣрно: по вѣдомости, поданной конторою городского строенія въ 1801 г., ихъ значится 8,472, а управа насчитала только 8,101; не могли же остальные уничтожиться въ такое короткое время. Число воинскихъ чиновъ выставлено 7.859, тогда какъ ихъ наберется, можетъ-быть, еще столько же; а это число относится только къ полевымъ полкамъ, находящимся въ гарнизонѣ. Винныхъ и соляныхъ магазиновъ показано только по одному, несправедливость чего можетъ замѣтить и «одинъ поверхностный взоръ». Свѣдѣній о цѣнахъ съ 1760 по 1790 годъ управа тщетно у себя искала, потому что справки о нихъ надобно было навести въ государственномъ архивѣ, гдѣ хранятся дѣла прежней полиціи, и т. д. Вообще начальникъ сильно журитъ управу за небреженіе и предписываетъ ей употребить «крайнее стараніе сочинить

свѣдѣнія со всевозможною исправностію, не доводя его до излишней переписки». Въ то же время, чтобъ уличить еще болѣе управу, генералъ-губернаторъ потребовалъ свѣдѣній изъ разныхъ мѣстъ и учрежденій. Между прочимъ казенная палата донесла ему, что винныхъ магазиновъ въ Москвѣ 18, а соляныхъ 10. Доставленныя прочими мѣстами свѣдѣнія также болѣе или менѣе противорѣчили показаніямъ управы.

Въ августѣ управа представила новыя, исправленныя вѣдомости о городѣ Москвѣ. Графъ Салтыковъ сообщилъ ихъ гражданскому губернатору для присоединенія къ общему описанію Московской губерніи. Въ декабрѣ онъ подтверждаетъ о немедленномъ доставленіи этого описанія или объ указаніи причинъ замедленія. «Дабы, — прибавляетъ начальникъ, — имѣлъ я что-либо донести его императорскому величеству и очистить себя въ толикой медленности и неисполненіи высочайшей воли».

На это гражданскій губернаторъ донесъ, что описаніе Московской губерніи уже сочинено и переписывается набѣло. Причиною же медленности были: во-первыхъ, самая трудность собиранія свѣдѣній; во-вторыхъ, директоръ училищъ Пельскій, который продержалъ ихъ слишкомъ полгода, и ничего не сдѣлалъ, какъ оказалось послѣ его смерти.

Наконецъ, въ январѣ 1804 года Аршеневскій представилъ описаніе Московской губерніи. Онъ доноситъ при этомъ, что за неполученіемъ нужныхъ свѣдѣній недостаетъ въ описаніи трехъ таблицъ (о числѣ народа и состояніи уѣздовъ, о состояніи городовъ, о городскихъ и сельскихъ жителяхъ, выходящихъ ежегодно для работъ и промысловъ), но надѣется, что въ скоромъ времени и они будутъ окончены. Въ заключеніе губернаторъ поручаетъ покровительству графа наиболѣе трудившихся при этомъ описаніи двухъ землемѣровъ, губернскаго и уѣзднаго.

Въ апрѣлѣ преемникъ Аршеневскаго, Барановъ, представилъ генералъ-губернатору и остальныя три таблицы (впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ напоминаній о немедленной и «неукоснительной» ихъ доставкѣ). Тогда же описаніе Московской губерніи было отправлено въ Вольное Экономическое Общество.

Но хлопоты канцеляріи московскаго генералъ-губернатора по дѣлу о статистическихъ свѣдѣніяхъ тѣмъ еще не кончились. Въ маѣ преемникъ Салтыкова, Беклешовъ, получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ (Кочубея) бумагу, въ которой тотъ проситъ доставить ему копію съ описанія Московской губерніи. Министръ, сказано въ бумагѣ: «считаетъ, что оно можетъ быть полезно для разныхъ соображеній и по хозяйственной части ввѣреннаго ему министерства». Въ августѣ того же 1804 года отправлена и требуемая копія.

II. Лугъ Воронецъ *).

Двѣ деревни Бронницкаго уѣзда (Московской губ.) Вертячево, принадлежавшее удѣльному вѣдомству, и Софьино, помѣщицы Плещеевой, вели тяжбу о спорномъ лугѣ Воронцѣ. Дѣло ихъ производилось въ Бронницкомъ уѣздномъ судѣ, и производилось съ обычною медленностью. А между тѣмъ, враждебное настроеніе двухъ сосѣднихъ деревень грозило перейти въ открытую войну. Наконецъ, лѣтомъ 1803 г., когда пришло время сѣнокоса, Бронницкій земскій судъ, по указу уѣзднаго суда, отправилъ дворянскаго засѣдателя, съ предписаніемъ отобрать отъ обѣихъ тяжущихся сторонъ подписку оставаться спокойными до рѣшенія дѣла (въ высшей инстанціи). Вмѣстѣ съ тѣмъ засѣдателю поручено было удержать вертячевскихъ крестьянъ отъ всякихъ ссоръ и дракъ съ софьинскими, когда послѣдніе будутъ производить сѣнокосъ. Но крестьяне не дали требуемой подписки; причемъ та и другая сторона представляли доказательства своихъ правъ на владѣніе лугомъ. Когда же софьинскіе крестьяне начали косить, вертячевскіе собрались съ кольями, косами и ружьями; произвели драку съ своими противниками, стрѣляли изъ ружей и били въ набатъ. Засѣдателю однако удалось съ попятыми разныхъ селеній удержать вертячевскихъ отъ дальнѣйшаго буйства и взять четырехъ главныхъ зачинщиковъ для преданія ихъ суду.

О происшествіи этомъ бронницкій земскій исправникъ рапортовалъ гражданскому губернатору Аршеневскому, а послѣдній генералъ-губернатору Салтыкову. Въ рапортѣ своемъ Аршеневскій прибавляетъ, что главною причиной драки былъ Бронницкій уѣздный судъ, которому онъ уже троекратно предписывалъ рѣшить тяжбу «въ самоскорѣйшемъ времени»; теперь же онъ предложилъ губернскому правленію за такое нерадѣніе оштрафовать уѣздный судъ «тягчайшею пенею» и «строжайше подтвердить о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, какъ о помянутомъ лугѣ Воронцѣ, такъ и о главныхъ зачинщикахъ драки».

Между тѣмъ какъ высшія власти собирались тягчайше оштрафовать низшую судебную инстанцію и началось дѣло о зачинщикахъ драки, вертячевскіе крестьяне нисколько не думали уступить лугъ своимъ противникамъ безъ бою.

Земскій судъ вновь командировалъ засѣдателя Вальцева для присутствія при скошеніи травы софьинскими крестьянами съ луга Воронца. 21 августа, засѣдатель выѣхалъ изъ города, на этотъ разъ вмѣстѣ съ

*) Ibid. № 181,503.

уѣзднымъ стряпчимъ. При нихъ были два писца изъ приказныхъ, одинъ солдатъ бронницкой воинской команды, да 10 понятыхъ изъ разныхъ сосѣднихъ деревень. Крестьяне села Софьина съ принадлежащими къ нему деревнями вышли на лугъ Воронецъ и начали размѣривать его по душамъ для сѣнокоса. Между тѣмъ, засѣдатель послалъ одного изъ понятыхъ, именно мячковскаго голову Алексѣя Иванова, узнать о намѣреніяхъ вертячевскихъ крестьянъ. Голова скоро воротился, и донесъ, что они просятъ засѣдателя къ себѣ въ деревню объявить имъ указъ или предписаніе, на основаніи котораго Софьинцы допускаются къ сѣнокосу; въ противномъ случаѣ, грозятъ опять имъ воспрепятствовать. Засѣдатель, вмѣстѣ съ стряпчимъ и со всею свитой отправился въ Вертячево. По требованію крестьянъ, онъ прочелъ имъ копію съ резолюціи земскаго суда. Но крестьяне объявили, что они не допустятъ косить «ихъ природный, подворный лугъ». Напрасно засѣдатель и стряпчій старались ихъ уговорить.

«Разбой!—закричали вдругъ вертячевцы:—«Принимайтесь ребята за колья. Пожаръ!» Въ эту минуту вспыхнула какая-то баня, и ударили въ набатъ.—«Не пускай понятыхъ. Лови засѣдателя и вяжи ему руки».—Какой-то Родіонъ Дмитріевъ схватилъ уже бѣднаго засѣдателя за мундиръ. Однако тотъ вырвался, и «началъ спасаться бѣгствомъ обще съ господиномъ стряпчимъ» на лугъ Воронецъ подъ защиту софьинскихъ крестьянъ. Имъ удалось уйти съ большею частію своей свиты, но оба приказные и двое изъ понятыхъ остались въ рукахъ бунтовщиковъ.

Затѣмъ вертячевскіе крестьяне вышли изъ своей деревни съ кольями и «претолстыми рычагами». Софьинскіе, во избѣжаніе смертоубійства, хотѣли уйти съ луга; но вертячевцы бросились перенимать имъ дорогу. Софьинцы опять воротились на лугъ. Противники ихъ остановились и, постоявъ немного, пошли тушить свои бани, махая и крича крестьянамъ Новаго Села, чтобы тѣ шли къ нимъ на помощь. Новосельцы, дѣйствительно, собрались толпою на другой сторонѣ Москвы рѣки, но видя, что Софьинцы спокойно сидятъ на лугу, разошлись.

Въ это время изъ Вертячева пришелъ приказный Кроповъ и донесъ засѣдателю, что крестьяне его отпустили безъ побоевъ; а другого приказнаго, Лещинскаго, прибили. Связавъ руки назадъ, таскали его по улицѣ, и хотятъ везти его въ Москву, говоря, что онъ зажегъ ихъ бани. Слышалъ Кроповъ и такія похвальбы отъ бунтовщиковъ: «Счастливъ-де засѣдатель, что мы его не нагнали, а то бы употчивали и вмѣстѣ съ волостнымъ головою». Отпуская Кропова, они велѣли сказать засѣдателю, чтобы не позволялъ софьинскимъ косить лугъ, а то

всѣхъ перебьютъ. «Умремъ всѣ на мѣстѣ, кричали вертячевцы, а софьинскимъ не уступимъ!

Засѣдатель приказалъ Софьинцамъ итти домой, а для обереганія луга оставилъ двухъ сотскихъ, поручивъ имъ также узнать о судьбѣ Лещинскаго. Двое задержанныхъ понятыхъ вскорѣ воротились невредимыми. А Лещинскій, какъ донесъ потомъ засѣдателю одинъ изъ сотскихъ, отъ побоевъ едва живъ.

Рапортуя въ Москву о такихъ «буйственныхъ поступкахъ» вертячевскихъ крестьянъ, земскій судъ доносилъ, что безъ воинской команды невозможно забрать подъ стражу бунтовщиковъ.

Генералъ-губернаторъ тотчасъ послалъ ордеръ шефу московскаго гарнизоннаго полка, генералъ-лейтенанту Брозину, объ отправленіи роты солдатъ въ деревню Вертячево. Брозинъ командировалъ роту капитана Пущина. Въ то же время, по распоряженію генералъ-губернатора, отъ губернскаго правленія поѣхалъ на мѣсто дѣйствія совѣтникъ Яковлевъ. Онъ долженъ былъ, подъ прикрытіемъ военной команды, привести крестьянъ въ повиновеніе и открыть судебное слѣдствіе, вмѣстѣ съ земскимъ исправникомъ и депутатомъ отъ удѣльной экспедиціи. Военную силу приказано было употребить только въ самомъ крайнемъ случаѣ, а предварительно отобрать у крестьянъ всякое оружіе, т.-е. колья, рогатины и особенно ружья.

28 августа, совѣтникъ Яковлевъ прислалъ графу рапортъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія. Онъ съ товарищами своими прибылъ въ деревню въ сопровожденіи роты, собралъ всѣхъ наличныхъ крестьянъ Вертячева; въ присутствіи священника, объявилъ имъ повелѣніе генералъ-губернатора безпрекословно повиноваться рѣшенію уѣзднаго суда о спорномъ лугѣ Воронцѣ, и присоединилъ приличное увѣщаніе. Крестьяне выслушали его съ покорностью, и дали требуемую съ нихъ подписку. Софьинцы въ тотъ же день безпрепятственно приступили къ сѣнокосу. Между тѣмъ изъ лицъ, упомянутыхъ прежде въ рапортѣ засѣдателя, какъ главныхъ зачинщиковъ буйства, семеро взяты подъ стражу, и подвергнуты допросу. Кромѣ того, до пяти подсудимыхъ успѣли отлучиться изъ деревни. Земскому исправнику поручено употребить мѣры къ ихъ отысканію. Оружія въ крестьянскихъ домахъ никакого найдено не было.

Избитый приказный Лещинскій, какъ оказалось, былъ дѣйствительно отвезенъ крестьянами въ Москву, и представленъ въ удѣльную экспедицію.

Дальнѣйшій ходъ дѣла показываетъ, что вертячевскіе крестьяне наш-

ли защиту въ томъ вѣдомствѣ, къ которому они принадлежали. Министръ удѣловъ Трощинскій поставилъ на видъ, что съ крестьянами Вертячева поступлено не совсѣмъ законно. Тяжба производилась въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ, и рѣшеніе уѣзднаго суда не есть безапелляціонное. Слѣдовательно, земскій судъ не могъ приводить его въ исполненіе, не сообщивъ притомъ предварительно удѣльной экспедиціи. Сопротивленіе крестьянъ очевидно произошло отъ незнанія судебныхъ порядковъ; при объявленіи же имъ повелѣнія военнаго губернатора они оказали полное повиновеніе. Трощинскій «за долгъ поставилъ обстоятельство сіе представить всемилостивѣйшему воззрѣнію Государя Императора, предупреждая, дабы дѣло сіе не навлекло бѣднымъ крестьянамъ разоренія». Государь разрѣшилъ ему отнестись о томъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, Кочубею. А послѣдній предложилъ графу Салтыкову постановить крестьянамъ мѣру взысканія «безъ той строгости, какую бы они заслуживали въ случаѣ совершеннаго неповиновенія власти и безъ навлеченія имъ утѣсненія или разоренія».

Это предложеніе сдѣлано въ октябрѣ мѣсяцѣ. Но уже въ сентябрѣ спокойствіе было водворено въ деревнѣ Вертячевѣ; девять подсудимыхъ послѣ предварительнаго слѣдствія препровождены въ бронницкій земскій судъ, который долженъ былъ передать ихъ въ уѣздный судъ «къ законному сужденію». Пятеро бѣжавшихъ еще разыскивались. Затѣмъ, капитанъ Пущинъ, по рапорту его отъ 13 сентября, со ввѣренною ему ротой «благополучно» выступилъ изъ деревни Вертячева въ Москву.

Итакъ, дѣло о зачинщикахъ буйства поступило въ уѣздный судъ, и предоставлено законному теченію. А рѣшеніе того же суда о спорномъ лугѣ Воронцѣ по апелляціи недовольной стороны перешло на разсмотрѣніе гражданской палаты. Исходъ того и другого дѣла намъ не извѣстенъ.

Что разсказанный случай не былъ рѣдкимъ явленіемъ нашей прошлой жизни, доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ томъ же Бронницкомъ уѣздѣ и тѣмъ же лѣтомъ, возникло точно такое же судебное дѣло. Деревня Дворниково, принадлежавшая помѣщицѣ Хрущовой, имѣла тяжбу о лугахъ съ крестьянами помѣщика Бека. По указу губернскаго правленія засѣдатель земскаго суда (тотъ же Вальцевъ) былъ командированъ для допущенія крестьянъ Хрущовой къ снятію травы съ спорныхъ луговъ. Но едва засѣдатель уѣхалъ, какъ крестьяне Бека, собравшись изъ разныхъ селеній, напали на Хрущевскихъ, согнали ихъ съ луга, а упряжь и прочее имущество взяли себѣ или переломали. Унтеръ-офицера, оставленнаго засѣдателемъ для наблюденія за спокойствіемъ, вогнали въ воду.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ РЕСТАВРАЦІИ ВЪ ИТАЛІИ *).

I. Обзоръ итальянскихъ государствъ.

Нигдѣ въ Европѣ идеи французской революціи не нашли болѣе родственной почвы, нигдѣ французское владычество не оставило такихъ глубокихъ слѣдовъ, какъ въ Италіи. Она была первою страной, въ которой упрочилась военная слава Наполеона; съ нею связывало его племенное родство, и потому предпочтеніе, которое онъ всегда оказывалъ Италіи, было очень естественно. Образованные классы Итальянцевъ встрѣчали съ явнымъ сочувствіемъ побѣды Наполеона; они надѣялись, что императоръ создастъ изъ Италіи единое, особое государство. Несмотря на политическое раздробленіе, существовавшее около четырнадцати столѣтій, Итальянцы, подобно другимъ націямъ романскаго происхожденія, въ весьма значительной степени владѣютъ элементами единства; между этими элементами главное мѣсто занимаютъ: языкъ, религія и великія воспоминанія древности. Идея о національномъ единствѣ не умирала въ душѣ итальянскихъ патріотовъ съ тѣхъ поръ, какъ началась великая эпоха возрожденія. О немъ писалъ Макіавелли; оно было задушевною мечтой многихъ папъ. Французская революція сильно оживила эту идею. Но Наполеонъ былъ глухъ къ національнымъ требованіямъ покоренныхъ народовъ. Онъ раздѣлилъ Италію на три части: изъ сѣверо-восточныхъ областей создалъ такъ называемое Итальянское королевство, намѣстникомъ котораго сдѣлалъ своего пасынка, Евгенія Богарне, съ титуломъ вице-короля; Неаполь отдалъ своему зятю, Мюрату, на правахъ вассала, а остальныя части полуострова присоединилъ къ Французской имперіи. Хотя надежды итальянскихъ патріотовъ не исполнились, однако дѣло національнаго единства въ то время значительно подвинулось впередъ. Ему сильно помогли распространившіеся въ Италіи идеи французской революціи; а дѣятельное участіе въ походахъ завоевателя разбудило въ Итальянцахъ давно уснувшій духъ военныхъ доблестей.

Послѣ этого понятно, съ какимъ чувствомъ большинство средняго, то-есть городского, промышленнаго сословія встрѣчало реставрацію итальянскихъ владѣтелей и связанное съ ними возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ. Разсмотримъ порознь каждую область Италіи въ эпоху реставраціи. Начнемъ съ Ломбардо-Венеціанскаго королевства.

*) „Русскій Вѣстникъ“, 1861, іюнь. Это отрывокъ изъ читаннаго мною въ томъ году курса новѣйшей Европейской исторіи, въ Московскомъ университетѣ.

Австрійскіе генералы, вступая въ Итальянское королевство (въ началѣ 1814 г.), вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ французскаго ига объявили отмѣненіе конскрипціи и нѣкоторыхъ налоговъ. Но австрійское правительство не считало себя связаннымъ объявленіями своихъ генераловъ. Возобновленіе конскрипціи произвело сильное неудовольствіе (хотя для Итальянцевъ назначено только восемь лѣтъ военной службы, между тѣмъ какъ Нѣмцы служили четырнадцать); природѣ Итальянца вообще противны однообразіе и дисциплина казарменной жизни, и солдаты итальянскіе, обыкновенно расположенные вдали отъ отечества, смотрятъ на свою службу въ австрійскомъ войскѣ какъ на тяжкое заточеніе. Впрочемъ, въ дѣлѣ ломбардо-венеціанской реставраціи Австрія держалась средняго пути; преслѣдуя идею національности, она старалась привязать къ себѣ населеніе развитіемъ его матеріальныхъ интересовъ. Она отмѣнила политическое равенство, но удержала ту систему общинъ, какая успѣла организоваться подъ французскимъ владычествомъ. Въ каждомъ округѣ учрежденъ былъ провинціальный совѣтъ или конгрегація на началахъ представительства; а въ Миланѣ и Венеціи существовали, кромѣ того, высшія или центральныя конгрегаціи. Но эти учрежденія имѣли только совѣщательное значеніе, и выборы не были совершенно свободны: община обыкновенно выбирала трехъ кандидатовъ, и одного изъ нихъ правительство уже само назначало членомъ конгрегаціи. Далѣе, австрійское правительство много заботилось о народномъ образованіи: оно обязало всякую общину имѣть школу, какъ мужскую, такъ и женскую, и положило небольшой ежемѣсячный штрафъ съ тѣхъ родителей, дѣти которыхъ не посѣщали школы. Города Ломбардіи изобиловали средними учебными заведеніями, каковы гимназіи и лицеи; но замѣтенъ былъ сильный недостатокъ высшаго образованія. Въ системѣ учебныхъ курсовъ получили преобладаніе науки, имѣющія прямое практическое приложеніе, преимущественно науки математическія. Это обстоятельство, впрочемъ, тѣсно связано въ Ломбардіи съ успѣхами земледѣлія, которое находится здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи.

Усилія Австріи привязать къ себѣ Итальянцевъ развитіемъ матеріальныхъ интересовъ, однако, разбились объ идею національнаго единства и независимости, которая пробудилась въ Ломбардіи сильнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Италіи. Этому пробужденію много способствовало кратковременное существованіе Итальянскаго королевства съ національною арміей, съ своимъ сенатомъ, законодательнымъ корпусомъ. Составилась многочисленная *національная* партія, къ которой преимущественно принадлежали образованные люди средняго класса. Мало-по-малу идеи

ея проникли въ богатое, вліятельное дворянство, въ рукахъ котораго сосредоточивалась поземельная собственность; а дворянство въ свою очередь стало дѣйствовать на своихъ кліэнтовъ, то-есть на низшіе классы. Австрійское правительство въ борьбѣ съ патріотическими стремленіями употребило обычныя средства, каковы: цензура, судебное преслѣдованіе, изгнаніе и тюремное заключеніе. Преслѣдованія Австрійцевъ заставили національную партію облекать свою дѣятельность покровомъ таинственности, что дало сильный толчокъ развитію тайныхъ обществъ, существованіе которыхъ составляетъ отличительную черту итальянской исторіи. Австрія съ своей стороны выставила противъ тайныхъ обществъ учрежденіе, вооруженное тѣмъ же самымъ оружіемъ, то-есть тайную полицію. Италія съ давнихъ временъ находилась въ тѣсныхъ политическихъ связяхъ съ Австріей, и безспорно составляла для нея значительный цивилизующій элементъ. Но есть еще другая сторона итальянскаго вліянія на Австрію,—это развитіе полицейской системы управленія и системы шпіонства. Полицейское искусство было обработано флорентинскимъ правительствомъ Медичи и особенно трудами венеціанской аристократіи или инквизиціи. Отсюда оно перешло въ Австрію, которая употребила теперь это искусство противъ той же Италіи, и съ помощью многихъ природныхъ Итальянцевъ, весьма способныхъ къ подобнаго рода дѣятельности, довела свою тайную полицію до удивительной степени совершенства. Ея тонкія сѣти были раскинуты повсюду, ея тяжелое бремя чувствовалось всѣми, никто не могъ свободно дышать; но ни видѣть ее, ни осязать не было возможности. Человѣку, который скомпрометировалъ себя передъ правительствомъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ спасенія представлялся доносъ на своего ближняго. Иностранцы также подвергались строжайшему надзору, особенно англійскіе путешественники, которые имѣютъ привычку говорить то, что думаютъ; они принимались обыкновенно за какихъ-то политическихъ агентовъ, имѣвшихъ цѣлью сѣять въ Италіи неудовольствіе и заговоры. Такая система управленія, при внѣшнемъ, кажущемся спокойствіи, постоянно возбуждала народное раздраженіе; а національная партія хотя и должна была бороться съ огромными препятствіями, но никогда не прекращала своихъ подземныхъ работъ. Впрочемъ, надобно отдать справедливость австрійскому управленію въ другомъ отношеніи: административнымъ порядкомъ, исправностію судопроизводства, безопасностію отъ воровъ и разбойниковъ и вообще матеріальнымъ благосостояніемъ Ломбардо-Венеціанское королевство далеко превосходило другія части Италіи.

Перейдемъ къ сосѣднему съ Ломбардіей государству Верхней Италіи— къ Піемонту.

Королевство Піемонтское состояло изъ четырехъ очень неравныхъ частей: острова Сардиніи, Савоіи, прежней Генуэзской республики и собственнаго Піемонта съ графствомъ Ниццею. Населеніе Савоіи и Ниццы говоритъ по-французски и принадлежитъ болѣе къ французской національности, нежели къ итальянской (поэтому Франція постоянно старалась присвоить себѣ эти провинціи, и въ послѣднее время, какъ извѣстно, онѣ уступлены Наполеону III за помощь, оказанную при завоеваніи Ломбардіи). Первый савойскій герцогъ, который перенесъ свою столицу въ Туринъ, былъ воинственный Эммануилъ Филибертъ (во второй половинѣ XVI столѣтія). Онъ первый старался усвоить своему дому и своему правительству итальянскую національность и основалъ военную силу преимущественно изъ итальянскихъ элементовъ. Съ его времени Піемонтъ пріобрѣлъ для Италіи значеніе оплота противъ иноземнаго владычества. Впрочемъ, сосѣдство съ Франціей всегда оказывало сильное вліяніе на піемонтское населеніе. Въ XVIII столѣтіи мѣстная аристократія всѣми силами старалась по языку и нравамъ не отличаться отъ своихъ сосѣдей; но событія и направленіе настоящаго столѣтія заставили ее опять обратиться къ итальянской національности.

Въ 1802 году Карлъ-Эммануилъ, лишенный Французами всѣхъ владѣній на твердой землѣ, отказался отъ престола въ пользу брата своего Виктора-Эммануила. Послѣдній жилъ нѣкоторое время въ Римѣ и въ Гаэтѣ; но, вытѣсненный и оттуда французскимъ владычествомъ, онъ удалился со своимъ дворомъ на островъ Сардинію и прожилъ тамъ восемь лѣтъ, получая денежное вспоможеніе отъ Англіи. Состояніе острова изображается обыкновенно въ печальномъ видѣ. Населеніе осталось почти чуждо успѣхамъ европейской цивилизаціи и до позднѣйшихъ временъ сохранило патріархальную простоту своего быта. Земледѣлецъ употреблялъ плугъ еще въ той формѣ, въ какой онъ существовалъ у Римлянъ, и только четвертая часть почвы была обработана; на остальномъ пространствѣ разгуливали стада почти въ первобытной дикости. На всемъ островѣ не существовало никакихъ правильныхъ путей сообщенія; жилы серебра, свинца и желѣза лежали нетронутыми. Зажиточные люди, особенно владѣльцы большихъ стадъ, пользовались исключительнымъ вліяніемъ на сельскія общины и употребляли это вліяніе, конечно, къ собственной выгодѣ; имущество ихъ по большей части было свободно отъ поборовъ, и вся тяжесть налоговъ падала на бѣдныхъ жителей. Духовенство весьма строго собирало десятину со всѣхъ произведеній народ-

наго хозяйства; поэтому оно составляло здѣсь самое богатое сословіе. На островѣ еще въ полной силѣ существовалъ обычай кровавой мести. Управленіе сосредоточивалось въ рукахъ вице-короля, по образцу прежнихъ испанскихъ вице-королей, облеченнаго диктаторскою властью; онъ назначался на три года, почему не успѣвалъ хорошо ознакомиться съ дѣлами острова и подчинялся обыкновенно интригамъ своего статсъ-секретаря. Восьмилѣтнее пребываніе Виктора-Эммануила нисколько не улучшило положенія Сардиніи. Въ этотъ промежутокъ времени не было проведено ни одной дороги; привилегіи духовенства и дворянства остались тѣ же; а населеніе между тѣмъ было обременено новыми поборами, которые шли на покрытіе издержекъ двора.

При возвращеніи своемъ на материкъ, король издалъ постановленія облегчавшія нѣкоторые налоги, сказалъ нѣсколько рѣчей въ патріотическомъ духѣ и вообще возбудилъ большія ожиданія. Піемонтское населеніе, издавна преданное Савойскому дому, встрѣтило его съ тріумфомъ. При въѣздѣ короля въ Туринъ народъ осыпалъ его цвѣтами, цѣловалъ его руки, платье и лошадь. Но этому восторгу и ожиданіямъ суждено было то же разочарованіе, какъ и въ другихъ странахъ, испытавшихъ реставрацію. Викторъ-Эммануилъ былъ собственно государь благонамѣренный, но слабый волею, недалекій по уму и образованію, ревностный католикъ; онъ легко подчинился вліянію окружавшихъ его людей отсталой церковно-аристократической партіи, и скоро обратился къ самой строгой реакціи.

Дворянство въ Піемонтѣ составляетъ многочисленное сословіе, издавна славящееся своею воинственностью; оно не отличается богатствомъ, какъ въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ странахъ, но до революціи пользовалось большимъ политическимъ вліяніемъ. Французское владычество много способствовало здѣсь сближенію сословій; оно подвинуло впередъ гражданскую равноправность, оживило торговую и промышленную дѣятельность. Между тѣмъ значительная часть дворянства, удалившаяся вмѣстѣ съ королемъ на островъ Сардинію и воспитанная въ старыхъ, сословныхъ понятіяхъ, сохранила прежнія привычки и убѣжденія. Эти-то дворяне явились теперь въ Туринъ съ своими устарѣлыми манерами, въ своемъ костюмѣ, давно вышедшемъ изъ моды. Они окружили короля, прославляли свою преданность и неизмѣнную вѣрность Савойскому дому; говорили о страданіяхъ, перенесенныхъ за него во времена изгнанія, и разумѣется, требовали возвращенія своихъ земель и своихъ старыхъ привилегій. Такія же требованія предъявило и духовенство. Обѣ партіи соединились и нашли себѣ поддержку въ супругѣ короля, Маріи

Терезіи, которая пользовалась большимъ вліяніемъ на Виктора-Эммануила и стояла во главѣ придворной камарильи. Опутанный интригами этой камарильи, король предпринялъ рядъ реакціонныхъ мѣръ, и открылъ гоненіе на все, напоминавшее иноземное владычество. Французское судопроизводство было отмѣнено; чиновники, назначенные во времена революціи и имперіи, были безъ пощады удаляемы отъ должностей. Возобновили даже адресъ-календарь 1798 года, и лица, остававшіяся въ живыхъ, снова заняли свои старыя мѣста. Между прочимъ, 25 лучшихъ профессоровъ Туринскаго университета уволены потому только, что получили каѳедры во времена французскаго правительства. Ненависть ко всему французскому доходила до самыхъ крайнихъ предѣловъ: дворъ, напримѣръ, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на прекрасныя дороги, проведенныя французами черезъ Симплонъ и Монсени, и король едва не велѣлъ разрушить великолѣпный мостъ черезъ По, начатый Наполеономъ. Мужскіе и женскіе монастыри, давно уже обращенные въ фабрики и другія полезныя заведенія, были возстановлены въ прежнемъ видѣ, и получили обратно тѣ изъ своихъ имуществъ, которыя еще не были распроданы. Общественное воспитаніе снова ввѣрено духовенству, а образованіемъ молодыхъ людей высшихъ классовъ опять завладѣли іезуиты. Церковно-аристократическая партія торжествовала эти реакціонныя мѣры какъ собственную побѣду, и своимъ вліяніемъ дѣйствовала на низшія, невѣжественныя массы. Зато средній, наиболѣе образованный и промышленный, классъ обнаруживалъ сильное неудовольствіе на правительственный произволъ, который скоро привелъ въ печальное состояніе даже дѣло общественнаго порядка и безопасности. Военныя силы государства находились въ разстройствѣ; флотъ не могъ оказывать никакой помощи торговымъ судамъ противъ варварійскихъ пиратовъ, которые кромѣ того безнаказанно грабили берега острова Сардиніи. Тѣмъ не менѣе, сосѣдство съ Франціей и Швейціаріей, этнографическія условія, характеръ мѣстной природы, относительная юность цивилизаціи сообщали піемонтскому населенію такую свѣжесть силъ, такую крѣпость государственнаго организма, какую нельзя было встрѣтить въ другихъ частяхъ Италіи. Учрежденія временъ революціи, несмотря на жестокое преслѣдованіе двора, какъ оказалось впослѣдствіи, пустили здѣсь глубокіе корни, и піемонтскій народъ вскорѣ явился самымъ мужественнымъ, самымъ способнымъ къ политической жизни представителемъ итальянской національности.

Въ герцогствахъ Пармѣ и Моденѣ правительство находилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ и покровительствомъ Австріи. Эрцгерцо-

гиня Марія Луиза (супруга Наполеона) сначала пріобрѣла расположеніе пармскаго населенія, сохраненіемъ французскихъ учрежденій. Главный ея совѣтникъ, австрійскій графъ Нейпергъ, былъ богатый, щедрый аристократъ, который тратилъ свои доходы на полезныя предпріятія, напримѣръ, на постройку дорогъ и великолѣпныхъ мостовъ. Но послѣ его смерти управленіе перешло въ руки людей, гораздо менѣе достойныхъ; между тѣмъ эрцгерцогиня съ лѣтами все болѣе подчинялась внѣшней набожности, которая спокойно уживалась у нея вмѣстѣ съ чувственностью; правительство ея теряло прежнюю популярность, и въ народѣ возрастала ненависть къ австрійскому вліянію. Въ Моденѣ же раставрація съ самаго начала приняла печальный характеръ по личнымъ качествамъ эрцгерцога Франца IV, извѣстнаго своею жестокостью и корыстолюбіемъ. Его деспотичное управленіе и торговыя спекуляціи, подрывавшія народное благосостояніе, посѣяли сѣмена раздраженія и мести въ жителяхъ Модены, отличавшихся дотолѣ весьма мирнымъ характеромъ; совершенное же пренебреженіе народнымъ образованіемъ способствовало невѣжеству и отупѣнію низшихъ классовъ.

Тоскана была единственная страна, гдѣ реставрація совершилась безъ рѣзкихъ перемѣнъ и почти безъ всякаго неудовольствія. Дѣло въ томъ, что она еще до революціи находилась въ иныхъ, лучшихъ обстоятельствахъ чѣмъ сосѣднія итальянскія области; великій герцогъ Леопольдъ (братъ и потомъ преемникъ императора Іосифа II) своимъ умнымъ, кроткимъ правленіемъ и своимъ законодательствомъ сдѣлалъ Тоскану одною изъ передовыхъ странъ Европы. Послѣ него здѣсь уже не встрѣчалось гражданскаго неравенства, подобнаго тому, какое существовало въ другихъ частяхъ Италіи; здѣсь почти не было феодальной аристократіи; а городская (или патриціанская) знать не владѣла никакими особыми привилегіями; духовенство также не пользовалось большимъ вліяніемъ. Населеніе отличалось значительнымъ благосостояніемъ, и усвоило себѣ тихіе, кроткіе нравы; оно было довольно лотарингскою династіей, и французскія учрежденія не нашли здѣсь особаго сочувствія. Поэтому Тосканцы безъ сожалѣнія и даже охотно подчинились опять власти великаго герцога. Фердинандъ III если не былъ такъ же уменъ, какъ его отецъ Леопольдъ, зато не уступалъ ему въ мягкости характера; онъ воротился во Флоренцію безъ всякаго чувства мести къ предыдущей эпохѣ и объявилъ почти всеобщую амнистію. Чиновники, назначенные Французами, остались на своихъ мѣстахъ; общее спокойствіе и увѣренность въ личной безопасности не были нарушены, и духъ партій такимъ образомъ не нашелъ для себя богатой почвы въ

этой странѣ; даже приверженцы національнаго единства и независимости были едва замѣтны, несмотря на присутствіе австрійскаго вліянія. Но оставивъ въ покоѣ лица, правительство мало-по-малу возстановило старыя учрежденія и старую систему администраціи. Кодексъ Наполеона и гласное судопроизводство были отмѣнены, и возстановленъ слѣдовательный процессъ; самоуправленіе общинъ ограничено и воротилось господство полиціи, по устройству своему весьма сходной съ австрійскою. Благодаря мягкимъ формамъ, гуманному направленію великаго герцога и кроткости народнаго характера, населеніе тихо, безъ ропота поступило опять подъ правительственную опеку во всѣхъ проявленіяхъ своей общественной жизни. Во главѣ тоскапскаго министерства находился старый эмигрантъ Фоссомброни, который выбиралъ чиновниковъ не далекихъ по способностямъ, но во всемъ ему послушныхъ. Онъ старался по возможности устранять Австрійцевъ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла герцогства, и противодѣйствовалъ намѣренію вѣнскаго двора составить изъ итальянскихъ государствъ тѣсный союзъ, подъ протекторатомъ Австріи; онъ соглашался только на союзъ чисто внѣшній или оборонительный.

По всей вѣроятности, нигдѣ французское владычество не могло принести столько пользы населенію какъ въ Церковной Области; нигдѣ оно не было болѣе благодѣтельно въ сравненіи съ предыдущимъ и послѣдующимъ положеніемъ страны. Уничтоженіемъ монастырей оно увеличило здѣсь средства народа и правительства и сильно ослабило язву нищенства; а введеніемъ правильной свѣтской администраціи и французскаго судопроизводства водворило порядокъ и безопасность тамъ, гдѣ ихъ не было уже съ незапамятныхъ временъ. Напрасно приверженцы папской реставраціи старались потомъ мрачными красками изображать дѣйствія французскихъ властей въ Римѣ. Знаменитый историкъ Нибуръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ «вѣчнаго» города и консерваторъ по своимъ убѣжденіямъ, былъ очевидцемъ римской реставраціи; вотъ что онъ писалъ о французскомъ вліяніи въ 1818 году: «Іереміады о бѣдствіяхъ Рима подъ владычествомъ Бонапарта суть нечто иное, какъ пустыя фразы художниковъ, не понимающихъ въ чемъ дѣло. Уничтоженіе церковнаго господства въ этой странѣ представлялось простою необходимостью; оно было предпринято съ умомъ и осторожностью. Правда, населеніе города вдругъ уменьшилось; зато оставшіеся жители почувствовали значительное облегченіе, и со временемъ все пошло бы своимъ естественнымъ порядкомъ. Число рожденій быстро увеличилось, а смертность замѣтно сократилась. Въ высшихъ классахъ пробудилась политическая жизнь, и

они начали проникаться умственными интересами». Но въ Папской Области было слишкомъ много дурныхъ элементовъ, которые не могли помириться съ реформами иноземныхъ властей. Многочисленное фанатическое духовенство и лѣнивая и невѣжественная чернь съ тріумфомъ встрѣтили Пія VII, возвратившагося изъ Фонтенбло послѣ шестилѣтняго насильственнаго отсутствія; вѣрные католики чтили его какъ мученика.

Пій VII былъ человѣкъ довольно добродушный, но съ ограниченными способностями и узкимъ политическимъ взглядомъ; главный его совѣтникъ Гонзальви, наиболѣе даровитый и образованный между кардиналами, въ то время хлопоталъ на Вѣнскомъ конгрессѣ о возвращеніи папскому престолу Маркіи, легатствъ и другихъ владѣній; въ отсутствіе его, дѣло римской реставраціи взялъ на себя кардиналъ Пакка. Французское законодательство было немедленно отмѣнено; монастыри, іезуиты и инквизиція возстановлены въ прежней силѣ; началось преслѣдованіе всякой свободной мысли. Деспотическимъ реакціоннымъ мѣрамъ Пакки подражали прелаты, начальствовавшіе въ легатствахъ и делегатствахъ: «они дѣйствовали также какъ турецкіе паши въ своихъ пашалыкахъ». (Гервинусъ). Когда Гонзальви воротился изъ Вѣны, онъ сталъ во главѣ управленія и нѣсколько ослабилъ жестокость церковной реакціи. Неизбѣжнымъ ея слѣдствіемъ было обѣднѣніе страны, возобновленіе нищенства въ прежнихъ размѣрахъ, упадокъ промышленности и земледѣлія. Поля Римской Кампаніи пришли опять въ запустѣніе, обратились въ пастбища и покрылись нездоровыми испареніями. Въ лучшемъ состояніи сохранилось земледѣліе сѣверо-восточныхъ провинцій, то-есть въ легатствахъ и Маркіи, потому что здѣсь сосредоточивалось самое дѣятельное и зажиточное населеніе Церковной Области. Эти провинціи во времена Наполеона составляли часть Итальянскаго королевства; онѣ привыкли къ удобствамъ свѣтской администраціи; онѣ успѣли оживиться надеждами національной партіи, и теперь съ явнымъ неудовольствіемъ встрѣтили возвращеніе духовныхъ властей. Самымъ яркимъ слѣдствіемъ церковной реставраціи было развитіе политическихъ сектъ и полное отсутствіе личной безопасности; грабежъ и убійство по большей части оставались безнаказанными, и потому дерзость бандитовъ доходила до крайней степени. Но о бандитахъ и политическихъ сектахъ Италіи мы будемъ говорить въ заключеніе нашего обзора итальянскихъ государствъ.

Неаполитанская часть Италіи далеко выдвигается на югъ, въ Средиземное море, вулканическій характеръ ея природы отразился и въ характерѣ населенія. Въ историческомъ и соціальномъ отношеніи она до

настоящаго столѣтія была связана съ нѣкоторыми другими странами тѣснѣе нежели съ сѣверною частью полуострова. Византійцы, Арабы, Норманны, Нѣмцы, Французы, Венгры, Испанцы, Габсбурги и Бурбоны, одни за другими, владѣли Неаполемъ и сдѣлали его почти чуждою страной для остальныхъ итальянцевъ. Войны французской революціи и имперіи показали однако, что судьба Неаполя должна рѣшаться въ Верхней Италіи. Царствованіе Мюрата произвело замѣчательныя перемѣны въ отношеніяхъ королевства къ сѣверной половинѣ полуострова. Военные подвиги Мюрата и его стремленіе къ политическому единству итальянцевъ подъ владычествомъ своего дома пробудили чувство національной чести въ неаполитанской арміи; къ Неаполю обратились тогда надежды патріотовъ изъ другихъ частей Италіи. Единство французскихъ учрежденій, распространившихся по всему полуострову, должно было послужить еще болѣе прочною связью между сѣверною и южною половиной. Такимъ образомъ уничтожилась китайская стѣна, раздѣлявшая ихъ до конца XVIII столѣтія, и нельзя уже было говорить, какъ прежде нѣкоторые говорили, что «Италія кончается у Гарильяно». Вліяніе французской администраціи и судопроизводства весьма замѣтно отразилось на благосостояніи края. Приведемъ по этому поводу слова неаполитанскаго историка Коллетты: «Гражданское законодательство, которое еще въ 1805 году было разсѣяно въ сотнѣ томовъ, теперь заключалось въ одномъ кодексѣ Наполеона; то же надобно сказать и объ уголовныхъ законахъ. Мѣсто прежняго канцелярскаго, дорогого процесса заступило гласное судопроизводство. Прежняя запутанная, несправедливая въ своихъ основаніяхъ, система финансовъ упрощена, налоги уравнены и государственная казна обогатилась. Управленіе общинъ и провинцій, страдавшее произволомъ, теперь получило опредѣленное устройство; старые административные обычаи смѣнились точными законами и постановленіями».

Въ эпоху французскаго владычества на полуостровѣ неаполитанскій король Фердинандъ IV жилъ со своимъ дворомъ въ Сициліи, которую онъ удержалъ за собой только помощью англійскаго флота. Исключительнымъ вліяніемъ на управленіе пользовалась энергическая, жестокая Каролина, супруга безхарактернаго Фердинанда. Деспотизмъ двора и тяжелые поборы скоро вывели изъ терпѣнія сицилійскій народъ, не отличавшійся и прежде привязанностью къ дому Бурбоновъ. Въ Сициліи былъ еще крѣпокъ феодальный порядокъ; города пользовались средневѣковыми муниципальными учрежденіями, а поземельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ феодальной аристократіи,

которая вела свое происхожденіе по большей части отъ норманскихъ выходцевъ, слѣдовательно находилась въ племенномъ родствѣ съ англійской аристократіей. Въ 1810 году сицилійскіе бароны обратились къ Англичанамъ съ жалобами на свою королеву. Тогда главнокомандующій англійскимъ вспомогательнымъ войскомъ, лордъ Бентинкъ, энергически вмѣшался въ дѣла правленія, и принудилъ Каролину удалиться изъ Палермо. Созванный имъ, сицилійскій парламентъ въ іюлѣ 1812 года составилъ для острова конституцію, основныя начала которой были совершенно англійскія. Съ того времени Бентинкъ, пока оставался на островѣ, то-есть до 1814 года, пользовался почти диктаторскою властью.

Послѣ паденія Мюрата, Фердинандъ въ іюнѣ 1815 года воротился въ Неаполь. Въ то время Каролины уже не было въ живыхъ; главные совѣтники короля, Медичи и Томази, наученные опытомъ въ Сициліи, избѣгали крайнихъ мѣръ; поэтому неаполитанская реставрація вначалѣ имѣла довольно мягкій характеръ, и король, повидимому, желалъ подтвердить новый порядокъ. Но здѣсь повторилось то же явленіе, какое представляетъ исторія французской реставраціи. Аристократы-эмигранты, воротившіеся вмѣстѣ съ дворомъ изъ Сициліи, захватили высшія должности, потребовали возвращенія своихъ имуществъ, своихъ привилегій, и мало-по-малу вывели короля на путь реакціонныхъ мѣръ. Чтобы положить предѣлъ распространенію либеральныхъ идей, цензура была возстановлена во всей прежней строгости; ланкастерскія школы въ провинціяхъ запрещены, нѣкоторыя феодальныя привилегіи дворянъ возобновлены, и гласное судопроизводство отмѣнено. Мюратисты сначала были оставлены въ покоѣ; но потомъ (послѣ несчастной попытки Мюрата) они подверглись такимъ же преслѣдованіямъ, какія испытывали тогда во Франціи бонапартисты. «Онъ изъ нашихъ или чужихъ (то-есть мюратистовъ)?»—спрашивалъ обыкновенно король при назначеніи чиновниковъ, и, разумѣется, только люди, отнесенные къ первому разряду, получали мѣсто. У Сициліи отняли конституцію 1812 года, ея парламентъ былъ распущенъ, самоуправленіе общинъ уничтожено, и она подчинена полному административному соединенію съ Неаполемъ. Англія слабо поддерживала жалобы сицилійцевъ, и свое вліяніе при неаполитанскомъ дворѣ допустила замѣнить вліяніемъ австрійскимъ. Не замедлили обнаружиться и обычныя слѣдствія такой реакціонной политики: населеніе впало въ прежнюю бѣдность и невѣжество; анархическое состояніе администраціи и судопроизводства повели за собою полное отсутствіе безопасности.

Бандиты были язвою цѣлой Италіи. Тамъ, гдѣ законы нарушаются

самими ихъ блюстителями, гдѣ низшіе классы угнетены высшими и доведены до нищеты, гдѣ земскихъ учрежденій и самоуправленія нѣтъ, и гдѣ притомъ административная централизація находится въ неразвитомъ состояніи (то-есть выражается только произволомъ областныхъ начальниковъ), въ такихъ государствахъ разбои составляютъ самое обыкновенное явленіе. Мало того, ремесло разбойника пользуется тамъ почетомъ и уваженіемъ въ нецивилизованной массѣ, потому что оно служитъ смѣлымъ протестомъ противъ ненавистнаго порядка, противъ иноземнаго гнета или правительственнаго произвола и гражданскаго неравенства; таково было ремесло клефтовъ въ Греціи и гайдуковъ или ускоковъ въ Сербіи—въ странахъ угнетенныхъ турецкимъ владычествомъ. Таково ремесло итальянскихъ бандитовъ, которые со страшною силой свирѣпствовали въ земляхъ особенно дурно управляемыхъ, каковы Неаполь и Папская Область. Во времена Наполеона, когда правительство энергически заботилось о внутренней безопасности, неаполитанскіе бандиты прикрывались королевскимъ знаменемъ: подобно испанскимъ герильясамъ, они объявляли себя защитниками національной независимости, получали вспоможеніе отъ Англичанъ, но, подъ предлогомъ войны съ Французами, грабили и убивали своихъ соотечественниковъ. Возвращаясь въ Неаполь, Фердинандъ даровалъ амнистію почти всѣмъ бандитамъ, содержавшимся въ тюрьмахъ, и, разумѣется, они не замедлили приняться за свое прежнее ремесло. Правительство потомъ вступало въ переговоры съ начальниками самыхъ сильныхъ шаекъ и старалось наградами склонить ихъ къ прекращенію разбоевъ или, при удобномъ случаѣ, пыталось захватить ихъ измѣнническимъ, чѣмъ обнаруживало только свою слабость. Неаполитанскій генералъ Вильгельмъ Пепе въ своихъ мемуарахъ между прочимъ разсказываетъ, что въ одномъ военномъ архивѣ онъ нашелъ приказы правительства, по которымъ было отпущено болѣе 2.000 дукатовъ на отравленіе бандитовъ. Такое средство, конечно, нисколько не помогало истребленію шаекъ, и деньги, по всей вѣроятности, оставались въ карманѣ чиновниковъ. Безнаказанность довела до того, что появилось нѣсколько разбойничьихъ сектъ (напримѣръ, секта *отчаянныхъ*), которыя усвоили себѣ военную организацію, и цѣлыя деревни открыто упражнялись въ искусствѣ владѣть оружіемъ. Эмблемой ихъ служили черныя знамена и мертвыя головы; а патенты на разныя должности въ шайкахъ писались человѣческою кровью; измѣнившіе товарищи наказывались смертію. Эти секты въ то же время распространяли коммунистическія идеи, и имущество людей богатыхъ, добровольно или изъ страха вступавшихъ въ общество, дѣлилось поровну между его членами. При такихъ

условіяхъ безопасности, понятно, какъ затруднительны были средства сообщенія между городами. Чтобъ отправить, напримѣръ, почтовую карету изъ столицы въ Апулію, надобно было давать прикрытіе въ 1.000 человѣкъ войска. Въ горахъ Калабріи и Абруццахъ бандиты были почти недоступны для отрядовъ правительства; а изъ Абруццъ въ случаѣ неудачи они переходили въ сосѣднія Папскія владѣнія и продолжали тамъ свои подвиги. Нѣкоторые изъ ихъ атамановъ пріобрѣли большую извѣстность своимъ удальствомъ и количествомъ преступленій; они нападали обыкновенно на людей богатыхъ, а съ низшими классами находились въ дружескихъ сношеніяхъ, и потому получили характеръ какихъ-то народныхъ героевъ; таковы Анникьярко и братья Вардарелли.

Въ связи съ бандитами развивались тайныя политическія общества, которыя какъ сѣтью покрыли собою всю Италію. Тайныя общества составляютъ всегда признакъ болѣзненнаго состоянія: они указываютъ на недостатокъ органической связи между высшими и низшими классами, на угнетеніе одного сословія другимъ, или являются слѣдствіемъ ненавистнаго иноземнаго владычества. Италія издавна была классическою страной бандитовъ и тайныхъ обществъ; здѣсь соединялись всѣ условія, необходимыя для ихъ существованія. Гнетъ домашній и иноземный долгое время раздражалъ страсти, вызывалъ тайные предпріятія и заговоры; вообще историческія обстоятельства развили сильный мистическій элементъ, который составляетъ слабую сторону итальянскаго характера. Церковныя учрежденія служили здѣсь образцомъ для свѣтскихъ; напримѣръ, католическая инквизиція была взята за образецъ для венеціанской инквизиціи, а устройство монашескихъ орденовъ имѣло вліяніе на организацію политическихъ и религіозныхъ сектъ. Изъ нихъ самыя замѣчательныя были слѣдующія: *европейскіе патріоты, филадельфы* и *отчаянные*—въ Неаполѣ, *санфедисты*—въ Папской Области, *индепенденты* и *федералисты*—въ Піемонтѣ; но всѣ онѣ въ началѣ настоящаго столѣтія были заслонены огромнымъ обществомъ *карбонаріевъ*.

Происхожденіе карбонаризма объясняютъ потребностью мирныхъ среднихъ классовъ защитить себя отъ двойного гнета, сверху и снизу. Время его происхожденія еще недостаточно разъяснено. Наиболѣе распространенное мнѣніе считаетъ карбонаріевъ особенною вѣтвію масонства, занесеннаго изъ Германіи. По крайней мѣрѣ, у масоновъ они заимствовали свои символы, свои мистическіе обряды; какъ масоны получили свое имя отъ ремесла каменщиковъ, такъ карбонаріи взяли его у ремесла угольщиковъ. Главною цѣлью первыхъ было распространеніе духовнаго образованія; вторые сдѣлали своею задачей пріобрѣтеніе свободныхъ граж-

данскихъ учрежденій; съ этою задачей соединялась ненависть къ чужеземному игу и развивавшаяся оттуда идея національнаго единства. Тайные клубы или венты карбонаріевъ, устроенные на подобіе масонскихъ ложъ, были распространены по цѣлой Италіи; главная же ихъ сила и дѣятельность сосредоточились въ Неаполѣ. Здѣсь, послѣ уничтоженія Партенопейской республики, карбонаріи, приверженные преимущественно къ республиканскимъ формамъ, подверглись преслѣдованію королевскаго правительства (сначала Жозефа Бонапарте, потомъ Мюрата). Многіе изъ нихъ удалились въ неприступныя скалы Абруццъ и Калабріи, и оттуда разсылали своихъ агентовъ по цѣлой Италіи. Въ союзѣ съ бандитами, они дѣйствовали противъ Мюрата и помогали возвращенію въ Неаполь Фердинанда, который обольстилъ ихъ обѣщаніями либеральныхъ учрежденій. Но когда начались реакціонныя мѣры правительства и карбонаріи увидѣли себя обманутыми, дѣятельность ихъ возобновилась съ новою силой. Тогда правительство для борьбы съ ними выставило приверженное себѣ тайное общество *кальдераріевъ*, основанное покойною Каролиной въ Сициліи. Во главѣ кальдераріевъ (или, какъ они сами себя называли, *тринитаріевъ*) сталъ министръ королевской полиціи Каноза, достойный ученикъ Каролины. Онъ вскорѣ сумѣлъ возбудить такую ненависть между партіями, что король, по настоятельнымъ убѣжденіямъ иностранныхъ пословъ, принужденъ былъ въ 1816 году дать ему отставку. Общество карбонаріевъ между тѣмъ росло и распространялось по всѣмъ частямъ полуострова. Имѣя повсюду своихъ агентовъ—въ судахъ, въ администраціи, въ войскѣ,—оно пріобрѣло могущественное вліяніе, которое старалось употреблять на народную пользу. Такъ, оно дѣятельно помогало неаполитанскому генералу Чорчу (родомъ англичанину) истребить хищную секту *отчаянныхъ* въ 1817 году. Подъ защитою карбонаризма можно было найти безопасность отъ преслѣдованія правительства и отъ грабежа бандитовъ; поэтому много охотниковъ изъ всѣхъ сословій спѣшило втереться въ члены этого общества. Но вмѣстѣ съ быстрымъ распространеніемъ карбонаризма началась его порча: подъ покровительство его стали прибѣгать преступники, чтобъ избѣжать наказанія, люди, хотѣвшіе мстить за свои частныя обиды, и вообще всѣ желавшіе пріобрѣсти политическое значеніе. Общество начинало принимать безпокойный, эгоистическій характеръ. Тогда старые либералы попытались произвести въ немъ реформы, чтобъ очистить его отъ вредныхъ элементовъ.

Самая видная роль въ послѣдующихъ событіяхъ принадлежала неаполитанскому генералу Вильгельму Пепе, который занималъ первое мѣсто между вождями карбонаріевъ и былъ горячимъ поборникомъ національ-

ной независимости. Онъ составилъ себѣ блестящую военную репутацію во времена Мюрата и съ возвращеніемъ Бурбоновъ сохранилъ свое мѣсто въ арміи. Въ 1818 году Пепе былъ посланъ министерствомъ въ Авеллино (главный городъ провинціи Капитаната), чтобъ организовать тамъ гражданскую милицію. Офицерами для нея онъ назначалъ преимущественно членовъ карбонарскаго общества, и задумалъ опереться на милицію въ борьбѣ съ абсолютизмомъ. Въ то же время онъ старался преобразовать самое «общество» и укрѣпить его военною дисциплиной.

II. Неаполитанскій переворотъ.

При полномъ разладѣ между наиболѣе цивилизованными классами и возстановленными династіями, при сильномъ развитіи тайныхъ сектъ и возраставшемъ вліяніи карбонаризма, который стремился къ свободнымъ учрежденіямъ и національной независимости, недоставало только внѣшняго толчка, чтобы произошло открытое движеніе недовольныхъ. Этотъ толчокъ былъ данъ событіями въ Испаніи, гдѣ въ мартѣ 1820 года либеральная партія провозгласила конституцію и заставила короля утвердить ее своею присягой. Испанская революція прежде всего отозвалась въ Неаполѣ, который находился еще въ довольно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Испаніей. Королевство Обѣихъ Сицилій только во второй половинѣ прошлаго столѣтія перестало быть испанскимъ намѣстничествомъ; въ немъ царствовала теперь младшая линія испанскихъ Бурбоновъ. Первое движеніе неаполитанскихъ карбонаріевъ произошло въ Салерно: они хотѣли поднять войско, собранное для королевскаго смотра между Гаэтой и Капуей, и провозгласить испанскую конституцію. Но смотръ окончился спокойно; а правительство, замѣтивъ волненіе въ Салерно, начало производить аресты. Тогда предводители салернской венты обратились въ Авеллино къ Вильгельму Пепе, и просили его стать во главѣ возстанія съ титуломъ генералъ-капитана. Пепе медлилъ положительнымъ отвѣтомъ и совѣтовалъ Салернцамъ подождать; лица, окружавшія его, поддерживали эту нерѣшительность. Но между тѣмъ какъ высшіе офицеры обсуждали вопросъ и колебались, незначительные люди прямо приступили къ дѣлу.

Одинъ изъ салернскихъ карбонаріевъ, Гальярди, поспѣшилъ въ ближайшій городокъ Полу, и вмѣстѣ съ каноникомъ Меникини, который пользовался здѣсь популярностію, началъ дѣйствовать на стоявшій въ городѣ кавалерійскій полкъ. 2 іюля 1820 года два подпоручика, Морелли и Сильвати, возмутили свой эскадронъ, и въ сопровожденіи нѣсколькихъ карбонаріевъ, съ кликами: «да здравствуетъ король и кон-

ституція!» бросились въ Авеллино. Вильгельмъ Пепе въ то время находился въ Неаполѣ; заступавшій его мѣсто полковникъ Кончили съ своею милиціей присталъ къ движенію. Инсургенты направились къ столицѣ, и въ виду ея расположились лагеремъ на Монтекьяро. Движеніе быстро распространилось по всѣмъ сосѣднимъ городамъ, и карбонаріи отовсюду начали стекаться въ лагерь авеллинской милиціи; въ Неаполѣ народъ и войско, особенно молодежь, волновались и очевидно ждали только удобнаго случая, чтобы соединиться съ инсургентами. Правительство короля, при такомъ неожиданномъ взрывѣ, совершенно растерялось. Австрійскій генералъ Нугентъ, бывшій тогда военнымъ министромъ въ Неаполѣ, собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было послать къ мятежникамъ Вильгельма Пепе, какъ самаго популярнаго генерала, чтобъ онъ уговорилъ ихъ разойтись. Но дворъ подозрительно смотрѣлъ на Пепе и не утвердилъ рѣшенія военнаго совѣта; а между тѣмъ не принималъ никакихъ энергическихъ мѣръ. Вообще семидесятилѣтній король обнаружилъ при этомъ случаѣ совершенное отсутствіе энергіи и находчивости; онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ вступить въ переговоры съ предводителями возстанія, и деньгами хотѣлъ склонить ихъ къ бѣгству за границу. Опасаясь ареста, Пепе 5 числа удалился изъ города; онъ увлекъ за собою часть гарнизона и присоединился къ инсургентамъ Монтекьяро. Немедленно въ самой столицѣ подпались карбонаріи, и въ ту же ночь отправили депутацію, составленную изъ самыхъ значительныхъ членовъ «общества», которые отъ имени народа и войска потребовали у короля согласія на конституцію. Большая часть придворныхъ вельможъ совѣтовала королю уступить и не усиливать народнаго раздраженія. Яснѣе всѣхъ высказалъ заднюю мысль трусливыхъ аристократовъ старый маркизъ Чирчелло, который со слезами на глазахъ уговаривалъ короля согласиться на требованіе инсургентовъ. «Уступите только настоящей опасности,—говорилъ онъ—,а потомъ Богъ поможетъ благочестивѣйшему королю опять воротить права изъ рукъ преступнаго народа». Герцогъ Асколи передалъ депутатамъ согласіе короля на конституцію. «Когда она будетъ объявлена?»—Немедленно.—«То-есть?» —Черезъ два часа.— Одинъ изъ депутатовъ, герцогъ Пиколлети (зять герцога Асколи), посмотрѣлъ на свои часы, и сказалъ: «Теперь часъ полуночи; итакъ, въ три часа конституція будетъ обнародована!» Дѣйствительно, въ назначенное время появился королевскій эдиктъ; онъ объявлялъ, что король, по всеобщему желанію, даруетъ своему народу конституцію, основанія которой будутъ приведены въ извѣстность и позднѣе семи дней. Однако въ тотъ же день Фердинандъ, подъ пред-

логомъ нездоровья, передалъ правительственныя дѣла наслѣдному принцу, какъ своему намѣстнику.

Инсургенты, занимавшіе лагерь на Монтекьяро, торжественно вступили въ Неаполь. Впереди шелъ *священный* эскадронъ (который поднялъ возстаніе въ Нолѣ), за нимъ слѣдовала либеральная милиція, потомъ вступалъ аббатъ Меникини во главѣ пестрой толпы вооруженныхъ карбонаріевъ. Принцъ-намѣстникъ и весь дворъ привѣтствовали процессію, стоя на балконѣ дворца и украшенные тремя карбонарскими цвѣтами (красный, черный, синій). Вильгельмъ Пепе торжественно донесъ, что «когда онъ пріѣхалъ въ лагерь, революція уже совершилась, и ему оставалось только позаботиться о томъ, чтобы направить ее на благо отечеству и трону». Принцъ и потомъ король благодарили Пепе за его патріотизмъ и утвердили за нимъ титулъ генералиссимуса. Назначенные восемь дней прошли въ обсужденіи вопроса, какую конституцію принять для Неаполя, — испанскую или сицилійскую 1812 года? Дворъ съ умысломъ возбудилъ вопросъ о послѣдней, разсчитывая на вражду между Неаполемъ и Сициліею, и разсчетъ его удался какъ нельзя лучше. Вслѣдствіе почти единогласнаго требованія неаполитанскихъ карбонаріевъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу испанской конституціи, заключающей въ себѣ болѣе демократическихъ элементовъ, чѣмъ сицилійская*). 13 іюля, въ храмѣ, торжественно, положивъ руку на Евангеліе, король далъ присягу конституціи; за нимъ присягнули и принцы. Присутствующіе были тронуты до слезъ тою искренностью, съ которою королевская фамилія, повидимому, вступала на новый политическій путь, а также и замѣчательною легкостью переворота не стопившаго почти ни капли крови. Они далеки были отъ мысли, что за этою легкостью революціи скрывалась ея совершенная непрочность.

Первая и главная ошибка неаполитанскихъ либераловъ заключалась въ томъ, что они предпочли сицилійской конституціи испанскую, и не позаботились тѣснѣе, общими интересами, сблизить съ собою Сицилійцевъ. Между тѣмъ въ Сициліи итальянскій карбонаризмъ и его идеи національнаго единства имѣли мало успѣха; здѣсь всегда было сильно стремленіе, въ отдѣльности, къ самостоятельной политической жизни. Въ Мессинѣ, при первомъ извѣстіи о переворотѣ, неаполитанскій гарнизонъ

*) Вотъ сущность испанской конституціи (составленной, такъ же какъ сицилійская, въ 1812 г.): верховная власть народа; равенство передъ закономъ; всеобщая обязательность податей и военной службы; свобода печати; законодательная власть въ рукахъ однокамерной палаты представителей; король не имѣетъ права ее распускать, и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ поступаетъ съ ея согласія, включая сюда назначеніе высшихъ чиновниковъ, судей и даже епископовъ.

привѣтствовалъ испанскую конституцію и увлекъ за собою жителей. Но въ Палермо немедленно начались смуты. Войска начали кричать: «да здравствуетъ конституція!» Палермитяне присоединили къ этому кликъ: «да здравствуетъ независимость!» и начали брататься съ солдатами. Чтобы сохранить дисциплину, генералъ Чорчъ велѣлъ войскамъ удалиться въ казармы; чернь пришла въ ярость; одинъ священникъ хотѣлъ ударить генерала кинжаломъ и ранилъ его спутника. На слѣдующій день чернь была уже въ полномъ возстаніи подъ предводительствомъ священниковъ и монаховъ; при этомъ случаѣ королевскій намѣстникъ, генералъ Назелли (неизвѣстно съ намѣреніемъ или по неспособности), допустилъ ее ворваться въ Кастелламаре, захватить тамъ 14.000 ружей и потомъ освободить тюремныхъ и галерныхъ арестантовъ. Послѣ непродолжительной борьбы малочисленный неаполитанскій гарнизонъ былъ побѣжденъ, и намѣстникъ удалился въ Неаполь. Эта побѣда черни сопровождалась разграбленіемъ королевскаго дворца и другими неистовствами. Палермитяне тотчасъ назначили правительственную юнту, которая потребовала отъ Неаполя отдѣльнаго правительства для острова, съ однимъ изъ принцевъ во главѣ. Однако другіе города отказались признать палермскую юнту; большая часть аристократической партіи не хотѣла соединить свое дѣло съ дѣломъ черни и противодѣйствовала усиліямъ парлемскихъ демократовъ поднять весь островъ. Тогда юнта, вооруживъ многочисленныя толпы простонародья, открыла войну противъ Неаполитанцевъ и жителей, не хотѣвшихъ подчиниться ея власти. Въ этой войнѣ Палермитяне старались подражать испанскимъ герильясамъ; но далеко превзошли ихъ грабежомъ, поджогами и всякаго рода насиліями. Одна шайка подобныхъ герильясовъ взяла Кальтанизету, значительный городъ внутри острова, и совершила тамъ такіе ужасы, что дѣло палермской юнты возбудило отвращеніе въ массѣ Сицилійцевъ, а неаполитанское правительство поспѣшило принять энергическія мѣры. Флоресганъ Пепе, старшій братъ Вильгельма, отправленъ былъ съ десантнымъ войскомъ для занятія столицы острова. Инсургенты, одушевляемые восьмидесятилѣтнимъ палермскимъ демагогомъ, княземъ Патерно, оказали отчаянное сопротивленіе. Однако, спустя нѣсколько дней, осажденные должны были уступить, и Патерно заключилъ съ Пепе капитуляцію, въ силу которой Палермитяне получили амнистію и соглашались подчиниться испанской конституціи. Конституціонное правительство осталось недовольно умѣренностью Флорестана Пепе, въ то время самаго благоразумнаго изъ неаполитанскихъ патріотовъ; парламентъ началъ обращаться съ Сицилійцами какъ съ мятежниками и послалъ на

мѣсто Пепе другого генерала (Коллету), который распустилъ палермскую юнту и водворилъ на островѣ военный деспотизмъ. Такимъ образомъ неаполитанская либеральная партія не только лишила себя поддержки Сицилійцевъ, но и должна была оставить на островѣ 8000 своего лучшаго войска въ то время, когда съ сѣвера уже приближалась австрійская армія.

Между тѣмъ въ Неаполѣ также дѣло не обошлось безъ разныхъ смутъ. Первыя недѣли, которыя послѣдовали за революціей, были довольно бурны: толпы черни, возбуждаемыя народными ораторами, требовали казни самыхъ нелюбимыхъ служителей деспотизма; между двумя отрядами войска произошла кровавая схватка. Въ провинціяхъ совершено значительное число убійствъ и насилій; мѣстами возвышались требованія республиканскихъ формъ. Но эти смуты скоро прекратились усиліями карбонаріевъ, когда извнѣ начала грозить серьезная опасность. Князь Каріати, отправленный въ Вѣну хлопотать о признаніи новой формы правительства, воротился безъ успѣха. Чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣнье Европы и отнять у Австріи поводъ вмѣшиваться въ неаполитанскія дѣла, союзъ карбонаріевъ рѣшился всѣми силами поддерживать спокойствіе и безопасность въ государствѣ. Они отбросили свою прежнюю таинственность и начали дѣйствовать открыто, стараясь придать революціи мирный, нравственный характеръ. Тогда-то вполнѣ обнаружились огромные размѣры «союза» и его могущественное вліяніе. Въ государствѣ было до 1000 вентъ, которыя всѣ вмѣстѣ насчитывали до 300.000 членовъ; сюда принадлежалъ весь цвѣтъ зажиточныхъ и образованныхъ классовъ. Появились даже женскія ложи карбонаріевъ, и патріотизмъ быстро вошелъ въ моду. Благодаря ихъ усиліямъ, спокойствіе дѣйствительно водворилось скоро въ цѣлой странѣ: разбои и грабежи прекратились, и никогда общественная безопасность въ Неаполитанскомъ королевствѣ не была такъ велика, какъ въ то время; никогда принципъ собственности не былъ такъ уважаемъ. Вильгельмъ Пепе организовалъ городскую стражу изъ самихъ карбонаріевъ; вооруженная кинжалами и символическими знаками своего союза, она производила вездѣ сильное впечатлѣніе на толпу. Конституціонное министерство, составленное изъ лицъ неаполитанской или мюратовской школы, дѣятельно хлопотало объ устройствѣ новаго порядка и средствахъ защиты со стороны Австріи. Регулярное войско, состоявшее съ небольшимъ изъ двадцати тысячъ, положено было увеличить до пятидесяти; отставные чины приглашены поступить опять на службу отечеству на шесть мѣсяцевъ въ качествѣ волонтеровъ, и дѣйствительно, благодаря

содѣйствію карбонаріевъ, они со всѣхъ сторонъ стекались на призывъ правительства. Кромѣ линейныхъ полковъ, предположено было поставить на военную ногу гражданскую милицію, число которой, по проекту министерства, опредѣлено въ 200.000 человѣкъ.

1 октября происходило открытіе парламента при большомъ стеченіи и восторженныхъ кликахъ народа: навстрѣчу торжественной процессіи, шедшей по Толедской улицѣ къ храму, жители выпускали изъ клѣтокъ птицъ, въ знакъ своего освобожденія. Король еще разъ присягнулъ конституціи. Начались оживленныя пренія ораторовъ. Парламентъ отличился духомъ нововведеній и стремленіемъ придать испанской конституціи еще болѣе демократическій характеръ. Первый неблагоразумный шагъ его, какъ мы видѣли, заключался въ отказѣ подтвердить палермскую капитуляцію; онъ не сумѣлъ привлечь на свою сторону сицилійское населеніе. Депутаты находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ карбонаріевъ, которые организовали въ столицѣ особый правительственный центръ, такъ называемое «генеральное собраніе», составленное изъ представителей всѣхъ провинціальныхъ и столичныхъ вентъ.

Общественное мнѣніе Европы очень радушно встрѣтило эту конституцію, водворенную безъ пролитія крови, съ уваженіемъ принципа собственности. Легкость переворота многимъ либераламъ показалась признакомъ единодушія. Богатые банкирскіе дома въ Лондонѣ и Парижѣ предложили свою помощь новому неаполитанскому правительству для внѣшняго займа, необходимаго на покрытіе предстоявшихъ военныхъ издержекъ; лучшіе генералы посылали ему свои совѣты, касательно обороны государства. Въ другихъ частяхъ Италіи умы волновались, возбуждаемые вентами карбонаріевъ; а въ Папской Области замѣтны были признаки революціоннаго движенія. Но вопросъ о неаполитанской конституціи ожидалъ своего рѣшенія отъ согласія великихъ державъ, которыя, со времени Вѣнскаго конгресса, сдѣлались высшимъ, безапелляціоннымъ трибуналомъ для всѣхъ второстепенныхъ государствъ Европы. Австрія естественно болѣе всѣхъ была заинтересована въ послѣднемъ переворотѣ. Она опасалась, что одушевленіе итальянскаго патріотизма повлечетъ за собою потерю ея владеній и ея вліянія на полуостровѣ; она равно опасалась и заразительнаго примѣра для другихъ подвластныхъ ей народовъ. Поэтому при первомъ извѣстіи о событіяхъ въ Неаполѣ приняты были всевозможныя мѣры предосторожности: часть арміи и главныя крѣпости въ Ламбардо-Венеціанскомъ королевствѣ поставлены на военную ногу; полицейскій надзоръ усиленъ. Благодаря подобнымъ мѣрамъ, всѣ попытки карбонаріевъ произвести возстаніе въ

Ломбардіи и Средней Италіи остались безъ успѣха. Въ то же время австрійская дипломатія приняла твердое намѣреніе оружіемъ подавить неаполитанскую конституцію, и Меттернихъ началъ хлопотать о томъ, чтобы великія державы вручили Австріи полномочіе водворить въ Италіи законный порядокъ. Для обсужденія революціонныхъ движеній, онъ устроилъ конгрессъ въ Троппау (городкѣ австрійской Силезіи). Сюда съѣхались три главы священнаго союза, въ сопровожденіи своихъ министровъ, и уполномоченные Англіи и Франціи. Послѣдніе съ самаго начала высказались въ пользу невмѣшательства. Кабинетъ Людовика XVIII, не желая предать Италію въ руки старой своей соперницы Австріи, даже предложилъ Неаполитанцамъ посредничество на конгрессѣ, если они преобразуютъ конституцію въ духѣ французской хартіи, то-есть дадутъ болѣе власти королю. Неаполитанское министерство охотно соглашалось на это условіе; но неумѣренность радикаловъ, «вѣрнѣйшая союзница Меттерниховой политики» (замѣчаетъ Рейхлинъ въ своей *Итальянской исторіи*), рѣшительно отвергла дружественное предложеніе Франціи. Тогда Меттернихъ исключительно обратился къ двумъ абсолютнымъ державамъ и употребилъ всю свою дипломатическую ловкость, чтобы склонить Россію на сторону австрійскаго плана. Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Такъ получила дальнѣйшее развитіе система вооруженнаго вмѣшательства, имѣвшая своею цѣлью поддерживать въ Европѣ принципы Священнаго союза.

19-го ноября 1820 года уполномоченные трехъ сѣверныхъ державъ подписали протоколъ, который предлагалъ сначала подѣйствовать на Неаполь убѣжденіемъ; если же этимъ путемъ цѣль не будетъ достигнута, Австрія принимала на себя обязательство употребить силу для возстановленія законнаго порядка. Вслѣдъ затѣмъ конгрессъ перешелъ въ крайнскій городъ Лайбахъ, чтобы быть поближе къ театру событій. Здѣсь англійскій уполномоченный передалъ конгрессу ноту отъ своего министерства: Англія отказывалась приступить къ политикѣ трехъ сѣверныхъ державъ, и не признавала за ними права вмѣшательства, которое уничтожало самостоятельность второстепенныхъ государствъ. Но этотъ протестъ торійскаго министерства былъ слабъ; Англія только умывала руки въ послѣдующихъ событіяхъ и не хотѣла принять въ нихъ никакого участія.

На Лайбахскомъ конгрессѣ явились представители всѣхъ итальянскихъ государствъ. Король Обѣихъ Сицилій былъ приглашенъ лично вступить въ соглашеніе съ Европой по вопросу о неаполитанской революціи. Фердинандъ весьма охотно принялъ это предложеніе, которое

давало ему возможность освободиться изъ рукъ либераловъ; но онъ не могъ уѣхать изъ государства безъ согласія парламента. Послѣдній нѣкоторое время колебался; тѣ члены новаго правительства, которые остались въ душѣ роялистами, сильно хлопотали объ отъѣздѣ короля; сами карбонаріи были не противъ отъѣзда. Король съ своей стороны торжественно обѣщалъ отстаивать на конгрессѣ дѣло свободы, и снова присягнулъ конституціи. Наконецъ парламентъ, послѣ жаркихъ преній, изъявилъ свое согласіе. Передавъ всѣ права короны наслѣдному принцу съ титуломъ регента, Фердинандъ въ декабрѣ 1820 года отплылъ на англійскомъ военномъ кораблѣ изъ Неаполя, сопровождаемый министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцогомъ фонъ-Галло. Въ Лайбахѣ онъ немедленно снялъ съ себя маску притворства, и безъ труда былъ убѣжденъ Меттернихомъ положиться во всемъ на рѣшеніе трехъ союзныхъ державъ. Рѣшеніе это состоялось въ январѣ 1821 года, и три державы сообщили его принцу-регенту посредствомъ своихъ посланниковъ въ Неаполѣ. Нота конгресса заключала два слѣдующіе пункта: во-первыхъ, державы, для сохраненія спокойствія въ Италіи, не могутъ допустить существованія конституціи въ Неаполитанскомъ королевствѣ; во-вторыхъ, австрійскій оккупаціонный корпусъ вступитъ въ королевство и останется тамъ до тѣхъ поръ, пока спокойствіе и законный порядокъ не будутъ вполнѣ обезпечены; неаполитанцамъ предоставлялось только на выборъ—встрѣтить австрійцевъ какъ друзей или какъ враговъ. Принцъ-регентъ отвѣчалъ, что онъ останется вѣренъ своей присягѣ и ни въ какомъ случаѣ не желаетъ отдѣлять себя отъ народа. Въ томъ же тонѣ онъ говорилъ парламенту, созванному для обсужденія лайбахской ноты. Парламентъ съ достоинствомъ независимой націи отвергъ рѣшеніе конгресса, объявилъ своего короля несвободнымъ, дѣйствующимъ по принужденію трехъ державъ, и издалъ манифестъ къ народу, призывая его на защиту отечества. Тогда посланники Россіи, Австріи и Пруссіи оставили Неаполь. 50.000 отборнаго австрійскаго войска подъ начальствомъ барона Фримонта двинулись изъ Ломбардіи на югъ, и въ началѣ марта приблизились къ неаполитанскимъ границамъ.

Большинство городского населенія отвѣчало на призывъ парламента чрезвычайно воинственнымъ энтузіазмомъ. Милиція выказала необыкновенное рвеніе. Народъ въ театрахъ и на улицахъ требовалъ, чтобъ его немедленно вели противъ непріятеля. Волонтеры стекались со всѣхъ сторонъ и переполняли гражданскіе батальоны. Многіе молодые люди, черезъ горы, почти безъ всякихъ запасовъ, съ однимъ охотничьимъ ружьемъ, спѣшили на границы Абруццъ, чтобы «поохотиться за волка-

ми» (подъ которыми разумѣлись Австрійцы). Въ Неаполѣ никогда не было произнесено такъ много сильныхъ патріотическихъ рѣчей, какъ въ это время; никогда въ устахъ неаполитанской молодежи такъ часто не повторялись имена греческихъ и римскихъ героевъ, которымъ она хотѣла подражать. На одномъ праздникѣ въ честь мюратовскихъ генераловъ застольный ораторъ, увлеченный своимъ поэтическимъ одушевленіемъ, вдругъ сдѣлалъ вопросъ: «Кто же изъ этихъ полководцевъ будетъ Мильтіадомъ?» Глубокое молчаніе. «Они всѣ будутъ Мильтіадами!» воскликнулъ ораторъ, и слова его покрылись восторженными рукоплесканіями. Триста волонтеровъ, принявшіе названіе *бруттійскихъ*, объявили, что они заставятъ снова говорить о Ѳермопилахъ. «Мы особенно гордимся тѣмъ, — прибавляли они, — что вмѣстѣ съ Муціемъ Сцеволою, но еще справедливѣе его, можемъ сказать: всѣ наши сограждане намъ подобны, всѣ они смерть предпочитаютъ стыду». Европейскіе либералы съ полнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ встрѣтили этотъ воинственный энтузіазмъ. Въ Парижѣ, генералъ Фуа, одинъ изъ популярныхъ ораторовъ лѣвой стороны, открыто заявилъ въ палатѣ свое мнѣніе, что Австрійцы, можетъ-быть, легко войдутъ въ Абруццы, но что оттуда они навѣрное не выйдутъ. Даже въ Лайбахѣ извѣстія изъ Неаполя произвели сильное впечатлѣніе, и союзники уже думали о посылкѣ подкрѣпленій. Ихъ успокоилъ хитрый герцогъ Моденскій, отличный знатокъ итальянскаго характера.

Дѣйствительно, при этомъ наружномъ энтузіазмѣ, внимательному наблюдателю не трудно было замѣтить, что въ глубинѣ массы скрывалось сомнѣніе въ успѣхѣ дѣла и даже уныніе при видѣ приближающейся грозы. Очевидное неравенство силъ, молчаніе остальной Италіи, отказъ Испаніи на просьбу о помощи, взаимное недовѣріе и разногласіе вождей,— все это способствовало тому, что воинственное настроеніе скоро миновалось; масса, по обычаю южныхъ жителей, легко увлеклась патріотическимъ одушевленіемъ, но также легко впала и въ прежнюю апатію. Неаполитанцы нѣсколько столѣтій жили подъ кровомъ абсолютизма, погруженные въ суевѣріе, лѣнь и распущенность нравовъ. Естественно, что новыя учрежденія не могли привиться вдругъ и пустить настолько глубокіе корни, чтобы народъ охотно жертвовалъ своимъ имуществомъ и жизнью на защиту гражданской свободы. Притомъ въ королевствѣ существовала многочисленная партія, приверженная къ королю или, точнѣе сказать, заинтересованная въ сохраненіи стараго патріархальнаго порядка. Роялисты, застигнутые врасплохъ Іюльскимъ переворотомъ, на время приняли видъ либераловъ, но втайнѣ не переставали дѣйство-

вать въ пользу реставраціи; они особенно старались мѣшать военнымъ приготовленіямъ и улучшенію финансовъ, которые находились въ самомъ разстроенномъ состояніи. Имъ даже удалось сначала распространить убѣжденіе въ томъ, что извнѣ нельзя ожидать никакой серьезной опасности; а когда вожди революціи замѣтили свою ошибку, было уже поздно. Къ числу такихъ мнимыхъ либераловъ принадлежалъ и принцъ-регентъ. Находясь во власти карбонаріевъ, Францискъ далъ союзнымъ державамъ гордый отвѣтъ на ихъ ноту и высказалъ намѣреніе лично вести войска противъ Австрійцевъ; его супруга украшала трехцвѣтными лентами знамена волонтеровъ. Но въ дѣйствительности принцъ игралъ двойную роль; онъ не спѣшилъ предположенною закупкой оружія въ Англіи, оборонительными работами на сѣверной границѣ, доставкой припасовъ въ крѣпости, своевременнымъ сборомъ милиціи на извѣстные пункты и т. п.

Война уже начиналась, а Неаполитанцы были къ ней совершенно не приготовлены и выставили въ поле только съ небольшимъ сорокатысячную армію, состоявшую отчасти изъ милиціи. Принцъ-регентъ устроилъ еще дѣло такимъ образомъ, что эта армія раздѣлилась на двѣ части, поставленныя подъ команду двухъ генераловъ, независимыхъ другъ отъ друга и питавшихъ взаимное нерасположеніе. Первая, большая часть, занимала позицію, опиравшуюся на крѣпости Гаэту и Капую; ею командовалъ генералъ Караскоза, который мало вѣрилъ въ счастливый исходъ войны и желалъ вступить въ переговоры съ непріятелемъ. Другой корпусъ, въ 15 или 16 тысячъ, состоялъ подъ начальствомъ Вильгельма Пепе и расположился въ Абруццахъ. Пепе, при открытіи парламента, сложилъ съ себя званіе генералиссимуса, и потомъ получилъ отъ короля должность генералъ-инспектора милиціи. Эпоха неаполитанской революціи вполнѣ обнаружила характеръ этой личности: онъ былъ горячій патріотъ, военный энтузіастъ, но человѣкъ легкомысленный и непостоянный; онъ задумывалъ всегда смѣлые планы, но не имѣлъ настойчивости приводить ихъ въ исполненіе. Еще прежде нежели дошло дѣло до битвы, въ арміи уже господствовали измѣна и разномысліе. Приверженцы старой системы усердно распространяли между солдатами прокламаціи барона Фримонта и короля Фердинанда, который приказывалъ неаполитанскимъ войскамъ соединиться съ Австрійцами. При такихъ обстоятельствахъ не могло быть никакого сомнѣнія въ исходѣ дѣла. Передовые австрійскіе отряды подошли къ неаполитанской границѣ, и нетерпѣливый Пепе, спѣшившій смѣлымъ ударомъ поправить духъ своего войска, вступилъ съ ними въ битву при мѣстечкѣ Ріети (7 марта 1821 г.). Милиція, на ко-

торую онъ возлагалъ главную надежду, пришла въ безпорядокъ при первыхъ выстрѣлахъ непріятельской артиллеріи; а когда данъ былъ приказъ отступать, Неаполитанцами овладѣлъ паническій страхъ; войска дезертировали цѣлыми батальонами. На слѣдующій день армія Пепе уже не существовала. Едва вѣсть о пораженіи при Ріети пришла въ лагерь Караскозы, солдаты его начали быстро расходиться; они не внимали убѣжденіямъ своихъ офицеровъ и даже посылали имъ на прощанье пули. Три дня спустя, Караскоза только съ немногими офицерами явился въ Капую.

Пепе предложилъ было перевести парламентъ въ Калабрію или въ Сицилію и начать противъ Австрійцевъ войну герильясовъ. Но его уже никто не слушалъ. 24 марта Австрійцы въ парадной формѣ, съ зелеными вѣтками на киверахъ, вступили въ Неаполь. Толпа не обнаружила ни печали, ни радости и смотрѣла на нихъ съ тупымъ любопытствомъ. Предводители революціи большею частью спаслись бѣгствомъ на иностранные корабли. Но многіе депутаты продолжали свои засѣданія въ палатѣ и подписали энергическій протестъ противъ насилія иностранныхъ державъ. Въ числѣ ихъ находились лучшіе парламентскіе ораторы и патріоты, каковы: Борелли, Поэріо, Каталани и Росси. Они были арестованы и разосланы по австрійскимъ крѣпостямъ. 15-го мая воротился въ свою столицу старый король. Населеніе привѣтствовало его кликами радости, какъ будто бы ничего и не случилось. Абсолютизмъ возстановленъ въ своей прежней силѣ, и началась неизбѣжная реакція. Всѣ новыя учрежденія отмѣнены; чиновники, назначенные во время революціи, большею частью отставлены; всякій человѣкъ, найденный съ оружіемъ въ рукахъ, долженъ былъ подвергаться такому же наказанію, какъ убійца. Преслѣдованія королевскаго правительства съ особенною силой обратились на общество карбонаріевъ: тотъ, кто продолжалъ быть членомъ общества, объявленъ государственнымъ измѣнникомъ. Водворилось полное господство полиціи, во главѣ которой опять поставленъ свирѣпый Каноза, и снова введена строжайшая цензура. Этого мало: школы въ провинціяхъ были закрыты, и образованіе народное ввѣрено исключительному попеченію духовенства. Такой же порядокъ возстановленъ и въ Сициліи при помощи австрійскихъ штыковъ.

Европа была поражена тѣмъ малодушіемъ и слабостью, съ которыми неаполитанскій народъ отступился отъ свободныхъ учрежденій. Войска его покрыли себя стыдомъ и срамомъ; даже австрійскимъ солдатамъ было совѣстно вмѣнять себѣ въ славу такую легкую побѣду. Французскіе либералы и англійскіе виги, такъ недавно рукоплескавшіе энтузі-

азму неаполитанскихъ патріотовъ, отвернулись отъ нихъ съ презрѣніемъ. «Итакъ, нѣтъ доблести въ макаронахъ!»—замѣтилъ Муръ, когда услыхалъ о развязкѣ дѣла.

Если бы Неаполитанцы продержались еще нѣсколько времени, событія могли бы принять другой оборотъ, потому что въ тылу австрійской арміи, въ Піемонтѣ, вспыхнуло военное возстаніе, спустя три дня послѣ пораженія при Ріети. Такъ думали, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые современники.

III. Піемонтскій переворотъ.

Нельзя сказать, чтобы политическія секты, столь многочисленныя въ другихъ частяхъ Италіи, пользовались большимъ сочувствіемъ въ Піемонтѣ. Но конституціонныя идеи, какъ мы уже замѣтили прежде, при тѣсномъ сосѣдствѣ съ Франціей, пустили глубокіе корни на піемонтской почвѣ. Несмотря на всю ненависть народа къ иноземному владычеству, времена реакціи заставили сожалѣть о французскихъ учрежденіяхъ, а конституція, дарованная Франціи Людовикомъ XVIII, усилила въ образованныхъ классахъ Піемонта стремленіе къ представительнымъ формамъ. Масса піемонтскаго населенія, впрочемъ, оставалась предана монархическому началу; она хотѣла улучшеній постепенныхъ и не желала насильственнымъ путемъ добиваться отъ короля новыхъ учрежденій. Только пылкая аристократическая молодежь показывала нетерпѣніе; напитанная патріотическимъ духомъ поэзіи Альфіери, она далеко разошлась съ старымъ поколѣніемъ, которое воротилось съ острова Сардиніи. Сборнымъ пунктомъ для этой либеральной молодежи служилъ сначала домъ французскаго посланника герцога Дальберга; здѣсь обыкновенно сходилась оппозиція, чтобы критиковать реакціонныя мѣры правительства и разсуждать о средствахъ пріобрѣсти свободныя учрежденія. Испанская революція 1820 г. удвоила нетерпѣніе піемонтскихъ либераловъ; съ тѣхъ поръ они преимущественно собирались въ домѣ испанскаго посланника и вошли въ тѣсныя связи съ французскими и ломбардскими карбонаріями. Рядомъ съ мыслію о свободныхъ учрежденіяхъ, они болѣе другихъ итальянцевъ воспламенялись идеей національнаго единства и независимости. А такъ какъ главнымъ препятствіемъ къ исполненію ихъ задушевныхъ стремленій была Австрія, то на ней и сосредоточилась непримиримая ненависть піемонтцевъ. Эта ненависть и печальная извѣстность, которую пріобрѣла австрійская армія во времена наполеоновскихъ войнъ, возбудили въ горячихъ головахъ итальянскихъ патріотовъ презрѣніе къ австрійскому военному могуществу и надежды на легкую побѣду. Нена-

висть къ Австріи сближала людей самыхъ разнообразныхъ политическихъ убѣжденій, и мысль о войнѣ съ нею была очень популярна въ Піемонтѣ. Солдаты надѣялись, что и старый король въ этомъ случаѣ раздѣляетъ ихъ настроеніе. Они съ восторгомъ разсказывали, какъ во время смотра Викторъ-Эммануилъ положилъ руку на плечо одного ветерана и спросилъ его: «готовъ ли ты итти на Нѣмцевъ?»

Іюльскій переворотъ въ Неаполѣ сообщилъ новый и самый сильный толчокъ піемонтскимъ либераламъ; между ними началось замѣтное движеніе. Первая воинственная демонстрація произошла въ январѣ 1821 года: студенты Туринскаго университета произвели безпорядки въ театрѣ, и нѣсколько человѣкъ было арестовано; на другой день товарищи ихъ собрались въ зданіи университета съ оружіемъ въ рукахъ и потребовали освобожденія арестованныхъ; они были разсѣяны отрядомъ солдатъ, при чемъ дѣло не обошлось безъ крови. Между тѣмъ тайная печать еще болѣе волновала общественное мнѣніе; она составляла адресы къ королю, исполненные монархической преданности, но настоятельно требовавшіе свободныхъ учрежденій. Въ министерскомъ совѣтѣ, который былъ собранъ по поводу возбужденнаго состоянія умовъ, нѣкоторые члены предлагали либеральныя реформы, какъ единственное средство предупредить революцію. Старый поборникъ церковнаго и свѣтскаго абсолютизма, графъ де-Местръ находилъ такія реформы полезными и даже необходимыми; но при этомъ случаѣ онъ пророчески замѣтилъ, что министры «хотятъ строить зданіе во время землетрясенія». Либеральная или карбонарская партія въ Піемонтѣ повсюду имѣла своихъ членовъ; она проникла въ среду чиновниковъ, и особенно много приверженцевъ находила между офицерами. Слѣдующій случай ясно показалъ ея дѣятельность и силу. Въ концѣ февраля 1821 года, полиція напала на слѣды революціоннаго заговора и арестовала нѣсколько знатныхъ лицъ, именно: князя Чистерна, маркиза Пріеро и кавалера Перроне; но бумаги Пріеро вдругъ исчезли изъ его опечатанной квартиры, а бумаги Чистерна—изъ канцеляріи министра полиціи. Эти аресты ускорили возстаніе. Военная молодежь думала поставить во главѣ движенія князя Чистерна; когда же онъ былъ лишенъ свободы, ей представилась необходимость выбрать другого вождя, который имѣлъ бы за себя значительный авторитетъ. Въ арміи тогда выдавались особенно двѣ личности, генералъ делла-Торре и Джифленга; но первый былъ преданъ абсолютизму, а второй скептически смотрѣлъ на всѣ итальянскія движенія. Поэтому либералы обратили свои надежды на молодого принца Каріньянскаго, Карла-Альберта. Мы остановимся нѣсколько

времени на этой личности, которой суждена была великая роль въ итальянской исторіи XIX столѣтія.

Карлъ-Альбертъ составлялъ отрасль младшей линіи Савойскаго дома, родоначальникомъ которой былъ Томасъ, второй сынъ Карла-Эммануила († 1630 г.). Онъ родился въ 1798 году, только за два мѣсяца до занятія Піемонта войсками Французской республики. Отецъ его примкнулъ къ демократамъ и надѣлъ мундиръ національной гвардіи; вскорѣ потомъ онъ умеръ. До пятнадцатилѣтняго возраста принцъ воспитывался въ Парижѣ, Дижонѣ, Женевѣ, и посѣщалъ общественныя школы на ряду съ дѣтьми простыхъ гражданъ. Потомъ онъ поступилъ во французскую военную службу. Въ 1814 г., при возстановленіи Савойскаго дома въ Піемонтѣ, положеніе молодого человѣка вдругъ измѣнилось: такъ какъ король Викторъ-Эммануилъ и братъ его Карлъ-Феликсъ не имѣли дѣтей мужескаго пола, то Вѣнскій конгрессъ призналъ принца Кариньянскаго наслѣдникомъ піемонтской короны. Въ эпоху, о которой мы говоримъ, Карлъ-Альбертъ былъ еще въ цвѣтѣ молодости и занималъ постъ начальника артиллеріи. Онъ производилъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе своею величественною, рыцарскою наружностью и меланхолическимъ оттѣнкомъ физіономіи; онъ пользовался извѣстностью итальянскаго патріота и человѣка, преданнаго научнымъ и литературнымъ интересамъ. Либералы имѣли много данныхъ, чтобы разсчитывать на сочувствіе принца и на участіе его въ задуманномъ движеніи: онъ столько разъ въ кругу близкихъ людей острилъ надъ увлеченіями реакціи и выражалъ свою ненависть къ Австріи; онъ писалъ въ Лондонъ къ знаменитому пѣвцу итальянской свободы Уго Фосколо (который бѣжалъ изъ Ломбардіи отъ преслѣдованій австрійскаго правительства) и приглашалъ его воротиться въ Италію. Патріотическіе поэты и писатели прославляли Карла-Альберта какъ надежду Италіи. По при всемъ томъ, люди самые преданные принцу и близко его знавшіе инстинктивно ему не довѣряли: они видѣли, что онъ велъ себя какъ-то сдержанно, скрытно, и никогда вполнѣ не высказывался; въ его характерѣ замѣчались нѣкоторыя дѣйствительно непріятныя стороны, каковы: тщеславіе, смѣшанное съ піетизмомъ, наклонность къ свѣтскимъ удовольствіямъ и къ лицемѣрію.

Когда австрійцы выступили изъ Ломбардіи противъ неаполитанцевъ, піемонтскіе карбонаріи составили смѣлый планъ: двинуться въ Ломбардію и произвести возстаніе въ цѣлой Италіи. Либеральные офицеры піемонтской арміи (Коленьйо, Санъ-Мерцано, Лизіо, Сантароза и др.) предложили принцу Кариньянскому стать во главѣ войска и провозгла-

силъ Виктора-Эммануила королемъ Верхней Италіи. Принцъ далъ свое согласіе, но скоро взялъ его назадъ; потомъ опять согласился, однако очевидно старался замедлить дѣло. Заговорщики естественно перестали ему довѣрять. Зная преданность солдатъ къ королевской династіи, они не рѣшались начать дѣло безъ имени принца, и хотѣли отложить возстаніе на неопредѣленное время. Но уже было поздно. Въ условленный срокъ, именно въ ночь на 10 марта, полковникъ Ансальди и капитанъ Пальма, завладѣвъ Александрійскою цитаделью, провозгласили испанскую конституцію и возстановленіе Итальянскаго королевства. Къ александрійскимъ инсургентамъ немедленно примкнули съ своими отрядами нѣкоторые офицеры изъ ближнихъ мѣстъ. Въ Туринѣ войско и народъ сначала довольно равнодушно встрѣтили извѣстіе о конституціи. Но король обнаружилъ нерѣшительность: онъ не хотѣлъ согласиться на конституцію, и въ то же время не принималъ никакихъ энергическихъ мѣръ. Между тѣмъ, благодаря усиліямъ карбонаріевъ, въ столицѣ также началось движеніе, и войска отказались стрѣлять въ инсургентовъ. Либералы склонили на свою сторону часть гарнизона, заняли цитадель и грозили бомбардировать городъ, если король не признаетъ конституціи. Тогда Викторъ-Эммануилъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ, которая получила уже характеръ наслѣдственнаго обычая въ Савойскомъ домѣ: 13 марта онъ отказался отъ престола, въ пользу своего брата Карла-Филикса. Такъ какъ послѣдній въ то время находился въ Моденѣ, то Викторъ-Эммануилъ назначилъ принца Кариньянскаго регентомъ государства, и самъ уѣхалъ въ Ниццу. Инсургенты обратились къ Карлу-Альберту съ требованіемъ признать свободныя учрежденія. Принцъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ полномочія, и будетъ ждать разрѣшенія отъ новаго короля; но потомъ уступилъ угрозамъ бомбардировать городъ, объявилъ испанскую конституцію и назначилъ правительственную юнту, которая должна была заниматься текущими дѣлами до созванія парламента. Вслѣдъ затѣмъ начались приготовленія къ войнѣ съ Австріей, и юнта вступила въ соглашеніе съ ломбардскими карбонаріями, обѣщавшими произвести возстаніе, какъ скоро сардинцы появятся передъ воротами Милана.

Карлъ-Феликсъ, въ царствованіе своего брата, принадлежалъ къ партіи отсталыхъ аристократовъ, и потому заранѣе можно было угадать то впечатлѣніе, какое произведетъ на него извѣстіе о піемонтской революціи. На донесеніе принца-регента новый король отвѣчалъ грознымъ манифестомъ, всѣхъ участниковъ революціи назвалъ мятежниками и всѣ перемѣны, произведенныя ими, объявилъ беззаконными. Въ то же время онъ выразилъ увѣренность, что союзные государи окажутъ ему

дѣятельную помощь въ подавленіи мятежа. Карлу-Альберту онъ посовѣтовалъ отправиться съ вѣрными полками въ Новару и тамъ соединиться съ генераломъ делла-Торре, который назначался главнокомандующимъ всѣхъ войскъ. Принцъ, такъ недавно составлявшій надежду либеральной партіи, поступилъ самымъ неожиданнымъ для нея образомъ. Онъ тайкомъ оставилъ Туринъ, въ сопровожденіи кавалерійскаго полка и легкой артиллеріи, которыхъ склонилъ на сторону короля. Изъ Новары, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ регентства, онъ прислалъ протестъ противъ сдѣланнаго ему насилія и увѣщаніе войскамъ воротиться къ своему долгу. Такой поступокъ конечно навлекъ на него со стороны либераловъ обвиненіе въ предательствѣ. А между тѣмъ поведеніе его объясняется очень просто: принцъ, несмотря на свои двадцать три года, былъ очень разсчетливъ и могъ понять всю безнадежность революціи и всю несостоятельность маленькаго Піемонта въ борьбѣ съ Австріей. Онъ не желалъ испытать участь Вильгельма Пепе, и ради воображаемой короны Италіи не хотѣлъ рисковать своимъ правомъ на корону Піемонта. Онъ тѣмъ болѣе не хотѣлъ рисковать этимъ правомъ, что у него былъ опасный соперникъ въ лицѣ зятя Виктора-Эммануила, герцога моденскаго, который тогда пріобрѣлъ очевидное вліяніе на Карла-Феликса и легко могъ сдѣлаться его наслѣдникомъ.

Манифестъ короля и отпаденіе принца Кариньянскаго произвели сильное впечатлѣніе; сочувствіе піемонтскаго населенія къ революціи начало замѣтно охлаждаться. Изъ другихъ частей государства только въ Генуѣ народъ присталъ къ гарнизону; а въ Савойи и на островѣ Сардиніи не произошло никакого движенія. Извѣстіе о печальномъ исходѣ неаполитанской революціи довершило упадокъ духа между инсургентами, и войска ихъ начали переходить на сторону короля. Впрочемъ, блестящій, краснорѣчивый патріотъ Сантароза, по отъѣздѣ принца ставшій во главѣ либеральной партіи, успѣлъ еще на нѣкоторое время поддержать дѣло конституціи. Отрядъ либеральныхъ войскъ двинулся къ Новарѣ съ намѣреніемъ увлечь на свою сторону полки делла-Торре и вмѣстѣ съ нимъ вторгнуться въ Ломбардію. Но предводители дѣйствовали нерѣшительно и тянули переговоры до тѣхъ поръ, пока на помощь роялистамъ не подоспѣлъ австрійскій генералъ Бубна. Тогда конституціоннымъ войскомъ овладѣлъ паническій страхъ, и оно быстро разсѣялось. 10 апрѣля делла-Торре вступилъ въ Туринъ и былъ весело встрѣченъ народомъ; Австрійцы заняли Александрію. Спустя нѣсколько дней, въ Піемонтѣ не было уже никакихъ слѣдовъ революціи. До двухсотъ самыхъ значительныхъ членовъ либеральной

партіи покинули отечество и спаслись во Францію, Испанію, Швейцарію. Нѣкоторые изъ нихъ сражались потомъ за испанскую коституцію противъ Французовъ, за свободу Греціи противъ Турокъ, и вездѣ поддержали славу піемонтскаго мужества. Такъ, Сантароза простымъ солдатомъ палъ при защитѣ острова Сфактеріи. Что касается до реакціи, наступившей послѣ побѣды абсолютизма, и до преслѣдованія участниковъ революціи, то надобно отдать справедливость характеру населенія, не столько пылкому и непостоянному какъ на югѣ Италіи. Піемонтская реакція отличалась большою умѣренностью сравнительно съ неаполитанскою, такъ же какъ и самая революція совершилась далеко не съ тѣмъ увлеченіемъ и пылкостью, какъ въ Неаполѣ. Карлъ-Феликсъ, по желанію Лайбахскаго конгресса, заключилъ съ Австріей договоръ, въ силу котораго 12.000 австрійскаго войска осталось въ Піемонтѣ для обезпеченія спокойствія. Такимъ образомъ австрійскіе отряды, подъ предлогомъ спокойствія, расположились почти во всѣхъ частяхъ Апеннинскаго полуострова.

Когда главная цѣль Лайбахскаго конгресса, то-есть «успокоеніе Италіи», была достигнута, онъ прекратилъ свои засѣданія, въ маѣ 1821 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ три сѣверныя державы разослали къ европейскимъ дворамъ декларацію, заключавшую строгій приговоръ итальянскимъ событіямъ и новое торжественное обѣщаніе поддерживать въ Европѣ законный порядокъ. Въ видахъ этого порядка, именно для устройства испанскихъ дѣлъ, союзники условились на слѣдующій годъ снова собраться на конгрессъ. Въ Лайбахѣ между прочимъ поднятъ былъ вопросъ о піемонтскомъ наслѣдствѣ. Герцогъ моденскій (женатый на дочери Виктора-Эммануила) сильно хлопоталъ объ измѣненіи въ Піемонтѣ салическаго закона, который исключалъ женскую линію изъ престолонаслѣдія; при этомъ онъ усердно старался набросить тѣнь на принципы Карла-Альберта, изображая его человѣкомъ, преданнымъ революціи и втайнѣ продолжавшимъ свои связи съ либеральною партіей. Карлъ-Феликсъ также не любилъ принца Кариньянскаго, не довѣрялъ ему и былъ не прочь лишить его наслѣдственнаго права. Домогательства герцога моденскаго поддерживалъ на конгрессѣ князь Меттернихъ. Но за Карла-Альберта вступились его тесть, герцогъ тосканскій, и особенно французскій дворъ, который никакъ не хотѣлъ, чтобъ и въ Піемонтѣ утвердилось господство Австрійцевъ. Попытки герцога моденскаго очернить своего соперника въ глазахъ Русскаго императора не имѣли успѣха; императоръ требовалъ очевидныхъ доказательствъ того, въ чемъ обвиняли принца. Наконецъ на слѣдующемъ (Веронскомъ) конгрессѣ, Але-

крандръ I, вмѣстѣ съ французскимъ уполномоченнымъ, открыто принялъ сторону Карла-Альберта, и вопросъ былъ рѣшенъ въ его пользу.

Между тѣмъ какъ описанныя нами событія совершались въ Неаполѣ и Піемонтѣ, остальные части полуострова, за исключеніемъ Тосканы, находились въ самомъ тревожномъ состояніи. Въ Папской Области карбонаріи обнаружили чрезвычайную дѣятельность; они распространяли въ народѣ воззванія къ мятежу и прибивали ихъ на улицахъ. Мѣстами происходили вспышки народной ненависти, и падали отъ руки убійцы наиболѣе ненавистные чиновники. Но до открытаго возстанія дѣло не дошло, потому что конституціонное правительство Неаполя не поддержало недовольныхъ посредствомъ военнаго вторженія въ Папскую Область, какъ того требовали нѣкоторые карбонаріи. Усиленная агитація тайныхъ обществъ продолжалась здѣсь еще нѣкоторое время и послѣ уничтоженія Неаполитанской конституціи. Волненіе особенно сильно было въ легатствахъ; оно, по обыкновенію, выражалось памфлетами, водруженіемъ дерева свободы, политическими убійствами и поддерживалось тайными связями съ итальянскими эмигрантами. Послѣдніе безпрерывно составляли новые планы движенія; между прочимъ Вильгельмъ Непе, удалившійся въ Англію, въ противоположность Священному союзу, старался образовать изъ либераловъ разныхъ націй «союзъ европейскихъ патріотовъ». Нити новыхъ заговоровъ распространялись преимущественно изъ Швейцаріи, которая въ то время сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для политическихъ бѣглецовъ и изгнанниковъ.

Въ австрійской Италіи неудовольствіе, возбуждаемое иноземнымъ гнетомъ, едва ли не было сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь; но здѣсь за непмѣніемъ національной арміи карбонаріи не находили никакой матеріальной поддержки, чтобы произвести возстаніе. Солдаты набранные въ Ломбардо-Венеціи, обыкновенно посылались австрійскимъ правительствомъ въ отдаленныя провинціи; австрійскія же области въ Италіи охранялись отрядами Нѣмцевъ, Славянъ и Мадьяровъ, совершенно чуждыхъ итальянскимъ интересамъ. Поэтому дѣятельность тайныхъ обществъ здѣсь должна была ограничиться заговорами. Во время піемонтскаго движенія миланскій революціонный комитетъ, какъ мы видѣли, вошелъ въ тѣсныя связи съ піемонтскими либералами и приглашалъ ихъ вторгнуться въ Ломбардію, обѣщая поднять населеніе противъ Австріи. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ революціи, Карлъ-Феликсъ потребовалъ очищенія своей территоріи отъ австрійскихъ отрядовъ; тогда императорское правительство, въ доказательство еще далеко не прекратившагося волненія Итальянцевъ, торжественно открыло

процессъ противъ ломбардскихъ заговорщиковъ и ихъ піемонтскихъ сообщниковъ. Для изслѣдованія дѣла назначена была въ Миланѣ чрезвычайная комиссія. Начались аресты, и цвѣтъ ломбардской аристократіи очутился въ тюрьмѣ (Конфалоньери, Бирсьери, Топелли, Арезе, Паллавичини, Кастилья, Росси и др.). Нѣкоторые изъ аристократовъ заблаговременно успѣли спастись бѣгствомъ; надъ ними все-таки произнесенъ былъ смертный приговоръ. Цѣлые два года тянулся процессъ о заговорѣ, и только въ 1824 г., когда политическое волненіе въ Италіи повидимому совершенно затихло, австрійское правительство рѣшилось покончить дѣло: изъ 40 итальянскихъ аристократовъ, замѣшанныхъ въ процессѣ, большая часть была осуждена на смерть; послѣ смягченія приговора ихъ разослали по австрійскимъ крѣпостямъ, гдѣ уже томились многіе ихъ соотечественники. Нѣкоторые изъ нихъ не вынесли тяжелаго заключенія и умерли въ тюрьмѣ; другіе воротились въ послѣдствіи съ потерянным разсудкомъ или съ совершенно-разстроеннымъ здоровьемъ. Немногіе перенесли это заключеніе и сохранили способность къ общественной дѣятельности. Между послѣдними находился знаменитый итальянскій поэтъ Сильвіо Пеллико, по происхожденію принадлежавшій Піемонту. Это былъ кроткій, экзальтированный патріотъ, мечтавшій объ итальянской независимости. Въ 1820 году Сильвіо Пеллико арестованъ въ Миланѣ, сидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ свинцовою кровлей венеціанскаго Дворца дожей, потомъ осужденъ на смерть и взведенъ на эшафотъ. По прочтеніи смертнаго приговора его отвезли въ брюнскую цитадель, мрачный Шпильбергъ, болѣе другихъ крѣпостей прославленный страданіями многочисленныхъ жертвъ австрійской подозрительности. Сильвіо Пеллико просидѣлъ здѣсь цѣлыя десять лѣтъ, и только Іюльская революція отворила ему двери тюрьмы. Вскорѣ потомъ онъ издалъ описаніе своего процесса и заключенія *Mie pregioni*. Книга его произвела въ Европѣ сильное впечатлѣніе; она возбудила вездѣ сочувствіе къ итальянскимъ страданіямъ и ненависть къ Австріи; но рьяные итальянскія сектанты остались недовольны мягкимъ, умѣреннымъ тономъ этой книги.

Такимъ образомъ окончился первый актъ великой итальянской драмы, которую можно назвать борьбою за свободу, единство и независимость Италіи. Девятимѣсячная конституція въ Неаполѣ и тридцатидневная въ Піемонтѣ уничтожились при первомъ появленіи австрійскихъ войскъ. Однако совершенно несправедливо было бы искать главной причины столь легкой побѣды въ несостоятельности Итальянцевъ на полѣ битвы

предыдущія и особенно послѣдующія событія доказали, что Итальянцы могутъ сражаться съ такимъ же увлеченіемъ и умирать съ такимъ же мужествомъ, какъ и другіе народы романскаго племени, то-есть Французы и Испанцы. Правда, абсолютныя правительства средней и южной Италіи издавна и постоянно старались подавить въ своихъ народахъ духъ воинскихъ доблестей. Но это обстоятельство имѣло не такое важное вліяніе на исходъ дѣла, какъ полное отсутствіе единодушія, отсутствіе глубины и ясно сознанной цѣли въ самомъ итальянскомъ движеніи. Вообще въ борьбѣ за свободныя учрежденія никогда не бываетъ такого же единодушія, какъ въ войнахъ за независимость. Самый разительный примѣръ тому представляетъ Испанія. Въ эпоху Наполеона Испанцы заслужили удивленіе цѣлой Европы своею геройскою единодушною борьбой съ французскимъ завоевателемъ; тѣ же Испанцы, спустя двѣнадцать лѣтъ, обнаружили вялость и духъ раздора, когда пришлось защищать свою конституцію противъ тѣхъ же французскихъ штыковъ. А между тѣмъ эта испанская конституція должна была пользоваться гораздо большею популярностью въ самой Испаніи, нежели тамъ, гдѣ она не имѣла за себя никакихъ историческихъ преданій, то-есть въ Италіи. Главная причина несостоятельности заключалась въ томъ, что на итальянской почвѣ былъ еще силенъ принципъ абсолютизма: противъ него возставала только часть аристократіи и средняго сословія, а народная масса и войска оставались равнодушны къ дѣлу конституціи. Какъ скоро король отдѣлялся отъ движенія и становился къ нему во враждебныя отношенія, войска теряли охоту сражаться противъ внѣшнихъ непріятелей, являвшихся союзниками королевской власти. Либеральныя стремленія еще только скользили по поверхности общества. Идеи политическихъ реформъ въ XVIII столѣтіи составляли собственность государей и ихъ министровъ; въ первой четверти XIX вѣка онѣ перешли къ меньшинству образованныхъ классовъ, которое въ минуты волненія увлекало за собою народныя массы; но народъ приставалъ къ движенію только механически, и другое меньшинство, или такъ-называемые роялисты, при удобномъ случаѣ легко могло увлечь массу въ противоположную сторону. По соображеніямъ нѣкоторыхъ писателей, въ цѣлой Италіи число истинныхъ патріотовъ будто бы не достигало тогда и 10.000 человѣкъ при 20.000.000 населенія (Гервинусъ). При томъ далеко не всѣ приверженцы конституціонныхъ формъ принадлежали къ партіи *унитаріевъ*, то-есть тѣхъ, которые стремились къ единству и неразрывной съ нимъ независимости Италіи. Здѣсь еще замѣтны были слѣды стариннаго историческаго раздора между населеніемъ разныхъ

частей полуострова. Приведемъ въ примѣръ взаимную ненависть Сицилійцевъ и Неаполитанцевъ, старинную антипатію Венеціанцевъ къ Ломбардцамъ, Генуэзцевъ къ Піемонтцамъ. Далѣе, мѣстами была еще сильна вражда сословій и особенно нелюбовь низшихъ классовъ къ аристократіи. Наконецъ, легкомысліе, непрактичность, неумѣренность вождей революціи также не мало способствовали легкой побѣдѣ абсолютизма и его союзниковъ Австрійцевъ. Но между тѣмъ какъ побѣдители думали торжествовать совершенное уничтоженіе либеральныхъ началъ, начиналось ихъ болѣе прочное, болѣе широкое развитіе. Тяжелыя испытанія убѣдили многихъ итальянскихъ патріотовъ, что возрожденіе ихъ многострадальнаго отечества должно совершиться не вдругъ, не однимъ быстрымъ ударомъ, а мало-по-малу, постепенно, какъ постепенно было его паденіе; что главная причина успѣха лежитъ въ воспитаніи народной массы, въ единодушіи, въ продолжительныхъ, настойчивыхъ усиліяхъ.

М. Н. КАТКОВЪ.

Историческая поминка*).

Въ истекшемъ 1887 году русская печать понесла великую потерю въ лицѣ редактора-издателя «Московскихъ Вѣдомостей», временно поднявшаго эту газету на степень самаго вліятельнаго въ Россіи и одного изъ самыхъ крупныхъ политическихъ органовъ въ цѣлой Европѣ. Конечно, еще не настало время начертать полную и безпристрастную историческую оцѣнку его общественной дѣятельности, съ объясненіемъ какъ личныхъ побужденій и общихъ условій, такъ и послѣдствія этой дѣя-

*) Русскій Архивъ, 1897, № I. „Историческая поминка“ Д. И. Иловайскаго была напечатана нами спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины М. Н Каткова. Она написана подъ живыми еще впечатлѣніями его дѣятельности, съ цѣлью дать ей по возможности разностороннюю оцѣнку и установить историческую точку зрѣнія, посреди тѣхъ крайностей, въ которыя впадали съ одной стороны панегиристы, съ другой—противники нашего знаменитаго публициста. Но по тогдашнимъ обстоятельствамъ статья эта въ свѣтъ не появилась. Въ настоящемъ году истекаетъ десятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ М. Н. Катковъ отошелъ въ вѣчность. Слѣдовательно дѣятельность его становится вполнѣ достояніемъ исторіи. П. Б. *(Примѣчаніе это принадлежитъ издателю Рус. Архива П. И. Бартеневу).* Первое, неудавшееся, помѣщеніе „Поминки“ въ Рус. Архивѣ относится къ началу 1888 года, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ гр. Д. А. Толстой, а главноуправляющимъ по дѣламъ печати Е. М. Ѳеоктистовъ.

тельности. Но для сопременника, довольно близко ее наблюдавшаго, всегда возможно подвести нѣкоторые итоги, что мы и постараемся сдѣлать въ настоящемъ краткомъ очеркѣ.

Публицистическая дѣятельность покойнаго Михаила Никифоровича Каткова представляетъ наиболѣе полное отраженіе той эпохи, въ которую онъ дѣйствовалъ. Сначала, въ періодъ «Русскаго Вѣстника» и «Современной Лѣтописи» (1856—1862), она представляетъ увлеченіе политическими идеями и формами западно-европейскими, преимущественно англійскими, т.-е. увлеченіе парламентаризмомъ, фритредерствомъ, судомъ присяжныхъ, habeas corpus'омъ и тому подобными благами, о которыхъ такъ много мечтали, говорили и писали въ началѣ царствованія Александра II-го. Въ нашей новѣйшей исторіи это было время обманчивыхъ надеждъ и заблужденій, но вмѣстѣ и время благотворнаго оживленія, свѣжей юношеской энергіи, съ неудержимою силой проявлявшейся въ немногочисленныхъ кружкахъ русской интеллигенціи и въ нарождавшейся тогда русской политической печати. Подъ вліяніемъ этого радужнаго настроенія совершались и приготовлялись важнѣйшія реформы прошлаго царствованія. Вмѣстѣ съ работою надъ освобожденіемъ крестьянъ поднимались на поверхность общества космополитическія идеи равенства и братства народовъ, состраданіе къ народностямъ, павшимъ или порабощеннымъ,—состраданіе, простиравшееся до забвенія собственныхъ интересовъ. Но вотъ на сцену является Польскій мятежъ, который наноситъ первый и весьма чувствительный ударъ нашему навѣянному извнѣ космополитизму и пробуждаетъ русское патріотическое чувство.

Волею судебъ, въ это именно время Катковъ вмѣстѣ со своимъ вѣрнымъ товарищемъ профессоромъ Леонтьевымъ беретъ въ свои руки ежедневную газету «Московскія Вѣдомости»; начинается второй самый замѣчательный и наиболѣе обильный по своимъ послѣдствіямъ періодъ его дѣятельности (1863—1875). Быстро, почти безъ перехода, онъ выступаетъ энергическимъ борцомъ противъ незаконныхъ польскихъ притязаній за угнетенную въ Западномъ краѣ Русскую народность и за Русскую государственность. Всѣмъ еще памятно, какъ, поддержанный огромнымъ большинствомъ русскаго общества, этотъ голосъ вдохнулъ вѣру и рѣшимость въ колеблющіяся Петербургскія сферы и взялъ верхъ надъ космополитическимъ вліяніемъ и малодушіемъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Эти лица успѣли было набросить тѣнь на образъ мыслей Каткова и подвергнуть его дѣятельность кратковременному запрещенію (1866 г.); но, благодаря главнымъ образомъ оберъ-

прокурору Св. Синода, графу Д. А. Толстому, назначенному тогда министромъ народнаго просвѣщенія, публицистическая дѣятельность Каткова и Леонтьева не только возобновилась, но и пріобрѣла въ скоромъ времени вліятельное въ правительственныхъ сферахъ значеніе. Непосредственныя связи съ этими сферами теперь постепенно возрастали, по мѣрѣ того какъ высокодаровитый публицистъ все болѣе и болѣе отрѣшался отъ своего прежняго поклоненія англійскимъ политическимъ учрежденіямъ и выступалъ горячимъ защитникомъ самодержавнаго отечественнаго строя. Однако его патріотическія усилія по вопросу обрусенія западной окраины, выдвинутому на очередь бывшимъ Польскимъ мятежомъ, и борьба по сему поводу со вновь возобладавшими въ Петербургѣ анти-русскими теченіями нельзя сказать, чтобы были успѣшны. Зато вліятельное значеніе «Московскихъ Вѣдомостей» въ этотъ періодъ особенно наглядно сказалось въ вопросѣ о реформѣ средне-учебнаго образованія.

Помянутое выше космополитическое направленіе и увлеченіе западноевропейскими идеями способствовали наслажденію на русской почвѣ самыхъ крайнихъ теорій соціализма и коммунизма; легкомысленная часть молодежи начала усердно заниматься вопросами о переустройствѣ общества на началахъ анти-государственныхъ. Плоды этого крайняго направленія не замедлили выразиться въ нѣкоторыхъ анархическихъ движеніяхъ, приведшихъ къ покушенію 4 апрѣля 1866 года. Какъ и польскій мятежъ, подобныя движенія на многихъ произвели отрезвляющее дѣйствіе и способствовали реакціи общественнаго настроенія въ пользу консервативныхъ началъ. Во главѣ такого консервативнаго теченія стали «Московскія Вѣдомости». По своему высшему образованію будучи спеціалистами-филологами, редакторы-издатели этой газеты ловко воспользовались обстоятельствами для проведенія своей завѣтной идеи о господствѣ древнихъ языковъ въ системѣ нашего школьнаго образованія. Съ неослабною энергіей и замѣчательнымъ постоянствомъ они повели атаку на межеумочную учебную систему, водворившуюся у насъ въ теченіе 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Вліяніемъ этой системы они объясняли теперь почти всѣ анормальныя явленія въ сферѣ учащейся молодежи и только строгую классическую школу изображали спасеніемъ отъ всѣхъ золъ съ этой стороны. Благодаря отчасти такой многообѣщавшей проповѣди, отчасти дѣятельному содѣйствію министра народнаго просвѣщенія графа Толстого, усилія московскихъ публицистовъ увѣнчались успѣхомъ: въ началѣ 70-хъ годовъ древніе языки получили полное преобладаніе въ нашихъ гимназіяхъ.

Вскорѣ затѣмъ вѣрный сотрудникъ Каткова П. М. Леонтьевъ сошелъ въ могилу; наступилъ третій періодъ его публицистической и при томъ уже одиночной дѣятельности (1875—1887).

Этотъ послѣдній періодъ совпалъ съ новымъ появленіемъ Восточнаго вопроса на исторической аренѣ и съ нашею самоотверженною освободительною борьбою на Балканскомъ полуостровѣ. Предыдущая пропаганда классической школы, не чуждая многихъ натяжекъ и противорѣчій, а главное, школа эта, сама по себѣ въ высшей степени полезная и даже необходимая, но взятая слишкомъ съ формальной, трудной стороны и водворяемая не всегда симпатичными для русскаго характера пріемами, сдѣлали издателя «Московскихъ Вѣдомостей» на нѣкоторое время лицомъ довольно непопулярнымъ. Новая Русско-Турецкая война дала ему случай выступить краснорѣчивымъ борцомъ за освобожденіе Балканскихъ Славянъ и попасть въ тонъ возобладавшаго тогда у насъ патріотическаго настроенія. Въ это время «Московскія Вѣдомости» довольно вѣрно отражали разныя перипетіи, которыя испытывало русское чувство: сангвиническія надежды, скорби о неудачахъ, побѣдное торжество и, наконецъ, горькое разочарованіе въ эпоху Берлинскаго конгресса. Одновременно съ этою войной возобновились анархическія движенія среди учащейся молодежи; а по окончаніи ея открылся рядъ преступныхъ покушеній, завершившихся гнуснымъ дѣяніемъ 1 марта. Тутъ ясно обнаружилось, какъ неосторожно было со стороны талантливаго московскаго публициста связывать среднюю школу непосредственно съ политикой и, ради достиженія благой цѣли, давать обѣщанія, весьма рискованныя. Искусный публицистъ, однако, нашелся. Онъ ловко набросилъ тѣнь на такъ называемую диктатуру сердца, съ ея мнимо-умиротворяющими мѣрами и незрѣлыми сужденіями о правовомъ порядкѣ. Въ то же время онъ повелъ усиленную атаку на университетскій уставъ 1863 года и въ немъ указывалъ на главный источникъ ненормальнаго развитія молодежи. Уставъ этотъ и безъ того успѣлъ обнаружить многія слабыя свои стороны; въ особенности самоуправленіе или собственно самопополненіе профессорской корпораціи не только не дало блестящихъ результатовъ, напротивъ, выдвинуло на профессорскую каѳедру немалое количество дѣятелей лжелиберальнаго и антинаціональнаго направленія съ ихъ несомнѣнно вреднымъ вліяніемъ на учащуюся молодежь. А потому послѣдняя университетская реформа не встрѣтила особыхъ препятствій, хотя практичною и цѣлесообразною ее назвать нельзя. Но едва она совершилась, какъ новое гнусное покушеніе 1 марта 1887 года вновь и ясно доказало, что есть какія-то

подземныя силы, независимыя ни отъ какихъ уставовъ и ни отъ какой учебной системы, а равно неимѣющія связи и съ умиротворительными тенденціями. Если съ этой стороны обѣщанія, данныя Катковымъ, и надежды, имъ возбужденныя, не осуществились, зато въ теченіе третьяго періода своей дѣятельности онъ все болѣе и болѣе возбуждалъ сочувствіе общества своею горячею борьбой за русскіе интересы на поприщѣ экономическомъ и политическомъ, ратуя въ особенности противъ вреднаго фритредерства, за покровительство народному труду, а также за полную нашу независимость или за чисто-русское направленіе во внѣшней политикѣ. Въ тотъ же періодъ по отношенію къ нѣкоторымъ реформамъ предыдущаго царствованія онъ является діаметрально - противоположнаго направленія съ собственною дѣятельностью въ первомъ періодѣ и съ особою ядовитостью нападаетъ на наше преобразованное судопроизводство. Но такъ какъ общество русское успѣло уже порядкомъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ отъ земскаго городского самоуправленія и отъ суда присяжныхъ, то отрицанія Каткова и съ этой стороны во многихъ находили себѣ сочувствіе.

Очертивъ вкратцѣ постепенное и широкое развитіе публицистической дѣятельности Каткова, остановимся теперь на ея отношеніи къ наиболѣе важнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики и постараемся указать какъ на его многія и важныя заслуги, такъ и на его нѣкоторые немаловажные промахи, имѣвшіе неблагопріятныя послѣдствія.

Первая по времени и очень важная заслуга—это энергическая борьба съ польскими притязаніями на Западную Россію. Этимъ притязаніямъ давался съ его стороны постоянно сильный напоръ, и если въ дѣлѣ обрусенія административныя мѣры не всегда прилагались съ должною послѣдовательностью, зато русское общественное мнѣніе, благодаря московской публицистикѣ, усвоило о семъ предметѣ ясное и здравое понятіе, которое заступило мѣсто прежняго лжелиберальнаго тумана. Съ вопросомъ о Западной Руси сами собой связались вопросы, касающіеся обрусенія нашихъ западныхъ окраинъ вообще. И тутъ дѣятельность Каткова всегда и до конца имѣла въ высшей степени патріотическое, строго-національное направленіе, несмотря на всѣ неблагопріятныя для него вліянія. Онъ смѣло и рѣшительно боролся съ высокомѣрными притязаніями нѣмецкаго элемента въ Балтійскихъ провинціяхъ, неуклонно указывая на прекращеніе его незаконнаго господства и на введеніе тамъ русскаго языка, какъ на дѣло государственной необходимости. Онъ также рѣшительно нападалъ при случаѣ на искусственно, безъ

всякой особой нужды, созданное отчужденіе отъ насъ Финляндіи, которая съ ея анти-русскимъ устройствомъ и анти-русскими привилегіями находится въ слишкомъ явномъ противорѣчіи съ нашимъ государственнымъ строемъ.

И балтійскія, и финляндскія привилегіи существуютъ досихъ поръ; но важно то, что русское общественное мнѣніе смотритъ на нихъ, какъ на явленія анормальныя съ государственной точки зрѣнія, и цѣнитъ по достоинству ихъ сепаратическія стремленія. Въ этомъ отношеніи большая доля заслуги принадлежитъ именно Каткову. Съ тою же энергіей и рѣшительностью онъ никогда не переставалъ громить и сепаратическія тенденціи украйнофиловъ, указывая на ихъ родство съ польскою интригой и преслѣдуя ихъ домогательства ввести въ школу областное нарѣчіе вмѣсто обще-русскаго языка.

Извѣстно, что консервативное направленіе, какъ и обрусеніе западныхъ окраинъ, постоянно встрѣчало противодѣйствіе со стороны той части русской печати, которая называла себя либеральною. Катковъ вѣрно и мѣтко указалъ, что эта печать только прикрывается либеральною маской, что ея сущность представляетъ направленіе анти-національное, главная ея задача—это отстаиваніе инородческихъ или иноземныхъ интересовъ въ подрывъ интересамъ русскимъ.

Тѣмъ ярче бросалось въ глаза его отступленіе отъ строгаго національнаго направленія по отношенію къ вопросу Еврейскому. Повидимому, онъ не понималъ или не желалъ понять всей важности для насъ этого вопроса, при огромной массѣ еврейскаго населенія въ Россіи и при его страшной эксплуататарской силѣ. Онъ горячо отстаивалъ Западную Россію отъ полонизма, но не хотѣлъ войти въ ея безвыходное положеніе отъ экономическаго бича, болѣе ужаснаго, чѣмъ полонизмъ, т.-е. отъ еврейства. Онъ равнодушно смотрѣлъ на то, какъ эта туча надвигалась съ запада на центръ и на востокъ Россіи, угрожая нашему отечеству въ будущемъ участью Рѣчи Посполитой. Его слишкомъ пріязненныя отношенія или, точнѣе сказать, связи съ извѣстными крупными представителями еврейской эксплуатаціи и явная поблажка широкой еврейской колонизаціи по лицу Россіи приводили въ недоумѣніе многихъ почитателей его національнаго и православнаго направленія. Правда, въ своей газетѣ онъ обыкновенно не выступалъ усердно и послѣдовательно въ защиту этой колонизаціи и эксплуатаціи; но тамъ, гдѣ нельзя было пройти молчаніемъ какихъ-либо рѣзкихъ фактовъ, его газета брала фальшивыя ноты. Такъ, напримѣръ, случились извѣстные еврейскіе погромы въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ краяхъ и даже въ Поволжьѣ;

несомнѣнная истина, что подобные погромы являются какъ нелегальный протестъ темной стихійной массы противъ безпощадной экономической эксплоатаціи со стороны Евреевъ. Одна газета Каткова рѣшалась толковать эти факты агитаціей анархистовъ и соціалистовъ и тѣмъ парализовать вліяніе истинной точки зрѣнія на мѣры, которыя могли бы предупредить повтореніе и распространеніе такихъ печальныхъ для нашего вѣка явленій. А въ ряду этихъ мѣръ первую и необходимѣйшую, конечно, представляетъ положеніе предѣла дальнѣйшему и повсемѣстному разливу еврейства. Русскій народъ извѣстенъ своимъ гостепріимствомъ, но нельзя же простирать его до самоотрицанія или самоуничтоженія. Если являются такіе гости, которые неуклонно завладѣваютъ домами хозяевъ и самихъ ихъ постепенно обращаютъ въ своихъ батраковъ, то простительно запирать двери предъ подобными гостями. Что это не фраза, а буквальная дѣйствительность, кромѣ Западной Россіи, съ особою наглядностью убѣждаетъ насъ примѣръ русскаго населенія Галиціи, гдѣ существуетъ такъ называемая еврейская равноправность. Нѣмецко-мадьярскому правительству Австрійской имперіи не только не жаль русскаго населенія, но, можетъ быть, желательны даже его обнищаніе и обезличеніе. Совсѣмъ обратное отношеніе къ этому вопросу должно быть въ имперіи Русской.

Отъ польскихъ притязаній и вообще инородческихъ отношеній на западныхъ окраинахъ перейдемъ ко второй важнѣйшей заслугѣ покойнаго публициста: къ водворенію въ Россіи классической или обще-европейской школы.

Полагаю, всѣмъ извѣстно, какъ вредно отозвался на русскомъ общественномъ образованіи совершившійся въ концѣ сороковыхъ годовъ разгромъ Уваровской умѣренно-классической системы въ нашихъ гимназіяхъ. Этотъ разгромъ произведенъ былъ подъ впечатлѣніемъ западно-европейскихъ революціонныхъ движеній, не совсѣмъ справедливо приводимыхъ тогда петербургскими консерваторами въ связь съ классическою школой. Едва начавшійся и еще блѣдный расцвѣтъ нашего средняго, а вслѣдъ за нимъ и высшаго образованія былъ безжалостно принесенъ въ жертву ложнымъ взглядамъ на дѣло и замѣненъ какою-то смѣшанною системой, въ которой дано было мѣсто и языкамъ, и естественнымъ, и другимъ наукамъ — всего понемногу. Катковъ и его сотрудникъ Леонтьевъ съ страстною энергіей и замѣчательною силой слова напали на это такъ-называемое реальное направленіе. Но оно нашло себѣ многочисленныхъ и усердныхъ защитниковъ, такъ что борьба въ печати шла долгая и упорная. Трудно сказать, какой былъ бы ея ра-

ктитическій исходъ, еслибы на министерскомъ посту не явился тогда графъ Д. А. Толстой, какъ извѣстно, товарищъ П. М. Леонтьева по воспитанію. Онъ рѣшительно принялъ сторону классической системы и провелъ ее въ жизнь, такъ что заслуга эта принадлежитъ ему, можетъ-быть, въ большей степени, чѣмъ нашимъ московскимъ публицистамъ. Къ сожалѣнію, сіи послѣдніе, ради скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, повторили ошибку тѣхъ недальновидныхъ консерваторовъ, о которыхъ сказано выше, т.-е. вопросъ о классической школѣ слишкомъ близко связали съ политикой, и какъ предшественники ихъ усмотрѣли въ ней источникъ революціоннаго яда, такъ они, въ свою очередь, выставили эту школу самымъ надежнымъ противоядіемъ. До нѣкоторой степени они были бы правы, еслибы дѣло шло о постепенномъ привитіи и приспособленіи данной школы къ русской жизни и продолжительномъ ея воздѣйствіи на эту жизнь. Но требовать быстрыхъ и частью несимпатичныхъ мѣръ для немедленнаго и полнаго водворенія классической системы и обѣщать десятилѣтній срокъ для отрезвленія молодежи и прекращенія анархическихъ движеній по меньшей мѣрѣ было рисковано; ибо неисполненіе обѣщаній грозило вызвать впослѣдствіи опасную реакцію противъ европейской школы, что едва не случилось потомъ (при ближайшемъ преемникѣ графа Толстого). Очевидно, наши публицисты, увлекаясь доброю цѣлью, неясно понимали характеръ современной исторіи и тѣ сложныя причины, которыя вызывали анархическія явленія.

Когда же эти прискорбныя явленія не только не ослабѣли, а къ концу семидесятыхъ годовъ усилились, и когда послѣдовалъ цѣлый рядъ покушеній и убійствъ изъ-за угла, М. Н. Катковъ очутился, конечно, въ неловкомъ положеніи со своими неосторожно данными обѣщаніями. Тогда пришлось прибѣгать къ разнымъ натяжкамъ и софизмамъ: вмѣсто простого призыва къ водворенію разумной дисциплины среди учащейся русской молодежи, началась безцѣльная и огульная травля этой молодежи,—травля, ни къ какому доброму результату не приведшая. Гнусное цареубійство все-таки совершилось. «Московскія Вѣдомости» ухватились за университетскій уставъ 1863 года и въ немъ отыскали причину золъ. Въ 1884 году они добились желательной для нихъ университетской реформы *). Отвѣтомъ на эту реформу послужило новое 1 марта (1887),

*) Новая университетская реформа, какъ и гимназическая, совершилась въ смыслѣ подавляющаго господства классической филологіи надъ другими науками по отношенію къ словесному факультету, который главнымъ образомъ долженъ приготовлять гимназическихъ преподавателей по отдѣлу древнихъ языковъ, исто

только по особой для Россіи благости Промысла неудавшееся. Новыя уловки, чтобы ослабить впечатлѣнія и спасти школьныя реформы. Прежде указывалось на то, что классическія гимназіи приготовляютъ хорошій матеріалъ, но университеты съ ихъ уставомъ 1863 года портятъ этотъ матеріалъ; теперь же, когда въ дѣло, какъ нарочно, замѣшались первокурсники, мы изъ заинтересованной сферы услышали такой доводъ, что именно сіи послѣдніе по своему легкомыслію могутъ поддаваться вліянію агитаторовъ, но что слушатели старшихъ курсовъ ведутъ себя гораздо солиднѣе. А для того, чтобы еще вѣрнѣе спасти классическую школу отъ упрека въ неисполненныхъ обѣщаніяхъ, выдвинута на передній планъ мысль и прежде высказываемая «Московскими Вѣдомостями»,—мысль о томъ, что къ высшему образованію слѣдуетъ допускать только достаточный классъ, какъ наиболѣе консервативный. (Ибо такъ водится въ Англіи; но забывалось при семъ то обстоятельство, что въ Англіи другія соціальныя отношенія, другой государственный строй и что тамъ университетская жизнь развилась вдали отъ столицы или политическаго центра.) А такъ какъ гимназія есть переходная ступень къ высшему образованію, то и выходитъ, что надобно затруднить доступъ въ нее бѣднымъ людямъ. До тѣхъ поръ всѣ думали, что Россія именно страдаетъ недостаткомъ людей съ высшимъ образованіемъ; теперь же вдругъ оказалось, что, наоборотъ, она страдаетъ излишкомъ этихъ людей. Такова сила софизмовъ. Таковы результаты, къ которымъ мы пришли вслѣдствіе первоначальной невѣрной постановки самаго вопроса о классической школѣ.

Въ этой слишкомъ теоретической постановкѣ вопроса и въ дальнѣйшемъ его развитіи постоянно сказывался недостатокъ исторической под-

---

ріи, географіи, русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Но любопытно при этомъ слѣдующее: между тѣмъ какъ въ гимназіяхъ преподаватели древнихъ языковъ заняли слишкомъ привилегированное положеніе, въ университетахъ именно профессора филологическаго факультета, съ учрежденіемъ гонорара отъ слушателей и при неизбѣжной малочисленности сего факультета, поставлены въ жалкое отношеніе къ своимъ товарищамъ другихъ факультетовъ, всегда гораздо болѣе многочисленныхъ. Справедливость требовала общую сумму всего гонорара распредѣлить сообразно количеству часовъ и вообще профессорскаго труда, а не количеству обязательныхъ слушателей, нисколько независимому отъ профессорскаго краснорѣчія. Теперь стали обычными такіе вопіющіе факты: профессоръ любого изъ трехъ другихъ факультетовъ получаетъ, напримѣръ, 3.500 рубл. гонорара, а его товарищъ-филологъ — 35 рублей! Понятно, какія произойдутъ отъ сего невыгодныя для филологіи послѣдствія. Здѣсь наглядно сказываются не глубоко обдуманныя и несогласованныя съ русскими условіями подражанія нѣмецкимъ образцамъ.

готовки и практической наблюдательности со стороны покойнаго публициста. А историческіе примѣры были у насъ подъ бокомъ. Германское юношество и при классической школѣ не избѣгло бурнаго періода съ революціонными попытками и политическими убійствами въ эпоху отъ Наполеоновскихъ войнъ до новѣйшаго времени. Отъ этого школа не подверглась тамъ частымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ, то въ ту, то въ другую сторону, и Нѣмецкое учебное вѣдомство не пришло къ такому выводу, что Германія страдаетъ отъ излишка солидно образованныхъ людей. Но тамъ кромѣ древнихъ языковъ процвѣтало и преподаваніе другихъ важныхъ предметовъ; особенно процвѣтало тамъ историческое преподаваніе (начиная съ низшихъ школъ и кончая университетомъ); веденное въ патріотическомъ направленіи, оно подготовило чрезвычайный подъемъ національнаго самосознанія, ярко отражающійся въ политикѣ, въ литературѣ, въ искусствахъ, на театральной сценѣ и т. д. А когда явились талантливые государственные люди, воплотившіе въ себѣ такія возвышенныя патріотическія цѣли, какъ единство и величіе Германіи, то Нѣмецкая молодежь стала отличаться наилучшимъ духомъ въ государственномъ смыслѣ. Однако и при такихъ условіяхъ еще недавно нашлись изверги, покусившіеся на жизнь императора Вильгельма. Что касается до личной безопасности правителей, то никакіе уставы, никакія школы не могутъ представить надежнаго ручательства, когда дѣйствуютъ какія-либо темныя подземныя силы, преслѣдующія свои цѣли *).

---

*) И въ данномъ случаѣ, даже безъ прямыхъ документальныхъ открытій, одни внимательныя историческія наблюденія могли дать намъ ключъ къ нѣкоторому наведенію относительно подземныхъ силъ. Пользуемся случаемъ сообщить результаты собственныхъ наблюденій. Выстрѣлы Геделя и Нобилинга послѣдовали быстро одинъ за другимъ какъ разъ передъ открытіемъ Берлинскаго конгресса, на которомъ собирались парализовать плоды Русскихъ побѣдъ и Русской крови. Императоръ Вильгельмъ заявилъ себя недостаточнымъ противникомъ Россіи; кому-то понадобилось его устранить по крайней мѣрѣ отъ непосредственнаго вліянія на конгрессъ, и онъ дѣйствительно былъ устраненъ. Слѣдовательно причины выстрѣловъ имѣли отношеніе къ восточному вопросу. Абдулъ-Азисъ былъ сверженъ и убитъ въ то время (весна 1876 года), когда Восточный вопросъ снова выступилъ на сцену и когда султанъ склонялся на сторону болѣе русскаго, чѣмъ англійскаго вліянія. Выстрѣлы Каракозова и Березовскаго произошли во время энергическаго наступательнаго движенія нашего въ средней Азіи. Затѣмъ рядъ нелѣпыхъ демонстрацій и гнусныхъ покушеній у насъ совпадаетъ съ тою же эпохою возобновленія восточнаго вопроса; а усилились онѣ особенно при натянутыхъ отношеніяхъ между Россіей и Англіей послѣ Берлинскаго конгресса и во время возобновленныхъ нами наступательныхъ дѣйствій въ средней Азіи. Немедленно за взятіемъ Геокъ Тепе, когда можно было ожидать дальнѣйшихъ шаговъ въ томъ же направленіи, послѣдовало 1 марта 1881. При новомъ фазисѣ восточ-

Самоотверженные, патріотичные государственные люди, искусная дѣятельная полиція, цѣлесообразныя предосторожности, мужественная рѣшимость и отсутствіе всякой поблажки для несомнѣнныхъ преступниковъ—вотъ тѣ средства, которыя только и могутъ принести пользу въ критическіе моменты, когда личная безопасность правителей подвергается испытанію. Безцѣльная, огульная травля молодежи только вносила обоюдное раздраженіе и сумятицу, и въ дѣйствительности никого и ничего не предохранила; мало того, происходившія вслѣдствіе жалкихъ студенческихъ движеній замѣшательства и отклоненіе отъ намѣченныхъ уже ближайшихъ задачъ національной политики служили подземнымъ силамъ поощреніемъ постоянно прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Эти именно чисто политическія цѣли а никакъ не разсчетъ на соціальные перевороты были тайными пружинами гнусныхъ покушеній, хотя исполнители ихъ едва ли знали, кому и чему въ сущности они служатъ орудіемъ. Вопросъ главнымъ образомъ шелъ не о сохраненіи существующаго государственнаго порядка, который не могла поколебать шайка тупоумныхъ недоучекъ, сама по себѣ ничтожная и заслуживающая полнаго презрѣнія; а вопросъ вращался около личной безопасности правителей, и вотъ куда должны бы-

наго вопроса (вслѣдствіе изгнанія Баттенберга) и во время новыхъ замѣшательствъ въ Афганистанѣ, которыми Россія легко могла воспользоваться, послѣдовало 1 марта 1887 года. Предоставляю читателямъ выводить заключеніе о томъ, кто даетъ пріютъ всѣмъ врагамъ общественнаго порядка и кто могъ пользоваться ихъ связями съ существующими въ странѣ анархическими или анти-русскими горючими элементами, чтобы поджечь послѣдніе въ нужный для себя моментъ. Старая исторія, если вспомнимъ начало текущаго столѣтія, когда казацкіе полки отправлены были отыскивать сухопутную дорогу въ Индію. Недавно мнѣ пришлось случайно услыхать разсказъ одного почтеннаго славянина изъ Австріи, что разъ въ 70-хъ годахъ проходилъ онъ съ кѣмъ-то по одному глухому переулку Вѣны. Тутъ спутникъ его указалъ на одинъ домъ и сообщилъ, что здѣсь сходятся нити разныхъ политическихъ махинацій противъ Россіи, и подъ покровительствомъ какого-то секретнаго бюро, на деньги, доставляемыя съ береговъ Темзы, вырабатываются агитаціонныя кампаніи для дѣйствій въ средѣ русской учащейся молодежи. Понятно, что я повторяю только то, что слышалъ, а провѣрку предоставляю нашимъ дипломатическимъ агентамъ, столь склоннымъ къ пріятному far niente и легкой французской causerie. Студенческіе безпорядки, происшедшіе въ ноябрѣ и началѣ декабря 1887 года, ясно показали свою связь съ заграничными полититескими интригами противъ Россіи. Едва въ Нѣмецкой печати начались запугиванія якобы предстоящей Австро-Русскою войной, какъ (для усиленія впечатлѣній) понадобилось тому-то грубое оскорбленіе двухъ студенческихъ инспекторовъ и, кромѣ того, безсмысленныя демонстраціи, поведшія къ временному закрытію Русскихъ университетовъ. А наивные люди, даже изъ профессорской среды, продолжали увѣрять, что тутъ нѣтъ якобы никакой иноземной политической подкладки.

ли направляться цѣлесообразныя мѣры, каковыми мы отнюдь не считали новые школьные уставы и четверной за ними надзоръ (чиновниковъ, духовенства, дворянства и земства), учрежденіе новыхъ генералъ-губернаторовъ, дежурство дворниковъ и т. п. Редакція «Московскихъ Вѣдомостей» очевидно не постигала ясно различія этихъ вопросовъ. Съ ея стороны нѣсколько наивно было возлагать великія надежды на скорое отрезвленіе и патріотическій подъемъ духа въ нашей учащейся молодежи вслѣдствіе усиленныхъ ея занятій формальною или этимологическою стороной древнихъ языковъ подъ руководствомъ Славяно-австрійскихъ преподавателей, довольно чуждыхъ и Русскому патріотизму, и Русскому открытому, впечатлительному характеру, съ ихъ сухимъ и недостаточно теплымъ отношеніемъ къ нашимъ дѣтямъ. По нашему крайнему разумѣнію, едва ли настояла необходимость водворять классицизмъ не иначе какъ, по нѣмецкимъ источникамъ и въ подражательной нѣмецкой формѣ, столь несимпатичной Русскому человѣку. Знаменитая Кіевская академія и Московская Славяно-Греко-Латинская школа, а потомъ наши прежнія духовныя семинаріи и академіи черпали классицизмъ главнымъ образомъ не изъ нѣмецкихъ источниковъ, и достигали блестящихъ результатовъ *).

Недоброжелатели покойнаго публициста объяснили его привилегированное по отношенію къ цензурѣ положеніе и его вліятельное значеніе въ правительственныхъ сферахъ по преимуществу тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ изъ приверженца западно-европейскихъ формъ и учрежденій довольно скоро преобразился въ усерднаго сторонника су-

*) Для меня лично вліяніе этой нѣмецкой формальной стороны и мало-развитыхъ австрійскихъ педагоговъ, теперь уже нерѣдко занимающихъ директорскія мѣста, наглядно сказывалось во время моихъ поѣздокъ по Россіи. Съ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, когда вновь введенная классическая система успѣла уже завладѣть нашими гимназіями, я замѣтилъ бросавшуюся въ глаза перемѣну въ общемъ типѣ и гимназическихъ преподавателей, и учащихся. Съ этого времени среди преподавательскаго состава я уже рѣдко находилъ прежнее радушіе, а равно какой-либо интересъ къ отечественной старинѣ и къ мѣстной исторіи. То и другое встрѣчалось болѣе въ средѣ педагоговъ реальныхъ и духовныхъ училищъ. На самихъ гимназическихъ воспитанникахъ, вмѣсто прежней живости и веселости, замѣчалась какая-то унылость или апатія. Я очень хорошо помню, что во время Уваровской классической системы, при суровой школьной дисциплинѣ Николаевской эпохи, далеко не было такого угнетеннаго настроенія и между дѣтьми, и между родителями, настроенія, которое не только не способствуетъ консервативному и потріотическому направленію, а наоборотъ подготовляетъ удобную почву для пропаганды анархизма и нигилизма, неразлучныхъ съ невѣжествомъ и грубостью нравовъ.

ществующаго отечественнаго строя и въ ревностнаго противника такъ называемаго правоваго порядка. Это отчасти вѣрно. Но и многіе другіе писатели были извѣстны у насъ какъ поборники консервативныхъ началъ; однако никто изъ нихъ не достигъ такого значенія и вліянія: только сильный убѣжденный талантъ М. Н. Каткова могъ явиться дѣйствительнымъ бойцомъ за нашу государственность въ эпоху великаго броженія умовъ и увлеченія иностранными политическими образцами. Поэтому его значеніе и вліяніе въ данномъ вопросѣ являются естественны и законны. А если онъ рано освободился отъ помянутаго увлеченія и не затруднился рѣзко перейти на правую сторону, тѣмъ болѣе чести его здравомыслію и мужественному характеру. Еще всѣмъ намъ памятно, какое обаяніе пріобрѣла у насъ на нѣкоторое время кличка либерала и сколько гражданскаго мужества надобно было имѣть тому, кто рѣшился итти противъ этого, хотя бы поверхностнаго и легкомысленнаго, но съ ногъ сбивающаго и умопомрачающаго теченія. Если въ настоящее время мы можемъ уже довольно спокойно, критически относиться къ сему явленію, то этимъ въ значительной степени обязаны именно необычайной и страстной энергіи, съ которою покойный громилъ нашу лже-либеральную печать. Особенную заслугу его въ этомъ отношеніи составляетъ постоянное, подтверждаемое фактами, указаніе на то, что наше лже-либеральное направленіе есть въ то же время направленіе анти-національное, помогающее чуждымъ интересамъ противъ собственныхъ, чѣмъ оно и отличается отъ истиннаго, Европейскаго либерализма. Русскіе лже-либералы обыкновенно являлись отщепенцами тамъ, гдѣ дѣло шло о кровныхъ Русскихъ интересахъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что идея царской власти вошла въ кровь и плоть Русскаго народа, и что сложившееся вѣками русское самодержавіе покоится на прочныхъ началахъ, способныхъ выдержать всякія бури, даже временное отрицательное отношеніе къ нему самой власти, какъ это мы недавно видѣли на практикѣ. Какъ и 300 или 200 лѣтъ тому назадъ, русскій народъ во всякое трудное для него время послѣ Бога возлагаетъ всѣ упованія на своего государя. Идея царя пользуется въ народныхъ представленіяхъ все тѣмъ же обаяніемъ. Необходимо, однако, прибавить, что въ наши времена всякихъ умственныхъ шатаній и злостныхъ агитацій эта идея переживаетъ довольно трудную эпоху; нужна твердая и вмѣстѣ строго-національная, православная политика внѣ и внутри, чтобы охранять ее и укрѣплять; а для сего нужны чисто-русскіе, патріотично-настроенные и даровитые государственные люди. Мы живемъ въ эпоху, когда гуманныя европейскія понятія

внесли свою смягчающую струю въ русскія гражданскія отношенія стараго времени, т.-е. когда на Руси настала такъ называемая эпоха просвѣщеннаго абсолютизма. Но смягченный или просвѣщенный абсолютизмъ не долженъ означать ослабленіе или бездѣйствіе власти. Всѣмъ памятна горячая борьба М. Н. Каткова съ вліяніями парализующими и разслабляющими правительственныя сферы, его усилія вдохнуть въ дѣйствія власти бодрость, энергію и вѣру въ самое себя, его призывъ къ порядку и возгласъ: «правительство идетъ!» и. т. д.

Подобныя усилія въ значительной степени оправдывались теченіемъ нашей новѣйшей исторіи. Благія по своимъ цѣлямъ и въ высокой степени гуманныя реформы прошлаго царствованія, какъ показала ихъ практика, нерѣдко страдали излишнею подражательностью своимъ западнымъ образцамъ и были недостаточно согласованы съ условіями и потребностями русской жизни. Задача власти состояла въ томъ, чтобы внимательно слѣдить за дѣйствіемъ преобразованныхъ учрежденій, исправлять всякую очевидную аномалію и развивать ихъ лучшія стороны, указанныя опытомъ.

Для примѣра возьмемъ нашъ преобразованный уголовный процессъ или судъ присяжныхъ. Какъ ни много превосходитъ онъ прежній канцелярскій способъ съ его таинственностью, волокитой и пристрастіемъ, но все же возлагавшіяся на присяжныхъ надежды далеко не исполнились. Столь часто являющіеся оправдательные приговоры для убійцъ, воровъ и мошенниковъ, показали, что задача огражденія общества отъ этихъ его враговъ находится въ рукахъ ненадежныхъ. Для тѣхъ, кто дорожитъ не отвлеченнымъ принципомъ суда присяжныхъ, а дѣломъ правосудія, ясно стало, что этотъ институтъ, не выросшій органически на нашей почвѣ, плохо къ намъ прививается. И Катковъ съ его жестокими нападками на чуждое нашей жизни учрежденіе естественно находилъ немало сочувствія въ средѣ честныхъ и здравомыслящихъ гражданъ. Жаль только, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ ограничивался одною отрицательною стороной, не давая себѣ труда выработать ясную, положительную программу. По моимъ личнымъ наблюденіямъ, главная причина зла заключается въ безотвѣтственности, которою обставлено новое судопроизводство и передъ правительствомъ, и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Присяжные отвѣчаютъ только передъ своею совѣстью (гарантія недостаточная въ дѣлахъ общественныхъ), а роль коронныхъ судей въ сущности сводится къ тому, чтобы подводить статьи закона подъ обвинительные приговоры присяжныхъ или объявлять свободными оправданныхъ, хотя бы и несомнѣнныхъ

преступниковъ. Суть новаго улучшеннаго суда должна была заключаться въ гласномъ обвинительномъ процессѣ, и слѣдовало на первый періодъ ограничиться коронными судьями, которые были бы отвѣтственными за свои приговоры и передъ правительствомъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Тогда процентъ несправедливыхъ приговоровъ, навѣрное, былъ бы насравненно меньшій; они не подрывали бы уваженія къ суду и не служили бы поощреніемъ для убійцъ, воровъ и мошенниковъ.

При томъ разочарованіи, которое на ряду съ судомъ присяжныхъ постигло и вообще учрежденія, основанныя на принципѣ самоуправленія, каковы новыя городскія и земскія учрежденія, Катковъ къ концу своей дѣятельности находилъ все болѣе и болѣе людей, сочувствующихъ его подчасъ слишкомъ отрицательному отношенію къ нѣкоторымъ реформамъ прошлаго царствованія. Теперь не представляло уже особаго труда ратовать и вообще противъ сторонниковъ такъ называемаго «правоваго» или конституціоннаго порядка, когда въ самой Европѣ этотъ порядокъ оказался несостоятельнымъ въ борьбѣ съ анти-государственными явленіями и даже тамъ началъ терять свой прежній кредитъ. Но по сему поводу я позволю себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе или собственно дополненіе. Защищая нашъ государственный строй вообще, покойный публицистъ въ то же время неустанно и горячо боролся съ разными частными его проявленіями; выходило, что онъ съ одной стороны охраняетъ существующій порядокъ, а съ другой, какъ бы постоянно его отрицаетъ. Повидимому, онъ и самъ не замѣчалъ такого противорѣчія въ своей публицистикѣ, и это противорѣчіе, нельзя сказать, чтобы было только кажущимся. Положимъ, онъ отстаивалъ общую государственную форму, но боролся съ разными правительственными лицами, неудовлетворительно исполнявшими свои задачи. Однако и ихъ дѣятельность нельзя разсматривать безъ связи съ общими принципами. Мнѣ кажется, что онъ уже слишкомъ сторонился отъ тѣхъ правительственныхъ пріемовъ, которые выработаны передовыми европейскими націями и примѣненіе которыхъ у насъ нисколько не нарушаетъ основного принципа, т.-е. самодержавія, какъ не нарушили его и болѣе раннія заимствованія у Европы. Вмѣсто московскихъ приказовъ и Боярской думы Петръ учредилъ коллегіи и Правительствующій Сенатъ по иностраннымъ образцамъ; вмѣсто коллегій Александръ I-й устроилъ министерства, а высшее законодательное значеніе придалъ вновь учрежденному Государственному Совѣту. Всѣ эти учрежденія представляли несомнѣнные шаги впередъ при развитіи нашей государственной централизаціи въ европейскомъ смыслѣ. Но уже давно чувствуются неудоб-

ства отъ недостатка болѣе тѣсной связи въ дѣйствіяхъ и направленіяхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. По моему крайнему разумѣнію, если Россія отъ чего наиболѣе страдаетъ, такъ именно отъ недостатка правильно распредѣленной отвѣтственности; то, что мы выше говорили о судѣ присяжныхъ, распространяется и на другіе органы государственной жизни*). Въ данномъ вопросѣ я касаюсь только общеевропейскаго правительственнаго пріема, независимаго отъ формы правленія (до того независимаго, что подобная организація встрѣчалась не только въ европейскихъ абсолютныхъ монархіяхъ, но и въ восточныхъ деспотіяхъ; подходящіе примѣры находимъ и въ нашей исторіи XVIII столѣтія, въ лицѣ нѣкоторыхъ канцлеровъ и генералъ-прокуроровъ). Благодареніе Богу, у насъ нѣтъ высшихъ, парламентскихъ говорилень, по капризу которыхъ могли бы падать и безпрерывно мѣняться министерства; у насъ нѣтъ ни династическихъ, ни соціалдемократическихъ партій и намъ не угрожаютъ съ этихъ сторонъ никакіе конфликты и компромиссы. У насъ всякое министерство пользуется и будетъ пользоваться какимъ-либо значеніемъ и прочностью постольку, поскольку сохраняетъ довѣріе Верховной власти, и пока его сохраняетъ, не болѣе и не долѣе того; а между нашею доблестною арміей и ея Верховнымъ вождемъ конечно немыслимо никакое посредство. Но опытъ ясно показываетъ, что внутренняя и внѣшняя политика все болѣе и болѣе усложняются, что вездѣ требуются крупные государственные таланты и что такимъ талантамъ трудно себя проявить.

Повторяю, однако, что я ничего не совѣтую и ничего не предла-

---

*) Для наглядности приведемъ слѣдующіе недавніе примѣры. Между тѣмъ какъ германскій премьеръ одновременно повелъ противъ насъ наступленіе и въ сферѣ внѣшнихъ союзовъ, и на берлинской биржѣ, и посредствомъ своихъ союзниковъ, въ самой Россіи,—въ отвѣтъ на это наступленіе съ нашей стороны мы доселѣ видѣли только одиночную борьбу финансоваго вѣдомства, тогда какъ вѣдомство дипломатическое (не говорю уже о другихъ вѣдомствахъ) продолжало держать себя пассивно и какъ бы въ сторонѣ. Понятно, что при такомъ разъединеніи мы всегда останемся въ проигрышѣ. Извѣстно, что внѣшняя политика находится въ прямой зависимости отъ внутреннихъ отношеній. Далѣе, между тѣмъ какъ финансовое вѣдомство стремится къ покровительству русской промышленности и урегулированію внутреннихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, артиллерійское, продолжая свои заграничные заказы, держитъ въ черномъ тѣлѣ отечественные заводы, а путей сообщенія оспариваетъ свои права на означенные тарифы. Наконецъ, несмотря на крайнюю нужду въ экономіи, всякое отдѣльное вѣдомство не желаетъ сообразоваться съ общегосударственными требованіями и попрежнему отстаиваетъ свои бюджетныя притязанія, свои сверхсмѣтные расходы. При такомъ порядкѣ вещей трудно разсчитывать на финансовое и экономическое процвѣтаніе внутри и успѣшную политику внѣ.

гаю: я говорю только о томъ, къ чему, по моимъ наблюденіямъ, ведетъ насъ сама исторія. Въ послѣднее время—время разныхъ разочарованій—чаще и чаще раздаются голоса, призывающіе возвратиться къ порядкамъ Николаевской эпохи. Нѣтъ спора, что многое въ этой эпохѣ выигрываетъ при сравненіи съ нашимъ временемъ, и что въ особенности желательно было бы возстановить прежнюю государственную и общественную дисциплину; но ошибаются тѣ, которые думаютъ это сдѣлать старыми пріемами и способами. Они забываютъ напримѣръ, что Аракчеевщина привела къ 14 декабря, а Николаевскій періодъ окончился Севастопольскимъ погромомъ, значительнымъ разстройствомъ государственнаго механизма, а главное антиправительственнымъ порядкомъ и антипатріотическимъ настроеніемъ интеллигентныхъ слоевъ (каковы бы ни были эти слои, не можетъ же государство въ наше время существовать безъ нихъ или въ полномъ разрывѣ съ ними). Нельзя вездѣ и во всемъ общеевропейскіе пріемы замѣнять одними патріархальными отношеніями. Для наглядности приведу примѣръ изъ прошлой университетской жизни. Извѣстно, съ какимъ теплымъ чувствомъ московскіе студенты сороковыхъ годовъ чтутъ память своего инспектора, Платона Степановича Нахимова; благодарныя воспоминанія и разсказы о немъ доселѣ встрѣчаются въ нашей литературѣ, съ явною заднею мыслью, что если бы его преемники были таковы же, то, быть-можетъ, не происходили бы и такъ называемыя студенческія исторіи, періодически повторяющіяся. Очевидное заблужденіе. Когда студентъ попадался въ какой-нибудь обыкновенной житейской шалости или просто въ несоблюденіи формы, Платонъ Степановичъ добродушно журилъ его, грозилъ посадить въ карцеръ, говорилъ о томъ, какъ будетъ огорченъ графъ (С. Г. Строгановъ), если узнаетъ, о поступкѣ студента, и т. д. Все это было конечно патріархально и трогательно; но что сталъ бы дѣлать тотъ же Платонъ Степановичъ, когда легкомысленные юноши начали заниматься высшею политикой, переустройствомъ всего человѣческаго общества на новыхъ основаніяхъ, когда среди нихъ явились фанатики агитаторы, пошла въ ходъ подпольная разрушительная работа съ тайными типографскими станками и динамитными аппаратами? Что же значили бы тогда угрозы посадить въ карцеръ и даже жалкія слова о томъ, что онъ самъ, т.-е. Платонъ Степановичъ, за студенческіе поступки можетъ угодить въ Сибирь? Нѣтъ, тутъ уже требовались другіе люди. Конечно, первыми необходимыми условіями для нихъ должны быть патріотическое настроеніе, любовь къ молодежи и честный, благородный характеръ (ибо молодежь прежде всего чувствительна къ характеру). Затѣмъ, необходимо, чтобы эти люди сами про-

шли высшее образованіе, чтобы они при случаѣ способны были сказать мѣткое слово о высокомъ значеніи общественнаго порядка, о необходимости государственной и общественной дисциплины, о неразрывныхъ связяхъ русскаго народа съ своимъ государемъ, о томъ, что наука сама по себѣ представляетъ благородную и высокую задачу для юношества, но наука, незатемненная антиправительственными или антинаціональными бреднями, и т. п. Злостныхъ агитаторовъ такія истины не образумятъ, но на массу молодежи онѣ всегда произведутъ благое дѣйствіе. Разумѣется, слова словами, а на исполненіи законныхъ требованій всегда и неукоснительно должно настаивать и пріучать молодежь къ уваженію передъ закономъ. Итакъ, другое время требуетъ иныхъ людей или, точнѣе сказать, иныхъ пріемовъ. Слѣдовательно нецѣлесообразно было бы въ наше время, безъ тщательнаго разбора, выдвигать патріархальные порядки Николаевской эпохи и возлагать на нихъ особыя надежды.

Объ отношеніяхъ этой прошлой эпохи къ потребностямъ современнымъ отчасти или не додумался или не досказался покойный М. Н. Катковъ; во всякомъ случаѣ онъ смотрѣлъ на русскій государственный строй и его настоящее положеніе проще и практичнѣе, чѣмъ славянофильская школа, которая постоянно носилась съ такимъ анахронизмомъ, какъ земскій соборъ Московскаго періода. Въ царствованіе Николая I-го министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ указано было на три столба русской государственной жизни: *православіе*, *самодержавіе*, *народность*; но именно нѣмецко-протестантскій элементъ, принимавшій слишкомъ близкое участіе въ нашей внутренней и внѣшней политикѣ, не совсѣмъ гармонировалъ съ означенными тремя столбами. Для примѣра напомнимъ предписанную, въ угоду нѣмецкимъ баронамъ, остановку крестьянскаго движенія въ православіе въ нашихъ Балтійскихъ провинціяхъ, нѣмца-протестанта Нессельроде, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ обязаннаго наблюдать интересы православія на Востокѣ, а также и гусарскаго полковника графа Протасова, въ качествѣ оберъ прокурора Св. Синода едва ли отличавшагося заботами о достоинствѣ и преуспѣяніи православной Церкви внутри имперіи.

Обратимся къ заслугамъ Каткова относительно русской промышленности. Кто изъ насъ въ молодости не былъ фритредеромъ подъ вліяніемъ свирѣпствовавшей тогда политико-экономической школы съ Сеемъ, Шевалье, Бастіа, Рошеромъ и т. п. писателями во главѣ? Я помню что по выходѣ изъ университета только историческія занятія и собственныя наблюденія помогли мнѣ отдѣлаться отъ этого антиисторическаго направленія. Только впослѣдствіи я пришелъ къ тому простому выводу,

что для такихъ высокоразвитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, каковы Англія, Бельгія, Франція и отчасти Германія, фритредерское ученіе очень выгодно; но оно можетъ только гибельно дѣйствовать на нашу еще мало развитую промышленность. И дѣйствительно, трудно вычислить теперь, во сколько милліардовъ рублей убытку обошлись намъ университетскіе профессора политической экономіи и послѣдователи quasi-экономическихъ теорій, стоявшіе во главѣ финансоваго вѣдомства. Стоитъ вспомнить безпримѣрный къ Европѣ фактъ, какъ построеніе желѣзнодорожной сѣти почти въ 20,000 верстъ не только не подняло русскаго желѣзнаго производства, а почти убило его. Катковъ въ свое время не избѣжалъ этого вредоноснаго теченія. Мы еще живо помнимъ, какъ въ началѣ 60-хъ годовъ онъ носился съ бельгійскимъ экономистомъ Густавомъ де-Молинари, однимъ изъ фритредерскихъ болтуновъ, и выписывалъ его въ Москву для поученія нашей публики посредствомъ публичныхъ лекцій. Впослѣдствіи онъ совершенно освободился отъ фритредерства и явился самымъ усерднымъ защитникомъ покровительственной системы; но тутъ ясно сказалось, какъ легко было уничтожить покровительство и какъ трудно его возстановить: ибо пришлось бороться не только съ остатками ложнаго внутренняго направленія въ видѣ нѣкоторыхъ quasi-экономистовъ и инородческихъ публицистовъ, но главнымъ образомъ съ иностраннымъ, преимущественно германскимъ, вліяніемъ, которое ни за что не хотѣло отказаться отъ своихъ эксплуататорскихъ тенденцій по отношенію къ Россіи и умѣло находить себѣ поддержку въ самыхъ правительственныхъ сферахъ, однихъ склоняя на свою сторону, другихъ пугая боевыми пошлинами на нашъ хлѣбъ и тому подобными репрессаліями. Кое-что однако удалось сдѣлать на этомъ поприщѣ публицистамъ патріотическаго направленія, особенно въ послѣднюю эпоху. На ряду съ покровительствомъ народному труду посредствомъ пограничныхъ таможенныхъ пошлинъ, Катковъ боролся противъ безобразнаго желѣзнодорожнаго хозяйничанья и внутреннихъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, которые подъ нѣмецкимъ вліяніемъ обратились противъ русской торговли и промышленности. Также усердно боролся онъ и противъ крайне-разорительныхъ внѣшнихъ займовъ; но эта борьба сопровождалась еще меньшимъ успѣхомъ вслѣдствіе того же Германскаго вліянія, которому такъ выгодно было усиливать нашу задолженность и финансовую зависимость отъ нѣмецко-жидовскихъ банкировъ Берлина.

Всѣмъ памятно и постоянное горячее ратоборство М. Н. Каткова въ 50-хъ и 60-хъ годахъ за ускореніе построенія желѣзнодорожной сѣти вообще, начиная съ важнѣйшей Кіевской линіи. А въ 70-хъ годахъ

онъ съ особою энергіей развивалъ необходимость линіи Сибирской и стоялъ за наиболѣе прямое и полезное ея направленіе отъ Нижняго-Новгорода на Казань и Пермь. (Извѣстно, что это направленіе хотя и было утверждено, однако, къ сожалѣнію, подверглось потомъ отмѣнѣ.) Напомнимъ еще недавнюю и немаловажную для государственныхъ финансовъ заслугу по вопросу о нормировкѣ сахара.

По отношенію къ нашему финансовому положенію, любопытно слѣдующее обстоятельство. Когда Катковъ держался фритредерскихъ убѣжденій, онъ вѣрно смотрѣлъ на избытокъ у насъ бумажныхъ денегъ и, помнится, удачно острилъ по поводу слуха объ учрежденіи по сему случаю особой комиссіи; чтобы прочесть напечатанную на кредитныхъ билетахъ фразу о немедленномъ размѣнѣ ихъ на золото по предъявленіи, для этого не стоитъ учреждать особую комиссію, писалъ онъ въ то время. А впослѣдствіи, когда онъ сталъ ратовать за покровительство русской промышленности, то, подъ какими-то вліяніями измѣнилъ свой взглядъ на бумажныя деньги и сталъ проповѣдывать странную теорію о невредѣ какого бы то ни было ихъ избытка. Такимъ образомъ онъ какъ бы не понималъ связи чрезмѣрныхъ бумажныхъ выпусковъ съ финансовою распущенностью и проистекавшимъ отсюда разстройствомъ нашей денежной системы. Въ основу своихъ доводовъ М. Н. Катковъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, полагалъ ту ложную мысль, будто Русское государство есть нѣчто особое, не подчиняющееся общимъ историческимъ и экономическимъ законамъ. Также ошибочна была его проповѣдь о стѣсненіи русскихъ путешественниковъ по Европѣ и обложенія ихъ паспортовъ чрезмѣрною пошлиной. Онъ видѣлъ только невыгодныя стороны этихъ путешествій и забывалъ ихъ пользу, въ общей суммѣ далеко превосходившую всѣ невыгоды. Гораздо полезнѣе было бы и для нашихъ финансовъ, и для національныхъ интересовъ вообще, еслибы онъ обратилъ эту проповѣдь на стѣсненіе иноземной эксплуатаціи и обложеніе высокимъ процентомъ тѣхъ громадныхъ капиталовъ, которые безчисленные иностранцы наживаютъ въ Россіи и вывозятъ изъ нея.

Подобнымъ образомъ прежнія здравыя разсужденія Каткова о пользѣ всесословной земской волости и несостоятельности настоящей крестьянской общины, съ ея круговою порукой, особымъ судбищемъ и разорительнымъ кабакомъ, впослѣдствіи замѣнились усерднымъ ратоборствомъ за отдѣльныя сословныя учрежденія, хотя бы они представляли уже значительный анахронизмъ для нашего времени. Также нельзя было сочувствовать и его неблагопріятному взгляду на высшее женское образованіе, которое въ общемъ развитіи націи могло бы принести значительную

пользу. Особенно желательно распространеніе медицинской науки между женщинами. Понятно, что только подъ условіемъ хорошо организованныхъ правительственныхъ учрежденій можетъ процвѣтать высшее и спеціальное женское образованіе, какъ это устроено съ образованіемъ среднимъ.

По своему литературно-филологическому и отчасти философскому образованію Катковъ болѣе чѣмъ кто-либо другой могъ быть цѣнителемъ на поприщѣ нашей изящной словесности. Но въ этомъ отношеніи заслуги его не велики. Владѣя двумя большими органами печати: «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Московскими Вѣдомостями» (а нѣкоторое время еще и третьимъ органомъ «Современною Лѣтописью»), онъ не оказывалъ достаточнаго вліянія на доброкачественность нашей литературы. Правда, многія хорошія произведенія этой эпохи нашли себѣ мѣсто именно въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но отдѣлъ критики въ немъ почти отсутствовалъ; а со стороны издателя незамѣтно было какихъ-либо усилій на этотъ счетъ, хотя у него не было недостатка ни въ знаніи дѣла, ни въ денежныхъ средствахъ для привлеченія къ нему подходящихъ людей. А между тѣмъ именно въ эту эпоху наша беллетристика и наша театральная сцена наводнились произведеніями того пошлаго и даже грязнаго направленія, которое прикрывалось названіемъ натуральной или реальной школы. Катковъ при случаѣ высказывалъ свое неодобреніе этому направленію, и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» мы читали дѣльныя разсужденія о театрѣ одного изъ его сотрудниковъ, но этого было слишкомъ недостаточно. Требовалась талантливая и неустанная борьба съ этимъ направленіемъ, заполонившимъ нашу литературу, т.-е. ту духовную пищу, на которой воспитывались молодыя поколѣнія. Требовалось сильное и острое слово, чтобы гнать съ театральной сцены всю эту пошлость и грязь, всѣ эти незрѣлыя, бездарныя и тенденціозныя творенія, въ которыхъ невозможно отличить добра отъ зла. Извѣстно, что сцена представляетъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ орудій общества какъ для нравственнаго развитія его, такъ и, наоборотъ, для его одичанія, и съ одними академическими разсужденіями тутъ далеко не уѣдешь. Мнѣ могутъ возразить, что я уже слишкомъ требовательно отношусь къ дѣятельности покойнаго публициста. Можетъ быть; но кому много дано, съ того много и взыщется. Справедливо упрекали и вообще «Московскія Вѣдомости» въ томъ, что, поднятыя на извѣстную высоту талантливыми передовыми статьями редакціи, онѣ не отличались богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія, въ чемъ не соотвѣтствовали своимъ матеріальнымъ средствамъ *).

*) Изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ менѣе всего можно было узнать о ходѣ общественной жизни въ самомъ городѣ Москвѣ, за исключеніемъ реторичныхъ

Что касается до моего личнаго знакомства съ М. Н. Катковымъ, то оно продолжалось болѣе 30 лѣтъ. Еще будучи бѣднымъ московскимъ студентомъ, около половины 50-хъ годовъ, я дѣлалъ иногда переводы изъ иностранныхъ изданій для «Московскихъ Вѣдомостей», которыя тогда М. Н. редактировалъ по найму отъ университетскаго начальства. Это были первые мои литературные заработки. Впослѣдствіи немалое количество моихъ статей было помѣщено въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Но съ середины 70-хъ годовъ приходилось иногда браться за перо и для того, чтобы возражать симъ послѣднимъ, не ради, конечно, желанія противорѣчить, а ради ихъ вліянія, при которомъ какая-либо не совсѣмъ вѣрная постановка вопроса могла имѣть нежелательныя послѣдствія. (Таково, напримѣръ, было назначеніе моихъ статей о классической школѣ; послѣдующіе факты, надѣюсь, достаточно ясно показали, на чьей сторонѣ была правда.) Разумѣется, подобныя возраженія не способствовали особенно дружескому расположенію; но тождество общаго, русскаго направленія, а равно мое постоянное уваженіе къ таланту и многимъ заслугамъ покойнаго публициста всегда поддерживали или возобновляли приличныя отношенія. Впрочемъ, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ едва ли я видѣлъ его болѣе трехъ-четырехъ разъ.

Первѣйшая и важнѣйшая заслуга Каткова заключалась въ томъ, что онъ, можно сказать, создалъ политическую печать въ Россіи и поднялъ ее на степень общественной силы, съ которою должны были считаться не только наши собственныя, но также и иностранныя оффиціальныя сферы. Помощью своего искуснаго пера и постепенно возраставшаго авторитета онъ дѣлалъ доступнымъ для русской печати обсужденіе такихъ явленій и сторонъ нашей жизни, которыхъ, помимо его, пе-

отчетовъ о торжественныхъ раутахъ и обѣдахъ, о концертахъ и т. п., или краткихъ извѣстій о пожарныхъ и другихъ несчастныхъ случаяхъ. Такъ, о совершившемся на нашихъ глазахъ ожидовленіи Москвы газета эта не обмолвилась ни однимъ словомъ. Ратуя противъ внѣшнихъ займовъ вообще, она промолчала, когда московское городское самоуправленіе, Богъ вѣсть зачѣмъ, учинило трехмилліонный заемъ въ Берлинѣ. Такъ, поднимая въ послѣднее время агитацію противъ слишкомъ высокой страховой преміи и стачки пожарныхъ акціонерныхъ обществъ, „Московскія Вѣдомости“ игнорировали тотъ вопіющій фактъ, что изъ 13-ти нашихъ страховыхъ обществъ только одно общество русское, а цѣлыхъ двѣнадцать обратились въ чисто-нѣмецкія (съ примѣсью евреевъ) по своему директорскому и служебному персоналу, и притомъ не только съ германскими подданными во главѣ, но и съ офицерами прусскаго ландвера въ своемъ составѣ, особенно на важныхъ по своему значенію мѣстахъ инспекторовъ, которые разъѣзжаютъ по всей Россіи для собранія всевозможныхъ свѣдѣній и составленія подробныхъ топографическихъ картъ.

чать прежде едва дерзала касаться. Въ этомъ отношеніи онъ долгое время служилъ какъ бы регуляторомъ для русской печати, и многими сдѣланными ею завоеваніями она обязана именно Каткову.

Вполнѣ владѣя литературными пріемами, пользуясь надежными свѣдѣніями изъ хорошихъ источниковъ, онъ притомъ многое вѣрно отгадывалъ своимъ русскимъ чутьемъ. Но, какъ мы уже замѣтили, недостатокъ основательной исторической подготовки, въ связи съ излишнею самоувѣренностью, иногда отзывался на его отношеніяхъ къ текущимъ вопросамъ. Поэтому нельзя сказать, чтобы онъ прозрѣвалъ ходъ событій и вообще былъ глубокимъ политикомъ, хотя и считалъ себя таковымъ (и обыкновенно свысока относился къ людямъ, которые указывали ему на уроки исторіи). Въ этомъ отношеніи иногда онъ дѣлалъ несомнѣнные промахи *). Но когда ходомъ событій вопросъ достаточно выяснялся и когда онъ становился на вѣрную точку зрѣнія, нельзя было не любоваться тѣмъ мастерствомъ, съ которымъ онъ умѣлъ защищать русскіе интересы и бороться съ враждебными вліяніями. Тогда его острое и гибкое перо, подобно самой искусной шпагѣ, сыпало неотразимые удары и вонзалось въ наиболѣе чувствительныя стороны противниковъ. Какъ публицистъ или собственно какъ стилистъ, онъ не имѣлъ себѣ равнаго между своими современниками, можетъ-быть, въ цѣлой Европѣ. Извѣстно, что и Герценъ, при всемъ своемъ замѣчательномъ остроуміи, не вышелъ побѣдителемъ изъ схватки съ нашимъ знаменитымъ публицистомъ.

Въ заключеніе скажемъ о послѣдней его заслугѣ: о попыткѣ къ борьбѣ съ нѣмецкимъ вліяніемъ, къ открытой борьбѣ съ могущественнымъ германскимъ канцлеромъ.

Много было говорено въ нашей печати о долгомъ и вредномъ вліяніи князя Меттерниха на внѣшнюю и частью внутреннюю политику Россіи, при помощи Нессельроде и Остзейскихъ представителей Русской дипломатіи. Но этотъ вредъ по своимъ размѣрамъ не можетъ сравниться съ тѣмъ, который принесло намъ дипломатическое вліяніе князя Бисмарка, съ особенною силой выступившее въ эпоху новой Русско-

*) Притязанія на политическое глубокомысліе, напримѣръ, сказались и въ статьяхъ, относившихся къ той культурной борьбѣ, которую германскій канцлеръ предпринялъ противъ Римской куріи. Катковъ не одобрялъ этой борьбы и опасался плачевныхъ отъ нея послѣдствій для Пруссіи. Опасенія его пока не оправдались. При семъ ему и въ голову не приходило, что когда канцлеръ вздумаетъ примириться съ папствомъ, то это примиреніе произойдетъ на счетъ православно-русскихъ и вообще славянскихъ интересовъ.

Турецкой войны и Берлинскаго конгресса. Уже тогда чувствовалась какая-то закулисная сила, которая то парализуетъ нашу рѣшимость и энергію, то лишаетъ насъ плодовъ, добытыхъ потомъ и кровью. Истина, о которой наиболѣе дальновидные Русскіе патріоты и прежде догадывались, вскорѣ сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ, а именно: разыгрывая по наружности роль друга Россіи, втайнѣ за ея спиною Берлинскій государственный мужъ подстрекалъ противъ нея Англію и Австро-Венгрію къ самымъ смѣлымъ требованіямъ, а потомъ ловко склонялъ Европейскіе вѣсы въ пользу этихъ требованій. Говорили о спасенной нами Австріи, которая во время Крымской кампаніи вздумала удивить міръ своею неблагодарностью; говорятъ о неблагодарности освобожденныхъ нами Румынъ, Грековъ и особенно Болгаръ. Но давно извѣстно, что въ политикѣ благодарности нѣтъ. Развѣ Италія, для освобожденія которой отъ австрійскаго ига Франція предпринимала кровопролитную войну, развѣ эта Италія въ настоящее время тоже не удивляетъ Европу своею неблагодарностью? Но еще болѣе сама Пруссія, спасенная нашею кровью отъ Наполеона I, а потомъ возвеличенная и обратившаяся въ единую Германскую имперію при дѣятельномъ покровительствѣ и помощи Россіи, развѣ эта Пруссія не платитъ намъ теперь крайнею неблагодарностью? Ея усилія задушить нашу промышленность, поработить наши финансы, наводнить своими колонистами наши западныя окраины у всѣхъ на глазахъ. На вторженіе сосѣдей не только во внѣшнюю, но и въ самую внутреннюю нашу политику и на слишкомъ явное стремленіе при всякомъ удобномъ случаѣ втѣсниться между Русскимъ правительствомъ и Русскимъ народомъ давно съ прискорбіемъ взирали русскіе патріоты. Нельзя сказать, чтобы Катковъ съ самаго начала раздѣлялъ ихъ дальновидность и ихъ опасенія. Иногда во внутреннихъ отношеніяхъ не чуждый разныхъ компромиссовъ, можетъ быть, отчасти ради сохраненія своего привилегированнаго положенія, и въ отношеніяхъ внѣшнихъ онъ долго ограничивался защитою русской промышленности и финансовъ отъ нѣмецкихъ притязаній и указаніями на усилившуюся нѣмецкую колонизацію въ западной Россіи; а на политическій союзъ съ Германіей смотрѣлъ съ довольно оптимистической точки зрѣнія. Очевидно, онъ обманывался насчетъ истиннаго значенія сего союза и не понималъ ясно ни тѣсной связи его съ широкою нѣмецкою эксплуатаціей Русской имперіи, ни новаго (австро-германскаго) фазиса восточнаго вопроса, ни новыхъ политическихъ комбинацій народившихся въ Европѣ за послѣднюю эпоху. Во время Русско-Турецкой войны онъ довѣрчиво повторялъ пресловутую фразу Бисмарка, что Пруссія

ради восточнаго вопроса не пожертвуетъ костями и одного померанскаго гренадера.

Даже въ началѣ послѣдняго болгарскаго кризиса Катковъ склонялся на увѣренія берлинскаго сфинкса, будто Германія не имѣетъ прямыхъ интересовъ на востокѣ. (Вотъ что значилъ недостатокъ историческихъ свѣдѣній, хотя бы по отношенію къ эпохѣ Фридриха II.) Онъ все еще по старой привычкѣ устремлялъ свои публицистическіе перуны противъ Австріи, не отдавая себѣ яснаго отчета, откуда взялась у этой разношерстной имперіи такая прыть, что она за послѣднія десять лѣтъ ведетъ открытую агрессивную политику противъ Россіи, тогда какъ для многихъ уже была внѣ всякаго сомнѣнія роль Берлина, который стоялъ за спиною Австро-Венгріи и изо всѣхъ силъ толкалъ ее къ захватамъ на Балканскомъ полуостровѣ и къ вызывающему съ нами тону, продолжая по наружности разыгрывать нашего друга и чуть ли не благодѣтеля. (Невольно приходитъ на память священникъ Веръ, коварный другъ вандальскаго короля Гелимера, въ извѣстномъ историческомъ романѣ Феликса Дана.) Во время Франко-Прусской войны русское общественное сочувствіе было не на сторонѣ нѣмцевъ; хотя Наполеоны столько согрѣшили противъ Россіи, однако народный инстинктъ подсказывалъ, что не отъ французовъ грозятъ намъ будущія опасности. Наша внѣшняя политика, въ этомъ случаѣ, не согласовалась съ національными симпатіями. «Московскія Вѣдомости» во время этой войны, наравнѣ съ другими газетами, увлекались громомъ событій и не придумали никакихъ полезныхъ для Россіи совѣтовъ и разъясненій. Катковъ не только не думалъ пользоваться моментомъ для улучшенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ въ славянскомъ и русскомъ смыслѣ, но полагалъ этотъ моментъ неудобнымъ для возобновленія восточнаго вопроса. Онъ не сознавалъ той огромной перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ державъ, которая совершалась передъ его глазами, хотя и считалъ себя глубокимъ политикомъ. Спустя не болѣе пяти лѣтъ, восточный вопросъ возобновился самъ собою, но уже при обстоятельствахъ гораздо менѣе для насъ благопріятныхъ. Извѣстно, что во время новой Русско-Турецкой войны и Берлинскаго конгресса наглядно сказалась правда помянутаго народнаго инстинкта. Напрасно думаютъ, что униженіе и разочарованіе, которыя вынесла Россія съ этого конгресса, касались только ея внѣшняго положенія. Увы! гораздо важнѣе были послѣдствія во внутреннихъ отношеніяхъ. Одни смутно, а другіе болѣе ясно начали сознавать, къ какимъ государственнымъ невзгодамъ вело насъ сосѣднее вліяніе и, между прочимъ, какъ вредно оно отразилось на духѣ нашей

молодежи, которая нуждается въ живыхъ патріотическихъ примѣрахъ и непосредственномъ на нее воздѣйствіи. Въ нашихъ внутреннихъ отношеніяхъ пробѣжала какая-то тѣнь. При такихъ-то обстоятельствахъ, какъ бы пользуясь ими, усилилась подпольная работа адской интриги. Да, одинъ берлинскій конгрессъ, омрачившій славу только-что совершонныхъ нашей арміей геройскихъ подвиговъ, причинилъ обаянію извѣстнаго основного принципа русской государственности болѣе существенный ущербъ, нежели всѣ выходки и преступленія анархистовъ, и самымъ опаснымъ для сего принципа дѣятелемъ явился никто другой, какъ сосѣдній государственный мужъ съ его постоянными назойливыми стараніями втѣсняться между русскими правительственными сферами и кровными русскими интересами. Говорю на основаніи тщательныхъ наблюденій, и я счелъ бы себя неисполнившимъ свой долгъ русскаго гражданина и вѣрноподданнаго, если бы умолчалъ о такомъ великой важности фактѣ. Къ сожалѣнію, нашъ покойный публицистъ не замѣтилъ его или не оцѣнилъ по достоинству. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто безцѣльной травли молодежи и мысли объ излишествѣ для Россіи людей, получающихъ высшее образованіе, онъ, по всей вѣроятности, постарался бы обратить вниманіе правительственныхъ сферъ на опасности, которыми грозило это сосѣднее вліяніе.

Наконецъ, когда при видѣ извѣстнаго образа дѣйствій Австро-Германіи по отношенію къ Россіи въ вопросѣ о болгарскомъ лженравительствѣ, при самомъ безцеремонномъ вытѣсненіи нашего законнаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, русское общественное мнѣніе достигло высшей степени негодованія, тогда только Катковъ сталъ выражать истинное для насъ значеніе германскаго канцлера и дѣлать легкія противъ него вылазки. Но и въ это время онъ поддавался его маневрамъ наравнѣ съ другими органами нашей печати, напримѣръ, относительно поднятаго въ 1886 году нѣмцами шума о предстоящей будто бы войнѣ съ Франціей, тогда какъ въ дѣйствительности они и не думали объ этой войнѣ, а хотѣли отвлечь наше вниманіе отъ Болгаріи, гдѣ готовились снова водворить нѣмецкаго принца *).

Только послѣ удара его личному самолюбію (когда Бисмаркъ по поводу разоблаченій англійской Синей книги назвалъ Каткова лжецомъ),

*) Когда шумъ о войнѣ съ Франціей перестаетъ служить отвлекающимъ средствомъ, Берлинъ отыскиваетъ другія; напримѣръ, пытается выдвигать на сцену то призракъ австро-русской войны, то призракъ польскаго вопроса, возбуждая въ полякахъ обманчивыя надежды, и все для того, чтобы прикрывать совершающійся на нашихъ глазахъ неуклонный напоръ германизма на востокъ и юго-востокъ

онъ выступилъ открыто противъ германскаго канцлера и противъ предполагаемыхъ его союзниковъ въ самой Россіи. Эта, хотя и нѣсколько запоздалая, борьба чрезвычайно усилила общественное сочувствіе Каткову; ибо въ Россіи ничто не можетъ быть популярнѣе борьбы съ нѣмецкимъ вліяніемъ, особенно въ послѣднее время, когда на всякую лишнюю уступку нѣмцамъ коренное русское общество готово было смотрѣть какъ на что то близкое къ государственной измѣнѣ. Даже многіе прежніе противники Каткова, стали на его сторону противъ общаго отечественнаго врага. Извѣстія о томъ, что германскій канцлеръ, напуская на Россію своихъ рептилій, въ то же время прибѣгаетъ къ своимъ петербургскимъ союзникамъ, чтобы зажать ротъ патріотическимъ органамъ русской печати — эти извѣстія еще болѣе возбуждали сочувствіе къ поднятой Катковымъ борьбѣ. Отвага, опытность, искусство Каткова въ подобныхъ случаяхъ и его привилегированное въ печати положеніе заставляли возлагать на него большія надежды въ этомъ отношеніи. Его популярность быстро возрасла и широко распространялась не только въ Россіи, но и на крайнемъ западѣ. Но вдругъ появились слухи о его болѣзни, о чрезвычайныхъ встрѣченныхъ имъ препятствіяхъ, о какой-то нѣмецкой противъ него интригѣ, имѣвшей цѣлью подорвать его кредитъ въ высшихъ сферахъ и не мало повліявшей на его больной организмъ. Вотъ посреди какихъ обстоятельствъ застигла его кончина 20 іюля 1887 г., на семидесятомъ году отъ роду. Она застигла его въ минуту наибольшаго общественнаго сочувствія. Рѣдкому общественному дѣятелю достается въ удѣлъ такая высокая награда.

Москва, 1887. Декабрь.

Европы, т.-е. пресловутый Drang nach Osten. Въ случаѣ нужды, Берлинъ будетъ увѣрять, что ради союза и дружбы съ Россіей онъ готовъ пожертвовать для нея Австріей. Наивенъ будетъ тотъ, кто ему повѣритъ: ибо Германія не можетъ добровольно отказаться, отъ дѣла германизаціи, для которой Австрія представляетъ такое удобное орудіе.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

и

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СМѢСЬ.

ДВА СЛОВА О МОЕМЪ РЕЦЕНЗЕНТѢ ВЪ ЖУРНАЛѢ ЗИБЕЛЯ *).

Въ одномъ изъ прежнихъ нумеровъ *Historische Zeitschrift* мы читали, что въ Москвѣ есть историческая школа профессора Соловьева и что къ этой школѣ между прочимъ принадлежитъ Иловайскій, «авторъ *Исторіи Рязанскаго княжества*, съ большимъ искусствомъ написаннаго и хорошо исполненнаго опыта русской провинціальной исторіи, кромѣ того авторъ ясно изложеннаго и очень популярнаго руководства къ Русской исторіи» (1866 года, 3-й выпускъ).

Въ настоящемъ году тотъ же журналъ въ первомъ своемъ выпускѣ почтилъ библіографическою замѣткой мои *Краткіе очерки русской исторіи*, по поводу ихъ перевода на нѣмецкій языкъ (сдѣланнаго г. Фабриціусомъ и изданнаго *три года* тому назадъ). Эта замѣтка, подписанная буквою *G*, составлена въ духѣ совершенно противоположномъ предыдущему отзыву. Она представляетъ рядъ самыхъ рѣзкихъ обвиненій, неподкрѣпленныхъ никакими фактическими доказательствами. На голословныя мнѣнія отвѣчать собственно нечего. Личный взглядъ, такъ же какъ и личная симпатія, есть вещь совершенно свободная. Другое дѣло, если бы нужно было доказать основательно: тогда потребовались бы кое-какія условія и близкое знакомство съ предметомъ.

Въ началѣ своей статьи рецензентъ говоритъ объ изложеніи и общемъ характерѣ нашей книги. Надѣемся, мы не будемъ далеки отъ истины, если сущность его словъ истолкуемъ такимъ образомъ: ясное, доступное для учениковъ изложеніе учебнаго руководства есть признакъ поверхностнаго отношенія къ предмету. Отсюда самъ собою вытекаетъ обратный выводъ: чтобы книга имѣла серьезный, научный характеръ, чтобы давала юношеству «здоровую пищу», она должна быть изложена сухо и безцвѣтно, такъ, чтобъ эпохи и личности сливались, чтобы царскій періодъ нельзя было отличить отъ Удѣльнаго, первыхъ Романовыхъ отъ послѣднихъ Рюриковичей, эпоху Екатерининскую отъ Аннин-

*) „Современная Лѣтопись“, 1870, № 19.

ской и Елизаветинской и т. д. Рецензентъ находитъ, что моя книга есть не что иное, какъ заимствованіе изъ учебной книги профессора Соловьева (сожалѣемъ, что уважаемое нами имя должны упоминать въ данномъ случаѣ); но изъ его же словъ оказывается, что первая совсѣмъ непохожа на вторую. Потомъ говорится, что въ моей книгѣ все является и исчезаетъ какъ въ волшебномъ фонарѣ, все случайно, нѣтъ ни причинъ, ни слѣдствій и нѣтъ послѣднихъ результатовъ науки. Quasi доказательствомъ этого положенія служитъ наше объясненіе мѣстничества, которое-де только повидимому справедливо, а въ самомъ дѣлѣ невѣрно. Тутъ, исправляя меня, рецензія между прочимъ смѣшиваетъ происхожденіе мѣстничества съ его дальнѣйшимъ развитіемъ.

Не беремся передать то, что толкуется далѣе о «московитскомъ» государствѣ и «московитскомъ» правительствѣ, ибо должны признаться, что не понимаемъ рецензента: или онъ не имѣетъ сколько-нибудь яснаго представленія о томъ, о чемъ судитъ, или намѣренно искажаетъ смыслъ нашей книги. Московское государство будто бы стоитъ у меня какъ нѣчто совсѣмъ особое, чуждое русскому народу, и якобы противополагается казачеству. Это государство будто бы, по моему мнѣнію, только и сдѣлало, что остановило развитіе провинціальной самостоятельности и общиннаго быта *). По нѣкоторымъ фразамъ рецензента, его можно почесть защитникомъ московской централизаціи; но тутъ же есть фразы и въ противномъ смыслѣ. Напримѣръ, новгородскій и московскій мятежи, бунтъ Степьки Разина и связанныя съ нимъ казацкія и крестьянскія движенія я объясняю борьбою старыхъ обычаевъ съ московскими государственными порядками, которые закрѣпляли за собой народныя силы, то-есть водворяли централизацію. Нѣтъ, возражаетъ рецензентъ, такое объясненіе легкомысленно: эти мятежи «вытекали изъ темнаго безсознательнаго стремленія къ лучшему государственному устройству» **). О Петрѣ Великомъ мы будто бы говоримъ съ «нѣкоторымъ отвращеніемъ»

---

*) Отсылаемъ читателей къ 163-й страницѣ перевода, хотя тутъ переводъ не вездѣ точно передаетъ подлинникъ, и употребляетъ, напримѣръ, выраженіе „свободная общинная жизнь“, котораго у меня нѣтъ. Рецензентъ, очевидно, не Нѣмецъ и пишетъ не для Нѣмцевъ. Онъ могъ бы съ большимъ для себя удобствомъ обратиться къ подлиннику,—тамъ онъ нашелъ бы, что авторъ не считаетъ обработку своей книги разъ навсегда законченною и не подлежащею улучшеніямъ, что выраженіе, приводимое имъ по поводу прикрѣпленія крестьянъ, давно выпущено, и пр. Но подобная добросовѣстность, конечно, не входила въ планъ рецензіи.

**) Жаль, что г. Г. (Герье?) такъ мало отваживается на собственныя толкованія разныхъ фактовъ изъ русской исторіи: по всей вѣроятности мы узнали бы много поучительнаго.

и совсѣмъ не сочувствуемъ его реформамъ, такъ что для насъ весь смыслъ русской исторіи заключается въ развитіи сильнаго самодержавія, а слѣдовательно «глубокаго рабства и варварской жажды завоеваній».

Такіе и тому подобные аргументы употребляетъ г. Г., чтобы притти къ выводу о зловредномъ направленіи книги. Въ этомъ выводѣ и заключается вся суть статьи, очевидно разсчитывающей на извѣстное впечатлѣніе.

ВОПРОСЪ О НАРОДНОСТИ ДРЕВНИХЪ ДАКОВЪ *).

Длинный спиральный рельефъ знаменитой Траяновой колонны, изображая войны Траяна съ Даками, представляетъ богатый матеріалъ для знакомства съ бытовыми чертами этого загадочнаго народа. Есть ученые, которые хотятъ видѣть въ немъ нашихъ соплеменниковъ, т.-е. древнихъ славянъ. Если бы такое предположеніе оправдалось, наука славянскихъ древностей разомъ пріобрѣла бы чрезвычайно важныя данныя для характеристики нашего быта и нашей исторіи въ эпоху столь отдаленную. Но, къ сожалѣнію, я не вижу достаточныхъ основаній для этого предположенія.

Чтобы опредѣлить народность Даковъ, необходимо разсматривать ее въ связи съ настоящими Румынами или Валахами. Всѣ писатели согласны въ томъ, что Валахи суть потомки Даковъ, которые, послѣ завоеванія Дакіи Траяномъ, подверглись романизаціи, такъ какъ многіе римскіе колонисты были высланы въ эту страну. Хотя имя Валаховъ встрѣчается въ литературѣ довольно поздно, напримѣръ у византійскихъ историковъ не ранѣе XII вѣка, но и потомъ оно долго употребляется вперемежку съ именемъ Дакіи. Слѣдовательно, опредѣляя народность Даковъ, мы въ то же время рѣшаемъ вопросъ о національности Румыновъ. Не забудемъ при этомъ однако, что румынская народность болѣе сложная, чѣмъ дакійская, вслѣдствіе многихъ позднѣйшихъ примѣсей; но дѣло въ томъ, какой этнографическій элементъ въ ней основной или преобладающій?

Относительно Даковъ существуютъ три главныя мнѣнія: одни считаютъ ихъ оракійскимъ племенемъ, другіе германскимъ, третьи славянскимъ. Разсмотримъ вкратцѣ каждое.

Мнѣніе о оракійскомъ происхожденіи Даковъ беретъ своимъ исход-

*) „Труды Москов. Археолог. Общества“ т. III. вып. 3. 1873 г.

нымъ пунктомъ тожество ихъ съ дунайскими Гетами, и затѣмъ для подкрѣпленія своей теоріи приводитъ историческія свидѣтельства, собственно относящіяся къ Гетамъ. Но, во-первыхъ, существованіе ѳракійскаго племени, какъ особой группы индоевропейскихъ народовъ, еще составляетъ вопросъ далеко не разъясненный по отношенію къ его этнографическимъ предѣламъ и къ его языку; а во-вторыхъ, отожествленіе Даковъ съ Гетами можетъ быть ошибочное. Геты упоминаются еще у Геродота, то-есть въ V в. до Р. Х.; а Даки являются въ исторіи нѣсколькими вѣками позже, уже въ эпоху литературы греко-римской; о нихъ говорятъ преимущественно писатели латинскіе. Правда, нѣкоторые изъ нихъ смѣшиваютъ Даковъ съ Гетами и даже со Скиѳами; но другіе ихъ различаютъ, и даже назначаютъ дунайскіе пороги границею между Даками и Гетами. Очень можетъ быть, что Даки покорили часть Гетовъ, смѣшались съ ними и распространили свое имя на ихъ земли; отсюда должно было произойти и смѣшеніе въ названіяхъ. Если разложить настоящій румынскій языкъ на составные элементы, то преобладающимъ элементомъ является въ немъ латинскій языкъ; затѣмъ встрѣчается весьма много словъ славянскихъ и наконецъ словъ неизвѣстнаго происхожденія. Сторонники ѳракійской теоріи находятъ въ этихъ словахъ сродство съ альбанскимъ языкомъ. Предоставляю знатокамъ рѣшить вопросъ объ этомъ сродствѣ и поискать, нѣтъ ли еще какого языка, съ которымъ эти слова были бы родственны. Во всякомъ случаѣ ѳракійскую теорію мы считаемъ наиболѣе серьезною между существовавшими до сихъ поръ мнѣніями о Дакахъ. Ее труднѣе опровергнуть, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неразъясненности вопроса о существованіи вообще ѳракійскаго племени и языка. Притомъ, если бы этотъ вопросъ и былъ рѣшенъ положительно, то еще остается вопросъ о Гетахъ, и ничто пока не мѣшаетъ относить слова неизвѣстнаго происхожденія не только къ Дакамъ, но и къ Гетамъ или къ иной народности, вошедшей какой-либо своею частью въ составъ румынской національности.

Мнѣніе о германскомъ происхожденіи Даковъ основано такъ же на сомнительномъ тожествѣ ихъ съ Гетами. Нѣкоторые нѣмецкіе писатели, на основаніи Іорнанда, считаютъ Гетовъ и Готовъ за одинъ народъ. Слѣдовательно, если Геты были нѣмцы, то и Даки тоже нѣмцы. Это мнѣніе развивалъ и знаменитый Гримъ. А между тѣмъ въ румынскомъ языкѣ почти совсѣмъ не замѣчается германской стихіи. А если обратимся къ древнимъ писателямъ, то увидимъ, что, начиная съ Тацита, они постоянно отдѣляютъ Даковъ отъ германцевъ. Вообще германская теорія въ этомъ случаѣ наименѣе заслуживаетъ вниманія.

Перехожу къ мнѣнію о славянскомъ происхожденіи Даковъ. Славянская стихія въ румынскомъ языкѣ указываетъ дѣйствительно на сильную примѣсь Славянъ; но это еще не доказываетъ, чтобы они легли въ основу румынской національности. Въ противномъ случаѣ, какимъ образомъ Валахи, окруженные со всѣхъ сторонъ славянами, могли обособиться отъ нихъ и сохранить свой романскій типъ посреди столькихъ народныхъ движеній и завоеваній, которымъ подвергалась Дакія въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ. Румыны сохранили свою особность, несмотря даже на то обстоятельство, что они въ теченіе многихъ вѣковъ жили почти одною политическою жизнью съ дунайскими славянами или съ болгарами. Этою общею жизнью объясняется, почему византійскіе историки молчатъ о Дакахъ или Валахахъ съ VI вѣка по XII. Этимъ объясняется православіе Румынъ, принятое вѣроятно изъ Византіи вмѣстѣ съ Дунайскими славянами, и наконецъ господство у нихъ славянской письменности до XVII вѣка включительно. И все-таки румынскій народъ не слился со славянскимъ и сохранилъ свою отдѣльность. Наконецъ, если бы славянскій элементъ былъ въ немъ господствующимъ, то какимъ образомъ славяне сами себя назвали Валахами?

Усомнившись въ состоятельности упомянутыхъ теорій относительно дакійской народности, я задалъ себѣ вопросъ: не была ли она кельтическаго или галльскаго происхожденія? Тутъ представилось нѣсколько соображеній, которыя заставили меня остановиться на этомъ вопросѣ.

Первый и очень важный по моему мнѣнію фактъ, это—имя Влахи или Валахи. Извѣстно, что Славяне и Нѣмцы такъ называли Галловъ. Самое имя Валахи есть только видоизмѣненіе имени Галловъ или Валловъ (что Галлы или Гаэлы мѣстами называли себя Валлы и Веллы, на это указываютъ имена Валлиса, Валлонской провинціи и т. п.). Римлянъ и вообще Итальянцевъ Славяне назвали Влахами, потому что вся сѣверная Италія была заселена галльскими народами. Обращу при этомъ вниманіе на имя главнаго героя и царя дакійскаго Декебала или Декевала. Вторая половина имени не представляетъ ли аналогіи съ нашими Святославами, Болеславами, Вячеславами и проч., въ которыхъ окончаніе—славъ—указываетъ на ихъ народность. По всей вѣроятности Славяне издревле называли Даковъ Влахами; это имя позднѣе вошло въ письменность и мало-по-малу вытѣснило прежнее имя Дакіи.

Второе, не менѣе важное обстоятельство касается вообще состава романскихъ языковъ. Замѣчательно, что романскіе языки и романскія національности образовались преимущественно на кельтской почвѣ.

Не говоря о Франціи и Италіи, значительная часть Испаніи также была заселена кельтскимъ племенемъ. Обратимъ вниманіе и на слѣдующій фактъ. Нигдѣ, напримѣръ, славянское населеніе, находившееся подъ вліяніемъ латинской цивилизаціи, не дало въ результатѣ романской народности, то-есть романскаго языка. Такъ Славяне, жившіе въ Иллиріи и находившіеся къ Римлянамъ гораздо ближе чѣмъ Даки, имѣвшіе среди себя колонистовъ не въ меньшемъ числѣ, — эти Славяне не обратились въ романскую народность. То же можно сказать о германскомъ племени. Изъ всѣхъ народовъ, покоренныхъ Римлянами, Кельты оказались наиболѣе воспріимчивы по отношенію къ латинской цивилизаціи и латинскому языку. Изъ всѣхъ главныхъ племенъ, населившихъ Европу, кельтскій языкъ показалъ наименьшую степень живучести. Я предложилъ бы филологамъ изслѣдовать именно этотъ фактъ въ связи съ вопросомъ о языкѣ Румыновъ.

Въ вопросахъ о родствѣ народовъ самую главную цѣнность представляютъ конечно данныя филологическія. Затѣмъ уже слѣдуютъ, какъ доказательства, факты собственно историческіе, бытовые и т. д. Въ пользу кельтическаго происхожденія Даковъ говорятъ и соображенія, основанныя на историческихъ свидѣтельствахъ о разселеніи и движеніяхъ кельтскихъ народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они издревле жили по верхнему и среднему Дунаю. Извѣстны ихъ движенія съ запада на востокъ, между прочимъ на Балканскій полуостровъ и даже въ малую Азію. Шафарикъ указываетъ на присутствіе кельтскихъ народовъ въ странахъ прикарпатскихъ, каковы напр. Скордиски, Певкины и др. (отъ имени Певкиновъ нѣкоторые производятъ названіе Буковины). Весьма возможно, что Даки именно принадлежали къ этимъ Кельтамъ, поселившимся въ странѣ между Дунаемъ и Карпатами и отрѣзаннымъ потомъ отъ своихъ западныхъ соплеменниковъ народами славянскими и германскими. А та область, въ которой развилась эта кельто-румынская народность и уцѣлѣла посреди великихъ бурь въ первую половину среднихъ вѣковъ,—та область была, конечно, по преимуществу гористая Седмиградія.

Если мы обратимся къ наружности и обстановкѣ Даковъ, поскольку онѣ намъ извѣстны изъ рельефа Траяновой колонны, а также къ свидѣтельствамъ объ ихъ нравахъ, то не найдемъ ничего такого, что противорѣчило бы предполагаемому кельтскому происхожденію. Нѣкоторыя черты изъ характера румынъ даже весьма напоминаютъ галльскій типъ (впечатлительность, непостоянство и пр.).

Укажу еще на одно обстоятельство. Нѣкто Авреолъ, римскій полко-

водецъ въ III в. по Р. Х., носитъ прозваніе Кельта, а между тѣмъ по своему происхожденію онъ былъ пастухъ изъ Дакіи (Стриттеръ Dacica, 491 и 493).

ИСТОРИКО-АХЕОЛОГИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Въ засѣданіи 20 декабря 1874 г. *) д. чл. Д. И. Иловайскій устно изложилъ свои замѣчанія по поводу двухъ извѣстій паломника архіепископа новгородскаго Антонія, изданнаго Археографическою коммиссіею въ 1872 г. съ примѣчаніями П. И. Савваитова. Во-1-хъ, что касается до извѣстія этого паломника относительно блюда, пожертвованнаго русск. княгинею Ольгою въ храмъ св. Софіи, то извѣстію этому, по мнѣнію Д. И. Иловайскаго, нельзя давать полной вѣры. Такого блюда Ольга не могла привезти съ собою изъ Кіева. Она могла пріобрѣсти его развѣ въ самомъ Царьградѣ, слѣдовательно это было произведеніе не русскаго, а греческаго искусства. Но самая принадлежность блюда Ольгѣ еще сомнительна: въ Византіи, какъ и вездѣ, было въ обычаѣ связывать разные предметы съ именами знаменитыхъ лицъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и другія указанія того же паломника (наприм. трубы I. Навина). Притомъ, прочіе извѣстные намъ паломники въ Царьградѣ ни слова не упоминаютъ объ этомъ блюдѣ при описаніи св. Софіи. Другое замѣчаніе Д. И. Иловайскаго относилось къ извѣстію того же паломника о церкви Бориса и Глѣба «на испиганьской странѣ». Подъ послѣдней не разумѣется ли Галата, т.-е. предмѣстье Царьграда на другой сторонѣ Золотого Рога? Въ договорѣ Олега и Игоря говорится, что русскіе торговцы останавливались въ предмѣстьи св. Мамы, которое лежало за Влахернами. А въ послѣдующіе вѣка т.-е. послѣ принятія христіанства, судя по извѣстію Антонія, русскіе купцы и паломники проживали, повидимому, въ Галатѣ, гдѣ они имѣли свою церковь Бориса и Глѣба, такъ какъ эта церковь, посвященная національнымъ русскимъ святымъ, могла быть только русскою. Наконецъ Д. И. Иловайскій замѣтилъ, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, текстъ у Антонія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не битъ или спутанъ, на что издатели не обратили вниманія.

Вполнѣ соглашаясь съ двумя послѣдними замѣчаніями г. Иловайскаго

*) „Труды. Моск. Арх. Об.“ Т. VI. Вып. 2, 1876 г.

гр. Уваровъ возражалъ противъ его мнѣнія, будто кромѣ Антоніева паломника нѣтъ другихъ упоминаній объ Ольгиномъ блюдѣ. Въ доказательство своей мысли онъ указалъ на одну позднѣйшую (XVII в.) рукопись Московской Синодальной библіотеки, въ которой преданіе объ Ольгиномъ блюдѣ передается въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, какъ и въ паломникѣ Антонія. Отсюда видна живучесть этого преданія у русскихъ, что всего важнѣе для насъ въ вопросѣ объ Ольгиномъ блюдѣ. Далѣе графъ Уваровъ замѣтилъ, что, судя по описанію этого блюда въ паломникѣ Антонія и въ Синодальной рукописи, оно могло быть не иначе, какъ только произведеніемъ византійскаго искусства: по этимъ описаніямъ, оно напоминаетъ другія такія же блюда, находившіяся въ св. Софіи, о которыхъ сохранились несомнѣнныя историческія свидѣтельства; слѣдовательно, извѣстіе паломника объ Ольгиномъ блюдѣ врядъ ли составляетъ вымышленное въ позднее время и несовременное преданіе *).

Въ засѣданіи 20 декабря 1877 г. д. чл. Д. И. Иловайскій сообщилъ нѣсколько замѣчаній *о городѣ Галичѣ* на Днѣстрѣ и его древностяхъ, по поводу своего посѣщенія этого города. Верхнюю часть древняго Галича, расположенную на крутомъ холмѣ, онъ нашелъ запустѣвшею; тамъ видны только развалины польскаго замка, на томъ мѣстѣ, гдѣ находился древній кремль съ княжескимъ теремомъ и придворнымъ храмомъ св. Спаса. Въ настоящее время обитаема только нижняя часть города, на береговой долинѣ рѣки Днѣстра, и здѣсь сохранился еще древній соборный храмъ Богородицы, хотя въ передѣланномъ и искаженномъ видѣ и обращенный въ уніатскую приходскую церковь Рождества Христова. Затѣмъ референтъ привелъ лѣтописныя сказанія объ этомъ храмѣ, относящіяся къ XII и XIII вѣкамъ, и особенно остановился на 1220 годѣ. Въ этомъ году Угры, владѣвшіе Галичемъ, будучи разбиты Мстиславомъ Удалымъ, еще нѣкоторое время оборонялись съ верховъ соборнаго храма, которые были заранѣе ими укрѣплены. По этому поводу Д. И. Иловайскій сдѣлалъ нѣсколько соображеній о существованіи наружныхъ верхнихъ галлерей и нижнихъ портиковъ или притворовъ въ нашихъ древнихъ русско-византійскихъ храмахъ, и вывелъ заключеніе, что вѣроятно они имѣли наружные портики подобные тѣмъ, которые мы видимъ въ соборѣ св. Марка въ Венеціи. Далѣе

---

*) Самое замѣчаніе мое было вызвано изслѣдованіемъ гр. А. С. Уварова „О блюдѣ в. кн. Ольги— новое дополненіе къ паломнику Антонія". Напечатано въ „Труд. Моск. Арх. Об." Т. I, вып. 3, 1874. Что касается до Испиганскаго предмѣстья, то я потомъ усумнился, чтобы оно находилось въ Галатѣ; скорѣе его можно искать на другой сторонѣ Золотого Рога.

онъ указалъ на присутствіе въ окрестностяхъ Галича многочисленныхъ могильныхъ кургановъ, которые ожидаютъ изслѣдованій и дадутъ, конечно, богатый матеріалъ для знакомства съ древнѣйшей эпохой этого древнерусскаго края*).

Въ засѣданіи 1 февраля 1878 г. д. чл. Д. И. Иловайскій доложилъ писанную на пергаментѣ буллу папы Александра III. По разсмотрѣніи этой буллы оказалось, что она написана въ 1163 году; въ ней папа подтверждаетъ привиллегіи, данныя одному цистеріанскому монастырю его предшественникомъ Адріаномъ.

Въ засѣданіи 29 декабря 1879 года**) д. чл. Д. И. Иловайскій изложилъ свои соображенія по вопросу о дружинной княжеской поэзіи въ древней Руси:

«Когда-то, лѣтъ 20 тому назадъ, я напечаталъ замѣтку (см. журналъ «Русское Слово») о существованіи *придворно-княжескихъ пѣвцовъ* въ древней Россіи. Въ настоящее время мысль свою могу подтвердить новыми соображеніями и фактическими указаніями: во-первыхъ, обращаю вниманіе на то мѣсто исторіи Длугоша, гдѣ онъ говоритъ, что Мстиславъ Удалой, освободившій Галичъ отъ Угровъ, при вступленіи въ городъ, былъ встрѣченъ пѣснью, сочиненною въ честь его по этому поводу. Длугошъ приводитъ ортывокъ этой пѣсни. Затѣмъ, въ Волынской лѣтописи мы имѣемъ ясные слѣды пѣсенъ, сочиненныхъ въ честь Романа Мстиславича и другихъ князей; въ примѣръ я привелъ отрывокъ о двухъ половецкихъ князьяхъ, побѣжденныхъ Владиміромъ Мономахомъ и чудцѣ Оревѣ. Далѣе, я указалъ на трехъ придворно-княжескихъ пѣвцовъ, несомнѣнно существовавшихъ. Во-первыхъ, Баянъ котораго «Слово о полку Игоревѣ» изображаетъ княжимъ пѣвцомъ, жившимъ во второй половинѣ XI вѣка и воспѣвшимъ родъ черниговскихъ князей Святославичей. Этотъ пѣвецъ не есть миѳическое лицо. Вопросъ можетъ быть только о томъ: не было ли когда-либо слово Баянъ названіемъ нарицательнымъ, т.-е. подобные пѣвцы могли вообще называться «баянами». Во-вторыхъ, авторъ «Слова о полку Игоревѣ». Изъ самаго Слова видно, что это былъ не народный, а собственно придворно-княжескій поэтъ, — дружинникъ, вѣроятно служившій при дворѣ

---

*) „Труды М. Арх. Об.“ III. 1880 г. Вполнѣ этотъ рефератъ помѣщенъ въ собраніи моихъ „Мелкихъ Сочиненій“. Вып. I, М., 1888.

**) „Труды М. Арх. Об.“ IX, вып. I. 1881 г. Этотъ рефератъ служитъ дополненіемъ къ помѣщенной выше статьѣ о Древнѣйшей Русской поэзіи.

именно черниговскаго князя Святослава занимавшаго нѣкоторое время великій кіевскій столъ. Авторъ Слова спеціально воспѣваетъ всю Русскую землю. Въ-третьихъ, имѣемъ прямое указаніе Волынской лѣтописи подъ 1243 год. на словутнаго пѣвца Митусю, который, по гордости, не хотѣлъ прежде служить Даніилу Романовичу. Ясно, что это не былъ церковный пѣвчій, какъ думали нѣкоторые, напримѣръ, Максимовичъ. Это не былъ и вообще только пѣвецъ, т.-е. отличавшійся голосомъ и искусствомъ пѣнія. Подобное искусство въ древней Руси, какъ и въ средневѣковой Европѣ, не цѣнилось высоко, а стояло на ряду съ гуслярами и скоморохами. О такомъ пѣвцѣ знаменитый князь не сталъ бы много хлопотать, чтобы имѣть его въ своей службѣ. Ясно, что это былъ именно одинъ изъ тѣхъ придворно-княжескихъ поэтовъ—дружинниковъ, которыми князья дорожили и старались ихъ имѣть въ своей службѣ, конечно, для того, чтобы быть прославляемыми въ ихъ пѣсняхъ.

Если изъ всѣхъ подобнаго рода произведеній до насъ дошло только «Слово о полку Игоревѣ», то и это не удивительно. Во-первыхъ, не всѣ пѣсни были записаны, особенно въ болѣе древнее время, когда и сами пѣвцы могли быть неграмотные; а во-вторыхъ, тѣ, которыя были записаны, могли затеряться въ темную эпоху татарскаго ига, когда единственное грамотное сословіе, т.-е. духовенство, не переписывало ихъ, потому что неодобрительно смотрѣло на эти произведенія, пропитанныя миѳологическими сравненіями и уподобленіями. Если «Слово о Полку Игоревѣ» спаслось отъ забвенія, то это надо приписать именно его чрезвычайнымъ поэтическимъ достоинствамъ. Но что были записаны когда-то и другія подобныя пѣсни, на то указываетъ помянутый отрывокъ у Длугоша. Польскій историкъ, писавшій около 250 лѣтъ послѣ воспѣтаго въ отрывкѣ событія, конечно, пользовался не устнымъ преданіемъ, а какимъ-нибудь рукописнымъ источникомъ о ней».

Въ засѣданіи 12 апрѣля 1882 г. *) д. ч. Д. И. Иловайскій сообщилъ объ испанской книгѣ *Рафаэля Контрераса*, посвященной мавританскимъ памятникамъ Гренады, Севильи и Кордовы; при чемъ, на основаніи сочиненія Контрераса и по своимъ личнымъ наблюденіямъ **), выяснилъ важнѣйшія эпохи въ развитіи мавританской архитектуры и выдающіяся особенности ея главныхъ памятниковъ.

---

*) „Труды М. Ар. Об.“ IX, выпускъ 2 и 3, 1883.

**) Произведеннымъ во время моего путешествія по Испаніи въ 1880 году.

Авторъ этого сочиненія (т.-е. испанецъ Контрерасъ) изложилъ въ немъ результаты своихъ 27-лѣтнихъ изысканій и собственныхъ работъ надъ реставраціей Альгамбры. Онъ дѣлитъ исторію мавританскаго искусства въ Испаніи на три періода, соотвѣтствующіе памятникамъ трехъ важнѣйшихъ городовъ: періодъ первоначальнаго развитія принадлежитъ Кордовѣ; онъ простирался отъ VIII до X вѣка; второй періодъ отъ X до XIII вѣка соотвѣтствуетъ севильскимъ постройкамъ, и третій до XV вѣка включительно, періодъ высшаго процвѣтанія, сосредоточился въ Гренадѣ. Изъ памятниковъ Кордовы онъ главнымъ образомъ останавливается на знаменитой мечети, сооруженной халифомъ Абдельрахманомъ во второй половинѣ VIII вѣка. При всемъ изяществѣ этой постройки, по личному впечатлѣнію референта, высота зданія не соотвѣтствуетъ его обширности; это произошло отъ того, что оно послѣдующими халифами было расширено; къ 11 первоначальнымъ нефамъ прибавлено еще 8; такъ что оно заключаетъ въ себѣ 19 нефовъ продольныхъ и 36 поперечныхъ; оно имѣло до 1400 колоннъ съ двойными подковообразными аркадами. Но теперь число колоннъ менѣе тысячи, потому что многія изъ нихъ сломаны, чтобы дать мѣсто разнымъ приспособленіямъ къ католическому культу, такъ какъ мечеть послѣ христіанскаго завоеванія обращена въ католическій соборъ. При этомъ, съ разрѣшенія Карла V, были выломаны колоннады въ срединѣ зданія, и здѣсь сооружена главная капелла съ алтаремъ въ готическомъ стилѣ, чѣмъ значительно портится общее впечатлѣніе, производимое внутри этимъ великолѣпнымъ храмомъ.

Главнымъ мавританскимъ памятникомъ въ Севильѣ служитъ дворецъ или такъ называемый *альказаръ*, представлявшій весьма пріятное сочетаніе двориковъ, фонтановъ, аркадъ, колоннадъ и залъ съ узорчатыми ярко раскрашенными арабесками. Но большею частью онъ передѣланъ въ другомъ стилѣ, а отчасти реставрированъ. Г. Контрерасъ даетъ подробное его описаніе и приводитъ многія сохранившіяся тамъ арабскія надписи.

Большая часть книги посвящена описанію гренадскихъ памятниковъ или собственно Альгамбры, которая относится къ Гренадѣ, какъ Акрополь къ Аѳинамъ. Это царскій замокъ, возвышавшійся надъ Гренадою на крутомъ большомъ холмѣ или на одномъ изъ откосовъ Сіерры-Невады. Массивныя стѣны вѣнчаютъ вершину сего холма и имѣютъ многія башни, отчасти глухія, отчасти съ воротами. Контрерасъ въ этихъ стѣнахъ и башняхъ отыскиваетъ слѣды глубокой древности и указываетъ на постройки циклопическія, карѳагенскія, римскія, готскія и, наконецъ, арабскія. Затѣмъ онъ подробно описываетъ мавританскій дворецъ, за-

ключающійся въ этихъ стѣнахъ. Дворецъ представляетъ соединенныя другъ съ другомъ группы двориковъ, портиковъ, залъ, бассейновъ, садиковъ, термъ, разнаго рода дворцовыхъ гаремныхъ помѣщеній. Особенно замѣчательны: Миртовый дворъ съ большимъ бассейномъ, Львиный дворъ, залы Абенсерраговъ, Двухъ сестеръ, Посольская и пр. Тонкія колонки, изящныя арки, роскошныя арабески, потолки, украшенные затѣйливою рѣзьбою, а иногда имѣющіе видъ сталактитовыхъ гротовъ,—все это производитъ чрезвычайно пріятное, ласкающее впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, тотъ же императоръ Карлъ V велѣлъ сломать главный фасадъ и часть зданій Альгамбры, чтобы построить здѣсь для себя дворецъ въ стилѣ возрожденія. Этотъ послѣдній представляетъ квадратное зданіе съ круглымъ дворомъ въ срединѣ, который окаймленъ двухъярусными галлереями. Но дворецъ не былъ конченъ, и приходитъ постепенно въ разрушеніе. Рядомъ съ мавританскими постройками, онъ кажется чѣмъ-то очень тяжелымъ и неуклюжимъ.

Въ книгѣ Контрераса разсѣяно множество плановъ и рисунковъ. Кромѣ главныхъ памятниковъ онъ сообщаетъ подробности и о другихъ, второстепенныхъ. Въ томъ мавританскомъ стилѣ, который развился въ Испаніи, онъ преобладающимъ элементомъ считаетъ образцы персидскаго искусства, и сближаетъ испанскіе памятники съ мусульманскими сооруженіями въ Самаркандѣ, Кабулѣ, Кандахарѣ и пр. Вообще трудъ очень добросовѣстный, равно полезный и для археологовъ, и для художниковъ.

По поводу девятисотлѣтія крещенія Руси *).

Письмо въ ред. „Русской Старины“ М. И. Семевскому.

Охотно исполняю выраженное вами желаніе, чтобы я съ своей стороны отозвался въ «Русской Старинѣ» чѣмъ-либо по поводу предстоящаго празднованія 900-лѣтія крещенія Руси.

Позволю себѣ предложить слѣдующую замѣтку собственно относительно вопроса о самомъ времени празднованія.

Признаюсь, отъ меня ускользнули своевременныя свѣдѣнія о томъ, какъ развивалась мысль о праздновании; кто взялъ на себя рѣшеніе вопроса о его времени и на какихъ основаніяхъ оно пріурочено къ настоящему 1888 году. Только недавно изъ газетъ узналъ я о семъ

*) „Русская Старина“ 1888, № 4.

рѣшенiи нѣкоего кiевскаго комитета. Если бы этотъ комитетъ захотѣлъ дѣйствовать основательно и систематически, то, казалось бы, прежде всего ему слѣдовало отобрать мнѣнiя спецiалистовъ о годѣ такъ называемаго крещенiя Руси, такъ какъ годъ этотъ представляетъ спорный вопросъ въ русской исторiи. Что касается до меня лично, то я предложилъ бы для празднованiя не настоящiй, а слѣдующiй 1889 годъ, и вотъ по какимъ соображенiямъ.

Обыкновенно у насъ пріурочиваютъ Корсунскiй походъ Владиміра, его собственное крещенiе и окончательное крещенiе кiевлянъ къ одному и тому же лѣтописному 988 году, тогда какъ подобное совмѣщенiе событiй не представляетъ никакого вѣроятiя. Отдаленный походъ въ Тавриду, довольно продолжительная осада Корсуня и взятiе этого города, положимъ, совершились въ томъ же 988 году. Затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ пересылкахъ и переговорахъ съ византiйскимъ дворомъ по поводу сватовства Владиміра и вопроса о его крещенiи. Пока царевна Анна прибыла въ Корсунь, пока затѣмъ князь получилъ наставленiе въ вѣрѣ и принялъ, наконецъ, крещенiе, также протекло не мало времени. Поэтому уже самое крещенiе его и бракъ съ царевною едва-ли могутъ быть пріурочены къ 988 году, а скорѣе къ слѣдующему 989 году, если держаться того порядка событiй, который находится въ нашей лѣтописной повѣсти. Сравненiе ея съ иноземными извѣстiями о тѣхъ же событiяхъ подтверждаетъ нашъ выводъ. Любопытствующихъ на этотъ счетъ отсылаю къ изслѣдованiямъ петербургскихъ профессоровъ В. Г. Васильевскаго: «Русско-Византiйскiе отрывки» (журн. М. Н. Пр. 1876 г., мартъ), и барона В. Р. Розена: «Императоръ Василiй Болгаробойца» (извлеченiя изъ лѣтописи Яхъи Антiохiйскаго. Спб. 1883). Послѣдній даже склоняется къ тому извѣстiю, по которому крещенiе Владиміра «происходило не раньше позднаго лѣта или осени 989 года» (стр. 217). А такъ какъ, по разсказу нашей лѣтописи, Владиміръ послѣ своего крещенiя и брака оставался еще нѣкоторое время въ Корсунi и между прочимъ соорудилъ тамъ новую церковь, то возвращенiе его въ Кiевъ и окончательное крещенiе кiевлянъ совершились еще позднѣе, и во всякомъ случаѣ никакъ не въ 988 году. Я говорю объ окончательномъ крещенiи, ибо и прежде того значительная часть кiевскаго населенiя уже исповѣдывала христiанство.

Итакъ, кiевское празднованiе девятисотлѣтiя, по моему крайнему разумѣнiю, должно быть отнесено къ 1889 году.

Москва, 9-го марта 1888 г.

Geschichte der Byzantinischen Litteratur. Von Karl Krumbacher. Zweite Auflage. München, 1897. (Исторія Византійской литературы. Карла Крумбахера, мюнхенскаго профессора) *).

Передъ нами огромный томъ въ 1.200 страницъ убористаго нѣмецкаго шрифта. Второе изданіе много увеличено сравнительно съ первымъ. Прибавлены цѣлые отдѣлы; другіе вновь обработаны. Такъ весь богословскій отдѣлъ переработанъ Эрхардомъ, профессоромъ богословія въ Вюрцбургѣ, и обнимаетъ около 200 страницъ. А послѣ литературы помѣщено приложеніе въ полтораста слишкомъ страницъ, принадлежащее іенскому профессору исторіи Гельцеру, подъ заглавіемъ: «Историческій очеркъ Византійской имперіи». Книга эта вообще представляетъ трудъ, въ высшей степени почтенный и полезный, въ особенности для насъ, русскихъ, столь тѣсно связанныхъ съ Византіей своею церковностью и гражданственностью.

Византійская литература! Византійская культура! Какъ это должно быть любопытно и увлекательно для русскихъ читателей! Но тутъ мы должны предупредить ихъ, что чтеніе Крумбахера отнюдь не легкій трудъ. Его собственно не читать приходится, а, по нѣмецкому выраженію, штудировать. Изложеніе обычное нѣмецко-ученое, т.-е. тяжелое, сопровождаемое массою библіографическихъ указаній, всякихъ ссылокъ, цитатъ и т. п. Самый крупный недостатокъ относительно изложенія, по моему мнѣнію, заключается въ расположеніи отдѣловъ. Исторія литературы здѣсь дѣлится не по историческимъ эпохамъ или періодамъ, а по ея разнымъ отраслямъ. Такъ сначала обозрѣвается вся богословская литература отъ VI по XV вѣкъ; потомъ идетъ такой же обзоръ исторіографіи и хронографіи, потомъ географіи, философіи, реторики и другихъ отраслей прозы. Затѣмъ слѣдуютъ разные отдѣлы поэзіи и народной словесности Такимъ образомъ въ представленіи читателя нарушаются цѣльность, отличительный характеръ и культурный уровень каждой отдѣльной исторической эпохи.

Во всякомъ случаѣ для лицъ, интересующихся, а тѣмъ болѣе занимающихся Византіей, это драгоцѣнное пособіе. Весьма богатъ библіографическій отдѣлъ, помѣщенный въ концѣ книги. Въ своемъ предисловіи Крумбахеръ говоритъ, что онъ работалъ надъ нимъ съ «особою любовью».

Къ счастію у насъ въ Россіи византовѣдѣніе въ послѣднее время получило значительное развитіе и стало на собственныя ноги, благодаря

---

*) Газета „Кремль“ 1897. № 2.

по преимуществу трудамъ профессоровъ: Васильевскаго, Успенскаго, Павлова, Помяловскаго, Покровскаго, Кондакова, Бѣляева, Лебедева, Кирпичникова и нѣкоторыхъ другихъ. Эти труды касаются разныхъ сторонъ византійской церковной и гражданской исторіи, византійскаго права, литературы, искусства и культуры вообще.

Года три тому, группа нашихъ византологовъ основала при Императорской Академіи Наукъ свой періодическій органъ «Византійскій Временникъ», издаваемый подъ редакціей В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля и отличающійся своею содержательностію. Наконецъ, мы имѣемъ теперь въ Константинополѣ Археологическій институтъ, во главѣ котораго сталъ такой выдающійся византинистъ, какъ Ѳ. И. Успенскій. Судя по тѣмъ любопытнымъ сообщеніямъ, которыя онъ сдѣлалъ въ прошломъ году на Рижскомъ Археологическомъ съѣздѣ, институтъ этотъ обѣщаетъ намъ обильную научную жатву въ области византійскихъ древностей.

СЛАВЯНСКАЯ НАДПИСЬ НА ЗАГАДОЧНОМЪ СОСУДѢ ВЪ БРИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ.

Содержаніе доклада въ засѣданіи Моск. Археол. Общества, 11 апрѣля 1895 года.

Въ сентябрѣ 1894 года Д. И. Иловайскому случилось быть въ Лондонѣ и посѣтить Британскій музей. Г. Френксъ, хранитель музея и предсѣдатель Общества Антикваріевъ, обратился къ нему съ просьбой разобрать славянскую надпись на одномъ сосудѣ, который слылъ въ музеѣ подъ именемъ «русскаго» сосуда. Онъ серебряный позолоченный, имѣетъ видъ кубка или стакана съ расширенными боками. Внутри его, внизу, находится центральный медальонъ съ рельефными изображеніями Богородицы и Спасителя; а вокругъ медальона идетъ аркада съ фигурами двѣнадцати апостоловъ, обозначенныхъ инціалами ихъ именъ. Славянская надпись помѣщается на наружной сторонѣ сосуда и огибаетъ его по расширеннымъ бокамъ. Г. Френксъ сообщилъ точный снимокъ съ надписи. Референтъ разобралъ ее и въ свою очередь сообщилъ ея содержаніе Френксу. Надпись сдѣлана кирилловскимъ алфавитомъ, но вообще отличается своеобразнымъ, затѣйливымъ начертаніемъ, неправильнымъ языкомъ и весьма характерною, доселѣ не встрѣчавшеюся да-

тою. Для наглядности Д. И. Иловайскій представилъ обществу надпись на особомъ листѣ увеличенною въ нѣсколько кратъ. Предложенное имъ буквальное чтеніе ея слѣдующее: «Исковасе сиа чаша валето христово рожданаство па хиладо и шесать и едана есь годишща при царе султань мухамеда коку(ю) (в)преда на (да) пие(тъ) у(во)(с)лаве божие и пречисте(й) и светому нова». Итакъ, въ надписи говорится, что чаша эта была искована въ 1601 году при султанѣ Магометѣ, каковую чашу впредь да піетъ (каждый?) во славу Божію, Пречистой (Богородицы), и святого Іова. Тысяча здѣсь обозначена греческимъ словомъ χιλίας—χιλιάδος. А изъ султановъ, носившихъ имя Магомета, тутъ, конечно, разумѣется Магометъ III, царствовавшій отъ 1595 до 1603 года. Очевидно, сосудъ не можетъ считаться русскимъ, а долженъ быть балканскаго, т.-е. юго-славянскаго, происхожденія *). Судя по нѣкоторымъ особенностямъ языка, особенно по отсутствію юсовъ, надпись надобно считать скорѣе сербскою, а не болгарскою. Но по грецизму, заключающемуся въ обозначеніи года, референтъ предложилъ догадку пріурочить ее къ области, имѣвшей смѣшанное сербо-болгарское населеніе и наиболѣе близкой къ греческому вліянію, именно къ Македоніи. Священныя изображенія, находящіяся внутри сосуда, заставляютъ предполагать, что назначеніе его, вѣроятно, было не мірское, а церковное. Но, несмотря на наведенныя справки, Д. И. Иловайскій не нашелъ у южныхъ славянъ указаній на такой монастырь или храмъ, гдѣ бы посвященіе его Богородицѣ сочеталось съ именемъ св. Іова.

По сему поводу проф. М. П. Соколовъ предложилъ догадку, что, вѣроятно, тутъ вмѣсто *Іова* надобно читать *Іована*, т.-е. Іоанна. Референтъ согласился съ вѣроятностью такого предположенія. Надобно, однако, замѣтить, что по имѣющемуся точному снимку съ надписи, повидимому, никакого мѣста не остается въ ней для дополненія двумя буквами. Далѣе М. И. Соколовъ оспаривалъ церковное, а не мірское назначеніе сосуда. Референтъ оставилъ этотъ вопросъ открытымъ.

---

*) Любопытно, что кто-то изъ русскихъ посѣтителей Брит. музея, не разобравъ всей надписи, прочелъ первое слово *пскова* вмѣсто *искова*, и потому сосуду приписывали не только русское, но и спеціально псковское происхожденіе.

НАЧАЛО МОЕГО ЗНАКОМСТВА СЪ К. Н. БЕСТУЖЕВЫМЪ-РЮМИНЫМЪ И «МОСКОВСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ» *).

2 января настоящаго 1897 года скончался въ Петербургѣ извѣстный русскій историкъ и академикъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, 68 лѣтъ отъ роду. Русская наука потеряла въ немъ одного изъ самыхъ преданныхъ ей и высоко державшихъ ея знамя дѣятелей. На лицахъ, близкихъ къ почившему или хорошо его знавшихъ, лежитъ нравственная обязанность воскресить передъ русскимъ обществомъ главныя черты его дѣятельности и его симпатичный обликъ. Къ числу такихъ лицъ позволю и себя причислить, такъ какъ долгое время пользовался не только знакомствомъ, но и взаимною пріязнью со стороны Константина Николаевича. Обращусь къ эпохѣ его московскаго пребыванія.

Былъ 1858 годъ. Переведенный тогда на службу изъ Рязани въ Москву, я помѣщалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» кое-какія статейки и, между прочимъ, отрывки изъ имѣвшей выйти въ свѣтъ своей диссертаціи («Исторія Рязанскаго княжества»). Это обстоятельство заставило меня заходить иногда въ редакцію. Редакторомъ «Вѣдомостей» былъ въ то время В. Ѳ. Коршъ, а помощникомъ редактора К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, который, кромѣ того, давалъ уроки исторіи въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, а все свободное время посвящалъ по преимуществу занятіямъ Русскою исторіей. Само собой разумѣется, что общность интересовъ и занятій скоро насъ сблизила, и при всякомъ удобномъ случаѣ мы съ увлеченіемъ предавались бесѣдамъ о разныхъ вопросахъ изъ любимой науки.

Въ томъ же 1858 году изъ нѣсколькихъ молодыхъ ученыхъ и литераторовъ составился кружокъ съ цѣлью основать свой научно-литературный органъ. Собирался онъ для обсужденія своего предпріятія большею частью въ квартирѣ одного изъ воспитателей Александровскаго кадетскаго корпуса (что на Знаменкѣ) г. Лакса, который принялъ на себя издательство задуманнаго органа. По душою этого кружка, да, кажется, и самымъ иниціаторомъ предпріятія, былъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Онъ и меня привлекъ къ участію. Его же идеямъ принадлежали и внутреннее содержаніе и внѣшняя форма, съ которыми проектированное изданіе должно было выступить на свѣтъ. К. Н., между прочимъ, слѣ-

*) Газета „Кремль“., 1897. № 1.

дилъ за англійскою литературой и дѣлалъ иногда переводы изъ нея. (Такъ, онъ перевелъ первый томъ «Исторіи цивилизаціи» Бокля.) И вотъ по его мысли за образецъ для нашего органа былъ выбранъ англійскій критико-библіографическій журналъ; если память мнѣ не измѣняетъ, то было знаменитое «Эдинбургское Обозрѣніе» («Edinburgh review»). Поэтому нашъ журналъ (не періодическій) былъ названъ «Московское Обозрѣніе», и точно такъ же предназначался исключительно для критики и библіографіи по всѣмъ отраслямъ науки и литературы, главнымъ образомъ, конечно, русской; но по мѣрѣ возможности отводилось значительное мѣсто и западно-европейской. Извѣстно, что критика и библіографія всегда составляли преобладающее направленіе въ научно-литературной дѣятельности Константина Николаевича. Наконецъ, такъ какъ въ англійскомъ изданіи господствовалъ принципъ анонимности, то и въ нашемъ журналѣ рѣшено было именъ не подписывать. Тутъ имѣлось также въ виду, чтобы никто изъ участниковъ не стремился къ личной извѣстности, а работалъ бы на общую пользу, на правахъ равенства и взаимной солидарности, получая отъ издателя скромную полистную плату. Не помню всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ кружкѣ. Кромѣ себя и К. Н., могу назвать только Альбертини (по исторіи), Котляревскаго (по русской словесности), Виддерта (по нѣмецкой литературѣ), Эмильена (по французской), князя Назарова (по русской беллетристикѣ и соціальнымъ вопросамъ).

Когда выработались планъ и задачи изданія и получено было цензурное разрѣшеніе, приступили къ осуществленію предпріятія. Молодыя силы рвались къ дѣятельности; перья усердно работали. И къ 1859 г. была уже готова первая книга «Московскаго Обозрѣнія» съ довольно разнообразнымъ содержаніемъ. Едва ли не половину этой книги занялъ обширный историографическій трактатъ К. Н. Б—ва-Р—на, озаглавленный «Современное состояніе русской исторіи какъ науки».

Въ этомъ трактатѣ онъ предъявляетъ высокія, идеальныя требованія отъ историка. Приводимъ мнѣнія Маколея, Грановскаго, Эмерсона, Юліана Шмита. Чтобы дать болѣе близкое понятіе о его требованіяхъ, позволимъ себѣ выписать слѣдующее мѣсто:

«Исторія не должна быть заключена въ тѣсномъ кружкѣ ученыхъ,— нѣтъ, она должна быть знакома, если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, большинству, и потому историкъ долженъ быть художникомъ. Это условіе, собственно говоря, самое трудное для исполненія: не всякому, какъ Маколею, суждено соединить глубокія свѣдѣнія, практическую ясность ума и громадный талантъ. Поэтому большинство историческихъ сочиненій пишется только

для немногихъ, но тѣмъ не менѣе такого рода произведеніямъ суждено далеко не имѣть того вліянія и того значенія, которыя можетъ имѣть историкъ-художникъ. Говоря о художественномъ значеніи исторіи, мы, конечно, не имѣемъ въ виду ни вымышленныхъ рѣчей, какими богаты историческія творенія древнихъ, ни риторическаго разсказа, отличающаго историковъ XVIII в. Художественность въ историкѣ состоитъ въ умѣніи представить эпоху живо и образно, что, какъ мы уже замѣтили выше, столько же условливается глубокимъ и всесторонниимъ изученіемъ матеріала, сколько и природнымъ талантомъ. Говоря о художественной сторонѣ исторіи, мы невольно припомнили слѣдующія слова Маколея: «Истинно великій историкъ даетъ миніатюрный очеркъ характера и направленія вѣка, не разсказываетъ факта, не приписываетъ ни одной черты характерамъ, которыхъ достовѣрность не основана на достаточномъ свидѣтельствѣ. Его разсказъ точенъ и строгъ; нѣкоторыя событія выдаются рельефнѣе, другія остаются въ тѣни; но размѣры ихъ увеличиваются или уменьшаются, смотря по тому, въ какой мѣрѣ они уясняютъ условія общества и природу человѣка. Онъ знакомитъ насъ съ состояніемъ двора, арміи, сената, но не забываетъ и народа». Таковъ идеалъ, начертанный рукой мастера: кто усомнится въ возможности примѣненія этого идеала къ дѣлу, тому стоитъ только прочесть «Исторію Англіи со вступленія на престолъ Якова II, соч. Т. Б. Маколея». Итакъ, требованія художественности состоятъ въ полнотѣ картины и въ равномѣрномъ распредѣленіи по ней свѣта и тѣни. Картинность, по мнѣнію многихъ, состоитъ въ употребленіи лѣтописныхъ выраженій, которыми думаютъ придать изложенію колоритъ эпохи, но одними архаизмами нельзя сдѣлаться художникомъ; для этой цѣли надо прежде всего проникнуть въ духъ и направленіе эпохи, обладать творческимъ талантомъ какого-нибудь Вальтеръ Скотта, а то немудрено впасть въ ошибку сочинителей русскихъ историческихъ романовъ, считавшихъ достаточнымъ помѣстить списки старыхъ оружій, одеждъ, кушаній и т. п. Есть еще другое заблужденіе, вредное для художественнаго значенія исторіи: многіе полагаютъ, что слѣдуетъ строго и точно отдѣлить внутреннюю исторію отъ внѣшней. Конечно, самое подробное изложеніе фактовъ внутренней жизни — значительная заслуга передъ лицомъ науки; но этимъ еще не все сдѣлано: та и другая сторона жизни должны быть тѣсно слиты, только тогда понятно будетъ ихъ взаимодѣйствіе. Конечно, есть явленія, общія цѣлой эпохи, которыя слѣдуетъ поставить во главѣ изложенія, но такимъ явленіямъ необходимо придать общій характеръ, сдѣлать ихъ, такъ сказать, фономъ, по которому вышивается историческій узоръ; но можно ли дробить одно и то же событіе на двѣ части; упомянуть о самомъ событіи (напр. посольствѣ) во главѣ, посвященной внѣшней исторіи, а объ его обстановкѣ (напр. пріемъ посланника) — во главѣ посвященной быту. Можетъ ли читатель при такой раздробленности съ интересомъ слѣдить за вашимъ изложеніемъ. Конечно, явленія общія: памятники законодательства, литера-

турныя произведенія, обычаи частной жизни, то, что вообще можно назвать фономъ. должны быть излагаемы отдѣльно. Но и въ такомъ изложеніи чрезвычайно важно умѣть группировать, выбирать и соединять между собою факты; а главное представлять читателю сущность предмета: для него любопытны не перечень главъ законодательнаго памятника и не языкъ литературнаго произведенія, а духъ времени, выразившійся въ извѣстныхъ произведеніяхъ. Съ нимъ-то и знакомьте вашихъ читателей; а то главы, посвященныя внутреннему быту у многихъ историковъ, невольно напоминаютъ каталоги библіотекъ и описаніе музеевъ: книга или вещь поставлены подъ №, обозначены извѣстнымъ ярлыкомъ, а что въ книгѣ, къ чему служила вещь, добирайтесь сами. Оканчивая наши бѣглыя замѣчанія о художественномъ изложеніи, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ выборѣ фактовъ: исторія не лѣтопись, историкъ не можетъ передать всѣхъ мелкихъ событій, онъ долженъ останавливаться только на самыхъ характеристическихъ. Юліанъ Шмитъ совершенно правъ, когда онъ говорилъ: «читатель до нѣкоторой степени восполняетъ недостатокъ искусства въ историкѣ пропуская то, что ему надоѣдаетъ; но очевидно, что самъ историкъ, которому предметъ знакомъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ состояніи сдѣлать лучшій выборъ».

Затѣмъ К. Н. дѣлаетъ обзоръ трудовъ Щербатова, Карамзина, Полевого, отчасти Кавелина и главнымъ образомъ останавливается на С. М. Соловьевѣ, своемъ бывшемъ профессорѣ. Само собой разумѣется, тѣ идеальныя требованія, которыя мы привели выше и на которыя болѣе всего повліяло увлеченіе Маколеемъ, англійскимъ историкомъ-художникомъ,—эти требованія оказались далеко неприложимы къ многотомному труду Соловьева.

Данный трактатъ поэтому не былъ благосклонно встрѣченъ авторомъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» и его сторонниками. Мнѣ самому приходилось не разъ слышать изъ устъ сего послѣдняго прописческое замѣчаніе о томъ, что русскій историкъ принужденъ еще бутъ закладывать и кирпичи изготовлять; а у него требуютъ постройки изящнаго мраморнаго зданія. Впрочемъ, это облако скоро прошло, и достойный учитель потомъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ со своимъ достойнымъ ученикомъ.

За первой книгой «Московскаго Обозрѣнія» вскорѣ вышла и вторая, съ содержаніемъ еще болѣе разнообразнымъ и серьезнымъ. О себѣ скажу мимоходомъ, что въ обѣихъ книгахъ былъ помѣщенъ мой обзоръ четырехъ томовъ Чтеній Общества Исторіи и Древностей за 1858 годъ*).

*) См. выше, въ третьемъ отдѣлѣ настоящаго сборника.

Эти Чтенія тогда только что возобновились подъ редакціей Бодянскаго послѣ почти десятилѣтняго прерыва, который послѣдовалъ вслѣдствіе разгрома, постигшаго ихъ за переводъ извѣстной книги Флетчера о Россіи XVI столѣтія.

А за второй книгой «Московскаго Обозрѣнія»,—увы!—послѣдовало его прекращеніе, по причинѣ крайне скуднаго на него спроса. Взявъ за образецъ англійское критическое изданіе, основатели нашего органа вообразили, что въ русскомъ обществѣ обрѣтается сильная потребность въ таковомъ же изданіи и что оно сочувственно откликнется на наше предпріятіе. Однимъ словомъ, русскую публику мы вздумали мѣрить англійскимъ аршиномъ. То было наивное, но благородное заблужденіе!

—

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ К. Н. переѣхалъ въ Петербургъ, и, сколько мнѣ извѣстно, первое время скромно работалъ тамъ въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Но мало-по-малу петербургскія ученыя сферы его оцѣнили. Онъ былъ избранъ на университетскую каѳедру русской исторіи, и сдѣлался однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ и любимыхъ профессоровъ. Во время своего профессорства онъ издалъ двѣ большія свои работы: во-первыхъ, изслѣдованіе (диссертація) о составѣ русскихъ лѣтописей и, во-вторыхъ, два выпуска Русской исторіи, обработанной изъ его университетскаго курса. А его мелкими критическими статьями за это время обилуетъ особенно Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ послѣднюю эпоху своей жизни онъ принималъ еще участіе въ работахъ Императорскаго Историческаго Общества и Академіи Наукъ, какъ ихъ дѣятельный членъ, насколько то позволяло его слабое здоровье. Наконецъ, весьма важная и плодотворная его заслуга заключается въ томъ, что изъ его школы вышелъ цѣлый рядъ молодыхъ ученыхъ, болѣе или менѣе выдающихся работниковъ на благодарномъ полѣ русской исторіографіи. Въ числѣ его учениковъ находятся и августѣйшія особы, такъ какъ онъ немалое время былъ преподавателемъ отечественной исторіи въ Царской семьѣ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ПОЛИТИКИ НИКОЛАЯ I*).

Въ январскомъ № «Русскаго Архива» помѣщены въ высшей степени любопытныя для насъ письма императора Николая Павловича къ намѣстнику Царства Польскаго, Паскевичу (заимствованныя изъ приложеній къ V-му тому біографіи Паскевича, сочиняемой княземъ Щербатовымъ). Эти письма даютъ возможность историку близко ознакомиться съ тѣми мыслями и тѣми интересами, которые по преимуществу занимали и нерѣдко волновали русскаго императора. Подчасъ исполненный негодованія и страстности, тонъ писемъ, посвященныхъ явленіямъ и событіямъ заграничнымъ, показываетъ, до какой степени государь былъ увлеченъ вопросами внѣшней политики. То, что происходило во Франціи, во времена Іюльской монархіи, часто приводитъ его въ негодованіе, и тѣмъ болѣе, что оттуда обыкновенно приходили эмиссары, подстрекавшіе поляковъ. На Англію онъ смотритъ постоянно подозрительно за ея козни въ Константинополѣ и за ея старанія совмѣстно съ Франціей противодѣйствовать Россіи въ Восточномъ вопросѣ. Онъ какъ бы за 20 лѣтъ предвидитъ войну съ соединенными силами этихъ двухъ антипатичныхъ ему конституціонныхъ державъ изъ-за Восточнаго вопроса.

Вотъ что пишетъ онъ отъ 4 января 1834 года:

Послѣднія наши лондонскія вѣсти гораздо ближе къ мировой, и даже кажется боятся, чтобъ я не разсердился за прежнія ихъ дерзости. Отвѣчаемъ всегда имъ тѣмъ же тономъ, т.-е. на грубости презрѣніемъ, а на учтивости учтивостью и, какъ кажется, этимъ и кончится. Флоты воротились въ Мальту и Тулонъ, но вооруженія еще не прекращены; зато и мы будемъ готовы ихъ принять. Но что могутъ они намъ сдѣлать? Много—сжечь Кронштадтъ, но не даромъ. Виндау? Развѣ забыли, съ чѣмъ пришелъ и съ чѣмъ ушелъ Наполеонъ? Разоренiемъ торговли? Но зато и они потеряютъ. Чѣмъ же открыто могутъ намъ вредить? Въ Черномъ морѣ и того смѣшнѣе. Положимъ, что Турки отъ страха, глупости или измѣны ихъ впустятъ, они явятся предъ Одессу, сожгутъ ее; предъ Севастополь, положимъ, что истребятъ его, но куда они дѣнутся, ежели въ 29 дней марша наши войска займутъ Босфоръ и Дарданеллы.

Зато на Австрію и Пруссію Николай Павловичъ смотритъ съ любовью, какъ на опоры абсолютизма, какъ на своихъ союзниковъ въ

*) Ibidem.

борьбѣ съ конституціей и революціей; онъ одушевленъ идеями Священнаго союза и еще вѣритъ въ его долговѣчность.

Ты легко себѣ вообразить можешь, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, до какой степени меня несчастная вѣсть о кончинѣ императора Франца грустью поразила! Первый день я точно опомниться не могъ. Я въ немъ потерялъ точно родного, искренняго друга, къ которому душевно былъ привязанъ. Потеря его есть ударъ общій, жестокій; но покоряться должно волѣ Божіей, и будемъ надѣяться, что Богъ подкрѣпитъ толико новаго императора, дабы дать ему возможность исполнять долгъ, какъ отецъ ему то завѣщалъ. Сердце у него доброе, но силы, къ несчастію, ничтожныя! Онъ перенесъ первыя минуты съ твердостью, и первый шагъ его хорошъ; будемъ надѣяться хорошаго и впередъ. Нѣтъ сомнѣнія, что враги общаго спокойствія торжествовать будутъ и почтутъ сію минуту удобною для новыхъ замысловъ или даже и для дѣйствія; но въ одномъ они ошибутся: найдутъ насъ осторожными и, что важнѣе, союзъ нашъ столь же тѣснымъ, какъ и при покойномъ императорѣ. Подобныя узы передаются отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ; я его наслѣдовалъ отъ Александра Павловича и передамъ сыну; императоръ Фердинандъ получаетъ въ наслѣдство отъ отца, моего друга, и дружба моя ему принадлежитъ отнынѣ свято; въ этомъ залогъ счастія народовъ! Я увѣренъ, что король прусскій то же рѣшаетъ въ сію же минуту. Новыя лица перемѣниться могутъ, но священныя правила никогда: они вѣчны, какъ святыня.

Особую опасность Николай Павловичъ усматриваетъ въ поведеніи бельгійскаго короля Леопольда, и готовъ на самое энергичное военное вмѣшательство въ случаѣ революціи въ Германіи, какъ это показываетъ письмо отъ 7 февраля 1839 года:

Чувствуя, что ему не удержаться, рѣшился испытать послѣдній ему предлагавшій способъ, т.-е. стать головой, вмѣсто Луи-Филиппа, всѣхъ революціонистовъ и этимъ оружіемъ намъ противоборствовать. Не знаю, какъ и въ какой мѣрѣ Англія и Франція захотятъ и возмогутъ принудить Бельгію покориться изреченному конференціей; но ежели сіе сбудется, то, полагаю, не долго, и предвижу всенеизбѣжную войну. Эта война будетъ необыкновенная, но ужасная свалка двухъ началъ: зла противъ добра. Сомнѣваюсь, чтобы, при слабомъ устройствѣ Германіи, успѣхъ былъ на сторонѣ добра, и, признаюсь, опасаюсь большихъ несчастій и распространенія зла быстро и далеко. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда закричатъ намъ, требуя помощи. Въ ней отказу не будетъ; ибо, защищая добрую сторону, мы себя будемъ защищать. Но не иначе пойду на помощь, какъ съ тѣмъ, чтобы другихъ заставить дѣлать по нашему, и потому не 50 т. поведу, но по крайней мѣрѣ 300 т.; иначе не пойду ни на шагъ, а буду ждать, чтобъ о насъ сломились.

Но старый прусскій король Фридрихъ III, тесть императора Николая II. скончался въ 1840 году; а преемникъ его Фридрихъ VI оказался склоннымъ уступить духу времени, и сталъ переходить къ формѣ правленія конституціоннаго. Николай Павловичъ съ глубокою грустью и горечью пишетъ о томъ отъ 5 февраля 1847 года.

И такъ вотъ, чего мы опасались, сбылось. Пруссія изъ нашихъ рядовъ выбыла и ежели еще не перешла въ ряды враговъ, то почти навѣрно полагать можно, что чрезъ малое время и вопреки волѣ короля станетъ явно противъ насъ, т.-е. противъ порядка и законовъ.

Нетерпѣніе короля чваниствовать передъ своими камерами побудило его безо всякой причины ихъ теперь же созвать, какъ бы въ доказательство, что смѣется надъ ними и надъ тѣми, которые не переставали выставлять ему всю безразсудность его затѣй. Что изъ этого выйдетъ одинъ Богъ знаетъ. Но одно уже положительно: насъ было трое, теперь мы много что двое; но зато отвѣчаю положительно, что я тверже и непоколебимѣе пребуду въ правилахъ, которыя наслѣдовалъ отъ покойнаго государя, которыя себѣ усвоилъ и съ которыми съ помощью Божіей надѣюсь и умереть. Въ нихъ однихъ вижу наше спасеніе. Ежели обратиться къ самому этому новому положенію или конституціи, то въ ней столько странностей и даже противорѣчій, что мудрено и понять, между тѣмъ Мейндорфъ уже пишетъ про неудовольствіе дворянства за преимущество, дарованное одной части изъ ихъ сословія безъ уважительной причины; стало, уже есть зародышъ неудовольствія даже въ высшемъ сословіи. Добрые люди находятъ, что все это лишнее, и не постигаютъ пользы всему; а либералы смотрятъ на это какъ на первый будто шагъ въ ихъ смыслѣ, но отнюдь не какъ на конецъ того, что король даровать долженъ! Спрашиваю, кого же удовлетворилъ король? И самъ себя назвалъ въ подчиненные; стало, не онъ одинъ уже правитъ, а зависитъ отъ 600 человѣкъ. Гадко и грустно.

«Старой Пруссіи уже нѣтъ (пишетъ государь въ іюлѣ того же года), она погибла безвозвратно; нынѣшняя ни то, ни се, что-то переходное, а будущее ужасно — вотъ мое убѣжденіе, отъ котораго желалъ бы, но не могу отойти».

1847-мъ годомъ оканчиваются пока данныя письма Николая Павловича. Мы знаемъ, что стремленіе вмѣшаться въ европейскія дѣла, а въ особенности въ дѣла Пруссіи и Австріи, принимаемыя почти такъ же близко къ своему сердцу какъ собственныя,—это стремленіе ко вмѣшательству разрѣшилось черезъ два года посылкою войскъ для спасенія Австріи отъ мятежныхъ мадьяръ.

По сему поводу находимъ любопытную замѣтку въ той же январ-

ской книжкѣ „Русскаго Архива“, въ Дневникѣ В. А. Муханова. Вотъ что записано имъ подъ 1 февраля 1862 года:

Графъ Саксенъ, при первомъ свиданіи, послѣ покоренія Венгріи, съ покойнымъ государемъ Николаемъ I-мъ, хотя и осыпанный милостями послѣдняго, былъ очень разстроенъ расположеніемъ, въ которомъ нашелъ императора, и сказалъ своему начальнику штаба графу Ламберту: «государь произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Знаете, что онъ сильно возгордился». «То, что сдѣлалъ я съ Венгріею, ожидаетъ всю Европу,—сказалъ мнѣ государь.—Я увѣренъ, что эта кампанія его погубитъ. Я старъ, а вы молоды и увидите, что это даромъ не пройдетъ. Богъ наказываетъ гордыхъ». Слова пророческія, которыя сбылись при жизни сказавшаго ихъ.

Тутъ разумѣются, вызванные интригами Англіи и Наполеона III, неосторожные шаги въ Восточномъ вопросѣ, поведшіе къ войнѣ и окончившіеся Севастопольскимъ погромомъ.

Въ означенныхъ письмахъ императора Николая I находимъ также не мало любопытныхъ замѣчаній, относящихся и къ разнымъ сторонамъ внутренней политики и къ разнымъ болѣе или менѣе извѣстнымъ лицамъ. Особенно обращаемъ вниманіе на письмо изъ Петербурга отъ 4 февраля 1837 года:

Здѣсь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимаетъ публику и служитъ пищей разнымъ глупымъ толкамъ. Онъ умеръ отъ раны за дерзкую и глупую картель, имъ же писанную, но, слава Богу, умеръ христіаниномъ. Много хлопотъ намъ надѣлала преглупѣйшая статья въ варшавской польской газетѣ, что прошу унять (впередъ; подозрѣваю, не Козловскій ли это затѣялъ?) *).

*) Къ письму этому издатель „Русскаго Архива“ дѣлаетъ слѣдующій комментарій:

Во „Всеобщей Газетѣ“ (Gazeta Powszechna) появилась льстивая статья съ превысренними похвалами самодержавію, какими полны современныя намъ нѣкоторыя русскія газеты. Государь Николай Павловичъ тотчасъ почувствовалъ, что подобными изъявленіями только роняется здравое понятіе о верховной власти. „Князь П. Б. Козловскій жилъ у князя Паскевича. Это былъ необыкновенно умный толстякъ, нѣкогда министръ нашъ въ Сардиніи и тайный католикъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе III

Изъ русской исторіи и древностей ранняго періода.

Откуда пошла Русская земля и какъ она впервые собралась. . 3
Нѣсколько соображеній о памятникахъ Тмутраканской Руси и Тмутраканскомъ болванѣ 21
О мѣстоположеніи Саркела 28
Даніилъ Романовичъ Галицкій и начало Холма 32
О построеніи города Холма 40
Великій Новгородъ и Бѣлоруссія 42
О вѣчевой степени 48
О характерѣ Новгородской аристократіи 53
О каменныхъ бабахъ 55
Нѣсколько словъ по поводу вопроса о древнѣйшей русской поэзіи 57
Прилбица. Золотыя ворота Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ 62

Изъ исторіи и культуры Московскаго періода.

Нѣкоторыя сужденія о тиранствѣ Ивана Грознаго 68
По поводу розыска о смерти царевича Димитрія 74
Моимъ возражателямъ 77
Еще по поводу кормленій 85
Отвѣтная замѣтка по поводу Смутнаго времени и брака съ Софьею Палеологъ 99
Богатырь-казакъ Илья-Муромецъ, какъ историческое лицо . . 102
Русское государство въ половинѣ XVII столѣтія 127
Коронный мечникъ Яблоновскій 139
Вопросъ о ханской басмѣ 150

Изъ исторіи восемнадцатаго столѣтія.

Библіографическій обзоръ (Чтеній Об. Ист. и Древн. за 1858 г.). 161
О народныхъ движеніяхъ въ Подоліи и на Волыни 200

Стр.

Третье мая 1791 года 204
Австрія и второй раздѣлъ 228
О критикѣ Германа. 235
Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. 240
Польскіе сеймики и нѣкоторыя черты правовъ во второй половинѣ XVIII вѣка 244
Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія . 255
Изъ дипломатической корреспонденціи XVIII вѣка 258
Изъ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія 263

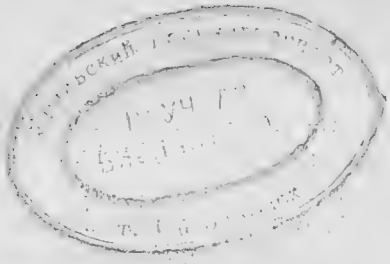
Изъ девятнадцатаго столѣтія.

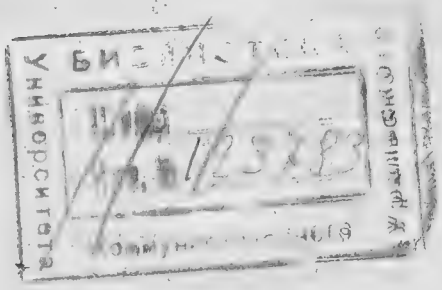
Послѣ раздѣла 273
Изъ польскаго быта (Пескова скала.—Шляхтичъ Фальковскій). 279
Черты изъ прошлаго (Статистическія свѣдѣнія. — Лугъ Воронецъ). 290
Изъ временъ реставраціи въ Италіи (Обзоръ итальянскихъ государствъ. — Неаполитанскій переворотъ. — Пьемонтскій переворотъ) 298

Историческая поминка о М. Н. Катковѣ 332

Историческая и археологическая смѣсь.

Два слова о моемъ рецензентѣ въ журналѣ Зибеля 362
Вопросъ о народности древнихъ Даковъ 363
Историко-археологическія сообщенія и замѣтки (Паломникъ Антоній.—Городъ Галичъ на Днѣстрѣ.—Дружинная поэзія.—О Мавританскихъ памятникахъ соч. Контрераса.—900-лѣтіе крещенія Руси.—Исторія Византійской литературы Крумбахера) 367
Славянская надпись на загадочномъ сосудѣ Британскаго музея. 374
Начало моего знакомства съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и „Московское Обозрѣніе“ 377
Нѣкоторыя черты политики Николая I 382





Ц 11.50
пер 74-45к.
15=95